

M $\frac{34}{36}$

1908

✓
M $\frac{34}{36}$

НЕ КОПИРОВАТЬ

НЕ КОПИРОВАТЬ

М ³⁶
ДНЕВНИКЪ
ЗАБАЙКАЛЬСКАГО КАЗАЧЬЯГО
ОФИЦЕРА.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

1904—1905 гг.

ФОТОГРАФИИ И РИСУНКИ АВТОРА.

А. Хвумка.

М 34
36
ДНЕВНИКЪ

ЗАБАЙКАЛЬСКАГО КАЗАЧЬЯГО

ОФИЦЕРА.

Русско-Японская Война

1904—1905 гг.

ФОТОГРАФИИ И РИСУНКИ АВТОРА.

А. КВИТКА.

Издатель В. Березовский

КОМИССИОНЕРЪ ВОЕННО - УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.

1908.

2257.

2007089852

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
Часть I. Отъ Рима до Ляояна. — Въ восточномъ отрядѣ. — У генерала Ренненкампа	I
„ II. Походъ на Цзян-Чанъ. — Отступленіе. — Набѣгъ въ тылъ японцевъ. — 9 сентября 1904 г. — Въ Мукденѣ	195
„ III. Наступленіе. — Бой подъ Бэнсиху. — Бой на Чинхеченскихъ позиціяхъ	271
„ IV. У генералъ-адъютанта Мищенко	339

ОГЛАВЛЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

ЧАСТЬ I.

	Стр.		
1. Уралъ	4	36. Палатки гр. Келлера и моя . . .	39
2. Златоустъ	4	37. Гр. Келлеръ	40
3. "	5	38. Батарея на Ляндансянской по-	41
4. На Уралѣ	6	зиціи	
5. Прогулка на станціи	7	39. Правофланговая передовая по-	42
6. Затерянный монастырь	8	зиція	
7. На станціи "Зима"	10	40. Прибытіе на парадъ нач. Восточн.	43
8. Ледоколъ "Ангара" на ст. Байкаль	11	отряда	
9. На бакѣ ледокола	12	41. Молебствіе 6-го мая 1904 г. . . .	44
10. Гр. Келлеръ и ген. Забѣлинъ . .	13	42. 11-й Восточно-Сибирскій стрѣлк.	45
11. Нагоняемъ ледоколъ "Байкаль".	13	полкъ на парадѣ	
12. Тройки на озерѣ Байкаль . . .	14	43. 12-й Восточно-Сибирскій стрѣлк.	45
13. Паркъ на берегу р. Хилокъ . .	15	полкъ на парадѣ	
14. Станица на р. Селенга	16	44. Смотръ Уссурийскому казачьему	46
15. " " " "	16	полку	
16. Верхнеудинскъ	17	45. Гр. Келлеръ верхомъ	47
17. "	17	46. Гр. Келлеръ осматриваетъ по-	48
18. Окраина Читы	18	зиціи	
19. Буряты привели продавать ло-	19	47. Иностранные военные агенты и	49
шадей		свита гр. Келлера	
20. Буряты на станціи Оловянной .	21	48. "Эндлундъ"	52
21. Станціонныя постройки въ ки-	22	49. Фанзяпуцзы	54
тайскомъ стилѣ		50. Долина Цао-хэ—нашъ транспортъ	57
22. Станціонныя постройки въ ки-	22	51. Забайкальская казачья бригада	69
тайскомъ стилѣ		въ походѣ	
23. Китайскіе хутора	23	52. Кумирня у Саймацзы	76
24. " "	24	53. Видъ на Саймацзы изъ кумирни.	77
25. Кумирня	24	54. Карликъ бонза въ Кумирнѣ у	78
26. Манзы торговцы	25	Саймацзы	
27. " "	25	55. 2-й Нерчинскій казачій полкъ . .	80
28. На платформѣ Ляояна	26	56. Ген. Ренненкампфъ читаетъ спи-	81
29. "Рикши"	27	сокъ новыхъ георг. кавал. . . .	
30. "Бабушки" или "Мадамы" . . .	31	57. Раздача знаковъ отличія воен-	82
31. Санитарный транспортъ	35	наго ордена	
32. Гр. Келлеръ и его ординарецъ	35	57 b. Раздача знаковъ отличія воен-	83
Нарышкинъ		наго ордена	
33. Иностранные военныя агенты . .	36	58. Похороны убитыхъ казаковъ . .	84
34. Камперіо и "бой"	36	58 а. Дѣло 25 мая 1904 г. въ отрядѣ	91
35. Пепино проявляетъ способности	37	генерала Грекова	
къ верховой ѣздѣ		59. Дѣло 25-го мая 1904 г. у д. Сай-	93
		мацзы отряда ген.-маіора Грекова.	
		60. Типъ манза чернорабочаго . . .	103

61. У подножія Син-Коу-Лина	104
62. Ген. Ренненкампфъ фотографируетъ	105
63. Офицеры моего отряда	108
64. Мой отрядъ на походѣ	110
65. Переправа черезъ Тай-Цзы-Хэ	111
66. Группа офицеровъ Сяосырскаго отряда	112
67. Мои лошади	114
68. Пикникъ у дер. Самяпу	115
69. Сотенный командиръ	117
69 а. Начало боя въ долині Цаохэ 14 іюня 1904 г. Подъ первымъ залпомъ непріятеля	129
70. Дѣло 17 іюня 1904 г. на Цао-Хэ (подъ Фыншуйлиномъ) отряда ген.-маіора Любавина	130
71. Казаки занимають стрѣлковую позицію	131
72. Бой 14-го іюня у Цао-Хэ	134
73. Переправа въ бродъ у дер. Мицзы	142
74. Переправа батареи на шаландахъ	144
75. Переправа на шаландахъ амуницій и винтовокъ	145
76. Переправа вплавъ коней	147
77. Дѣло 22-го іюля подъ Сыгоулиномъ отряда ген.-маіора Ренненкампфа	150
78. Охотники идутъ подбирать убитыхъ японцевъ	151
79. Ждутъ донесеній съ передовыхъ позицій	165
80. „Впереди залпуютъ“	166
81. Тревожное пробужденіе	168
82. Дѣло 2-го Нерчинскаго казачьяго полка, 6-го іюля 1904 г. подъ Сяосыремъ отряда ген.-маіора Любавина	169
83. Штабъ-трубачъ Дементьевъ съ моей лошадию „Али“	170
84. Японцы наступаютъ	171
85. „Пальба залпами, прицѣлъ на 100 шаговъ“	172
86. Переправа послѣ боя	176
87. На вершинѣ перевала	179
88. Прощальный обѣдъ Дроздовскому	180
89. Дагестанцы у моей фанзы	182
90. Водопой дагестанцевъ	183
91. Мукденъ	187
92. „	187
93. „	188
93 а. Генераль Ренненкампфъ стрѣляетъ изъ револьвера Маузеръ по японцамъ во время дѣла 22 іюля 1904 г.	198

ЧАСТЬ II.

94. Походъ на Цзян-Чань	201
95. Дѣло подъ Цзян-Чаномъ 24-го іюля 1904 г.	203
96. Переправа подъ огнемъ	204
97. Стрѣльба конно-горной батареи	205
98. Коноводы	206
99. Генераль Любавинъ	207
100. Батарея беретъ „въ передки“	208
101. Расположеніе 1-го дивизіона 2-го Нерчинскаго каз. полка	210
102. Казаки полдничаютъ	213
103. Ковка	216
104. Завтракъ послѣ парада по случаю рожденія Цесаревича	223
105. Выступленіе 2-й сотни изъ Бейклинтуцзы	225
106. Бивакъ у Фындяпу	233
107. Рекогносцировка 23-го августа 1904 г.	237
108. Отѣздъ моихъ гостей Дагестанцевъ	243
109. Выступленіе моего отряда изъ Ин-шоу-пуцзы	247
110. Подъемъ батареи на перевалъ	254
111. Спускъ батареи съ перевала	255
112. Каутулинскій перевалъ; похороны убитыхъ въ дѣлѣ 9 сент.	257
113. Молебствіе по случаю храмоваго праздника Кресто-воздвиженской общины	266
114. Дамы на осадной батарее, освѣщенной прожекторомъ	267
115. Завтракъ у ген. Кондратовича у Фулина	268

ЧАСТЬ III.

116. Переправа черезъ Тай-цзы-хэ у Уй-ян-ньина подъ огнемъ непріятеля 25 сентября 1904 г.	279
117. Движеніе коннаго отряда во время боя 25 сентября	280
118. Переноска раненыхъ	281
119. Группа начальниковъ, снятая послѣ боя	282
120. Стрѣльба охотничьей команды	283
121. Стрѣльба нашей батареи въ тылъ японцамъ	285
122. Панорама нашихъ и японскихъ позицій во время боевъ подъ Бэнсиху съ 26 по 29 сент. 1904 г.	289
123. Бой подъ Бэнсиху съ 26 по 29 сентября	290

123 а. Наши послѣдніе залпы—29 сентября 1904 г. въ тылу Бенсиху .	395
124. На разсвѣтѣ японцы провожаютъ насъ выстрѣлами	296
125. Панорама нашихъ и японскихъ позицій на Тай-цзы-хэ.	316
126. Японскія и наши позиціи на Тай-цзы-хе.	317
127. Фудзіалузы въ снѣгу.	319
128. Передовая застава у Тай-цзы-хэ.	320
129. Казачій постъ у кумирни на Тай-цзы-хэ.	321
130. Отрядъ ген. Экка на Ченхалинскомъ перевалѣ	322
131. Генераль Эккъ на Ченхалинскомъ перевалѣ	323
132. Стрѣльба конно-горной батарее по наступающему непріятелю	324
133. „Удирайло“	325
134. „Отцы семействъ“ идутъ занимать передовую позицію.	327
135. Бой подъ Чин-хэ-ченомъ съ 11 по 15 ноября 1904 г. Отрядъ ген. лейт. Ренненкампа	330
136. Подвижной резервъ	331
137. Чин-хэ-ченъ 14 ноября 1904 г. „Пари“ грѣются у костра	333
138. Развѣздъ идетъ на рекогносцировку	334
139. Непріятель отбитъ, теперь можно отдохнуть.	335
139. Отецъ Командиръ	336

ЧАСТЬ IV.

140 bis. Водопой на Хуньхэ.	355
141. Совѣщаніе начальн. отдѣльных частей передъ походомъ на Инкоу 25 декабря 1904 г.	356
142. Обѣдъ въ собраніи 1-го Верхнеудинскаго казачьяго полка на Рождество 1904 г.	357
142 bis. Обѣдъ въ собраніи 1-го Верхнеудинскаго казачьяго полка на Рождество 1904 г.	358
143. Командиръ 1-го Верхнеудинскаго казач. полка, адъютантъ полка и др. офицеры.	360
144. Ночная атака ханшиннаго завода „Сан-да-канъ“	364
145. Некрасовъ идетъ навстрѣчу смерти.	370
146. Уборка раненыхъ и убитыхъ.	371
147. Смерть лейтенанта Бюртэна.	372
148. Приваль у кумирни	373
149. Пдѣнные японцы.	376
150. „	378
151. Приваль у Нью-Чжуана	379
152. Въ ожиданіи чая.	380
153. Послѣдній приваль передъ атакою Инкоу.	382
154. Начало бомбардировки Инкоу	384
155. Терцо-Кубанцы хоронятъ своихъ убитыхъ подъ Инкоу.	385
156. Транспорты раненыхъ послѣ дѣла во время рейда къ Инкоу.	387
157. Начальникъ штаба Мандрыка передаетъ приказанія	388
158. Церковный парадъ по случаю благополучнаго возвращенія послѣ рейда къ Инкоу.	395
159. Забайкальская батарея у Хейгоу-тая	401
160. Генераль-адъютантъ Мищенко.	407
161. Мои вѣстовые Андрей и Петръ.	423
162. Вѣсти изъ Россіи	427
163. Прощаніе съ бѣлымъ поѣздомъ.	428

Опечатки въ книгѣ: „Дневникъ Заб. Каз. Офицера“.

Страница.	Строка.	Отпечатано.	Слѣдуетъ.
9	9 св.	Красавицы	Красавцы
20	7 св.	проѣздъ	поѣздъ
34	2 св.	и благодаря	и то благодаря
51	18 сн.	перерѣзали	зарѣзали
56	10 св.	ариллеристы	артиллеристы
60	9 св.	зъ	изъ
71	17 св.	кучеръ	нукеръ
74	17 св.	...варить у костровъ чай	...варить у костровъ.
78	7 сн.	Японцы	Японцевъ
78	6 сн.	...ихъ недавняго	...недавняго
88	7 сн.	...сладкаго при появленіи	...сладкаго:—при появленіи
113	3 св.	читаль ему	читаль
121	15 св.	...невольнo; услыхавъ, при столь...	...невольнo при столь...
125	10 сн.	vin	гип
127	16 св.	отрядъ уже вѣроятно	отрядъ вѣроятно
150	10 св.	наскочили	заскачили
156	20 св.	безъ уютныхъ	изъ уютныхъ
167	6 св.	пріятныя мысли	радостныя мысли
187	16 св.	Дотласъ	Догласъ
213	подъ иллюстраціей:	Казакѣ полдничаютъ.	Казакѣ полуднують ¹⁾
237	подъ кроки:	...мѣстность, намѣченная на планѣ.	...мѣстность, не намѣчен- ная на планѣ.
276	14 сн.	успѣли съѣсть	успѣли его съѣсть
276	2 сн.	сердечную	сердечность
277	21 сн.	Хрусталева	Хрулева

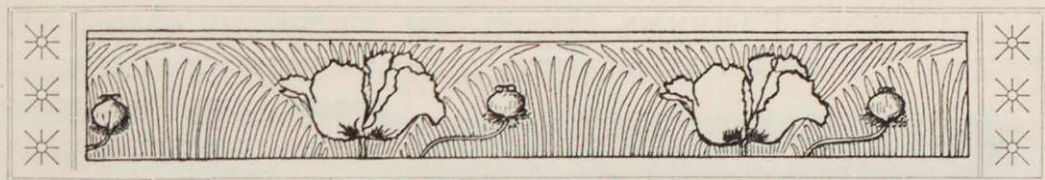
св.—сверху—сн.—снизу.

¹⁾ Выраженіе казачье. Авт.

ЧАСТЬ I.

отъ Рима до Ляояна.—Въ Восточномъ отрядѣ.

У Генерала Ренненкампфа.

Въ отрядъ Техерала Рехнехкампа.

Въ Воскресеніе, 11 апрѣля, я выѣхалъ экспрессомъ изъ Петербурга. Этимъ поѣздомъ ѣхалъ тоже на дальній востокъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Трубецкой, котораго провожали наши общіе товарищи, офицеры конной гвардіи.

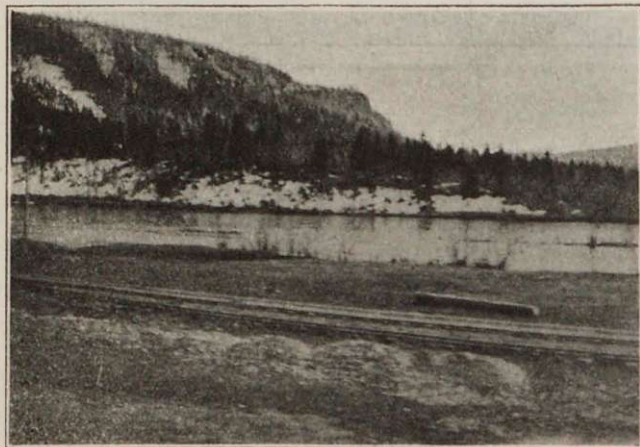
12 апрѣля. Москва. Моимъ спутникомъ въ дѣйствующую армію былъ другъ дѣтства и старый товарищъ по Пажескому корпусу, генераль-лейтенантъ графъ Келлеръ, вызванный въ Ляоянь телеграммою ген. Куропаткина.

Келлеръ выѣхалъ раньше меня изъ Петербурга; было условлено вмѣстѣ завтракать у Тѣстова и обѣдать въ Эрмитажѣ.

Чтобы распредѣлить какую часть багажа я могъ помѣстить въ своемъ купэ и что долженъ былъ сдать въ багажный вагонъ, я пріѣхалъ на вокзалъ за два часа до отхода поѣзда и времени оказалось у меня не слишкомъ много. Отъ Москвы до Иркутска перевозка багажа стоила пять рублей за пудъ и, несмотря на то, что въ купэ помѣстилось довольно много вещей, пришлось доплатить свыше ста рублей. Если бы я могъ предвидѣть, что большая часть этихъ вещей пропадетъ и я никогда ихъ не увижу, то, конечно, не затратилъ бы на нихъ столько денегъ на покупку и за провозъ.

Грустно было видѣть проводы и разставаніе матерей, женъ и близкихъ съ отъѣзжавшими на войну. Я вновь переживалъ весь ужасъ вчерашняго прощанія.

14 апрѣля. Раннимъ утромъ мы проѣзжали мимо Бугуруслана. У подножія зеленѣвшихъ холмовъ отражался въ гладкой

г. Уралъ.

поверхности большого озера или разлива рѣки красивый городокъ съ ярко окрашенными строеніями и куполами церквей, горѣвшихъ золотомъ.

15 апрѣля. Уралъ. Мы выѣхали въ горы, покрытыя хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ. Поѣздъ поднимался все выше и выше, вдоль быстро текущей рѣчки.

Ровно вырубленные площади и прямые просѣки указывали, что здѣсь было ведено правильное лѣсное хозяйство.

Характеръ горъ волнистый, съ мягкими очертаніями. Не было видно слѣдовъ вулканическаго происхожденія. Не было признаковъ суровой борьбы зарождающагося міростроенія. Все было покрыто тучнымъ слоемъ плодородной земли, дающей ростъ богатой флорѣ; кое-гдѣ только протиснулись обнаженные скалы, красныя, желтыя, зеленыя съ темно-бурыми жилами. Вотъ гдѣ кроются богатства Урала.

2. Златоустъ.

Поѣздъ останавливался у Златоустовскихъ заводовъ. На станціи продавались разныя издѣлія изъ стали и чугуна, преимущественно клинки, раскупаемые офицерами, ѣдущими на войну.

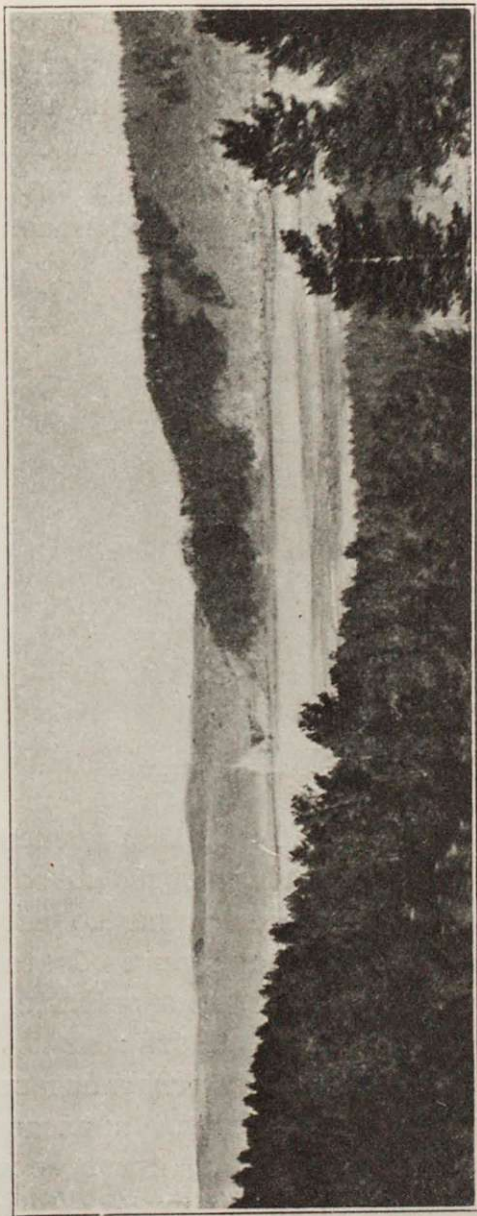
Поднимаемся еще выше и огибаемъ Златоустъ; поверхъ лѣса видно озеро съ красивымъ городкомъ на берегу.

Мы сидимъ за завтракомъ въ вагонѣ-ресторанѣ и не можемъ

оторваться отъ оконъ, гдѣ мелькаютъ передъ нами живописные виды Урала.

Мои спутники большею частью гвардейскіе офицеры: кромѣ графа Келлера, товарищи по конной гвардіи — флигель-адъютантъ князь Трубецкой и подъесаулъ Золотницкій; кавалергарды кн. Долгорукій, Оливъ и кн. Урусовъ; два командира полковъ, расположенныхъ въ Портъ-Артуръ, полковники Бемъ и Пospѣловъ. Бемъ участвовалъ въ китайской кампаніи; его знакомство съ краемъ, жителями, способами веденія войны, насъ живо интересовало. Бѣжалъ съ нами чиновникъ Министерства Земледѣлія для руководства по устройству огородовъ. Впослѣдствіи, когда мы увидѣли — въ какомъ совершенствѣ воздѣлывались китайцами хлѣба и овощи, мы недоумѣвали, зачѣмъ былъ командированъ ученый садоводъ въ этотъ край, гдѣ каждый крестьянинъ могъ бы быть профессоромъ по этой части. Племянникъ барона Штакельберга, командира I сибирскаго корпуса, назначенный къ нему ординарцемъ, говорилъ, что здоровье его дяди, въ послѣднее время, было совсѣмъ плохое. Онъ лежалъ больной, когда получилъ отъ генерала Куропаткина предложеніе принять сибирскій корпусъ. Желаніе вернуться снова къ боевой жизни дало ему силы стать на ноги и побороть недугъ.

Послѣ завтрака каждый уходилъ къ себѣ читать, писать, а можетъ быть поспать. Всѣ высыпали на воздухъ на значитель-

3. Златоустъ.

ныхъ остановкахъ. Келлеръ ходилъ умѣреннымъ шагомъ, молодежь куда-то спѣшила, искала развлеченій, но въ нихъ избытка не было. У многихъ были фотографическіе аппараты; къ сожалѣнію, самые интересные виды встрѣчались только на ходу, мы пробовали ихъ снимать, но не знали, удадутся ли снимки при быстромъ ходѣ поѣзда. На станціяхъ же все, что хотѣлось бы снять, заслонено складами дровъ, водокачками, поѣздами на запасныхъ путяхъ, заборами и проч.

4. На Уралѣ.

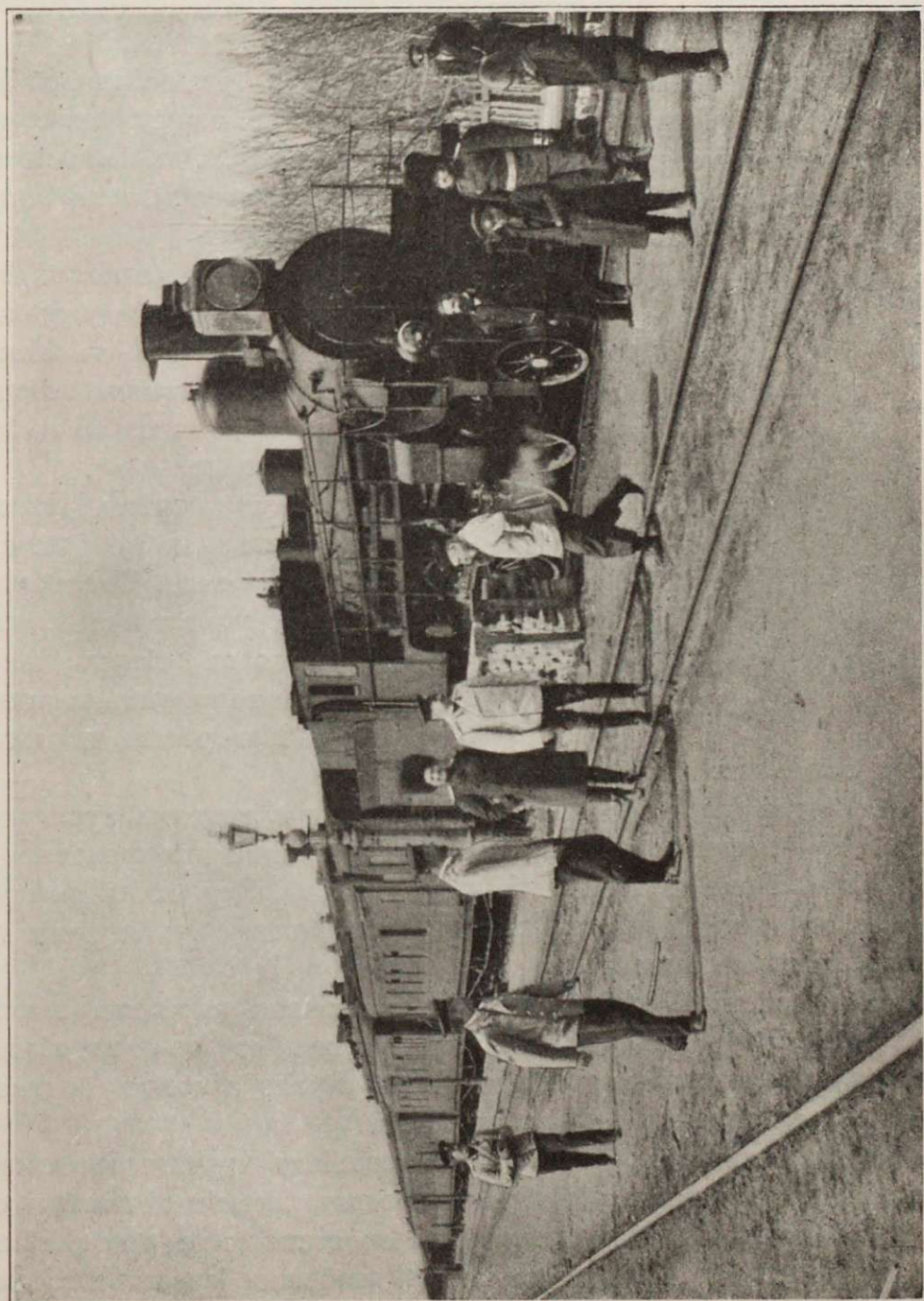
Къ обѣду мы чистились, прихорашивались; не доставало только дамъ, чтобы наша столовая имѣла видъ наряднаго петербургскаго ресторана.

На остановкахъ Трубецкой выходилъ первый изъ вагона и возвращался только къ третьему звонку; быстрыми шагами онъ удалялся по полотну желѣзной дороги, чтобы размять ноги. На одной станціи

поѣздъ тронулся раньше времени, никто не замѣтилъ, вернулся ли Трубецкой или нѣтъ, но вотъ поѣздъ остановился и подобралъ его, ушедшаго далеко впередъ. Хорошо еще, что онъ не избралъ цѣлью прогулки обратное направленіе.

Въ Челябинскѣ мы пріѣхали днемъ. Остановка была продолжительная и мы всѣ отправились на извозчикахъ въ городъ. По дорогѣ встрѣчались велосипедисты, мѣстные обыватели щеголяли рѣзвыми башкирскими иноходцами. Проѣхали мимо народнаго дома въ греческомъ стилѣ, осматривали соборъ, въ которомъ хранилась святыня, чуждая православному храму — деревянная раскрашенная статуя св. Николая, вѣроятно, работы проживавшаго здѣсь католика, назначавшаяся для костела и попавшая по недоразумѣнію въ православный соборъ. Широкія, немощенныя улицы съ одноэтажными деревянными домами, крытыми желѣзомъ. Много лавокъ и складовъ сельскохозяйственныхъ орудій. Болѣе всего привлекали наше вниманіе башкирскія лошади съ желѣзными ногами и горбатыми спинами.

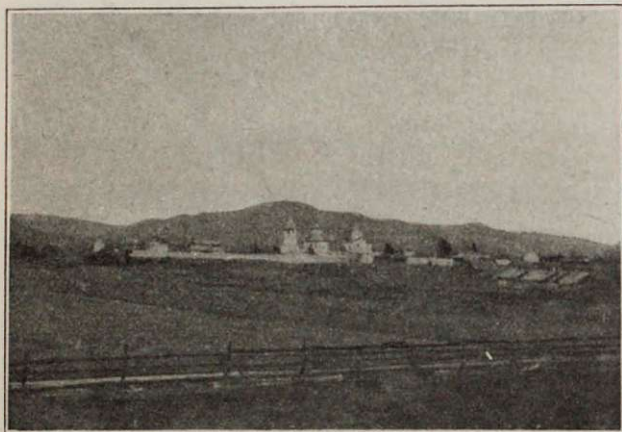
16 апрѣля. Въ необъятныхъ степяхъ стада крупнаго сытаго

5. Прогулка на станції.

рогатаго скота и коренастыхъ лошадей пощипывали высохшую прошлогоднюю траву. Вѣроятно, неподалеку имѣлось жильё съ заготовленнымъ запасомъ корма, иначе нельзя себѣ объяснить, какъ у животныхъ могло сохраняться такое тѣло послѣ долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ.

Вечеромъ приѣхали въ Омскъ — холодно, непривѣтливо. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ начальникъ штаба округа генералъ Гершельманъ, товарищъ по Пажескому корпусу. Онъ былъ очень занятъ мобилизаціей. Ему было обѣщано назначеніе въ дѣйствующую армію, когда онъ окончитъ свою работу.

6. Затерянный монастырь

Совершенно искренно пожелали мы ему скорѣе прибыть въ Манчжурію — такихъ генераловъ желательно имѣть побольше.

17 апрѣля. Цѣлый день ѣхали по равнинѣ безъ конца. Однообразна, скучна, непривѣтлива степь на сѣверѣ; какъ непохожа она на степь въ Малороссіи, гдѣ нѣтъ

этого безмолвія, отсутствія жизни.

Стелется дымъ отъ горѣвшей травы и мелкихъ кустарниковъ; это — „палы“, подожженные переселенцами для очищенія и удобренія почвы подъ пастбища и покосы. Эти палы распространяются иногда на громадныя пространства, уничтожая на своемъ пути вѣковые лѣса.

Когда насталъ вечеръ, равнина освѣтилась заревомъ сплошного огня. Это было удивительно красиво, но что-то зловѣщее было въ этомъ стихійномъ пожарищѣ — жутко дѣлалось, а глазъ отъ чуднаго зрѣлища нельзя оторвать.

18 апрѣля. Тайга. Какимъ очарованіемъ звучитъ это слово для охотника. Въ этихъ дебряхъ бродятъ маралы и изюбры со своими цѣнными весною пантами, не окостенѣвшими еще рогами, изъ которыхъ китайцы выдѣлываютъ любовное средство. Здѣсь медвѣди, рыси, куницы, чернобурая лиса и безчисленное множество мелкой пушнины.

Кедры, лиственница, ель, сосна растутъ между буками,

берестами, ольхой, березой и другими лиственными породами. Деревья обросли мохомъ, вѣтви перепутались; пораженные молніей или застигнутые предѣломъ возраста лежатъ они съ вывоченными корнями, какъ громадные трупы, въ которыхъ заражается новая жизнь. Вдоль линіи желѣзной дороги крупныя деревья срублены, остальные обгорѣли отъ сыпавшихся искръ изъ паровозовъ.

19 апрѣля. Лѣсъ немного рѣдѣлъ, на полянахъ вѣсковыя красавицы свободно расправили свои вѣтви. Снѣгу больше. На проталинахъ плавали стаи дикихъ утокъ; лебеди и дикіе гуси болѣе пугливы—они поднимались и улетали при проходѣ поѣзда.

20 апрѣля. Мы шли съ опозданіемъ. По расписанію идутъ только до Челябинска, а оттуда уже движеніе поѣздовъ подчиняется военному начальству.

Экспрессъ долженъ былъ остановиться въ Иркутскѣ, выпустить тамъ пассажировъ, но завѣдующій поѣздомъ обѣщалъ доставить насъ безъ пересадки до Байкала.

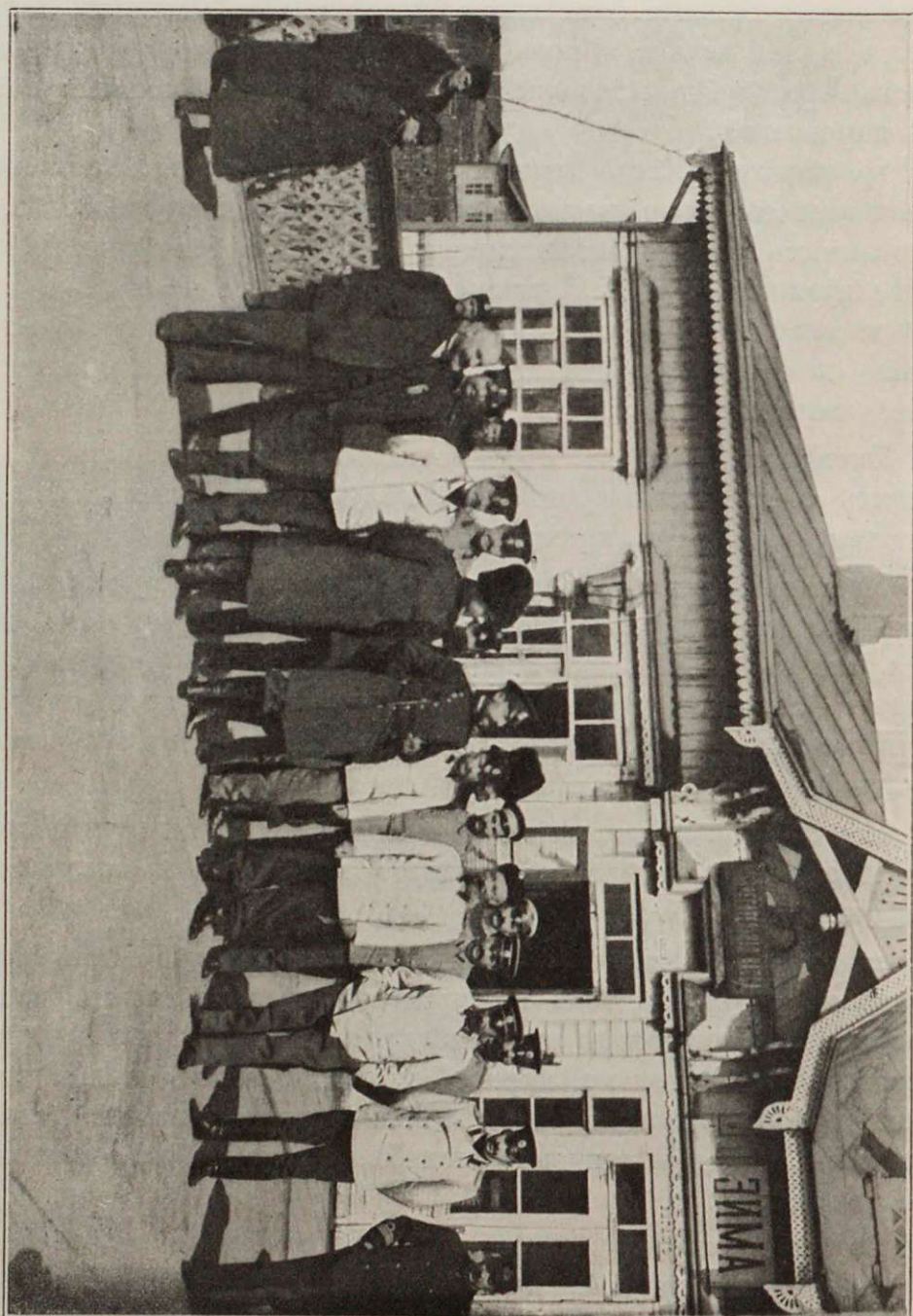
Послѣдній вечеръ проводили мы въ прекрасномъ международномъ поѣздѣ, жаль было съ нимъ разставаться. Намъ говорили, что въ Забайкальѣ и Манчжуріи придется, можетъ быть, ѣхать въ вагонахъ 3 класса. Послѣ роскошныхъ купѣ съ уборными, не могло быть привлекательнымъ сидѣть и въ особенности лежать на голыхъ доскахъ.

Мы собрали между собою и передали завѣдующему поѣздомъ семьдесятъ пять рублей и повару, отлично кормившему насъ, двадцать пять рублей.

21 апрѣля. Въ два часа ночи пришли въ Иркутскъ; осмотрѣть городъ не пришлось, такъ какъ мы уходили въ девять часовъ утра, видно было только за рѣкой красивый городъ съ крупными постройками, нѣсколько церквей и между ними большой пятиглавый соборъ; на набережной имѣлись двухъ-этажные дома съ колоннами, типа помѣщичьихъ усадебъ, съ претензіями на итальянскій ренессансъ.

Поѣздъ помчался вверхъ по теченію быстрой, прозрачной Ангары. Черезъ три часа мы подошли къ озеру Байкалу.

У пристани уже разводилъ пары ледоколъ „Ангара“. Наканунѣ вышелъ первымъ рейсомъ ледоколъ „Байкалъ“, пробивающій ледъ по направленію къ Мысовой — онъ только завтра къ вечеру окончитъ свою работу; сегодня „Ангара“ остановится верстахъ въ

7. На станції „Зима“.

8. Ледоколъ „Ангара“ на станціи Байкаль.

9. На бакъ деюкогюа.

двѣнадцати отъ берега, поэтому насъ сопровождали сани, чтобы доставить съ парохода на Мысовую.

Мы отвалили въ два часа дня и пошли по каналу, прорѣзанному Байкаломъ. Хотя ледъ уже былъ разломанъ и частью выброшенъ по сторонамъ, какъ поднятая исполинскимъ плугомъ борозда, наше движеніе впередъ не было совсѣмъ свободнымъ: приходилось пробиваться, расталкивая громадныя глыбы льда прозрачнаго зеленого цвѣта, какъ волны въ картинахъ Айвазовскаго.

10. Гр. Келлеръ и ген. Забѣлинъ.

Тройки, сопровождавшія насъ, обгоняли другъ друга, ямщики ругались, махали неистово кнутами и гнали во весь духъ лошадей. На ослѣпительно бѣломъ фонѣ снѣга всѣ эти фигуры вырѣзывались черными силуэтами, какъ фантастическія китайскія тѣни.

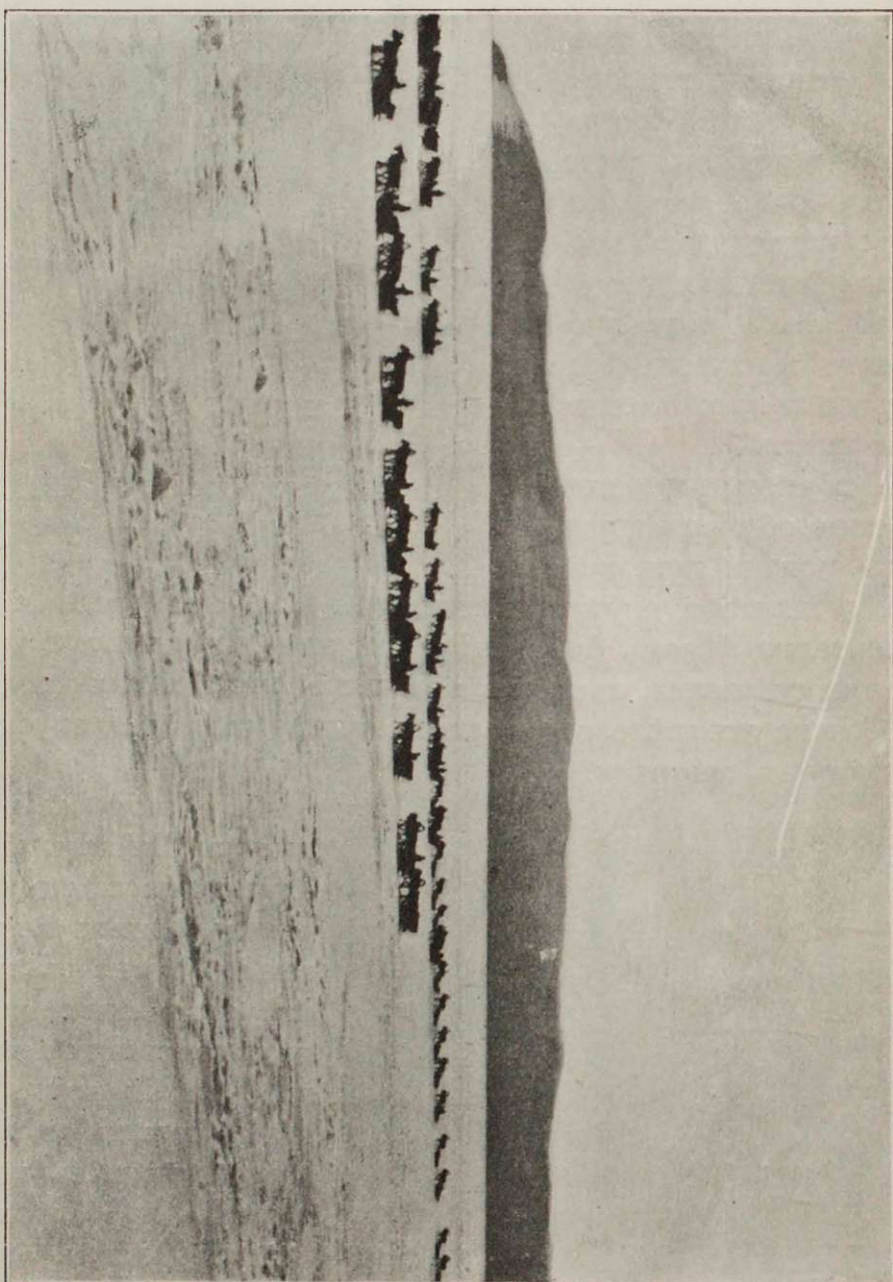
Солнце уже грѣло, погода стояла чудная, жаль было спускаться въ каюту къ завтраку.

11. Нагоняемъ ледоколъ „Байкаль“.

Къ пяти часамъ мы нагнали „Байкаль“. Чтобы спустить пассажировъ, пароходъ долженъ былъ вѣрзаться плотно въ сплошную ледъ—это ему удалось не сразу. Онъ давалъ задній ходъ, отходилъ сажень на сто, потомъ полнымъ ходомъ налеталъ на нетронутую ледяную массу, поднимался на нее, съ трескомъ опускался, разламывая и

поднимая вдоль бортовъ цѣлые пласты и груды обломковъ. Нѣсколько разъ приходилось продѣлывать этотъ маневръ, пока „Ангара“ не стала, стиснутая льдомъ со всѣхъ сторонъ.

12. Тройки на озерь Байкаль.

Тройки подъѣхали. Всѣ стали толпиться у трапа, графу Келлеру предложено высадиться первому, я за нимъ послѣдовалъ. Мы сѣли въ сани, покрытыя ковромъ, и помчались по гладкой поверхности Байкала.

Впереди насъ ѣхалъ желѣзнодорожный подрядчикъ; когда мы стали его объѣзжать, онъ грозно крикнулъ на нашего ямщика: „Не смѣй меня обгонять“.—Еще грознѣе прикрикнулъ на желѣзнодорожника Келлеръ и мы проѣхали мимо — онъ былъ укрощенъ, но глядѣлъ темнѣе тучи. Не въ первый разъ приходилось Келлеру осаживать такихъ нахаловъ: сегодня же одного служащаго, отвѣтившаго дерзко офицеру въ его присутствіи, онъ приказалъ высадить на берегъ съ парохода, еще стоявшаго у пристани.

Приближаясь къ станціи, мы должны были пробираться между трещинами, изъ которыхъ выступала вода; такія трещины, въ нѣсколько сотъ сажень длиною, образуются среди озера неожиданно, что дѣлаетъ очень опаснымъ передвиженіе черезъ Байкалъ ночью или въ мятель.

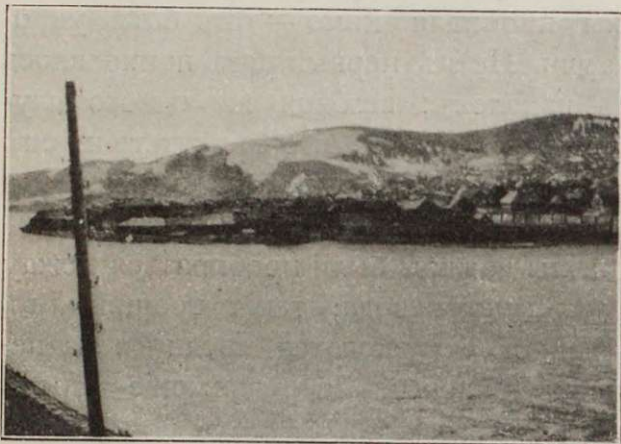
13. Паркъ на берегу р. Хилокъ.

На Мысовой поѣздъ уже ждалъ насъ. Графу Келлеру было предоставлено большое купэ съ двумя отдѣленіями и мнѣ рядомъ такое же только поменьше. Офицеры нашей компаніи, кромѣ Трубецкого, приглашеннаго Забѣлинымъ, помѣстились въ нашемъ вагонѣ.

Послѣ поѣздки на открытомъ воздухѣ мы сильно проголодались и

съ удовольствіемъ наинулись на роскошно убранный столъ съ разными закусками и водками. Среди зала на большомъ столѣ, накрытомъ для обѣда, лежало соблазнительно составленное меню. Мы были преисполнены благодарностью къ любезности и предупредительности желѣзнодорожнаго начальства. Но вдругъ стало вкрадываться сомнѣніе: намъ ли былъ приготовленъ этотъ пиръ, не узурпаторы ли мы. Графу Келлеру, конечно, могъ быть оказанъ почетъ, но у него еще не было ни свиты, ни штаба, а

ожидалось, очевидно, много гостей. Спросили за буфетомъ кого ожидали и получили въ отвѣтъ: „генерала Забѣлина и лицъ его сопровождающихъ“. Съ нѣкоторымъ смущеніемъ удалились мы отъ стола, гдѣ были ни зваными ни избранными и скромно усѣлись въ углу, куда съ пренебреженіемъ приносила прислуга заказанный по карточкѣ ужинъ.

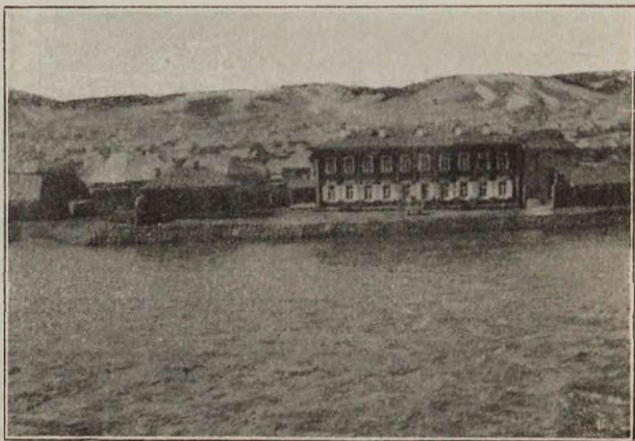
14. Станица на р. Селенга.

Не находя свободныхъ мѣстъ, пассажиры сѣли за столъ, не обращая вниманія на протесты буфетчика, что здѣсь имъ не мѣсто, что столъ этотъ накрытъ по заказу высшаго начальства.

22 апрѣля. Совсѣмъ тепло — окна въ вагонахъ пооткрывались и мы вдыхали съ наслажденіемъ чудный, жи-

вительный воздухъ Сибири.

Та часть Забайкалья, по которой идетъ желѣзная дорога, почти вся гориста; дорога вьется по живописнымъ долинамъ, вдоль быстро текущихъ рѣкъ, обсаженныхъ ольхой или вербами. Самыя большія и красивыя рѣки Селенга и Хилокъ. Сплошные елѣса смѣнялись съ перелѣсками, отдѣльными группами и одиночными деревьями. Трудно повѣрить, что ѣдешь по дикому Забайкалью, а не среди парковъ культурной Европы.

15. Станица на р. Селенга.

Одна дама, жена служащаго въ Портъ-Артурѣ чиновника, не

могла найти мѣста ни въ первомъ ни во второмъ классѣ; ее посадили въ третій классъ, вмѣстѣ съ солдатами; на другой день

ее перевели въ купэ, занятое уже тремя казачьими офицерами. Узнавъ, что въ нашемъ вагонѣ имѣлись свободныя мѣста, она просила перейти къ намъ; мы, конечно, согласились, сожалѣя только, что раньше не знали о стѣсненіяхъ, которыя ей пришлось перенести. Въ то время, когда одинокая дама не могла найти пристанища въ поѣздѣ, цѣлый вагонъ перваго класса былъ занятъ прислугою начальства.

16. Верхнеудинскъ.

Верхнеудинскъ на- поминаетъ подмосков- ные дачныя мѣстечки своими чистенькими деревянными особняками, съ рѣзными укра- шеніями на фронтонахъ, вокругъ оконъ и у крылецъ. Съ пло- шадки на горѣ, передъ маленькой, но изящной церковью, среди рослыхъ сосенъ, открывался красивый видъ на долину рѣки Селенги.

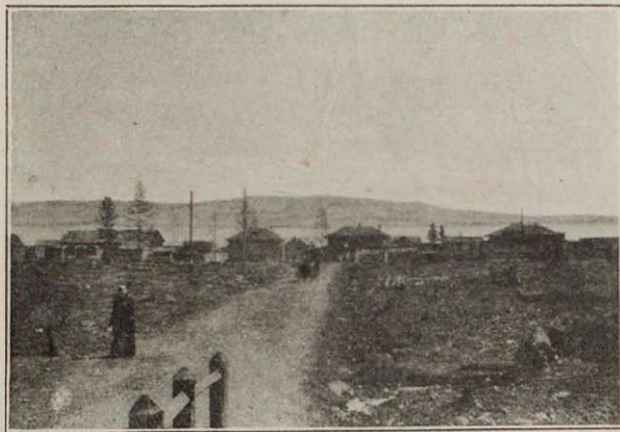

17. Верхнеудинскъ.

Здѣсь были получены первыя извѣстія о тюренченскомъ боѣ, о поспѣшномъ отступленіи 22 вост. сиб. стр. полка и о потерѣ орудій. Невыразимо тяжело было слышать, что мы оставили непріятелю столько плѣнныхъ и пушекъ, несмотря на то, что войска дрались превосходно. Кто же виноватъ въ этомъ пора- женіи? Начальство не только не сумѣло угадать намѣренія против- ника, но выказало непредусмотрительность и незнакомство съ мѣст- ностью, на которой рѣшено было принять бой. Дай Богъ, чтобы этотъ урокъ послужилъ намъ въ будущемъ.

23 апрѣля. Стало замѣтно про- хладнѣе, когда миновали туннель на Яблоновомъ хребтѣ. Буфет-

ныя станціи рѣдки, а еще рѣже попадали мы на нихъ въ часы завтрака и обѣда. Проголодавшіеся пассажиры соскакивали съ поѣзда до остановки и бѣжали на перегонки, чтобы захватить мѣсто у стола.

18. Окраина Читы.

Опоздавшіе ждали очереди, толпились у буфета за водкой и закуской; нѣкоторые забирались на кухню, сами хватали тарелки съ кушаньями и уносили въ столовую или ѣли тутъ же.

Князь Долгорукій и Оливъ остановились въ Читѣ, куда было предписано являться всѣмъ офицерамъ, опре-

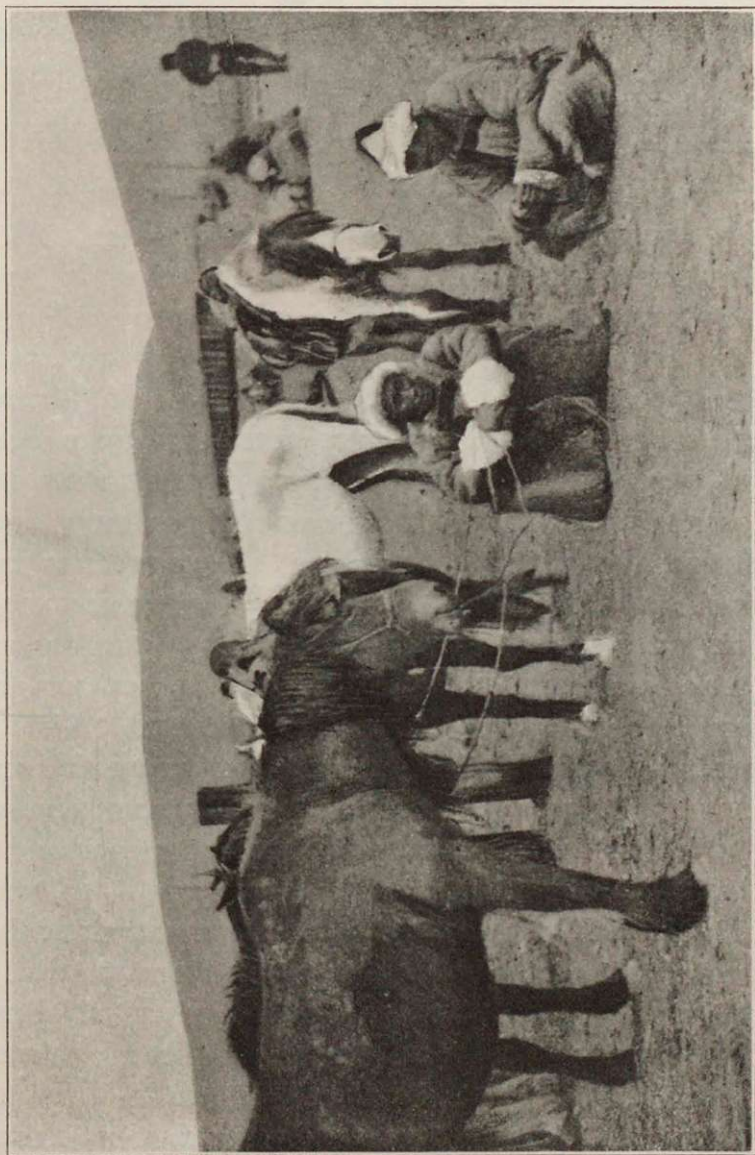
дѣленнымъ въ Забайкальское казачье войско. Они хотѣли, кромѣ того, дождаться своихъ лошадей, чтобы поторопить ихъ доставку въ Ляоянъ. Мнѣ тоже слѣдовало явиться начальству въ Читѣ, но я полагалъ, что въ этомъ не было необходимости и я предпочелъ продолжать путь безостановочно, чтобы не разставаться съ Келлеромъ.

По случаю своихъ именинъ, Трубецкой угощалъ насъ утромъ въ вагонѣ завтракомъ изъ горячихъ консервовъ, а мы, за ужиномъ, потребовали шампанскаго и пили за его здоровье.

24 апрѣля. Сильный, холодный вѣтеръ. Мѣстность непривлекательная — тянутся ряды голыхъ холмовъ безъ признаковъ растительности. На равнинѣ, сквозь прошлогоднюю траву, проглядывали яркоокрашенные крокусы. Буряты скакали на рѣзвыхъ коняхъ за выдѣленнымъ изъ табуна „маштачкомъ“ и ловкимъ движеніемъ набрасывали на него арканъ; это въ Забайкальѣ называется уключаніемъ.

На станціи „Оловянной“ буряты привели для продажи забайкальскихъ и монгольскихъ лошадей. Онѣ очень малорослы, но съ крѣпкими спинами, почками и ногами. Пользуясь спросомъ, продавцы запрашивали отъ семидесяти пяти до трехъ сотъ рублей за лошадь, тогда какъ въ обыкновенное время красная цѣна была бы имъ отъ тридцати до ста рублей. Трубецкой купилъ

двѣ лошади по ста рублей для вьюковъ. Мнѣ нужны были двѣ верховыя лошади, такъ какъ высланныя изъ Россіи придутъ въ Ляоянъ только черезъ три недѣли, но я не могъ рѣшиться на покупку подъ сѣдло такихъ карликовъ, на которыхъ будетъ

19. Буряты привели продавать лошадей.

стыдно выѣхать передъ строй. Я привыкъ ѣздить на ирландскихъ скакунахъ, а этихъ коней даже донцы называли чушками, т. е. свиньями; а между тѣмъ говорятъ, что въ Манчжуріи нельзя теперь найти порядочнаго коня ни за какую цѣну.

25 апрѣля. Въ два часа ночи прибыли на станцію Манчжурія и стояли тамъ до четырехъ часовъ дня. Страшный вѣтеръ, настоящій ураганъ несъ тучи песку.

Здѣсь опять мѣняли вагоны. Отъ ст. Манчжурія начиналась Китайская-восточная желѣзная дорога, имѣвшая главное управленіе въ Харбинѣ. На эту дорогу и ея порядки многіе жаловались. Мы нашли, что прекрасно былъ уложенъ путь—проѣздъ шель плавно, не раскачиваясь и не подпрыгивая; новые вагоны роскошны, станціонныя постройки въ китайскомъ стилѣ изящны и питаніе въ буфетахъ сносное.

Мнѣ опять дали большое купэ, въ которомъ я могъ уложить часть вещей, полученныхъ транзитомъ изъ Парижа. Я былъ въ Римѣ, когда получилъ увѣдомленіе объ опредѣленіи во 2 Нерчинскій казачій полкъ Забайкальскаго казачьяго войска и, возвращаясь въ Россію черезъ Парижъ, купилъ, рекомендованный полковникомъ французской службы С. Жамъ (St. James), долго прослужившимъ въ колоніяхъ, разные предметы походнаго снаряженія: палатку съ двойнымъ верхомъ, предохраняющимъ отъ лучей палящаго солнца и тропическихъ дождей; желѣзную, складную кровать, немного тяжелую, но за то дѣйствительно прочную; походное кресло полковника Аршинара, удивительно удобное, чтобы отдохнуть, не раскисая, какъ бываетъ, развалившись на кровати послѣ тяжелаго похода или боя; пологъ изъ прочной сѣтчатки отъ москитовъ и другихъ насѣкомыхъ, былъ настоящимъ благодѣяніемъ въ Манчжуріи, гдѣ мухи признавались одною изъ язвъ, не уступающихъ египетскимъ, прославленнымъ ветхимъ завѣтомъ; послѣдней моею покупкой была офицерская походная кухня или кантина, какъ ее называютъ французы, — въ жестяномъ ведрѣ вмѣщалось все, что было нужно для приготовленія обѣда, столовые приборы и складной фонарь. Мой италіянскій поваръ Пепино угощалъ насъ роскошными обѣдами, изготовленными на этой кухнѣ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда пообѣдать основательно не было времени, въ ведрѣ готовился супъ на 8 — 10 человекъ офицеровъ, который вѣстовые казаки привозили на позицію, не разъ подъ выстрѣлами.

Ожидая телеграммы, я обратился въ телеграфную контору, гдѣ мнѣ сказали, что телеграмма на мое имя была получена, стали ее искать, я тоже рылся въ цѣломъ ворохѣ телеграммъ, сваленныхъ въ беспорядкѣ, но безуспѣшно; ее нашли и принесли мнѣ только черезъ три часа.

Мы очень вкусно пообѣдали на станціи Манчжурія, но это было рано, а когда вечеромъ опять ѣсть захотѣлось, то оказалось, что до завтра буфетовъ больше не будетъ — печально. Пепино на одной станціи досталъ хлѣба и молока, умирать съ голоду еще было рано.

Билетовъ никто не спрашивалъ, можетъ быть мы напрасно ихъ покупали.

26 апрѣля. Прошли длинный тунель въ горахъ Хингана, гдѣ строился новый обходный путь, взамѣнъ пресловутыхъ тупиковъ. Переваль здѣсь на четыре тысячи футъ выше уровня моря. Въ горахъ сильная метель, которая прекратилась, какъ только мы спустились въ долину, гдѣ совсѣмъ не было снѣгу.

На берегу рѣки горы обрывались отвѣсными скалами; пустивъ корни въ расщелинахъ этихъ скалъ красно-бураго цвѣта, лѣпились деревья и кустарники, осыпанные бѣлыми и лиловыми цвѣтами—художникъ не могъ бы придумать для нихъ болѣе удачнаго фона. Лѣсъ на горахъ уже принялъ розоватый оттѣнокъ распускавшихся почекъ, на низинахъ лозы и вербы начинали зеленѣть.

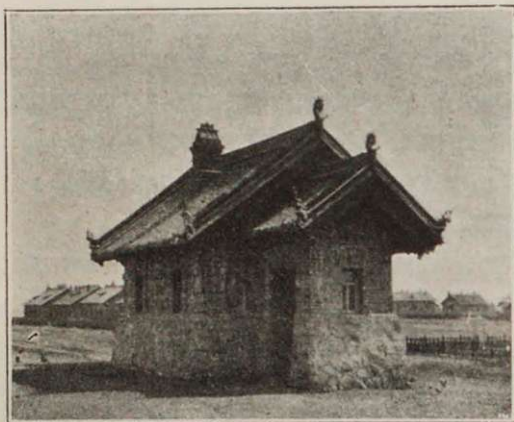
20. Буряты на станціи Оловянной.

На одной станціи мы нагнали воинскій поѣздъ съ эшелонами 9 сибирскаго казачьяго полка. Казаки—русскіе, почти всѣ свѣтло-русые, видъ у нихъ угрюмый, на вопросы отвѣчали неохотно, но они, тѣмъ не менѣе, производили впечатлѣніе, что на нихъ положиться можно, что они за себя и за родину сумѣютъ постоять. Нравились мнѣ буряты со своими плоскими добродушными лицами; они напоминали мнѣ башкиръ, которыми я когда-то командовалъ. Если буряты сородичи башкиръ и обладаютъ тѣми же военными качествами, то лучшаго матеріала для боевой конницы нечего желать. Лошади сибирскихъ казаковъ маленькія, мохнатая, крѣпко сложенные. Говорятъ, что сибиряки въ 40 градусный морозъ обливаютъ водой вспотѣвшую лошадь и ставятъ на стойку, подтянувъ голову кверху; отъ

этого будто бы онѣ крѣпнуть. Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ.

Вдоль полотна желѣзной дороги пролегала дорога грунтовая, по которой тянулись обозы съ сѣномъ, дровами и хворостомъ; въ запряжкѣ шли понуро несчастныя клячи, безногія, съ вогну-

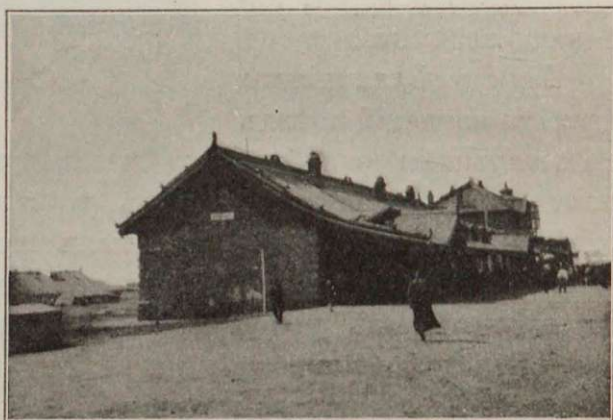
тыми спинами; за ними плелись или сидѣли на возахъ мужики, на видъ тоже не сытые и такіе же понурые — это недавно прибывшіе изъ Россіи переселенцы. Какъ не похожи они на сибиряковъ, уже осѣвшихъ на мѣстѣ: у нихъ угнетеннаго вида не замѣтно, они напротивъ смотрятъ на васъ самоувѣренно, какъ на равнаго. Это народъ само-бытный, не привыкшій къ административной опека и не нуждающийся въ ней.

21. Станціонныя постройки въ китайскомъ стилѣ.

Гдѣ долины расширялись, предоставляя достаточную площадь подъ посѣвы, устраивались переселенческія деревушки и хутора съ неуклюже сколоченными избами и сараями, огороженными жердями. Бабы съ ребятишками стояли у околицы и грызли что-то; еслибы не было видно между ними непроницаемыхъ рожъ китайцевъ, можно было бы подумать, что это Россія.

Станціонныя зданія и водокачки построены въ китайскомъ стилѣ: крыши изъ глазурованной черепицы украшены по гребню и по фронтонамъ фаянсовыми декоративными мотивами въ видѣ драконовъ, змѣй и сидячихъ на задѣ собакъ; эти собаки имѣютъ, вѣроятно, какое-нибудь символическое значеніе — можетъ быть онѣ охранители домашняго очага отъ злыхъ духовъ.

22. Станціонныя постройки въ китайскомъ стилѣ.

Чины пограничной стражи были щеголевато одѣты; они получали, сравнительно съ прочими воинскими чинами, большіе оклады жалованія, жили въ прекрасныхъ, даже роскошныхъ казармахъ. Нужно имъ отдать справедливость, что они вполне добросовѣстно исполняли свои обязанности и выказывали не разъ храбрость и самоотверженіе.

27 апрѣля. Въ три часа ночи прибыли въ Харбинъ. Вѣтеръ и пыль невозможные; говорятъ, что это хроническое состояніе Харбина.

Вокзалъ, какъ и много другихъ зданій въ новомъ городѣ, построенъ въ стилѣ модернъ. Одна изъ установившихся формъ этого стиля, получившая право гражданства, которую недоброжелательные критики сравниваютъ съ берцовой костью, встрѣчается въ Китаѣ въ архитектурныхъ украшеніяхъ, въ мебели, въ домашней утвари, въ ювелирной работѣ, въ рисункахъ и узорахъ. Это даетъ поводъ думать, что форма эта не выдумана модернистами, а просто заимствована у Китая.

23. Китайскіе хутора.

Всей компаніей поѣхали завтракать на пристань — такъ называется одна изъ трехъ строящихся частей Харбина въ разныхъ, довольно удаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ. Можетъ быть эти три предмѣстья сольются когда-нибудь въ одинъ большой городъ, но теперь эта разбросанность непонятна и крайне неудобна. Мы завтракали въ отдѣльной залѣ ресторана Колхиды, куда не доносились звуки музыки и пѣніе хористокъ.

Поѣздъ отходилъ въ одиннадцать часовъ вечера. Наша прислуга была посажена въ вагонъ 2 класса, что вызвало справедливое неудовольствіе офицеровъ, ѣхавшихъ въ 3 классѣ; дѣло уладилось начальникомъ станціи, приказавшимъ прицѣпить другой вагонъ 2 кл.

28 апрѣля. Вотъ и Китай. Тотъ самый Китай, съ которымъ мы познакомились еще въ дѣтствѣ по рисункамъ на шир-

махъ, вѣрахъ, на фарфоровыхъ вазахъ и чайныхъ приборахъ. Очертанія горъ, растительность, кумирни, люди и животныя, все казалось сказочнымъ, причудливымъ, невѣроятнымъ и такими мы теперь видѣли на яву.

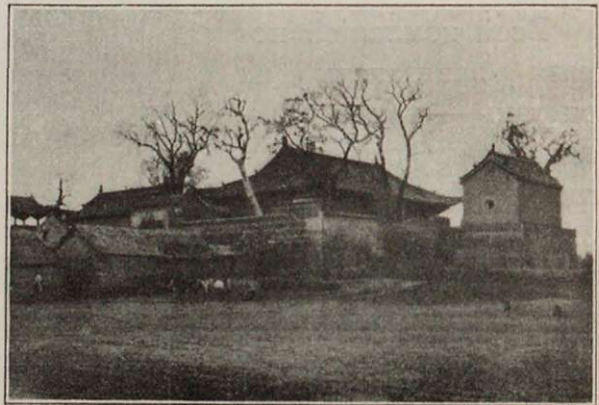
24. Китайскіе хутора.

поселки и хутора, окруженные глинобитными оградами съ прорѣзанными бойницами и крытыми ходами. Дома-фанзы, также глинобитные, крыты черепицею или гаолянѣмъ. Гаолянъ и чумиза

— злаки наиболѣе распространенные въ Китаѣ, въ особенности первый, не-оцѣнимый въ обиходѣ манзы-китайца: молодой гаолянъ даетъ прекрасный зеленый кормъ, когда онъ созрѣетъ, его зерно собирается и идетъ на кормъ людямъ и лошадямъ, а стебли сушатся и употребляются для кровли, для внутреннихъ переборокъ и потолоковъ очень искусно сплетенныхъ и оклеенныхъ бумагою всѣмъ семействомъ манзы. Гаолянъ идетъ также на огорожу и наконецъ на топливо.

Станціи окружены кирпичными или каменными стѣнами съ бойницами и башнями на углахъ для защиты отъ хунхузовъ. На пограничную стражу возложена обязанность охранять желѣз-

Широкая долина, обрамленная лиловыми горами, точно фесто-нами, обработана на всемъ пространствѣ. Земледѣльцы, одѣтые въ синіе балахоны, въ со-ломенныхъ конусообраз-ныхъ колпакахъ на го-ловѣ, пахали сохами или маленькими плужками, запряженными въ одну лошадь. Недалеко другъ отъ друга разбросаны

25. Кумирня.

ную дорогу. Вѣхи, обмотанныя соломой, установлены на возвышенныхъ мѣстахъ; при появленіи непріятеля или по тревогѣ часовой зажигаетъ вѣху, обливъ ее предварительно керосиномъ. На болѣе важныхъ постахъ, какъ, напримѣръ, у мостовъ чрезъ большія рѣки, стоятъ пушки.

26. Манзы торговцы.

Съ нашимъ поѣздомъ, въ вагонѣ 3 класса, переполненнымъ пассажирами китайцами, пять вооруженныхъ китайскихъ солдатъ везли на казнь въ Ляоянь четырехъ хунхузовъ. Хунхузы выглядѣли мирными гражданами; кромѣ надѣтыхъ кандаловъ, они ничѣмъ не отличались отъ другихъ пассажировъ, съ которыми весело болтали.

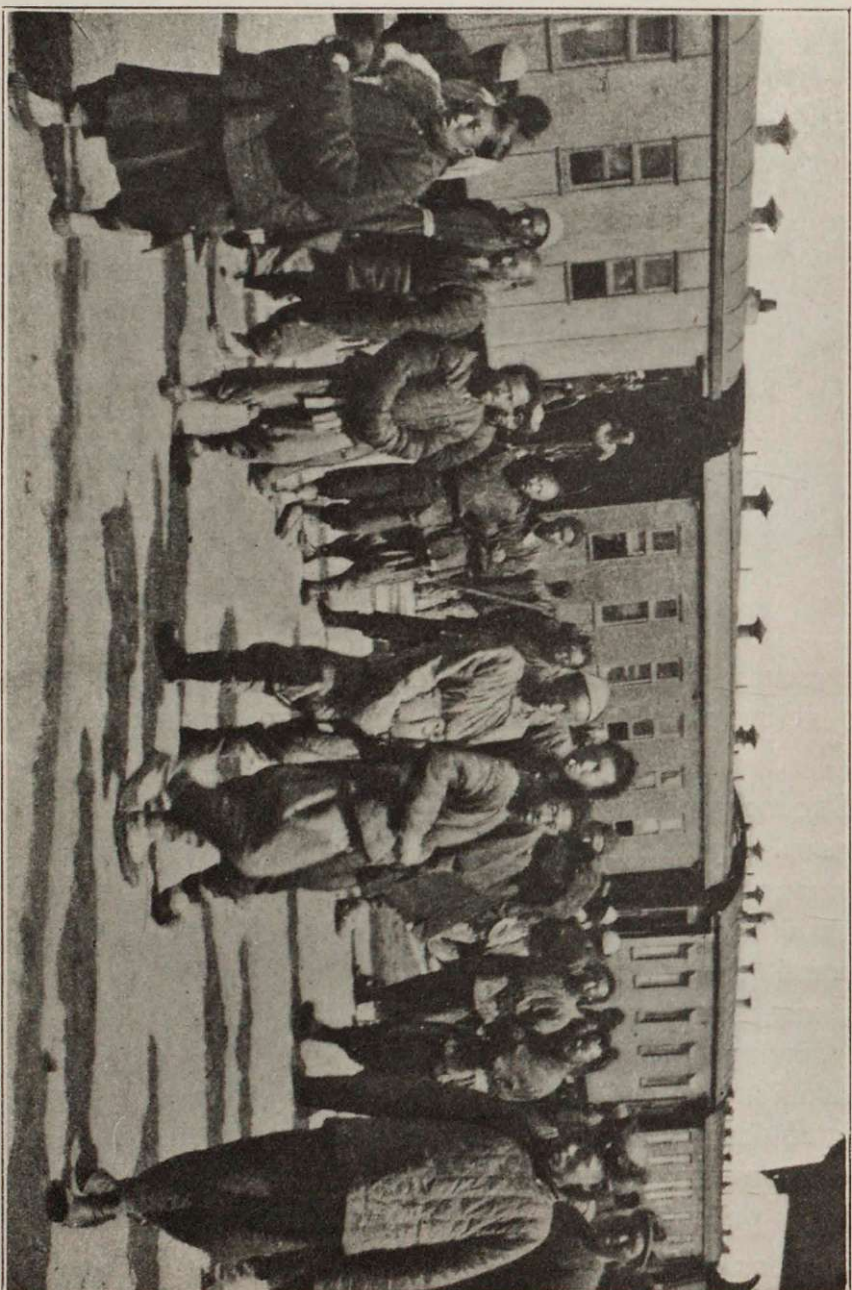
Русскаго мужика болѣе не видно ни въ полѣ ни на дорогахъ; дойдетъ ли когда-нибудь до этого края переселенческая волна?

Около живописныхъ кумиренъ деревья были въ полномъ цвѣтѣ, овощи зеленѣли въ огородахъ у каждой фанзы. Мужчины, женщины и дѣти были заняты полкою и окучиваніемъ — съ какимъ умѣніемъ, съ какою любовью они относились къ своей работѣ.

27. Манзы торговцы.

Для пропуска вѣчныхъ поѣздовъ, остановки на станціяхъ и разѣздахъ становились все продолжительнѣе. На болѣе значительныхъ станціяхъ, гдѣ были расположены войска, бараки для раненыхъ и больныхъ и питательные пункты, толпились китайцы-торгаши, рабочіе и нищіе. Землекопы таскали

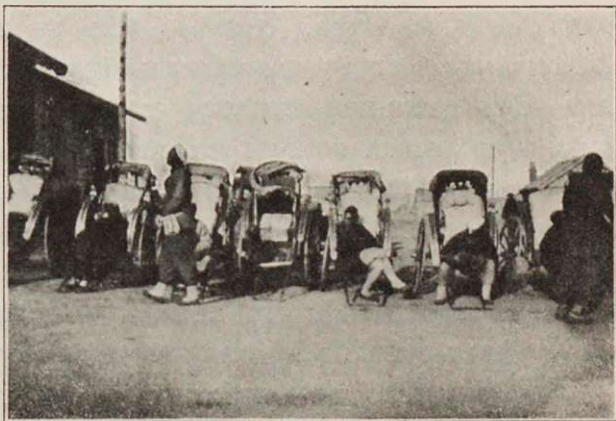

28. На платформъ Люина.

землю въ плоскихъ корзинахъ, подвѣшанныхъ къ коромысламъ, къ возводящейся насыпи.

29 апрѣля. Разворачивающаяся передъ нами картина такъ и просится на экранъ: все непривычно европейскому глазу. Въ архитектурѣ, въ головныхъ уборахъ китайцевъ и даже въ очертаніи горъ, вырѣзывающихся на горизонтѣ, преобладаетъ колокольчатая форма, вѣроятно почерпнутая изъ растительнаго царства — какъ былъ лотусъ въ Индіи, акантъ въ древней Греціи и ель въ Готикѣ. Лилія, растущая въ изобиліи въ дикомъ состояніи по всему Китаю, составляетъ предметъ особаго ухода въ саду знатнаго мандарина и у бѣдняка манзы; не она ли послужила созданію китайскаго стиля?

Нѣтъ ничего удивительнаго, что растительное и животное царство Китая отличаются отъ того, что мы видимъ въ Европѣ; но любопытно, что обыкновенная ворона и галка здѣсь совершенно черныя, какъ грачи, безъ признаковъ сѣраго оперенія. Около жилыхъ мѣстъ и въ лѣсахъ множество сорокъ, онѣ ничѣмъ не отлича-

29. „Рикши“.

ются отъ всѣмъ знакомыхъ кумушекъ. На станціяхъ между китайцами есть начальство — это полицейскіе, у которыхъ нашитъ на спинѣ цвѣтной кругъ съ іероглифическими изреченіями, а въ рукѣ самый убѣдительный знакъ власти — большая трость. Одинъ рослый китаецъ въ желтой плюшевой курткѣ совсѣмъ важный чиновникъ — онъ помощникъ кассира.

Остановки, въ особенности на развѣздахъ, еще продолжительнѣе. Генераль Забѣлинъ замѣтилъ, что были безпорядки, что неумѣло и неправильно распоряжались желѣзнодорожные служащіе. Въ 8 часовъ вечера пришли въ Мукденъ и черезъ два часа отошли дальше.

30 апрѣля. Въ три часа ночи пришли въ Ляоянь. Насъ разбудили и потребовали выходить всѣмъ изъ вагона, такъ какъ поѣздъ черезъ часъ долженъ былъ отойти дальше на Портъ-

Артуръ. Когда мы одѣлись и уложили свои вещи, пришли сказать, что сообщеніе съ Портъ-Артуромъ прервано и поэтому нашъ вагонъ останется въ Ляоянѣ. Мы опять раздѣлись, но спать не удалось: установка вагона на запасный путь заняла много времени, поѣзда и отдѣльные локомотивы съ грохотомъ проходили мимо насъ, раздавались надъ ушами свистки и раздрающіе звуки сирены. Въ шесть часовъ утра мы были уже на ногахъ.

На парижской всемірной выставкѣ 1900 г. мнѣ приходилось испытать ѣзду на „пусъ-пусъ“ — китайскихъ рикшахъ, но то было по гладкимъ, какъ паркетъ, дорожкамъ выставки, медленно, съ постоянными остановками; заставлятъ же человѣка везти экипажъ съ сѣдокомъ продолжительное время и по всякимъ дорогамъ чуть ли не со скоростью лошади, казалось безчеловѣчнымъ; оказывается, однако, что рикши такъ втянуты въ эту работу, что могутъ пробѣжать три, четыре версты безъ усталы, при чемъ дыханіе остается равномернымъ. Рикши порядочные нахалы и всегда готовы содрать съ васъ три шкуры.

Графъ Келлеръ и я завтракали у стараго товарища генерала Ф. Ф. Трепова, назначеннаго начальникомъ санитарнаго управленія.

Мнѣ сообщено, что командующему арміей извѣстно о моемъ прибытіи въ Ляоянъ и что я долженъ ему представиться сегодня же.

Приемъ представляющихся въ 4 ч. дня. Первымъ былъ принять гр. Келлеръ; его продержали довольно долго и когда онъ вернулся, то казался взволнованнымъ и озабоченнымъ. Онъ передалъ мнѣ, что командующій арміей предложилъ ему принять восточный отрядъ отъ генерала Засулича. Келлеръ отвѣтилъ, что, не служивши давно въ строю, онъ желалъ бы, по крайней мѣрѣ на первое время, прокомандовать дивизіей, а не большимъ отрядомъ, такъ какъ онъ не былъ увѣренъ, что сумѣетъ справиться съ возлагаемой на него трудной задачей. Генералъ Куропаткинъ настаивалъ, однако, чтобы Келлеръ сейчасъ же вступилъ въ командованіе восточнымъ отрядомъ и его доводы были настолько убѣдительны, что Келлеръ согласился. Въ настоящее время восточный отрядъ былъ менѣе корпуса, но имѣлось въ виду пополнить его частями ожидавшимися изъ Россіи.

Представлялись затѣмъ генералъ Забѣлинъ съ инженерами, фл.-ад. кн. Трубецкой, полковники Бемъ и Поспѣловъ, получавшіе новыя назначенія, вслѣдствіе того, что полки, которыми они должны были командовать, находились въ Портъ-Артурѣ,

отрѣзанномъ отъ главной арміи непріятелемъ. Когда настала моя очередь, командующій принялъ меня очень любезно и представилъ начальнику штаба арміи генералу Сахарову. Меня смутило замѣчаніе ген. Сахарова: не боленъ ли я.

Я поступилъ на службу только на время войны, послѣ двадцати лѣтъ отставки и, пожалуй, для чина войскового старшины, былъ не довольно молодъ, но я себя считалъ бодрымъ и способнымъ нести строевую службу такъ же ретиво, какъ въ молодости и мнѣ хотѣлось скорѣй доказать, что я здоровъ и могу служить не хуже молодого.

Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ сказалъ мнѣ: „пока вы будете въ Ляоянѣ, прошу васъ быть моимъ гостемъ“.

Обѣдъ былъ сервированъ въ семь часовъ въ роскошномъ вагонѣ-столовой, ярко освѣщенномъ рядами электрическихъ лампочекъ подъ потолкомъ. Послѣ закуски въ первомъ отдѣленіи, гдѣ обѣдала свита, мы перешли во второе. Келлеръ сѣлъ по правую руку ген. Куропаткина, Забѣлинъ по лѣвую. Разговоръ касался военныхъ событій, не затрагивая наболѣвшихъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ не было желательно за столомъ въ присутствіи не посвященныхъ гостей и прислуги. Обѣдъ, изъ трехъ блюдъ, былъ вкусный, сытный, но не изысканный и, конечно, не оправдывалъ разказовъ мукденскихъ доброжелателей о расточительности и блескѣ пріемовъ ген. Куропаткина.

Когда встали изъ-за стола, Алексѣй Николаевичъ сказалъ присутствующимъ, указывая на меня: „представляю вамъ моего стараго боевого товарища, онъ заслужилъ Георгіевскій крестъ за штурмъ Гривицкаго редута, а не золотое оружіе, которое получилъ за это дѣло.“

Не дожидаясь Келлера, ушедшаго на половину командующаго на совѣщаніе, я отправился домой. Ночь была темная, я насилиу отыскалъ свой вагонъ, натыкаясь на рельсы, канавы, на сложенный у желѣзной дороги лѣсъ; ходить здѣсь ночью безъ фонаря было не безопасно — того и гляди расшибешь себѣ носъ.

1-го мая. Мой полкъ, 2-й Нерчинскій казачій, входилъ въ составъ 2-й Забайкальской казачьей дивизіи генераль-маіора Ренненкампа. Въ полевомъ штабѣ мнѣ сообщили, что штабъ-квартира отряда генерала Ренненкампа находилась въ г. Саймацзы, но гдѣ находится онъ самъ со своимъ отрядомъ никому не было извѣстно. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ подвижныхъ генераловъ и услѣдить за нимъ не было возможности.

Въ Саймацзы идетъ изъ Ляояна большая этапная дорога, но есть и другая, болѣе кружная, черезъ Ляншангуанъ, гдѣ были расположены передовыя части восточнаго отряда. Келлеръ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ до Ляншангуана, а оттуда до Саймацзы обѣщаль дать конвой. Я былъ радъ отсрочить на нѣсколько дней разлуку съ другомъ и товарищемъ дѣтства, къ которому былъ горячо привязанъ; меня, кромѣ того, интересовало видѣть позиціи будущихъ боевъ при наступленіи японцевъ изъ Фынхуанчена на Ляоянъ.

Мы должны были выступить послѣ завтра; времени оставалось немного, а работы было масса.

Я узналъ, что у генерала Ренненкампа колеснаго обоза совсѣмъ не было, поэтому приходилось разстаться по крайней мѣрѣ съ половиной привезеннаго багажа. Отложивъ всѣ запасы въ сторону, оставалось еще много вещей, которыхъ нельзя было уложить въ выючныхъ чемоданахъ, а между тѣмъ, это все казалось необходимымъ. Куда дѣвалась моя опытность прошедшей турецкой кампаніи, гдѣ все мое имущество помѣщалось на одномъ мулѣ, а когда я ѣхалъ въ Ахаль-Теке, то имѣлъ только одну лошадь, на которой сидѣлъ самъ. Зная пристрастіе Скобелева къ щегольству, я везъ, тщательно свернутую въ трубку, одну накрахмаленную рубаху только для перваго представленія и произвелъ желанный эффектъ: „Что вы съ собой возите прачку“, — сказалъ мнѣ Скобелевъ и не хотѣлъ вѣрить, что у меня не было отдѣльнаго выюка.

Наконецъ, удалось мнѣ съѣздить въ Ляоянъ; я въ первый разъ былъ въ китайскомъ городѣ и все меня интересовало: пестрота и красочность вывѣсокъ, флаговъ, художественная золоченая и расписная рѣзьба по дереву надъ входами въ магазины. „Бабушки“ или „мадамы“, какъ китайцы называютъ по-русски своихъ женщинъ, густо наумянены во всю щеку, наумянены даже маленькія дѣвочки. Главное у нихъ щегольство въ замысловатой прическѣ, заканчивающейся вверху металлической бабочкой или другимъ украшеніемъ. По понятіямъ европейца онѣ всѣ уродливы, но я видѣлъ въ горахъ Манчжуріи стройныхъ дѣвушекъ, съ чисто аріійскими, красивыми чертами лица.

Лавки, выходящія на улицу, бѣдны. Дорогіе мѣха, старинный фарфоръ и бронза, ювелирная работа, между которой особенно славятся подвѣсы и художественныя бездѣлушки изъ яшмы, оникса, аметиста, горнаго хрусталя, какихъ-то розовыхъ

и молочно-зеленыхъ камней горной породы; однимъ словомъ все, что можетъ привлечь вниманіе любителя и знатока въ искусствѣ, хранится у богатыхъ „купезовъ“, -- купцовъ, въ сундукахъ, ящикахъ и разныхъ тайникахъ, откуда они вынимають ихъ и показываютъ покупателю съ нѣкоторою осмотрительностью. Они, вѣроятно, прячутъ этотъ цѣнный товаръ изъ боязни быть ограбленными чиновными или профессиональными хунхузами. Найти такого „купеца“ можно только съ проводникомъ. Они живутъ обыкновенно въ глухихъ закоулкахъ, въ богатыхъ фанзахъ, внутри запертаго двора.

Почти всѣ корреспонденты сходятся въ мнѣніи, что нигдѣ нельзя въ мірѣ найти такой грязи и вони, какъ на улицахъ и въ жилыхъ помѣщеніяхъ китайцевъ. Кто бывалъ въ Италіи и на ближнемъ востокѣ, долженъ сознаться, что даже въ большихъ городахъ, какъ Константинополь, Неаполь и Венеція, имѣются улицы, которыя относительно грязи и вони могутъ оспаривать пальму первенства съ любымъ городомъ Китая.

30. „Бабушки“ или „мадамы“.

У генерала Куропаткина обѣдалъ полковникъ Липовацъ Поповичъ, черногорскій доброволецъ, „допущенный до командованія“ 22 вост.-сиб. стр. полкомъ, вмѣсто полковника Громова, отрѣшеннаго отъ командованія за тюренченское дѣло.

Липовацъ прибылъ въ армію съ цѣлой ватагой черногорскихъ головорѣзовъ; онъ говорилъ, что такихъ развѣдчиковъ нѣтъ въ мірѣ: расположившись на вершинахъ горъ, они переговариваются, подражая крику разныхъ птицъ и звѣрей, передавая такимъ образомъ о всѣхъ дѣйствіяхъ непріятеля. Слышалъ я потомъ о личныхъ подвигахъ Липоваца, но о его командѣ не слышалъ ничего. Едва ли въ современныхъ войнахъ, гдѣ стрѣляютъ съ двухъ, трехъ-верстнаго разстоянія бездымнымъ порохомъ, возможно ожидать какихъ-то чудесъ отъ развѣдочныхъ приемовъ Запорожья. Это, можетъ быть, еще пригодно въ борьбѣ между

храбрыми, но невѣжественными четами въ горахъ Балкановъ, но борцы двадцатаго вѣка, японцы, предпочтутъ этимъ примитивнымъ приѣмамъ сигнализацию гелиографами, электрическими лампами и будутъ передавать получаемыя свѣдѣнія, не подражаніемъ крику совы, филина или сыча, а по телефону, проведенному по всѣмъ направленіямъ какъ паутина.

За обѣдомъ командующій говорилъ, что онъ будетъ относиться одинаково строго къ старшимъ, какъ и къ младшимъ начальникамъ и, обращаясь къ Келлеру, съ улыбкой добавилъ: „Я буду отрѣшаться отъ должности даже корпусныхъ командировъ“. Мы знали, что починъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ и къ нему отнеслись сочувственно во всей арміи. На войнѣ, еще болѣе, чѣмъ въ мирное время, надо замѣнять бездарности тѣми, кто проявилъ выдающіяся способности.

2 мая. Въ управленіи военныхъ сообщеній Келлеръ купилъ трехъ муловъ по сто двадцать рублей cadaго, одного онъ уступилъ мнѣ. Лошадей обѣщалъ мнѣ доставить князь Урусовъ, адъютантъ командующаго арміей, но до сихъ поръ ихъ нѣтъ; я искалъ лошадей на базарѣ, куда ихъ приводили на продажу, но не нашелъ ни одной подходящей.

По порученію Келлера ѣздилъ въ Ляоянъ покупать провизію и вино. Очень недурное французское красное вино, мѣстнаго разлива, стоило одинъ рубль за бутылку. Говорили, что въ Портъ-Артуръ иностранныя вина продавались удивительно дешево: настоящее шампанское можно было имѣть по три рубля за бутылку.

Въ послѣдній разъ мы обѣдали у командующаго. Онъ сказалъ мнѣ при прощаніи: „Желаю вамъ счастливаго пути и успѣха, берегите себя, не рискуйте, вы мнѣ нужны для командованія. Мнѣ было бы очень жаль, если бы васъ ранили, такіе офицеры, какъ вы, намъ дороги“.

3-го мая. Съ утра шелъ проливной дождь. Въ восемь часовъ подвели къ нашему вагону монгольскую лошадь, чалой масти, уступленную мнѣ Треповымъ, сжалившимся надъ моимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Черезъ полчаса привели другую лошадь отъ Урусова, вороную. Первую я купилъ за 150 руб., вторую — за 140. Обѣ сослужили мнѣ хорошую службу.

Всегда трудно укладываться и въючить въ первый день выступленія, но въ дождь это просто мучительно. Денщикъ Келлера, Федоръ, все путалъ, бралъ мои вещи вмѣсто своихъ—

онъ былъ такъ безтолковъ, что только мѣшалъ, вмѣсто того чтобы помогать.

Кромѣ трехъ купленныхъ нами муловъ подъ вьюки, начальникъ управленія военныхъ сообщений разрѣшилъ Келлеру взять три казенныя двуколки для отвоза нашихъ вещей до мѣста расположенія восточнаго отряда. Часть багажа я отправилъ въ Харбинъ на предъявителя квитанціи. Квитанція эта затерялась и я только въ ноябрѣ, и то случайно, разыскалъ свои вещи, отправленныя въ маѣ. За храненіе приходилось уплатить сто сорокъ рублей, но управленіе китайской восточной желѣзной дороги сложило съ меня этотъ платежъ, принимая во вниманіе, что я находился на передовыхъ позиціяхъ и не могъ лично заняться розыскомъ своихъ вещей.

Мы тронулись въ одиннадцать часовъ утра, вмѣсто назначенныхъ восьми, не дождавшись транспорта, который Федоръ никакъ не могъ наладить. Дождь лилъ какъ изъ ведра, грязь была невылазная.

Келлеръ ѣхалъ впереди на красивой лошади генерала Куропаткина, уступленной ему временно, до прибытія его лошадей изъ Россіи. Эта лошадь была подарена Куропаткину Государемъ.

Вмѣстѣ съ нами ѣхали военные агенты: германскій — маіоръ баронъ фонъ-Тетау; шведскій — Никвистъ; норвежскій — Эдлундъ; болгарскій — Пападоповъ и италіанскій морской агентъ капитанъ Камперіо. Отойдя пять верстъ, мы остановились въ ожиданіи обоза, который подошелъ только къ двумъ часамъ. Дорога шла равниною, распаханною на всемъ пространствѣ. На двѣнадцатой верстѣ вошли въ горы; здѣсь тоже каждый клочокъ земли обработанъ, даже въ такихъ мѣстахъ, куда трудно было забраться.

Подъ старыми корявыми деревьями, съ разбросанными далеко въ стороны вѣтвями, ютились маленькія кумирни, сложенные изъ дикаго камня; въ нихъ приносятся жертвы богамъ земледѣлія: щепотка рису или сожженные лоскутки бумаги съ молитвами должны обезпечить успѣхъ урожая. Большія кумирни, съ фанзами для бонзъ, расположены всегда въ особенно живописныхъ мѣстахъ: на отдѣльномъ холмѣ, надъ крутымъ утесомъ, окруженныя пышно разросшимися деревьями.

Пришлось остановиться на ночлегъ въ деревнѣ Цаолинцзы, на полуэтапѣ, потому что нашъ обозъ отсталъ на перевалахъ. Переходъ былъ всего въ двадцать четыре версты, дорога хорошо накатана, перевалы не высокіе и не крутые, а между тѣмъ нашъ

легкій обозъ, вышедшій изъ Ляояна въ одиннадцать часовъ утра, пришелъ на мѣсто поздно ночью и благодаря распорядительности начальника транспорта; чего же можно было ожидать при движеніи въ распутицу грузнаго войскового обоза?

На полуэтапѣ войска, парки, обозы расположились поневолѣ на распаханыхъ поляхъ, превратившихся послѣ послѣднихъ дождей въ сплошныя болота. Лазареты помѣщались въ самой деревнѣ, въ обширныхъ дворахъ.

Намъ была отведена фанза, вмѣщавшая свободно до двадцати офицеровъ. Чуть не утопая въ грязи, рискуя оставить въ ней не только калоши, но и сапоги, мы пробрались въ ресторанъ, гдѣ насъ накормили роскошнымъ обѣдомъ. Рядомъ съ буфетомъ была открыта лавочка; въ ней продавались консервы, прекрасные иностранныя вина, жестяная и луженая посуда и самый необходимый предметъ въ походѣ—эмалированныя кружки для чаю ¹⁾.

Возвращаться ночью по грязи было отвратительно. Кто не имѣлъ кровати, расположился на канахъ, широкихъ нарахъ вдоль стѣнъ фанзы. Каны служатъ для отопленія фанзы зимою: подъ ними проведены дымовыя трубы изъ очаговъ съ большими котлами, въ которыхъ манзы варятъ себѣ пищу. Когда холодно, спать на этихъ лежанкахъ довольно пріятно, если имѣешь толстый войлокъ или бурку, чтобы подложить подъ себя; но случалось лѣтомъ засыпать, послѣ утомительнаго похода, не удостовѣрившись, что кана не топлена и быть вдругъ разбуженнымъ отъ нестерпимаго жара; когда всѣ мѣста заняты, а на полу грязно, не знаешь куда дѣваться.

Келлеръ улегся на свою складную кровать, особенно рекомендованную фабрикантомъ и посмѣивался надо мною, что я оставилъ свою въ обозѣ и долженъ былъ спать на голыхъ доскахъ. Продолжая болтать, я подсѣлъ къ нему на кровать, вдругъ что-то затрещало и мы оба оказались на полу. Очередь смѣяться настала для меня.

Тяжелой казалась мнѣ эта первая ночь въ походѣ: мнѣ было такъ жестко, несмотря на подосланную бурку и все, что попало подъ руку, что всѣ члены болѣли и я не могъ спать. Я думалъ тогда, что мои старыя кости никогда не привыкнуть къ этой пытке ²⁾.

¹⁾ Офицеры и казаки подвѣшивали ихъ къ передней лукѣ сѣдла.

²⁾ Къ счастью я ошибался: скоро затѣмъ я потерялъ свою кровать и всю кампанію пришлось спать на канахъ или на землѣ, съ одной буркой для подстилки и такъ я привыкъ къ этому, что меня не тянуло лечь на матрацъ.

Десятокъ офицеровъ храпѣли во всю мочь, а когда стало свѣтать, мухи, ужасныя манчжурскія мухи, извели меня въ конецъ.

4 мая. Обозъ вышелъ въ восемь часовъ, а мы въ десять. Съ непривычки узкое черкесское сѣдло съ короткими стремянами, купленное въ конвоѣ Его Величества, показалось мнѣ очень неудобнымъ и я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ послѣ вчерашней ѣзды. Другое сѣдло, подаренное мнѣ однимъ пріятелемъ, хотя тоже черкесское, оказалось гораздо лучше перваго и въ послѣдствіи, при переходахъ перемѣнными аллюрами, я его предпочиталъ сѣдлу драгунскаго образца.

31. Санитарный транспортъ.

Погода прояснилась, пріятно было сбросить съ себя тяжелые дождевики, мало предохраняющіе отъ проливныхъ дождей.

Самыми практичными и дѣйствительно непромокающими оказались плащи изъ простой палаточной парусины, изготовляемые у Кебке въ Петербургѣ.

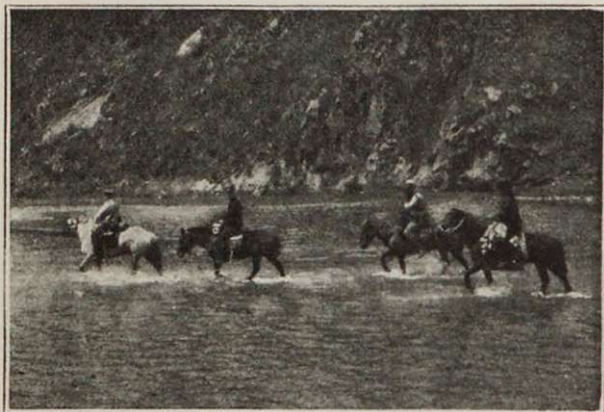

32. Графъ Келлеръ и его ординарецъ Нарышкинъ.

Намъ встрѣтились сестры милосердія, ѣхавшія на двуколкахъ Краснаго Креста. Бѣдныя сестры, на какой трудный самоотверженный подвигъ онѣ пошли; мнѣ

было невыразимо грустно думать, что скоро и моей женѣ придется нести эту тяжелую и опасную службу. Военные, служащіе въ строю, могутъ быть ранеными или убитыми только въ бою или въ перестрѣлкахъ съ непріателемъ, чего не бываетъ непрерывно,

а сестры, ухаживая за больными, постоянно подвергаются опасности заразиться инфекционными болѣзнями и, кромѣ того, онѣ не имѣютъ отдыха никогда.

33. Иностранные военные агенты.

Нѣсколько разъ переправлялись черезъ рѣку, неглубокую, но съ довольно быстрымъ теченіемъ. Сидѣвшіе на маленькихъ лошадяхъ мѣстной породы должны были подгибать ноги, чтобы не замочить ихъ.

Въ полдень пришли въ Ляндансянъ и остановились у расположенія штаба восточнаго отряда.

Графъ Келлеръ прошелъ къ генералу Засуличу; пробывъ у него нѣкоторое время, онъ вышелъ съ нимъ вмѣстѣ и представилъ ему прибывшихъ съ нами военныхъ агентовъ.

Палатки наши были разбиты около штаба отряда, на площадкѣ, огороженной съ двухъ сторонъ загрязненной солдатами стѣной, съ третьей — дорогою; выходъ былъ только одинъ, черезъ вонючую лужу. Говорили, что лучшаго мѣста нельзя было найти. Рядомъ съ нами расположились въ палаткахъ:

34. Камперіо и „бой“.

ординарецъ графа Келлера хорунжій Нарышкинъ, бывшій лейбъ-гусарь и Камперіо, а по другую сторону — остальные военные агенты. Всѣ они говорили болѣе или менѣе правильно по-русски. Тетау пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Кіевскомъ округѣ. Его, говорятъ, очень цѣнили генераль Драгомировъ. Переведенныя на русскій языкъ статьи Тетау о нашихъ войскахъ печатались въ Русскомъ Инвалидѣ. ✂

У Камперіо со времени китайской войны 1900 г. служилъ

китаецъ „бой“. Хотя распоряженіемъ по арміи было воспрещено брать китайцевъ въ качествѣ прислуги, во избѣжаніе шпіонства, но для Камперіо было сдѣлано исключеніе въ виду ручательства его за благонадежность боя.

Впрочемъ, это распоряженіе полевого штаба, какъ и многія другія, не только не соблюдалось, но даже не было извѣстно во многихъ частяхъ.

„Бой“ говорилъ немного по-италиански и поэтому сошелся съ моимъ поваромъ Пепино. Камперіо тоже благоволилъ къ Пепино, не только какъ къ соотечественнику, но и какъ къ собрату по кулинарному искусству—онъ готовилъ недурно и взялся даже кормить коллегъ военныхъ агентовъ. Только что были разбиты палатки, Камперіо вырылъ въ землѣ походной лопатой небольшую яму, обложилъ ее камнями и получилась печь съ отличной тягой. Пепино послѣдовалъ его примѣру и скоро сталъ доноситься до насъ аппетитный запахъ готовившагося ужина; это было тѣмъ болѣе пріятно, что мы очень скверно позавтракали у мѣстнаго маркиганта.

35. Пепино проявляетъ способности къ верховой ѣздѣ.

У Пепино, никогда раньше неѣздившаго верхомъ, оказались неожиданно кавалерійскія способности. Келлеръ самъ признавалъ, что онъ подавалъ надежды сдѣлаться современемъ лихимъ наѣздникомъ.

Генераль Кашталинскій, командовавшій войсками подъ Тюренченомъ, рассказывалъ Келлеру, что ему было приказано принять бой, но дальнѣйшихъ распоряженій онъ не получалъ, что резервы, стоявшіе въ семнадцати верстахъ сзади, не были выдвинуты впередъ, вслѣдствіе чего войска понесли громадныя потери и вынуждены были бросить орудія.

Когда послѣ цѣлаго дня жестокаго тюренченскаго боя, отрядъ отходилъ назадъ черезъ узкое ущелье, надъ нимъ, на сопкахъ, вдругъ появились японцы. Ожидалось, что прекратив-

шійся бой возгорится опять, но тутъ произошло что-то совсѣмъ непонятное: вмѣсто того чтобы открыть огонь по отступающимъ, японцы, по командѣ своихъ офицеровъ, прокричали три раза ура. Что это значило: насмѣшка ли, торжествующій кликъ побѣдителей или знакъ одобренія противнику, мужественно сражавшемуся противъ силъ во много разъ его превосходящихъ. Мы продолжали отступать въ полномъ порядкѣ, а японцы глядѣли на насъ, вскрывали коробки съ консервами и ѣли.

Вечеромъ долго бесѣдовалъ съ Келлеромъ симпатичный начальникъ штаба восточнаго отряда полковникъ Орановскій. Онъ еще молодъ, хотя волосы уже посѣдѣли. Келлеръ имѣлъ о немъ очень высокое мнѣніе.

5 мая. Послѣ вчерашняго дождя температура понизилась, ночь была холодная, подъ утро было только четыре градуса тепла. Я въ первый разъ обновилъ полученныя изъ Парижа палатку и кровать. Раздѣваться было холодно, но внутри спального мѣшка совсѣмъ тепло. Подъ рукой висѣлъ проводъ большой электрической лампы. Я давно не пользовался такимъ комфортомъ и чувствовалъ себя совсѣмъ какъ дома. Утромъ, внутри палатки, я могъ основательно помыться въ большой резиновой ваннѣ. Такая ванна крайне необходима въ походѣ, въ особенности зимой. Камперіо купался на дворѣ въ вырытой боемъ ямѣ: онъ вложилъ въ яму большое полотно изъ резиновой матеріи, налилъ въ нее воду, вотъ и ванна готова. Видно, человекъ бывалый — онъ всегда и вездѣ умѣлъ приспособиться.

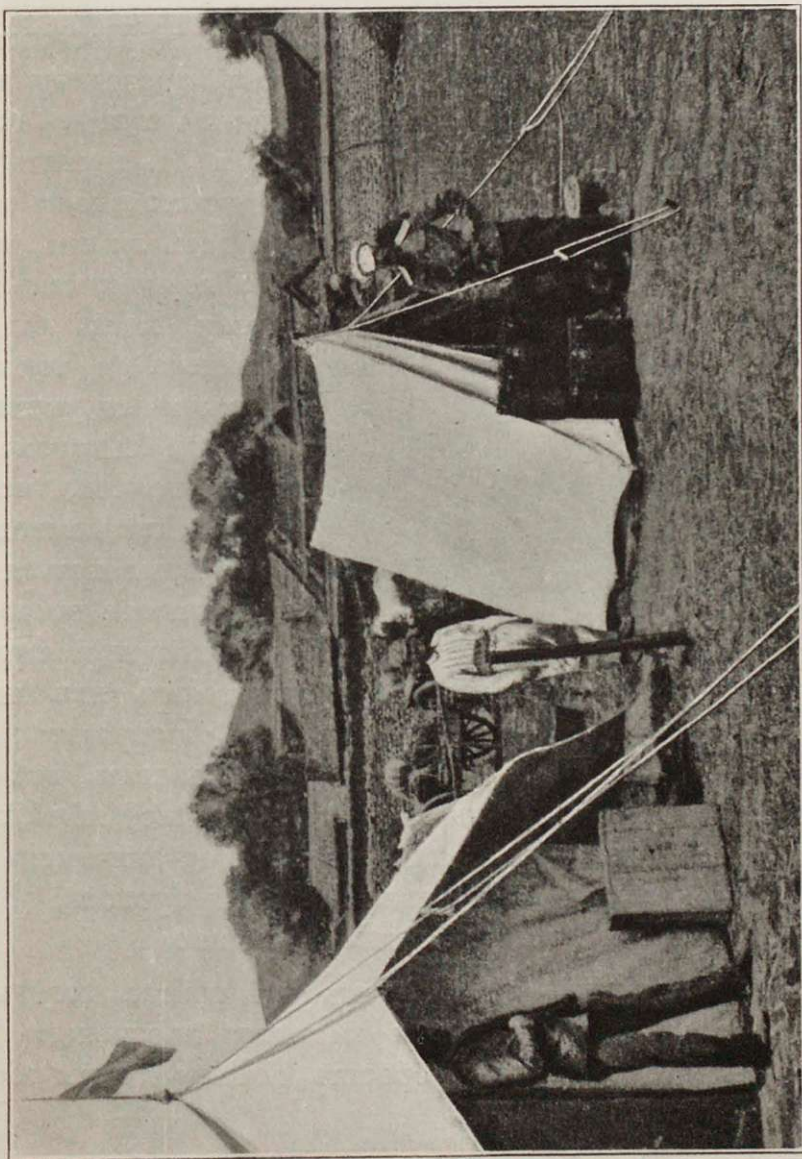
Противъ насъ была расположена бивакомъ обозная команда; оттуда были вызваны солдаты, чтобы вычистить нашу площадку, выпустить воду изъ сосѣдней лужи и разобрать стѣну для болѣе удобнаго выхода.

Генераль Засуличъ уѣхалъ въ коляскѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ штаба 2 корпуса, которымъ онъ раньше командовалъ. Изъ приказа по арміи стало извѣстно, что онъ опять вступаетъ въ командованіе этимъ корпусомъ.

Графу Келлеру предложено, по телеграфу, представить кандидата на командованіе 22 полкомъ. Липовацъ долженъ былъ возвратиться въ Ляоянь.

Наши лошади голодали со вчерашняго дня, было жалъ на нихъ смотрѣть. Только сегодня утромъ было подвезено нѣсколько возовъ стараго полусгнившаго гаоляна, на который онѣ набросились съ жадностью. Зерна совсѣмъ не было.

Насъ удивляло, какъ это при штабѣ большого отряда не имѣлось фуража. Не оттого ли у насъ неудачи, что не только нѣтъ распорядительности, но даже неизвѣстно кому слѣдовало бы распорядиться и на кого возложить отвѣтственность. Не въ одномъ только желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ за все расплачивается стрѣлочникъ, т. е. самое безотвѣтное лицо.

36. Палатки гр. Келлера и моя.

Утренній завтракъ, какао и яйца въ смятку, былъ поданъ въ палаткѣ Келлера; она очень просторна, въ два отдѣленія, въ одномъ помѣщалась его кровать, въ другомъ, у входа, былъ столъ и два складныхъ стула.

Намъ подвели коней и мы выѣхали въ сопровожденіи чиновъ штаба отряда и военныхъ агентовъ для осмотра позиціи.

Главная позиція находилась верстахъ въ двухъ позади расположенія войскъ. Въ случаѣ стремительнаго нападенія непріятеля, обозы, парки и лазареты могли бы оказаться въ опасномъ положеніи.

Поперекъ долины протянулся хребетъ, представлявшій естественную позицію, очень выгодную для обороны. Построены на ней редуты, батареи, окопы для стрѣлковъ, проведены дороги для подвоза и спуска орудій и снарядовъ. Однимъ словомъ позиція была выбрана и укрѣплена на славу и могла бы оказать нападающему почти непреступную преграду. Вопросъ только въ томъ—

37. Гр. Келлеръ.

пойдетъ ли онъ на нее. Эта позиція, какъ и всѣ другія, могла бы быть обойдена и тогда всѣ труды на ея укрѣпленіе пропали бы даромъ. Изъ этого конечно не слѣдуетъ дѣлать вывода, что надо пользоваться естественными преградами движенію непріятеля, но укрѣплять ихъ не стоитъ. Напротивъ: надо использовать всѣ сред-

ства, чтобы отбросить нападающаго или, по крайней мѣрѣ, задержать его. Но это едва ли удастся, если мы ограничимся укрѣпленіемъ только одного облюбованнаго нами прохода, полагая, что непріятель пойдетъ именно туда, а не мимо.

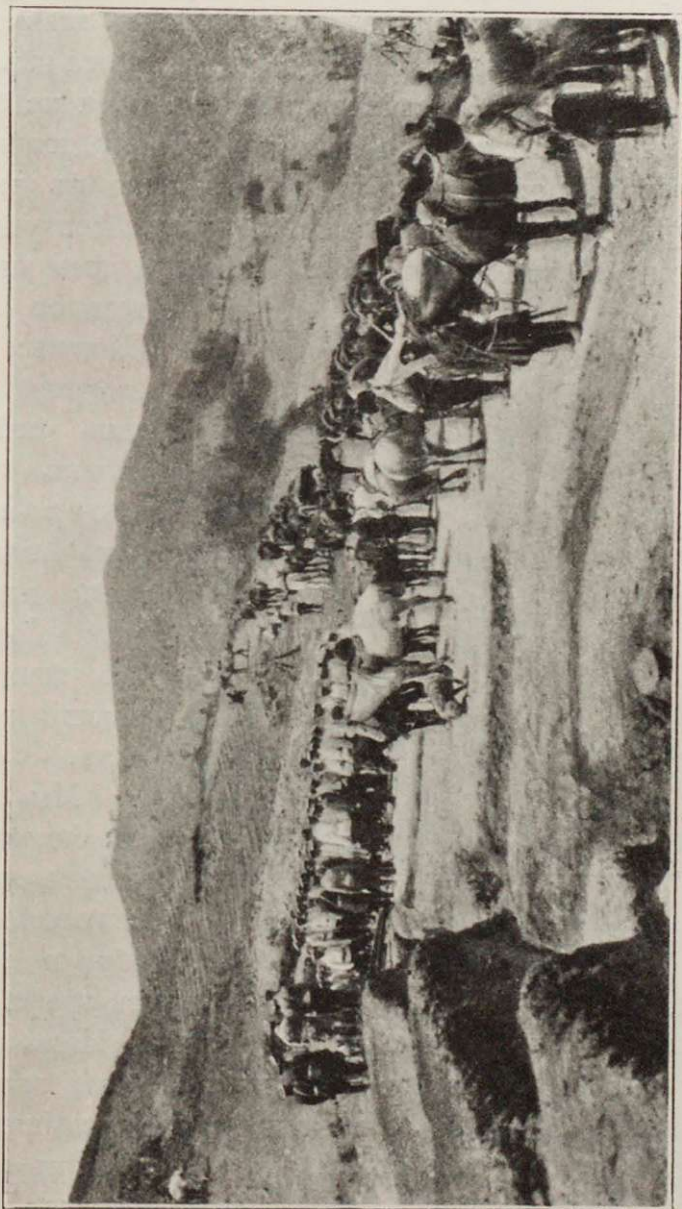
Укрѣпленная позиція не крѣпость, гдѣ войска могутъ продержаться долго и будутъ отвлекать часть силъ противника. Когда она обойдена, надо спѣшить ее бросить, потому что для обороны она болѣе не годится.

Мы проѣхали на батарею по дорогѣ, разработанной саперами и командами войскъ Ляндансянскаго отряда.

Въ нашемъ присутствіи втянули туда одно орудіе, на что потребовалось тридцать минутъ, спустили же его шесть солдатъ на лямкахъ прямо съ кручи въ двѣнадцать минутъ. Этимъ

доказывалось, что при отступлении орудія могутъ быть вывезены быстро.

По узкому гребню горы мы пѣшкомъ пробрались на право-фланговую позицію. Лошадей вели въ поводу.

38. Батарея на Лянданьской позиціи.

Здѣсь хребетъ раздваивался: вправо онъ сливался съ цѣпью горъ, граничащихъ съ долиною, ведущей въ Ляоянь, влѣво — хребетъ спускался къ востоку, въ сторону Фынхуанчена. На скрещеніи гребней было возведено три редута. Восточный, пере-

довой отрогъ, предполагалось укрѣпить уступами въ нѣсколько ярусовъ, что давало бы большую интенсивность огня.

Недостатокъ такого расположенія окоповъ состоялъ въ томъ, что путь отступленія изъ нихъ поднимался въ гору, по открытому со всѣхъ сторонъ склону, т. е. подъ выстрѣлами непріятеля.

Гр. Келлеръ удивлялся, что лѣвый флангъ главной позиціи упирался въ долину, по которой пролежала дорога изъ Фынхуан-чена въ Ляоянь — путь наступленія японцевъ, а не было обращено вниманія на высоты лѣвѣе, по ту сторону долины, откуда наши укрѣпленія могли бы быть обстрѣлены съ тыла. Было рѣшено завтра осмотрѣть эти высоты, узнать, доступны ли онѣ для артиллеріи и опредѣлить какъ привести ихъ въ оборони-

тельное состояніе.

Сложныя и дорого стояющія инженерныя работы приказано прекратить и ограничиться устройствомъ окоповъ для пѣхоты. Намъ передавали, что ген. Засуличъ позиціи не осматривалъ.

Мы вернулись на бивакъ въ пять часовъ дня и отправились обѣдать въ общую столовую

37. Правофланговая передовая позиція.

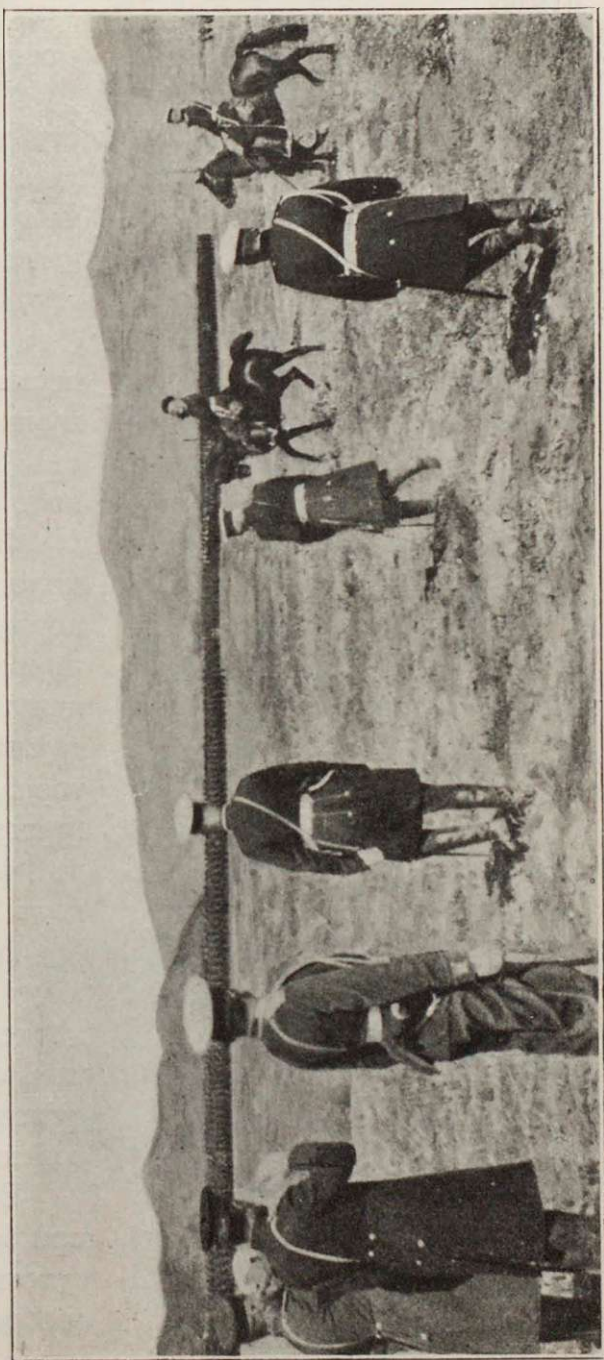
штаба отряда, которой завѣдывалъ подъесаулъ графъ Комаровскій. Ужинали дома, т. е. въ палаткѣ Келлера. Намъ предстояло скоро разстаться и мы рассчитывали провести этотъ вечеръ одни, но не успѣли мы окончить ужина, какъ послышался голосъ Комаровскаго, просившаго позволенія зайти. Онъ приходилъ просить, чтобы его назначили комендантомъ отряда. Послѣ него пришелъ полковникъ Абаціевъ, старый пріятель, съ которымъ мы были рады повидаться. Онъ недавно принялъ уссурійскій казачій полкъ и рассказывалъ намъ о службѣ въ отдѣльной бригадѣ полковника Карцева. Они были почти безсмѣнно заняты развѣдочной службой и поэтому лошади были приведены въ

ужасное состояніе. Абаціевъ въ особенности жаловался на составъ полковъ 2-й очереди: нижепредѣльные казаки не имѣли никакой боевой подготовки, кто не умѣлъ стрѣлять до поступленія на службу, не научился ничему, такъ какъ ихъ заставляли выпустить десять, двѣнадцать пуль и этимъ обученіе стрѣльбы ограничивалось. Не попавшій въ цѣль ни одной пули, не будетъ стрѣлять успѣшнѣе въ бою.

Келлеръ обѣщалъ осмотрѣть внимательно его полкъ завтра и о всемъ замѣченномъ передать на усмотрѣніе командующаго арміей.

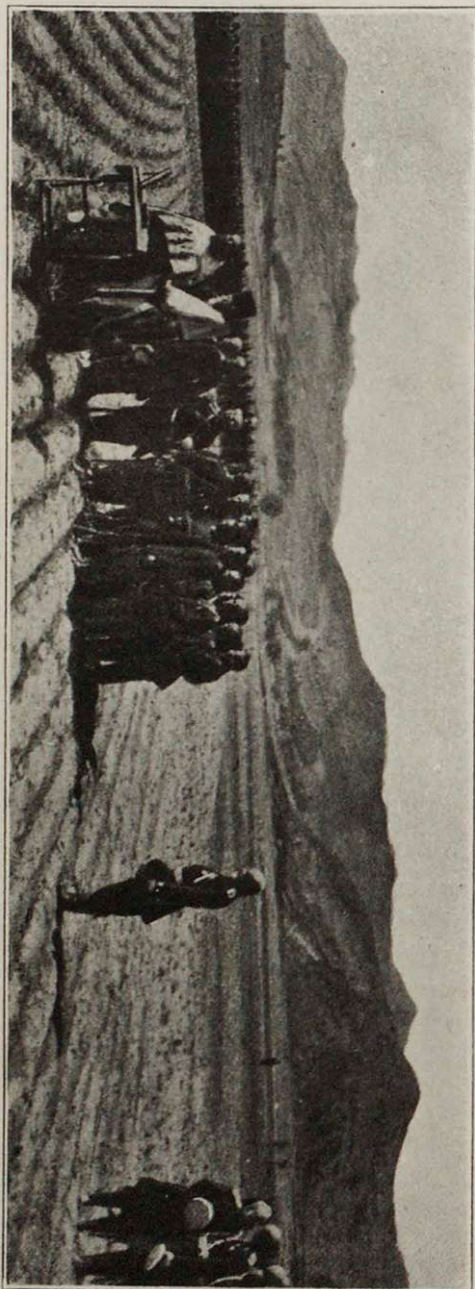
6 мая. По случаю дня рожденія Государя Императора назначенъ былъ церковный парадъ 7, 10, 11 и 12 вост.-сиб. стр. полкамъ. Войска были построены въ каре среди широкой долины, окруженной горами. Какъ вездѣ въ Манчжуріи приходилось становиться и маршировать на вспаханномъ полѣ, такъ какъ нельзя было найти въ одномъ кускѣ ста квадратныхъ саженъ необработанной земли.

У аналоя стояли два священника и хоръ пѣвчихъ солдатъ съ ружьями.

40. Прибытіе на парадъ Нач. Восточн. отряда.

Несмотря на то, что эта часть Манчжуріи на одной параллели съ средней Италіей и былъ май на дворѣ, здѣсь было еще настолько свѣжо, что войска вышли въ мундирахъ.

41. Мобестіе 6 мая 1904 г.

Офицеры виѣ строя въ сюртукахъ при шарфахъ.

Гр. Келлеръ, въ формѣ стрѣлковъ Императорской фамиліи, подѣхалъ галопомъ на царской лошади, поздравался съ войсками и поздравилъ ихъ съ праздникомъ. Онъ сидѣлъ молодцомъ и несмотря на его пѣхотный мундиръ, было видно, что онъ кавалеристъ не случайный, а настоящій.

Вспомнились мнѣ года молодости: еще въ пажескомъ корпусѣ, Келлеру, какъ лучшему ѣздоку, давали въ манежѣ тряскую и довольно трудную въ ѣздѣ кобылу Викторію, затѣмъ въ кавалергардскомъ полку онъ былъ въ числѣ хорошихъ ѣздовъ.

Келлеръ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ мѣсту церковнаго служенія. Напротивъ стояли знаменщики присутствующихъ на парадѣ войскъ. Началась служба.

Во время богослуженія при боевой обстановкѣ присутствующими овладѣваетъ особое настроеніе — не оди-

наковое для всѣхъ: истинно вѣрующихъ молитва укрѣпляетъ, даетъ имъ подъемъ духа, у нихъ выраженіе лица торжественное, чуть ли не радостное; другіе молились усердно, клали земные поклоны, но успокоенія молитва имъ не давала, потому что они

боялись смерти и молились о сохраненіи жизни, забывъ слова молитвы Господней—„Да будетъ воля Твоя“. Какъ часто приходится видѣть людей сокрушающихся, повидимому, о чужомъ горѣ, тогда какъ въ дѣйствительности имъ жалко только себя при

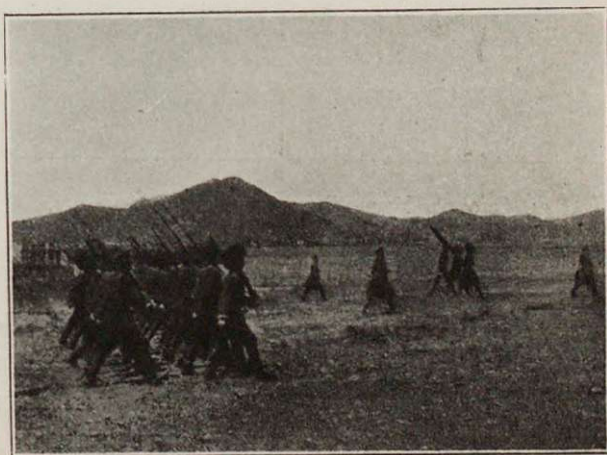
мысли, что имъ тоже придется умирать или переносить личное горе. Тутъ были тоже настоящіе воины, готовые на самопожертвованіе, они глядѣли смѣло впередъ, нетревожимые мучительными опасеніями. Но большинство безучастно — какъ будто равнодушные ко всему, они вѣрятъ въ предопредѣленіе и переносятъ безропотно самыя

42. 11-й Восточно-Сибирскій стрѣлк. полкъ на парадѣ.

тяжелыя испытанія—для нихъ существуетъ поговорка: „двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать“.

Было пропѣто многолѣтіе. Графъ Келлеръ и за нимъ всѣ офицеры приложились къ кресту. Духовенство, въ сопровожденіи начальствующихъ, обходило войска и окропляло ихъ святой водой, а баталіонъ за баталіономъ подхватывалъ цѣлымъ хоромъ: „Спаси Господи“. Это было торжественно и производило сильное впечатлѣніе.

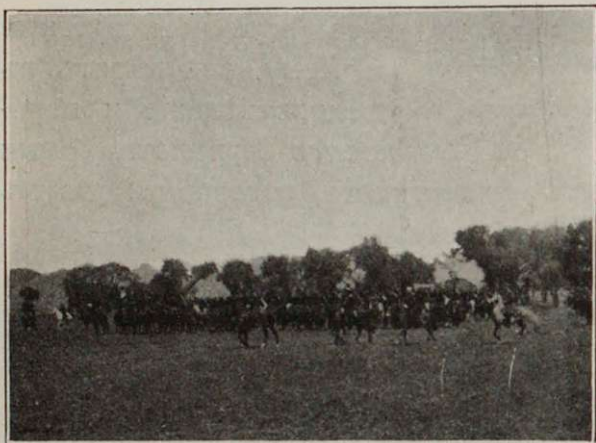

43. 12-й Восточно-Сибирскій стрѣлк. полкъ на парадѣ.

Послѣ выпитой чарки за здоровье Государя, Государынь, Наслѣдника и Командующаго арміей гр. Келлеръ пропустилъ парадъ церемоніальнымъ маршемъ и затѣмъ направился смотрѣть Уссурійскій полкъ. Одной сотнѣ приказано разсѣдлатъ коней: они имѣли дѣйствительно истощенный видъ, а спины были сбиты

почти у всѣхъ. На опросѣ казаковъ оказалось, что большинство не умѣло стрѣлять, ни владѣть шашкой, они не знали ни коннаго ни пѣшаго строя. Офицеры были недостаточно подготовленными. А между тѣмъ Абаціеву предстояло сегодня же выступить въ походъ и идти усиленными переходами на югъ для выполненія особой задачи.

Келлеръ вызвалъ впередъ офицеровъ и передалъ имъ, что онъ требуетъ постоянного и самаго внимательнаго наблюденія за всесторонней подготовкой казаковъ къ боевой службѣ. Абаціеву же онъ сказалъ, что въ случаѣ нерадѣнія или неспособности сотенныхъ командировъ, онъ ему вмѣняетъ въ обязанность, для пользы службы, смѣнять ихъ и назначать временно командующихъ, хотя бы и младшихъ чиномъ.

44. Смотръ Уссурийскому казачьему полку.

Переодѣвшись, мы поѣхали осматривать замѣченные вчера высоты на лѣвомъ флангѣ главной позиціи. Дорога, по которой могла бы свободно слѣдовать артиллерія, проходила параллельно главному этапному пути отъ Ляояна на Фынхуанченъ, около двухъ верстъ къ сѣверу. Подъемъ на горы былъ не слишкомъ крутой и также

доступенъ для артиллеріи.

Поднимаясь вдоль ручья, вверхъ по ущелью, мы согнали медвѣдя; молодые офицеры захватили винтовки у казаковъ и бросились за нимъ въ погоню, но успѣха не имѣли: въ сплошномъ кустарникѣ можно было найти звѣря только съ собаками или выгнать его на чистое мѣсто облавою.

Мы выбрались на вершину горъ и очутились позади нашей главной укрѣпленной позиціи. Нѣсколько орудій, поставленныхъ въ этомъ мѣстѣ непріателемъ, могли бы сбить наши батареи съ тыла и обстрѣливать путь отступленія.

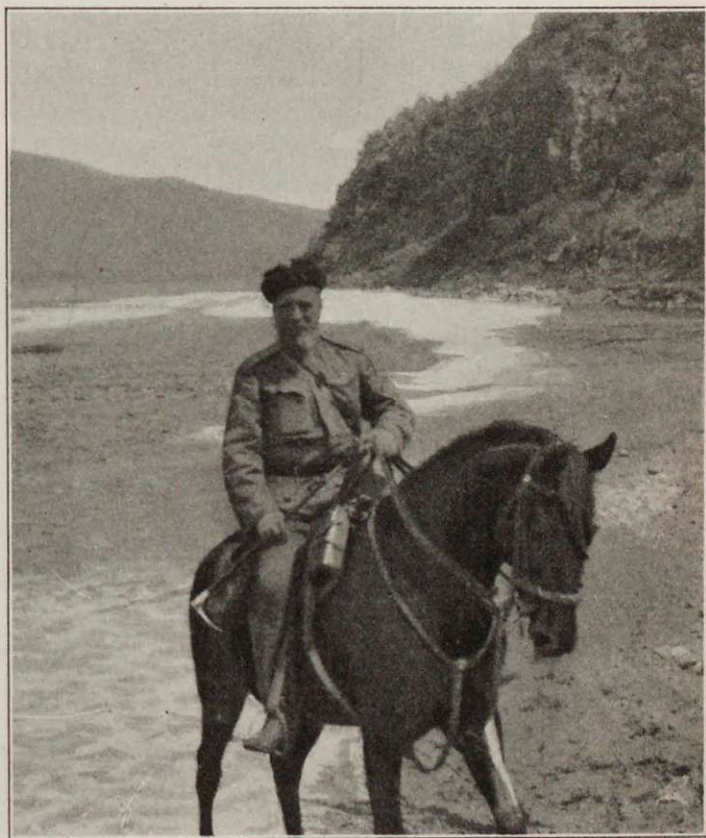
Рѣшено было расширить и улучшить существующую дорогу и провести новыя для передвиженія войскъ и артиллеріи и — занять вершину высотъ тремя горными орудіями (имѣлось ихъ только

пять, старого образца, изъ которыхъ два было подбито); гребни высотъ должны были быть заняты стрѣлками, имѣвшими за собою на полугорѣ частные резервы; были намѣчены мѣста для главныхъ резервовъ, готовыхъ, во время боя, двинуться, куда требовались бы подкрѣпленія, и на обходы непріятеля отвѣчать охватами его фланговъ, что Келлеръ называлъ активной обороной. Не имѣя численнаго превосходства, было необходимо встрѣчать густыя цѣпи японцевъ, какими они атаковали насъ подъ Тюренченомъ, хотя бы слабыми цѣпями стрѣлковъ, но защищенныхъ окопами и — выдвигать впереди нашихъ фланговъ сильныя части для предупрежденія обходовъ. Противника надо было атаковать настойчиво свѣжими резервами, когда онъ будетъ истомленъ упорствомъ защиты, израсходуетъ патроны и покажутся признаки ослабленія.

Мы спѣшили, спустились напрямикъ по крутому обрыву и вернулись на бивакъ. По дорогѣ намъ встрѣтился начальникъ инженеровъ генералъ Величко, прибывшій изъ Ляояна для осмотра инженерныхъ работъ на позиціяхъ.

Вечеромъ собрались у Келлера на совѣщаніе генералы Величко и Кашталинскій и полковникъ Орановскій.

Въ Ляндансянѣ водки не было, ее привезли изъ Ляояна къ сегодняшнему празднику. Вечеромъ въ лагерѣ горѣли костры, раздавалась музыка и пѣніе. У офицеровъ, бывшихъ юнкеровъ Николаевского кавалерійскаго училища, чествовался въ мѣстномъ

45. Гр. Келлеръ верхомъ.

ресторанъ храмовой праздникъ училища: тамъ тоже пѣсенники, играла полковая музыка, кричали ура, туши чередовались маршами—веселье продолжалось за полночь.

7 мая. Полковникъ Орановскій сообщилъ мнѣ, что между Ляншангуаномъ и Саймацзы не было связи, поэтому ѣхать этимъ путемъ съ кладами было бы рискованно, слѣдовало мнѣ возвратиться къ полуэтапу и оттуда свернуть на Аньпинь, первый этапъ на главной дорогѣ изъ Ляояна въ Саймацзы.

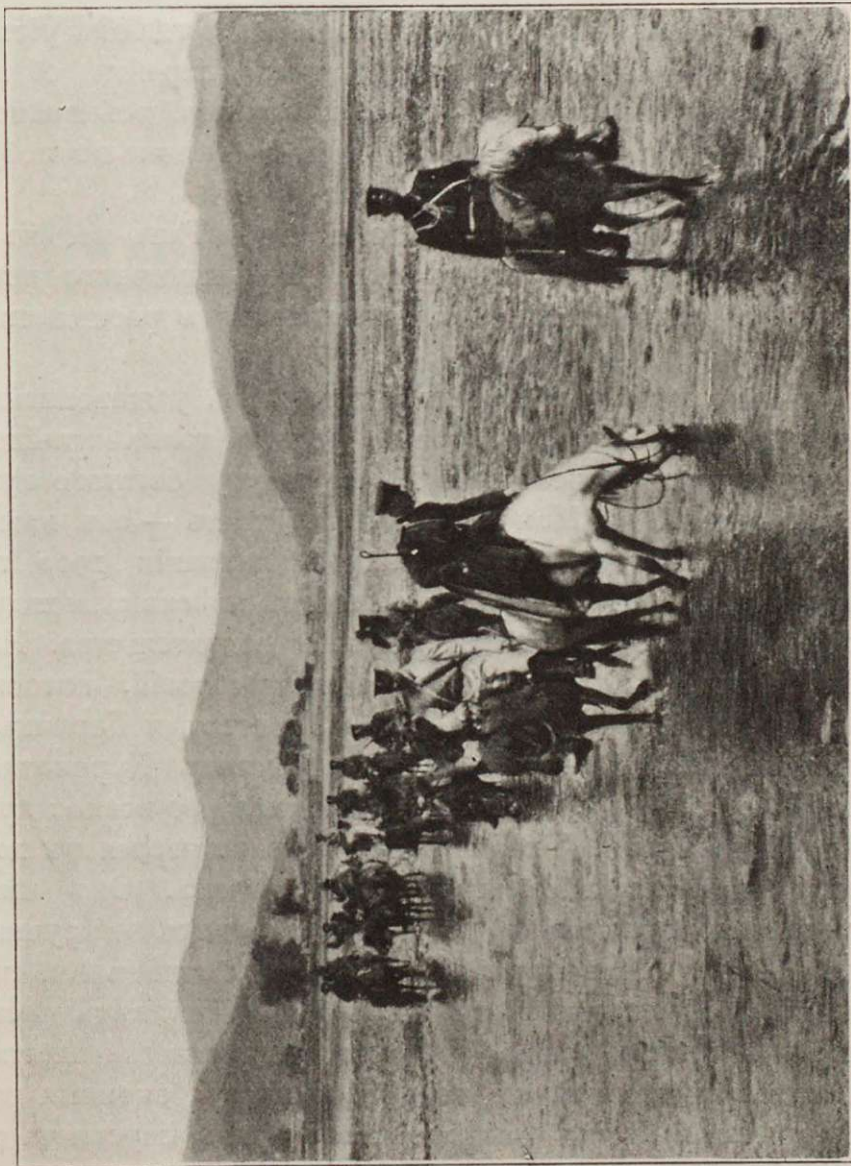

46. Гр. Келлеръ осматриваетъ позиціи.

Жаль было отказаться отъ поѣздки съ Келлеромъ до Ляншангуана, но я торопился въ полкъ, а Келлеръ ожидалъ завтра командующаго арміей и не былъ увѣренъ, что ему удастся въ скоромъ времени посѣтить свой передовой отрядъ. Я рѣшилъ выѣхать завтра и предупредилъ о томъ Эдлунда, который тоже собирался въ отрядъ генерала Ренненкампа.

Былъ у меня подполковникъ 11-го стрѣлковаго полка Шиповъ, талантливый рисовальщикъ, котораго я зналъ въ Парижѣ, когда онъ состоялъ тамъ при посольствѣ.

Мы съ Келлеромъ ужинали вдвоемъ; онъ снова повторилъ, что очень желалъ бы имѣть меня въ своемъ отрядѣ, потому что онъ дорожилъ мною не только какъ другомъ, но также какъ начальникомъ части, на котораго могъ вполнѣ положиться. Долго продолжалась наша бесѣда и мы были оба очень взволнованы при прощаніи.

47. Иностранные военные агенты и свита гр. Келлера.

8 мая. При послѣднемъ прощаніи съ Келлеромъ мы не могли выговорить ни одного слова — намъ, можетъ быть, не суждено было болѣе встрѣтиться.

Мы выступили въ 9 часовъ утра, а въ Соялинцзы были

въ половинѣ двѣнадцатаго. Всѣ войска, расположенныя на полу-этапѣ были въ сборѣ и ожидали прїѣзда командующаго. Наконецъ появились гонцы, дозоры, взводъ казаковъ и за ними командующій въ коляскѣ, довольно медленно подвигавшейся по испорченной послѣдними дождями дорогѣ.

Мы хотѣли обѣдать, но рестораторъ просилъ насъ обождать отъѣзда командующаго, которому онъ подавалъ завтракъ въ отдѣльной фанзѣ. Командующій завтракалъ недолго и когда онъ уѣхалъ, генераль баронъ Иксюль пригласилъ насъ перейти обѣдать въ эту фанзу и угостилъ насъ превосходнымъ рейнвейномъ, найденнымъ у мѣстнаго маркитанта; такимъ виномъ не побрезговали бы самые взыскательные знатоки.

Отъ Соялинцзы дорога шла по долинѣ Танъ-хе (хе по китайски—рѣка), горы здѣсь не высокія. Довольно часто встрѣчались деревни, обсаженныя плакучими ивами и раскидистыми акаціевидными деревьями.

Подъ тѣнью мощно разросшихся деревьевъ, у живописныхъ крѣпостныхъ воротъ Ань-пиня, стояла пестрая толпа китайцевъ. Этапный комендантъ отвелъ намъ квартиру у богатаго купца Тифунтая. Тифунтай въ Манчжуріи знаменитость — онъ нажилъ большое состояніе во время китайской кампаніи 1900 года поставками разнаго рода довольствія нашимъ войскамъ, исполняя вполне добросовѣстно принятыя на себя обязательства. Намъ не пришлось тогда терпѣть тѣхъ злоупотребленій, которыми отличалась пресловутая компанія Коганъ, Грегерь и Горвицъ во время турецкой войны. Говорили, что генераль Куропаткинъ оказывалъ Тифунтаю особый почетъ, принималъ во всякое время и вполне ему довѣрялъ. Тифунтай тоже не оставался въ долгу и не разъ оказывалъ цѣнныя услуги войскамъ. Онъ имѣлъ склады товаровъ и магазины во всѣхъ городахъ и крупныхъ торговыхъ центрахъ Манчжуріи. Его фанзы и лавки въ Ань-пинѣ окружены высокой каменной стѣной съ бойницами, какъ настоящая „импань“. Внутри двора, устланнаго каменными плитами, стояли рядами цвѣты въ кадкахъ и горшкахъ; оконныя рамы во всю стѣну сдѣланы изъ тонкаго деревяннаго переплета разныхъ рисунковъ и оклеены бумагой, вмѣсто стеколъ.

Пепино ознакомился въ первый разъ съ устройствомъ китайскихъ кухонь; очаги онъ находилъ удобными, но относился съ большимъ презрѣніемъ къ тому, что въ нихъ готовили китайцы.

Ночью я былъ разбуженъ дракой стада свиней подъ моимъ

окномъ: топтанье, хрюканье, визгъ продолжались до разсвѣта. Все дѣло въ привычкѣ. Уличный шумъ Парижа ночью, гдѣ движеніе почти непрерывное, меня нисколько не беспокоило, а лай собакъ, крикъ пѣтуховъ, мычаніе, ржаніе, блеяніе разныхъ домашнихъ животныхъ не давали мнѣ спать.

9 мая. Вещи Эдлунда и мои были переложены съ казенныхъ двуколокъ на китайскую арбу, запряженную четырьмя мулами, нанятую до Фанзяпуцзы; далѣе китайцы везти не соглашались, что было крайне неудобно, такъ какъ, говорятъ, тамъ трудно достать перевозочныя средства и придется, можетъ быть, оставить вещи до оказіи, т. е. до прохожденія какого-нибудь транспорта.

Мы выступили въ пять часовъ утра, а къ полудню подошли къ деревнѣ Гуцзяцзы. Настало время заморить червячка; я свернулъ въ ворота съ красными подвѣсами, вывѣсками постоялаго двора, но одинъ китаецъ мнѣ загородилъ дорогу и не пускалъ во дворъ, гдѣ стояли у коновязи около десятка богато осѣдланыхъ лошадей. Меня пустили только, когда подъѣхали Эдлундъ и вѣстовые. Что это могло означать: въ просторной фанзѣ за длиннымъ столомъ нарядно одѣтые китайцы пили чай, они поспѣшно встали, вышли во дворъ, сѣли на коней и уѣхали—не были ли это хунхузы? какъ бы не встрѣтили они насъ на Юшулинскомъ перевалѣ, гдѣ не разъ были нападенія на проѣзжающихъ безъ конвоя. Не далѣе какъ вчера хунхузы перерѣзали трехъ казаковъ, заночевавшихъ въ одинокой фанзѣ неподалеку отсюда.

Закусивши, мы отправились дальше. На дорогѣ встрѣтили солдатъ, несшихъ на носилкахъ раненаго; мы подумали, что это была новая жертва хунхузовъ, но сопровождавшій раненаго фельдшеръ сказалъ намъ, что онъ самъ перерѣзалъ себѣ горло, потому что потерялъ винтовку и думалъ, что за это его отдадутъ подъ судъ. Я имѣлъ случай убѣдиться впослѣдствіи, что у забайкальцевъ этого чувства ответственности за утрату казеннаго оружія почти что не существовало: очень часто на мѣстѣ ночлега были забыты одна или двѣ винтовки и за это виновные не подвергались строгому наказанію, а исчезнувшую винтовку показывали потерянною въ бою, во время переправы или нечаянно сгорѣвшею. Почти каждый разъ, что мы выступали изъ деревни, гдѣ была ночевка, я останавливалъ казаковъ, возвращавшихся назадъ и спрашивалъ, куда они ѣдутъ—по большей части они отвѣчали, что забыли въ фанзѣ винтовку.

На второй этапъ у деревни Лягаулинъ мы пришли довольно рано, безъ приключеній на Юшулинскомъ перевалѣ.

Имѣлась только одна фанза, коменданта этапа, въ которой помѣщалась уже большая компанія; пришлось немного потѣсниться, чтобы дать намъ мѣсто для ночлега. Всѣ набросились на прибывшаго маркитанта и разобрали, что особенно цѣнилось въ Манчжуріи: чай, сахаръ, коньякъ и вино; водка была рѣдкостью, за бутылку Поповки или Смирнова платили пять и шесть рублей.

48. „Эдлундъ“.

Сегодня праздновалъ свои именины командиръ батареи, стоявшей впереди на позиціи. Цѣлый день офицеры закусывали и пили водку. Одинъ изъ нихъ хорошо игралъ на гитарѣ, начальникъ транспорта пѣлъ прекраснымъ груднымъ голосомъ, несмотря на то, что онъ пропустилъ изрядное количество водки. Вечеромъ сталъ играть оркестръ 23 полка. Я легъ спать, а Эдлундъ, обладавшій удивительнымъ аппетитомъ, не ложился, пока было на столѣ что поѣсть или выпить.

Сквозь сонъ я слышалъ, что принялись играть въ карты, метали банкъ, голоса дѣлались все болѣе и болѣе хриплыми, то и дѣло выкликивали заспанныхъ денщиковъ, чтобы принести еще водки или вина. Кутежъ, попойка и карточная игра длились всю ночь, а музыка не умолкала. Подъ утро только стали укладываться спать. Мой сосѣдъ ругалъ и билъ своего денщика за то, что постель была разложена не по вкусу, многихъ рвало. Я былъ радъ, что свѣтало и поспѣшилъ встать и уйти подальше отъ этого безобразія.

Эдлундъ присутствовалъ при всемъ, что происходило; онъ рассказывалъ мнѣ, что одинъ офицеръ запустилъ въ другого стаканомъ, что молодой подпоручикъ проигралъ 700 рублей и, конечно, не могъ выплатить эти деньги изъ жалованья. Мнѣ было невыразимо стыдно, что иностранецъ былъ свидѣтелемъ недостойнаго поведенія нашихъ офицеровъ. Еще печальнѣе то, что

такіе примѣры начальствующихъ дѣйствуютъ развращающимъ образомъ на нижнихъ чиновъ. Неуваженіе человѣческаго достоинства есть первый признакъ некультурности. Пьянство, сквернословіе, мордобитіе были въ арміи не единичнымъ явленіемъ, къ сожалѣнію, оно встрѣчалось во многихъ частяхъ.

10 мая. По дорогѣ мы осматривали позицію батареи у Лянде-гоу. Она была замаскирована въ лѣсу за гребнемъ высокаго хребта, выдвинувшагося поперекъ долины и обстрѣливала всѣ подступы къ дорогѣ на Ляоянь.

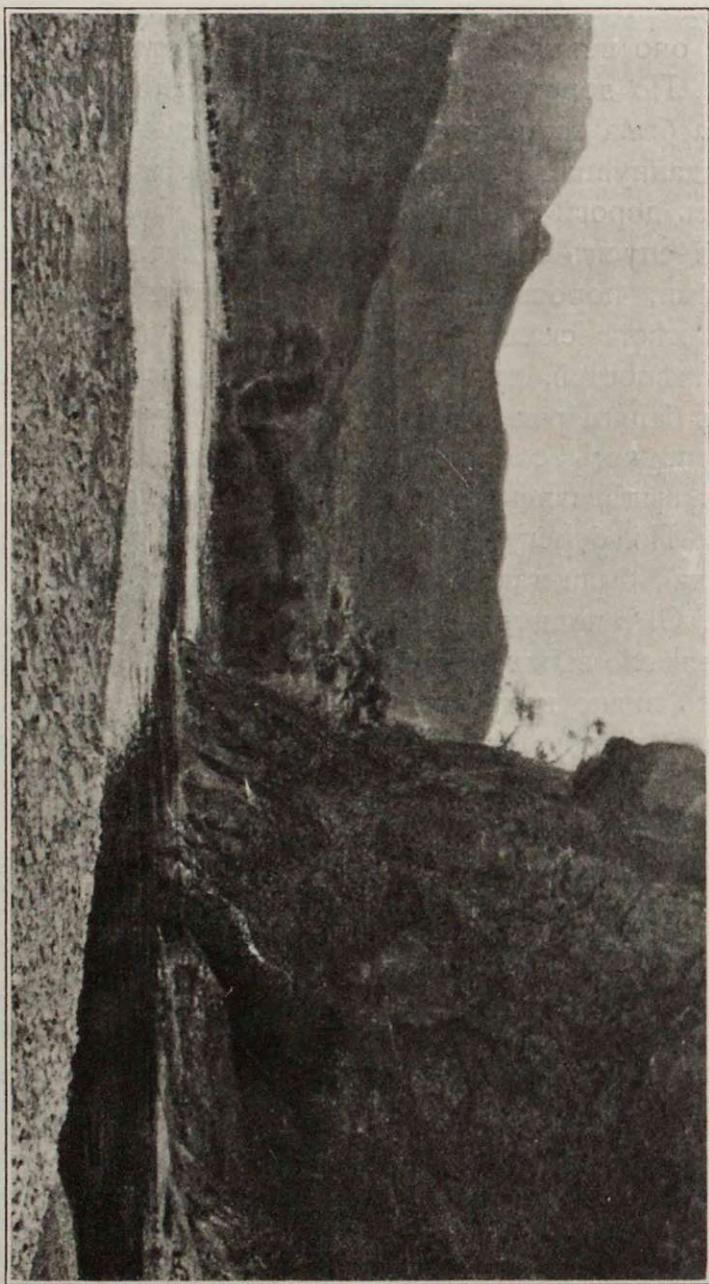
Крутой спускъ велъ насъ къ рѣкѣ, затѣмъ мы шли по долинѣ между горами, поросшими лѣсами и цвѣтущими кустарниками. Въ одномъ мѣстѣ скалы были похожи на зубчатые стѣны феодальныхъ крѣпостей, надъ ними поднимались правильной формы утесы, какъ башни рыцарскихъ бурговъ въ прирейнской провинціи. На вершинахъ сосноваго лѣса сотни аистовъ свили себѣ гнѣзда; они выдѣлялись бѣлыми пятнами на темно-зеленомъ покровѣ лѣса. По берегу рѣки мѣрно шагали журавли и обыкновенныя цапли, были также и бѣлыя цапли, какихъ я не видалъ въ Европѣ. Онѣ подпускали насъ на близкій ружейный выстрѣлъ и слетали, тяжело взмахивая крыльями, чтобы сѣсть снова немного далѣе; здѣсь видно никто ихъ не тревожилъ; у насъ это очень чуткая птица и подойти къ ней на выстрѣлъ въ открытомъ мѣстѣ невозможно.

Въ два часа мы подошли къ третьему этапу у д. Фанзяпуцзы. Здѣсь горная рѣчка дѣлала крутой изгибъ вокругъ скалистаго утеса, обросшаго вьющимися растеніями и цвѣтущими кустарниками, между которыми свѣшивались густыя кисти лиловой и бѣлой сирени и далеко несся запахъ садоваго жасмина. Это было очаровательное мѣстечко и мы съ наслажденіемъ провели день въ обществѣ любезнаго коменданта поручика Маевского, скромнаго и дѣловитаго. Онъ намъ уступилъ, по требованію, фуражъ, мясо, куръ и хлѣба.

Намъ сказали въ Ань-пинѣ, что хотя китайцы не берутся везти клади далѣе Фанзяпуцзы, но ихъ можно было заставить идти куда угодно, лишь бы платить въ день по пяти рублей. Я предлагалъ десять рублей, но они и на эту плату не соглашались. На наше счастье, отсюда шелъ въ Саймацзы на половину порожній транспортъ и начальникъ его любезно предложилъ взять наши вещи на свободныя двуколки.

11 мая. Мы встали рано, отдохнувши отлично послѣ двухъ

недоспанныхъ ночей. Было сыро, начиналъ накрапывать дождь, но потомъ прояснѣло. Мы выступили одновременно съ транспортомъ, чтобы не подвергаться выстрѣламъ хунхузовъ, которыхъ

49. Фанзипуцзы.

здѣсь много; они нападали преимущественно на одиночныхъ солдатъ и казаковъ, но не щадили также и своихъ, отнимая у нихъ послѣдніе пожитки; доставалось же въ особенности богатымъ поселянамъ и купцамъ.

Долина суживалась, поднимаясь къ верховьямъ рѣки, заваленной крупными камнями, теченіе дѣлалось все быстрее и образовало мѣстами водопады. Деревни и отдѣльныя фанзы были пусты, жители ушли въ горы, унося свои запасы и угоняя скоть. Проходящія войска были вынуждены посылать фуражировъ на поиски за продовольствіемъ и фуражомъ, при чемъ было вѣрно за все расплачиваться по соглашенію, что, однако, рѣдко исполнялось. Во избѣжаніе злоупотребленій было приказано посылать фуражировъ всегда при офицерахъ, но это иногда было трудно исполнить за недостаткомъ офицеровъ. Было бы желательнымъ убѣдить жителей возвратиться въ свои деревни, но фуражировки ихъ озлобляли противъ насъ, потому что онѣ сопровождались насиліемъ, неизбѣжнымъ при розыскѣ попрыганныхъ жителями продуктовъ, кромѣ того, расчеты съ ними даже офицерами дѣлались произвольно, часто ниже стоимости взятаго, а между тѣмъ справочныя цѣны были такъ высоки, что было возможно удовлетворить самыхъ алчныхъ хозяевъ продавцовъ и оставалась бы большая экономія въ частяхъ.

Въ одиннадцать часовъ утра мы подошли къ четвертому этапу у подножія Фыншуйлина; здѣсь предполагалось остановиться на продолжительный приваль, чтобы выкормить лошадей транспорта передъ труднымъ подъемомъ на переваль.

Успѣли уже закусить и отдохнуть, былъ третій часъ, пора бы идти впередъ, но начальникъ транспорта тянулъ водку рюмку за рюмкой и не двигался съ мѣста. Въ это время подъѣхалъ къ этапу казакъ и доложилъ, что съ той стороны перевала поднималась батарея. Начальникъ транспорта хотѣлъ обождать здѣсь, пока батарея не перевалитъ черезъ гору, я на это не согласился и потребовалъ, чтобы транспортъ выступилъ немедленно, а самъ проѣхалъ рысью навстрѣчу батарее для выбора мѣста, гдѣ мы могли бы разойтись съ нею. Когда я вѣхалъ на вершину перевала, первое орудіе уже было тамъ.

На разложенныхъ буркахъ лежали и сидѣли командиръ и офицеры 4 забайкальской казачьей батареи и нѣсколько офицеровъ 23 стрѣлковаго полка, баталіонъ котораго занималъ позицію на перевалѣ. Я просилъ командира батареи не спускать орудій, пока не поднимется транспортъ до вершины, гдѣ было достаточно мѣста, чтобы свободно разойтись.

Остановливаясь у каждаго поворота вьющейся крутой дороги, нашъ обозъ двигался очень медленно; хотя лошади были крѣпкія

и сытые, онѣ едва вытягивали полупорожнія двуколки; можно себѣ представить, какого труда стоило поднимать орудія по восточному склону, еще болѣе крутому и гдѣ дорога не была вполне разработана.

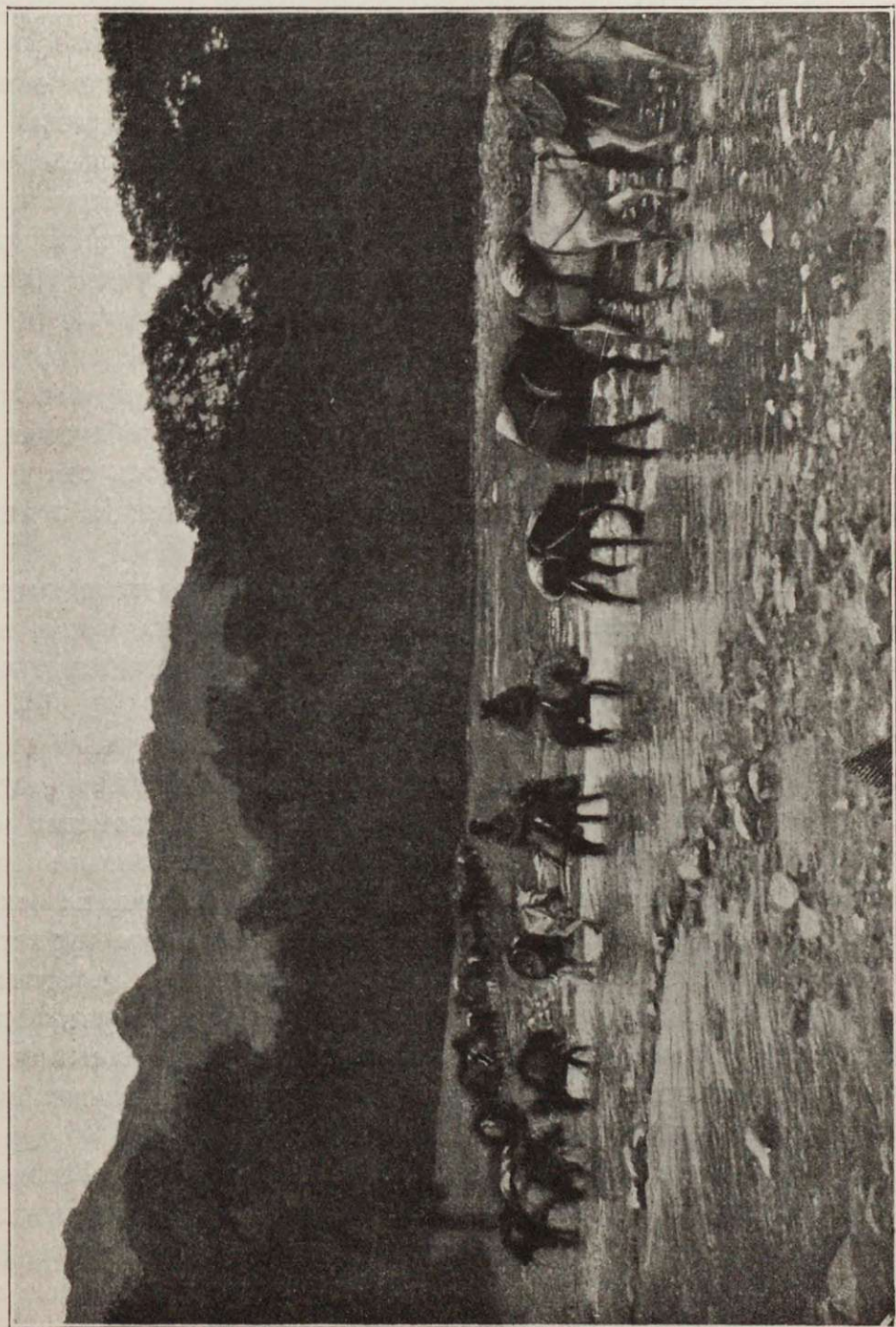
Батарея начала подниматься въ одиннадцать часовъ утра. Шесть орудій, одинъ запасный лафетъ и порожніе зарядные ящики добрались до перевала только къ шести часамъ пополудни, а снаряды, вынутые изъ зарядныхъ ящиковъ, несли на лоткахъ три роты стрѣлковаго полка.

Артиллеристы намъ рассказывали, что будучи въ отрядѣ полковника Волкова, имъ было предложено подполковн. генеральнаго штаба П. мѣ зарыть свои орудія, чтобы они не достались неприятелю. Не видя японцевъ и не имѣя подтвержденія, что они близко, командиръ батареи воздержался отъ исполненія этого приказанія. На другой день выяснилось, что опасность миновала: присутствіе неприятеля нигдѣ не было обнаружено.

Переваль Фыншуйлинъ на 820 метровъ выше уровня моря, растительность имѣла альпійскій характеръ: цвѣли крупные, розовые рододендроны съ темно-бурыми крапинками и бѣлыя гелеборы. Передъ вечеромъ вершину окутало облако, было сыро — и сразу все скрылось отъ глазъ. Не дожидаясь транспорта и нашихъ лошадей, задержанныхъ батареей, я спустился къ фанзѣ у восточнаго подножія Фыншуйлина, гдѣ была расположена охотничья команда 23 полка. Начальникъ команды, гостепріимный, какъ всѣ русскіе офицеры, предложилъ намъ ночевать у себя, накормилъ насъ и лошадей.

12 мая. Вчера былъ похороненъ здѣсь казакъ, убитый хунхузами на Палилинскомъ перевалѣ, въ пяти верстахъ отъ Фыншуйлина и въ одной верстѣ отъ казачьей заставы. Это произошло третьяго дня: два казака летучей почты подъѣзжали къ перевалу, когда изъ кустовъ на близкомъ разстояніи они были встрѣчены залпомъ, одинъ изъ нихъ вмѣстѣ съ лошадью свалился, другой ускакалъ назадъ. Когда онъ вернулся съ разѣздомъ отъ заставы, первый казакъ былъ найденъ мертвымъ, у него была одна пулевая рана въ груди, глубокій порѣзъ на шеѣ и отрублено ухо.

Поручикъ Л. , начальникъ транспорта, объявилъ намъ, что онъ не можетъ доставить наши вещи до Саймацзы, такъ какъ ему было предписано сдать транспортъ въ неизвѣстной ему деревнѣ, по дорогѣ изъ Гоньгауцзы въ Сяосырѣ. Это было для

50. Долина Цао-хэ – нашъ транспортъ.

насъ непріятнымъ сюрпризомъ. Гоньгауцзы намъ были по пути, въ двадцати пяти или тридцати верстахъ отъ Саймацзы, но дорога къ Сяосырю сворачивала въ сторону и приходилось оставить свои вещи въ Гоньгауцзахъ до оказіи.

Изъ этого затруднительнаго положенія насъ выручило знакомство поручика Л. съ картою: вмѣсто того, чтобы идти на сѣверъ, къ Палилинскому перевалу, онъ направилъ транспортъ на югъ, по долинѣ Цао-хе. Я замѣтилъ ему, что мы шли не туда, но онъ былъ твердо увѣренъ, что не ошибался. Этимъ путемъ мы могли попасть въ Гоньгауцзы не иначе какъ черезъ Саймацзы, сдѣлавъ лишнихъ тридцать или болѣе верстъ.

Насъ, однако, это не пугало: мы были обезпечены, что наши вещи будутъ доставлены прямо на мѣсто, а я не испытывалъ упрековъ совѣсти, что не вывелъ его изъ заблужденія: трудно было допустить, чтобы транспортъ требовалось сдать въ деревнѣ, гдѣ не имѣлось войскъ, а не въ расположеніе отряда; очевидно здѣсь было какое-то недоразумѣніе.

Долина Цао-хэ замѣчательно красива, здѣсь растительность еще богаче, чѣмъ на западномъ склонѣ Фыншуйлина, горы, покрытыя лѣсомъ, чередовались со скалами. Въ рѣку впадали ручьи изъ падей, уходящихъ неизвѣстно куда-то вглубь.

На картѣ онѣ не существовали, но японцы умѣли ими пользоваться и по нимъ обходили незамѣтно наши фланги, тогда какъ мы не обращали никакого вниманія на знакомство съ мѣстностью, даже тогда, когда на это имѣли достаточно времени. Эта долина и вообще вся нагорная Манчжурія напоминала мнѣ швейцарскій Оберландъ, на который не посмотрятъ туристы. Какъ весело идти походомъ по такимъ красивымъ мѣстамъ, очарованные глаза все ищутъ новыхъ впечатлѣній и усталости не замѣчаешь. Даже бой при такой обстановкѣ кажется менѣе жестокимъ. Напротивъ же, какъ скоро тяготишься движеніемъ по скучной, непривлекательной дорогѣ.

Поля были вездѣ обработаны; въ одномъ только мѣстѣ мы видѣли незапаханный навозъ, а работниковъ не видать нигдѣ, деревни всѣ пусты, вся жизнь какъ будто здѣсь замерла. На одномъ поворотѣ рѣки, гдѣ ущелье суживалось, мы увидѣли за кустами ползущихъ китайцевъ; были ли это мирные жители, скрывавшіеся отъ насъ или хунхузы, выслѣживающіе врага, Богъ ихъ вѣдалъ; насъ, однако, они не трогали.

Въ два часа мы стали на привалъ у рѣки подъ тѣнью

большихъ ивъ, зажженъ былъ костеръ и Пепино приготовилъ намъ обѣдъ. Когда лошади были выкормлены, мы двинулись дальше. Около одной деревни мы замѣтили необычайное оживленіе: на поляхъ работали китайцы, на арбахъ подвозили мѣшки съ зерномъ и мукою, у околицы стояли казаки среди манзъ, женщинъ и дѣтей. Давно мы не видали такого оживленнаго и мирнаго уголка и такого пріятельскаго отношенія между русскими и китайцами. Я спросилъ у казаковъ какого они полка, мнѣ отвѣтили—2-го Нерчинскаго. Меня крайне обрадовало, что я, наконецъ, добрался до своихъ. Пока я разговаривалъ съ казаками, къ намъ подъѣхалъ верхомъ командиръ 6-й сотни эсаулъ князь Джандіери, узнавшій о моемъ прибытіи и отпрапортовалъ о состояніи сотни. Отъ него мы узнали, что до Саймацзы еще далеко, онъ предложилъ намъ переночевать у себя на заставѣ въ д. Сунцзяфа, на что мы согласились съ удовольствіемъ, такъ какъ было уже поздно и до Саймацзы мы не могли дойти ранѣе двухъ, трехъ часовъ ночи. До заставы было верстъ пять, на всемъ пути встрѣчались китайцы, занятые полевыми работами. Князь Джандіери объяснилъ намъ, что этого спокойствія въ районѣ своего расположенія онъ достигъ тѣмъ, что расплачивался съ китайцами по условленной цѣнѣ, наблюдалъ, чтобы казаки ихъ не обижали и охранялъ жителей отъ нападений хунхузовъ, ни одного казака онъ не посылалъ на фуражировку: все что требовалось было ему доставлено на мѣсто китайцами. Мнѣ было пріятно, что такое умиротвореніе было достигнуто офицеромъ нашего полка. Это доказывало, что край не пострадалъ бы отъ варварскаго опустошенія, а войска наши не нуждались бы ни въ чемъ, если бы исполнялось въ точности то, что настойчиво требовалось приказами по арміи, что подтверждалось постоянно начальниками отрядовъ и что всѣ добросовѣстные ближайшіе начальники находили необходимымъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы выѣхали изъ Ляояна, намъ въ первый разъ привелось видѣть вполнѣ нормальную жизнь мѣстнаго населенія, которое было достигнуто только добросовѣстностью начальника расквартированной части.

Въ деревнѣ, гдѣ стояла застава, фанзы казаковъ были содержаны въ чистотѣ и порядкѣ, видъ у казаковъ былъ бодрый, больныхъ не было, лошади были въ хорошемъ тѣлѣ, но у многихъ были сбиты спины; это происходило отчасти отъ того, что забайкальцы невнимательны къ лошадямъ, сѣдлали и выючили не-

брежно, а придя на мѣсто, они спѣшили заваривать чай, не заботясь о лошади. Сотенные командиры и вахмистра должны были сами слѣдить, чтобы выюки были сняты безъ промедленія, чтобы лошади были разсѣдланы и спины растерты соломою, гаолянномъ или сухой травой.

Джандіери представилъ мнѣ офицера своей сотни хорунжаго Иванова, бывшаго оренбургскаго казака.

13 мая. Шель мелкій дождь. Князь Джандіери далъ намъ конвой зъ шести казаковъ и самъ провожалъ насъ до перекрестка, откуда шла прямая дорога на Саймацзы. Ивановъ поѣхалъ съ нами, имѣя дѣло въ штабѣ дивизіи. Несмотря на утвержденіе урядника-проводника, хорошо знакомаго съ мѣстностью, что мы шли правильно, Ивановъ находилъ, что мы сбились съ пути, наконецъ, въ одномъ мѣстѣ онъ сказалъ: „я здѣсь ни одной примѣты не узнаю, мы не той дорогою идемъ, обождите немного, я погляжу съ сопки“. Онъ выѣхалъ на гору и оттуда послалъ казака къ транспорту съ приказаніемъ вернуть его обратно до перекрестка и вывести на вѣрную дорогу, а намъ предложилъ подняться по едва намѣченной тропинкѣ къ перевалу и спуститься на дорогу, гдѣ „примѣты“ были Иванову хорошо знакомы. Сразу было видно, что Ивановъ умѣлъ прекрасно ориентироваться; такіе офицеры, если они притомъ рѣшительны и храбры, неоцѣнимые развѣдчики. Мнѣ казалось, что Ивановъ совмѣщалъ всѣ эти качества и впоследствии я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что я не ошибался.

Не стѣсняемые транспортомъ, мы шли широкимъ шагомъ и въ половинѣ второго пришли въ Саймацзы, гдѣ узнали, что генераль Ренненкампфъ ушелъ съ отрядомъ въ экспедицію нѣсколько дней тому назадъ и вернется завтра.

По случаю ухода отряда, штабъ дивизіи и остававшіеся въ Саймацзахъ части перешли въ предмѣстье города, по ту сторону рѣки, гдѣ небольшому отряду было легче защищаться при внезапномъ нападеніи. Мы отправились въ штабъ дивизіи, чтобы представиться старшему начальнику, командиру 1-го Аргунскаго полка полковнику Трухину, котораго застали за обѣдомъ вмѣстѣ съ офицерами штаба; онъ любезно предложилъ намъ сѣсть за столъ. Полковникъ Трухинъ—двоюродный братъ командующаго нашимъ полкомъ войскового старшины Евграфа Ивановича Трухина.

Нашъ транспортъ долженъ былъ дѣйствительно прибыть въ Саймацзы и его ждали съ нетерпѣніемъ.

Эдлундъ остался при штабѣ, а я разыскалъ штабъ 2-го Нерчинскаго полка и поставилъ свою палатку въ саду позади фанзы, гдѣ помѣщались наши офицеры: казначей хорунжій Мотыгинъ, завѣдывающій летучей почтой хорунжій Шейфертъ, передавшій мнѣ первую корреспонденцію, полученную съ отъѣзда изъ Россіи, хорунжіе Мерчанскій и Ивановъ, прибывшій съ нами, и сотникъ Бобровскій, бывший офицеръ Хоперскаго казачьяго полка, Кубанскаго войска, въ которомъ я служилъ до выхода въ отставку.

Передъ вечеромъ были принесены въ Красный Крестъ раненые изъ отряда генерала Ренненкампа: сотникъ Улагай, только что прибывшій въ дѣйствующую армію также изъ Хоперскаго полка, и нѣсколько казаковъ. Улагай былъ раненъ на вылетъ въ лѣвое легкое; врачи считали его рану опасною, но надѣялись на благополучный исходъ, если не будетъ осложнений; одинъ изъ раненыхъ казаковъ умеръ дорогою.

14 мая. Утромъ хоронили умершаго отъ ранъ казака 1-го Аргунскаго полка, церковнаго обряда не было, потому что не было въ дивизіи священника: говорили, что назначенный священникъ доѣхалъ уже до Фыншуйлина, но во время подъема на перевалъ, повозка съ церковною утварью опрокинулась, а сопровождающій батюшку офицеръ магометанинъ, не только не оказалъ ему содѣйствія, но сталъ глумиться надъ нимъ. Батюшка, вѣроятно, подумалъ, что всѣ офицеры отряда такіе же басурмане и не будутъ относиться съ должнымъ уваженіемъ къ его сану, поэтому онъ вернулся обратно.

Провожали покойника сотни 1-го Аргунскаго полка съ хоромъ музыкантовъ, всѣ оставшіеся въ Саймацзахъ офицеры и казаки, свободные отъ наряда. Китайскій раскрашенный деревянный гробъ съ останками казака былъ опущенъ въ могилу, офицеры бросили въ нее по горсти земли и она была засыпана. Послѣ нѣкотораго раздумія, крестъ былъ водруженъ въ головѣ могилы, хотя многіе утверждали, что онъ долженъ быть поставленъ въ ногахъ. Полковникъ Трухинъ, обращаясь къ казакамъ, сказалъ краткое слово, которое закончилъ такъ: „покойный въ бою защищалъ своихъ товарищей, помолимся же мы за него“. Мы вернулись домой подъ звуки веселаго вальса.

Полковникъ Трухинъ предложилъ мнѣ столоваться при штабѣ,

но я благодарилъ его и отказался, такъ какъ Пепино уже готовилъ обѣдъ, на который я пригласилъ офицеровъ нашего полка.

Отъ генерала Ренненкампа получено сообщеніе, что онъ останется съ отрядомъ въ Айямынѣ еще два или три дня и просилъ прислать чаю, сахару и коньяку, если ожидавшійся транспортъ прибылъ. Сотникъ Бобровскій выступалъ завтра утромъ съ затребованными генераломъ продуктами и я рѣшилъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, чтобы представиться начальству.

Я только что затушилъ электрическую лампу и собирался заснуть, когда услышалъ незнакомый голосъ у моей палатки: „Полковникъ, могу я къ вамъ зайти, я Заботкинъ“.—Войсковой старшина Заботкинъ былъ завѣдующимъ хозяйствомъ нашего полка и только что вернулся изъ командировки. Я извинился, что не могъ его принять: ночь была холодная и не хотѣлось вылѣзть изъ теплаго постельнаго мѣшка, чтобы расшнуровать входъ въ палатку; Заботкинъ сказалъ, что онъ ѣдетъ съ нами въ отрядъ завтра.

15 мая. Я всталъ въ четыре часа утра, Заботкинъ и Бобровскій еще спали, они собрались въ путь только къ девяти часамъ. Мы шли переменными аллюрами и व्यюки, не поспѣвавшіе за нами, остались далеко сзади. Былъ пройденъ переваль и оставалось не болѣе восьми верстъ до Айямына, когда послышались впереди частые ружейные выстрѣлы и вскорѣ показалась идущая намъ навстрѣчу казачья лава.

Вѣстовой Заботкина крикнулъ: „Ваше Всбродіе, наши отступаютъ въ кальеръ“.—„Что испугался г“—прикрикнулъ на него Заботкинъ. Бобровскій приказать одному изъ нашихъ казаковъ скакать назадъ и вернуть व्यюки въ Саймацзы. Я нашелъ страннымъ, что офицеръ позволялъ себѣ отдавать приказанія въ присутствіи старшихъ, кромѣ того я не понималъ почему отправлять обратно провизію, въ которой могли бы нуждаться въ отрядѣ, поэтому приказаніе это я отмѣнилъ.

Когда мы поравнялись съ лавою, казаки сказали, что на разсвѣтѣ японцы неожиданно напали на нашъ бивакъ и пришлось отступить передъ превосходными силами.

Вотъ показался отрядъ, впереди и по бокамъ шли дозоры, развѣвались значки начальниковъ. Въ аріергардѣ перестрѣлка еще продолжалась.

Заботкинъ, приложивши руку къ козырьку, подѣхалъ къ одному всаднику въ черной, довольно потертой шведской курткѣ,

съ разстегнутымъ воротомъ рубашки; на немъ не было ни погонъ ни орденовъ. Полное лицо съ голубыми глазами немного на выкатѣ, съ русыми, молодецки закрученными усами, дышало безстрашіемъ и желѣзной волей. Вся его фигура напоминала мнѣ викингѣвъ на фрескахъ германскаго посольскаго дворца, палаццо Карафелли въ Римѣ. Я догадался, что это былъ генераль Ренненкампфъ, хотя я не нашелъ сходства съ популярными его портретами и прекраснымъ наброскомъ Кравченки. Онъ протянулъ мнѣ руку: „Вы, вѣроятно, войсковой старшина Квитка“, — сказалъ онъ со своей обычной манерой говорить сжато, прямо къ дѣлу и не допуская лишнихъ словъ.

Нашъ полкъ шелъ позади Аргунскаго, я представился командующему полкомъ войск. ст. Трухину. Онъ природный забайкалецъ, съ типичными признаками бурятской крови въ морщинистомъ плоскомъ лицѣ; щетинистые усы и брови придаютъ ему, на первый взглядъ, суровое выраженіе, въ обращеніи онъ простъ, любезенъ и казался добрымъ, я былъ увѣренъ, что мы будемъ съ нимъ ладить. Познакомился съ офицерами полка и съ командовавшимъ 2 Аргунскимъ полкомъ войск. ст. Кобылкинымъ, отрѣшеннымъ сегодня утромъ отъ командованія генераломъ Ренненкампфомъ за то, что онъ отступилъ съ главными силами безъ приказанія. Кобылкинъ не скрывалъ, что онъ выслужился изъ писарей и рассказывалъ много любопытнаго изъ своего прошлаго. Въ отрядѣ я встрѣтилъ стараго пріятеля, полковника Карцева, командовавшаго казачьей бригадой на Ялу. Все, что было на немъ, носило слѣды продолжительнаго похода — онъ потерялъ выюки со всѣми вещами и болѣе двухъ недѣль не могъ переодѣться. Впрочемъ щегольство въ манчжурской арміи можно было видѣть только въ главной квартирѣ, большинство строевыхъ офицеровъ было одѣто, въ холодную пору, въ шведскія куртки (называемыя въ арміи теплушками), а лѣтомъ въ блузы разнаго цвѣта и образца безъ погонъ. Разнообразіе, или скорѣе отсутствіе форменной одежды происходило отчасти отъ того, что не считалось возможнымъ требовать соблюденія формы, вслѣдствіе затруднительности доставки въ дѣйствующую армію предметовъ обмундированія. Съ прибытіемъ на театръ военныхъ дѣйствій экономическихъ обществъ, въ этомъ не встрѣчалось болѣе затрудненій, но у насъ, почему-то, принято считать, что щегольство недостойно серьезнаго человѣка, это признакъ легкомыслія и неспособности къ дѣльной, плодотворной работѣ. Я помню,

какъ въ молодости меня глубоко презирали охотники, товарищи, одѣтые въ какое-то тряпье, за то только, что у меня былъ нарядный и удобный охотничій костюмъ, несмотря на то, что на мое ружье доставалось не менѣ дичи, чѣмъ на ихъ самопалы. Была и другая причина, отчего начальство не только не преслѣдовало, но даже одобряло ношеніе неформенныхъ одѣяній: это была большая убыль въ офицерскомъ составѣ отъ того, что японцы слѣдили за появленіемъ начальниковъ и направляли въ нихъ не только ружейный, но даже орудіиный огонь.

Было, конечно, необходимо уменьшить потери между офицерами, въ которыхъ начиналъ чувствоваться недостатокъ, но разрѣшеніе одѣваться какъ попало, было какъ бы поощреніемъ неряшества, а это въ военной средѣ не должно быть допустимо. Японцы дрались не хуже насъ, но мы ихъ рѣдко видѣли и еще рѣже удавалось нашимъ отборнымъ стрѣлкамъ взять японскаго офицера на прицѣлъ, потому что они умѣли примѣняться къ мѣстности, а между тѣмъ всѣ они, и нижніе чины и офицеры, были всегда одѣты по формѣ и даже съ особою щеголеватостью.

Впереди отряда казаки несли на носилкахъ раненыхъ сегодня въ бою, одного офицера артиллериста, военнаго корреспондента Толузакова и нѣсколькихъ казаковъ. Изъ сосѣдней деревни прибыли имъ на смѣну китайцы, нанятые ординарцемъ генерала. Китайцы шли немного быстрее казаковъ, но галдѣли во все горло, точно хотѣли перекричать другъ друга, что раздражало раненыхъ.

Отрядъ вернулся въ Саймацзы въ сумерки. Въ нашемъ дворѣ уже размѣстились офицеры 2-го Аргунскаго полка. Пепино и назначенные мнѣ отъ третьей сотни вѣстовые укладывали вещи, не знали они только, что дѣлать съ обѣдомъ, заготовленнымъ на нѣсколько человѣкъ. Нужно намъ было перебраться въ городъ на прежнія квартиры. Я поѣхалъ впередъ, чтобы выбрать помѣщеніе; пришлось удовольствоваться довольно грязной фанзой — лучшія были уже заняты. Пока казаки и китайцы прибирали и чистили ее, я отправился къ коман. полкомъ и просилъ его разрѣшенія сдать въ полковой выючный обозъ часть моихъ вещей до пріобрѣтенія второго мула. Трухинъ отвѣтилъ, что онъ ничѣмъ не можетъ мнѣ помочь, потому что нѣтъ колеснаго обоза, а выюки всѣ заняты. Меня поразила какая-то беспомощность въ штабѣ полка: они голодали цѣлый день и, кромѣ чаю, ничего у нихъ не имѣлось поѣсть, лошади должны были

тоже довольствоваться однимъ гаоляномъ. Я подѣлился своимъ обѣдомъ съ командующимъ полкомъ и его штабомъ. Казначей Мотыгинъ нашелъ возможнымъ взять въ полковой обозъ мои два мѣшка съ консервами, когда я предложилъ за эту услугу дать половину консервовъ штабу.

Штабныя лошади не разсѣдывались, потому что ночью ожидалось нападеніе непріятеля. Чтобы засѣдлатъ, не торопясь, требовалось отъ пяти до восьми минутъ, имѣя же впереди сторожевое охраненіе, даже при внезапномъ нападеніи, часть располагала бы достаточнымъ временемъ для сѣдловки, завьючиванія и выступленія къ сборному мѣсту. Чѣмъ же оправдывалось приказаніе не разсѣдывать, т. е. не давать необходимаго отдыха лошадямъ и содѣйствовать сбитію спинъ?

Объявлено приказаніемъ по отряду, что всѣ части должны собираться у сѣверо-западной околицы города, если будетъ зажженъ сигнальный костеръ.

Мое положеніе было довольно затруднительное; я не имѣлъ возможности собственными средствами забрать всѣ свои вещи, полкъ отказался прійти мнѣ на помощь и я не могъ довѣрить вещи кому-нибудь изъ жителей Саймацзы, потому что они относились враждебно къ казакамъ за разныя притѣсненія и потравы полей и огородовъ. Этотъ жгучій вопросъ я рѣшилъ обсудить завтра, а теперь было поздно и нужно было отдохнуть на случай, если бы японцы потревожили насъ ночью.

16 мая. Вѣстовые узнали, что китайскія арбы, доставившія продукты для штаба дивизіи, возвращались сегодня въ Ляоянъ. Безъ переводчика было трудно объясняться съ китайцами, однако моимъ казакамъ удалось сговориться съ однимъ изъ нихъ и онъ, за двадцать пять рублей, взялся доставить мои вещи въ Ляоянъ. Опять пришлось дѣлать перекладку и отложить въ сторону все то, что не было необходимо сейчасъ; сюда я причислилъ пару вьючныхъ чемодановъ съ мундирами и орденами, которыхъ въ отрядѣ не носили. Сложилъ я эти вещи на арбу и, заплативъ впередъ за доставку, вручилъ китайцу записку князю Урусову, адъютанту ген. Куропаткина, въ которой просилъ его оставить вещи у себя на время. Владѣлецъ арбы не опасался хунхузовъ, онъ боялся только, что наши солдаты могутъ отнять у него поклажу вмѣстѣ съ арбой и мулами. Я ему выдалъ пропускъ, который онъ показывалъ на этапахъ, что дало мнѣ возможность прослѣдить, что вещи были дѣйствительно доставлены имъ въ

Ляоянь, но тутъ слѣдъ былъ затерянъ. Потомъ я опять попалъ на слѣдъ: въ одномъ изъ складовъ общины въ Харбинѣ, смотритель припомнилъ, что между вещами частныхъ лицъ была золотая казачья шашка, въ сѣромъ замшевомъ чехлѣ, по его описанію, совершенно схожая съ моею, но она и, вѣроятно, вмѣстѣ съ нею и другія мои вещи, къ-мъ-то были взяты и на этотъ разъ безслѣдно исчезли.

Получено было приказаніе собраться на сборномъ мѣстѣ и выступить въ десять часовъ утра. День былъ теплый, перепадаль мелкій дождь. Мы шли не спѣша, часто останавливались, непріятель насъ, очевидно, не тѣснилъ.

У насъ „генераль“ означало генерала Ренненкампа; въ дивизіи было еще два генерала: командиры бригадъ уралецъ ген.-м. Любавинъ и донецъ ген.-м. Грековъ, Митрофанъ, оба отличившіеся въ турецкую кампанію. Въ нашемъ отрядѣ была только бригада Любавина: 2-й аргунскій и 2-й Нерчинскій полки и входившіе временно въ его составъ: 1-й Аргунскій полкъ, 4-я Забайкальская казачья батарея и 23-й стрѣлковый полкъ. 2-й Верхнеудинскій входилъ въ составъ восточнаго отряда, а 2-й Читинскій находился при полевомъ штабѣ. Ген. Грековъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, подчинявшимся ген. Ренненкампу.

Мы подошли къ Фыншуйлинскому перевалу, третьему по названію на двадцати-верстной картѣ; нѣкоторыя названія деревень тоже повторяются.

Всѣ слѣзли и повели лошадей въ поводу; я предпочелъ бы остаться верхомъ, потому что съ непривычки личные сапоги мнѣ казались очень тяжелыми, но генераль смотрѣлъ зорко и не одобровать тому, будь онъ простой казакъ, офицеръ или генераль, кто остался бы на лошади, когда весь отрядъ спѣшенъ.

Вершину перевала составляла плоская, довольно обширная сѣдловина горъ. Съ краю, среди зелени, красовалась большая кумирня съ живущими рядомъ въ фанзахъ монахами-бонзами. Въ кумирнѣ хранились деревянныя, ярко раскрашенныя статуи боговъ со своими атрибутами. Въ серединѣ сидѣлъ главный богъ, его правая рука лежала на колѣняхъ, а пальцы приподнятой лѣвой руки были сложены, какъ принято у христіанъ для знака благословенія. Съ правой стороны сидѣлъ богъ войны „Ліао“, съ чернымъ свирѣпымъ лицомъ и вооруженный съ ногъ до

головы. По лѣвую—былъ богъ кроткій съ бѣлымъ, женоподобнымъ лицомъ и скромно сложенными руками.

Все это было грубой работы, но среди расписныхъ стѣнъ съ рисунками и пестрыми іероглифами оно не было лишено художественности.

Расположеніе этой кумирни было замѣчательно удачно выбрано: въ обѣ стороны удалялись перспективы живописныхъ долинъ, а надъ нею возвышались сопки, покрытыя густымъ лѣсомъ и кустарниками.

Никто не подозрѣвалъ тогда, что не далѣе какъ черезъ два дня съ вершины этихъ сопокъ посыпется градъ пуль на довѣрчиво расположившійся бивакомъ отрядъ, что эта мирная и живописная площадка обагрится кровью и тамъ, гдѣ теперь начальство закусывало и пило чай, будутъ корчиться тѣла въ предсмертныхъ судорогахъ.

Спускъ съ перевала былъ короче подъема, долина расширялась; какъ будто было больше воздуха съ тѣхъ поръ, какъ мы выбрались изъ тѣснины. Это впечатлѣніе происходило вѣроятно отъ того, что насъ, родившихся на равнинѣ, угнетали давящія громады горъ. Лошади тоже шли замѣтно веселѣе.

Къ семи часамъ вечера мы подошли къ деревнѣ Нангушанъ, гдѣ была назначена ночевка. Сотни стали на бивакъ въ полѣ за дорогою. Казаки разбѣжались по деревнѣ и потащили къ биваку зерно, куръ, хворостъ для костровъ. Всѣ офицеры уже размѣстились по фанзамъ; только Трухинъ и его штабъ-адъютантъ Анисимовъ, казначей Мотыгинъ и врачи Архангельскій и Терешковичъ не имѣли еще пристанища, стояли посреди улицы, смотрѣли безучастно на разгромъ деревни и казалось не заботились ни о пищѣ, ни о ночлѣгѣ. Въ главномъ управленіи казачьихъ войскъ мнѣ сказали, что я былъ зачисленъ помощникомъ командира полка по строевой части и я думалъ, что это налагало на меня обязанность быть постоянно съ нимъ въ общеніи для приведенія въ исполненіе всѣхъ распоряженій, касающихся внутренняго порядка полка и строя, поэтому я оставался при штабѣ и готовъ былъ содѣйствовать общему благоустройству. Я приказалъ Пепино и своимъ вѣстовымъ разыскать фанзу, добыть провизіи и фуража и приготовить ужинъ. Фанза была найдена, но сотни успѣли раньше выбрать изъ нея все, что могло пригодиться. Только благодаря предусмотрительности Пепино, купив-

шаго нѣсколько куръ по дорогѣ, можно было приготовить ужинъ для всей нашей компаніи.

Мы не успѣли еще устроиться, какъ явился штабъ-трубачъ съ заявленіемъ, что у лошадей не было корма и имъ самимъ нечего было ѣсть; вслѣдъ за нимъ то же самое доложилъ старшій писарь, потомъ настала очередь фельдшеровъ. Тогда какъ у всѣхъ казаковъ въ сотняхъ варился супъ и чай въ котелкахъ, штабные должны были голодать, за отсутствіемъ распорядительности, а ихъ кони стояли съ понурыми головами и обгрызали плетни, къ которымъ были привязаны.

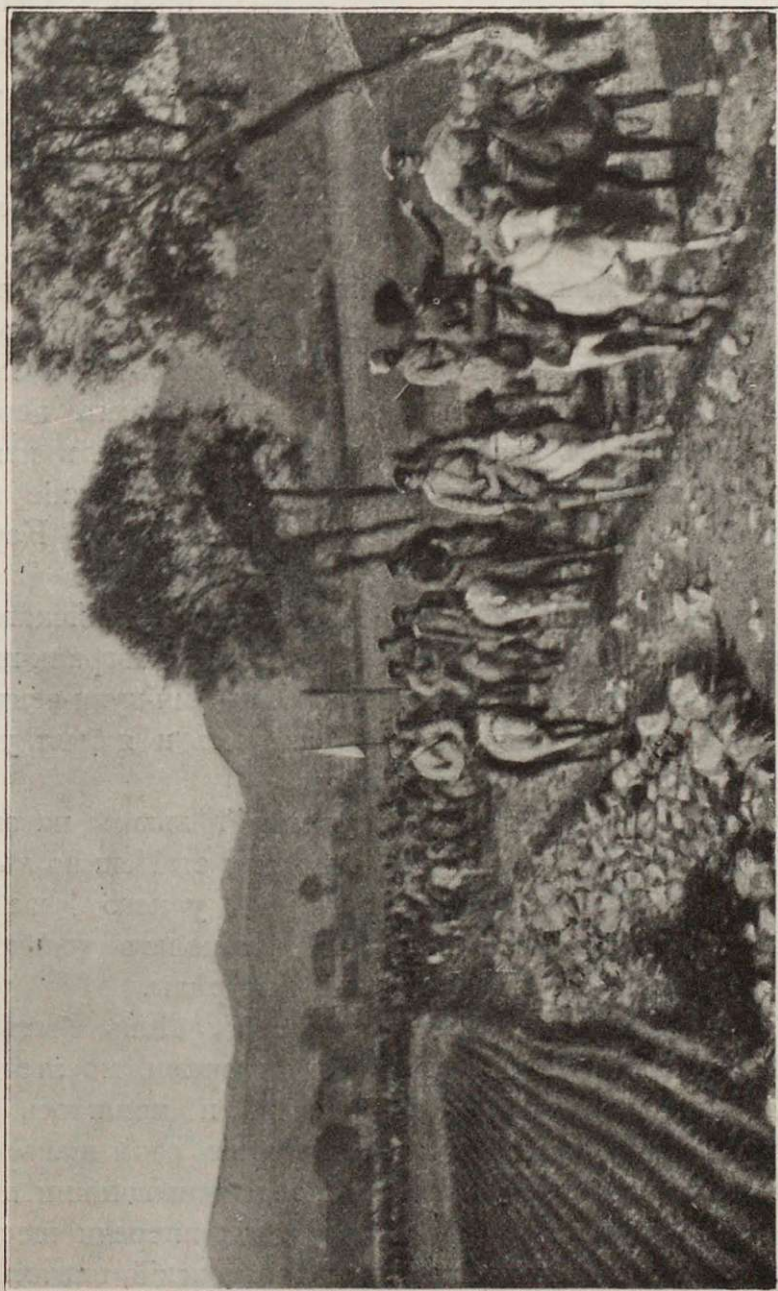
Я рѣшилъ, что такъ продолжать нельзя: въ штабѣ уже свыклись съ голодовкой и это считалось даже какимъ-то молодечествомъ. Трухинъ говорилъ: „Я не нуждаюсь ни въ чемъ и живу по-солдатски“... Съ этимъ я не могъ согласиться: во первыхъ, солдатъ не долженъ голодать никогда и начальство, допускающее это, поступало бы преступно, а во-вторыхъ, стараніе устроиться возможно лучше и содержать себя и свое помѣщеніе въ чистотѣ и порядкѣ не можетъ вредить службѣ, напротивъ оно даетъ здоровье и нравственное удовлетвореніе, которое слѣдовало бы поддерживать въ войскахъ, а не заглушать.

17 мая. Сотнѣ 2 Аргунскаго полка графа Комаровскаго было приказано занять Фыншуйлинскій перевалъ, который мы прошли вчера, другая сотня оставлена въ д. Нангушанѣ. Мы выступили въ половинѣ восьмого утра. По долинѣ разстилался густой туманъ, но онъ скоро разсѣялся и насталъ чудный ясный день.

Въ полдень пришли въ Цзянь-чанъ. Это городокъ на берегу Тай-цзы-хэ, среди широкой долины. Начальникъ дивизіи и штабъ помѣстились внутри большой импани. Мѣста много, наши три казачьи полка размѣстились просторно въ городкѣ и по сосѣднимъ деревнямъ. Я выбралъ себѣ чистую фанзу у богатыхъ купцовъ и первымъ дѣломъ принялъ горячую ванну. Несмотря на угрызенія совѣсти, я покинулъ многострадальный штабъ полка и, по совѣту Заботкина, зачислилъ себя и своихъ вѣстовыхъ на довольствіе во вторую сотню, которая, благодаря заботливости сотеннаго командира есаула князя Меликова, никогда не нуждалась ни въ чемъ.

Заботкинъ занялъ мѣсто въ одной фанзѣ со мною, мы прекрасно поужинали и легли спать, приказавъ вѣстовымъ насъ не будить, потому что генераль сказалъ, что мы будемъ здѣсь

отдыхать два или три дня. Это было необходимо, чтобы дать оправиться людям и лошадям, пробывшим немало времени на

51. Забайкальская казачья бригада въ походѣ.

пищѣ св. Антонія въ Саймацзахъ, здѣсь же было изобиліе всего, оно казалось намъ чуть ли не раемъ земнымъ.

18 мая. Человѣкъ предполагаетъ, но начальникъ отряда рас-

полагаетъ: насъ разбудили въ четыре часа утра и передали приказаніе явиться въ штабъ дивизіи въ шесть часовъ.

Тамъ было намъ объявлено, что рѣшено общее наступленіе на Саймацзы, въ которомъ должны были принять участіе: съ юго-запада части восточнаго отряда подъ начальствомъ графа Келлера, съ запада, т.-е. по большой этапной дорогѣ изъ Ляояна, полторы дивизіи пѣхоты съ артиллеріей и 3-я и 6-я сотни нашего полка подъ начальствомъ генерала Ренненкампа и съ сѣвера, по пройденному нами третьяго дня пути, бригада генерала Любавина.

Такъ какъ Саймацзы уже былъ занятъ японцами, то генералу приходилось проѣхать черезъ Сяосырь на Гоньгауцзы, чтобы принять начальство надъ отрядомъ, атакующимъ Саймацзы завтра. Предстояло проѣхать девяносто слишкомъ верстъ, на это требовалось имѣть заводныхъ лошадей. Генераль назначилъ меня сопровождать его и вступить въ командованіе нашихъ двухъ сотенъ, находившихся въ отрядѣ полковника Карцева у Сингоулинскаго перевала.

Я былъ въ восторгѣ: послѣ интереснаго кавалерійскаго рейда, мы вступимъ въ бой, которымъ вѣроятно не ограничимся, а, разбивъ противника, пойдемъ дальше на Фын-хуан-ченъ. Меня также радовало, что я увижусь съ Келлеромъ и я былъ увѣренъ, что съ нимъ мы будемъ имѣть успѣхъ.

Я бралъ съ собою легкій струковскій выюкъ на заводной лошади; остальные выюки должны были идти съ Пепино въ отрядѣ генерала Любавина. Мы предполагали, что у него дѣла не будетъ, потому что ему было приказано атаковать только тогда, когда онъ услышитъ наши орудійные выстрѣлы.

Мы выступили въ четверть десятаго. День былъ ясный, очень весело было идти переменными аллюрами, но это продолжалось недолго, выучный обозъ отсталъ и пришлось остановиться, чтобы его обождать, а потомъ мѣрить свой шагъ съ выюками, хотя и облегченными, но все же задерживающими движеніе колонны. Шли мы слѣдующимъ порядкомъ: впереди шесть казаковъ дозорныхъ и съ ними ротмистръ Дроздовскій, шагахъ въ ста позади генераль съ завѣдывающимъ его хозяйствомъ, отставнымъ подъесауломъ Терскаго казачьяго войска Николаевымъ и адъютантами хорунжими Гейзелеръ и Козловскимъ, за ними нѣсколько лицъ изъ штаба дивизіи, потомъ конвойные съ выюками и заводными лошадьми и между ними человекъ двѣнадцать

казаковъ, составлявшихъ, вмѣстѣ съ дозорами, наше прикрытие.

На летучемъ посту 1 Аргунскаго полка, верстахъ въ восьми отъ Цзян-чана, встрѣтился намъ сотникъ 2 Аргунскаго полка князь Леванъ Магаловъ; онъ доложилъ генералу, что выѣхалъ рано утромъ изъ Цзян-чана съ донесеніемъ къ полковнику Карцеву въ Гоньгауцзы и хотѣлъ пробраться по компасу прямо черезъ сопки, но былъ остановленъ въ одномъ ущельи хунхузами, засѣвшими надъ дорогою, среди скалъ, и открывшими по немъ огонь; имѣя съ собою только шесть казаковъ, онъ не счелъ возможнымъ продолжать движеніе въ этомъ направленіи и вернулся на большую дорогу.

Подѣхалъ ко мнѣ конвойный осетинъ генерала Шахтіевъ и спросилъ, не женатъ ли я на родственницѣ В. П. Шереметьева, онъ долго служилъ у него, зналъ всю семью и слыхалъ обо мнѣ. У насъ былъ еще одинъ общій знакомый Кайтовъ, мой бывшій кучеръ, съ которымъ онъ служилъ въ турецкую кампанію. Теперь мы были кунаки и онъ не терялъ случая оказать мнѣ какую-нибудь услугу, справлялъ плетъ, чинилъ оборвавшійся ремешокъ, а на стоянкѣ угостилъ шашлыкомъ изъ старой, жесткой, какъ камень, неоципанной курицы.

Отъ половины третьяго до половины пятаго былъ первый приваль. Я попробовалъ поспать послѣ чаю и тщетныхъ усилій отгрызть кусокъ курицы, зажаренной Шахтіевымъ. Было очень жарко и мухи изводили ужасно. Мы входили теперь въ районъ дѣйствій хунхузовъ; они здѣсь часто нападали на казаковъ летучей почты, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долина суживалась; удивительно, что у насъ сравнительно такъ мало потерь: хунхузы, засѣвшіе на неприступныхъ утесахъ, могли бы разстрѣливать на выборъ проѣзжающихъ по дорогѣ, совершенно безопасно для себя.

Разливы Тай-цзы-хэ покрыли всю долину галькой, накаливашейся на солнцѣ чуть не до-бѣла; лошадямъ было очень тяжело ступать по ней и онѣ шли точно ощупью.

Мы пришли въ Сяосырѣ въ 8 часовъ вечера и остановились всѣ вмѣстѣ въ просторной фанзѣ богатаго купца. Какъ у всѣхъ торговцевъ, жилыя фанзы находились въ глубинѣ двора, а лавки выходили на улицу. Дворъ былъ окруженъ высокой каменной стѣной, крыльцо обложено плитами и огорожено каменной рѣшеткой со столбами, на которыхъ скалили зубы изображенія чудо-

вищъ, не то львовъ, не то собакъ. У входа росли два кипариса, а вокругъ террасы цвѣли розы.

Намъ было подано по кружкѣ чаю съ кусочкомъ сахару въ прикуску. Сахаръ составлялъ такую рѣдкость въ отрядѣ, что генераль привыкъ совсѣмъ безъ него обходиться.

Выступленіе назначено въ двѣнадцать часовъ ночи; мы легли спать въ девять, а въ одиннадцать насъ разбудили къ ужину; горячій супъ отогналъ сонъ и подкрѣпилъ насъ.

Передъ выступленіемъ проводникъ, договорившійся указать намъ дорогу, исчезъ. Генераль крикнулъ на хозяина нашей фанзы, что онъ дастъ ему сто плетей, если не будетъ сейчасъ же другой. Черезъ пять минутъ проводникъ нашелся, но у него не было лошади. Новая угрозы злополучному хозяину получить сто, двѣсти, триста плетей воздѣйствовали и лошадь тоже была добыта. Мы тронулись въ путь.

Небо заволокло кругомъ тучами, перепадаль мелкій дождь, а иногда и довольно крупный. Луна изрѣдка проглядывала изъ-за тучъ, но весьма слабо освѣщала нашъ путь. Мы шли сперва довольно ровной дорогой, прошли черезъ деревню по улицѣ, напоминавшей матушку-Москву съ ея необтесанными булыжниками вмѣсто мостовой. Въ верстѣ далѣе пришлось слѣзть и вести лошадей на поводу по скользкимъ плитамъ, мѣстами залитымъ рѣкою. Можетъ быть, днемъ здѣсь не такъ скверно, какъ казалось, ночью же это было довольно непріятно. Мы переправлялись несчетное количество разъ черезъ бурную рѣчку, опасаясь принять холодную ванну; лошади скользили и спотыкались, ступая на круглыя слизистыя глыбы, которыми было устѣяно дно рѣки, вода подходила имъ по брюхо. Чувствовалось облегченіе, когда выбрались на другой берегъ, но не надолго—саженей сто или двѣсти далѣе мы подверглись тѣмъ же испытаніямъ.

Генераль сказалъ мнѣ, что, по показаніямъ мѣстныхъ жителей, въ этомъ ущельѣ орудуютъ около ста пятидесяти хунхузовъ, ежеминутно можно было ожидать залпа, что задержало бы наше движеніе впередъ. Я думалъ, что въ случаѣ нападенія, намъ слѣдовало возможно скорѣе проскочить впередъ, не отвѣчая на выстрѣлы. Мы ожидали серьезнаго боя съ непріателемъ и была бы какою-то злою насмѣшкою задержка въ пути хунхузами.

Зажигались со всѣхъ сторонъ свѣтляки, а я слышалъ, что кто-то изъ офицеровъ утверждалъ, что это была сигнализациа электрическими лампочками японскихъ разъѣздовъ.

Встрѣченные китайцы говорили, что японцы заняли Сын-гаулинскій переваль и выслали патрули впередъ и въ стороны; въ такомъ случаѣ дорога на Саймацзы намъ была отрѣзана, но это генерала нисколько не смущало.

Наша маленькая колонна шла узкою тропою, справа по одному, и растянулась на большое разстояніе, вьюки и заводныя лошади отстали далеко. Авангардъ шелъ кучкой, имѣя между двумя казаками привязаннаго проводника, ни одного дозора не высылалось ни впередъ ни въ сторону. Это стремленіе казаковъ сгучиваться въ ожиданіи встрѣчи съ непріятелемъ было неразумнымъ стаднымъ инстинктомъ стать подъ защиту товарища.

Показанія китайцевъ о близости японцевъ подтверждались всѣми встрѣчными. Дѣлалось тревожно, казаки начали беспокоиться и колонна сразу подтянулась.

Дождь усилился, дорога длилась безъ конца. Меня такъ клонило ко сну, что я позабылъ о японцахъ и хунхузахъ и, казалось, отдалъ бы полжизни, чтобы склонить голову и уснуть хотя бы на полчаса. Я дремалъ и едва держался въ сѣдлѣ; меня поддерживалъ немного коньякъ, который я пилъ по каплѣ отъ времени до времени. Уже давно разсвѣло, теперь все-таки легче, потому что видишь—куда ступать и на дорогѣ черезъ лѣсъ не хлещутъ вѣтки по лицу. Всему настанетъ конецъ, насталъ конецъ и нашему странствованію... Къ десяти часамъ утра мы пришли въ Гоньгауцзы, разоренное село съ нѣсколькими оставшимися жителями. Николаевъ распоряжался обыскомъ фанзъ, но, несмотря на крики, брань и угрозы, не нашлось ничего.

Генераль стрѣлялъ изъ маузеровскаго револьвера по чушкамъ (такъ казаки называли свиней); вѣроятно онъ попадалъ въ цѣль, такъ какъ стрѣлялъ превосходно и не разъ упражнялся успѣшно по японцамъ, но свиньи убѣгали умирать подальше отъ казачьихъ котловъ.

Старшій адъютантъ дивизіи, капитанъ ген. штаба Шнабель писалъ полковнику Карцеву подъ диктовку генерала: „удивляюсь, почему вы отступаете, когда приказано наоборотъ“.

Я расположился отдѣльно отъ штаба, вмѣстѣ съ Шнабелемъ и Эдлундомъ, которые были приглашены обѣдать у генерала. Казакъ вѣстовой мнѣ зажарилъ шашлыкъ изъ поросенка; Эдлундъ, пообѣдавши у генерала, основательно принялся за поросенка, точно онъ ничего не ѣлъ съ утра.

Явился Карцевъ и доложилъ, что онъ не только не отступалъ, но занялъ своимъ отрядомъ позицію впереди Сыгоулина.

Сотни нашего полка, которыми я долженъ былъ командовать, были отосланы Карцевымъ въ Цзянь-чанъ съ транспортомъ кружнымъ путемъ—Фанцзяпуцзы — Сяосыръ — Цзянь-чанъ. Эту колонну повелъ есаулъ князь Арсеній Карагеоргіевичъ, вернувшійся изъ отдаленной развѣдки въ тылу у непріятеля.

Насъ очень огорчило полученное сейчасъ донесеніе о неожиданномъ нападеніи японцевъ на отрядъ генерала Любавина на маломъ Фыншуйлинскомъ перевалѣ. Подробности дѣла слѣдующія: генералъ Любавинъ прибылъ со своимъ отрядомъ на вершину перевала вчера въ два часа дня и расположился тамъ бивакомъ, спросивъ предварительно у гр. Комаровскаго, стоявшаго тамъ съ сотней на аванпостахъ, близокъ ли непріятель; на это Комаровскій отвѣтилъ, что непріятеля вблизи нѣтъ и что онъ ручается за безопасность отряда. Были разбиты коновязи, выюки сняты, казаки стали варить у костровъ чай, а офицеры принялись за чай, они сидѣли у кумирни съ кружками въ рукахъ, какъ вдругъ раздались съ высоты сопокъ залпы и затѣмъ пальба пачками. Сейчасъ же были ранены подполковникъ Заботкинъ въ руку легко, докторъ Архангельскій сквозной раной въ ногу, убито шесть казаковъ, ранено двадцать три, болѣе тридцати лошадей было убито и пристрѣлено. Пальба продолжалась около получаса съ трехъ мѣстъ на сопкахъ. Паника была всеобщая. Казаки вскакивали на неосѣдланныхъ лошадей и бросались на утекъ внизъ подъ гору. Одинъ генералъ Любавинъ сѣлъ на коня совершенно спокойно и старался ввести какой-нибудь порядокъ. Докторъ Архангельскій, перевязавъ себѣ рану, принялся за перевязку другихъ. Есаулъ Шульженко съ саперной командой бросился вверхъ на сопку на ура, но когда они добрались до вершины, никого тамъ не оказалось: непріятель успѣлъ скрыться.

1-я и 2-я сотни Нерчинскаго полка, подходившія къ отряду во время этого нападенія, продвинулись впередъ, черезъ перевалъ, но непріятеля тоже не видѣли. Весь отрядъ отошелъ назадъ, побросавъ много выюковъ и офицерскихъ вещей. Вернушіеся саперы сказали, что по гребню сопокъ были проложены тропы, срублены сучья и устроены перила; видно, что засада была подготовлена заблаговременно; предполагали, что нападеніе было произведено небольшимъ развѣдочнымъ отрядомъ, который имѣлъ въ виду только нашу передовую сотню, прибытіе же на

бивакъ въ это мѣсто цѣлаго отряда было неожиданно для японцевъ и послужило болѣе внушительному погрому, послѣ котораго японцы, по незнакомымъ намъ горнымъ тропамъ, исчезли безслѣдно.

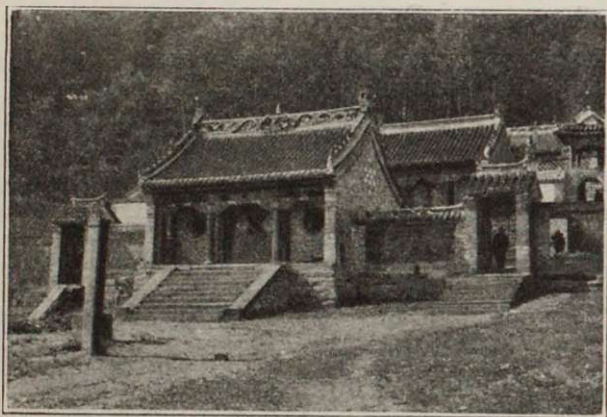
Когда казаки успокоились и убѣдились, что непріятель удался, отрядъ вернулся на перевалъ. Брошенныхъ тамъ вещей не было найдено; предполагалось, что китайцы растаскали все и унесли въ горы, но было подозрѣніе, что казаки тоже немало подобрали изъ приглядѣвшихся имъ офицерскихъ вещей. Изъ двухъ мѣшковъ съ консервами, сданныхъ мною въ полковой обозъ, одинъ пропалъ; все же, что было на рукахъ у Пепино, въ цѣлости. Онъ подобралъ все, что было снято съ выюковъ, навьючилъ опять и, вмѣстѣ съ оставшимся при вещахъ вѣстовымъ, пустился въ обратный путь, преслѣдуемый пулями. Онъ говорилъ потомъ, что ему было очень страшно и онъ торопился уйти возможно скорѣе изъ-подъ выстрѣловъ, но что китайцы испугались больше его, бѣжали безъ оглядки и визжали, какъ будто ихъ рѣзали. Любопытно, что когда я договаривалъ его ѣхать на войну, онъ опасался, какъ бы японцы не подстрѣлили его или не взяли въ плѣнъ; на это я возразилъ, что кромѣ кухоннаго огня, онъ другого не увидитъ; оказалось же, что онъ былъ въ настоящемъ огнѣ раньше меня и держалъ себя лучше многихъ военныхъ денщиковъ и вѣстовыхъ, побросавшихъ вещи своихъ господъ.

20 мая. Наступленіе началось въ 4 ч. утра. На Сыгоулинскомъ перевалѣ мы обогнали 23-й полкъ и семь горныхъ орудій. Торопили войска, спѣшили сами и что же—все оказалось напраснымъ: получено донесеніе, что Саймацзы оставлено японцами и было занято шестью баталіонами при шестнадцати орудіяхъ отряда гр. Келлера. Мы двинулись впередъ переменными аллюрами и прибыли въ Саймацзы въ половинѣ девятого. Келлера уже тамъ не было, онъ спѣшилъ назадъ въ Ляншангуанъ по приказанію командующаго арміей. Я не зналъ, что генераль Ренненкампфъ поѣхалъ за Келлеромъ и нагналъ его; я бы непременно отпросился ѣхать тоже, очень жалѣлъ, что мы были такъ близко одинъ отъ другого и не удалось повидаться. Я узналъ стороною, что Келлеръ просилъ генерала Ренненкампфа передать мнѣ привѣтъ, но генераль не сказалъ мнѣ ни слова.

Дождь, довольно сильный съ утра, сталъ слабѣть. Я занялъ прежнюю фанзу, хотя она была неприглядна, зато я въ ней былъ одинъ.

Я хотѣлъ купить казачье сѣдло, полагая, что сѣдла убитыхъ казаковъ, какъ и все ихъ имущество, будетъ продаваться съ аукціона, какъ мы то практиковали въ донскихъ полкахъ во время турецкой войны, но всѣ сѣдла съ убитыхъ лошадей были въ Нерчинскомъ полку сожжены.

На полугорѣ, среди густого лѣса возвышалась большая кумирня съ жильемъ для бонзъ. Туда, поочереди, посылались на пастбу лошади сотенъ, такъ какъ корма не было нигдѣ. И мы и японцы окончательно опустошили Саймацзы и его окрестности. Несмотря на живописное расположеніе, на богатые фанзы въ городкѣ, на присутствіе важнаго китайскаго чиновника и его вооруженной охраны, въ Саймацзы можно умереть съ голода, какъ въ сыпучихъ пескахъ Сахары.

52. Кумирня у Саймацзы.

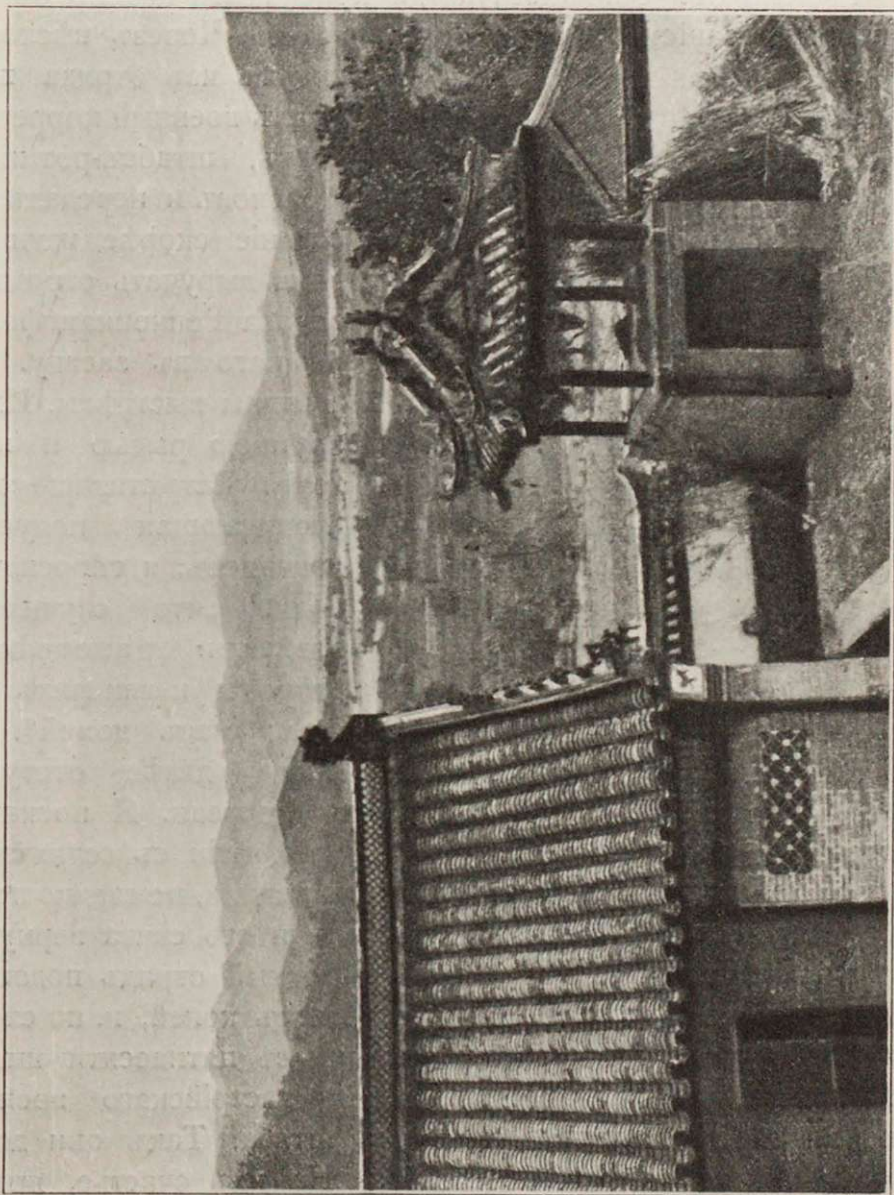
Получилъ письмо изъ Петербурга отъ 24 апрѣля.

21 мая. Генераль Ренненкампфъ съ двумя сотнями Аргунскаго полка, сотней 2 Верхнеудинскаго полка, есаула Арсеньева и охотничьей команды 23 стрѣлковаго полка отправился утромъ на рекогносцировку пе-

ревала къ Ай-ян-ямыну. Мнѣ очень хотѣлось просить генерала, чтобы онъ взялъ меня съ собой, но я воздержался, памятуя, что „отъ службы не надо отказываться и на службу не напрашиваться“.

Я рисовалъ у кумирни и глядѣлъ на чудный видъ, открывавшійся оттуда на долину Бадао-хэ, на амфитеатръ лѣсистыхъ горъ, окружающихъ ее, на живописно разбросанную по обоимъ берегамъ рѣки д. Саймацзы. Невольно обратилъ я вниманіе на высокую крутую сопку, подъ которой ютился городокъ. Если бы на вершину этой сопки взобрался небольшой непріятельскій отрядъ, то ему можно было бы оттуда перестрѣлять много народу и лошадей, расположенныхъ по дворамъ города, прежде чѣмъ удалось бы намъ ихъ оттуда вытѣснить, потому что забайкальцы лазить по сопкамъ не горазды. Такое же удобное мѣсто

для засады имѣлось позади кумирни, но ни тутъ ни тамъ у насъ не было наблюдательныхъ или сторожевыхъ постовъ, а четыре дня спустя я видѣлъ на этихъ сопкахъ японскихъ всадниковъ со значками въ рукахъ.

53. Видъ на Саймацзы изъ кумирни.

Въ 2 ч. 25 мин. я получилъ отъ генерала Любавина письменное приказаніе идти немедленно усиленными аллюрами на подкрѣпленіе генерала Ренненкампа съ одной сотней Нерчинскаго и съ одной Аргунскаго полковъ. Черезъ десять минутъ я выѣхалъ, приказавъ командиру первой нашей сотни, есаулу Энгельгардту,

догонять меня крупной рысью. Аргунцы, получившіе приказаніе прямо отъ генерала Любавина, уже выступили подъ командой подъяесаула Шунгѣева, раненаго въ ногу подъ Ай-ян-ямыномъ, но оставшагося въ строю. Мы уже перебрались черезъ малый переваль недалеко отъ Саймацзы, когда прискакалъ казакъ съ словеснымъ приказаніемъ генерала остановиться. Черезъ нѣсколько

54. Карликъ бонза въ Кумирнѣ у Саймацзы.

минуть изъ отряда подъяхалъ военный корреспондентъ, штабсъ-ротмистръ Красновъ и передалъ приказаніе скорѣе идти впередъ выручать отрядъ генерала Ренненкампа, попавшаго въ засаду. Уже слышны выстрѣлы. Идемъ крупною рысью и наметомъ. Встрѣтилась намъ отступающая полусотня аргунцевъ, я спросилъ на ходу: „что случилось“, отвѣтили: „разстрѣляли патроны и генераль отослалъ насъ домой“. Немного далѣе отступали

остальныя части отряда съ генераломъ впереди. Я поскакалъ карьеромъ къ генералу и доложилъ о прибытіи съ сотнями, но было уже поздно, насъ пощелкали и мы уходили, не сладко похлебавши; удивительно только, что генераль и его свита вернулись цѣлыми и невредимыми. Рекогносцировочный отрядъ подошелъ къ ай-ян-ямынскому перевалу, всѣ слѣзли съ коней, и, по своему обыкновенію, генераль полѣзъ на гору въ пятидесяти шагахъ позади дозорныхъ, въ сопровожденіи австрійскаго военнаго агента, графа Шептицкаго и чиновъ штаба. Такъ они дошли благополучно до вершины перевала. На ихъ счастье, японцы въ эту минуту тамъ не были, но найдены слѣды ихъ недавняго пребыванія въ этомъ мѣстѣ, 12 или 15 человѣкъ. Цѣль рекогносцировки была выполнена: выяснено было, что переваль былъ свободенъ, и отрядъ сталъ отходить назадъ, не замѣтивъ, что штабсъ-ротмистръ Цедербергъ съ двумя казаками отдѣлился въ сторону и къ отряду не вернулся.

На перевалѣ оставленъ былъ постъ, а позади его въ долину расположилась застава. Когда главныя силы подходили къ малому перевалу и оставалось до Саймацзы версты двѣ, слышались сзади выстрѣлы, и прискакавшій казакъ донесъ, что съ сопокъ японцы открыли огонь по оставшимся посту и заставѣ, что Цедербергъ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Генераль Ренненкампфъ вернулся на рысяхъ и вступилъ въ бой. Казаки были спѣшны, открылась перестрѣлка, но выбить непріятеля съ позицій не оказалось возможнымъ, и наши отступили, не выручивъ Цедерберга. Наши потери: одинъ охотникъ и одинъ казакъ убиты, одинъ стрѣлокъ охотникъ и шесть казаковъ ранены.

Начальникъ охотничьей команды говорилъ, что царилъ полный безпорядокъ, казаки, введенные въ заблужденіе отзвукомъ въ горахъ, атаквали одну сопку, гдѣ японцевъ не было. Выпущено было громадное число патроновъ попусту.

Графъ Шептицкій говорилъ мнѣ, что было очень жутко идти съ генераломъ на перевалъ пѣшкомъ, не зная, занятъ ли онъ непріателемъ или нѣтъ. Онъ находилъ, что генераль напрасно держался все время въ цѣпи, упражняясь стрѣльбою изъ маузеровскаго штуцера-револьвера, что это мѣшало ему видѣть, что происходило сзади и руководить боемъ. Про генерала говорили, что онъ въ бою ведетъ себя, какъ отчаянный корнетъ, а вовсе не какъ генераль.

Раненыхъ несли казаки на носилкахъ, составленныхъ изъ палатокъ, съ пропущенными по бокамъ сквозь рубцы палками. Казаковъ смѣнили китайцы.

Не доходя до города, мы узнали, что Цедербергу удалось спастись: онъ взобрался на вершину сопки и оттуда разсматривалъ расположеніе японцевъ въ тылу перевала, какъ вдругъ стали въ него стрѣлять человекъ шесть хунхузовъ. Отстрѣливаясь, онъ бѣжалъ съ двумя казаками по тропѣ вдоль гребня сопки и благополучно достигъ до Саймацзы. Отлегло тяжелое чувство, что товарищъ былъ покинутъ, всѣ радовались видѣть его живымъ и здоровымъ.

Вечеромъ сотенные командиры были вызваны въ штабъ дивизіи для составленія списковъ, представленныхъ къ награжденію знаками отличія военного ордена.

Всѣ голодали; у меня, кромѣ консервовъ, былъ рисъ, мука для печенія лепешекъ, замѣняющихъ хлѣбъ и немного сахара. Я поочереди приглашалъ товарищей къ себѣ обѣдать, но спирт-

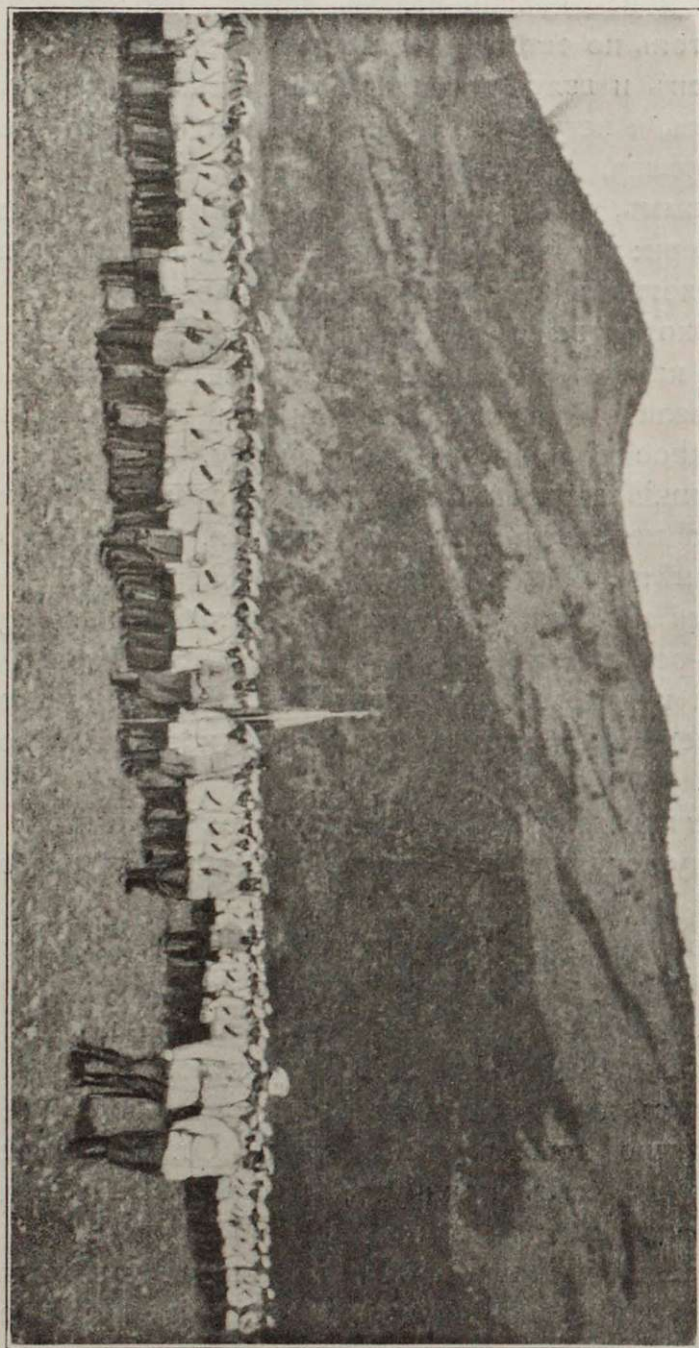
ныхъ напитковъ не было ни у меня, ни у кого въ отрядѣ. Иногда съ транспортомъ получался коньякъ, но его хватало не болѣе,

какъ на однѣ сутки. Хранилъ я, какъ зеницу ока, маленькую фляжку коньяку 1810 г. и склянку съ какимъ-то укрѣпляющимъ средствомъ чудотворнаго дѣйствія. Къ сожалѣнію, я не помню, кто его мнѣ далъ, ни какъ оно называлось, такъ какъ не было этикета. Фуражиры объѣхали верстѣ тридцать кругомъ и нашли только кукурузу, не хватавшую на половину всѣхъ лошадей.

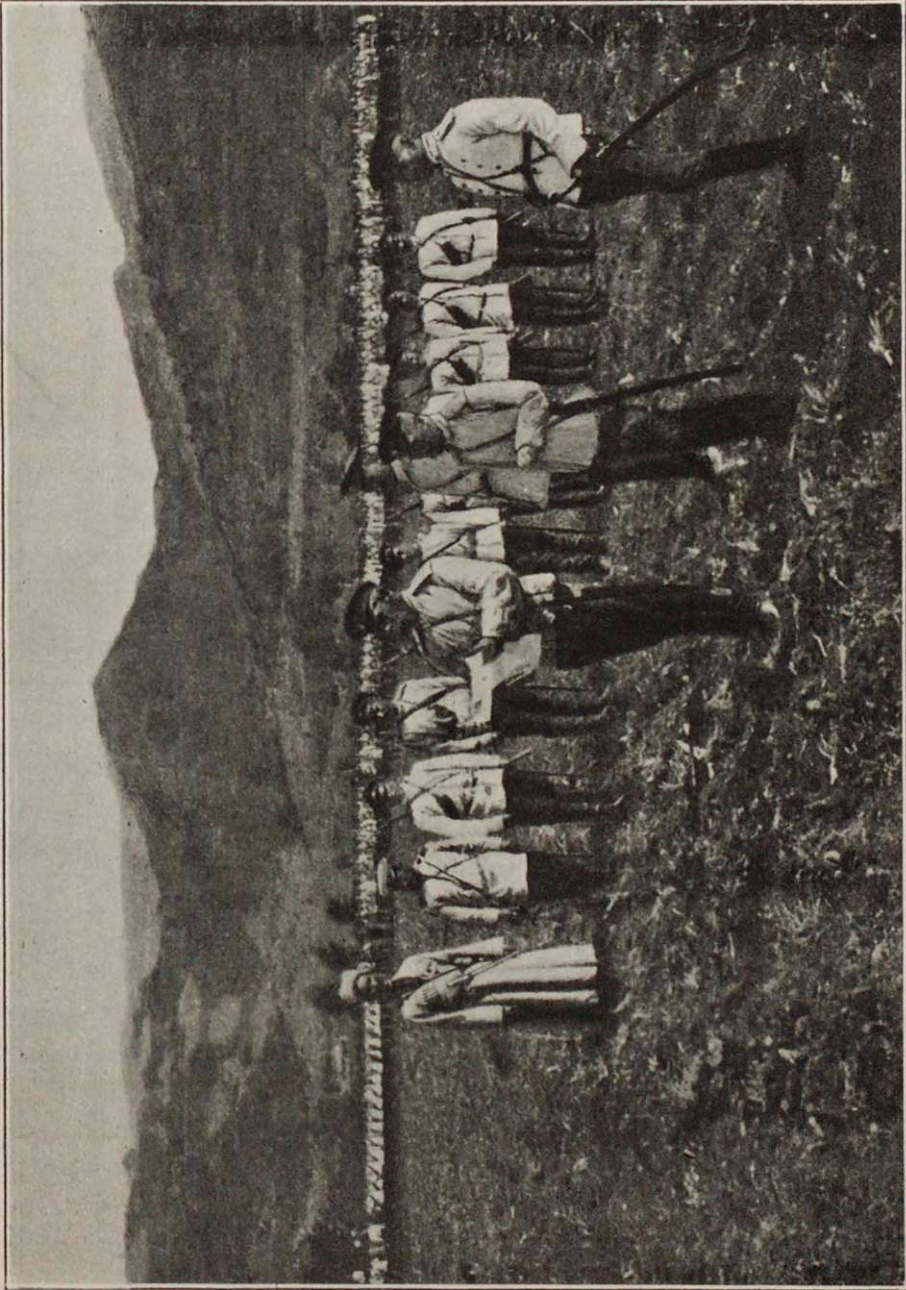
22 мая. Парадъ по случаю раздачи нижнимъ чинамъ знаковъ отличія военнаго ордена. Былъ чудный солнечный день — рѣдкое

явленіе въ это время года. Послѣ короткой, но дѣльной рѣчи, генераль прочелъ передъ собравшимися впереди удостоенными

35 2-й Нерчинскій казачій полкъ.

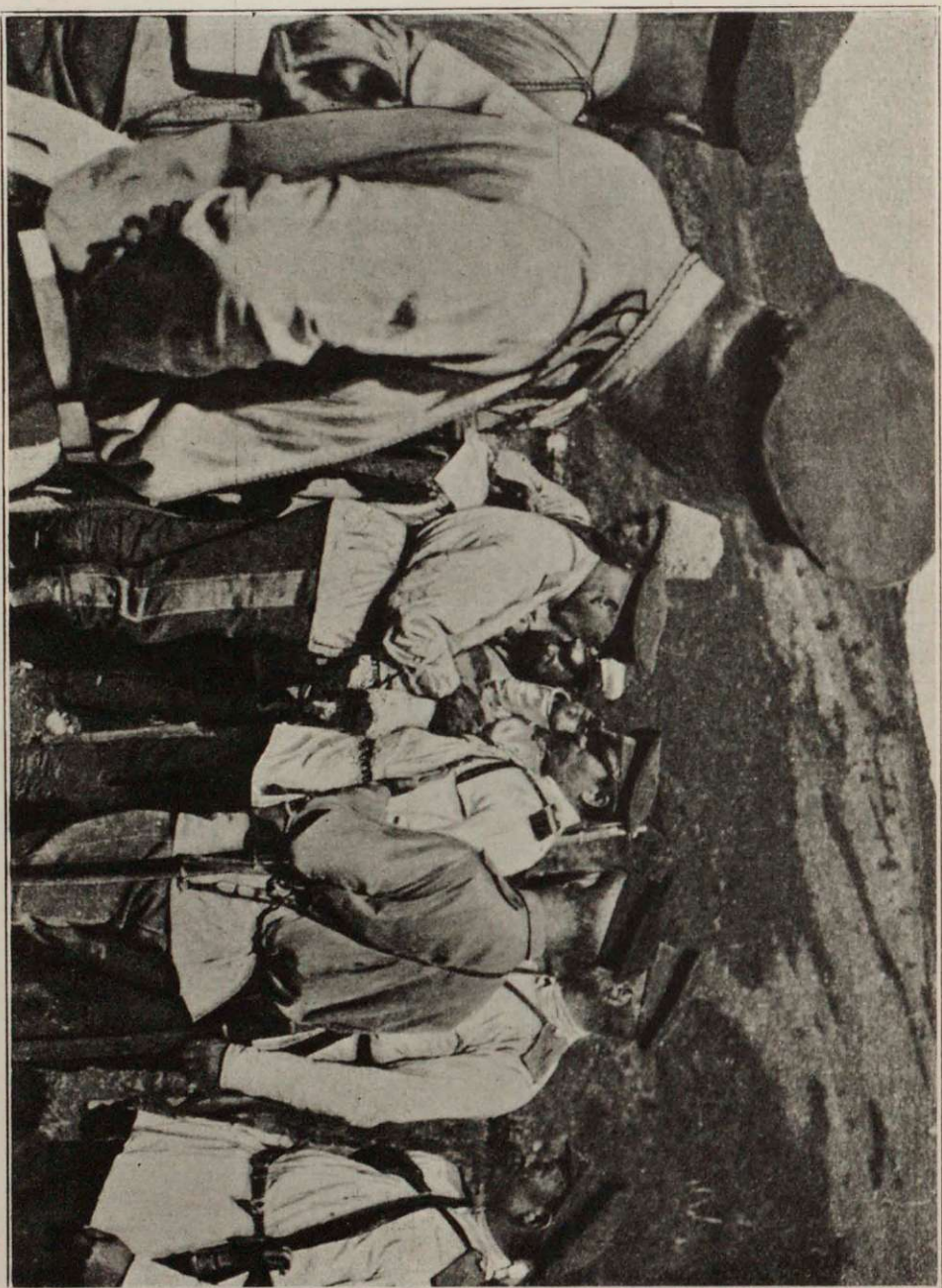

наградъ кавалерами поименной списокъ и лично прикалывалъ каждому крестъ на груди. На правомъ флангѣ стоялъ мой кунакъ Шахтievъ. Когда окончилась раздача крестовъ, отрядъ взялъ „на

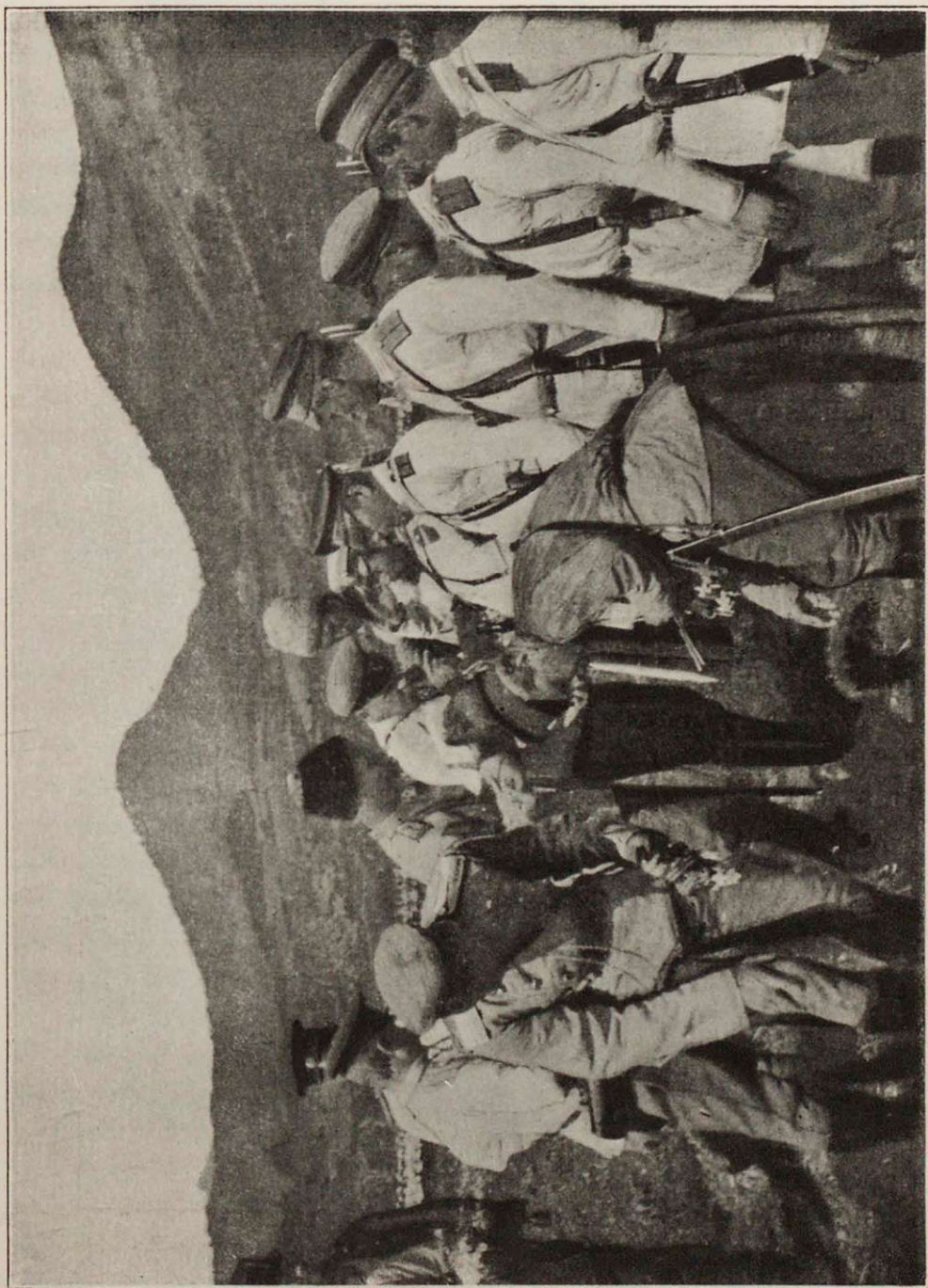

56. Ген. Ренненкампфъ читаетъ списокъ новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ.

карауль“ и вслѣдъ за генераломъ прокричалъ „ура“ Государю, Государынямъ, генералу Куропаткину и новымъ георгіевскимъ кавалерамъ.

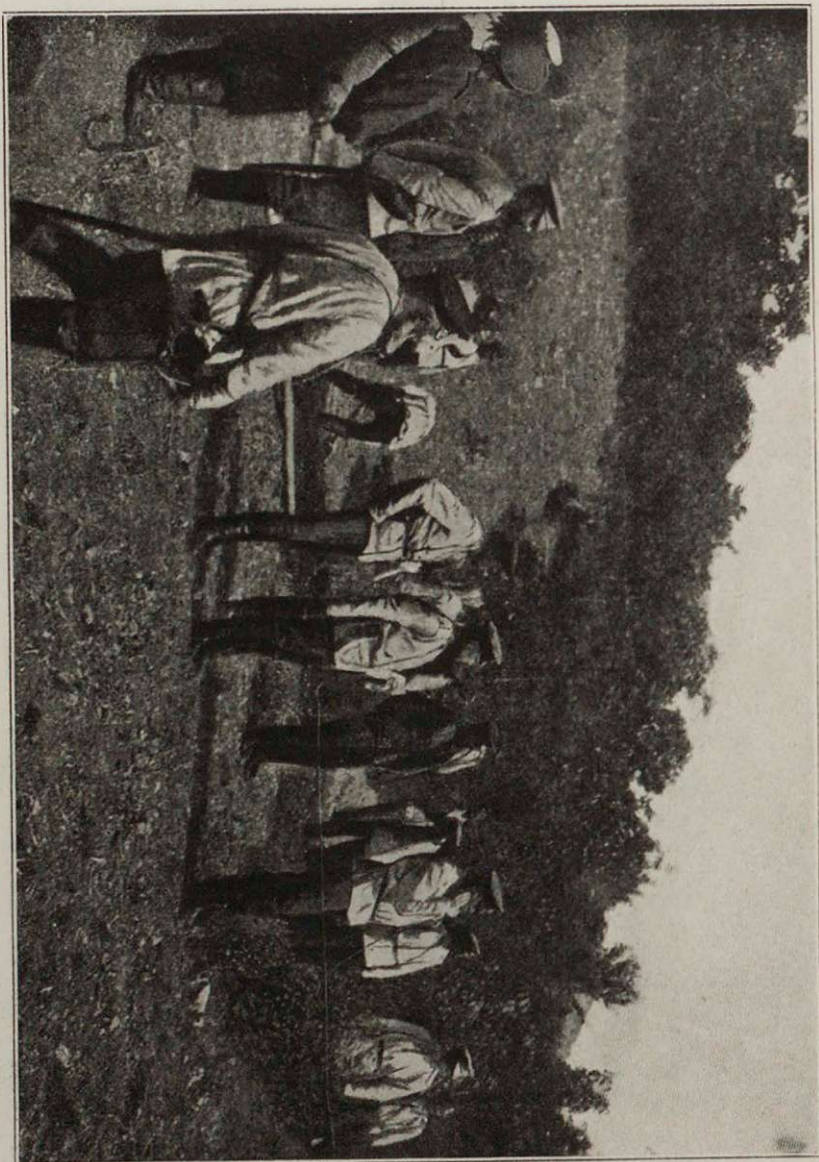
57. Раздача знаковъ отличія военнаго ордена.

57 bis. Раздача знаковъ отличія военного ордена.

Послѣ церемоніальнаго марша похоронили убитаго вчера бурята, рядомъ съ могилами другихъ убитыхъ казаковъ.

Австрійскій агентъ уѣхалъ; онъ торопился убраться изъ отряда, начальникъ котораго водилъ его слишкомъ часто подъ выстрѣлы.

58. Похороны убитыхъ казаковъ.

Израсходовавъ всѣ свои деньги, я просилъ командующаго полкомъ выдать мнѣ слѣдующее жалованье. Онъ сказалъ, что жалованье онъ выдать не можетъ, потому что полкъ былъ все время въ походѣ. Канцелярія съ дѣлопроизводителемъ и всѣми

дѣлами была въ обозѣ въ Фанзяпуцзахъ, что ни офицерамъ ни нижнимъ чинамъ жалованье не уплачивалось за три мѣсяца, а что въ китайскую кампанію жалованье не выдавалось за еще болѣе продолжительное время. На это я отвѣтилъ, что турки вовсе не уплачиваютъ жалованье, предоставляя войскамъ добывать средства по своему усмотрѣнію, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы съ нихъ брали примѣръ. Выручилъ меня завѣдующій хозяйствомъ Заботкинъ и приказалъ казначею мнѣ выдать все, что слѣдовало по расчету.

Заботкинъ и подъесаулъ Филипповъ уѣхали въ Ляоанъ за транспортомъ; первый, кромѣ того, хотѣлъ залечить рану, полученную 18 мая у Малаго Фыншуйлина.

Познакомился съ есауломъ Аргунскаго казачьяго полка, княземъ Карагеоргіевичемъ; онъ маленькій, коренастый, живой, бѣгло говоритъ по-русски, съ легкимъ экзотическимъ акцентомъ. Онъ рассказывалъ красно и забавно про свои походы во время развѣдки. У него проницательный умъ и та смѣлость, которою обладали кондотьеры безконечныхъ войнъ 17 и 18 столѣтій—смѣлость и отвага наемныхъ авантюристовъ, а не та, что мы видимъ у нашихъ офицеровъ и солдатъ, идущихъ на смерть, можетъ быть, неохотно, но съ какою-то покорностью судьбѣ; тѣ же умирать не хотѣли, напротивъ, они хотѣли жить и жить во всю, а готовы были рискнуть цѣною жизни только за славу и богатую добычу.

Получено извѣстіе о смерти бывшаго конногвардейца хорунжаго Зиновьева, загадочно убитого во время рекогносцировки. Это третій офицеръ конной гвардіи, выбывшій изъ строя: первый былъ Соловьевъ, умершій сумасшедшимъ, второй фонъ-Валь, раненый и взятый въ плѣнъ.

23 мая. Узнавъ, что мы останемся въ Саймацзы еще два или три дня, я просилъ генерала отпустить меня въ Ляншангуанъ, чтобы получить двѣ лошади, прибывшія изъ Россіи вмѣстѣ съ лошадьми Келлера. Генераль согласился и сказалъ, что онъ поручаетъ мнѣ освѣтить мѣстность между Саймацзы и Ляншангуаномъ.

Съ развѣздомъ изъ пяти казаковъ 6-й сотни и моимъ вѣстовымъ Иваномъ Макаровымъ я выступилъ въ 9 часовъ утра. Около 5 верстъ мы спускались на югъ по долинѣ Бадао-хэ, затѣмъ свернули на западъ и шли по сопкамъ по довольно сносной дорогѣ, гдѣ сохранились еще слѣды прохода артиллеріи отряда

графа Келлера, во время движенія на Саймацзы 18 мая. Вблизи одной китайской деревни паслась въ полѣ бѣлая лошадь, казаки издали признали ее за казачью и, съ моего разрѣшенія, одинъ изъ дозорныхъ поѣхалъ осмотрѣть ее. Оказалось, дѣйствительно, строевая лошадь, но болѣе для службы не годная. Она была совсѣмъ безъ ногъ. Легко раненыхъ послѣ боя или выбившихся изъ силъ на походѣ лошадей иногда бросали и онѣ доставались китайцамъ. Въ одномъ мѣстѣ на горахъ паслось 9 коровъ, въ деревняхъ кричали куры, черезъ дорогу перебѣгали гуси, а на водѣ плавали утки. Это зрѣлище было такъ удивительно, такъ рѣдко, что мы глядѣли на него съ любопытствомъ и вождельніемъ. Теперь намъ некогда было заниматься фуражировкой, но, вернувшись въ Саймацзы, будемъ знать, куда ѣхать за продовольствіемъ. Мои казаки говорили, что когда они стояли здѣсь по сосѣдству, не видно было нигдѣ ни птицы ни скота. Очевидно, мѣстность далеко кругомъ освободилась отъ русскихъ, но нѣтъ ли поблизости японцевъ или хунхузовъ. „Ипэнъ мэю“,—отвѣчали жители на наши вопросы—„японцевъ нѣтъ“. Правда ли это?

У деревни Сунцзяфа, гдѣ мы гостили не такъ давно у командира 6 сотни князя Джандіери, встрѣтился намъ разѣздъ конныхъ охотниковъ 11 стрѣлковаго полка. Я предупредилъ казаковъ, что если хунхузы открыли бы по насъ огонь, мы отвѣчать не будемъ, а прибавимъ только ходу, чтобы проскочить впередъ, не теряя времени. Въ половинѣ третьяго остановились на привалѣ у деревни Айцзя-пуцзя. На требованіе фуража получили отвѣтъ „мэю“, пришлось разыскивать самимъ. Когда нашелся гаолянъ и чумиза, я заплатилъ хозяину запрошенные имъ два рубля трехрублевой бумажкой и получилъ сдачи русскую рублевую кредитку. Напившись чаю и закусивши, черезъ часъ отправились дальше къ перевалу Фыншуйлину, это самый южный, третій Фыншуйлинъ. Издали мы видѣли на вершинѣ перевала трехъ человѣкъ,—наши ли это или хунхузы, мы могли узнать только подойдя ближе. Думается, однако, что наши: хунхузы, вѣроятно, не стояли бы на виду. Въ половинѣ пятаго выбрались на перевалъ. Тамъ былъ постъ изъ трехъ стрѣлковъ 11 полка, они составляли всю охрану этого прохода. Къ шести часамъ мы поднялись на вторую вершину того же Фыншуйлина, гдѣ совсѣмъ не было сторожевыхъ постовъ. Мы спустились по хорошей и пологой дорогѣ въ узкую долину, въ концѣ которой, верстахъ въ пяти отъ перевала, былъ расположенъ бивакомъ

большой передовой отрядъ, баталіоновъ пять или шесть съ артиллеріей. Отсюда долина сворачивала вправо. Намъ передали солдаты, что до Ляншангуана, гдѣ расположены штабъ восточнаго отряда и главные силы, не болѣе шести верстъ. На бивакѣ царило большое оживленіе, у маркитанта толпились солдаты, около офицерскихъ палатокъ играла музыка, пѣсенники пѣли въ разныхъ мѣстахъ. Вездѣ былъ порядокъ: дороги раздѣланы прекрасно, со сточными канавами по бокамъ; устроены прочные мосты съ перилами, вѣроятно, работы саперовъ; часовые и дневальные перекликались на линіи.

Казаки сказали мнѣ „какъ здѣсь весело“—и дѣйствительно было весело, не то что у насъ въ непривѣтливыхъ фанзахъ, провонявшихъ отъ скученнаго во дворахъ навоза, невылазной грязи улицъ, никогда не просыхавшихъ; не разъ приходилось кавалеристамъ позавидовать чистотѣ бивачнаго расположенія пѣхоты. Уже стемнѣло, мы проходили мимо другихъ биваковъ, горѣли костры, вездѣ были слышны пѣсни. Вдругъ послышался топотъ лошадей и мимо насъ проѣхала коляска, запряженная парой рослыхъ лошадей; въ ней сидѣли два артиллерійскихъ офицера. Давно я ничего подобнаго не видалъ, мы какъ будто попали на другую планету, болѣе культурную и счастливую. Но чему я болѣе всего позавидовалъ, это было существованіе телеграфа, посредствомъ котораго можно было безпрепятственно переговариваться съ внѣшнимъ міромъ. Безъ четверти девять мы пришли въ Ляншангуанъ, издали еще мы видѣли многочисленные огни большого расположенія войскъ.

Внутри обширнаго двора, за длинными столами, освѣщенными садовыми фонарями, сидѣли за ужиномъ графъ Келлеръ и человѣкъ двадцать его штаба, уполномоченныхъ Краснаго Креста и гостей, прибывшихъ съ донесеніями офицеровъ. Милый хозяинъ и всѣ ужинавшіе меня приняли радушно; я обошелъ столъ кругомъ, пожимая всѣмъ руки, и усѣлся между Келлеромъ и его симпатичнымъ начальникомъ штаба, полковникомъ Орановскимъ. Пока комендантъ отряда графъ Комаровскій меня кормилъ, а Келлеръ подливалъ вина, на меня сыпались вопросы о нашемъ житьѣ-бытьѣ, о дѣйствіяхъ нашего отряда. Я отвѣчалъ сдержанно, не входя въ подробности, и передавалъ о дѣлахъ такъ, какъ они были сообщены официально въ донесеніяхъ командующему арміей. Меня подняли на смѣхъ; оказалось, что было извѣстно до мельчайшихъ подробностей все, что у насъ происхо-

дило, но никто не настаивалъ, понимая, что я объ этомъ говорить не желалъ. Проболтали мы очень весело и разошлись довольно рано, такъ какъ завтра въ 7 часовъ утра Келлеръ уѣхалъ осматривать передовую позицію. Федоръ приготовилъ мнѣ постель-мѣшокъ въ палаткѣ Келлера, онъ до сихъ поръ не исправился: постель была такъ разложена, что въ нее нельзя было влѣзть. У насъ съ Келлеромъ была душевная бесѣда. Не зналъ я тогда, что мы больше не увидимся; мы легли спать, но долго еще разговаривали; казалось, что никогда не хватитъ времени высказать все, что у насъ было на душѣ.

24 мая. Келлеръ разбудилъ меня своимъ милымъ веселымъ смѣхомъ. Попрежнему пили вмѣстѣ какао и ѣли яйца въ смятку. Приведенныя изъ Россіи лошади мнѣ очень понравились, въ особенности кабардинецъ, купленный въ конвоѣ у подьесаула Федюшкина; недуренъ также карабахъ, уступленный мнѣ барономъ Ф. Мейендорфомъ, но онъ немного тяжелъ, и у него былъ малый шагъ, что очень утомительно въ походѣ съ казаками, идущими широкимъ шагомъ, верстъ по 6—7 въ часъ. Когда я покупалъ этихъ лошадей, одну въ Петербургѣ, другую въ Москвѣ, онѣ мнѣ показались чуть ли не росту пони, въ сравненіи съ моими гунтерами, на которыхъ я охотился на лисицъ въ окрестностяхъ Рима, а здѣсь, привыкши уже къ забайкальскимъ и монгольскимъ маштачкамъ, онѣ казались рослыми. Въ память кабардинца, славно прослужившаго мнѣ въ турецкую кампанію, я назвалъ его Джигитомъ, а карабаха назвалъ Али въ честь моего парадера въ конной гвардіи.

Когда Келлеръ и я прощались въ этотъ разъ, мы были еще болѣе взволнованы, чѣмъ при прощаніи въ Ляндансянѣ; было ли это предчувствіе, что мы на этомъ свѣтѣ болѣе не увидимся.

Келлеръ уѣхалъ, а я пошелъ въ лавку купить запасы провизіи, которые у меня истощились: сахару, рису, консервированнаго масла, коньяку и карамели. Не я одинъ, почти всѣ офицеры ощущали потребность сладкаго при появленіи маркитанта: у него въ первый же день скупались конфеты, карамели и леденцы, вѣроятно, это было требованіемъ организма.

Комендантъ отряда разсказалъ мнѣ о походахъ отставнаго сотника Кубанскаго казачьяго войска Дмитренко, приговореннаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе за ограбленіе мирныхъ жителей и убійство двухъ китайцевъ, защищавшихъ свое

добро. Онъ былъ преданъ суду по настоянію графа Келлера, вызвавшаго для разслѣдованія военнаго слѣдователя.

Смертный приговоръ, однако, впослѣдствіи былъ замѣненъ ему 20-лѣтней каторгой.

Я назначилъ выступленіе въ 11 часовъ, но мои казаки все копались и никакъ не могли собраться. Вчера и сегодня ихъ самихъ и лошадей накормили на славу, и имъ такъ здѣсь понравилось, что они уже обращались ко мнѣ съ просьбой продневать, будто это было крайне необходимо лошадямъ. Мнѣ самому уходить не хотѣлось, но я не поддавался соблазну. Меня поддерживало сознаніе, что достаточно было бы одного моего слова, чтобы Келлеръ испросилъ у командующаго арміей моего перевода въ восточный отрядъ. Но слова этого я не хотѣлъ сказать: я считалъ малодушіемъ уходить изъ назначеннаго мнѣ мѣста служенія только потому, что мнѣ было бы пріятнѣе быть подъ начальствомъ дорогаго товарища. Я рѣшилъ воспользоваться дружескимъ предложеніемъ Келлера только въ крайнемъ случаѣ.

Въ Ляншангуанѣ имѣлись интендантскіе склады; были заготовлены большіе запасы муки, крупы, овса, сѣна, всего того, чего не имѣлось у насъ ни въ Саймацзахъ ни въ другихъ мѣстахъ, нами посѣщаемыхъ. Мы выступили въ половинѣ двѣнадцатаго. По совѣту моего урядника, бывшаго въ этихъ краяхъ, мы поднялись на другой перевалъ южнѣе того, черезъ который мы проходили вчера; второго подъема здѣсь не было, но путь былъ кружнѣе. Мы пришли въ Сунцзяфа, когда уже темнѣло, полилъ сильный дождь, и я рѣшилъ здѣсь переночевать.

Генераль Ренненкампфъ предупредилъ меня, когда я выѣзжалъ изъ Саймацзы, что японцы, можетъ быть, перейдутъ въ наступленіе, когда узнаютъ, что большая часть угрожавшаго имъ отряда отошла назадъ. Въ такомъ случаѣ Забайкальская дивизія отступить по направленію къ Цзянь-чану, преграждавшему путь наступленія на Мукденъ. Тамъ имѣлось продовольствіе и фуражъ, чего не было вовсе въ Саймацзахъ.

Если бы ожиданіе генерала сбылось и Саймацзы было бы теперь занято японцами, то путь на Цзянь-чанъ былъ бы мнѣ прегражденъ; я объ этомъ думалъ раньше: изъ Ляншангуана я могъ бы пройти въ Цзянь-чанъ другой дорогой, по Цао-хэ, черезъ большой (средній) Фыншуйлинъ, Гоньгауцзы и Сяосыръ, но это былъ бы большой кругъ, и я рѣшилъ попытаться пройти напрямикъ, а если путь былъ бы отрѣзанъ, то я надѣялся найти гдѣ-

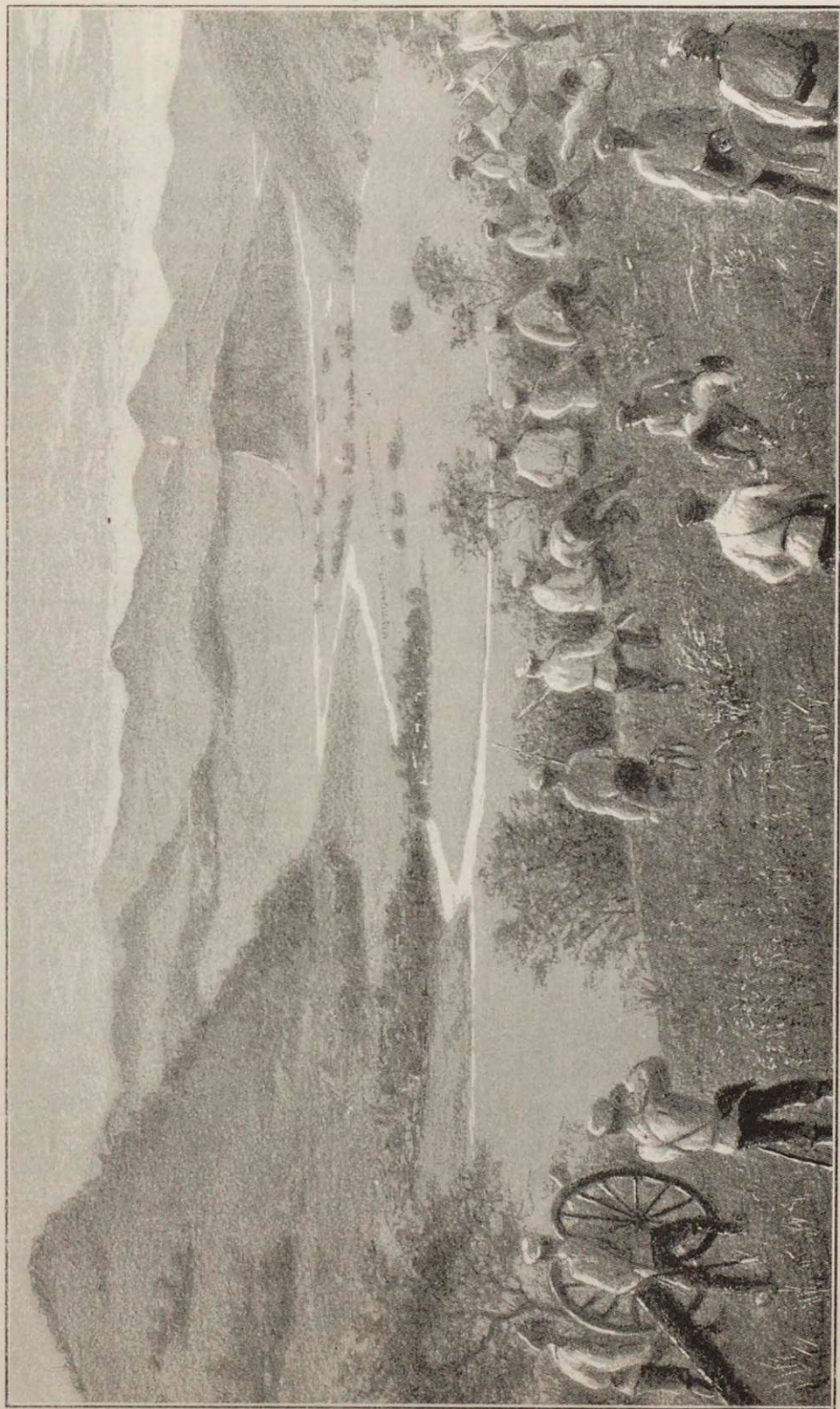
нибудь обходить и миновать встрѣчу съ японцами, которая была бы теперь очень нежелательна, такъ какъ я велъ съ собою цѣнныхъ лошадей и потерять ихъ ни за что не хотѣлъ бы.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ восточномъ отрядѣ, небольшіе разѣзды японцевъ и хунхузы могли бы быть мною встрѣчены на этой дорогѣ; поэтому, заночевавъ въ Сунцзяфа, я принялъ предосторожности противъ нечаяннаго нападенія; едва ли только онѣ оказались бы дѣйствительными, если бы непріятель попытался бы насъ атаковать: поставленные мною у запертыхъ воротъ дневальные спали преспокойно всю ночь и пришлось дневалить мнѣ самому, пока я тоже не уснулъ.

25 мая. Въ 3 ч. утра я разбудилъ казаковъ. Потягиваясь да позѣвывая, они стали выводить лошадей на водопой, потомъ подвѣсили торбы съ зерномъ и началось продолжительное чаеваніе, точно совершалось какое-то священнодѣйствіе. Я понукалъ, торопилъ казаковъ, ругался, ничто не помогало, — они копались безконечно съ сѣдловкой и завьючиваніемъ, и мы выступили только въ четверть шестого, т. е. чрезъ два съ четвертью часа послѣ того, что я разбудилъ свою команду. Я сѣлъ въ первый разъ на Джигита, у него былъ шагъ верстъ по 7 и даже больше въ часъ; было очень весело идти такимъ аллюромъ съ небольшимъ разѣздомъ на добрыхъ коняхъ. Въ большомъ отрядѣ такой аллюръ былъ бы слишкомъ утомительнымъ для лошадей съ малымъ шагомъ, вынужденныхъ все время рысать. Тамъ, гдѣ вчера мы видѣли 9 головъ скота, теперь ихъ паслось 20. Какъ было бы хорошо загнать ихъ въ полкъ; это было бы возможно только, если бы мы знали навѣрно, что отрядъ въ Саймацзахъ; если же тамъ были японцы, то пришлось бы бросить скотину, такъ какъ по сопкамъ и кружнымъ путемъ вести ее было бы немыслимо.

По направленію къ Саймацзамъ слышались выстрѣлы. Казаки говорили: „Ваше Высокородіе, тамъ залпуютъ“. Если тамъ стрѣляли, значитъ, наши не ушли. Оставалось еще часа два ходу.

Когда мы выѣхали въ долину Бадао-хэ, по ту сторону рѣки показались 9 пѣшихъ солдатъ, идущихъ въ разсыпную вверхъ по теченію, въ одномъ направленіи съ нами. Казаки сжались въ кучу; „японцы“, услышалъ я шепотъ урядника. Хотя они были не далѣе 400 шаговъ отъ насъ, но я простымъ глазомъ не могъ разобрать, дѣйствительно ли то были японцы или наши;

58а. Дѣло 25 мая 1904 г. въ отрядѣ генерала Грекова.

попробовать разглядѣть въ бинокль, но это на ходу оказалось невозможнымъ, потому что мой бинокль Цейсса, увеличивавшій въ 12 разъ, имѣлъ малое поле зрѣнія, и навести его можно было только стоя неподвижно, останавливаясь же я не хотѣлъ, чтобы не обращать на себя вниманія сосѣдей, пока не выяснилось, кто они такіе. Они въ насъ не стрѣляли, значить намъ не о чемъ было беспокоиться; я приказалъ только увеличить шагъ и выдвинуть дальше впередъ дозоры. Мы шли такъ почти рядомъ версты двѣ, но вотъ впереди насъ показалась цѣпь, шедшая къ намъ навстрѣчу; дозорные остановились, я подѣхалъ къ нимъ и слѣзъ съ лошади, чтобы разсмотрѣть въ бинокль, что это за люди; въ это время изъ кустовъ вышли наши солдаты и замахали шапками. Это былъ постъ отъ 23 полка; они сказали, что цѣпь наступала отъ ихъ полка противъ японцевъ, съ которыми была уже перестрѣлка около 7 ч. утра, тогда именно, когда мы слышали выстрѣлы. Вдругъ наши спутники съ противоположной стороны рѣки открыли огонь по цѣпи и та имъ стала отвѣчать. Тутъ уже не было болѣе сомнѣнія: мы шли рядомъ съ японцами, а они, вѣроятно, принимали насъ за свой конный разъѣздъ, имѣвшій, какъ и мы, желтые околыши на фуражкахъ. Мы попали въ самую перепалку, нельзя было останавливаться, я только свернулъ влѣво, чтобы пройти сзади цѣпи и не быть между двухъ огней. Японцы только теперь догадались, что мы противники и стали въ насъ стрѣлять; но мы уже отошли отъ нихъ шаговъ на восемьсотъ и попасть въ насъ было теперь не такъ легко, какъ прежде.

Во время переправы черезъ рукавъ Бадао-хэ мой Джигитъ сорвалъ объ камень подкову съ частью копыта и сразу захромалъ; я пересѣлъ на карабаха, но и въ поводу нельзя было вести бѣдное животное, не подковавши его. Ни у одного изъ казаковъ не оказалось запасной подковы. Я подѣхалъ къ начальнику цѣпи, чтобы узнать, здѣсь ли еще нашъ отрядъ; оказалось, что онъ ушелъ два дня тому назадъ въ Цзянчанъ, а цѣпи были выдвинуты отъ 23 полка и атаковали передовыя части японцевъ, занявшихъ кряжъ по ту сторону рѣки. Полкъ стоялъ въ долинѣ по дорогѣ въ Ляоянъ. Я рѣшилъ ѣхать туда, чтобы подковать лошадь въ обозной кузницѣ. Пули стали жестоко насъ преслѣдовать: вѣроятно, японцы приняли насъ за группу начальства; не слышно было жужжанія пуль, съ которымъ свыкъся слухъ въ турецкой войнѣ. Пули впивались въ землю съ короткимъ

звукомъ „дзыкъ“, поднимая пыль кругомъ насъ; я бы охотно увеличилъ шагъ, глупо было бы быть убитымъ или раненымъ, не принимая никакого участія въ дѣлѣ, но насъ задерживалъ бѣдный Джигитъ, отчаянно хромавшій; наконецъ мы добрались до стѣны предмѣстья Саймацзы и скоро вошли въ ущелье, гдѣ было совсѣмъ спокойно.

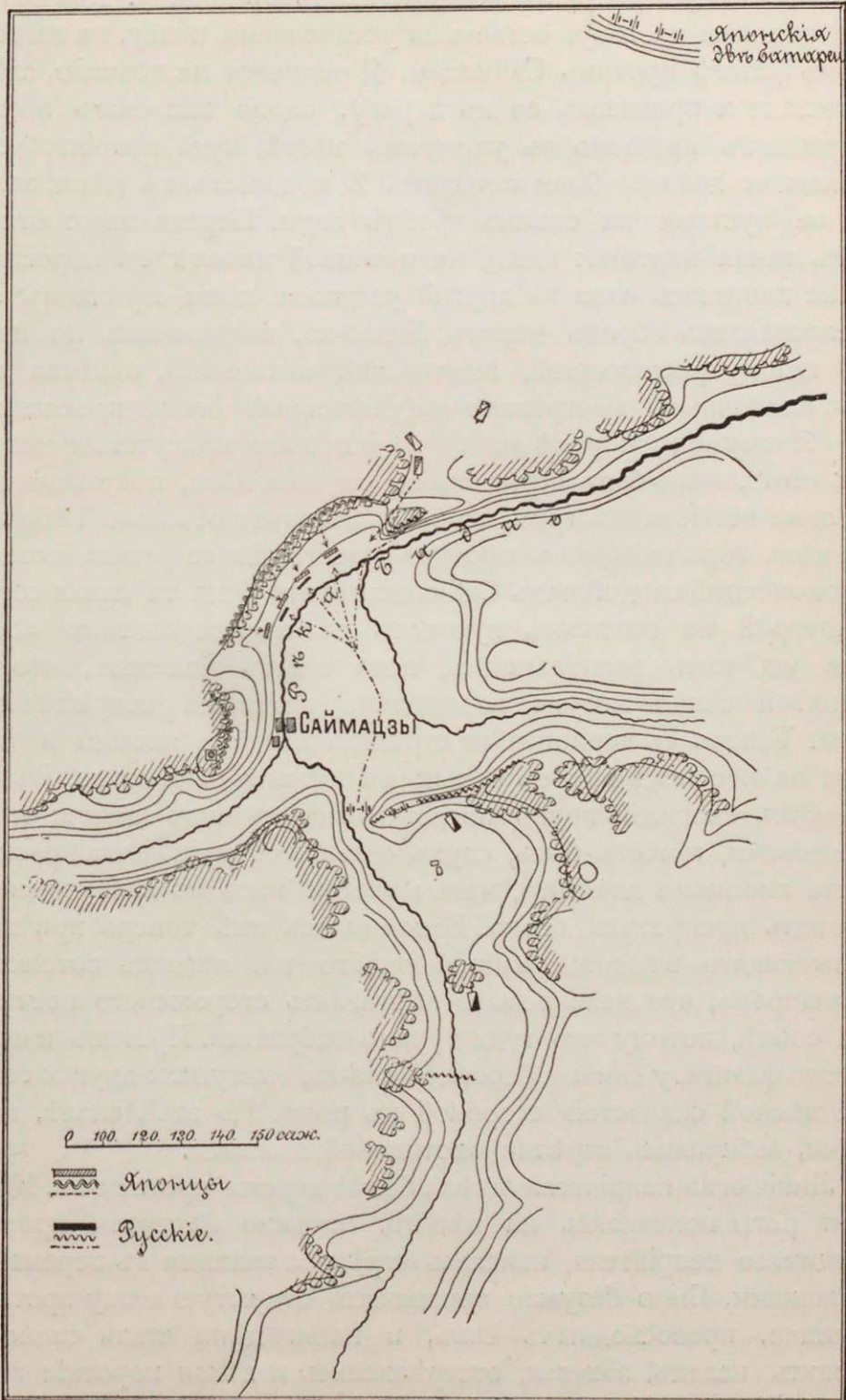
Я думалъ, что шла перестрѣлка между передовыми постами нашими и непріятельскими и что двинутыя въ атаку наши цѣпи отбросятъ японцевъ къ Айянямыню, очистивъ дорогу на Цзяньчанъ, куда я намѣревался отправиться, какъ только подкую лошадь, но скоро пришлось убѣдиться, что эта перестрѣлка была началомъ серьезнаго боя. По дорогѣ перегналъ насъ скачущій въ карьеръ стрѣлокъ. „Что такое“, спросилъ я, онъ отвѣтилъ на ходу: „требуютъ подкрѣпленій“.

Подошли мы къ небольшому лѣску, гдѣ былъ расположенъ бивакъ отряда генерала Грекова. Тамъ было большое оживленіе: пѣхота становилась въ ружье, горная батарея въ семь орудій брала въ передки. Офицеры допивали остатки чая, предложили и мнѣ, сахару и хлѣба уже не было, они были съѣдены или уложены. Пока казаки разыскивали кузнеца, которому я приказалъ щедро заплатить, я пересѣдлалъ и пересѣлъ на чалаго, такъ какъ мнѣ захотѣлось посмотрѣть на бой и было бы жаль подвергать выстрѣламъ незамѣнимыхъ лошадей, приведенныхъ издалека.

Стрѣлковые офицеры рассказали мнѣ, что въ 7 ч. утра одинъ изъ сторожевыхъ постовъ на дорогѣ въ Цзяньчанъ былъ обстрѣлянъ непріателемъ, который былъ выбитъ охотничьей командой, и отступилъ по направленію къ Айянямыню; тогда одна рота стрѣлковъ перешла въ наступленіе и нанесла порядочный уронъ противнику, захвативъ десять винтовокъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ дальнѣйшихъ дѣйствій нашихъ передовыхъ частей; очевидно, непріатель получилъ подкрѣпленіе и мы шли поддерживать своихъ.

На носилкахъ лежали здѣсь два солдата, замученныхъ сегодня ночью китайцами у Саймацзы; предполагали, что они подбирались къ китайскимъ женщинамъ или производили какое-нибудь насиліе, а можетъ быть они пострадали за грѣхи другихъ и китайцы отомстили имъ за поруганія и насилія, наносимыя нѣкоторыми грабителями, которые попадаютъ во многихъ частяхъ, но довольно рѣдко между казаками.

Двѣ роты были отправлены впередъ на подкрѣпленіе, остальные части съ батареей направились къ боевой позиціи на гребнѣ

59. Дѣло 25-го мая 1904 г. у д. Саймацзы отряда ген.-маіора Грекова.

невысокаго отрога, прикрывавшаго входъ въ долину. Два орудія были подняты на гору, остальные установлены внизу, на нашемъ лѣвомъ флангѣ противъ Саймацзы. Я поднялся на позицію, слѣзъ съ лошади и привязалъ ее къ дереву, около запаснаго лафета и зарядныхъ ящиковъ въ укромомъ мѣстѣ, куда непріятельскіе снаряды не должны были попадать. Я подошелъ къ цѣпи, залегшей за кустами на самомъ гребнѣ горы. Передо мною открывалась такая картина: внизу на песчаной низинѣ съ порослями ивняка двигались одна за другой уступами цѣпи стрѣлковъ; они переправлялись вбродъ черезъ Бадао-хэ, поднимались по пологому склону распаханной, желтоватой котловины, отвѣчая рѣдкими, одиночными выстрѣлами на учащенный огонь противника. При бездымномъ порохѣ ничто не выдавало присутствія непріятеля; онъ должно быть стрѣлялъ съ опушки лѣса, покрывающаго вершины невысокихъ горъ верстахъ въ двухъ отъ нашей позиціи. Эта цѣпь горъ смыкалась противъ нашего лѣваго фланга высокой остроконечной сопкой надъ Саймацзами; это была та самая сопка, на которой не считалось нужнымъ ставить сторожевого поста, когда мы тамъ располагались, хотя опытъ показалъ, что съ незанятой сопки могутъ неожиданно раздаться непріятельскіе залпы. Теперь съ вершины ея стрѣляли въ насъ японцы и взбирался на нее всадникъ съ большимъ бѣлымъ значкомъ. Въ его складкахъ красный кругъ представлялся въ видѣ креста; этимъ объясняется, можетъ быть, слухъ о выбрасываніи флага краснаго креста японцами для того, чтобы ввести насъ въ заблужденіе и заставить прекратить огонь. Вспомнилось мнѣ теперь при видѣ вѣзжающаго всадника мнѣніе одного изъ нашихъ сотенныхъ командировъ, что нельзя было выставять сторожевого поста на этой сопкѣ, потому что туда трудно забраться. Противъ нашего праваго фланга, у самаго берега Бадао-хэ, выступала другая сопка съ отвѣсной скалистой стороною къ рѣкѣ. По этой скалѣ, какъ кошки, взбирались стрѣлки охотничьей команды.

Линія огня непріятеля имѣла болѣе версты протяженія. Когда наши роты показались на пашнѣ, отважно наступая противъ невидимаго непріятеля, началась стрѣльба залпами въ перемежку съ пачками. Было безумно продолжать открытую атаку противъ, очевидно, превосходныхъ силъ, и наши цѣпи стали спокойно отходить назадъ, залегая, отстрѣливаясь и дѣлая короткія перебѣжки. Въ это время намъ было видно, какъ густая непріятельская колонна, не менѣе четырехъ ротъ, двинулась по лощинѣ

и через лѣсъ навстрѣчу нашимъ охотникамъ, задумавшимъ охватить лѣвый флангъ противника. Такъ какъ скала, по которой лѣзли охотники, не была видна японцамъ, то надо полагать, что они были предупреждены объ этомъ движеніи китайцами, стоявшими на вершинѣ сопки позади насъ и дѣлавшими какіе-то знаки руками, вѣроятно условные сигналы. Было жутко ожиданіе встрѣчи нашихъ смѣльчаковъ съ непріятелемъ, въ 5 — 6 разъ его превосходящимъ. Наконецъ раздалась въ лѣсу ружейная трескотня, она продолжалась минутъ десять, охотники появились опять на опушкѣ лѣса и стали скатываться внизъ со скалы, преслѣдуемые выстрѣлами сверху.

Я стоялъ въ цѣпи и разглядывалъ въ бинокль разыгрывающіяся фазы боя; трудно было услѣдить одновременно за всѣмъ, что происходило на большомъ протяженіи, солдаты обращали мое вниманіе то на ту, то на другую точку, я наводилъ туда бинокль и знакомилъ моихъ случайныхъ товарищей съ подробностями, незамѣтными простымъ глазомъ. Этотъ обмѣнъ замѣчаній и впечатлѣній сблизилъ меня съ этой простой, но симпатичной средой; я, видно, имъ тоже понравился, мы весело болтали и шутили, пока не началась работа и для насъ. Особый интересъ проявился, когда японцы вышли изъ своихъ укрытій и стали сами перебѣгать по той полянѣ, по которой недавно наступали наши молодцы стрѣлки. Японцы перебѣгали поодионокѣ къ заранѣ намѣченной складкѣ мѣстности, и когда набиралась туда цѣлая часть, совершенно укрытая отъ взоровъ, она открывала огонь залпами, по командѣ своихъ начальниковъ, которые одни только стояли и когда цѣпи подверглись сильному обстрѣлу, то офицеровъ вовсе не было видно. Одновременно съ наступленіемъ цѣпей, вышедшихъ изъ опушки лѣса, двѣ колонны, силою около двухъ баталіоновъ, стали спускаться изъ-за лѣса въ глубокую лощину, по которой шла дорога на Саймацзы. Наша батарея открывала огонь по этимъ колоннамъ и по наступающимъ цѣпямъ. Обрадовались солдаты: „Ишь, ловко хватило ихъ“, говорили они.

Дѣйствительно, стройное движеніе непріятеля пріостановилось, стихъ тоже огонь съ сопки, которымъ они насъ обсыпали во время перебѣжекъ цѣпей по чистому мѣсту. Но вотъ, что-то прошипѣло надъ нашими головами и далеко сзади лопнула граната. „Какъ обидно“, подумалъ я про себя, „они стрѣляютъ бездымнымъ порохомъ и ихъ батарей не видно, а наши горнушки пускаютъ къ небу красивыя бѣлыя кольца, какъ дѣлаютъ

курильщики“. Я подѣлился своими мыслями съ солдатами, а они отвѣтили: „Никакъ нѣтъ, В. В., они тоже чернымъ порохомъ стрѣляютъ“. „Да гдѣ же ихъ батареи“, спросилъ я. „А вонъ тамъ, за сопкой, что синѣетъ“. И дѣйствительно, верстахъ въ четырехъ отъ насъ, позади и съ боку непріятельской позиціи, показался дымокъ, другой, третій, четвертый, пятый, шестой и пошли лопаться снаряды между нами и надъ батареей, что была внизу. Наша батарея попробовала отвѣчать, но ея снаряды не долетали на цѣлую версту; она предпочла убраться совсѣмъ и болѣе не появлялась, а могла бы она еще нанести порядочный уронъ непріятельской пѣхотѣ и быть можетъ остановить его наступленіе; нужно было только мѣнять позиціи и становиться за природнымъ укрытіемъ, а не стоять на виду, какъ это было съ начала боя.

Только что спустили съ нашей горы орудія и зарядные ящики, какъ шесть гранатъ разорвались одновременно надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она стояла и взбуравили всю землю вокругъ. Вспомнилъ я о своемъ конѣ и обрадовался, что не выѣхалъ на одномъ изъ приведенныхъ изъ Россіи. Если бы моего коня не увели артиллеристы, то отъ него осталось бы, вѣроятно, не много.

Непріятельскія цѣпи подошли къ рѣкѣ и стали переправляться; тогда рядомъ со мною раздалась команда и пошла пальба по всей линіи. Я жалѣлъ, что крупный дождь, лившій все время боя, помѣшалъ мнѣ снять фотографію солдатъ, лежавшихъ въ цѣпи возлѣ меня. На ихъ лицахъ можно было прослѣдить все, что они чувствовали, что ихъ беспокоило и волновало: въ началѣ любопытство брало верхъ надъ тревожнымъ состояніемъ, но по мѣрѣ того, какъ непріятель приближался, смѣхъ и шутки прекратились, одни были сосредоточены, другіе видимо мучились ожиданіемъ чего-то невѣдомаго, страшнаго, наносящаго смерть и увѣчія, совершенно беззаботныхъ или кажущихся таковыми было немного; я опять взглянулъ на нихъ, когда на нашъ огонь стали отвѣчать японцы и пули цѣлымъ роемъ пролетали около нихъ, бороздя землю, срѣзая вѣтви кустарниковъ и жалобно завывая при рикошетѣ: совершенно измѣнилось выраженіе лицъ, они жадно впивались глазами въ наступающаго противника и выпускали пулю за пулей съ тѣмъ ожесточеніемъ, съ какимъ бьютъ въ дракѣ кулакомъ. Безпокойства о томъ, что ожидало ихъ, болѣе не замѣтно, всѣ работали дружно, забывъ о личности. Одинъ офицеръ, который передъ боемъ говорилъ своей цѣпи:

„разомкнись больше, чего вылезаете изъ кустовъ, держи голову ниже“, мнѣ казалось, немного нервничалъ; можетъ быть это было предчувствіемъ, что этотъ день для него даромъ не пройдетъ; черезъ часъ его пронесли на носилкахъ, и я слышалъ потомъ, что его рана была опасная.

Я замѣтилъ, что японцы выслали на наши фланги обходящія части, около роты каждая, и передалъ объ этомъ офицеру, командовавшему въ цѣпи, посоветовавъ ему занять сѣдловину сопки вправо и позади насъ, такъ какъ вѣроятно тамъ былъ переваль и туда будетъ направленъ обходъ японцевъ. Рота, обходившая нашъ лѣвый флангъ, была встрѣчена огнемъ стрѣлковъ, залегшихъ внизу противъ входа въ ущелье.

Получено приказаніе отступать, и я поспѣшилъ убраться. Простился я съ ротой, при которой находился во время боя, такъ какъ она была оставлена на позиціи для прикрытія отступавшихъ. Солдаты смѣялись, когда я имъ сказалъ, что самъ перехожу въ отступленіе. Пошелъ я искать лошадь. Сѣдловина, гдѣ стояли наши пушки, была изрыта снарядами; мнѣ казалось, что я призналъ кустъ, къ которому привязалъ лошадь, но ея не было видно нигдѣ; вѣроятно артиллеристы увели ее при отвозѣ зарядныхъ ящиковъ. Спустился я въ лощину и спросилъ у одного солдата, не видалъ ли онъ чалой лошади на горѣ, гдѣ стояла батарея. „А вотъ она“, сказалъ онъ; я оглянулся и увидѣлъ лошадь свѣтлой масти, похожую на мою, въ томъ же мѣстѣ, откуда я только что пришелъ. Опять пришлось лѣзть на гору, гдѣ бѣдный „голубокъ“, какъ его прозвали мои вѣстовые, такъ запутался въ кустахъ, что я съ большимъ трудомъ его высвободилъ. Онъ былъ въ мылѣ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ; удивительно, что уздечка не оборвалась. Кусты кругомъ были срѣзаны снарядами, какъ подкошенные, а на „чаломъ“ не было видно ни одной царапины. На гребнѣ горы наша цѣпь стрѣляла теперь пачками; вѣроятно, непріятель уже лѣзъ на нее, и долго держаться тамъ было невозможно. Я продолжалъ „отступленіе“, внизу въ долину послѣднимъ оставался подполковникъ Толстой. Онъ несъ неразорвавшуюся японскую шрапнель; немного далѣе медленно отходилъ начальникъ отряда ген. Грековъ и ротмистръ Сафоновъ, художникъ и корреспондентъ. Ген. Грековъ сказалъ мнѣ: „Вы видѣли, сколько ихъ, по меньшей мѣрѣ, бригада съ двѣнадцатью орудіями, развѣ могъ я удержать ихъ съ однимъ полкомъ и горной батареей, которая не могла состязаться съ непріятельской“.

Судя по протяженію линіи огня, по силѣ цѣпей и части видѣнныхъ резервовъ, должно было быть не менѣе 6 или 8 баталіоновъ, а такъ какъ стрѣляло двѣ батареи съ разныхъ позицій и давали залпы по шести гранатъ сразу, то можно было утверждать, что у японцевъ было не менѣе двѣнадцати орудій.

Подошли мы къ прежнему биваку. Всѣ торопились уходить, два баталіона уже вытянулись по ущелью, обозъ ушелъ раньше. Неизвѣстно, почему были оставлены въ кучѣ свернутыя въ трубку и перевязанныя ремнемъ шинели для надѣванія черезъ плечо; вѣроятно, это были шинели тѣхъ, которые дрались впереди, но отчего ихъ не захватилъ обозъ. Какъ это никто не догадался, что трудно будетъ людямъ, утомленнымъ боемъ, навьючить на себя и потащить эту тяжелую ношу въ знойный день.

Усердно работалъ Красный Крестъ: перевязано было много раненныхъ и ожидалось не мало съ передовой линіи. Не хватало носилокъ, было предложено снять съ носилокъ и похоронить здѣсь же изувѣченныхъ въ Саймацзахъ двухъ солдатъ. Копать могилу не было времени, ихъ просто обложили камнями, утѣшая себя тѣмъ, что мы скоро вернемся назадъ и тогда ихъ похоронимъ, какъ слѣдуетъ. Солдаты спѣшили уйти, офицеровъ не было, врачей никто не слушалъ и некому было нести перевязанныхъ раненныхъ. Толстой ругался, хваталъ солдатъ и чуть не силою заставлялъ ихъ остановиться и взяться за носилки. Сколько разъ приходилось видѣть эту картину: наши солдаты дрались иногда превосходно, но когда начинали отступать, то имъ удержу не было, всѣ торопились уйти поскорѣй и подальше. Это замѣтилъ также одинъ корпусный командиръ не только по отношенію солдатъ, но даже и начальниковъ.

Перестрѣлка, остановившаяся на короткое время, вдругъ опять возобновилась съ большею силою, и выстрѣлы раздавались звучнѣе, пули стали долетать до насъ; это уже стрѣляли японцы, выбившіе аррьергардъ съ боевой позиціи.

Все встрепенулось; еще поспѣшнѣе стали собирать свой скарбъ и уходить прибывавшіе спереди солдаты. Казаки аргунцы вскочили на лошадей и поскакали назадъ. Толстой крикнулъ на нихъ: „Стой, что это за безобразіе“. Кто не успѣлъ удрать, долженъ былъ придержать коня, скрѣпя сердце.

Подошли послѣдніе люди отступавшаго аррьергарда, и съ ними отошли врачи и санитары Краснаго Креста, самоотверженно работавшіе, не взирая на опасность.

По инициативѣ одного изъ ротныхъ командировъ арьергарда, для прикрытія отступленія отряда, двѣ роты залегли въ сухомъ руслѣ рѣчки, образовавшемъ естественный окопъ.

Начальникъ охотничьей команды просилъ Толстого занять выдающійся въ долину мысокъ, представляющій выгодную позицію для обороны, чтобы прикрыть отступленіе двухъ ротъ, оставшихся впереди; обращались всѣ къ нему, хотя онъ не былъ начальникомъ арьергарда, потому что другихъ штабъ-офицеровъ отряда здѣсь не было.

Японцы преслѣдовали насъ довольно упорно до четырехъ часовъ пополудни.

У подножія Сыгоулина былъ сдѣланъ привалъ, чтобы пропустить обозъ и двуколки съ ранеными. Дорога была убійственная; у кого ноги были цѣлы, тѣ вылѣзали изъ двуколокъ и тащились, упираясь на срубленные сучья. Солдатъ, раненый въ грудь и подбородокъ, издавалъ какой-то хриплый звукъ; стонъ, а изрѣдка жалобный крикъ вырывался при сильномъ толчкѣ о камни, усявшіе потокъ, протекавшій посреди дороги.

Послѣ раненыхъ переправился черезъ Сыгоулинъ генераль Грековъ и остановился внизу около фанзы, пропуская мимо себя всѣ части и благодаря за службу. Въ этомъ мѣстѣ дорога раздваивалась: нѣкогда шла дорога на Фыншуйлинъ и Ляоянъ, направо на Сяосырь и Цзянь-чанъ. Я просилъ разрѣшенія генерала Грекова отправиться къ мѣсту своего служенія; онъ мнѣ поручилъ передать словесно генералу Ренненкампу о ходѣ боя, такъ какъ я былъ очевидцемъ всего происходившаго.

Отрядъ отступалъ на Фыншуйлинскій перевалъ и снималъ всѣ посты летучей почты. Въ виду ожидавшагося наступленія японцевъ сегодня ночью или завтра съ утра, а также усилившейся дѣятельности хунхузовъ, генераль приказалъ мнѣ снять посты летучей почты до Сяосыря, а командиръ аргунской сотни, содержащей посты, уходя къ Фыншуйлину, просилъ меня не останавливаться на ночлегъ, а идти прямо на Сяосырь, такъ какъ, по его свѣдѣніямъ, большая партія хунхузовъ собиралась напасть на слабые посты, разбросанные на разстояніи двѣнадцати—пятнадцати верстъ другъ отъ друга, въ глухихъ мѣстахъ, окруженныхъ лѣсистыми горами, гдѣ преимущество было бы на сторонѣ хунхузовъ.

Съ поста у Манзяпуцзы къ намъ присоединилось девять казаковъ аргунцевъ и мы тронулись въ путь въ половинѣ девятаго.

Сразу такъ потемнѣло, что я не различалъ бѣлой лошади казака, шедшаго впереди меня въ нѣсколькихъ шагахъ. Въ темную ночь я себя чувствовалъ совершенно безпомощнымъ и не могъ понять, какъ другіе могли видѣть и двигаться свободно среди мрака. Я приказалъ вѣстовому взять мою лошадь за поводъ недоуздка и вести меня какъ слѣпого. До второго поста мы переправлялись черезъ бурливую рѣчку 22 раза, опасаясь постоянно, что лошади поломають себѣ ноги, скользя и проваливаясь въ промежуткахъ между крупными камнями, закругленными теченіемъ воды, по которымъ приходилось ступать, съ трудомъ удерживая равновѣсіе. Между двумя переправами мы поднимались по узкимъ и крутымъ тропинкамъ и потомъ спускались въ бездну, гдѣ шумѣла рѣка и мерцали звѣзды въ быстро движущейся водѣ. Вѣтки хлестали по лицу и сбивали фуражку. Мы были въ пути три часа и пришли на постъ въ 11^{1/2} ч. вечера.

Въ грязной фанзѣ горѣла лучина, на канѣ валялся разный хламъ. Хотя болѣзненно хотѣлось спать, все тѣло до того измаялось, что, казалось, потребуется нѣсколько дней покоя, чтобы возстановить силы, все же чай былъ еще болѣе желаннымъ. Я выпилъ двѣ кружки кипящаго чая, не имѣя терпѣнія ждать его охлажденія.

26 мая. Въ 3 ч. утра я проснулся и разбудилъ казаковъ; опять они копались и чаевали безконечно. Только въ половинѣ шестого удалось намъ выбраться. Противъ этой неповоротливости и неспособности Забайкальцевъ къ расторопной работѣ ничего не подѣлаешь; ихъ чаеваніе, когда время дорого, можетъ извести самаго хладнокровнаго человѣка. Забайкальскіе казаки, застигнутые врасплохъ непріателемъ, должны все побросать, если бы желали убраться своевременно; такъ и было каждый разъ, когда нападеніе оказывалось неожиданнымъ. Я слыхалъ, что казаки первой очереди расторопнѣе и въ храбрости не уступятъ никому.

Дорога отъ второго поста до Сяосыря гораздо лучше, чѣмъ та, по которой мы шли ночью, кромѣ одного мѣста, гдѣ приходилось пробираться по узкому карнизу изъ каменныхъ плитъ, заливаемыхъ рѣкою при половодьи. Не такъ давно я проѣзжалъ здѣсь во время нашего рейда съ генераломъ Ренненкампомъ; но тогда мы ѣхали въ обратномъ направленіи, по хорошей дорогѣ ночью, а по дурной днемъ. Въ Сяосырѣ мы пришли въ 10 ч. утра. Я предложилъ командиру 6-й сотни Аргунскаго полка,

содержавшаго летучую почту, взаѣмнѣ снятыхъ постовъ между Сыгоулиномъ и Сяосыремъ, установить посты къ Фанзяпуцзы для соединенія съ этапной линіей Фыншуйлинъ-Ляоянъ. Дорога на Фанзяпуцзы не была извѣстна командиру сотни, я самъ о ней узналъ только случайно отъ моего урядника, сопровождавшаго транспортъ. Любезный хозяинъ угостилъ меня чашкой кофе. Вчерашней усталости не осталось слѣда, но страшно хотѣлось поспать часокъ-другой; вспомнилъ я поговорку одного пріятеля— „въ гробу наспишься“. Не скажу, что эта поговорка была бы утѣшительною, но надо было покориться необходимости и мы двинулись далѣе къ Цзянь-Чану. Пройдя около 15 верстъ, я приказалъ уряднику выѣхать впередъ къ дозорнымъ и выбрать мѣсто для привала, гдѣ окажется фуражъ. Прошли одну деревню, другую, вездѣ жители говорили, что у нихъ ничего нѣтъ; наконецъ, мы остановились въ деревнѣ, гдѣ нашлось немного гаоляну, но и тотъ былъ подгнившимъ. Я объявилъ казакамъ, что я имъ даю только одинъ часъ привала; это показалось имъ такъ мало, что они не захотѣли заваривать чай. Мой вѣстовой принесъ мнѣ кипятку только за пять минутъ до выступленія; онъ сказалъ, что не могъ вскипятить воды раньше, потому что ходилъ искать кормъ для лошадей, потомъ водилъ ихъ поить. Такъ какъ не было времени, то я отъ чаю отказался. Сердитый, голодный, усталый отправился я въ путь. Вьюки и заводныя лошади задерживали движеніе; я вызвалъ казака, у котораго лошадь шла проѣздомъ до 9 верстъ въ часъ и, сдавъ остальную команду и моихъ лошадей уряднику, отправился самъ-другъ переменными аллюрами впередъ, чтобы поспѣть непременно въ Цзянь-Чанъ довольно рано и доложить генералу о боѣ вчерашняго числа. Мы должны были проѣзжать по долинѣ, гдѣ преимущественно нападали хунхузы на летучую почту; но я надѣялся проскочить благополучно. За дер. Суйдунъ, гдѣ Тайцзы-хэ, вдоль которой шла дорога, дѣлала крутой поворотъ, я захотѣлъ скоротать путь, переваливъ черезъ невысокую сопку, поросшую густымъ лѣсомъ; меня манила туда тропинка, поднимавшаяся на гору, которая, вѣроятно, имѣла назначеніемъ сократить тяжелую дорогу по щебню рѣки. Мой спутникъ отсталъ и я полѣзъ на гору одинъ, спѣшившись, такъ какъ было довольно круто. Когда я выбрался на перевалъ и проходилъ лѣсомъ на другую сторону горы, я вдругъ наткнулся на манза, поспѣшно скрывавшаго что-то въ кустахъ. Мнѣ пришло въ голову, что это былъ хунхузъ и что онъ пря-

талъ свое оружіе, думая, что насъ много. Чтобы не оставлять его сзади себя, я ему передалъ поводъ лошади и приказалъ знаками и нѣсколькими заученными китайскими словами идти впередъ и указать мнѣ спускъ горы, такъ какъ тропинка поднималась выше, и я не зналъ, какъ мнѣ спуститься съ почти отвѣсной скалы. Манза говорилъ, что „тау-мэю“, т. е. не было дороги, но я пригрозилъ ему револьверомъ и онъ сталъ пробираться черезъ кусты по едва замѣтной тропѣ, круто выходящей въ расщелинахъ скалы. Одинъ я никогда не нашелъ бы ее, и пришлось бы вернуться назадъ. Когда мы благополучно спустились до низу, я далъ китайцу немного денегъ и мы разстались друзьями. Я ничего не выигралъ, перебравшись черезъ сопку, потому что долженъ былъ идти тихо; казакъ, сдѣлавшій по дорогѣ большой кругъ, поспѣлъ одновременно со мною. Въ 8 ч. вечера мы прибыли въ Цзянь-Чанъ и я прямо направился къ генералу. Онъ вышелъ на крыльцо, посадилъ меня рядомъ съ собою на скамейкѣ и внимательно слушалъ мой докладъ. Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что я снялъ посты между Сыгоулиномъ и Сяосыремъ, полагая, что они давали бы свѣдѣнія о движеніи непріятеля. Я отвѣтилъ, что поступилъ такъ по приказанію генерала Грекова, но я, съ своей стороны, считалъ это необходимымъ и снялъ бы посты, даже если бы приказанія не было, потому что рассчитывать на исполненіе такого рода службы слабыми постами казаковъ, напуганныхъ постоянными нападеніями хунхузовъ, сдѣлавшихся смѣлѣе при приближеніи японцевъ, было невозможно. Генералъ приказалъ выслать на слѣдующій день сильный офицерскій разъѣздъ къ Сыгоулину.

Я разыскалъ Пепино, занявшаго ту фанзу, въ которой мы останавливались въ послѣдній разъ; онъ такъ обрадовался моему возвращенію, что меня растрогалъ. Хозяева фанзы со всѣми слугами устроили мнѣ радушный пріемъ: „шибо знакомый ходя“. Я съ жадностью накинулся на вкусно приготовленный ужинъ, завалился на кану и заснулъ какъ убитый.

27 мая. Горячая ванна и чистое бѣлье послѣ похода, это такое наслажденіе, съ которымъ, кажется, ничто не можетъ быть сравнимо. Съ непривычки спина и мышцы еще побаливали; но это скоро пройдетъ, нужно только втянуться, о чемъ позаботится генералъ Ренненкампфъ.

Чтобы ближе познакомиться съ офицерами отряда, я завелъ завтраки и ужины, когда бывали дневки и приглашалъ 3—4 офи-

церовъ по количеству имѣвшихся приборовъ и тарелокъ. Сегодня я пригласилъ къ завтраку командира второй сотни, есаула князя Меликова и офицеровъ сотни — Бобровскаго и прапорщика запаса барона Корфа. Князь Меликовъ забавно и талантливо рассказывалъ о грузинскихъ и армянскихъ военначальникахъ Кавказа, цитируя рѣчи, приказы и патріотическія обращенія къ войскамъ и мѣстнымъ жителямъ.

Съ Бобровскимъ я познакомился раньше. Понравился мнѣ очень баронъ Корфъ, скромный, молчаливый, немного застѣнчивый, онъ навѣрно былъ исполнительный и храбрый.

Ужинали у меня бывший лейбъ-драгунъ полковникъ баронъ Деллингсгаузенъ и бывший кавалергардъ есауль Бодиско. Пепино въ восторгѣ, что имѣлась разнообразная свѣжая провизія, даже небольшая форель, которую, по его настоянію, китайцы наловили наметомъ въ Тай-цзы-хэ. Онъ готовилъ очень вкусно, но жаловался, что въ китайской печи не могъ печь слоенаго тѣста и готовить разные

60. Типъ манза
чернорабочаго.

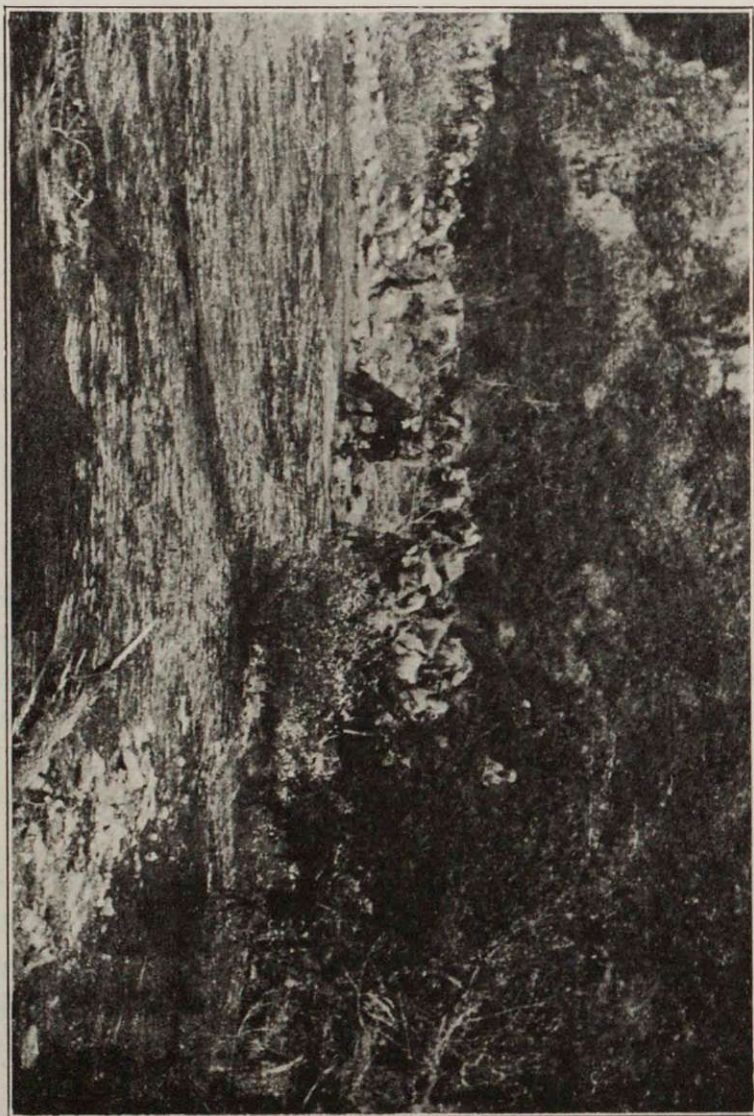
изящныя блюда своего репертуара.

28 мая. Завтракаютъ в. ст. Трухинъ, младшій полковой врачъ Терешковичъ, еврей акушеръ и специалистъ по женскимъ болѣзнямъ; такихъ специалистовъ въ арміи было много. Онъ аккуратно велъ свой дневникъ, записывая всѣ названія пройденныхъ деревень, цифровыя данныя и статистическія свѣдѣнія; онъ былъ добрый малый и въ дружбѣ со всѣми въ полку. Пригласилъ я тоже хорунжаго Мерчанскаго, сына полковника, командовавшаго полкомъ въ первомъ корпусѣ.

Въ 4 часа всѣ собрались въ штабъ дивизіи, гдѣ намъ передали, что завтра мы пойдемъ черезъ Синхайлинскій переваль на Малюпау, а оттуда сдѣлаемъ набѣгъ на Сипингай, гдѣ, по словамъ войскового старшины Аргунскаго полка Хрулева, стоялъ японскій отрядъ въ составѣ 1 роты пѣхоты и двухъ эскадроновъ кавалеріи.

Я рассказалъ собравшимся офицерамъ, въ присутствіи Николаева, о дѣйствіяхъ Дмитренки и о томъ, что его ожидала висѣлица. При первой части моего рассказа, Николаевъ вставилъ, что Дмитренко его кунакъ и что онъ лихой малый. Когда же я дошелъ до его преданія суду и ожидавшей его участи, то онъ весь позеленѣлъ, зная за собою тѣ же грѣхи, за которые долженъ былъ поплатиться Дмитренко.

29 мая. Погода солнечная, жарко. Мы выступили въ 7 ч. утра и втянулись въ красивое ущелье съ богатою растительностью. Около полудня начали подниматься на длинный и крутой переваль Синъ-коу-линъ, сперва по колесной дорогѣ, потомъ по

61. V подножія Син-Коу-Лина.

каменистому руслу горнаго потока, съ обломками скалъ, заграждавшими путь и черезъ которые лошади перебирались съ трудомъ. Безоблачное небо вдругъ покрылось тучами и разразилась надъ нами гроза съ проливнымъ дождемъ и градомъ. Сначала это было пріятно: намокшее платье освѣжило насъ, но понемногу

холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь и зубъ на зубъ не попадалъ. Лошади скользили по камнямъ, оступались постоянно и падали. Я шелъ или, скорѣе, карабкался, пѣшкомъ, но скоро мои непромокаемые сапоги настолько наполнились водою, что я не былъ въ состояніи лѣзть въ нихъ на гору, я сѣлъ на карабаха, который привычной ногой пробирался между скалъ. Поднимались

62. Ген. Ренненкампфъ фотографируетъ.

мы часа три по отчаянной тропѣ, гдѣ казалось бы невозможно пройти; спускъ оказался еще труднѣе.

Въ полотняной блузѣ было очень холодно, и какъ обидно было зябнуть, когда у меня было въ торокахъ непромокаемое парусинное пальто, которое я полѣнился надѣть своевременно, думая, что гроза продлится недолго и опять настанетъ прежняя жара; теперь же надѣвать пальто поверхъ мокраго платья было бы еще хуже. Дождь стихъ, мы начали просыхать, какъ полилъ

онъ опять сильнѣе прежняго. Ночевка въ деревнѣ Мялюпау была въ грязныхъ фанзахъ, безъ оконныхъ рамъ; офицеры и казаки согрѣвались и сушились передъ китайскими большими жаровнями съ зажженными углями, служившими грѣлками зимой. Командиръ полка и я остановились у благодѣтеля Меликова, накормившаго насъ супомъ.

30 мая. Дожда не было. Мы выступили въ 7 ч. утра и сразу углубились въ лѣсную дорогу. Масса душистыхъ роскошныхъ цвѣтовъ: здѣсь были лиліи красныя и желтыя, синіе ирисы, земляныя орхидеи, венерины башмачки, садовый жасминъ. Въ одномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ дороги благоухали большіе кусты сирени, покрытые снизу до верху лиловыми и бѣлыми цвѣтами. Несмотря на то, что съ минуты на минуту мы могли встрѣтиться съ непріятелемъ, казаки нарвали длинныя вѣтки сирени и попривязывали къ сѣдламъ.

Впереди остановились. Кто-то крикнулъ оттуда: „назадъ“. Этотъ окликъ повторился нѣсколько разъ, сотни повернулись, бросились въ беспорядкѣ назадъ и сомкнулись въ узкомъ проходѣ со второй сотней, не разслыхавшей приказанія. Князь Меликовъ остановилъ эту ораву въ ожиданіи подтвержденія приказанія. Если бы мѣсто позволяло разойтись свободно, то не такъ было бы легко остановить охваченныхъ вдругъ паникой казаковъ.

Мнѣ кажется, что необходимо въ мирное время на ученьяхъ и на маневрахъ приучать людей не только къ отступленію шагомъ, но и бѣгомъ, а въ кавалеріи иногда въ карьеръ. Только тогда отступление будетъ производиться въ бою съ полнымъ спокойствіемъ, когда это войдетъ въ уставный пріемъ. Громкія фразы о томъ, что отступленія не будетъ, никогда никого не останавливали, если не хватало духу идти впередъ или удержаться на позиціи. Не лучше ли предусматривать возможность поспѣшнаго движенія назадъ, напримѣръ, при сильномъ обстрѣлѣ противникомъ занятаго расположенія или пути отступленія. Остановить окажется возможнымъ бѣгущихъ, когда они будутъ приучены собираться или останавливаться по приказанію. Точно такъ же обходъ непріятеля только тогда будетъ встрѣченъ спокойно и принятъ совершенно хладнокровно противъ него мѣры, когда онъ войдетъ въ уставъ и его постоянно будутъ примѣнять на практикѣ, а настоящая война доказала, какое это имѣло рѣшающее значеніе во время боя. Теперь же многіе генералы изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ приходятъ въ изступленіе, когда осмѣлится

кто-нибудь передать, что непріятель насъ обходитъ. Обходъ страшенъ только тогда, когда о немъ не знаешь, потому что можетъ оказаться, что уже поздно, чтобы принять противъ него мѣры. Лучше всего говорить правду и не бояться правды. Къ сожалѣнію, это мнѣніе мало раздѣляется въ Россіи. Ребенокъ чуть ли не съ пеленокъ приучается лгать своей нянькой, прислугой, а иногда и родителями. Въ школѣ тоже безъ лжи не обойдешься. Лгать приходится въ свѣтской жизни и на службѣ, и это находятъ такъ естественнымъ, что никого не удивляетъ и не встрѣчаетъ нигдѣ противодѣйствія.

Полковникъ Россійскій, начальникъ штаба дивизіи, подѣхалъ къ намъ и передалъ приказаніе отходить назадъ, потому что мы заблудились и пошли не той дорогой.

Отошли мы обратно около 8 верстъ, свернули влѣво, по указанію Хрулева, но скоро остановились. Подѣхалъ къ намъ генералъ и сказалъ, что мы возвращаемся обратно въ Цзянь-Чанъ, потому что обстоятельства измѣнились: японцы, узнавъ о нашемъ приближеніи, отступили. Слухъ разнесся по отряду, что не японцы отступили, а мы, не находя себя довольно сильными атаковать непріятели, получившаго въ подкрѣпленіе двѣ подошедшія роты.

Предполагая, что проводникъ-китаецъ злонамѣренно повелъ насъ вчера не на тотъ перевалъ, куда слѣдовало, ему было выпано сто ударовъ плетей. Этими экзекуціями завѣдывалъ Николаевъ, любившій похвастаться своими расправами. Онъ самъ рассказывалъ, что распорядился отсѣчь головы четырѣмъ китайцамъ, виновникамъ засады 18 мая на Маломъ Фыншуйлинѣ, которые дали знать японцамъ о расположеніи нашей передовой сотни, чтобы отомстить за похищеніе цѣннаго божка изъ кумирни на перевалѣ. Можетъ быть, этого и не было, а онъ только хвастался.

Сегодня мы шли болѣе кружнымъ, но зато лучшимъ путемъ по гористой мѣстности, гдѣ то и дѣло приходилось подниматься и спускаться; взбирались иногда на значительныя высоты. Шли цѣлый день и остановились подъ вечеръ въ бѣдной разоренной деревнѣ Сандау—фанза, гдѣ не нашли корма ни себѣ, ни лошадямъ. Пришлось пользоваться консервами для людей и вѣтвями ивняка и бурьяномъ для лошадей.

31 мая. Приказано было выступать въ 5 часовъ. Генералъ прибылъ на сборное мѣсто безъ четверти 5 и разнесъ начальниковъ отдѣльных частей за то, что не всѣ еще были въ сборѣ. Стоялъ густой туманъ, скрывавшій все вокругъ. Около 7 ч. утра

надъ облакомъ спустившагося тумана вдругъ появились очертанія вершинъ горъ, отливавшихся золотомъ на лазури неба, и, постепенно расширяясь, открывали сочную зелень лѣсовъ и фіолето-

63. Офицеры моего отряда.

вые тѣни глубокихъ падей. Наконецъ, туманъ стоялъ на солнцѣ и предстала предъ нами великолѣпная картина горнаго ландшафта: мы шли вдоль весело журчавшаго ручья по долинѣ, нетронутой плугомъ, гдѣ полевые цвѣты пестрѣли въ травѣ, сверкающей

росой, какъ драгоцѣнные камни. По обѣимъ сторонамъ надъ лѣсомъ поднимались громады горъ, то покрытыя свѣжею растительностью, то обнаженные и такъ же расцвѣченные разными красками подъ лучами небеснаго волшебника-солнца.

Въ 9 ч. утра пришли въ Цзянь-Чанъ. Было получено печальное извѣстіе о смерти адъютанта Ренненкампа, Козловскаго, убитаго во время развѣдки на томъ же Маломъ Фыншуйлинѣ, гдѣ легло уже столько жертвъ. Я пригласилъ завтракать командира первой сотни нашего полка есаула Энгельгардта и младшаго офицера подъесаула Черкесова. Они оба служили въ уланахъ Его Величества, оба спортсмены и любили свѣтскую жизнь. Энгельгардтъ кончилъ академію, но предпочелъ служить въ строю. Это блестящій офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ и имъ должны дорожить въ арміи. Завтракалъ тоже князь Карагеоргиевичъ.

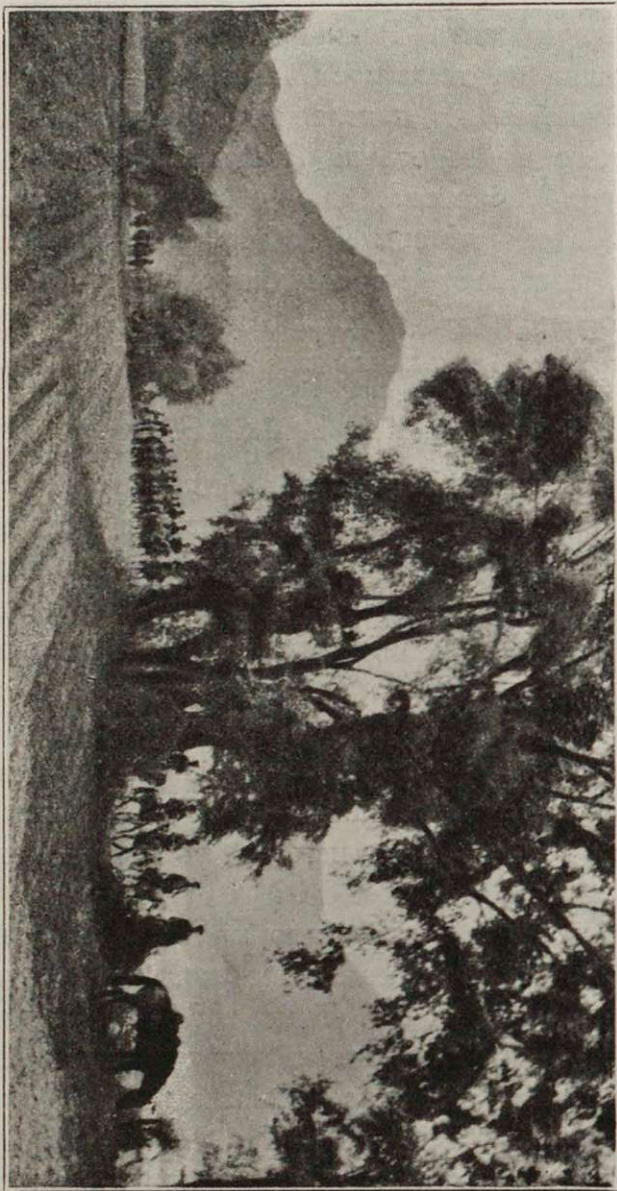
Я получилъ предписаніе выступить завтра въ Сяосырѣ съ 1-й и 2-й сотнями Нерчинскаго полка и тамъ подчинить себѣ 5-ю сотню нашего полка и одинъ баталіонъ Стрѣтенскаго пѣхотнаго полка со взводомъ артиллеріи пограничной стражи, если командиръ баталіона будетъ моложе меня чиномъ. Вечеромъ начальникъ штаба передалъ мнѣ краткія инструкціи. 2-я сотня Меликова должна была содержать летучую почту.

1 іюня. Былъ тихій солнечный день. Мы выступили въ 7 ч. утра. Въ 8 верстахъ отъ Цзянь-Чана мы смѣнили постъ Аргунскаго полка. Пока собирались казаки, офицеры усѣлись на берегу Тай-Цзы-хэ и я снялъ на память фотографическую группу.

Чтобы не утомлять лошадей, мнѣ было предоставлено идти до Сяосыря въ два перехода. Было еще рано, когда мы остановились на полпути въ д. Ча-цзя-дань. Тамъ все было съѣдено, вытравлено и разорено предшествующими отрядами; нашлись только нѣсколько поросятъ, пришлось посылать на фуражировку.

2 іюня. Мы выступили въ 6 ч. утра и пришли въ Сяосырѣ въ 9. Получено свѣдѣніе, что ген. Ренненкампфъ прибудетъ въ Сяосырѣ къ полудню. Онъ ѣхалъ, чтобы принять начальство надъ отрядомъ ген. Грекова и вновь попытаться завладѣть Саймацзами. Генерала сопровождало нѣсколько офицеровъ, отъѣзжающихъ въ Ляоянь на новое назначеніе или въ ожиданіи великихъ милостей.

Я познакомился съ командиромъ баталіона, подполковникомъ Шестаковымъ; чтобы вызвать его на откровенность и узнать, кто изъ насъ старше, я сказалъ, что въ чинѣ подполковника прослужилъ до отставки 7 лѣтъ, на это онъ мнѣ ничего

64. Мой отрядъ на походѣ.

не отвѣтилъ, а полковнику Россійскому сказалъ, что у него 7 лѣтъ и 8 мѣс. службы въ послѣднемъ чинѣ. Такимъ образомъ, начальникомъ Сяосырскаго отряда былъ назначенъ Шестаковъ. Но по распоряженію генерала, я и мои сотни ему не подчинялись.

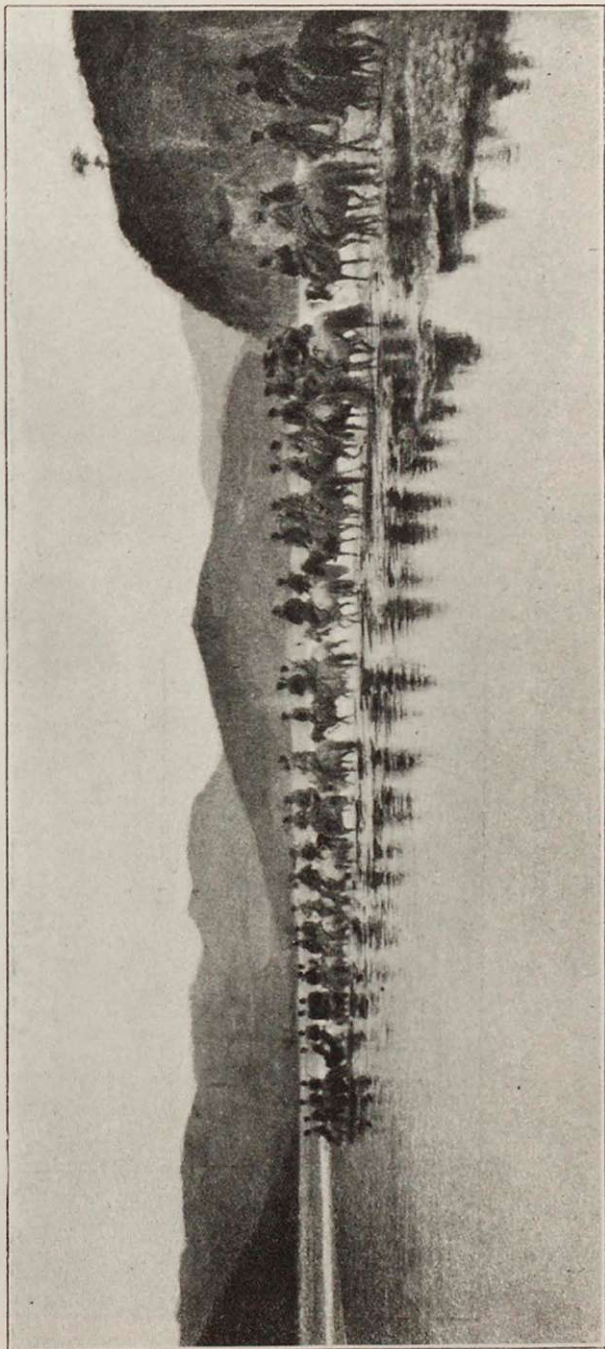
Я подозрѣвалъ, что у Шестакова оказалось 8 мѣсяцевъ старшинства только потому, что онъ желалъ быть начальникомъ отряда. Мнѣ было рѣшительно все равно, былъ я или другой начальникомъ, разъ что не ожидалось дѣйствій противъ непріятеля. Взглянувъ въ послѣдствіи въ мой формулярный списокъ, я нашелъ, что въ чинѣ подполков-

ника я прослужилъ 8 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ; еслибы это зналъ Шестаковъ, ему пришлось бы наложить еще годикъ службы.

Генераль и его свита уѣхали въ 4 часа. Въ 7 ч. вечера поданъ былъ намъ обѣдъ, который Пепино обставилъ особенно торжественно по случаю дня моего рожденія.

3 іюня. Мы наслаждались полнымъ отдыхомъ. Меликовъ и я держали совмѣстно хозяйство и кухню. Пепино долженъ былъ чередоваться съ Николаемъ, бывшимъ полицейскимъ урядникомъ на Кавказѣ, котораго Меликовъ взялъ съ собою въ качествѣ нукера; онъ былъ зачисленъ въ полкъ охотникомъ, и хотя его обыкновенная обязанность была кормить своего „князя Никола“ какъ онъ называлъ Меликова, завѣдывать его хозяйствомъ и вести письмоводство, но онъ предпочиталъ всему этому ночныя развѣдки, для которыхъ имѣлъ особое призваніе. Николай былъ хорошій стрѣлокъ и любилъ опасность. Меликову онъ былъ преданъ, какъ собака. Нашимъ офицерамъ было объявлено, что завтракъ будетъ подаваться въ 12 час., а обѣдъ въ 7 ч. вечера. Просили не опаздывать. Сегодня къ обѣду былъ приглашенъ Шестаковъ.

Черезъ руки князя Меликова, содержащаго летучую почту, проходила вся корреспонденція въ обѣ стороны: къ Цзянь-Чану и Ляояну. Такъ какъ конверты не приказано было заклеивать, чтобы каждый офицеръ могъ бы ознако-

№ 65. Переправа черезъ Тай-Цзы-Хэ.

миться съ содержимымъ, то мы были освѣдомлены о всемъ, что происходило въ нашихъ двухъ отрядахъ — ген. Ренненкампа и Любавина. Это насъ интересовало въ высшей степени и мы все

66. Группа офицеровъ Сюсмырскаго отряда.

надѣялись, что и насъ потребуютъ для дѣйствій противъ непріятеля. Мы не могли вѣрить, что генераль оставитъ сзади двѣ лучшія сотни полка, если будутъ ожидать серьезныя дѣла. Ночью не

было пріятно помѣщаться въ одной комнатѣ съ начальникомъ летучей почты. Стучался въ дверь казакъ съ донесеніемъ, Меликовъ зажигалъ свѣчку, будилъ Корфа, читалъ ему бумагу и диктовалъ ему отвѣты. Не всегда получаемыя сообщенія стоили того, чтобы не спать ночью, но нельзя было не прислушиваться къ тому, что читали, такъ какъ оно могло касаться лично насъ.

Въ ночь съ 3 на 4 іюня пришло сообщеніе начальника восточнаго отряда генералу Ренненкампу: „у Штакельберга идетъ бой, я наступаю на Фынхуанченъ, Грековъ—на Саймацзы, прошу Ваше Превосходительство насъ поддержать“. Другое отъ генерала Ренненкампа генералу Любавину въ Цзянь-Чанъ: „идти немедленно съ пятью сотнями на Саймацзы, оставивъ въ Цзянь-Чанѣ три сотни подъ командой опытнаго штабъ-офицера. Въ случаѣ общаго отступленія, Читинская сотня отходитъ на Синзинтинъ“... О насъ забыли.

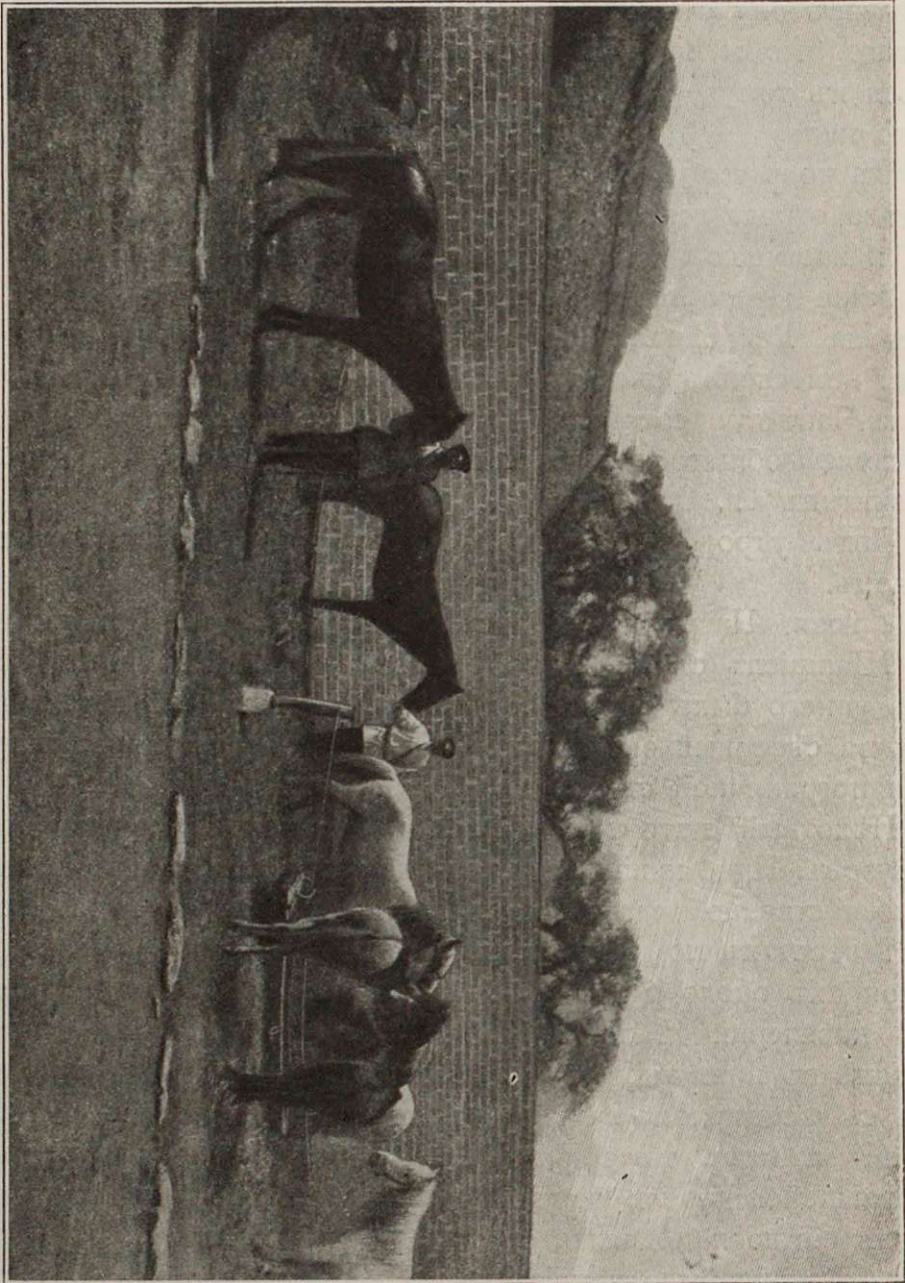
Подъ утро разразилась сильная гроза съ проливнымъ дождемъ.

4 іюня. Пасмурно, моросилъ мелкій дождь. Прибылъ есаулъ Шаншіевъ съ 5-й сотней нашего полка. Младшимъ офицеромъ у него былъ сотникъ Обуховъ. Я поставилъ сотню бивакомъ за сѣверныя околицы мѣстечка, рядомъ со взводомъ артиллеріи пограничной стражи корнета... бывшего пажа.

Пѣхотный патруль донесъ, что видѣлъ недалеко отсюда хунхузовъ. Прибывшій изъ Цзянь-Чана адъютантъ штаба дивизіи по хозяйственной части есаулъ Поповицкій говорилъ, что въ трехъ верстахъ по направленію къ Цзянь-Чану онъ самъ видѣлъ на сопкахъ около 2 ротъ пѣхоты и пол-эскадрона непріятельской кавалеріи. Я приказалъ сѣдлатъ 1-й и 5-й сотнямъ и выѣхалъ съ ними въ указанномъ направленіи. Подъесаулъ Черкесовъ съ авангардомъ выдвинулся впередъ на рысяхъ, мы слѣдовали за нимъ тоже рысью. Шли мы узкимъ ущельемъ по извивавшейся дорогѣ, верстъ пять мы не видѣли никого. Я остановилъ сотню и поднялся съ трубачомъ на сопку, но оттуда тоже не видно было непріятеля. Нашъ спѣшенный авангардъ подвигался по гребню горы справа. Влѣво и впереди въ лоцинѣ шли вразсыпную 2 взвода, посланные Шестаковымъ, какъ только онъ получилъ донесеніе отъ своего патруля о близости хунхузовъ. Внизу въ небольшой деревушкѣ я замѣтилъ, что нѣсколько солдатъ что-то таскали изъ фанзъ. Я спустился къ

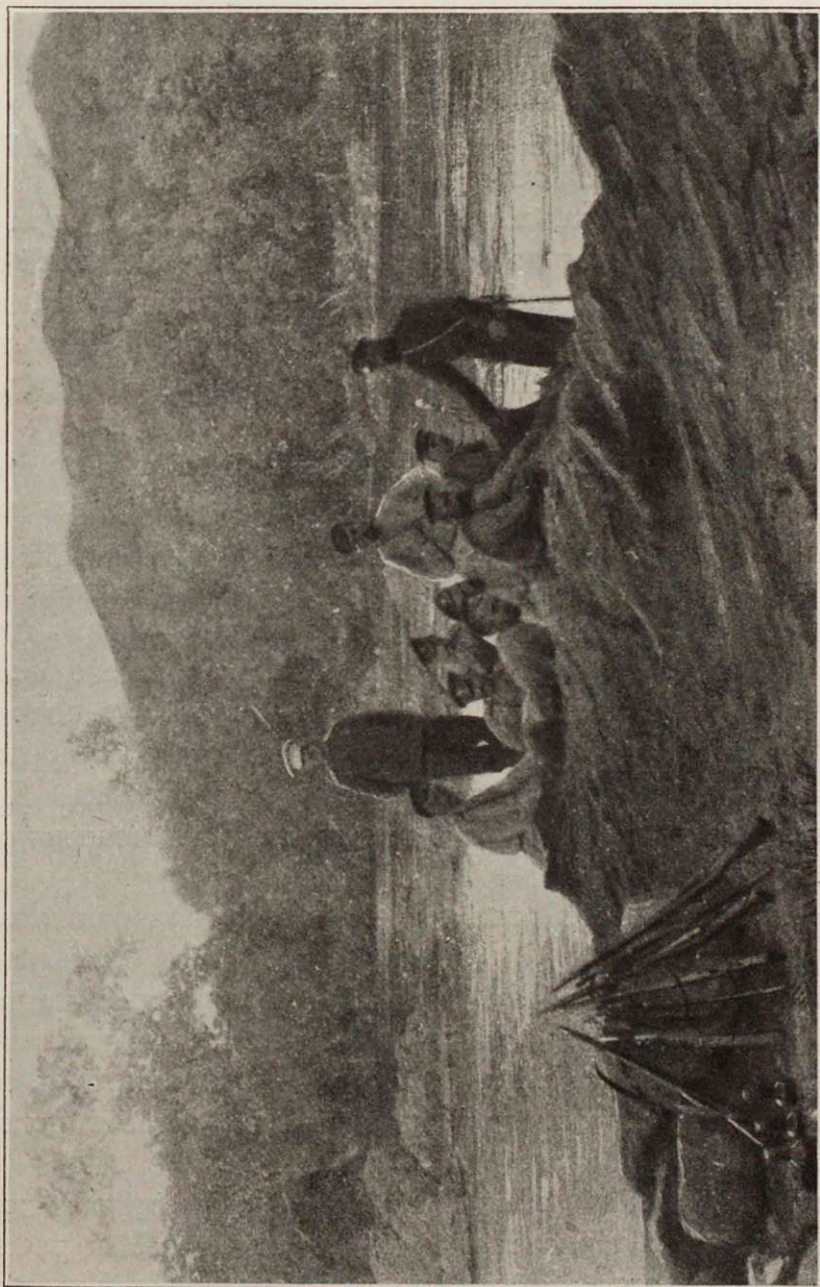
нимъ и спросилъ что они дѣлали. Они отвѣтили, что производили фуражировку по собственной инициативѣ, другими словами,

67. Мои лошади.

просто занимались грабежомъ. Я ихъ прогналъ и проѣхалъ къ нашему авангарду. Хотя съ вершины кряжа, по которому шли казаки, видно вокругъ на большое разстояніе, они ничего не замѣтили подозрительнаго. Я приказалъ имъ спуститься къ сво-

имъ коноводамъ, а трубачу велѣлъ дать сигналъ „всѣ назадъ“, чтобы сотни уходили домой, не дожидая насъ, такъ какъ на

68. Пикникъ у д. Самяну.

спускъ съ сопки, ведя лошадей въ поводу, потребовалось бы не менѣе 20 минутъ. Я жалѣлъ, что даромъ гонялъ двѣ сотни, но я не могъ не повѣрить показанію офицера. Вѣроятно, онъ видѣлъ пѣшихъ и конныхъ хунхузовъ, удалившихся, какъ толь-

ко они узнали о нашемъ движеніи. Китайцы говорили, что здѣсь по сопкамъ ихъ было очень много, а казаки летучей почты въ обѣ стороны чуть ли не каждый день имѣли съ ними перестрѣлку.

Дни проходили за днями, а отъ генерала я не получалъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго предписанія явиться съ сотнями въ отрядъ. Было очень обидно. Погода стояла дождливая, временами, въ особенности ночью, бывали зловѣщія южныя грозы, съ дождемъ, лившимъ буквально какъ изъ ведра.

8 іюня. Небо очистилось. Намъ порадовало появленіе солнца, но вмѣстѣ съ нимъ распространился страшный смрадъ отъ навозныхъ кучъ, сваленныхъ прямо на улицѣ, и разныхъ животныхъ отбросовъ, гнѣющихся за околицей, недалеко отъ нашей фанзы.

Начальникъ гарнизона постоянно придирался къ намъ и поставилъ въ мѣстечкѣ караулы, не пропускавшіе казаковъ изъ одного квартала въ другой, во избѣжаніе грабежа и насилія надъ женщинами, тогда какъ въ этомъ были виновны только разнузданные солдаты, призванные изъ запаса. Одинъ изъ нихъ укралъ у насъ кострюльку, которая была разыскана въ ротѣ. О томъ же, чтобы принять мѣры противъ заразы, распорядиться о вывозѣ китайцами навоза и разныхъ отбросовъ на свои поля, о вырытіи выгребныхъ ямъ, онъ не заботился. Я сожалѣлъ, что уступилъ ему право старшинства за чечевичную похлебку.

Пользуясь хорошей погодой, я предложилъ нашимъ офицерамъ устроить пикникъ въ трехъ верстахъ отъ Саосыря у живописной деревни Са-мя-пу. Николай и Пепино выѣхали впередъ съ пѣсенниками, забравъ съ собою барашка для шашлыка, чай и нѣсколько бутылокъ вина и бисквиты, найденные въ прибывшемъ сегодня обозѣ нашего полка подъ начальствомъ подьесаула Зотова.

Китайцы наловили мелкой рыбы, которая сейчасъ же была изготовлена, пока Николай жарилъ шашлыкъ. Мы расположились на скалѣ, выступающей въ рѣку. При заходѣ солнца здѣсь было очень красиво. Пѣсенники пѣли, мы весело болтали, не подозревая, что черезъ мѣсяцъ у насъ будетъ на этомъ самомъ мѣстѣ жестокій бой. Вернулись съ пѣснями домой при чудномъ лунномъ освѣщеніи.

9 іюня. Ясная погода установилась, повидимому, періодъ

дождей еще не насталъ. Жара начиналась съ девяти часовъ утра, въ шесть часовъ вечера уже дѣлалось прохладно.

Урядникъ 2-й сотни Поляковъ съ шестью казаками выѣхалъ на фуражировку съ поста № 1 по направленію къ Сыгоулину. Пока пять казаковъ разыскивали фуражъ въ одной деревнѣ, урядникъ съ однимъ казакомъ направился къ нѣсколькимъ фанзамъ, стоящимъ отдѣльно неподалеку. Оттуда на близкомъ разстояніи раздались выстрѣлы, никого не задѣвъ, и человекъ 20 пѣшихъ хунхузовъ бросились навстрѣчу казакамъ. Поляковъ соскочилъ съ коня и передалъ его товарищу, а самъ сталъ стрѣлять по хунхузамъ, убилъ одного, ранилъ другого, къ этому времени подоспѣли остальные казаки и также открыли огонь, ранивъ еще 4 хунхузовъ, и обратили въ бѣгство остальныхъ. Наши трофеи были два фальконета и 3 ружья, изъ коихъ одно было скорострѣльное.

10 іюня. Подполковникъ Шестаковъ получилъ приказаніе генерала Ренненкампа разузнять черезъ лазутчиковъ, не было ли у хунхузовъ сборнаго мѣста и нанести имъ рѣшительный ударъ, чтобы прекратить постоянныя нападенія на летучую почту и транспорты въ районѣ Цзянь-Чанъ, Сяосырь, Фыншуйлинъ и Саймацзы. Шестаковъ намѣревался поручить мнѣ эту экспедицію, но это меня не соблазняло. Не для того я пріѣхалъ на войну, чтобы гоняться за хунхузами. Кромѣ того, я ждалъ съ минуты на минуту, что генералъ вызоветъ меня съ сотнями для болѣе серьезной работы; однако отказаться прямо было неудобно, хотя я и не былъ ему подчиненъ. Я призвалъ на совѣтъ командировъ двухъ ротъ, назначенныхъ въ экспедицію, командира полусотни Амурскаго полка, прибывшей въ нашъ отрядъ, подъесаула Фолькенау и моихъ сотенныхъ командировъ, входящихъ тоже въ составъ экспедиціоннаго отряда, и предложилъ имъ высказаться о томъ, какъ лучше выполнить эту задачу. Купецъ, хозяинъ нашей фанзы, онъ же былъ и нашимъ поставщикомъ, уже не разъ давалъ намъ вѣрныя свѣдѣнія о хунхузахъ; я спросилъ у него, гдѣ находилась деревня, въ которой, по словамъ лазутчика, собирались хунхузы. Хозяинъ начертилъ карандашомъ на бумагѣ очень вѣрное кроки долины отъ Сяосыря до Цзянь-Чана и гористой части, прилегающей къ ней съ южной стороны и указалъ мѣсто, гдѣ находилась эта деревня.

69. Сотенный командиръ.

Она была верстахъ въ 25—30 отъ насъ и не болѣе 12—15 отъ Цзянь-Чана, среди трудно доступныхъ горъ, куда вела тропа, годная только для движенія пѣшихъ людей. Ходу было не менѣе 7—8 часовъ. На совѣщаніи пришли къ слѣдующему заключенію, что нечаяннаго нападенія намъ сдѣлать не удастся, потому что хунхузы будутъ непремѣнно извѣщены о нашемъ движеніи черезъ сопки китайцами, что переходъ по горнымъ тропамъ, для такого отряда, какъ былъ назначенъ Шестаковымъ, былъ бы очень затруднительнымъ и потребовалъ бы много времени. Въ заключеніе считалось достаточнымъ противъ 300 хунхузовъ, о которыхъ говорилъ лазутчикъ, выслать никакъ не болѣе одной роты пѣхоты съ полусотней спѣшенныхъ казаковъ. Со всѣми бывшими у меня на совѣтѣ офицерами я отправился къ начальнику гарнизона и изложилъ обстоятельства дѣла и къ какому выводу мы были вынуждены прійти. Онъ былъ очень недоволенъ нашими возраженіями и сказалъ, что не можетъ отмѣнить экспедиціи ни измѣнить ея состава, такъ какъ онъ уже донесъ объ этомъ генералу Ренненкампу. Я на это отвѣтилъ, что его донесеніе еще не отправлено и я могу его вернуть. Тогда онъ согласился уменьшить отрядъ до одной роты и полусотни амурцевъ, назначивъ начальникомъ его подесаула Фолькенау, а меня отпустилъ.

11 іюня въ 11 ч. вечера я получилъ отъ Россійскаго предписаніе прибыть съ 1-й и 5-й сотнями въ Саймацзы 13 іюня. Онъ извѣщалъ меня, что 9 іюня въ Айянямынѣ во время рекогносцировки въ охотничьей командѣ Стрѣтенскаго полка былъ убитъ одинъ стрѣлокъ и два ранено. Какія были потери казаковъ, не сообщалось. Какъ я былъ радъ, что отдѣлался отъ экспедиціи противъ хунхузовъ. Если бы я на нее согласился, досталось бы и мнѣ и въ особенности Шестакову.

12 іюня. Я выступилъ съ 1-й и 5-й сотнями въ полдень, когда люди успѣли пообѣдать. Третій разъ проходилъ я по долинѣ Сяосыря, Сыгоулинскому перевалу, но теперь была чудная погода. Шли мы днемъ, послѣ продолжительнаго отдыха люди и лошади подбодрились. Ожидались впереди заманчивыя дѣла. Поэтому мы смотрѣли на все окружающее другими глазами, чѣмъ прежде. Можно было сказать безъ преувеличенія, что эта долина была одна изъ самыхъ красивыхъ, по которымъ мы до сихъ поръ проходили. Она шла между двумя кряжами горъ, поросшими богатою растительностью. Въ это время де-

ревья и кустарники были въ цвѣту. Одни были осыпаны какъ снѣгомъ бѣлыми цвѣтами, другіе розовыми и желтыми; у дороги росли китайскіе карликовые синіе ирисы, у опушки лѣса цвѣлъ шиповникъ разныхъ цвѣтовъ, желтый ситизъ (золотой дождь), боярышникъ, много незнакомыхъ мнѣ кустарниковъ, красныя, желтыя, свѣтло-розовыя съ бурыми пятнами лиліи, а крупныя красныя махровыя піоны около кумиренъ составляли самое роскошное украшеніе этого сада, разбитаго и выращеннаго природою съ такимъ вкусомъ и любовью, что едва ли могли бы съ нею соперничать произведенія самыхъ искусныхъ садоводовъ. Чудный тонкій ароматъ сложныхъ незнакомыхъ духовъ распространялся въ воздухѣ и очаровывалъ насъ; не только офицеры, простые казаки не могли налюбоваться окружающей насъ природой.

Рѣчка имѣла сильное теченіе даже въ сухую погоду; въ дождливую пору она обращалась въ бурный потокъ, сносившій крупныя скалы, округлявшіяся постояннымъ треніемъ. Нога лошади не имѣла упора на этихъ камняхъ, покрытыхъ слизистыми водорослями. Мнѣ казалось непостижимымъ, какъ намъ удалось переправиться столько разъ черезъ эту рѣчку ночью во время дождя съ генераломъ Ренненкампомъ и потомъ, когда я возвращался въ отрядъ послѣ боя 25 мая.

Сдѣланъ былъ одинъ привалъ въ 20 минутъ, другой въ часъ; мы успѣли выпить по кружкѣ чаю, но лошадей кормить не было времени. Въ половинѣ девятаго мы подошли къ отряду ген. Любавина: 23-й стр. полкъ и аргунскіе казаки, расположившіеся на обширной полянѣ у подножія Сыгоулина. Мы стали на ночлегъ у опушки лѣса. Послѣ ужина Энгельгардтъ и Черкесовъ разложили бурки и собирались спать на открытомъ воздухѣ; я былъ радъ укрыться подъ палаткой, разбитой Шаншіевымъ, такъ какъ ночь была холодная.

13 іюня. Проснулись въ 4 ч. утра; было холодно, сыро, костеръ изъ щепокъ, обильно смоченныхъ росой, не могъ загорѣться; насилу заварили чай, который немного согрѣлъ насъ.

Благодаря энергіи Энгельгардта и Шаншіева, удалось выступить ровно въ 5 часовъ. Сейчасъ за бивакомъ начинался подъемъ на перевалъ. Большая часть дороги проходитъ по русламъ рѣкъ, имѣющимъ свои истоки на вершинѣ Сыгоулина. Лошадей вели въ поводу, а мы перескакивали съ камня на камень или брели по водѣ, проникавшей въ личные не промо-

каемые сапоги, какъ будто они были безъ подошвъ. Было около 9 ч. вечера, когда мы подходили къ деревнѣ Сыфалацзы, въ которой издали было замѣтно большое оживленіе; тамъ стояли войска; мы думали, что то была пѣхота, составлявшая резервъ отряда Ренненкампа, и насъ крайне удивило, когда при приближеніи мы узнали своихъ забайкальцевъ. Оказалось, что нашъ отрядъ отступилъ вчера вечеромъ изъ Саймацзы, занятаго послѣ нашего ухода японцами.

Я явился къ генералу и получилъ отъ него приказаніе поставить свои сотни на правомъ флангѣ бивака въ лощинѣ, ведущей черезъ долину Цао-хэ къ Фыншуйлинскому перевалу. Этотъ путь былъ болѣе кружнѣй, чѣмъ этапная дорога, но было получено донесеніе, что съ юга были двинуты значительныя силы непріятеля по долинѣ Цао-хэ, и генераль уже послалъ туда сотню 1-го Аргунскаго полка Токмакова и 6-ю сотню кн. Джандіери, чтобы слѣдить за движеніями японцевъ. Генераль думалъ, что мы стоимъ здѣсь до завтра, такъ какъ не ожидалось сегодня атаки непріятеля. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ съ вершины сопки онъ наблюдалъ за осторожнымъ наступленіемъ японцевъ, занимавшихъ Саймацзы; сперва подошли дозоры, они съ высоты осмотрѣли все мѣстечко и вошли въ него только тогда, когда убѣдились, что русскихъ въ немъ не было; за ними вошелъ авангардъ и сейчасъ же выслали впередъ дозоры. Не такъ ли слѣдовало поступать и намъ, вмѣсто того, чтобы лѣзть впередъ безъ оглядки и получать залпы „въ морду“, какъ говорили казаки.

Отъ участниковъ я узналъ нѣкоторыя подробности рекогносцировки 9 іюня къ Ай-ян-ямыну; мы тамъ чуть не потеряли своей артиллеріи: 4-я забайкальская батарея выѣхала на перевалъ и сразу попала подъ сильный ружейный и шрапнельный огонь. Послѣ неудачныхъ попытокъ увезти орудія, чтобы избѣжать бесполезныхъ потерь, они были оставлены на мѣстѣ; орудійная прислуга укрылась за близъ лежащими фанзами, а прикрытіе, подъ руководствомъ полковника Россійскаго, обстрѣливало японцевъ и не допускало ихъ подойти къ нашей батарее. Съ наступленіемъ темноты, орудія были благополучно увезены. Только благодаря распорядительности и храбрости Россійскаго удалось спасти батарею съ сравнительно небольшими потерями.

Отъ Императрицы были получены подарки для всего отряда: коньякъ, бисквиты и проч.; но тѣ, кто были въ отсутствіи, не

получили ничего. Моимъ офицерамъ досталось еще по одной пачкѣ превосходныхъ бисквитовъ, но казначей объявилъ мнѣ, что онъ уже все роздалъ и у него больше ничего не оставалось.

Я расположилъ 1-ю и 5-ю сотню на небольшой плоской возвышенности, убѣдившись, что кромѣ крутой тропинки, по которой мы взбирались на нее спереди, имѣлся въ тылу другой путь, на случай внезапнаго отступленія.

Офицеры разложили бурки подъ деревьями. Пока вѣстовые рубили вѣтки, чтобы устроить намъ шалаши, Пепино готовилъ обѣдъ. Вдругъ впереди, совсѣмъ близко отъ насъ, раздался выстрѣлъ, другой, третій, грянуло орудіе. Это стрѣляли съ нашей заставы и съ батареи, стоявшей на позиціи, недалеко отъ бивака, — значитъ непріятель перешелъ въ наступленіе. Я вскочилъ и сказалъ: „надо сѣдлатъ“. Я не приказывалъ, но у меня этотъ возгласъ вырвался невольно; услыхавъ при столь неожиданной пальбѣ. Казаки первой сотни, сидѣвшіе неподалеку, бросились къ коновязямъ. „Что это такое“, крикнулъ на нихъ Энгельгардтъ. „Какъ смѣете сѣдлатъ безъ моего приказанія!“ Онъ подозвалъ вахмистра, спросилъ его, были ли напоены лошади, успѣли ли поѣсть зерно и, получивъ утвердительные отвѣты, приказалъ сѣдлатъ не спѣша. Я залюбовался Энгельгардтомъ. Онъ сразу остановилъ разыгравшіеся нервы и успокоилъ ихъ. Признаюсь, это и для меня былъ хорошій урокъ: я общалъ себѣ быть болѣе сдержаннымъ въ другой разъ и сказалъ объ этомъ Энгельгардту. Перестрѣлка все усиливалась и какъ будто приближалась.

Чтобы не быть въ долгу у Энгельгардта, я крикнулъ Пепино, возившемуся у костра, недалеко отъ насъ: „скоро ли будетъ готовъ обѣдъ?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: „фра діечи минути“ (черезъ 10 минутъ). Ровно черезъ 10 минутъ мы поѣли горячаго супа съ говядиной и тогда только стали собираться уходить, а Пепино пришлось еще прибрать посуду и поэтому онъ съ выюками ѣхалъ въ аррьергардъ, гдѣ при отступленіи мѣсто только боевымъ частямъ. Казначей Мотыгинъ прислалъ мнѣ пачку бисквитовъ; вѣроятно, при поспѣшномъ отступленіи, онъ не зналъ, куда ихъ дѣвать.

Мои сотни послѣдовали за полкомъ, ушедшимъ тотчасъ, какъ раздалась первая залпа, а я поѣхалъ посмотреть, что дѣлалось у батареи, гдѣ были генералъ со штабомъ и ординарцами.

Японцы показались у входа въ долину, по которой мы вели отступление и стали отвѣчать на нашъ огонь. Было отдано приказаніе батареѣ взять въ передки и отходить къ Сыгоулину; насъ не преслѣдовали. Для того чтобы слѣдить за непріятелемъ, въ Сыфалацзы была оставлена 5-я сотня нашего полка.

Второй разъ въ теченіе дня пришлось мнѣ переходить черезъ этотъ переваль, но въ большой колоннѣ и съ обозомъ это было гораздо труднѣе. Я уже спускался на ту сторону, когда Черкесовъ нагналъ меня и сказалъ, что начальникъ штаба дивизіи ждалъ меня на вершинѣ перевала, чтобы передать предписаніе генерала идти въ отдѣлъ съ двумя сотнями. Я поспѣшилъ къ нему.

Мнѣ было приказано съ 1-й и 3-й сотнями Нерчинскаго полка спуститься въ долину Цао-хэ и, присоединивъ къ себѣ сотни кн. Джандіери и Токмакова, продвинуться внизъ по теченію рѣки до высоты Сыгоулина, высылая разѣзды до встрѣчи съ противникомъ. Моя задача была: задерживать непріятеля, насколько это было возможно, и доносить о всѣхъ его передвиженіяхъ генералу Ренненкампу. Я отправился разыскивать сотни, прошедшія впередъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ утромъ стоялъ бивакъ 23-го полка, были теперь расположены казаки. Я передалъ Трухину о полученномъ мною предписаніи. Первая сотня была здѣсь и Ангельгардтъ просилъ дать ему полчаса, чтобы накормить людей и лошадей, но 3-я сотня, бывшая въ арьергардѣ, еще не пришла. Я обратился къ Трухину, чтобы онъ назначилъ другую сотню, вмѣсто 3-й; оказалась свободною только сотня Бодиско, но она была эту ночь въ сторожевомъ охраненіи и поэтому, по словамъ своего командира, нуждалась въ отдыхѣ. Вторая сотня содержала летучую почту, 5-я осталась въ Сыфалацзы, 6-я — на Цао-хэ; къ этому времени подоспѣла третья сотня. Прошелъ цѣлый часъ, пока собирался отрядъ. Мы двинулись впередъ перемѣннымъ аллюромъ, я взялъ съ собой только одну заводную лошадь съ Струковскимъ сѣдломъ.

Не доѣзжая дер. Гоньгауцзы, мы увидѣли въ сторонѣ, около фанзы, группу лошадей и конвой генерала. Не останавливая отряда, я поскакалъ туда, чтобы узнать, куда мнѣ отправлять донесенія, такъ какъ въ предписаніи было сказано посылать ихъ на Сыгоулинъ, оставшійся далеко сзади. Генералъ былъ очень недоволенъ, что я такъ запоздалъ исполненіемъ его приказанія. Я объяснилъ, что вина была не моя, такъ какъ одна изъ наз-

наченныхъ сотенъ оставалась въ аррьергардѣ и мнѣ пришлось ее ожидать. Тогда генераль обрушился на начальника штаба и сказалъ ему, что не слѣдовало стѣснять меня назначеніемъ частей, а дать сотни какого бы то ни было полка, находившіяся подъ рукою, лишь бы я могъ скорѣе отправиться къ мѣсту назначенія. Генераль передалъ мнѣ, что изъ отряда генерала Любавина будутъ высланы еще двѣ сотни для усиленія моего отряда; донесенія посылать сюда. Я въ карьеръ поскакалъ догонять сотни, затѣмъ крупной рысью повелъ ихъ до мѣста, гдѣ отъ этапной дороги отдѣлялась тропа, ведущая по крутому спуску въ долину Цао-хэ, лежащую сажень на 40 ниже дороги на Палилинъ и Фыншуйлинъ.

На вершинѣ кряжа, откуда съ одной стороны была видна этапная дорога, а съ другой долина Цао-хэ, я поставилъ наблюдательный постъ изъ шести казаковъ. Имъ было приказано принимать донесеніе отъ посланныхъ снизу казаковъ и доставлять ихъ генералу, но главное ихъ назначеніе было по уходѣ нашихъ войскъ къ Фыншуйлину предупредить насъ своевременно о движеніи вслѣдъ непріятеля, чтобы не быть имъ отрѣзаннымъ. Отсюда была видна къ востоку деревня, у которой стояли конныя части, вѣроятно, наши сотни, и дѣйствительно, верстахъ въ пяти отъ перевала мы присоединились къ сотнямъ Джандіери, Токмакова и разѣзду корнета Мерклинга. Они занимали выгодную позицію позади отрога горы, спускавшагося поперекъ долины, до рѣки съ крутыми берегами. Небольшой лѣсокъ скрывалъ отрядъ отъ взоровъ противника. Единственный недостатокъ позиціи этой состоялъ въ томъ, что долина впереди шла уклономъ вправо, заслоняя обстрѣлъ въ верстѣ отъ нея. Наблюдательные посты были выставлены на сопкахъ справа и слѣва.

Джандіери доложилъ мнѣ, что непріятеля онъ встрѣтилъ сегодня утромъ, когда изъ лощины у Сыфалацзы онъ переходилъ черезъ сопку въ долину Цао-хэ; его обстрѣливали еще въ четырехъ верстахъ отсюда, и онъ ожидалъ, что непріятель будетъ продолжать наступленіе сегодня же; потерь у него не было. Токмаковъ и Мерклингъ тоже видѣли непріятеля недалеко отъ нашей позиціи.

Я поднялся на правую ближайшую сопку; было очень жарко, а подъемъ крутой, я часто останавливался, чтобы отдышаться; казаки же, слѣдовавшіе за мной, казались очень утомленными: они

все болѣе и болѣе отставали отъ меня. Какъ имъ состязаться съ японцами, которые лазили по сопкамъ какъ козы.

Съ вершины была видна долина со всѣми своими извилинами верстъ на шесть; отъ нашей позиціи она направлялась къ юго-востоку и въ двухъ верстахъ выходила на поперечную долину, гдѣ было видно нѣсколько фанзъ. Рѣка поворачивала налѣво и послѣ короткаго колѣна принимала опять юго-восточное направление.

Казаки говорили, что у фанзъ стояли люди и лошади, въ бинокль видно было, что это манзы. Съ вершины сопки открывался обширный кругозоръ; понятно, какое это давало преимущество передъ тѣми, кто шелъ по низу. Этимъ громаднымъ преимуществомъ пользовались всегда японцы, слѣдившіе за нашими передвиженіями на открытомъ мѣстѣ, тогда какъ они сами скрывались за камнями или кустами; даже дозоры наши ѣдутъ скученно по дорогѣ, точь въ точь какъ въ Италіи ѣдутъ попарно карабинеры, напоминающіе шаловливую оперетку.

Для того чтобы быстро получать свѣдѣнія о передвиженіяхъ непріятеля, я установилъ такъ называемую цѣпочку: рядъ казаковъ, стоявшихъ другъ отъ друга на такомъ разстояніи, чтобы голосъ одного былъ слышенъ слѣдующимъ. Я имъ объяснилъ, что при появленіи непріятеля, они должны были передавать голосомъ о составѣ части: „разъѣздъ, рота, баталіонъ...“ Рукою указывалось первоначально, откуда шла часть, и затѣмъ—куда она направлялась.

Только что я спустился съ лѣваго наблюдательнаго поста, дали знать, что въ двухъ верстахъ впереди былъ замѣченъ японскій разъѣздъ изъ 12 всадниковъ на рослыхъ коняхъ, направлявшійся въ нашу сторону. Немедленно было выслано три казака изъ аргунской сотни для заманиванія. Застава залегла на пути слѣдованія непріятельскаго разъѣзда, чтобы, пропустивъ его, отрѣзать путь къ отступленію, а мы ожидали добычу въ лѣсу, предвкушая захватъ хваленыхъ австралійскихъ коней. Мы прождали болѣе часу, но никто не показывался. Наконецъ, одинъ казакъ обратилъ наше вниманіе на трехъ непріятельскихъ пѣшихъ дозоровъ, разглядывавшихъ наше расположеніе съ сопки. Эти дозоры видѣли, вѣроятно, всѣ наши приготовленія и предупредили свой конный разъѣздъ объ опасности, грозившей ему. Не такъ то мы вели развѣдочную службу: или довольствовались свѣдѣніями болѣе чѣмъ сомнительными, китайцевъ, или лѣзли впе-

редъ по дорогѣ, пока отъ невидимаго непріятеля не раздавался залпъ; къ нашему счастью, японцы стрѣляли такъ скверно, что не попадали даже на разстояніе 200—300 шаговъ, но сколько тѣмъ не менѣе поплатилось офицеровъ и казаковъ совершенно даромъ. Отчего бы не приглядѣться къ пріемамъ непріятеля, которые позволяли ему слѣдить за всѣми нашими движеніями, не теряя ни одного человѣка. Я не разъ слышалъ мнѣніе, преимущественно отъ офицеровъ генеральнаго штаба, что не слѣдуетъ избѣгать потерь въ людяхъ, что это можетъ отразиться на недостаточное использованіе всѣхъ средствъ для достиженія задачи. Я съ этимъ никакъ не могъ согласиться. Конечно, на войнѣ бываютъ минуты, когда не слѣдуетъ дорожить ни своей ни жизнью своихъ подчиненныхъ, но на это надо рѣшаться только тогда, когда оно дѣйствительно необходимо. Къ сожалѣнію, всѣ строевые участники войны знаютъ, съ какимъ легкимъ сердцемъ такъ наз. гастролеры посылали части въ бой для того только, чтобы получить отличіе, при этомъ, чѣмъ больше было потерь, тѣмъ значительнѣе должна была быть награда. Дѣло, въ которомъ не было потерь или очень мало, считалось неудачнымъ. Начальство не хотѣло даже вѣрить, что можно было достигнуть положительныхъ результатовъ безъ серьезныхъ потерь. Не мало было такихъ, которые не могли скрыть своего удовольствія, что въ реляціи значились убитые и раненые офицеры; этимъ гордились.

Беречь своихъ подчиненныхъ, избѣгать потерь безъ необходимости—считалось трусостью. Въ Англіи, въ Римѣ, въ По, въ Біарицѣ, вездѣ, гдѣ существуетъ парфорсная охота за лисицами, гдѣ часто встрѣчаются трудныя препятствія, принято за правило настоящими спортсменами, что не слѣдуетъ брать препятствія, если можно его объѣхать, не прыгать черезъ ограду, когда имѣются ворота, но зато во время „vup“, т. е. когда лисица поднята и понеслась за нею стая гончихъ, то всѣ скачутъ безъ оглядки и не останавливаются ни передъ чѣмъ; тогда лошадь подъ вами свѣжа, не утомлена напрасными прыжками, она можетъ, когда потребуется, дать высшую мѣру своей силы и ловкости. Не то же ли мы видимъ на войнѣ: поставьте въ обязанность начальниковъ не расходовать напрасно силы и жизнь своихъ подчиненныхъ и у васъ будетъ въ минуту надобности свѣжая здоровая часть, не требующая пополненія и готовая принести свою жизнь въ жертву отечеству.

Подъ охраною наблюдательныхъ постовъ на сопкахъ я разрѣшилъ часть лошадей разсѣдлать, у остальныхъ отпустить подпруги, казакамъ варить пищу и кормить лошадей. Генералу Ренненкампу послалъ пространное донесеніе.

Еще въ Сыфалацзы адъютантъ передалъ мнѣ нѣсколько писемъ; до сихъ поръ я не имѣлъ времени ихъ прочитаты, а теперь о нихъ вспомнилъ, сѣлъ на камень, облокотился къ стволу дерева и принялся за чтеніе; но мнѣ мѣшали все время: подошелъ Джандіери и сказалъ, что влѣво въ ущельи были слышны выстрѣлы, затѣмъ пришли доложить, что тамъ же замѣчена непріятельская колонна; это оказалось большое стадо скота, которое китайцы гнали въ горы, вѣроятно, чтобы оно не досталось войскамъ, нашимъ или японскимъ. Нѣсколько минутъ спустя опять тревога: съ поста дали знать, что оставленная мною близъ этапной дороги застава спускалась съ горы, вѣроятно, подъ натискомъ непріятели.

Прибывшій урядникъ доложилъ, что онъ присоединился къ отряду по приказанію генерала Ренненкампа, спросившаго, гдѣ я находился и передавашаго, что донесенія я долженъ былъ посылать впредь на Фыншуйлинъ, откуда онъ пришлетъ мнѣ приказанія вечеромъ.

Черкесовъ, производившій развѣдку внизъ по теченіи Цао-хэ, верстъ на пять, вернулся, не встрѣтивъ непріятели; значило ли это, что онъ отошелъ назадъ или притаился, чтобы не выдать себя, пока не втянется въ ущелье большая колонна, довѣрившаяся показаніямъ развѣзда?

Энгельгардтъ накормилъ меня ужиномъ, а когда наступила ночь, я оставилъ на позиціи дежурною частью сотню Токмакова, а съ первою, третьею и шестою сотнями отошелъ назадъ на полторы версты къ небольшой деревнѣ. Кн. Джандіери нашелъ, что здѣсь оставаться было опасно, такъ какъ мы могли быть обойдены съ обѣихъ сторонъ; онъ совѣтовалъ отойти назадъ еще версты на двѣ, гдѣ имѣлась, по его словамъ, хорошая позиція для обороны. Я согласился отправить его туда съ третьею и шестою сотнями, а самъ остался съ первою сотнею на избранномъ нами первоначально мѣстѣ ночлега. Лошади были разсѣдланы и людямъ, за исключеніемъ дневальныхъ, предоставлено отдыхать. Казаки устроили своимъ офицерамъ и мнѣ мягкія логовища изъ вѣтвей и травы у стѣнки фанзы, обращенной впередъ. Дневальнымъ приказано будить казаковъ передъ разсвѣ-

томъ, чтобы засѣдлать и завьючить коней къ тому времени, когда японцы имѣли обыкновеніе на насъ нападать. Ночь была лунная и теплая. Только что я расположился спать, явился ко мнѣ казакъ съ донесеніемъ; при свѣтѣ электрическаго фонаря я вскрылъ конвертъ, увѣренный, что это было предписаніе генерала, но къ удивленію узналъ свой собственный почеркъ: это было мое донесеніе. Я спросилъ казака, отчего онъ привезъ его обратно; онъ объяснилъ, что генераль, котораго онъ встрѣтилъ неожиданно, сталъ спрашивать его, гдѣ находился нашъ отрядъ. Отвѣчая на вопросъ, онъ забылъ передать конвертъ и только теперь о немъ вспомнилъ. Что было дѣлать—послать донесеніе немедленно, объяснивъ, отчего оно опоздало, или отложить до утра. Я остановился на послѣднемъ рѣшеніи, потому что у насъ было все спокойно, непріятель насъ не тревожилъ и генералу объ этомъ было лично извѣстно черезъ разспросы у моихъ казаковъ. Кромѣ того было уже поздно и въ отрядѣ уже вѣроятно всѣ спали. Я отпустилъ казака, но на душѣ у меня было неспокойно, я сознавалъ, что поступилъ неправильно и что слѣдовало отправить донесеніе сейчасъ.

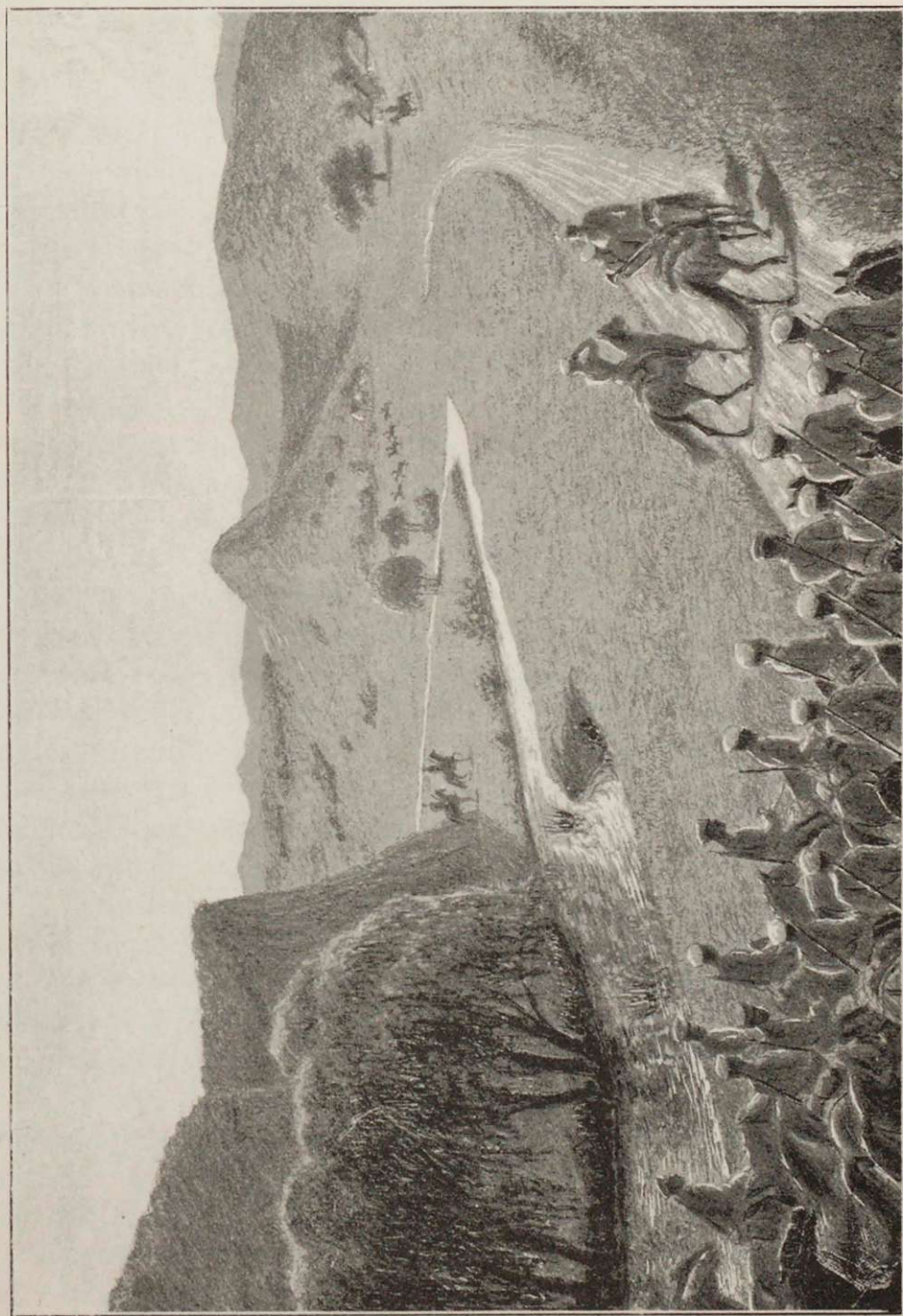
14 іюня. Я проснулся около трехъ часовъ, а въ 4 разбудилъ сотню и приказалъ сѣдлать. Было свѣжее чудное утро, я пошелъ умываться къ ручью. Было тихо кругомъ и такъ спокойно. Зачѣмъ война, зачѣмъ эта бойня. Какъ это казалось противоестественнымъ, вглядываясь въ красоты и спокойствіе природы. Здѣсь же на дворѣ я приготовилъ себѣ какао на спиртовой лампочкѣ, до вечера больше ничего ѣсть не пришлось. Пришелъ къ намъ усталый запыленный прапорщикъ запаса Аргунскаго полка Еленевъ, бывший студентъ техникъ и обладатель чистокровнаго коня, взявшаго второй призъ на стоверстной скачкѣ. Онъ былъ посланъ съ разъѣздомъ изъ Сыфалацзы вчера въ долину Цао-хэ. Проходя узкой горной тропой, имѣя лошадей въ поводу, онъ былъ встрѣченъ залпомъ изъ поросшей лѣсомъ сопки. Казаки попытались идти назадъ, но оттуда тоже раздались выстрѣлы, путь отступленія былъ имъ отрѣзанъ. Тогда Еленевъ приказалъ казакамъ разойтись въ разныя стороны, указавъ имъ сборное мѣсто, а самъ, преслѣдуемый пулями, сталъ пробираться черезъ кусты, по едва примѣтной тропинкѣ. Пришлось ему бросить своего коня, къ счастью простого монгола, а не знаменитаго скакуна. Подъ вечеръ онъ увидѣлъ бивакъ нашей дежурной части и направился къ нему; вдругъ его оклик-

нуль казакъ на посту. Это, пожалуй, было для него самой опасной встрѣчей, потому что часовой могъ его застрѣлить въ упоръ, безъ оклика. Я далъ ему лошадь, проводника до Фыншуйлина и просилъ объяснить на словахъ генералу, что произошло съ моимъ донесеніемъ вчера.

Ожидая сегодня боя, я приказалъ опять разсѣдлать лошадей, хорошенько выкормить ихъ и ждать моего распоряженія, а самъ отправился въ дежурную часть. Получивъ свѣдѣнія, что ночь на аванпостахъ прошла спокойно, я въѣхалъ на лѣвую сопку, гдѣ стоялъ нашъ наблюдательный постъ. Отсюда была видна японская конная застава у деревни, они водили поочереды лошадей на водопой. До заставы было версты полторы по птичьему полету и версты двѣ съ половиною по извилинамъ долины.

Позади насъ, со стороны Фыншуйлина, показалась конная колонна, около пяти сотенъ съ артиллеріей; это шель, очевидно, отрядъ отъ генерала Любавина, который я ожидалъ еще вчера. Я обрадовался, что теперь у меня собрались довольно значительныя силы и можно будетъ перейти въ наступленіе, но моя радость была непродолжительною: впереди остановившейся и слѣзшей съ коней колонны я увидѣлъ самого генерала Любавина и полковника Россійскаго; значить, конецъ моимъ самостоятельнымъ дѣйствіямъ и мечтамъ, но чего я еще менѣе ожидалъ, это того приѣма, который былъ мнѣ сдѣланъ. Когда я подъѣхалъ къ ген. Любавину, онъ сказалъ, что на меня очень сердится ген. Ренненкампфъ за то, что я не послалъ ему вчера донесенія, онъ безпокоился объ участи нашего отряда, думалъ, что мы были отрѣзаны непріятелемъ, поэтому и было рѣшено послать болѣе значительныя силы съ артиллеріей подъ начальствомъ командира бригады. Я не успѣлъ сказать двухъ словъ въ свое оправданіе, какъ на меня напустился пол. Россійскій и на этотъ разъ совершенно несправедливо: онъ винилъ меня въ томъ, что двѣ мои сотни отошли назадъ верстъ на пять, что я не высылалъ ни одного разъѣзда и не зналъ ничего о непріятелѣ. Онъ оправданій и объясненій моихъ не хотѣлъ слушать и сказалъ, что обо всемъ доложить ген. Ренненкампфу.

Я обратился къ ген. Любавину и, показавъ ему возвращенное вчера донесеніе, объяснилъ, какъ это случилось, затѣмъ я доложилъ, что разъѣздъ былъ высланъ наканунѣ вечеромъ, что съ обѣихъ сторонъ на сопкахъ стояли наблюдательные посты, откуда не ускользнетъ ни одно движеніе непріятели, тогда какъ

бѣа. Начало боя въ долину Цаохэ 14 юня 1904 г. Подъ первымъ залпомъ непріятеля.

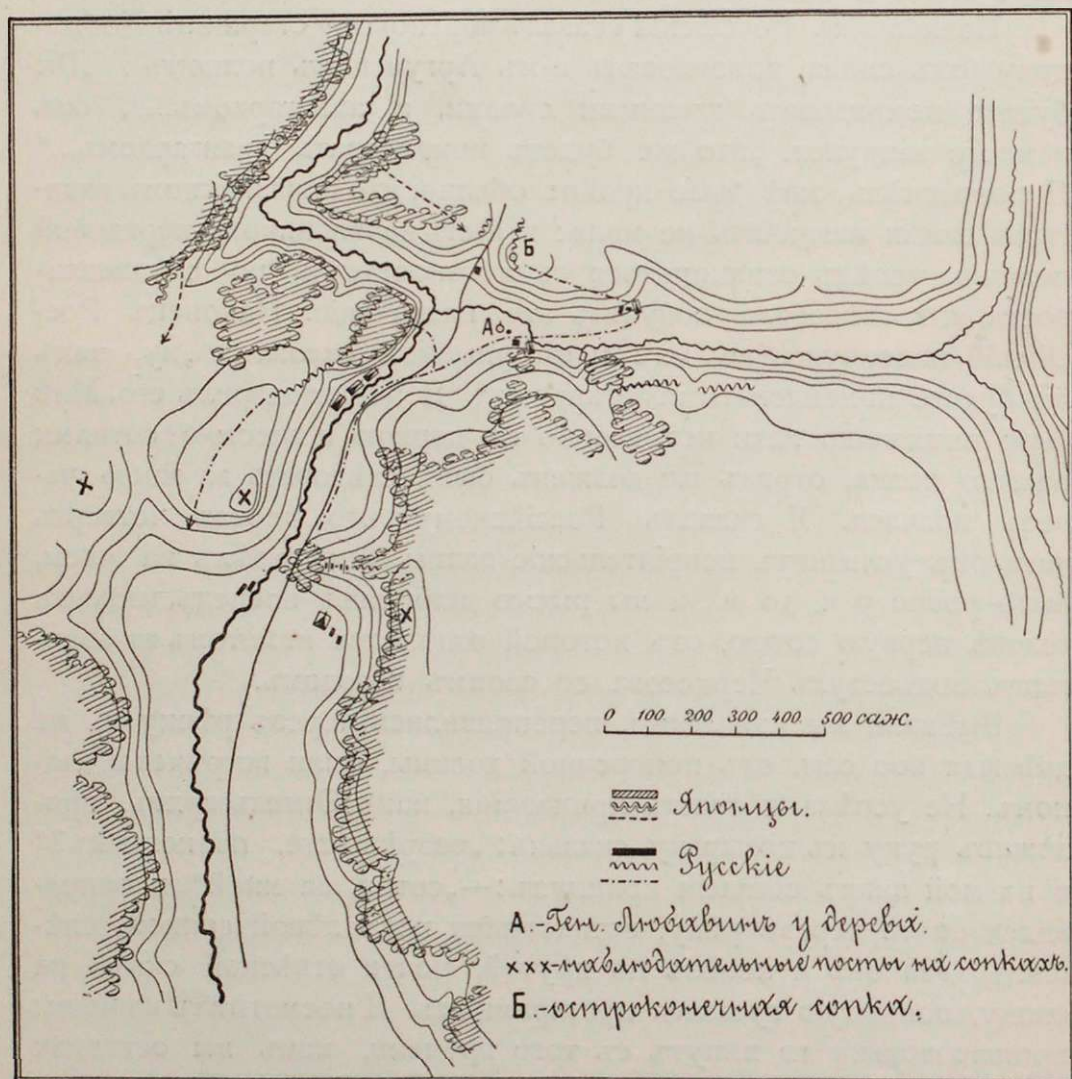
разѣзды шли, какъ слѣпые; наконецъ я сказалъ, что непріятельская конная застава, силою въ одинъ взводъ, стояла недалеко отсюда, а пѣшіе дозоры были видны впереди на сопкахъ. На мои показанія не было обращено никакого вниманія, а можетъ быть, мнѣ не повѣрили.

Полковникъ Россійскій сказалъ войсковому старшинѣ Кобылкину (онъ снова командовалъ 2-мъ Аргунскимъ полкомъ): „Вы будете командовать главными силами, а авангардомъ...“, онъ немного запнулся, „кто же будетъ командовать авангардомъ...“ Я покраснѣлъ, мнѣ было крайне обидно, что начальникомъ авангарда могли назначить не меня: я былъ начальникомъ передовой позиціи, успѣлъ ознакомиться съ мѣстностью и, по справедливости, мнѣ слѣдовало получить это назначеніе. Наконецъ Россійскій повернулся ко мнѣ и съ улыбкой сказалъ: „ну, такъ вы будете командовать авангардомъ“. Я поблагодарилъ его. Мнѣ было приказано идти немедленно съ первой и шестою сотнями нашего полка, отрядъ же долженъ былъ слѣдовать за мною черезъ полчаса. Я сказалъ Россійскому, что черезъ четверть часа онъ услышитъ непріятельскіе залпы, посмотрѣлъ на часы, было ровно 9 ч. 10 м., и мы рысью двинулись впередъ, имѣя въ головѣ первую сотню, отъ которой отдѣлился наметомъ въ авангардъ подъесаулъ Черкесовъ со своимъ взводомъ.

Выѣхали мы изъ лѣска, переправились черезъ рѣчку и, не доѣзжая 200 саж. отъ поперечной долины, были встрѣчены залпомъ. Не успѣлъ я отдать приказанія, какъ Энгельгардтъ, приложивъ руку къ козырьку, сказалъ: „разрѣшаете, полковникъ?“ и на мой знакъ согласія крикнулъ:—„сотня, за мной“, переправился опять черезъ рѣчку, остановился подъ лѣвой сопкой, спѣшилъ казаковъ и полѣзъ по крутой, почти отвѣсной скалѣ на сопку, покрытую густымъ кустарникомъ. Я посмотрѣлъ на часы; прошло только 12 минутъ съ того времени, какъ мы оставили позицію до перваго залпа непріятеля. Россійскій могъ теперь убѣдиться, что я говорилъ правду, когда я заявлялъ, что до непріятеля близко.

Съ плоской возвышенности сопки, куда взобралась первая сотня, послышался голосъ Энгельгардта: „прицѣль на 1200 шаговъ, полусотня пли“. Раздался нашъ дружный залпъ, которымъ не постыдилась бы пѣхота. Въ это время Черкесовъ, остановившійся на минуту у фанзы на той сторонѣ поперечной долины, двинулся со своимъ взводомъ вверхъ по дорогѣ до невысокаго

перевала, лѣвѣ остроконечной сопки, командовавшей надъ ближайшими высотами. Взводъ Черкесова тоже открылъ учащенный огонь по цѣпи противника, занимавшего сопки влѣво надъ рѣкой. Когда подошла шестая сотня, я приказалъ ей слѣзиться и

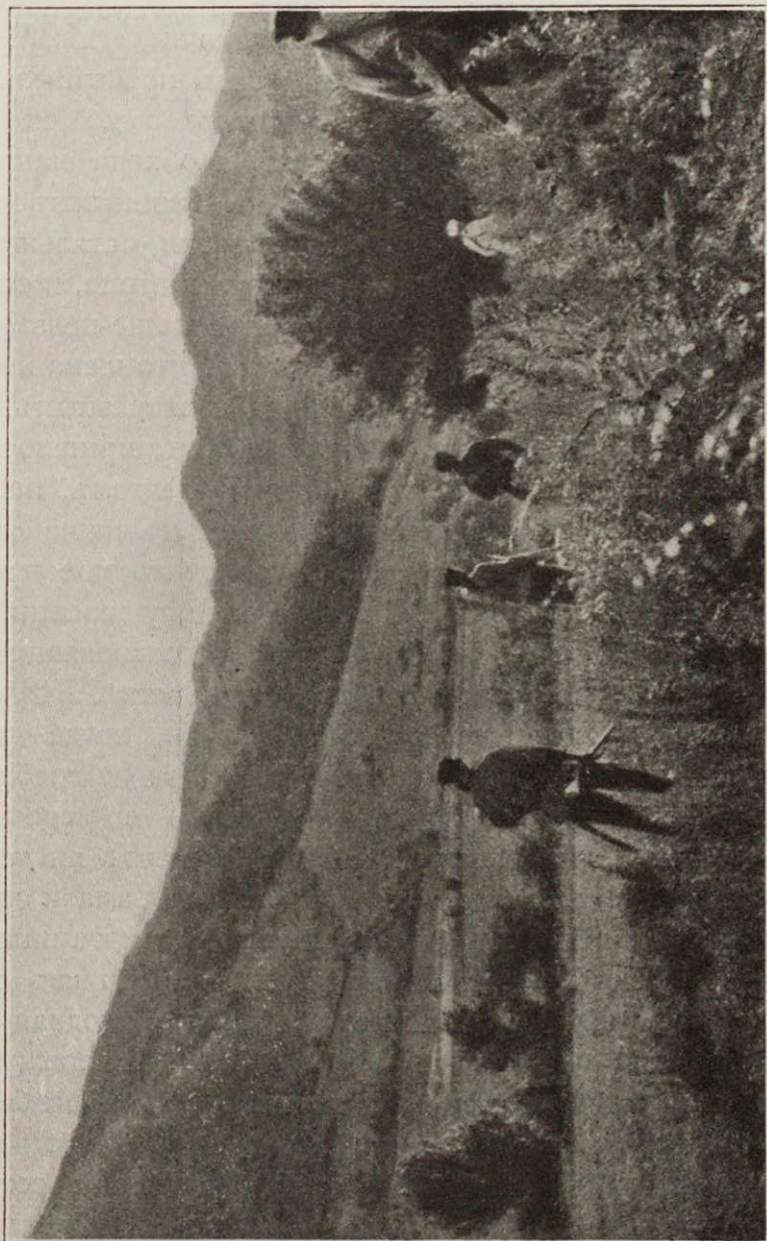

70. Дѣло 17 іюня 1904 г. на Цао-Хэ (подъ Фыншуйлиномъ) отряда ген.-маіора Любавина.

разсыпаться лѣвѣ первой. Самъ я слѣзъ съ лошади и прошелъ впередъ до колѣна, откуда было видно все расположеніе японцевъ, которое можно было опредѣлить только по звуку пальбы, но ни одного человѣка не было замѣтно, хотя они сами слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ и обстрѣливали даже одиночныхъ людей. Чтобы наблюдать за противникомъ, мнѣ пришлось

стать за деревомъ, такъ какъ пули сыпались вокругъ меня довольно густо.

Показался полк. Россійскій съ ординарцами. Предполагая,

71. Казаки занимаютъ стрѣлковую позицію.

что съ подходомъ главныхъ силъ мы перейдемъ въ наступленіе, я приказалъ моему трубачу подвести мнѣ лошадь. Я подъѣхалъ къ полк. Россійскому и доложилъ ему о положеніи дѣла.

Мы продвинулись впередъ, но насъ обдали японцы такимъ градомъ пуль, что мы поспѣшили отойти назадъ вразсыпную.

Подѣхалъ ген. Любавинъ съ Поповицкимъ, за нимъ шла наша третья сотня Ловцова и 1-я сотня Аргунскаго полка, подесаула Шунгѣва. Я предложилъ занять третьей сотней остроконечную сопку, что была правѣ сѣдловины, гдѣ Черкесовъ удерживалъ наступленіе японцевъ на нашъ правый флангъ. Необходимо было также освѣтить долину вправо до ея конца и оставить тамъ заставу для предупрежденія обхода нашей позиціи. Мои предложенія были приняты, и я приказалъ Ловцову выслать одинъ взводъ на заставу, а съ тремя остальными вѣхаться на сопку въ конномъ строю, возможно выше, и спѣшиться только тогда, когда подниматься верхомъ больше нельзя. Важно, чтобы спѣшенная часть не была слишкомъ утомлена подъемомъ на гору, иначе ея огонь не былъ бы дѣйствительнымъ. Я опасался, что эту сопку займутъ японцы, и тогда пришлось бы ихъ выбивать или самимъ отступить правымъ флангомъ, потому что оттуда обстрѣливалась вся долина, ведущая къ нашей позиціи.

Вмѣсто того, чтобы въ точности исполнить мое приказаніе, Ловцовъ спѣшилъ казаковъ слишкомъ рано, у деревни, и сталъ подниматься подъ огнемъ непріятеля, не воспользовавшись ложиною, гдѣ они были бы въ мертвомъ пространствѣ. Лѣзли казаки минутъ десять, а мы съ нетерпѣніемъ ждали, когда они взберутся наверхъ. Наконецъ первые появившіеся на гребнѣ открыли огонь, къ нимъ присоединился Черкесовъ со своимъ взводомъ. Не долго держались наши на этой сопкѣ: японцы стали обстрѣливать ее жестокимъ огнемъ, и казаки начали спускаться внизъ, сперва поодионокѣ, потомъ послѣдовали за ними остальные. Ген. Любавинъ и полк. Россійскій выходили изъ себя и не могли понять, отчего была покинута такая выгодная позиція. Въ этихъ случаяхъ лучше всего выслать на поддержку свѣжую часть, возвратитъ же обратно спустившихся было бы безцѣльно: изнуренные вторичнымъ подъемомъ, они не были бы способны дать отпоръ непріятелю. Ловцовъ присоединился къ сотнѣ Шунгѣва, занимавшей гребень холмовъ съ нашей стороны, откуда былъ хорошій обстрѣлъ теперь и въ случаѣ занятія непріателемъ остроконечной сопки.

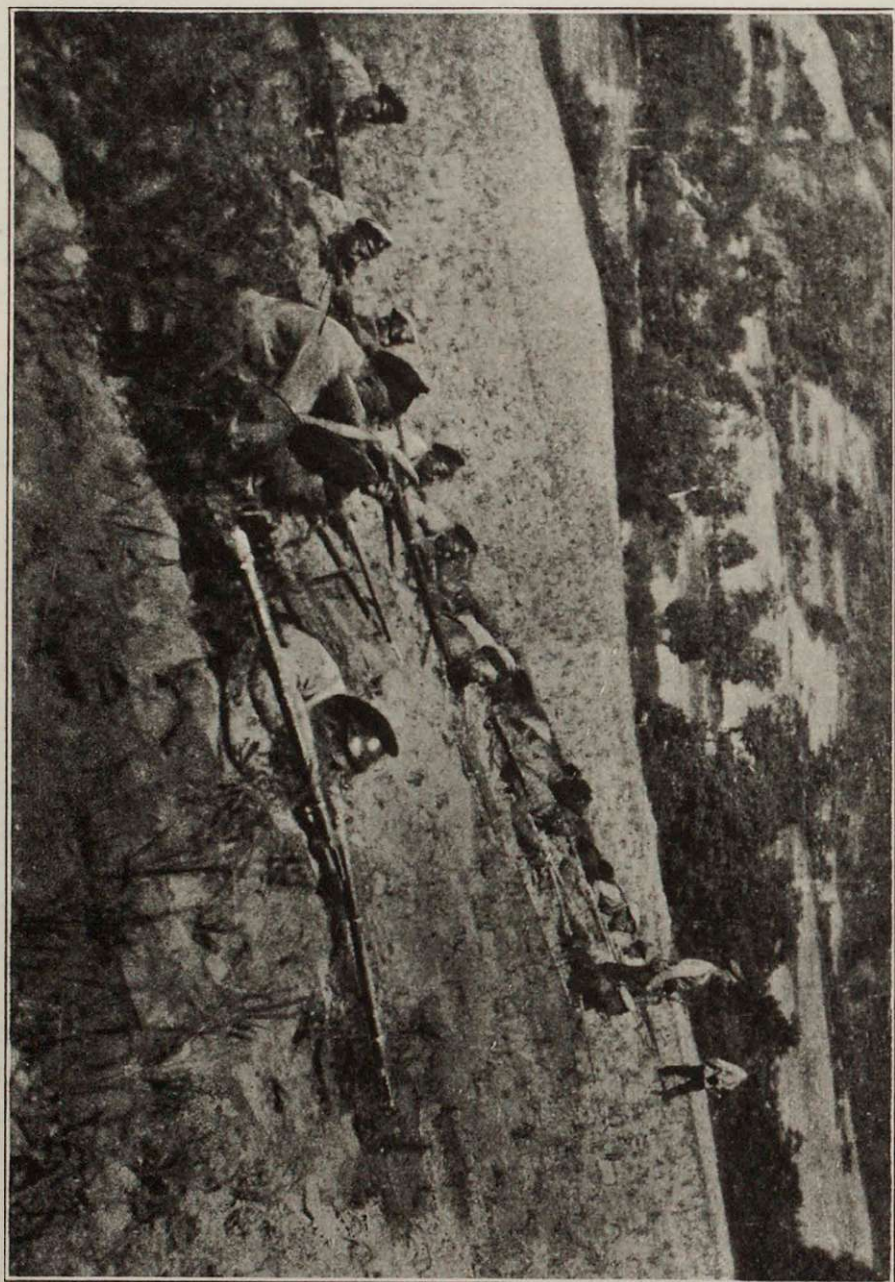
Въ это время на нашемъ лѣвомъ флангѣ первая сотня перешла въ наступленіе. Перебѣгая съ одной позиціи на другую, Энгельгардтъ былъ раненъ въ ногу и, не имѣя возможности ос-

таваться въ строю, онъ передалъ командованіе вахмистру до прихода Черкесова, за которымъ былъ посланъ казакъ. Человѣкъ 20 казаковъ сползали въ разныхъ мѣстахъ съ сопки, занятой первой сотней; я подошелъ туда и крикнулъ: „чего вы спускаетесь“, они мнѣ отвѣчали, что несутъ сотеннаго командира, тогда какъ несли его только пять человѣкъ; остальныхъ я погналъ назадъ. Мнѣ было очень жаль этого славнаго офицера, котораго я сердечно полюбилъ; хотѣлось бы сказать ему нѣсколько словъ утѣшенія, но на это не было времени. Кн. Джандіери взбирался все выше и выше, чтобы отбить движеніе японцевъ въ обходъ нашего лѣваго фланга къ сѣдловинѣ, гдѣ стоялъ наблюдательный постъ Аргунскаго полка. Я вернулся къ толстому дереву, впереди деревушки, гдѣ стоялъ ген. Любавинъ и полк. Россійскій; послѣдній сказалъ мнѣ, смѣясь, что ему тоже досталось отъ ген. Ренненкампа за то, что онъ не получалъ донесеній, хотя они были уже посланы; увлекаясь боемъ, забываешь дать о немъ свѣдѣнія начальству.

Стрѣльба на нашемъ правомъ флангѣ шла довольно вяло; видно было, какъ одинъ казакъ лежалъ неподвижно головой внизъ, вѣроятно, убитый.

Полк. Россійскій находилъ, совершенно резонно, что намъ необходимо было вернуть прежнюю позицію на остроконечной сопкѣ; онъ хотѣлъ самъ идти на правый флангъ, чтобы передать это приказаніе сотнямъ. Это была моя обязанность, какъ начальника авангарда, и я полѣзъ на сопку. День былъ жаркій, подъемъ крутой и я теперь понималъ, отчего казаки поднимались такъ тихо, хотя ихъ подгоняли японскія пули. Я проходилъ мимо убитаго казака, онъ былъ живъ и невредимъ. Я ему приказалъ постоять немного подъ пулями. Первыми за гребнемъ лежали аргунцы и стрѣляли вяло, увѣряя меня, что командиръ сотни, находившійся подъ горой, имъ не приказалъ стрѣлять; я не сомнѣвался, что они лгали, пользуясь тѣмъ, что начальникъ ихъ не видѣлъ. Они молчали, чтобы не навлекать на себя огня противника, отвѣчавшаго на наши выстрѣлы пальбою пачками. Я прошелъ дальше къ Ловцову, у него перестрѣлка шла оживленная, я передалъ ему приказаніе начальника отряда, онъ сейчасъ же созвалъ сотню и сталъ съ нею спускаться; я отправился съ ними до лѣска, гдѣ находился Шунгѣвъ съ частью своей сотни, и спросилъ его, правда ли, что онъ не позволялъ стрѣлять. Онъ никогда такого приказанія не давалъ.

Обѣ сотни направились къ своимъ коноводамъ, а я вернулся къ начальнику отряда. Попытка занять сопку однако не удалась, такъ какъ японцы открыли сильный огонь; въ то вре-

72. Бой 14 июня у Цао-Хэ.

мя, когда казаки переѣзжали черезъ долину, они вернулись на прежнюю позицію. Въ подкрѣпленіе нашего лѣваго фланга была вызвана одна аргунская сотня, но она оставалась въ резервѣ и

участія въ дѣлѣ не принимала; за то насъ порадовала горная батарея, пустившая нѣсколько снарядовъ японцамъ, тѣ сразу притихли. Я почти не спалъ ни прошлую ни позапрошлую ночи, меня страшно клонило ко сну. Такъ какъ огонь непріятеля затихъ, я съ разрѣшенія ген. Любавина отошелъ назадъ за фанзы, гдѣ было покойнѣе, прилежъ на траву и моментально заснулъ, но ненадолго. Черезъ десять минутъ пальба опять участилась. Къ японцамъ подошли подкрѣпленія. Они продвигались къ остроконечной сопкѣ; уже теперь было трудно укрываться за фанзами коноводамъ право-фланговыхъ сотенъ, лошадямъ генерала и его штаба, а по занятіи непріателемъ сопки положеніе ихъ было бы критическимъ, потому что лошадей приходилось уводить по открытому мѣсту на близкомъ ружейномъ выстрѣлѣ. Генераль разрѣшилъ отвести коноводовъ назадъ, но свою лошадь оставить. Хотя ихъ отводили укрытой ложиной, за лѣсомъ, поодионочкѣ, но японцы замѣтили это движеніе и стали стрѣлять залпами. Была отчетливо слышна протяжная пѣвучая команда передъ каждымъ залпомъ.

Отъ нашего наблюдательнаго поста въ тылу было получено донесеніе, что противъ лѣваго фланга было замѣчено движеніе двухъ новыхъ непріятельскихъ колоннъ вверхъ по теченію рѣки. Генераль былъ въ недоумѣніи, что это означало: показались ли колонны впереди насъ или позади. Казакъ, прибывшій съ этимъ донесеніемъ, свѣдѣній дать не могъ. Въ это время генераль получилъ предписаніе ген. Ренненкампа отступать, такъ какъ онъ имѣлъ свѣдѣнія о движеніи къ Фыншуйлину непріятельскихъ колоннъ по другой долинѣ, въ обходъ нашей позиціи. Это приказаніе было получено кстати: долго держаться еще противъ превосходныхъ силъ непріятеля мы не могли бы, они были отъ насъ въ 800 шагахъ и угрожали нашему правому флангу. Было два часа, когда полк. Россійскій приказалъ отступать; значитъ мы удерживали успѣшно эту позицію болѣе 4¹/₂ часовъ.

Ген. Любавинъ и полк. Россійскій съ штабомъ уѣхали, а я остался теперь начальникомъ арьергарда. Съ праваго фланга сотни уже отходили назадъ, я проѣхалъ къ коноводамъ сотенъ, занимавшихъ лѣво-фланговую позицію, и послалъ урядника первой сотни, молодецки бившейся впереди, передать, что мы отступаемъ. Еслибы дать знать объ отступленіи только частямъ, бывшимъ сзади, онѣ могли бы уйти, не подумавъ, въ поспѣшности, предупредить товарищей.

Аргунцы уже спустились съ сопки и сѣли на коней. Я приказалъ имъ отойти къ главнымъ силамъ, не дожидаясь остальныхъ. Только что они переправились черезъ рѣку и выѣхали на дорогу, ихъ стали провожать японцы залпами; они пошли наметомъ и скрылись въ лѣсу безъ потерь.

Непріятель уже занялъ остроконечную сопку и обстрѣливалъ всю долину на нашемъ пути отступленія. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія нашихъ спѣшенныхъ сотенъ; черезъ нѣсколько минутъ непріятель настолько приблизился, что мы понесли бы большія потери. Наконецъ вернулся посланный урядникъ и донесъ, что сотни отошли назадъ сопками къ мѣсту нашей вчерашней позиціи. Я приказалъ коноводамъ выѣзжать справа по одному, придерживаясь подножія сопки, гдѣ они были бы сравнительно менѣе подвержены выстрѣламъ, но почему-то всѣ бросились назадъ въ карьеръ, стараясь обогнать другъ друга, сталкиваясь, выпуская изъ рукъ лошадей. вмѣсто того, чтобы идти по указанному мною пути, они бросились напрямикъ, думая, что такимъ образомъ скорѣе уйдутъ изъ опаснаго обстрѣла. Японцы открыли пальбу пачками по этой безпорядочной кучѣ; я думалъ, что не менѣе половины ляжетъ на мѣстѣ, но къ моему удивленію упалъ только одинъ казакъ шестой сотни и его товарищи не подобрали. Только въ лѣску мнѣ удалось захватить отсталыхъ, я приказалъ четверымъ спѣшиться, подобрать и принести раненаго или убитаго казака.

Сотня Токмакова стояла на вчерашней позиціи. Весь отрядъ ушелъ съ генераломъ и начальникомъ штаба. Коноводы собрались у подножія горы, откуда спускалась шестая сотня, а лѣвѣе ея и позади показалась первая. Я сказалъ кн. Джандіери о недостойномъ поступкѣ коноводовъ обѣихъ сотенъ, онъ объяснилъ это отсутствіемъ при коноводахъ хорошихъ урядниковъ.

Два казака вели подъ руки Черкесова; голова его была свѣшена на грудь, онъ волочилъ ногами. Я думалъ, что онъ былъ тяжело раненъ; къ счастью оказалось, что это былъ только сильный упадокъ силъ отъ лазанія по сопкамъ и нѣсколькихъ часовъ непрерывнаго боя, а можетъ быть и солнечный ударъ въ легкой степени. Я далъ ему глотокъ моего живительнаго эликсира; это дало возможность посадить его на лошадь, одинъ урядникъ и казакъ его поддерживали съ обѣихъ сторонъ. Отъ вахмистра первой сотни я узналъ подробности раненія Энгельгардта. Онъ былъ раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости въ

то время, когда перебѣгалъ впередъ со своей сотней черезъ поляну, чтобы занять новую позицію. Пришлось ему отползти назадъ въ кустарники, гдѣ его подобрали и понесли казаки. Вся сотня жалѣла о немъ. Отъ души желалъ я поправиться этому милому, храброму и во всѣхъ отношеніяхъ первоклассному офицеру. Это была незамѣнимая потеря для нашего полка. Мнѣ опять припомнилась его стройная, легкая фигура, когда онъ, подъ градомъ пуль, совершенно спокойно спросилъ моего разрѣшенія вступить въ бой съ врагомъ и понесся со своей сотней къ быстро намѣченной цѣли. Это была красивая картина.

Сотнику Токмакову я приказалъ занимать позицію для встрѣчи противника и держаться на ней возможно дольше, чтобы дать время отнести раненыхъ. Сзади раненыхъ шла первая сотня, за нею въ арьергардъ шла шестая, которая должна была вступить въ бой, еслибы непріятель сталъ насъ тѣснить.

Въ эту кампанію мнѣ въ первый разъ приходилось самостоятельно руководить боемъ до прибытія начальства и я хотѣлъ припомнить и провѣрить свои ощущенія: состояніе у меня было повышено, было ясное сознаніе, что нужно дѣлать, и полное хладнокровіе; я остался собою доволенъ. Я ѣхалъ позади колонны; отойдя три версты и убѣдившись, что японцы насъ не преслѣдовали, я обогналъ отрядъ и подѣхалъ къ полку. Россійскому. Меня безпокоила возможность получить отъ ген. Ренненкампа такой разность, какой доставался командующимъ полками и даже начальнику штаба дивизіи. Если я былъ виноватъ, лучше какую угодно кару, чѣмъ угрозы, къ которымъ я не могъ привыкнуть въ молодые годы моей службы, а послѣ 20 лѣтъ отставки и жизни преимущественно за границей, то и подавно. Полк. Россійскій меня понялъ и обѣщалъ исполнить просьбу.

Мы пришли на бивакъ отряда. Офицеры нашего полка расположились на берегу рѣки, горѣли костры, казаки что-то варили въ котелкахъ, но не было видно выюковъ. Насъ ожидало печальное извѣстіе: въ виду того, что непріятель насѣдалъ и мы могли быть вынуждены къ внезапному отступленію, весь нашъ обозъ, включая офицерскіе выюки, былъ отправленъ на Фыншуйлинскій перевалъ. Никто не ѣлъ ничего съ утра, поэтому распоряженіе объ отправкѣ въ тылъ офицерскихъ выюковъ было айндено возмутительнымъ.

На бивакѣ слышались громкіе отвѣты на привѣтствіе и благодарность за службу ген. Ренненкампа. Всѣ офицеры были

вызваны къ генералу, я шелъ позади, надѣясь не быть замѣченнымъ, но это мнѣ не удалось: послѣ благодарности за славное дѣло, генераль сказалъ, что во время упорнаго наступленія непріятеля было непростительно не посылать донесеній, какъ то сдѣлали войск. ст. Квитка и эсауль Шаншіевъ (о полк. Россійскомъ онъ умолчалъ). Я выдвинулся впередъ и сказалъ, что начальнику штаба я докладывалъ, что донесеніе было мною послано своевременно, но не было доставлено по недоразумѣнію. Къ моему удивленію генераль мягко пожурилъ меня, очевидно, полк. Россійскій говорилъ обо мнѣ; я подошелъ къ нему и горячо поблагодарилъ его. Вернувшись къ себѣ, я былъ обрадованъ прибытіемъ моего вѣстового изъ обоза съ ведромъ, полнымъ горячаго супа съ курицей и рисомъ, присланнымъ Пепино. Чтобы супъ дорогою не остылъ, ведро было завернуто въ попону. Команд. полкомъ и человекъ семь офицеровъ могли поѣсть досыта. Если бы Пепино былъ здѣсь, то ему была бы сдѣлана торжественная овація.

Начинало моросить; не имѣя палатки, я хотѣлъ устроиться на ночь подъ тремя ивами; это были единственныя деревья, подъ которыми можно было имѣть какую-нибудь защиту отъ дождя; къ сожалѣнію казаки успѣли это мѣсто загадить; за щедрый на чай вѣстовые вычистили все, нарубили вѣтвей, нарвали травы для подстилки и устроили для насъ довольно сносное помѣщеніе. Дождь усилился. Не весело было проводить ночь въ мокротѣ. Мы обрадовались, когда было получено приказаніе выступать немедленно и идти въ Сяосырѣ черезъ Фыншуйлинскій переваль и Гоньгауцзы.

У подножія Фыншуйлина отрядъ былъ остановленъ, чтобы пропустить артиллерію и нѣкоторые выюки, оставшіеся внизу. Не хотѣлось слѣзать съ лошади, чтобы дождемъ не смочило сѣдло. Простоявъ около часу, мы стали подниматься, перестроившись по одному. Поверхъ непромокаемаго пальто я накинулъ бурку и, несмотря на то, что въ продолженіе многихъ часовъ шелъ дождь, я былъ совершенно сухъ, тогда какъ тѣ, которые имѣли резиновые плащи, промокли до костей.

Мы поднимались очень медленно, останавливаясь черезъ каждые 2—3 шага. Пока не стемнѣло, было еще довольно сносно, но по мѣрѣ того, какъ окутывалъ насъ мракъ ночи, это медленное передвиженіе дѣлалось все болѣе и болѣе утомительнымъ.

Дорогою мы узнали, что непріятель уже занялъ Гоньгауцзы

и шелъ по пятамъ за отступавшимъ оттуда нашимъ отрядомъ. Въ тылу была перестрѣлка, раненъ былъ одинъ офицеръ и нѣсколько казаковъ. Поэтому нашей казачьей бригадѣ было приказано идти въ Сяосырь черезъ Фанзяпуцзы. Говорили, что по дорогѣ на перевалѣ пало два мула и они были сброшены вмѣстѣ съ вьюками въ кручу, чтобы не заграждали пути. Не могъ я отогнать назойливой мысли, что можетъ одинъ изъ этихъ вьюковъ мой. Дождь все усиливался; въ тѣсной углубленной дорогѣ, среди густого лѣса не видно было положительно ничего; можно было себѣ представить, что находишься въ закрытомъ наглухо ящикѣ, въ которомъ непрерывно лилась сверху вода ручьями. Шли мы безконечно долго, наконецъ подъемъ окончился, мы добрались до вершины. Здѣсь было какъ будто немного свѣтлѣе. Впрочемъ такая темнота исключала всякое понятіе о свѣтѣ, но мы начали по крайней мѣрѣ на близкомъ разстояніи кое-что различать; я, напримѣръ, началъ видѣть крупъ лошади и фигуру всадника, за которымъ ѣхалъ на хвосту. На перевалѣ было вѣтренно, холодно и было сравнительно пріятно, когда настала намъ очередь спускаться. Однако спускъ былъ тоже не легокъ. По дорогѣ валялись мулы и лошади, не выдержавшіе сильнаго напряженія подъ тяжелыми вьюками. Только послѣ третьяго этапа стало немного легче, дорога была шире, часть задержавшихъ насъ вьючныхъ обозовъ остановилась на короткій привалъ, чтобы дать отдыхъ истощеннымъ животнымъ.

У штабъ-трубача Дементьева, который сопровождалъ меня въ отдѣлѣ, лошадь шла большимъ шагомъ; я приказалъ ему показывать дорогу, а самъ ѣхалъ за нимъ небольшою рысью, что поддерживало бодрость и мѣшало заснуть въ сѣдлѣ. Мы обгоняли сотню за сотней, все оказывались аргунцы, а нерчинцы были впереди. Вѣроятно, они успѣли уйти впередъ въ то время, какъ я поднимался на Фыншуйлинъ, стиснутый со всѣхъ сторонъ всадниками, которые подвигались черепашимъ шагомъ.

Было 2 ч. ночи, когда мы добрались до Фанзяпуцзы. Комендантъ, пор. Маевскій, встрѣчалъ насъ и отводилъ фанзы офицерамъ; оба полка стали бивакомъ. Я помѣстился въ большой грязной фанзѣ съ офицерами 23-го полка, аргунскими и нерчинскими. Несмотря на поздній часъ, вѣстовые вскипятили чаю и мы были рады лечь спать послѣ тяжелаго дня.

15 іюня. Дождь продолжался. Наше убогое помѣщеніе днемъ казалось еще болѣе грязно и непривѣтливо, мухи носились тучами

и не давали покоя. Кромѣ чая ѣсть было нечего. У меня было немного консервовъ, я ихъ берегъ для крайнихъ случаевъ, когда не было никакой надежды найти что-либо у жителей. Удивительно, съ какой безпечностью относилось большинство офицеровъ къ вопросу о продовольствіи. Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ не было офицерскихъ собраний, не многіе готовили каждый день обѣдъ, остальные или гостили то у одного, то у другого, или закусывали чѣмъ Богъ пошлетъ. Имѣть каждый день горячій супъ съ мясомъ или курицей—вопросъ здоровья, а не прихоти, безъ которой ни офицеръ ни нижній чинъ не могутъ нести полезной службы. Конечно могутъ быть случаи, когда приходится поголодать, но вводить это въ систему просто преступно. Командующій арміей, вникавшій во всѣ нужды офицеровъ, сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ имъ пайка, что вполнѣ обезпечивало бы ихъ отъ голодовокъ, но у насъ настолько привыкли къ случайному закусыванію у гостепріимнаго товарища, что вмѣсто пайка предпочитали получать деньги. Получаемое во время войны содержаніе было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы обезпечить каждого продовольствіемъ, но объ этомъ мало кто думалъ, зато на спиртные напитки тратились изрядныя суммы.

Я зашелъ навѣстить Энгельгардта въ лазаретъ Краснаго Креста; у него все то же непринужденное изящество манеръ, какъ будто онъ находился среди дамъ въ великосвѣтской гостиной, а не лежалъ безпомощно въ халатѣ въ убогой фанзѣ. Онъ жалѣлъ только, что раненіе не позволяло ему принять участіе въ ближайшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, не надѣясь вернуться обратно ранѣе 3 мѣсяцевъ; я купилъ у него прекраснаго мула, а для доставки въ Ляоянъ его вещей далъ ему на время моего вороного монгола, котораго онъ могъ отослать обратно съ транспортомъ.

Энгельгардта эвакуировали въ 12 ч. дня, вся 1-я сотня вышла съ нимъ проститься. Видно было, какъ казаки привязались къ нему и съ какимъ сожалѣніемъ разставались съ любимымъ командиромъ. Онъ никогда популярности не искалъ, а достигъ этой привязанности своихъ подчиненныхъ только одной справедливостью и хорошимъ обращеніемъ, никогда не прибѣгая къ кулачной расправѣ и грубой брани. Всѣ искренно пожелали ему скорого выздоровленія и возвращенія.

Въ 4 часа со стороны Фыншуйлина началась усиленная перестрѣлка, казаки бросились сдѣлать. За неимѣніемъ корма много лошадей, въ томъ числѣ и мои, были выпущены на пастьбу въ

полуверстѣ отъ деревни; никто не ожидалъ, что непріятель будетъ насъ такъ настойчиво преслѣдовать, а между тѣмъ пальба усилилась, залпы участились, казалось, бой происходилъ сейчасъ за горой. Были высланы развѣзды, выѣхалъ впередъ самъ генералъ, а здѣсь никто не зналъ, гдѣ и что тамъ происходило.

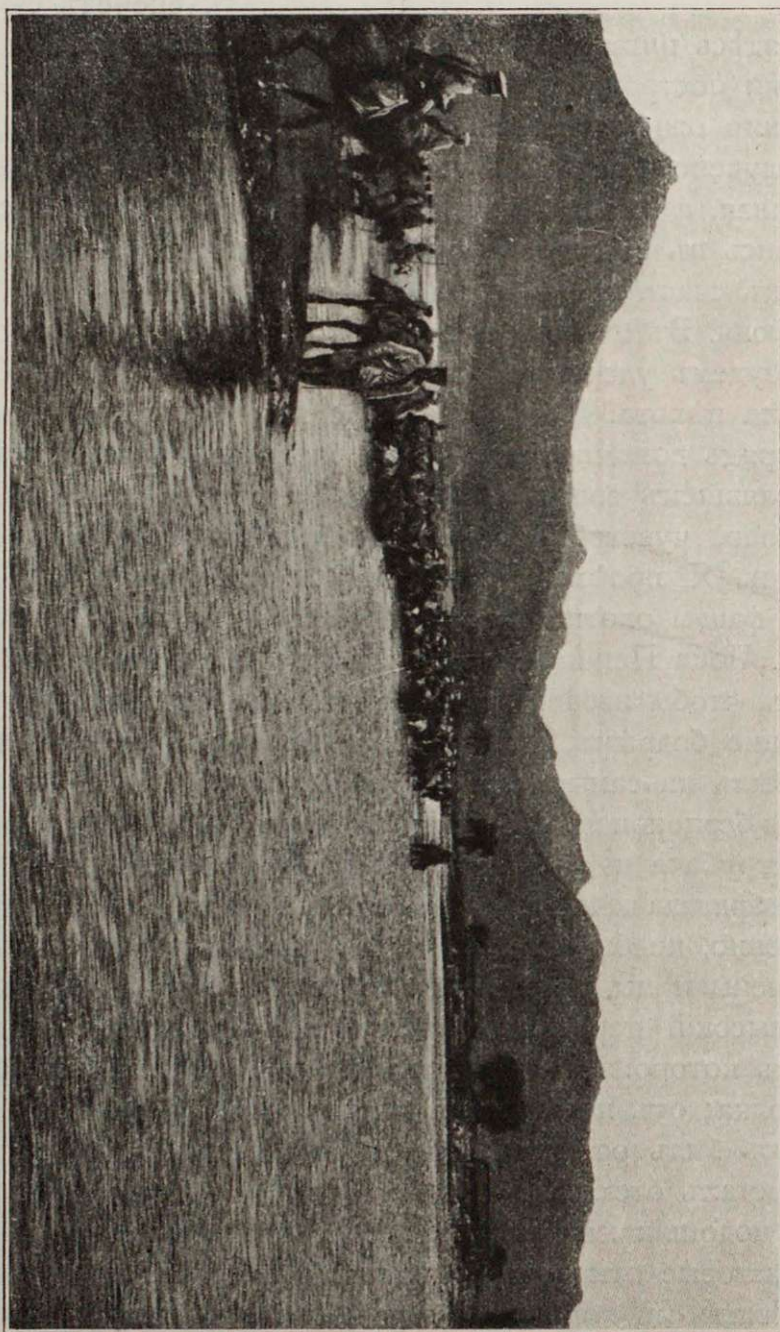
Полки построились на мѣстѣ бивака въ резервную колонну, напряженно ожидая немедленнаго выступленія. Въ 8 ч. вечера было получено приказаніе поставить лошадей въ коновязи, не разсѣдывая, а людямъ ночевать не снимая амуниціи; офицеры завернулись въ бурки и плащи и улеглись спать впереди своихъ частей; къ счастью, ночью не было дождя.

16 іюня. Въ 4 часа приказано было выступать. Говорили, что мы будемъ удерживать натискъ непріятеля у дер. Сихэяна, гдѣ стояла пѣхота. Дождь полилъ опять. Переходъ былъ небольшой. Отрядъ долженъ былъ стать бивакомъ въ открытомъ полѣ, представлявшемъ сплошное болото. За послѣдніе 4 дня я спалъ очень мало, чувствовалъ сильный упадокъ силъ и ознобъ отъ лихорадки. Я проѣхалъ впередъ до деревни и занялъ фанзу. Хозяева фанзы охотно доставили намъ куръ, яицъ и кормъ для лошадей. Пока Пепино готовилъ обѣдъ, я крѣпко уснулъ подъ пологомъ, чтобы избавиться отъ мухъ, и проснулся чрезъ 2 часа совершенно бодрымъ, а послѣ горячей ванны и сытнаго обѣда готовъ былъ на самыя тяжелыя испытанія.

Меня безпокоило, что въ деревнѣ не было видно казаковъ, я послалъ трубача на развѣдку. Онъ скоро вернулся съ извѣстіемъ, что наша бригада давно ушла на сѣверъ черезъ ближайшее ущелье, куда именно, не было извѣстно. Лошади были мигомъ засѣдланы и завьючены и мы отправились въ догонку отряда. Прошли черезъ невысокій перевалъ, спустились въ широкую долину къ лѣску, въ которомъ были видны казаки. Это была застава Аргунскаго полка; отъ нея мы узнали, что отрядъ прошелъ недавно и долженъ былъ остановиться на ночлегъ въ дер. Люцзялацзы въ 5 верстахъ отсюда.

Мы подошли къ деревнѣ, когда сотня размѣщалась по дворахъ. Вѣстовые отправились разыскивать мнѣ отдѣльную фанзу, а я проѣхалъ къ командующему полкомъ и извинился за то, что отдѣлился отъ полка въ Сихэянѣ по случаю нездоровья и необходимости короткаго отдыха. Трухинъ не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго и сказалъ, что я напрасно такъ торопился нагонять полкъ. Это могла бы быть злая иронія, но онъ гово-

рилъ съ такимъ добродушіемъ, что нельзя было сомнѣваться въ его искренности.

73. Переправа въ бродъ у д. Мипзы.

17 іюня. Мы выступили въ 7 ч. утра. Пришлось два раза переправляться въ бродъ чрезъ Тай-цзы-хэ. Несмотря на продолжи-

тельные дожди, рѣка была не слишкомъ глубока и мы въюковъ не подмочили. По теченію рѣки китайцы спускали на шаландахъ сѣно, вѣроятно, въ Ляоянъ, а быть можетъ и дальше, въ Инкоу. Въ Мицзы пришли въ 2 часа, гдѣ были прекрасныя фанзы, сады; къ сожалѣнію, лучшія постройки были разорены хунхузами. Я занялъ отдѣльную фанзу въ 100 саж. за деревней. У хозяевъ въ огородѣ мы нашли зеленый горошекъ и фасоль. Такой роскоши мы давно не видали. Вечеромъ офицеры были приглашены въ штабъ дивизіи для вызова охотниковъ произвести развѣдку въ Фанзяпуцзы, занятой, по словамъ китайцевъ, неприятелемъ тотчасъ послѣ нашего ухода.

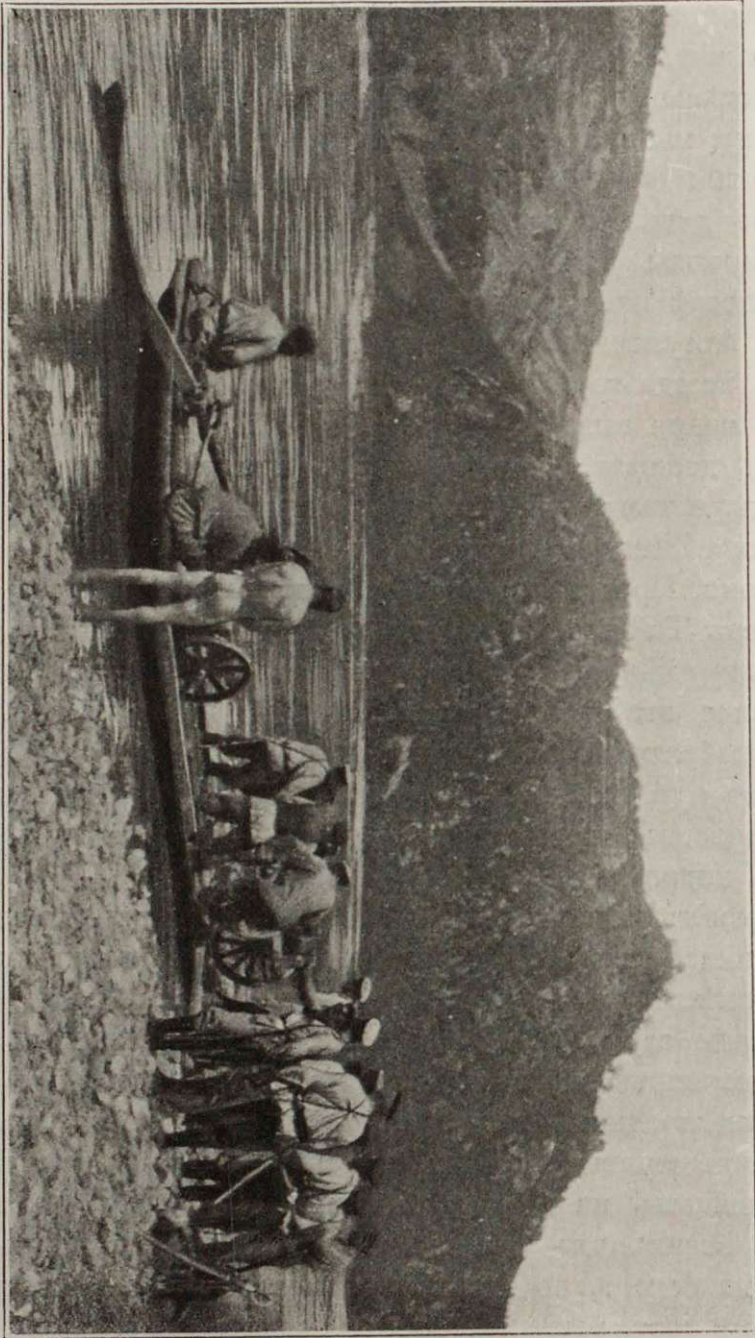
Отъ Аргунскаго полка вызвался хорунжій Рыжковъ, лихой офицеръ, всегда готовый идти на опасное предпріятіе, отъ Нерчинскаго полка вызвалось трое. Жребій палъ на сотника Обухова; онъ долженъ былъ съ пятью казаками доѣхать верхомъ до сопокъ, а тамъ продолжать развѣдку пѣшкомъ.

18 іюня. Дневка. Дождь шелъ безпрерывно.

19 іюня. Прояснѣло, было жарко. Мнѣ приказано переправить черезъ Тай-цзы-хэ 1-ю и 3-ю сотню Нерчинскаго полка и четырехъ-орудійную батарею пограничной стражи ротмистра Созонтовича, эта батарея называлась 4-й конно-горной. Батареи пограничной стражи были куплены китайской восточной жел. дор. по 140,000 руб. за каждую и находились въ вѣдѣніи министерства финансовъ; каждое орудіе вѣсило 44 пуда и стрѣляло до трехъ съ половиной верстъ.

Въ моемъ распоряженіи было пять шаландъ, захваченныхъ вчера у китайцевъ. Для перевоза артиллеріи три шаланды были связаны вмѣстѣ, образуя довольно устойчивый плотъ, двѣ другія шаланды служили для перевоза сѣделъ, амуниціи и людей. Первою переправлялась батарея. Лошадей загоняли въ рѣку табуномъ, имѣя одного или двухъ человекъ, плывущихъ впереди на лошадахъ, привычныхъ плавать, преимущественно изъ станицъ, расположенныхъ на берегу большихъ рѣкъ; съ другими была большая возня: ихъ гнали, кричали, не пускали выбираться обратно на берегъ, но это мало помогало и большинство возвращалось къ сотнямъ, построеннымъ на берегу. Самое трудное было въ началѣ, когда нужно было заставлять коней переплывать черезъ широкую рѣку съ быстрымъ теченіемъ, не имѣя на той сторонѣ ни одного коня для приманки; было естественно, что они стремились вернуться къ тѣмъ, которые стояли на берегу;

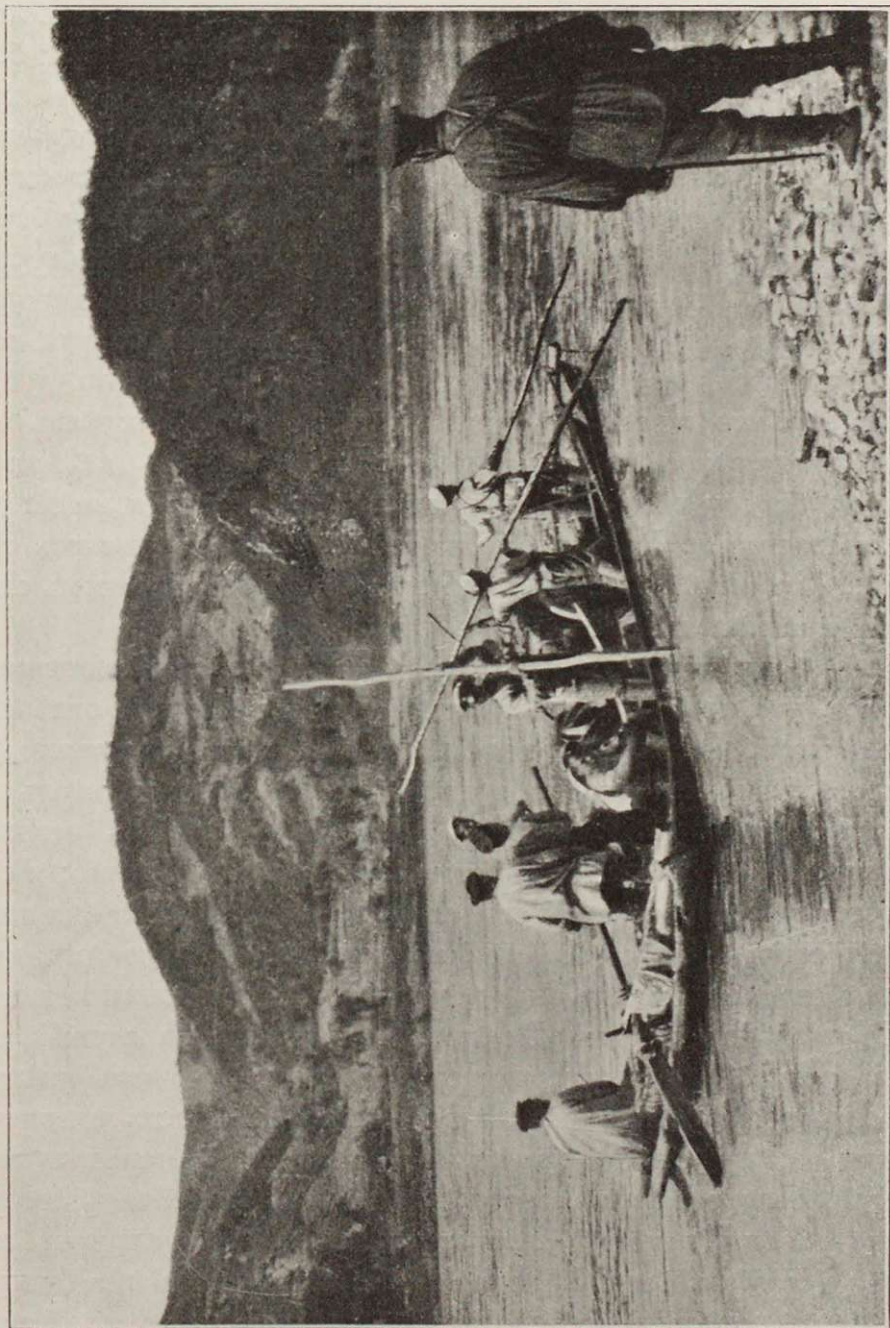
поэтому я приказалъ удалить части, ожидавшія очереди. Батарейныя лошади переправились недурно, за ними кучкой поплыли

74. Переправа батареи на шаландахъ.

около взвода третьей сотни, потомъ опять заминка. Мой Джигитъ проплылъ лихо впереди табуна, слѣдовавшаго за нимъ, какъ за начальникомъ. Вѣстовой Макаровъ поплылъ на Али, но онъ

не умѣлъ править лошадей въ водѣ и Али возвращался къ берегу послѣ каждой новой попытки; тогда молодецъ штабъ-тру-

75. Переправа на шаландахъ амуний и винтовокъ.

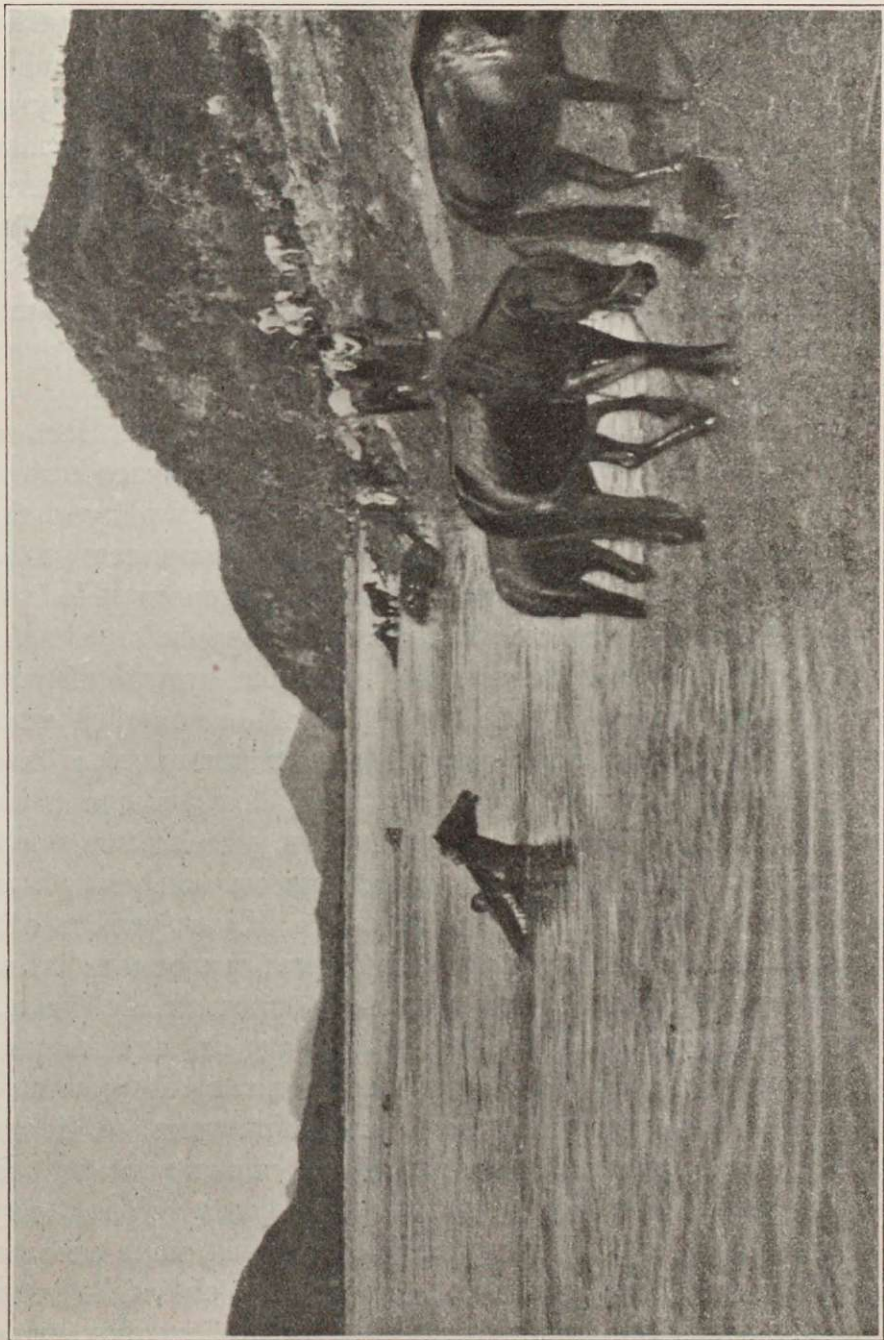
бачъ Дементьевъ раздѣлся и переправилъ легко и свободно сперва Али, а потомъ моихъ двухъ муловъ. Казаки переправлялись на одиночныхъ шаландахъ, но мало кто изъ нихъ умѣлъ управлять

лодкой и, вмѣсто того чтобы держаться полуоборотомъ вверхъ по теченію и къ противоположному берегу, они шли прямо поперекъ и ихъ сносило внизъ по теченію. Для переправы батареи и двухъ сотенъ мы провозились съ 2 ч. дня до семи, а если бы обучены были этому люди и лошади, потребовалось бы не болѣе 2—3 час. Конницу необходимо въ мирное время обучать плаванію, постройкѣ плотовъ и управленію ими, а также лодками. Я переправился послѣднимъ, и мнѣ пришлось взяться самому за весло, чтобы направить шаланду къ противоположному берегу, такъ какъ казаки, бывшіе со мной, не имѣли никакого представленія о томъ, что имъ нужно было дѣлать. Такъ какъ дорога къ Сяосырю, куда мы должны были идти завтра, была залита водой въ одномъ мѣстѣ подъ ближайшимъ утесомъ на такую глубину, что нельзя было пройти въ бродъ, то я хотѣлъ изслѣдовать замѣченную горную тропинку и надѣялся добраться по ней до кумирни на берегу рѣки, гдѣ я думалъ расположиться на ночь съ головной заставой. Уже темнѣло, когда были доставлены мои сѣдла и вещи. Я полѣзъ на гору пѣшкомъ, приказавъ казакамъ слѣдовать за мною, когда они будутъ готовы.

Гора была крутая, трудно было подниматься до вершины; я убѣдился, что до кумирни дойти было не легко: она отдѣлялась отъ горы глубокимъ оврагомъ съ почти отвѣсными краями, приходилось дѣлать большой обходъ. Довольно долго я ждалъ прихода казаковъ, въ наступившей темнотѣ я увидѣлъ человѣка, поднимавшагося съ тремя лошадьми; это былъ Пепино; я спросилъ его, гдѣ казаки; онъ отвѣтилъ съ сердцемъ, что они навьючили его самого, какъ осла, и послали впередъ съ вьюками, а сами остались сзади, такъ какъ еще не управились со своими лошадьми.

Съ тѣхъ поръ какъ Пепино былъ у меня на службѣ, я въ первый разъ видѣлъ его такимъ сердитымъ, но онъ имѣлъ на это основательныя причины: казаки дали ему нести на плечахъ все, что они не успѣли помѣстить во вьюкахъ, передали двухъ лошадей и одного мула, говоря, что они его сейчасъ догоняютъ и тогда облегчатъ ношу, сами же остались назади курить, побалакать, а можетъ быть и почаевать. Подниматься на сопку одному было довольно тяжело, но нагруженному тяжелой ношей таскать за собою трехъ упирающихся животныхъ было крайне непріятно. Идти дальше было трудно и я рѣшился спуститься назадъ къ фанзѣ, замѣченной въ глубинѣ ущелья, когда еще было свѣтло.

На обратномъ пути мулъ остуился, и съ выюка слетѣло ведро съ кухонной посудой. Кастрюли, сковородки, кружки, та-

76. Переправа вплавь коней.

релки, все полетѣло внизъ, позвякивая при толчкахъ о камни и сучки. Я звалъ казаковъ, но никто меня не слышалъ. Бѣдный Пепино не растерялся, онъ привязалъ лошадей и мула къ кус-

тамъ и спустился съ горы въ поискахъ за посудой. Наконецъ слышались голоса, подошелъ Андрей Ефимовъ, вдвоемъ имъ удалось все собрать, послѣ долгихъ поисковъ въ кустахъ и между камнями. Мы отправились разыскивать фанзу, что было не легко, потому что не было видно огней. Тропинку мы потеряли давно, на каждомъ шагу цѣпкіе кустарники преграждали намъ путь. Мы добрались до ручья, по которому можно было ориентироваться, слышался лай собакъ, потомъ говоръ казаковъ и черезъ нѣсколько минутъ мы вошли въ бѣдную, полуразрушенную фанзу, въ которой уже размѣстился взводъ третьей сотни. Хозяинъ бросился передо мною на колѣни и умолялъ, чтобы я защитилъ его отъ казаковъ, забравшихъ у него послѣдніе остатки крупы. Я далъ ему 5 руб. и онъ остался вполне доволенъ.

20 іюня. Въ 4 ч. утра я вышелъ на берегъ рѣки. Весь нашъ полкъ уже былъ на этой сторонѣ, онъ переправлялся всю ночь. Вода спала и подъ утро аргунцы перешли черезъ рѣку въ бродъ, за деревнею ниже по теченію. Генералъ переправился на лодкѣ въ 7 ч. утра и мы сейчасъ же двинулись впередъ. По дорогѣ было три не особенно высокихъ перевала; орудія спускались на рукахъ казаками, что задерживало движеніе отряда. Спускаясь съ послѣдняго перевала по тропинкѣ, приближавшейся мѣстами къ крутому оврагу, я сорвался съ высоты четырехъ аршинъ и сильно расшибся: голова была въ крови, болѣли шея и спина; это произошло отъ того, что лѣвый глазъ у меня былъ оперированъ. Деревня, гдѣ отрядъ останавливался на ночлегъ, была не далеко и я могъ доѣхать до нея верхомъ. Я уже успѣлъ обмыть раны, когда прибылъ докторъ Терешковичъ; онъ осмотрѣлъ меня, справился, что у меня болѣло и затѣмъ спросилъ, не было ли у меня свинцовой воды или арники, такъ какъ въ аптекѣ ни того ни другого не имѣлось. Пришлось ограничиться примочками холодной воды. Смоченный водою носовой платокъ не держался на головѣ, и я отказался отъ трудно доступнаго леченія, рассчитывая, что раны сами когда-нибудь затянутся. Кромѣ жгучей боли въ головѣ, шеѣ и спинѣ, отъ сотрясенія меня тошнило и сдѣлалось расстройство желудка. Я пробовалъ спать, но подушка такъ накаливалась отъ соприкосновенія горячей головы, что было невыносимо. Такъ я промучился цѣлый день и заснулъ только поздно вечеромъ.

21 іюня. Выступленіе въ Сяосырь было назначено въ 6 ч. утра. Хотя я чувствовалъ себя совершенно разбитымъ, пришлось са-

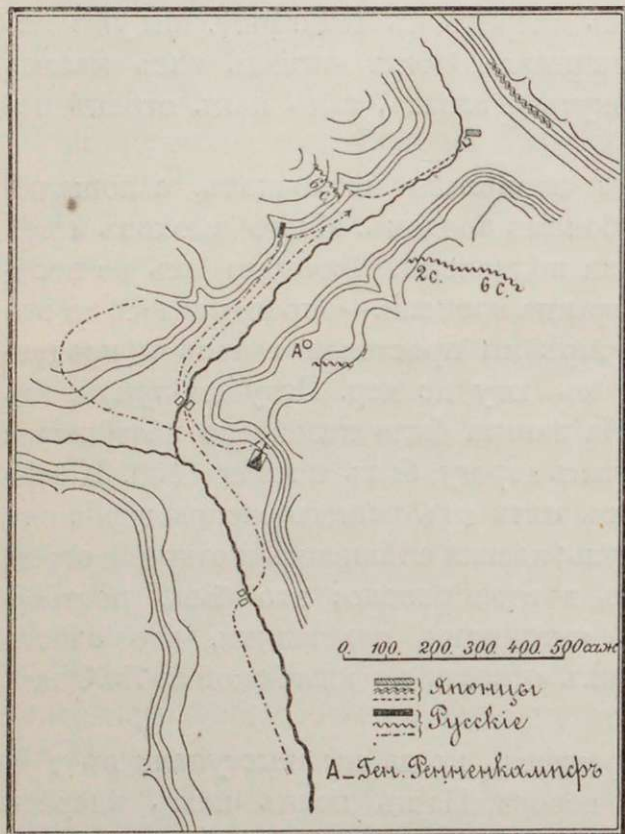
диться на лошадей, такъ какъ лазаретныхъ двуколокъ у насъ не было. Мы прождали до 7 ч., ожидая приказанія тронуться, наконецъ было получено распоряженіе идти обратно къ Мицзы. Предпочитая, въ моемъ настоящемъ состояніи, непрерывное движеніе постояннымъ остановкамъ, неизбежнымъ при слѣдованіи значительнаго отряда, я проѣхалъ впередъ къ авангарду. Мы уже переехали черезъ первый перевалъ, когда нагналъ насъ казакъ и передалъ приказаніе вернуться назадъ, такъ какъ отрядъ пошелъ опять на Сяосырѣ.

Черезъ Тай-цзы-хэ мы переѣхали на лодкахъ, а лошадей подъ сѣдлами провели глубокимъ бродомъ. Много вьюковъ и всѣ артиллерійскіе снаряды были подмочены. Вѣроятно ихъ не перевезли на лодкахъ для выигрыша времени, — оправдывалось ли это обстоятельствами? Въ Сяосырѣ мы простояли 1 часъ и продвинулись далѣе на 7 верстъ къ югу до дер. Псяу-цзя-пуцзы, гдѣ остановились на ночлегъ. На завтра было назначено наступленіе къ Сыгоулину; чтобы освѣтить дорогу, былъ посланъ бар. Корфъ съ разѣздомъ; верстахъ въ пяти отъ нашего расположенія онъ нарвался на японскій патруль; казаки спѣшили и открыли огонь, одинъ японецъ былъ убитъ и трое ранено; это было подтверждено на слѣдующій день китайцами, видѣвшими, что одного японца похоронили, а троихъ отвезли на китайской арбѣ. Опять дождь.

22 іюня. Дождь прекратился, когда мы выступали въ 7 ч. утра по хорошо знакомой дорогѣ. Нашъ полкъ шелъ впереди отряда, имѣя шестую сотню головною, отъ нея былъ посланъ впередъ взводъ подѣсаула Федосѣева. Команд. полкомъ нѣсколько разъ посылалъ сказать Федосѣеву, чтобы онъ увеличилъ шагъ, потому что полкъ насѣдалъ на авангардъ; выйдя изъ терпѣнія, онъ приказалъ ему отдѣлиться рысью отъ полка, но тотъ отвѣтилъ, что рысью онъ идти не можетъ, такъ какъ тогда онъ не успѣетъ разсмотрѣть непріятеля.

Мы уже отошли верстъ 25 отъ мѣста ночлега, когда насъ нагналъ полк. Россійскій и проѣхалъ впередъ къ головному взводу вмѣстѣ съ команд. полкомъ, команд. шестой сотней и мною для выбора мѣста бивака. Пройдя одну деревню, я замѣтилъ, что мы сбились съ пути, намъ слѣдовало свернуть вправо по улицѣ и выѣхать въ перекрещивающуюся долину. Мы переправились черезъ рѣчку и ѣхали суживавшейся долиною. Около версты впереди насъ виднѣлась сквозь деревья другая деревня у подножія сопокъ, закры-

вающихъ какъ будто выходъ изъ долины; въ дѣйствительности это указывало, что долина здѣсь сворачивала въ сторону или раздваивалась. Указывая на деревню, полк. Россійскій сказалъ: „вотъ здѣсь мы станемъ на бивакъ“. Въ эту минуту съ разстоянія не

77. Дѣло 22 іюля подѣ Сыгоулиномъ отряда ген.-маіора Ренненкампфа.

болѣе 300 шаговъ раздался залпъ и обсыпалъ насъ пулями, не задѣвъ никого. Мы бросились вразсыпную назадъ, наскочили въ ближайшую падь, и по распоряженію полк. Россійскаго слѣзли съ коней и заняли гребень невысокаго въ этомъ мѣстѣ отрога горы, чтобы отвѣчать огню непріятеля. Россійскій самъ взялъ винтовку у коновода и пошелъ въ цѣпь.

Не прошло четверти часа, какъ послышались справа отъ насъ, черезъ долину, залпы подошедшихъ казаковъ. Повсѣмъ въ роятностяхъ тамъ былъ генераль. Позади насъ сопкою прибылъ

къ намъ на подкрѣпленіе есаулъ Бодиско съ частью четвертой сотни.

Я былъ того мнѣнія, что слѣдовало занять вершину сопки, на которой мы находились: во-первыхъ, съ высоты мы видѣли бы расположеніе и численный составъ противника, во-вторыхъ, было необходимо предупредить его, еслибы онъ имѣлъ то же намѣреніе. Такъ какъ на это потребовалось бы подкрѣпленіе, то я спросилъ в. ст. Трухина, не найдетъ ли онъ возможнымъ передать объ этомъ генералу. Онъ согласился послать къ генералу адъютанта Анисимова, я тоже рѣшилъ пройти къ нему, чтобы лично объяснить, въ чемъ дѣло. Разсчитывая вернуться назадъ, я оставилъ лошадь съ коноводами, подавшимися назадъ до слѣдующей

пади, потому что первую обстрѣливалъ непріятель. Только что я спустился съ сопки, на меня наткнулся казакъ, ведущій въ по-

78. Охотники идутъ подбирать убитыхъ японцевъ.

воду двухъ лошадей. Онъ проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:
„В. В., изъ-за васъ меня японцы чуть не убили, я былъ дозор-

нымъ и послѣ залпа побѣждалъ назадъ съ лошадыю товарища, какъ вдругъ, смотрю, съ сопки спускается офицеръ, одѣтый точь въ точь какъ вы (я носилъ тужурку и фуражку цвѣта хаки), я соскочилъ съ лошади и подвелъ вамъ коня товарища, думая, что вы ранены, потому что прихрамывали, а офицеръ выпалилъ въ меня изъ револьвера, да слава Богу промахнулся, тогда только я догадался, что это былъ японецъ“. „Чего же ты не стрѣлялъ въ него“, спросилъ я. „Съ двумя лошадыми на рукахъ мнѣ было не способно“, и они оба побѣжали въ разныя стороны. Пришлось переправиться черезъ рѣку, гдѣ воды было выше колѣна и залило сапоги. Генераль со своимъ штабомъ находился на возвышенной открытой площадкѣ, прислонившись къ дереву, онъ стрѣлялъ изъ своего Маузера по японцамъ, перебѣгавшимъ по долинѣ къ фанзамъ. Такъ какъ эту площадь непріятель усердно обстрѣливалъ, то генераль сказалъ шутя: „Отойдите въ сторону, они въ меня стрѣляютъ, а не въ васъ“. Замѣчательная черта у генерала Ренненкампа: онъ не только былъ спокоенъ во время боя, но находился въ особенно веселомъ настроеніи, даже когда положеніе было довольно критическимъ. Три японца уже лежало подбитыми, генераль предложилъ по 50 руб. за доставленнаго японца, живого или мертваго. Нѣсколько человѣкъ изъ конвоя вызвалось идти за добычей. Въ это время былъ поданъ сигналъ наступленія. 2-я сотня, занимавшая гребень сопки направо, продвинулась впередъ, но скоро должна была остановиться, потому что сопка круто обрывалась внизъ и спуститься въ этомъ мѣстѣ было невозможно. По командѣ кн. Меликова, она вернулась и спустилась въ долину по пологому скату и перешла въ наступленіе вмѣстѣ съ шестою сотнею кн. Джандіери. Огонь непріятеля участился, но казаки дошли до фанзъ, оказавшихся пустыми, атаковать же въ лобъ японцевъ, залегшихъ на сопкѣ въ лѣсу, было бы безцѣльно, и генераль приказалъ спѣшеннымъ сотнямъ отойти назадъ, а командиру батареи открыть огонь, чтобы японцы знали, что у насъ имѣлась артиллерія. Увы, это оказалось невозможнымъ: ротмистръ Созонтовичъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ дать ни одного выстрѣла, потому что снаряды были подмочены, и онъ боялся, какъ бы не было разрыва въ дулѣ орудія. Спрашивалось, чего ради мы таскали съ собою съ такимъ трудомъ и хлопотами ни на что не годную батарею, разъ не было снарядовъ.

Казаки принесли двухъ убитыхъ японцевъ, третьяго бросили, потому что непріятель сосредоточилъ огонь на мѣсто, гдѣ онъ

лежалъ, чтобы мы не могли его унести. У насъ убитъ былъ только одинъ казакъ и трое ранено.

Убитыхъ японцевъ похоронили на площадкѣ подъ деревомъ, на которомъ прибили бумагу съ надписью по-японски, составленной нашимъ студентомъ переводчикомъ: „Здѣсь русскіе похоронили двухъ японцевъ, храбро сражавшихся за свое отечество“.

Убитый казакъ былъ похороненъ въ долину, и надъ его могилой былъ поставленъ крестъ.

Разбирая обстоятельства дѣла, можно было заключить, что мы были встрѣчены огнемъ около двухъ ротъ, занимавшихъ передовую позицію, верстахъ въ пяти отъ Сыгоулина, гдѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, находились ихъ главныя силы. О силѣ и составѣ этого отряда опредѣленія могли быть только гадательными.

Наше появленіе было неожиданнымъ для непріятеля, что доказывалось присутствіемъ въ долину офицера и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, не успѣвшихъ вернуться къ себѣ на позицію. Кромѣ трехъ убитыхъ, японцы понесли еще потери ранеными, подбитыми казаками второй и шестой сотни.

Для обезпеченія нашего лѣваго фланга отъ обхода, былъ высланъ взводъ подъ командой бар. Корфа, который къ вечеру былъ смѣненъ четвертой сотней.

Когда перестрѣлка стихла, генераль приказалъ отряду отойти назадъ на три версты и занять деревни для ночлега.

По дорогѣ, на кустѣ казаки примѣтили бумажку, на которой, подъ начерченной стрѣлой была надпись по-японски; „Пѣхотинецъ, бо шаговъ“. Переводчикъ думалъ, что это должно было указать мѣсто погребенія японца, убитого вчера разѣздомъ барона Корфа.

Деревня, въ которой расположились офицеры, состояла изъ нѣсколькихъ фанзъ; батарея и полки стали бивакомъ.

Я помѣстился съ Меликовымъ, Корфомъ и офицерами Аргунскаго полка: Фусомъ, гр. Бенингсеномъ и Бенкендорфомъ. Пепино, прибывшій съ выюками, облобызался со своимъ другомъ Николаемъ, котораго не видалъ со времени нашей стоянки въ Сяосырѣ, такъ какъ 2-я сотня оставалась тамъ для занятія летучей почты и присоединилась къ полку только теперь.

Я еще не оправился отъ моего паденія, голова сильно болѣла.

23 іюня. Ночью ожидали нападенія непріятеля; на аванпостахъ раздавалась довольно оживленная перестрѣлка, но тамъ, гдѣ

ночевалъ генералъ, отрядъ всегда пользовался полнымъ отдыхомъ.

Онъ не позволялъ себя тревожить безъ крайней необходимости и самъ не тревожилъ другихъ.

Дождь, который пошелъ съ вечера, остановился; мы продолжали отступление и остановились въ семи съ половиною верстахъ отъ Сяосыря, гдѣ были хорошія помѣщенія, но мало корма для лошадей. Одинъ только Меликовъ, содержавшій здѣсь постъ летучей почты, зналъ, гдѣ можно было найти фуражъ и подѣлился съ штабами дивизіи и полка.

Мы пригласили къ обѣду гостей, оцѣнившихъ нашу кухню по достоинству; къ сожалѣнію, не было хлѣба.

24 іюня. Отрядъ пришелъ рано въ Сяосырь, сдѣлавъ короткій привалъ и направился къ переправѣ на Тай-цзы-хэ, для слѣдованія дальше къ Бенсиху завтра или послѣзавтра. Нашъ полкъ долженъ былъ оставаться здѣсь одинъ. Штабъ полка съ двумя сотнями сталъ въ деревнѣ въ 2 верстахъ позади Сяосыря, а первая и вторая сотни и батарея подъ моимъ начальствомъ заняли Сяосырь.

Чтобы избавиться отъ батареи безъ снарядовъ, которая, въ случаѣ внезапнаго нападенія непріятеля, бесполезно отнимала бы у насъ сотню для прикрытія и причинила бы не мало хлопотъ при переправѣ черезъ Тай-цзы-хэ, я попытался убѣдить батарейнаго командира, что ему лучше было бы уйти съ отрядомъ къ Бенсиху, гдѣ имѣлись средства для починки поломавшихся и попорченныхъ колесъ и лафетовъ; онъ съ этимъ обратился къ генералу и, получивъ его согласіе, выступилъ безъ промедленія подъ прикрытіемъ второй сотни въ д. Сан-цзя-цзай, гдѣ стоялъ штабъ отряда. Эта батарея, говорили, дѣйствовала прекрасно; единственный былъ ея недостатокъ, что она не могла возить съ собою болѣе 180 снарядовъ и должна была бездѣйствовать до возобновленія своихъ запасовъ изъ Харбина, такъ какъ въ артиллерійскихъ паркахъ снарядовъ къ этимъ пушкамъ не было, а если бы они и были, то едва ли артиллерійское вѣдомство, принадлежащее къ министерству военному, согласилось бы дать снаряды для пушекъ министерства финансовъ.

Около 6 ч. вечера раздались выстрѣлы на заставѣ, въ трехъ верстахъ впереди Сяосыря; по распоряженію командующаго полкомъ, дежурная сотня, шестая, была послана на поддержку заставы. Выстрѣлы участились, послѣдовало нѣсколько залповъ. Черезъ часъ князь Джандіери вернулся въ Сяосырь и донесъ,

что непріятельская пѣхота отгѣснила его заставу и, двигаясь по сопкамъ, угрожала обоимъ нашимъ флангамъ. Это донесеніе я препроводилъ къ генералу, добавивъ, что я послалъ разъѣздъ подѣ командой Черкесова для провѣрки этихъ свѣдѣній. Джандіери отправился обратно на позицію.

Черкесовъ донесъ, что въ деревнѣ противъ заставы было замѣчено 6 непріятельскихъ пѣхотинцевъ обходъ нашихъ фланговъ не подтвердился.

Отъ командующаго полкомъ я получилъ предписаніе посылать донесеніе на его имя, а не генералу непосредственно. Это было вызвано запросомъ изъ штаба отряда, отчего донесенія получались отъ меня, а отъ полка не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Генераль Ренненкамппъ часто обращался съ приказаніями прямо къ сотеннымъ командирамъ, помимо полковыхъ командировъ, а тѣ доносили ему непосредственно. Я думалъ, что въ данномъ случаѣ я долженъ былъ поступать такъ же, во избѣжаніе промедленія.

За выбытіемъ Энгельгардта, первую сотню принялъ ротмистръ Дроздовскій, прикомандированный къ нашему полку. Меликовъ вернулся поздно. Мы поужинали и собирались ложиться спать, какъ вдругъ явился Джандіери и объявилъ, что онъ отвелъ сторожевое охраненіе къ Сяосырю въ виду обхода непріятеля съ обоихъ фланговъ; онъ слышалъ свистки и видѣлъ на сопкахъ сигналы электрическими лампочками, вѣроятно, японскихъ патрулей и разъѣздовъ. Я спросилъ у сотенныхъ командировъ, что они думали о настоящемъ положеніи; они отвѣтили, что, не взирая на то, есть ли обходъ или нѣтъ, мы не могли оставаться на одной высотѣ съ сторожевыми постами, и слѣдовало немедленно отвести сотни назадъ. Я съ ними согласился и, пославъ командиру полка донесеніе князя Джандіери, приказалъ сѣдлатъ и готовиться къ выступленію.

Въ 11 ч. вечера командующій полкомъ подъѣхалъ къ намъ съ остальными сотнями и приказалъ отступать къ броду на Тайцзы-хэ, обозъ былъ отправленъ назадъ раньше, какъ только завязалась перестрѣлка.

Трухинъ сказалъ мнѣ, что онъ донесъ генералу о моемъ сообщеніи, что непріятель обходилъ насъ съ обоихъ фланговъ. Я былъ возмущенъ, такъ какъ ничего подобнаго я не писалъ: князь Джандіери, а не я доносилъ объ этомъ, а я только передалъ его донесеніе, безъ провѣрки, потому что послѣднимъ пред-

писаніемъ командующаго полкомъ мнѣ было указано на то, что я не долженъ былъ распоряжаться самостоятельно, а ждать его распоряженія. Я просилъ Трухина исправить эту неточность и передать генералу, но онъ отказался исполнить мою просьбу.

Мы уже подошли къ броду, когда было получено отъ генерала слѣдующее предписаніе: „Удивляюсь, кѣмъ и какимъ образомъ были обнаружены обходы и охваты, когда не было ни одного выстрѣла. Нерчинскій полкъ отвѣчаетъ за спокойствіе всего отряда“.

Мнѣ было очень обидно думать, что на основаніи донесенія Трухина генераль можетъ считать меня виновнымъ въ напрасномъ нарушеніи спокойствія отряда. Кн. Джандіери обязанъ былъ лично провѣрить показанія своихъ постовъ и развѣздовъ и отступить только тогда, когда болѣе держаться невозможно; это долженъ былъ требовать отъ него командующій полкомъ, тогда и полкъ остался бы на мѣстѣ и отрядъ не былъ встревоженъ. Было приказано слѣзть и оставаться на дорогѣ у брода до утра. Несмотря на довольно сильный дождь, мы улеглись на землю и заснули, проклиная безпокойныхъ начальниковъ сторожевого охраненія, выгнавшихъ насъ въ поле безъ уютныхъ фанзъ.

25 іюня. Въ 4 ч. утра всѣ были на ногахъ. Команд. полкомъ не зналъ, что дѣлать — оставаться ли на мѣстѣ или вернуться на прежнія стоянки, если неприятель это позволить.

Я проѣхалъ въ Сяосырѣ, чтобы умыться какъ слѣдуетъ. Наши сторожевые посты благоразумно провели ночь позади деревни и стояли тамъ до сихъ поръ, а между тѣмъ о японцахъ ни слуху ни духу. Всѣ обходы и охваты были только плодами нервно настроеннаго воображенія. Припомнились мнѣ слова предписанія ген. Ренненкампа: „Удивляюсь, кѣмъ и какимъ образомъ были обнаружены обходы и охваты, когда не было ни одного выстрѣла“.

Ординарецъ генерала, Гейзелеръ, привезъ намъ приказаніе переправиться назадъ черезъ Тай-цзы-хэ и расположиться въ двухъ деревняхъ на берегу рѣки. Я сталъ съ первымъ дивизіономъ противъ брода въ дер. Сія-сан-цзя-цзай, а команд. полка съ 4, 5, 6 сотнями занялъ деревню подальше. Генераль съ отрядомъ ушелъ въ Бенсиху.

Я получилъ отъ команд. полкомъ слѣдующее предписаніе: „Предписываю, распорядитесь сейчасъ же уничтожить всѣ перевозочныя средства въ деревнѣ, въ которой расположены 1-я и

2-я сотни. Это приказано сдѣлать начальникомъ дивизіи. В. ст. Трухинъ.“ А когда это приказаніе было исполнено, отъ Трухина я получилъ записку, что уничтожать перевозочныя средства не слѣдовало и что онъ полагаетъ, что я такъ понялъ его предписаніе. Я отвѣтилъ, что приказаніе было ясно и я уже его исполнилъ.

Вечеромъ офицеры собрались у команд. полк. для обсужденія мѣръ охраненія. Китайскіе лазутчики доносили, что на мѣстѣ нашего ночлега съ 23 на 24 іюня стоялъ теперь большой непріятельскій отрядъ пѣхоты, одинъ эскадронъ кавалеріи и 16 орудій.

Цѣлый день было пасмурно, прояснѣло только къ вечеру.

26 іюня. День солнечный. Я счелъ необходимымъ ознакомиться съ мѣстностью впереди и за нашимъ правымъ флангомъ; за лѣвымъ должны были объ этомъ позаботиться сотни, находившіяся при штабѣ полка. Я сдѣлалъ рекогносцировку и нанесъ на кроки мѣстность, прилегающую къ берегамъ Тай-цзы-хэ внизъ по теченію, а также изслѣдовалъ пути и тропы черезъ горы, по которымъ отрядъ могъ бы отойти назадъ, если бы путь отступленія на Гаолинцзы былъ бы намъ отрѣзанъ. Ознакомленіе съ мѣстностью—самая важная и неотложная задача военначальника, какъ для предупрежденія обходовъ непріятеля, такъ и для того, чтобы напасть на него съ фланга или тыла, когда обнаружится его наступленіе, не ограничиваясь одной пассивной обороной.

По новымъ показаніямъ лазутчиковъ, 400 человекъ японской пѣхоты стояло въ 7 верстахъ позади Сяосыря, выставивъ заставу у дер. Самяпу.

27 іюня. День солнечный, но не жаркій. По приказанію начальника дивизіи, доставленному летучей почтой, нашъ полкъ выступилъ въ половинѣ четвертаго утра и прослѣдовалъ по направленію къ Сыгоулину. У Самяпу отрядъ остановился, выславъ впередъ развѣзды. Баронъ Корфъ, отправившійся вчера вечеромъ на развѣдку, вернулся и доложилъ, что ночью онъ взобрался на высокую сопку у дер. Чичаю, чтобы высмотрѣть на разсвѣтѣ расположеніе непріятеля и выяснить, имѣлась ли у него артиллерія, какъ то показывали китайцы. Непріятеля нигдѣ не оказалось. Это подтвердилось также другими развѣздами. Мѣстные жители передали имъ, что японцы отошли, частью на Сыгоулинъ, частью направились горной дорогой къ Бенсиху. Мы вернулись домой.

28 іюня. Погода чудная. Обуховъ донесъ, что Цзянь-Чанъ занятъ японцами отъ 1500 до 2000 человекъ при трехъ орудіяхъ.

29 іюня. Послѣ десяти часовъ утра дѣлается жарко, но очень сносно. Взводъ подъ командою подѣсаула Филиппова былъ отправленъ на развѣдку по направленію къ Сыгоулину. Онъ доходилъ до мѣста боя 22 іюня. Крестъ надъ могилою убитаго казака стоялъ кверху ногами и на немъ была сдѣлана надпись по китайски: „здѣсь похоронена собака“. Кто это сдѣлалъ, японцы ли или китайцы — нельзя было узнать.

Есауль Аргунскаго полка Фусъ донесъ изъ Цзянь-Чана, что японцы отошли на югъ.

Пріѣхалъ изъ Мукдена подполковникъ Заботкинъ и привезъ полку подарки: самые цѣнные были сахаръ и коньякъ, по полубутылкѣ на офицера. По случаю именинъ генерала Ренненкампа вечеромъ играли трубачи и мы пили за его здоровье.

30 іюня. Хорошая погода продолжается; когда же наступятъ періодическіе дожди, которыми насъ такъ пугали?

Неизвѣстно откуда разнесся слухъ, что отрядъ генерала Ренненкампа понесъ жестокое пораженіе, что много убитыхъ и раненыхъ и между послѣдними самъ генералъ, котораго видѣли на носилкахъ. Конечно, такой слухъ мы хотѣли провѣрить, но это оказалось невозможнымъ: кто его распространилъ, откуда онъ появился — осталось тайной.

1 іюля. День ясный. Въ шесть часовъ утра Меликовъ ушелъ со своей сотней на развѣдку къ югу.

Въ 11 ч. утра я получилъ слѣдующее предписаніе: „Войсков. старш. Квитка 1 іюля 11 ч. пополудни № 228, отъ штаба полка. „Князь Меликовъ донесъ, что передовая его застава въ 8-ми верстахъ отъ Сяосыря встрѣтила противника, силою двѣ роты пѣхоты и одного эскадрона кавалеріи. Сейчасъ на поддержку отправляю пятую сотню, съ которою предлагаю отправиться и Вамъ и принять въ командованіе обѣ сотни. При чемъ, если окажется, что противникъ дѣйствительно будетъ насѣдать въ превосходныхъ силахъ, то задерживать его и отходить только подъ его напоромъ, давая мнѣ знать. Если же это только сильный разъѣздъ, — прогнать его и съ 5-й сотней вернуться обратно, а 2-ю сотню оставить для исполненія данной ей задачи“. — „Войсковой Старшина Трухинъ“.

Почти одновременно съ полученіемъ этого предписанія, 5-я

сотня, въ составѣ трехъ взводовъ, прибыла въ деревню, гдѣ я стоялъ и я отправился съ нею по назначенію.

Мы застали 2-ю сотню на позиціи въ лѣсу, за деревней Самяпу. Одинъ взводъ 5-й сотни сталъ лѣвѣе 2-й сотни, другой оставленъ при коноводахъ, а третьему взводу, подъ командою сотника Обухова, я приказалъ выѣхать для раскрытія непріятеля. Въ это время прискакалъ разъѣздъ 2-й сотни изъ пяти казаковъ и донесъ, что за нимъ гнались двадцать восемь чело-вѣкъ японской кавалеріи. Чтобы подпустить японцевъ подъ вы-стрѣлы нашей цѣпи, замаскированной въ лѣсу, я задержалъ отправкой Обухова и выставилъ постъ изъ пяти казаковъ 5-й сотни на кряжѣ, влѣво за рѣкой. Кряжъ этотъ выдвигался впе-редъ и съ южной стороны спускался крутымъ обрывомъ къ рѣкѣ и дорогѣ, идущей изъ Сыгоулина.

Непріятель долго не показывался, наконецъ завязалась пере-стрѣлка на нашемъ передовомъ посту. Съ нашей стороны стрѣ-ляли приказный Жуковъ и казаки Машуковъ и Каргинъ, двое оставалось коноводами. Послѣ нѣсколькихъ минутъ одинъ изъ стрѣлявшихъ казаковъ отошелъ къ коноводамъ, сѣлъ на лошадь и направился къ намъ, очевидно съ донесеніемъ, другіе два пере-мѣстились немного ниже и продолжали стрѣлять. Казакъ доносилъ, что впереди непріятельской колонны шелъ пѣшій авангардъ, ко-торый подошелъ подъ самый утесъ, гдѣ притаились казаки; не-много далѣе осторожно подвигался конный разъѣздъ при офи-церѣ, который былъ убитъ при перестрѣлкѣ. Казаки предполагали, что онъ былъ офицеръ, потому что у него былъ блестящій на-боръ и сапоги, вѣроятно, лакированные, отсвѣчивающіе на солнцѣ; кромѣ него было подбито три пѣхотинца и двѣ лошади (впо-слѣдствіи манзы подтвердили, что нами были убиты одинъ „капи-танъ“ и одинъ солдатъ, ранено два солдата и убито двѣ ло-шади).

По полученіи этого донесенія я приказалъ сотнику Обухову со взводомъ отправиться къ мѣсту, гдѣ лежали убитые, снять съ нихъ мундиры и вооруженіе, а съ лошадей сѣдла, для доста-вленія въ штабъ дивизіи, согласно приказанія генерала Реннен-кампфа, чтобы опредѣлить, къ какой части они принадлежали. Когда Обуховъ скрылся за дер. Самяпу, я послѣдовалъ за нимъ со вторымъ взводомъ 5-й сотни, подъ начальствомъ командира сотни есаула Шаншіева.

Впереди за горой раздалась оживленная перестрѣлка и въ

скоромъ времени Обуховъ вернулся назадъ. Его дозоры уже подходили къ убитымъ японцамъ, когда позади ихъ по взводу съ обѣихъ сторонъ сопокъ былъ открытъ огонь пачками. Кряжъ, на которомъ залегли японцы, спускался въ нашу сторону отвѣсной стѣной; атаковать ихъ съ нашими силами было невозможно и я отошелъ назадъ на позицію.

Бар. Корфъ, бывший съ заставой на сопкѣ на нашемъ правомъ флангѣ, чтобы слѣдить за движеніями противника и предупредить его обходъ справа, видѣлъ встрѣчу непріателемъ дозоровъ и разбѣзда Обухова; въ бинокль были замѣтны всѣ подробности дѣла: японцы, по своему обыкновенію, пропустили дозоры, чтобы нанести болѣе серьезныя потери крупной части, представлявшей къ тому же большую цѣль и открыли по ней огонь только тогда, когда взводъ съ ними поравнялся: они были построены въ двѣ шеренги, передняя стрѣляла съ колѣна, задняя—стоя.

Японцы не переходили въ наступленіе; но это еще не значило, что часть ихъ отряда не была направлена въ обходъ нашего лѣваго фланга къ Сяосырю, къ которому они могли подойти незамѣтно для насъ. Я не могъ себѣ простить, что въ бытность мою въ Сяосырѣ въ началѣ іюня я не изучилъ мѣстности въ этой сторонѣ, хотя не разъ объ этомъ говорилъ моимъ сотеннымъ командирамъ, но они относились неодобрительно ко всякой работѣ лошадей, такъ какъ тѣ были сильно изнурены предыдущими походами.

Посовѣтовавшись съ сотенными командирами, я рѣшилъ оставить для наблюденія за непріателемъ взводъ подъ командою бар. Корфа, а съ остальными частями отойти къ полку.

Я принялъ это рѣшеніе по слѣдующимъ соображеніямъ: мы могли выставить менѣе ста винтовокъ противъ двухъ ротъ пѣхоты, т. е. свыше пятисотъ ружей; задерживая непріателя съ фронта, мы не могли препятствовать его движенію къ Сяосырю обходнымъ путемъ. Вопреки предписанія командующ. полкомъ, написаннаго по шаблону, я оставилъ въ сторожевомъ охраненіи одинъ взводъ вмѣсто цѣлой сотни, потому что, по моему мнѣнію, въ бою надо использовать всѣ свои силы, не жалѣя даже и резервовъ; но для сторожевой службы расходъ не долженъ превышать дѣйствительной надобности, чтобы напрасно не изнурять людей и лошадей. Начальники, выставляющіе несоразмѣрное охраненіе, заботятся только о своей личной безопасности.

На обратномъ пути казакъ привезъ предписаніе ком. полка: „Чтобы навѣрно удержать за собою Сяосырь и лѣсъ, занятый нашей заставой, прикажите князю Меликову остаться тамъ. Такъ будетъ надежнѣе самое охраненіе. В. с. Трухинъ“.

2 іюля. День былъ сѣренькій. Японцы со вчерашняго дня не показывались, но когда былъ высланъ впередъ развѣздъ, онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами въ томъ же мѣстѣ, гдѣ вчера обстрѣляли Обухова. Китайцы говорили, что тамъ осталось двѣсти человекъ, а пятьсотъ отошли на три версты назадъ.

Передъ вечеромъ былъ отправленъ въ развѣдку ротм. Дроздовскій съ 1-й сотней; онъ вернулся въ девять часовъ вечера, не встрѣтивъ непріятеля, отошедшаго, по словамъ мѣстныхъ жителей, къ Сыгоулину.

Корфъ опять отправился съ Николаемъ на сопку, съ которой надѣялся подъ утро прослѣдить, не двигались ли его части по горной дорогѣ на Бенсиху; эта дорога отдѣлялась къ западу въ семи съ половиною верстахъ отъ Сяосыря, имѣя развѣтвленіе на Гоньгаузцы. По словамъ китайцевъ, японцы передвигались по этой дорогѣ къ западу небольшими отрядами въ пятьдесятъ, шестьдесятъ человекъ.

Въ нашей бригадѣ убыло изъ строя девятнадцать офицеровъ, убитыми, ранеными, плѣнными и заболѣвшими. Для несенія тяжелой развѣдочной службы осталось въ нашемъ полку только четыре младшихъ офицера, которымъ чуть ли не ежедневно приходилось выходить подъ выстрѣлы непріятеля, такъ какъ иначе нельзя было его обнаружить: японцы такъ осторожно себя охраняли и вмѣстѣ съ тѣмъ укрывались такъ тщательно, что наши дозоры и развѣзды проходили мимо ихъ расположенія, замѣтивъ присутствіе врага только тогда, когда на нихъ сыпался градъ пуль съ близкаго разстоянія.

Къ счастью, они стрѣляли плохо и причиняли намъ мало урона. Еще труднѣе были ночныя развѣдки, когда приходилось лезть на незнакомыя крутыя сопки, обыкновенно безъ проводниковъ, такъ какъ китайцы отказывались показывать дорогу изъ боязни мести японцевъ. Можно было ежеминутно ожидать, что наткнешься на притаившагося чуткаго врага; трескъ сломавшейся подъ ногами вѣтки, покотившійся камень, паденіе оступившагося, малѣйшій шорохъ могъ выдать развѣдчиковъ, а если удалось бы добраться благополучно до вершины, то опасность еще не миновала: предстояло на разсвѣтѣ вернуться незамѣчен-

нымъ къ своимъ. Несмотря на трудность и опасность этихъ развѣдокъ, офицеры свыклись съ необходимостью быть обстрѣляемыми для обнаруженія непріятеля и охотно вызывались идти на самыя рискованныя предпріятія. Но особеннымъ любителемъ ночныхъ развѣдокъ былъ бар. Корфъ, котораго товарищи спрашивали въ шутку: „Какъ же вы сегодня не ночуете на сопкахъ“?

Отъ полк. Россійскаго было получено извѣстіе, что во время рекогносцировки Фанзяпуцзы 30 іюня генераль Ренненкампфъ былъ раненъ въ ногу съ поврежденіемъ кости; убитъ шт.-ротм. Цедербергъ, тяжело раненъ въ животъ есаулъ Власовъ, командиръ 2-й сотни 2-го Аргунскаго полка (онъ скоро умеръ), легко раненъ подьес. Поповицкій; пятнадцать казаковъ ранено, а сколько было убито—не сказано. И такъ, разнесшійся 30 іюня слухъ оказался справедливымъ, но тѣмъ болѣе странно, что мы объ этомъ узнали съ такой быстротой изъ таинственнаго источника.

3 іюля. Я считалъ, что въ военное время офицеры не могутъ отлучаться отъ своихъ частей иначе, какъ по служебнымъ дѣламъ или для поправленія здоровья, поэтому я не смѣлъ и думать о возможности повидаться съ моей женой, прибывшей въ Манчжурію уже съ мѣсяцъ сестрою милосердія въ санитарномъ поѣздѣ Императрицы Александры Феодоровны. Письма терялись или недѣлями валялись на этапахъ и въ канцеляріяхъ, пока не попадали на глаза кого-нибудь, случайно знающаго адресата, который самъ уже доставлялъ или посылалъ ихъ дальше по назначенію. Телеграфа у насъ не было и телеграммы посылались въ конвертѣ съ платою за отправку по летучей почтѣ на имя знакомаго на одной изъ станцій желѣзн. дор. Когда поѣздъ, гдѣ была жена, приходилъ въ Ляоянь, вѣсти отъ нея я могъ бы получить въ однѣ—двое сутокъ, а между тѣмъ ея письма шли до меня около трехъ недѣль и столько же, если не больше, требовалось на доставку моихъ. Я воспользовался отправляемыми Заботкинымъ выюками въ Ляоянь за провизіей, чтобы послать съ ними Пепино для личной передачи женѣ свѣдѣній обо мнѣ и доставки мнѣ свѣжихъ вѣстей отъ нея.

Вернулся съ развѣдки бар. Корфъ; онъ непріятеля не видѣлъ; китайцы говорили, что онъ отошелъ къ Сыгоулину. Это выходило въ родѣ кадрили: мы дѣлали фигуру, выступали впередъ,—они отходили; потомъ это продѣлывалось въ обратномъ напра-

вленіи; разница только въ томъ, что съ каждой стороны изъ кадрили выбывало нѣсколько кавалеровъ.

Генераль Любавинъ со 2-мъ Аргунскимъ полкомъ прибылъ къ мѣсту нашего расположенія и приказалъ нашему полку, въ составѣ пяти сотенъ, идти на югъ и стать бивакомъ въ десяти верстахъ впереди Сяосыря. Онъ самъ долженъ былъ слѣдовать за нами съ аргунцами и нашей 3-й сотней. Ожидалось одновременно наступленіе восточнаго отряда на Лян-шан-гуань, отряда генерала Гершельмана, въ составѣ шести баталіоновъ и четырехъ скорострѣльныхъ батарей, изъ Сихеяна на Фанцзяпучзы и отряда изъ Бенсиху.

Мы выступили въ шесть часовъ вечера. Предполагая, что до мѣста, назначеннаго намъ для бивака, мы дойдемъ безостановочно, я предложилъ ротмистру Дроздовскому послать разъѣздъ съ урядникомъ Матвѣевымъ по дорогѣ, уходящей влѣво за Сяосыремъ, которая, по имѣющимся свѣдѣніямъ, соединялась съ главной дорогой на Сыгоулинъ, немного далѣе того мѣста, гдѣ мы имѣли перестрѣлку 1 іюля. Я считалъ важнымъ ознакомиться съ нею, потому что она могла быть намъ полезна, какъ при наступательномъ движеніи, такъ и при отступленіи, для предупрежденія обхода нашего лѣваго фланга.

Неожиданно для насъ команд. полкомъ остановилъ отрядъ и приказалъ стать бивакомъ на высотѣ за лѣсомъ у дер. Самяпу.

Дроздовскій безпокоился, что разъѣздъ Матвѣева, не встрѣтивъ насъ, пройдетъ дальше и можетъ нарваться на непріятеля. Я слышалъ стороною сужденія другого сотеннаго командира, строго критиковавшаго отправку мною разъѣзда, называя ее преступною прихотью. Характерные взгляды двухъ наиболѣе способныхъ сотенныхъ командировъ: одинъ находилъ, что опасно посылать разъѣздъ, который можетъ встрѣтиться неожиданно съ непріателемъ и быть имъ захваченъ или уничтоженъ; другой — называлъ преступною прихотью требованія изслѣдовать незнакомую дорогу для военныхъ цѣлей.

До нашего выступленія я послалъ письмо генералу Ренненкампу съ выраженіями пожеланія офицеровъ полка о скорѣйшемъ его выздоровленіи и возвращеніи въ отрядъ.

4 іюля. Погода ясная, не жарко. Мы выступили рано, прошли черезъ двѣ деревни, миновали дорогу, идущую на Бенсиху и остановились въ десяти верстахъ отъ Сяосыря, какъ намъ было приказано. Сотни стали бивакомъ на полянѣ съ рѣдкими

порослями деревьевъ, около небольшого селенія съ полуразрушенными фанзами.

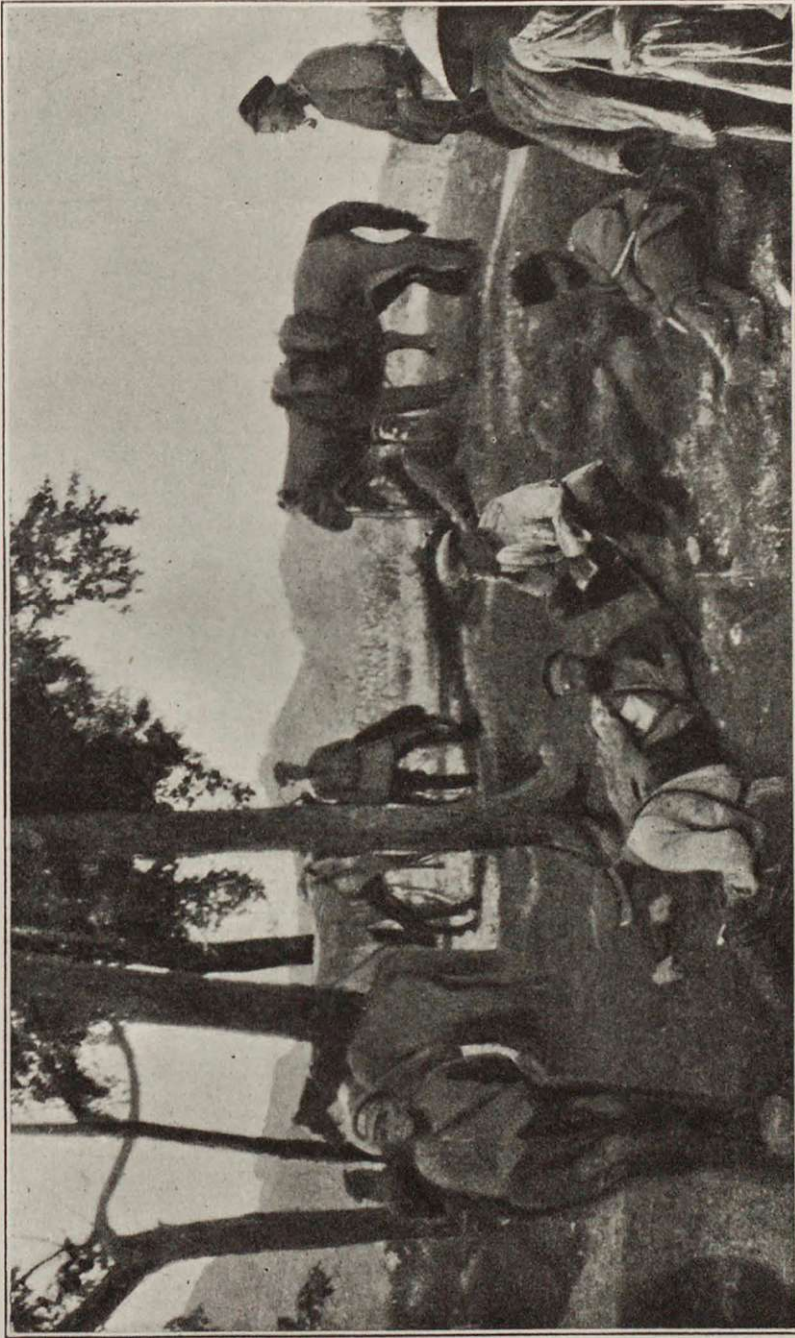
Въ трехъ верстахъ позади насъ отдѣлялись въ обѣ стороны ущелья, по которымъ непріятель могъ бы выйти намъ въ тылъ; тамъ имѣлась хорошая стрѣлковая позиція; тамъ былъ фуражъ; остановились мы здѣсь, потому что было предписано отойти на десять верстъ отъ Сяосыря, а тамъ было только семь. Незачѣмъ связывать дѣйствія начальника отдѣльнаго отряда излишними подробностями, но было бы вполне разумно не придерживаться слишкомъ точно исполненія подобныхъ требованій, вызванныхъ только заученными формами, какъ напр.: „Отступать подъ натискомъ противника“; эта формула вошла какъ шаблонъ во всѣ штабы и канцеляріи и употреблялась безъ всякаго разбора — нужно ли дѣйствительно отступать съ боемъ или скорѣе присоединиться къ своей части, не неся напрасныхъ потерь. Выставлено сторожевое охраненіе и посланъ къ Сыгоулину разъѣздъ.

Мы расположились подъ деревьями на пахучей травѣ. Вѣстовые развѣсили мой сѣтчатый пологъ между вѣтвями съ густой листвою и я могъ отдыхать въ тѣни необезпокоенный мухами.

5 іюля. Ночь была теплая; но подъ утро стало прохладно. Въ передовомъ охраненіи, въ ночь съ 4 на 5 іюля, находилась 1-я сотня. Въ десять часовъ утра было получено донесеніе о появленіи по дорогѣ изъ Сыгоулина коннаго непріятельскаго разъѣзда въ двѣнадцать всадниковъ; предупрежденный вѣроятно мѣстными жителями о присутствіи казаковъ, онъ остановился, поджидая слѣдовавшихъ за нимъ пѣхотныхъ частей. Черезъ часъ разъѣздъ опять двинулся впередъ, но, встрѣченный залпомъ устроенной урядникомъ Брагинымъ засады, поспѣшно отступилъ, потерявъ одного человѣка раненымъ. Въ это время подошла 6-я сотня для смѣны первой; не успѣла она разставить сторожевые посты, какъ японцы снова перешли въ наступленіе: двѣ роты пѣхоты взобрались на сопки и стали подвигаться впередъ, стрѣляя по казакамъ, которые были вынуждены отступать. Изъ ущелья показалась голова колонны, силою около двухъ баталіоновъ.

При первыхъ выстрѣлахъ на передовыхъ постахъ отряду было приказано сѣдлать; а когда было получено донесеніе кн. Джандіери о наступленіи крупныхъ непріятельскихъ силъ, командиръ полка отвелъ полкъ на позиціи за дер. Самяпу.

Въ четыре часа пополудни командиръ 6-й сотни донесъ, что непріятель сталъ бивакомъ и впередъ не подвигается.

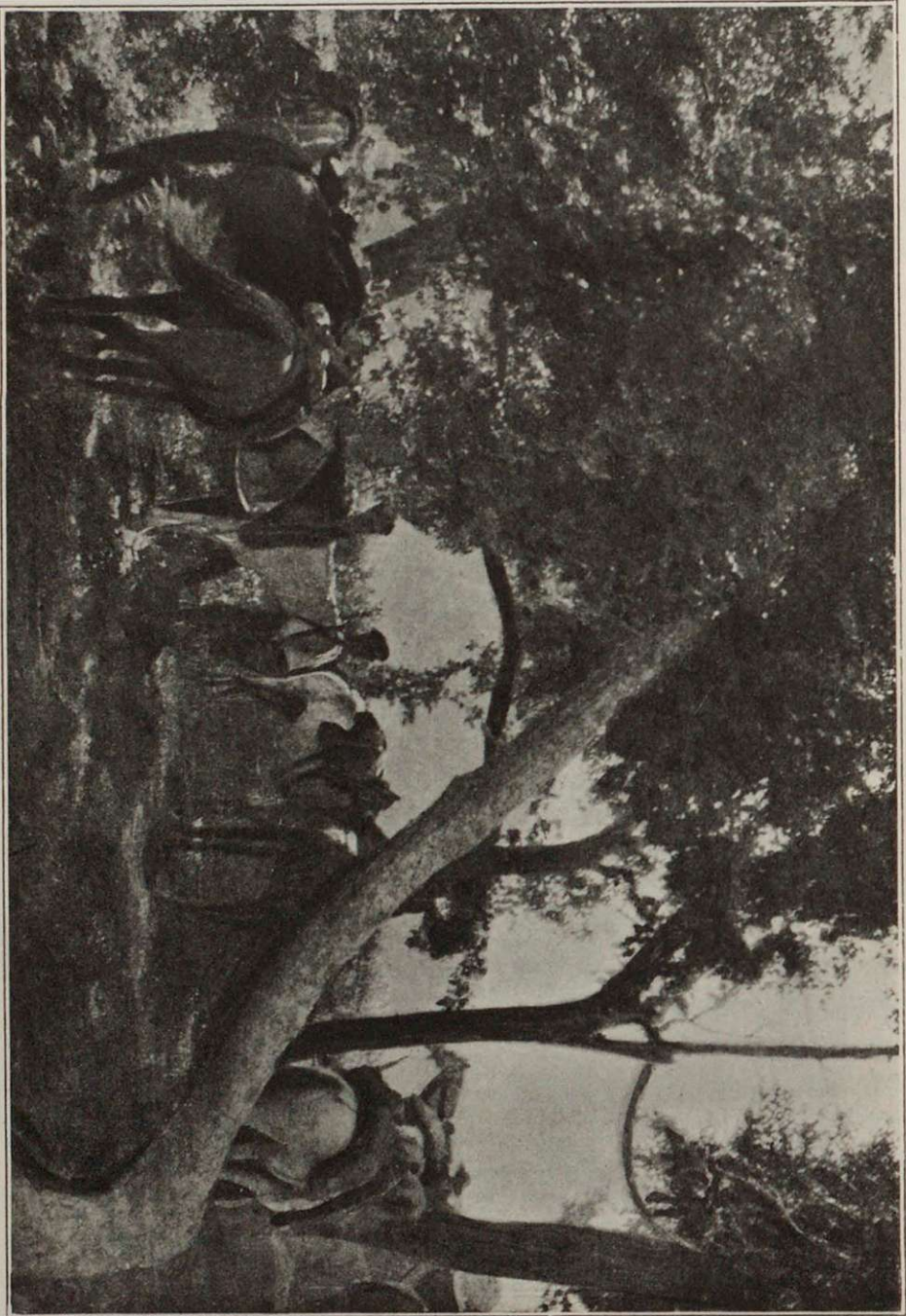

79. Ждутъ донесеній съ передовыхъ позицій.

Я поѣхалъ въ дер. Сан-цзя-дань доложить генералу Любавину о положеніи дѣла. Отъ него я получилъ приказаніе оставаться до слѣдующаго дня на занятой позиціи и если непріятель

не перейдетъ въ наступленіе до того времени, то оставить у Самяпу одну сотню, а отряду вернуться въ Сяосырѣ.

80. „Впередъ залпуютъ.“

Я вернулся на бивакъ засвѣтло. Офицеры расположились на горной площадкѣ около лѣса. Были разложены бурки; Мели-

ковъ угощалъ насъ горячимъ ужиномъ, приготовленнымъ Николаемъ въ укромномъ мѣстѣ, откуда наши огни не могли быть замѣчены непріателемъ.

Тонкій серпъ молодого мѣсяца свѣтилъ на фонѣ золотисто-зеленаго неба, переходящаго къ зениту въ пурпурно-фіолетовый. Ночь была теплая, тихая и наводила на пріятныя мысли.

Случайныя совпаденія укрѣпили во мнѣ предразсудокъ, — что видѣть въ первый разъ молодой мѣсяцъ съ правой стороны приносило счастье и — наоборотъ. Сегодня вечеромъ, лежа на буркѣ передъ сномъ, я вдругъ увидѣлъ справа привѣтливый обликъ луннаго серпа, и меня это порадовало, какъ счастливое предзнаменованіе. Настоящее исчезло, чтобы дать мѣсто пріятнымъ грезамъ.

6 іюля. Въ половинѣ пятаго я былъ разбуженъ ружейными залпами; стрѣляла наша передовая застава по наступающему непріателю. Войск. старш. Трухинъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что пора вставать. Дѣйствительно, бой разгорался. Вѣстовой принесъ мнѣ чаю. Солнце начинало пригрѣвать; красиво выглядывалъ лѣсокъ на косогорѣ съ окружавшими его зелеными сопками, но не было больше вчерашняго настроенія; вѣстовые поспѣшно убрали разбросанное офицерское имущество; казаки уже заняли опушку лѣса, осматривъ внимательно винтовки и патронныя сумки; коноводы отходили въ котловину за лѣсомъ.

Для боя сотни расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: 6-я сотня была въ охраненіи, 5-я сотня заняла лѣвый флангъ позиціи. На утесѣ, откуда 1 іюля такъ удачно стрѣляли Жуковъ, Каргинъ и Машуковъ, расположился бар. Корфъ со взводомъ 2-й сотни, которая стала правѣе 5-й въ лѣсу. Въ другомъ лѣсу, отдѣлявшемся отъ перваго открытой площадкой, размѣстилась 1-я сотня и при ней командующій полкомъ.

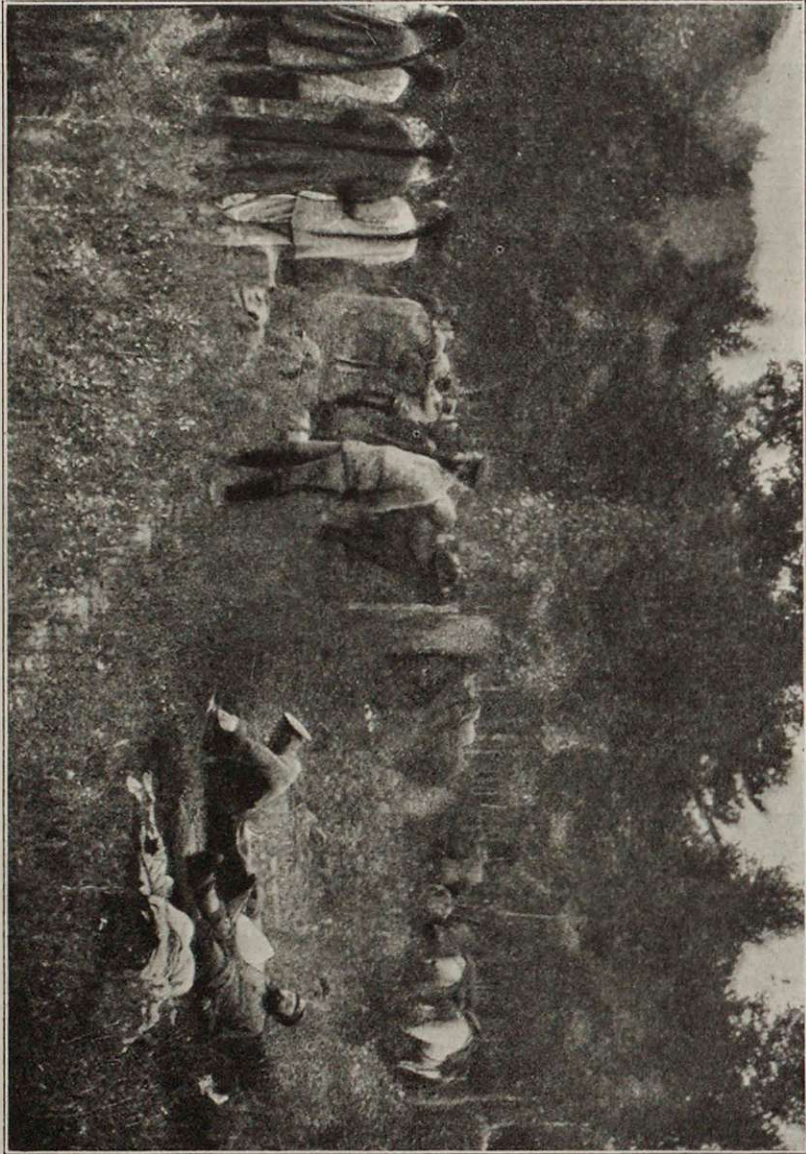
Я передалъ ротмистру Дроздовскому, которому мѣстность не была знакома, что было необходимо занять взводомъ при офицерѣ вершину сопки справа для предупрежденія обхода нашего праваго фланга. Онъ это поручилъ подъесаулу Черкесову.

Тѣмъ временемъ 6-я сотня, подъ натискомъ наступавшаго противника, отошла назадъ и заняла утесъ, гдѣ находился уже бар. Корфъ. Тамъ распорядился подполковникъ Заботкинъ. Въ 6-й сотнѣ уже были раненые и одинъ убитый казакъ былъ, къ сожалѣнію, оставленъ неподобранымъ.

Густыя цѣпи непріателя появились на сопкахъ противъ на-

шей позиціи. 5-я, 2-я и 1-я сотни открыли огонь залпами по командѣ своихъ сотенныхъ командировъ. Японцы поднялись за кряжъ и продолжали движеніе впередъ къ нашему правому флангу. Я зналъ, что Черкесовъ съ вершины сопки не допуститъ

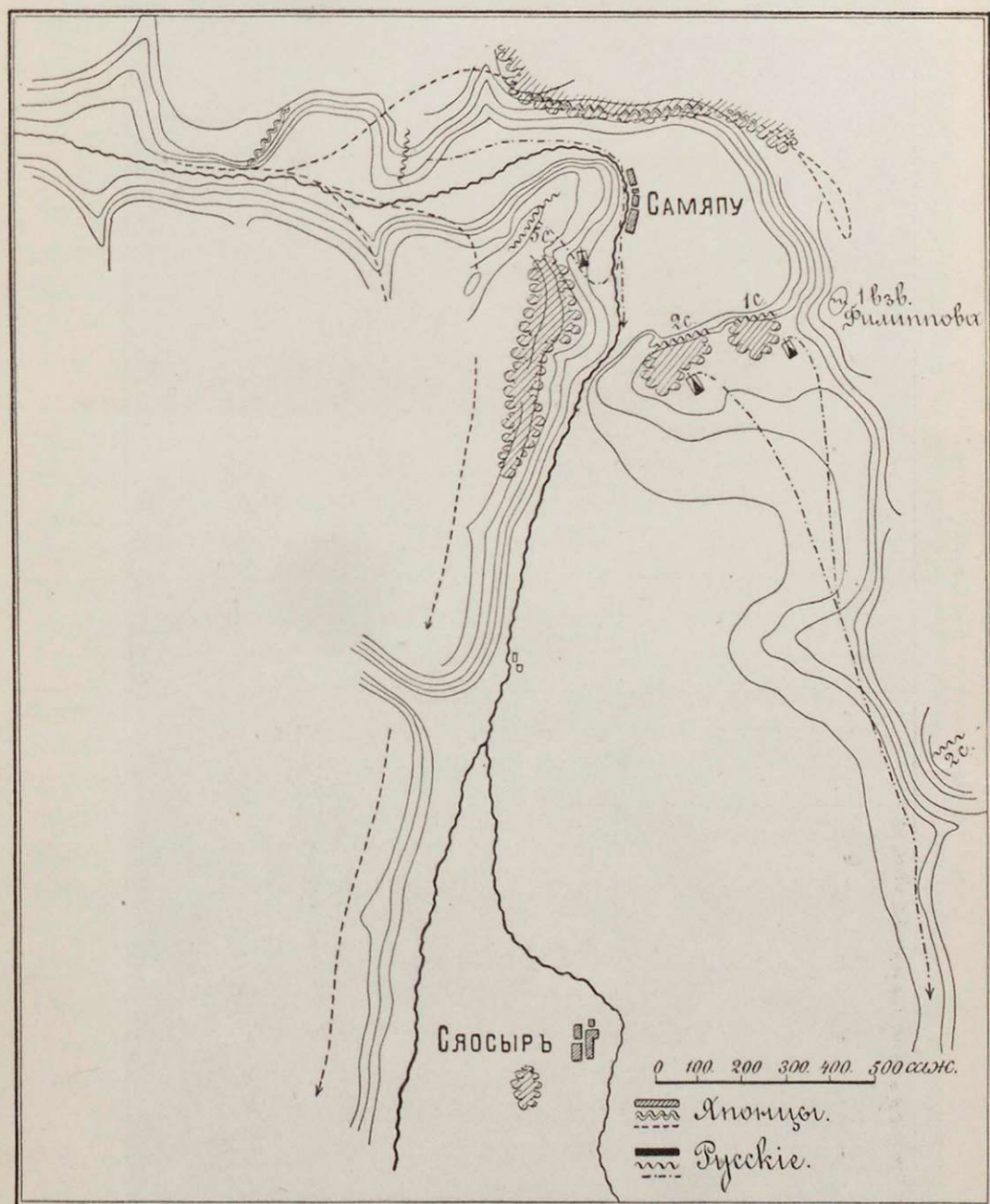
81. Тревожное пробужденіе.

обхода; но меня беспокоилъ нашъ лѣвый флангъ, такъ какъ изъ донесенія урядника Матвѣева, посланнаго мною 3 іюля для изслѣдованія пути влѣво отъ Сяосыря, было извѣстно, что черезъ сопки существуетъ дорога, по которой непріятель могъ

свободно обойти нашъ лѣвый флангъ и выйти къ Сяосырю незамѣченнымъ.

Не получивъ опредѣленнаго назначенія, я наблюдать за ходомъ

82. Дѣло 2-го Нерчинскаго казачьяго полка 6-го іюля 1904 г. подъ Сяосыремъ отряда ген.-маіора Любавина.

боя, стоя за деревомъ на открытой площадкѣ. Надо было что-нибудь предпринять, чтобы обезпечить нашъ лѣвый флангъ отъ обхода. Я направился въ 1-ю сотню къ командиру полка. Въ

это время изъ-за лѣса подъѣхалъ ко мнѣ верхомъ Заботкинъ. Пока я стоялъ одинъ, на меня японцы обращали мало вниманія;

83. Шт.-трубачъ Дементьевъ съ моей лошадью „Али“.

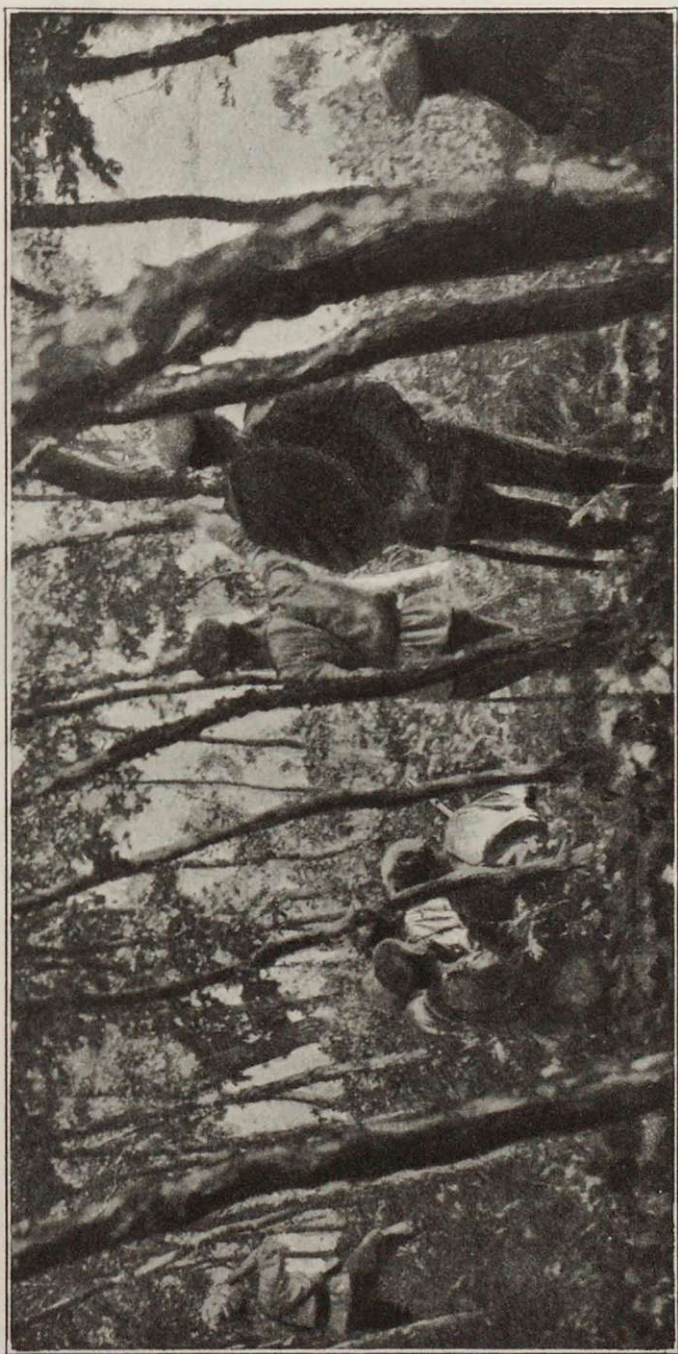

но подъѣхавшій всадникъ ихъ, видимо, заинтересовалъ: пули стали роиться кругомъ и бороздить землю около насъ; мы укрылись въ лѣсу.

Войск. старш. Трухинъ сидѣлъ подѣ деревомъ и любовался олимпійскимъ спокойствіемъ Дроздовскаго, послѣ каждаго залпа говорившаго казакамъ: „Правильно!“ Здѣсь же лежалъ Черкесовъ и спалъ сномъ безмятежнымъ, въ то время какъ я думалъ, что онъ съ вершины сопки готовится дать отпоръ коварному врагу. „Кто же тамъ на сопкѣ?“ — спросилъ я Дроздовскаго. — „Еще никого нѣтъ; я пошлю туда Филиппова“.

Я высказалъ команд. полка мои опасенія относительно лѣваго фланга и предложилъ просить генерала Любавина, чтобы онъ выслалъ влѣво отъ Сяосыря оставшуюся при немъ 3-ю сотню.

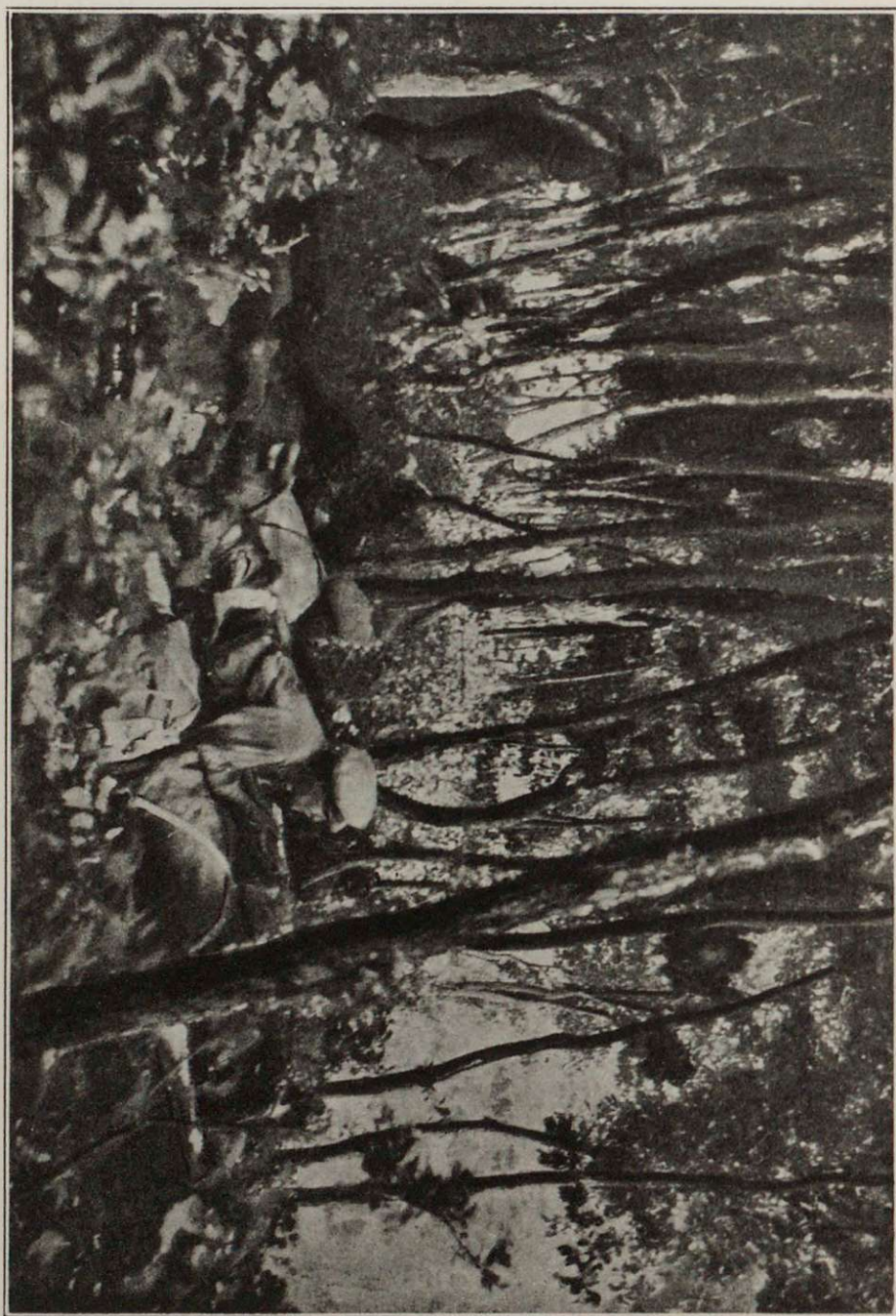
Здѣсь были всѣ такъ самоувѣренны: сотня отчеканивала залпы не хуже пѣхоты; огонь противника какъ будто слабѣлъ, и вдругъ сюда пришелъ непрошенный гость и надобѣдалъ всѣмъ своими опасеніями обхода. Такіе

84. Японцы наступаютъ!

храбрецы, какъ Ренненкампфъ и Мищенко не позволяли даже произносить этого слова.

85. «Пальба зашлами, прицѣль на іюо шаговъ!»

А я зналъ, что тогда-то и надо было ожидать худшаго, когда огонь непріятеля стихалъ: это всегда означало, что онъ пере-

мѣщался на другую, болѣе выгодную позицію или заходилъ намъ во флангъ. Я не ошибался: Филипповъ, быстро взобравшійся со своимъ взводомъ на сопку, какъ только получилъ приказаніе, уже открылъ огонь, сперва залпами, потомъ пачками; значить, непріятель уже туда подоспѣлъ, и если бы мы немного запоздали, то вершина была бы уже занята японцами. Тогда намъ оставалось бы или выбивать ихъ оттуда, съ большими потерями для насъ, или поспѣшно отступать подъ разстрѣломъ противника. Молодецъ Филипповъ отлично работалъ и отбилъ наступленіе японцевъ; они отошли назадъ и болѣе не пытались угрожать нашему правому флангу.

Но вотъ, по распоряженію Заботкина, прибыла съ лѣваго фланга 6-я сотня. Мнѣ не было понятно, зачѣмъ было сдѣлано это перемѣщеніе; потомъ оказалось, что она отошла оттого, что непріятель получилъ подкрѣпленія. Бар. Корфу было тоже приказано отойти и тамъ остался только одинъ взводъ 5-й сотни подъ командою вахмистра Каюкова. Японцы полѣзли на сопку и Каюковъ былъ вынужденъ покинуть гребень утеса, который вскорѣ былъ занятъ японцами.

О томъ, что происходило на лѣвомъ флангѣ, командиру полка не было извѣстно; онъ продолжалъ оставаться при первой сотнѣ, гдѣ все шло, какъ по писанному. Тогда только поняли, что намъ угрожало, когда на гребнѣ утеса показались японцы и стали оттуда громить наши 5-ю и 2-ю сотни, а также коноводовъ, почему-то собравшихся въ одну кучу, за нашимъ лѣвымъ флангомъ; кто ими распоряжался — не было извѣстно.

Неожиданностей въ бою не должно быть, а для этого не надо бояться предвидѣть даже непріятные сюрпризы.

Какъ только непріятель сталъ разстрѣливать коноводовъ, они бросились на утекъ, выпустивъ изъ рукъ много лошадей. Николай съ нѣсколькими казаками ловилъ ихъ десятками.

Держаться было невозможно; 2-я и 5-я сотни стали уходить подъ выстрѣлами съ близкой дистанціи по совершенно открытой мѣстности.

На правомъ флангѣ, вслѣдствіе отдаленности отъ занятыхъ непріателемъ сопокъ, было сравнительно безопасно, но и тамъ держаться долго не было бы возможно. Отступила прежде 6-я сотня, за нею 1-я. Отступление происходило кучками и одиночными людьми пѣшкомъ, такъ какъ коноводы ускакали версты на двѣ назадъ.

Команд. полка былъ, кажется, удивленъ, что дѣло приняло неожиданно такой неблагоприятный оборотъ; ему говорили, что все идетъ превосходно и что лучшаго нельзя было желать, и вдругъ картина измѣнилась: вмѣсто торжества побѣды, пришлось безславно удирать, подгоняемымъ пулями. Благодаря Филиппову, отбившему обходъ нашего праваго фланга, намъ удалось уйти съ сравнительно небольшими потерями.

Мы все еще были подъ выстрѣлами, когда коноводы стали подводить коней.

Князь Меликовъ самостоятельно занялъ позицію на одной сопкѣ на высотѣ Сяосыря для прикрытія отступленія, но онъ тамъ долго держаться не могъ, потому что японцы, подвигаясь впередъ, обстрѣливали спускъ и путь отступленія съ этой позиціи.

Чтобы обезпечить свободную переправу черезъ Тай-цзы-хэ, кн. Джандіери было приказано занять вершину высокой сопки у Тай-цзы-хэ.

Мы отступали рысью узкой тропинкой подъ горами, а съ той стороны долины японцы перебѣгали съ сопки на сопку и безостановочно стрѣляли намъ въ догонку.

У небольшой деревушки, недалеко отъ брода, насъ встрѣтилъ генераль Любавинъ и полк. Россійскій со 2-мъ Аргунскимъ полкомъ. Начальникъ штаба дивизіи находилъ, что мы слишкомъ рано оставили свою позицію и что 2-я сотня не должна была бросать занятой ею при отступленіи сопки. Неопровержимымъ доказательствомъ, что мы ушли не слишкомъ рано, было то, что мы потеряли шестьдесятъ лошадей убитыхъ у коноводовъ, т. е. въ тылу; что же касается до 2-й сотни, то она не получала никакого распоряженія и дѣйствовала по инициативѣ своего командира теперь, какъ и во время боя. Вообще общаго руководства не было, и если не было болѣе крупныхъ ошибокъ, то это только потому, что сотенные командиры, въ особенности Меликовъ и Дроздовскій, знали свое дѣло и дѣйствовали въ унисонъ. Были ошибки и недочеты въ этомъ дѣлѣ, но несомнѣнно, что всѣ исполнили свой долгъ вполнѣ добросовѣстно; поэтому было странно слышать только одно порицаніе, когда мы заслужили похвалы.

Критика несомнѣнно необходима, но она должна быть справедливой и выражаться спокойно, когда всѣ обстоятельства дѣла извѣстны и можно себѣ отдать ясный отчетъ о происшедшихъ событіяхъ. У многихъ офицеровъ генеральнаго штаба суще-

ствуешь замашка относиться недоверчиво къ показаніямъ строевыхъ офицеровъ и рѣшать, безъ особаго основанія, что они дѣйствовали недостаточно смѣло или добросовѣстно.

Въ настоящемъ дѣлѣ, если было основаніе кого-нибудь винить, то скорѣе самого начальника штаба, слыхавшаго ожесточенную пальбу въ пяти верстахъ впереди и не посылавшаго подкрѣпленія. Весьма возможно, что высланная своевременно поддержка, обращенная на лѣвый флангъ, могла бы измѣнить ходъ боя, и мы удержали бы позицію, нанеся большой уронъ противнику. Казаки и офицеры нашей 3-й сотни и Аргунскаго полка прислушивались къ тому, что у насъ происходило, и волновались, почему ихъ не посылаютъ къ намъ на выручку; они говорили, что имъ было жутко слышать непрерывный громъ выстрѣловъ, слившійся въ одинъ сплошной гулъ и длившійся болѣе четырехъ съ половиною часовъ. А въ это время штабъ ничего не предпринималъ, ожидая нашихъ донесеній.

Генераль Любавинъ и полк. Россійскій остановились подъ деревомъ у деревушки, гдѣ мы съ ними встрѣтились и наблюдали за непріателемъ, продолжавшимъ наступленіе по сопкамъ съ лѣвой стороны долины: онъ уже миновалъ Сяосыръ и направлялся ко второму броду на Тай-цзы-хэ, противъ дер. Сан-цзя-дай, гдѣ стоялъ штабъ нашего полка. Чтобы задержать непріателя, была послана наметомъ 5-я Нерчинская сотня, а за нею слѣдомъ 2-й Аргунскій полкъ и прибывшая вчера пѣшая сотня подъ командою подьесаула Суботина.

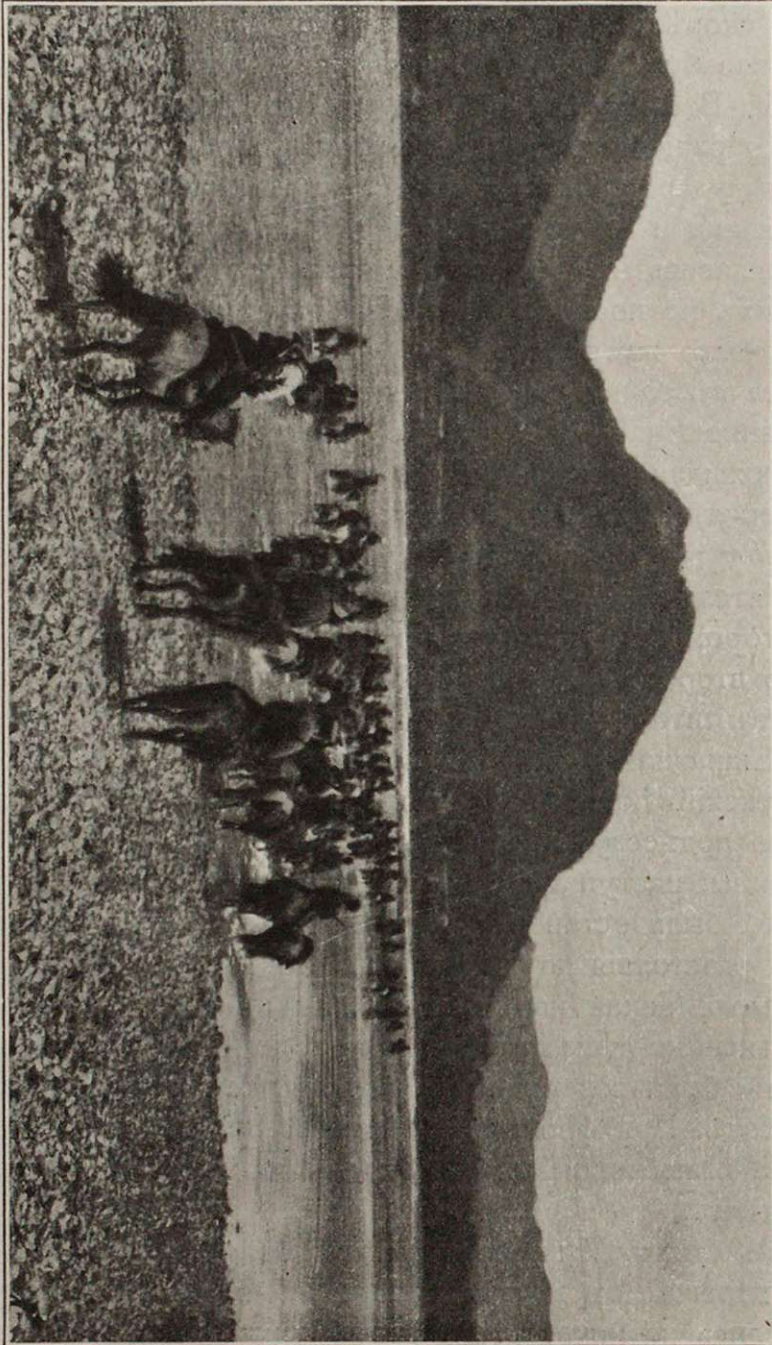
Японцы, наступавшіе нестройной колонной, силою до одного баталіона, были остановлены нѣсколькими залпами нашихъ сотенъ, съ разстоянія двухъ тысячъ шаговъ, и безпорядочно отошли къ Сяосырю. Такая нерѣшительность съ ихъ стороны можетъ быть объяснима тѣмъ, что мѣстность, по которой имъ предстояло наступать, была совершенно открытая, тогда какъ казаки занимали лѣсокъ. При фронтальной атакѣ они понесли бы громадныя потери, а излюбленный ими обходъ могъ быть произведенъ только за укрытіемъ.

Огонь стихъ. Мы переправились обратно за Тай-цзы-хэ и отошли до деревни, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ рѣки, гдѣ остановились на ночлегъ. Въ этотъ день непріатель насъ болѣе не тревожилъ.

7 іюля. Мы продолжали отступать. На первомъ перевалѣ, гдѣ стоялъ постъ летучей почты, былъ виденъ японскій разъѣздъ.

Нашъ полкъ остановился не далеко отъ д. Гаолинцзы. Не успѣли мы пообѣдать, какъ было получено приказаніе немедленно выступить и отходить назадъ.

86. Переправа послѣ боя.

На скрещеніи дорогъ у д. Гаолинцзы мы застали на коняхъ генерала Любавина съ отрядомъ и вьючнымъ обозомъ. Мы шли

на Бенсиху. 6-я нерчинская сотня выступила раньше для изслѣдованія пути и развѣдки непріятеля, который, говорятъ, переправился мелкими частями на правый берегъ Тай-цзы-хэ.

Въ головѣ нашей колонны шла въ авангардѣ 1-я сотня, потомъ 4-я, вьючный обозъ и за нимъ 2-я сотня. Команд. полк. и я поѣхали впереди 2-й сотни, вмѣстѣ съ кн. Меликовымъ и бар. Корфомъ. 5-я сотня была оставлена въ Гаолинцзы для наблюденія за непріятелемъ, и если бы онъ ее потѣснилъ, то она должна была отступать по дорогѣ на Мукденъ.

Начинало смеркаться, когда, послѣ второго перевала, мы подошли къ Тай-цзы-хэ, противъ д. Мицзы. Здѣсь намъ было объявлено, что непріятель близко, на томъ берегу. Такъ какъ предстояло фланговое движеніе вдоль рѣки, то мы должны были принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы не быть замѣченными: запрещено говорить, курить, сѣрыя лошади были переведены на правую сторону колонны, чтобы ихъ заслоняли лошади темныхъ мастей. Пройдя по долинѣ, какъ тѣни, версты три, мы свернули вправо въ узкое ущелье и, по одному, стали подниматься горной тропой надъ шумящимъ ручьемъ.

Авангардъ шелъ осторожно, безпрестанно останавливаясь, и приходилъ снова въ движеніе, когда высланные впередъ дозоры доносили, что путь свободенъ и непріятель не былъ замѣченъ. Эти предосторожности были вызваны донесеніемъ князя Джандіери, что переваль заняты японцами.

Поднимались мы такимъ образомъ очень долго; было одиннадцать часовъ вечера, когда мы добрались до вершины перевала. Спускъ внизъ былъ крутой, мѣстами лошади прямо сползали. Ночь была такая темная, что я рѣшительно ничего не видѣлъ. Казалось, что мы спускались въ темную бездну, которой не было конца. Крупъ сѣрой лошади ѣхавшаго впереди меня штабъ-трубача Дементьева служилъ мнѣ путеводной звѣздой и когда она скрывалась, я гналъ внизъ свою лошадь, несмотря на крутизну, чтобы не отстать и не потерять ее.

Наконецъ мы вышли на ровное мѣсто; мнѣ казалось, что здѣсь стало еще темнѣе. Я понялъ, что мы вошли въ деревню, потому что по сторонамъ были темные облики, вѣроятно, огорожи и стѣны построекъ. Вдругъ мимо меня проскочило обратно нѣсколько всадниковъ, за ними другіе уже тѣснились и прижали меня къ стѣнѣ, ни одного голоса не раздавалось, былъ слышенъ только топотъ лошадей и шумъ отъ толчковъ и тренія двига-

вшейся въ тѣснинѣ человѣческой массы. Дементьевъ схватилъ поводъ моей лошади, повернулъ ее тоже назадъ и шепнулъ мнѣ на ухо: „японцы“. Все это было такъ неожиданно, что я въ первую минуту не могъ понять, что происходило вокругъ меня: были ли японцы, тѣ всадники, которые меня тѣснили, или казаки, бѣжавшіе отъ нихъ. Я спросилъ Дементьева—„гдѣ же японцы“, но онъ не успѣлъ мнѣ отвѣтить, какъ послышался голосъ команд. полк.,—какая идетъ сотня“. Казаки немного успокоились и стали спрашивать, что случилось. Оказалось, что казаки 4-й сотни, бѣжавшіе съ летучей почты, крикнули почему-то „назадъ“, обозные вообразили, что на насъ напали японцы, и пошла суматоха.

На голосъ команд. полк. собрались Меликовъ, Корфъ и я; никто не зналъ что дѣлать. Николай вызвался идти на развѣдку. Переводчикъ Меликова, кореецъ Сергѣй, спросилъ у китайца—гдѣ русскіе, китаецъ показалъ назадъ на горы, „а гдѣ японцы“—тотъ показалъ въ обратную сторону, т. е. за рѣку, такъ какъ мы вышли опять на берегъ Тай-цзы-хэ. Меликовъ понялъ, что отрядъ ушелъ назадъ черезъ горы и хотѣлъ повернуть туда обозъ. Я могъ разсуждать только какъ слѣпой и мнѣ казалось, что если нельзя узнать, гдѣ дѣйствительно отрядъ, то лучше было бы остановиться у этой деревни и ждать разсвѣта.

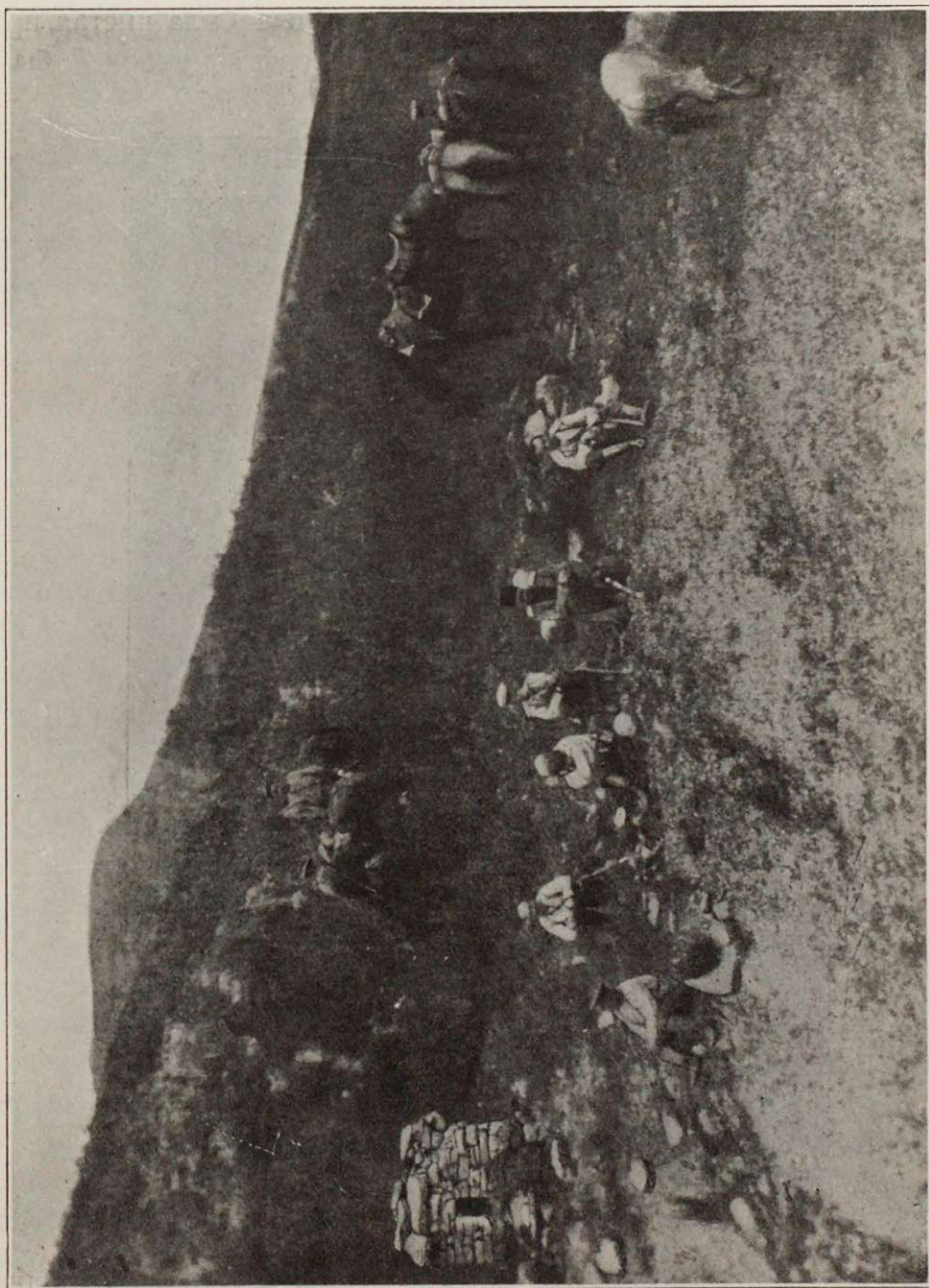
Насъ выручилъ сотникъ Деревницкій, прибывшій съ разѣздомъ отъ 4-й сотни; онъ передалъ намъ, что отрядъ находился въ четырехъ верстахъ впереди и предложилъ намъ слѣдовать за нимъ. Мы шли съ тѣми же предосторожностями какъ и раньше. Черезъ рѣку были видны непріятельскіе огни и сигнализациа фонарями, но насъ не замѣчали или не хотѣли замѣтить.

Мы прошли мимо бивака двухъ ротъ Стрѣтенскаго полка и вошли въ деревню, занятую аргунцами и нашими сотнями, шедшими впереди обоза. Всѣ фанзы были полны; нашлась только одна свободная (простая, какъ говорятъ казаки), но она такъ воняла отъ бродящихъ въ большихъ чанахъ китайскихъ заготовокъ, что мы не рѣшались въ ней остановиться; пришлось однако съ этимъ помириться; мы раскрыли настежъ всѣ окна и двери и легли спать. Было три часа утра.

8 іюля. Въ шесть часовъ утра вѣстовые насъ разбудили—отрядъ уже выступалъ. Было душно, сталъ моросить мелкій дождь.

Мы перевалили черезъ высокій хребетъ, по крутой каменистой дорогѣ, и вошли въ Бенсиху. Это былъ первый городъ Китая, который казался мнѣ чистымъ. Мы проходили мимо ряда

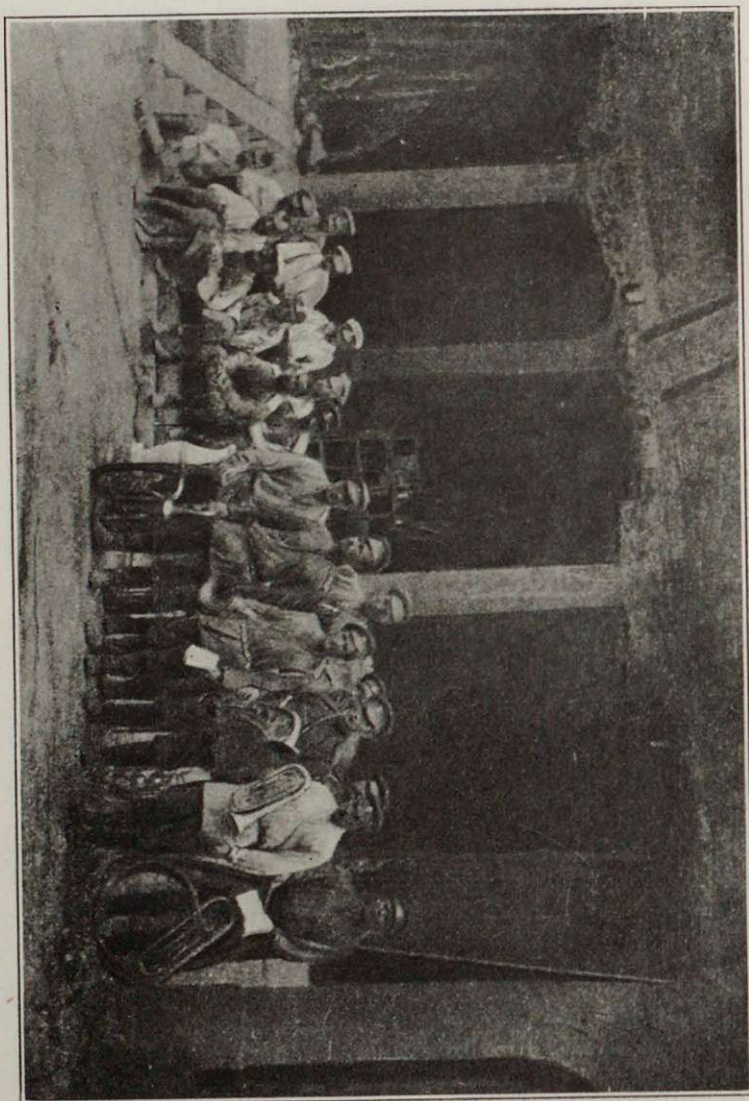
каменныхъ лавокъ, переправились черезъ прочный каменный мостъ на рѣкѣ, гдѣ уже купались прибывшіе раньше насъ ка-

87. На вершинѣ перевала.

заки. Налѣво, въ большой кумирнѣ за оградой, остановился генералъ Любавинъ со штабомъ; мы свернули направо и, пройдя еще разъ рѣчку въ бродъ, расположились по фанзамъ. Команд.

полк. Заботкинъ, офицеры 2-й сотни и штабные заняли богатую кумирню съ цѣлой вереницей боговъ выше роста человѣческаго. Я выбралъ себѣ маленькую фанзу въ саду, на самомъ берегу рѣки, и сейчасъ же отправился купаться; вода была чистая, прозрачная, но очень холодная. На террасѣ передъ кумирней былъ

88. Прощальный обѣдъ Дроздовскому.

накрытъ столъ; въ сосѣдней фанзѣ Николай и Пепино готовили обѣдъ; во дворѣ трубачи наигрывали американскую или англійскую шансонетку „Дэзи Бэлль“, вѣроятно Портъ-Артурскія воспоминанія. Команд. и офицеры полка давали прощальный обѣдъ Дроздовскому, вызванному генераломъ Куропаткинымъ въ Ляо-

янь для формированія развѣдочной сотни. Всѣ сожалѣли о потерѣ для полка такого блестящаго офицера и пожелали ему счастливаго пути и успѣха.

Я вернулся къ себѣ и собирался отдохнуть послѣ непривычнаго пира, но отдыхать не пришлось: было получено предписание генерала Любавина идти немедленно съ 5-й и 6-й сотнями въ Ан-пинь, для связи съ отрядомъ генерала Гершельмана.

Когда я прибылъ въ штабъ дивизіи для полученія инструкцій, я засталъ тамъ сотника Бобровскаго, только что вернувшагося изъ ан-пинскаго отряда; онъ передалъ, что генераль Гершельманъ намѣревался завтра перейти въ наступленіе и выбить японцевъ изъ занятаго ими Сихеяна. У него была дивизія пѣхоты, три полка кавалеріи и сорокъ орудій.

Вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, рѣшено было отправить для связи только одну сотню, четвертую. Такимъ образомъ, моя командировка не состоялась, о чемъ я очень сожалѣлъ.

9 іюля. Облачно и временами дождь. На разсвѣтѣ былъ отправленъ на рекогносцировку отрядъ въ составѣ 2-й сотни Нерчинскаго полка, двухъ ротъ Стрѣтенскаго пѣхотн. полка и двухъ орудій, подъ начальствомъ полк. Россійскаго; они вернулись послѣ полудня, не встрѣтивъ непріятеля.

Ожидался вечеромъ въ Бенсиху 2-й Дагестанскій конный полкъ, сформированный бывшимъ конногвардейцемъ Ханомъ Нахичеванскимъ и пополненный офицерами, служившими въ конной гвардіи и частью грузинами. Грузины и бывшіе конногвардейцы нашей бригады выѣхали ихъ встрѣчать и я въ томъ числѣ.

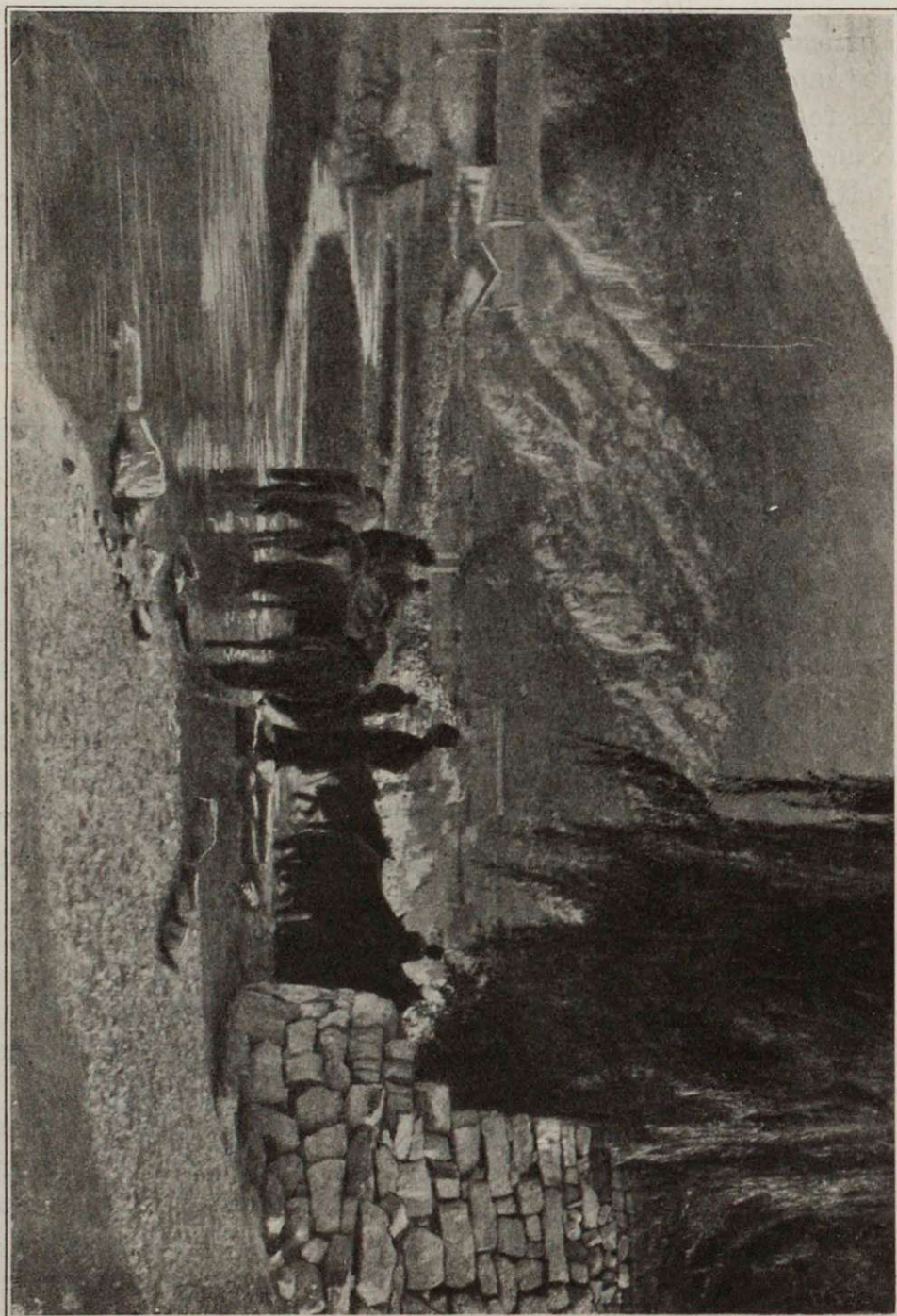
Въ первой деревнѣ за Бенсиху, у поворота въ улицу, мы наткнулись на двухъ дагестанцевъ дозорныхъ; они мигомъ выхватили шашки изъ ноженъ, но увидя, что ошиблись, принявъ насъ за непріятеля, сконфузились и вложили шашки обратно въ ножны, стараясь не быть замѣченными.

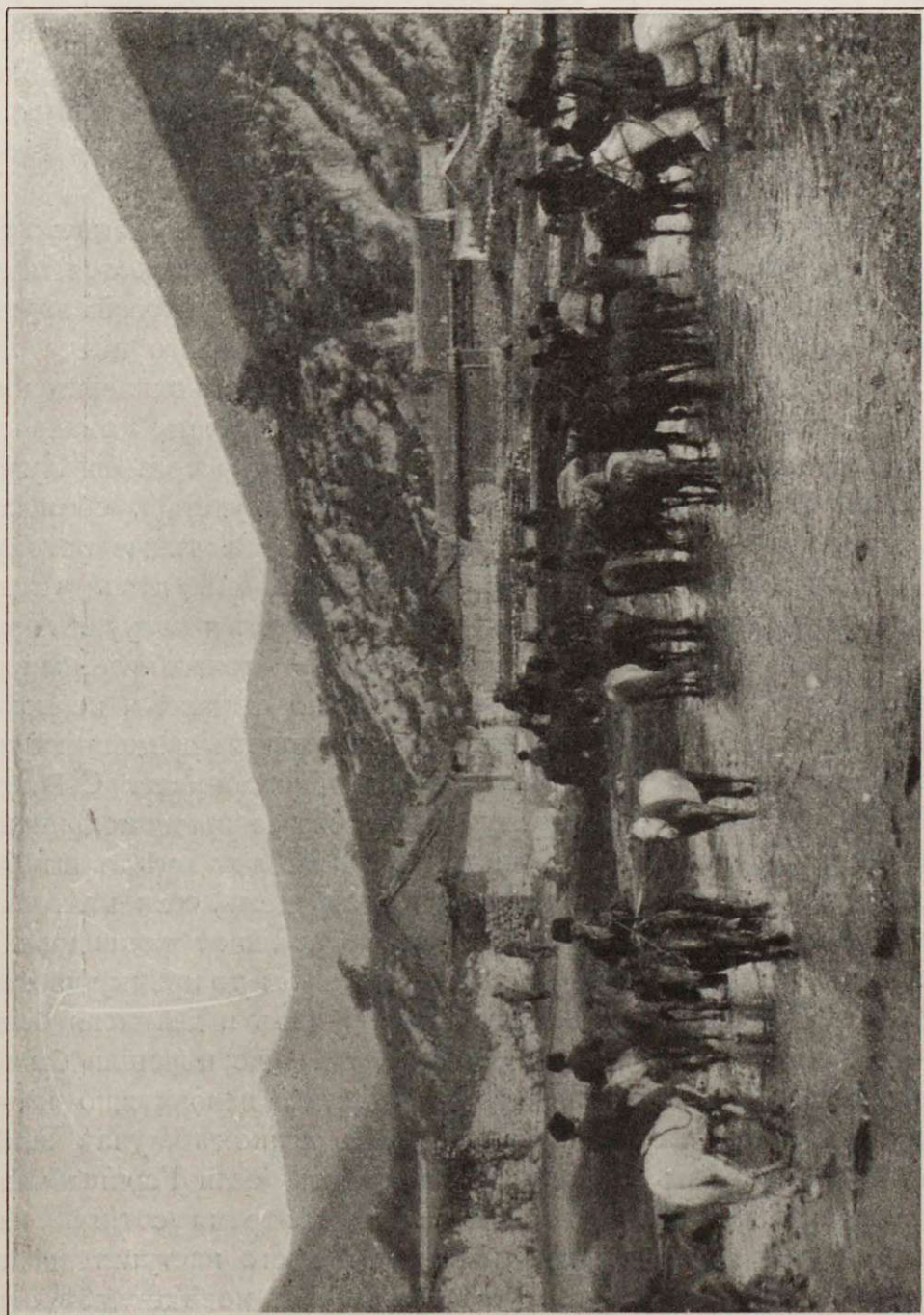
За авангарднымъ взводомъ шла сотня, потомъ командиръ полка со старшими офицерами, княземъ Тумановымъ и Бюнтингомъ, позади ихъ развѣвался значекъ Хана съ золоченымъ полумѣсяцемъ на вершинѣ древка. Полкъ съ полными рядами во взводахъ вытянулся длинною колонною. Мы съ завистью смотрѣли на чудныхъ горскихъ коней у офицеровъ и всадниковъ.

Я проводилъ Хана до генерала Любавина и вернулся къ себѣ около десяти часовъ вечера.

10 іюля. Цѣлый день дождь чередуется съ солнцемъ.

89. Дагестанцы у моей фанзы.

90. Водоной Дагестанцевъ.

Разнесся слухъ, что мы идемъ въ Ляоянъ. Я несказанно обрадовался, потому что представлялась возможность повидаться съ женой; но моя радость была непродолжительною: изъ штаба дивизіи сообщено, что отрядъ пойдетъ обратно въ Сяосырь, такъ какъ сотни, оставшіяся сзади, доносили, что все было спокойно и крупныхъ непріятельскихъ частей на правой сторонѣ Тай-цзы-хэ не было видно.

11 іюля. Хорошая погода опять установилась.

Я получилъ отъ Келлера письмо по-французски; выдержки изъ него записалъ въ дневникъ, такъ какъ онѣ касаются моей службы: „Бивакъ у дер. Нютхіой, 1 іюля. Мой дорогой другъ, будучи крайне недовольнымъ командиромъ казачьяго полка П., я отрѣшилъ его отъ должности и телеграфировалъ одновременно командующему арміей, что на вакантную должность командира полка я прошу назначить тебя. Я былъ увѣренъ въ согласіи Куропаткина, потому что онъ самъ, въ моемъ присутствіи, обѣщаль дать тебѣ командованіе въ скоромъ времени, а также потому, что онъ понималъ необходимость ввести новый духъ между командирами казачьихъ полковъ. Вчера вечеромъ я получилъ приказъ по арміи съ назначеніемъ на вакантную должность полковника Д. Это меня очень огорчило. Но что отложено, не потеряно. Я все-таки рассчитываю въ самомъ скоромъ времени имѣть тебя въ моемъ корпусѣ начальникомъ отдѣльной части. Сейчасъ я пишу Гершельману, которому въ настоящее время подчиненъ Ренненкампфъ и прошу его, либо послать тебя ко мнѣ въ штабъ, въ качествѣ офицера для связи съ его отрядомъ, если на то послѣдуетъ твое согласіе, либо дать тебѣ отдѣльное командованіе отрядомъ. Эта послѣдняя комбинація имѣла бы то преимущество, что на-дняхъ я собираюсь атаковать японцевъ и для меня было бы очень важно, чтобы съ вашей стороны тоже перешли бы въ наступленіе. Ты понимаешь, что въ письмѣ невозможно изложить подробности моего плана атаки. Во всякомъ случаѣ знай, что ты можешь быть мнѣ очень полезнымъ, если Гершельманъ найдетъ возможнымъ послать тебя съ двумя-тремя сотнями, или съ охотничьей командой, для поддержки моего наступательнаго движенія... Нѣтъ надобности увѣрять тебя въ моей дружбѣ, сердечной, искренней и постоянной. Отъ всего сердца говорю тебѣ, до скорого свиданія въ моемъ корпусѣ. Крѣпко цѣлую тебя. Э. Келлеръ“.

Ни одному изъ его пожеланій не суждено было сбыться.

Я не могъ узнать, долженъ ли я былъ идти 8 іюля съ сотнями для связи съ отрядомъ генерала Гершельмана вслѣдствіе личнаго его распоряженія или то было случайное совпаденіе съ желаніемъ Келлера. Во всякомъ случаѣ жаль, что это распоряженіе было отмѣнено.

Хлѣбосоль Меликовъ кормилъ всѣхъ офицеровъ; къ завтраку былъ приглашенъ помощникъ командира Дагестанскаго полка князь Тумановъ; обѣдали подполковникъ Бюнтингъ и принцъ Мюрать; послѣдній презабавно рассказывалъ, какъ на рекогносцировкѣ, когда стемнѣло, на окликъ японскаго часового онъ отвѣтилъ по-французски, что генераль Камброннъ отвѣчалъ англичанамъ, предлагавшимъ сдаться Императорской гвардіи во время ватерлооскаго сраженія.

12 іюля. Вечеромъ я навѣстилъ старыхъ товарищей Дагестанскаго коннаго полка. Они рассказывали о сегодняшней рекогносцировкѣ, на которой былъ тяжело раненъ въ животъ подпоручикъ Читинскаго пѣхотнаго полка Ивановъ и раненъ въ плечо, подъ погономъ, бывшій конногвардеецъ Бискупскій. Ее затѣялъ капитанъ генеральнаго штаба, прибывшій изъ штаба намѣстника на гастроли. Онъ отправился по свѣжимъ слѣдамъ принца Мюрата съ ротою Читинскаго пѣхотнаго полка и сотнею дагестанцевъ. Эта рекогносцировка ничего новаго не выяснила, подтвердивъ только показанія принца Мюрата, но она стоила намъ нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными, между послѣдними два офицера. Какой богатый матеріалъ для реляціи!

13 іюля. Дождь, но у меня на душѣ солнце ярко свѣтитъ; я получилъ наканунѣ вечеромъ предписаніе команд. полкомъ: „Немедленно выѣхать въ г. Мукденъ для производства смотра полковому обозу, повѣрки отчетности и опроса претензій обозныхъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ, по донесенію начальника обоза подъесаула Зотова, на него заявлена людьми претензія, и комендантомъ г. Мукдена производится дознаніе“.

Имѣлось въ виду послать по этому дѣлу въ Мукденъ завідующаго хозяйствомъ подполковника Заботкина, поэтому меня крайне удивило, что получилъ эту командировку я. Эту добрую услугу мнѣ оказалъ Меликовъ: онъ уговорилъ команд. полкомъ послать меня, чтобы дать мнѣ возможность видѣться съ женою при проходѣ ея санитарнаго поѣзда у Мукдена.

Все утро я провозился въ полковой канцеляріи, получая жалованіе и разное денежное довольствіе. Я выступилъ въ пол-

день съ двумя вѣстовыми и однимъ вьюкомъ. По пути намъ встрѣтился 11-й Псковскій полкъ, за нимъ, на невысокомъ и пологомъ перевалѣ застряла батарея и громоздкій двуконный колесный обозъ; казалось, когда доберутся они до горныхъ дорогъ и настоящихъ переваловъ, то отъ этого обоза ничего не останется. Весело было смотрѣть на усиленіе нашего лѣваго фланга; теперь, думается, японцамъ не сдобровать. Мы съ нашими малыми силами могли ихъ сдерживать, а теперь съ вновь прибывшими войсками навѣрно перейдемъ въ наступленіе и слошимъ ихъ упорство.

Послѣ второго, также не большого, перевала, мы вышли на равнину, имѣя впереди и вправо рядъ холмовъ, представлявшихъ сильныя позиціи для обороны; это были Янтай-копи.

Къ шести часамъ вечера мы подошли къ управленію коменданта. Транспортъ съ ранеными, между которыми были Бискупскій и Ивановъ, пришелъ недавно; докторъ просилъ у коменданта шампанскаго, чтобы поддержать силы Иванова, изстрадавшагося во время длиннаго пути. Шампанскаго не оказалось, но если бы и нашлось, то было бы уже поздно—Ивановъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Не легокъ долженъ быть на груди затѣявшаго эту рекогносцировку Владимірскій крестъ, къ которому онъ былъ за нее представленъ.

Любезный и гостепріимный комендантъ накормилъ меня и предоставилъ мнѣ дрезину, чтобы доѣхать до станціи Янтай. Лошадей и вьюкъ я отправилъ въ Ляоянъ и покатилъ на дрезинѣ какъ въ автомобилѣ. Въ трехъ верстахъ отъ станціи мы были вынуждены остановиться, потому что путь былъ заставленъ вагонами. Поѣзда въ Ляоянъ не пришлось долго ждать, но, вслѣдствіе остановки на промежуточномъ развѣздѣ, двадцать верстъ мы прошли въ четыре часа.

Я справился на вокзалѣ, не извѣстно ли было что-нибудь о поѣздѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны; мнѣ отвѣтили, что онъ ушелъ изъ Ляояна въ Харбинъ три дня тому назадъ и будетъ, вѣроятно, обратно дней черезъ пять или шесть.

Я разыскалъ не безъ труда этапный пунктъ и завалился спать на нарахъ, среди громкаго храпа временныхъ жильцовъ-офицеровъ.

14 іюля. Жарко; большая разница между температурою на равнинѣ и у насъ въ горахъ, мы ни разу не ощущали такой жары, какъ сегодня въ Ляоянѣ.

Благодаря любезному содѣйствію коменданта станціи, меня

приняли въ санитарный поѣздъ для проѣзда въ Мукденъ. Было очень тѣсно и душно.

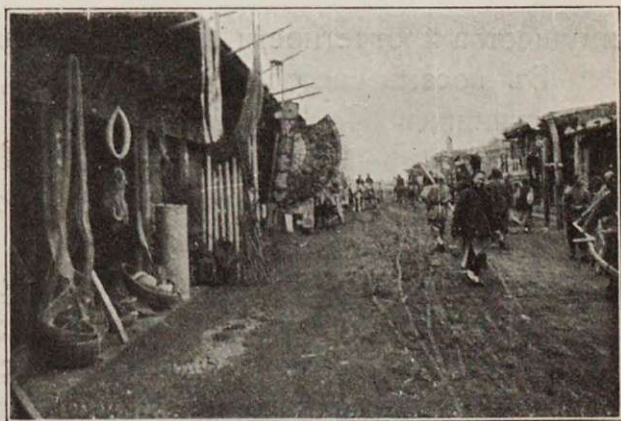

91. Мукденъ

15 іюля. Въ четыре часа утра поѣздъ остановился на станціи Мукденъ. Одновременно со мною вышло два пассажира иностранца. Они силились что-то объяснить станціонному лакею, но тотъ ихъ не понималъ; я взялся быть переводчикомъ; мои спутники были иностранные корреспонденты, датчанинъ, Іессенъ, и англичанинъ, Дотласъ Стори. Они

рекомендовали мнѣ остановиться въ китайской гостиницѣ — „Манчжурія“. Она дѣйствительно оказалась очень чистою и содержалась, согласно англійскимъ вкусамъ, китайцемъ, бывшимъ долго въ услуженіи у англичанъ и ознакомившимся съ ихъ требованіями, главныя изъ которыхъ — ванны и много воды для умыванія.

Дѣло, которое я долженъ былъ разобрать, было довольно щекотливо: ни для кого не было тайной, что существовалъ антагонизмъ между Мукденомъ, резиденціей Намѣстника, и Ляояномъ, гдѣ, при Командующемъ дѣйствующею арміею, были сосредоточены всѣ управленія арміи. Поэтому было крайне прискорбно, что наши частныя дѣла попали на разсмотрѣніе чужого начальства, такъ какъ обозные казаки подали жалобу на подъесаула Зотова Мукденскому коменданту. Первымъ дѣломъ надо было объясниться съ ко-

92. Мукденъ.

мендантомъ и изъять дознаніе изъ его вѣдѣнія. По справкамъ оказалось, что я долженъ былъ обратиться къ комиссару, полковнику Квѣцинскому. Разстоянія въ Мукденѣ огромныя, идти

пѣшкомъ было невозможно, оставался выборъ между рикшей и фудутункой, крытой двухколесной повозкой безъ рессоръ. Я выбралъ послѣднюю, чтобы быть защищеннымъ отъ солнца, которое здѣсь припекало изрядно; меня соблазняла также новизна этого экипажа, но я былъ жестоко наказанъ за мою любознательность; если бы фудутунки существовали въ Испаніи во времена инквизиціи, то онѣ навѣрно употреблялись бы какъ орудія пытки: приходится сидѣть въ нихъ сгорбившись въ три погибели и на каждомъ ухабѣ толкаться о бока и верхъ низко прилаженной кровли.

Полковникъ Квѣцинскій не сдѣлалъ никакого затрудненія для передачи мнѣ дальнѣйшаго веденія дѣла, и я отправился въ

93. Мукденъ.

расположеніе нашего обоза. Казаки были вызваны, и я сдѣлалъ опросъ претензій обычнымъ порядкомъ. Большинство жаловавшихся отказалось отъ своихъ претензій, у другихъ онѣ оказались мало основательными. Я ихъ записалъ для представленія на усмотрѣніе командующ. полкомъ. Подробный осмотръ лошадей, обознаго

имущества и отчетности я назначилъ на завтра утромъ.

Въ восемь часовъ вечера Иессень, Стори и я сѣли за столъ въ гостинницѣ „Манчжурія“; обѣдъ былъ заказанъ съ утра. Послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ разъѣздахъ по дѣламъ, въ страшную жару, я былъ радъ отдохнуть въ чистомъ прохладномъ помѣщеніи и утолить голодъ и жажду, въ особенности послѣднюю. Такъ какъ въ отрядѣ генерала Ренненкампа рѣдко бывали спиртные напитки, то я совсѣмъ отвыкъ отъ вина; съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ я выпилъ нѣсколько стакановъ хорошаго шампанскаго, къ сожалѣнію, не слишкомъ холоднаго. Иессень рано пошелъ спать, а съ Стори мы долго болтали о миломъ Келлерѣ и восточномъ отрядѣ, гдѣ Стори пробылъ нѣкоторое время; онъ подарилъ мнѣ снятую имъ фотографическую группу графа Келлера, полковника Орановскаго и бывшаго кавалергарда Скоропадскаго. Стори рассказывалъ мнѣ также о боѣ подъ Дашичао,

на которомъ онъ присутствовалъ. Онъ отзывался съ большою похвалою о дѣйствіяхъ нашей артиллеріи въ этотъ день и говорилъ, что это была блестящая русская побѣда; поэтому участникамъ боя казалось необъяснимымъ полученное въ одиннадцать часовъ вечера приказаніе отступить. Японская артиллерія цѣлый день нащупывала расположеніе нашихъ батарей, но безуспѣшно, хотя была выпущена масса снарядовъ, изрывшихъ всю долину позади сопокъ, гдѣ находился командиръ корпуса, баронъ Штакельбергъ, и его штабъ. Во время самага ожесточеннаго артиллерійскаго огня Стори видѣлъ, какъ одинъ ординарецъ проѣхалъ взадъ и впередъ по этой долині и ему было непонятнымъ, какъ онъ остался невредимымъ; это былъ есауль Золотницкій, бывшій конногвардеецъ.

Отъ полковника Россійскаго я получилъ телеграмму: „Узнайте, почему есауль Шаншіевъ ушелъ съ своей сотней изъ Далинскаго перевала въ Мукденъ, отправьте его немедленно обратно на перевалъ“.

16 іюля. Рано утромъ я отправился на бивакъ нашего обоза, было уже жарко. Вызванный мною Шаншіевъ явился и доложилъ, что онъ ушелъ изъ Далинскаго перевала потому, что непріятель перешелъ въ наступленіе въ значительныхъ силахъ. Во время отступленія онъ встрѣтился съ непріятельскимъ разѣздомъ и увидѣлъ впереди двѣ роты японской пѣхоты, что заставило его свернуть на горную тропу и черезъ сопки выбраться на дорогу въ Мукденъ, куда онъ прибылъ не преслѣдуемый непріателемъ; о вышеизложенномъ онъ донесъ мукденскому комиссару. Вотъ когда можно было бы сказать: „Благодарю, не ожидалъ“. Не говоря уже о томъ, что ничѣмъ не можетъ быть оправдано отступленіе за восемьдесятъ верстъ, не будучи преслѣдуемымъ непріателемъ, это донесеніе давало поводъ думать, что японцы наступали совершенно безпрепятственно на Мукденъ, гдѣ въ настоящую минуту почти не было войскъ. Я передалъ Шаншіеву требованіе начальника штаба дивизіи о немедленномъ возвращеніи на Далинскій перевалъ и приказалъ ему объ этомъ донести комиссару.

Осмотръ обозныхъ лошадей я дѣлалъ совмѣстно съ ветеринарнымъ врачомъ; большинство лошадей оказалось совершенно негодными къ службѣ, остальные были также немногимъ лучше; обозное хозяйство было въ порядкѣ; отчетныя книги за прошедшее время я взялъ съ собою для отвоза въ полкъ.

Покончивъ со смотромъ, я отправился на вокзалъ. Несмотря

на многочисленныя телеграммы, посланныя мною въ разныя мѣста женѣ и коменданту поѣзда, полковнику Пѣшкову, я никакого отвѣта не получалъ. Начальникъ станціи сказалъ мнѣ, что поѣздъ Императрицы Александры Ѳеодоровны ожидается сегодня вечеромъ. Въ надеждѣ получить болѣе точныя свѣдѣнія, я отправился на рикшѣ въ лазаретъ Императрицы Александры Ѳеодоровны верстахъ въ трехъ отъ вокзала, на что потребовалось не менѣе получаса. Тамъ я не сразу могъ получить отвѣтъ: дежурный докторъ былъ занятъ, сестра, къ которой я обратился, не знала ничего; наконецъ вышла ко мнѣ старшая сестра и на мой вопросъ отвѣтила, что поѣздъ Императрицы Александры Ѳеодоровны на вокзалѣ, что сейчасъ она переговаривалась по телефону со старшимъ докторомъ поѣзда. Я какъ угорѣлый вскочилъ на рикшу, но несмотря на обѣщанія озолотить его, если поспѣшитъ скорѣе, мнѣ казалось, что мы плелись какъ черепахи. По дорогѣ я встрѣтилъ Стори и просилъ его выслать мнѣ немедленно на вокзалъ мои вещи, оставленныя въ гостиницѣ, и счетъ.

На вокзалѣ бѣлаго Императорскаго поѣзда не было, въ управленіи коменданта станціи мнѣ сказали, что поѣздъ еще не приходилъ и что раньше вечера его не будетъ. Какъ можно было такъ ошибиться старшей сестрѣ лазарета.

Я ничего не ѣлъ съ утра и былъ не прочь пообѣдать. Получены были вещи изъ гостиницы, я не зналъ какъ скоротать время. Нѣсколько разъ я заходилъ въ управленіе коменданта, но самъ комендантъ отсутствовалъ. Было около семи часовъ вечера, когда прибылъ комендантъ; я спросилъ у него—знаетъ ли онъ навѣрно, когда придетъ поѣздъ Императрицы; онъ мнѣ отвѣтилъ, что поѣздъ прибылъ въ Мукденъ въ четверть пятого, оставался всего шестнадцать минутъ и направился въ Ляоянъ. Я былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ громомъ... поѣздъ, котораго я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, прошелъ въ тотъ промежутокъ времени, что я съѣздилъ въ лазаретъ; правду говорила мнѣ старшая сестра, а я былъ введенъ въ заблужденіе писарями въ управленіи коменданта. Въ восемь часовъ вечера отходилъ товарный поѣздъ на Ляоянъ безъ классныхъ вагоновъ, я получилъ разрѣшеніе ѣхать на площадкѣ, гдѣ помѣщается тормозъ. Поѣзда задерживались на каждой станціи и разѣздѣ иногда часами, а товарные стояли на какомъ-нибудь глухомъ разѣздѣ болѣе сутокъ. Для ускоренія движенія я перебѣгалъ на каждой остановкѣ къ тому поѣзду, который былъ на очереди

отправки. Мнѣ удавалось дремать немного на пробѣгахъ между двумя станціями. Хотѣлось чаю, но у меня не было съ собою ни чаю ни кружки.

17 іюля. Утромъ на одной изъ станцій мнѣ удалось проглотить стаканъ горячаго чаю и я чуть не обварилъ себѣ глотки. Въ Ляоянѣ я наконецъ добрался въ одиннадцать часовъ утра, а поѣздъ Императрицы ушелъ два часа тому назадъ въ Хайченъ. Опять дежурю на тормозахъ и перебѣгаю съ поѣзда на поѣздъ на станціяхъ и разъѣздахъ. Мнѣ казалось, что какой-то злой рокъ меня преслѣдовалъ и что никогда я не нагоню поѣзда или что-нибудь помѣшаетъ мнѣ видѣться съ женою.

Въ четыре часа пополудни на одномъ разъѣздѣ я вдругъ увидѣлъ бѣлый поѣздъ. У меня такъ забилося сердце, что я съ трудомъ переводилъ ногами; мнѣ не вѣрилось, что я наконецъ достигъ цѣли. Это былъ дѣйствительно поѣздъ Императрицы; онъ самый красивый и роскошный изъ санитарныхъ поѣздовъ, работавшихъ въ Манчжуріи, но для меня эти изящные бѣлые вагоны съ вензелемъ Императрицы были такъ дороги, какъ близкія живыя существа. Доктора, санитары, сестры мнѣ ласково улыбались, когда узнавали, что я мужъ сестры Квитка, и спѣшили указать мнѣ ея купѣ.

Казалось, мѣсяца не хватитъ, чтобы передать другъ другу все, что мы видѣли со времени нашей разлуки.

Комендантъ поѣзда полковникъ Пѣшковъ предложилъ мнѣ переночевать въ вагонѣ, приспособленномъ для раненыхъ и больныхъ офицеровъ, которымъ заведывала моя жена. Оба санитары этого вагона, Рязановъ и Лубенецъ, недавно поступившіе сюда изъ строя и бывавшіе въ бою, гордились тѣмъ, что ихъ сестра жена полковника, служившаго въ дѣйствующей арміи, и считали меня почти начальствомъ; они ухаживали за мною, какъ за тяжело раненымъ.

Вечеромъ поѣздъ тронулся, ночью пришелъ въ Хайченъ и остановился среди большого моста.

18 іюля. Бой, начавшійся съ утра къ югу отъ нашей стоянки на мосту, перешелъ постепенно къ юго-востоку, востоку и далѣе къ сѣверу, охватывая громадную дугу, центромъ которой былъ Хайченъ. Въ разныхъ мѣстахъ надъ сопками появлялись и исчезали маленькія круглыя облачки: то были непріятельскіе снаряды, лопавшіеся надъ нашими войсками. Орудійные выстрѣлы

и дробь ружейной пальбы то стихали, то усиливались, въ зависимости отъ направленія вѣтра.

Полковникъ графъ Бобринскій передалъ моей женѣ приглашеніе генераль-адъютанта Куропаткина къ обѣду въ половинѣ восьмого, но она должна была отъ обѣда отказаться, потому что пріемъ раненыхъ былъ назначенъ въ шесть часовъ вечера, а поѣздъ отходилъ на сѣверъ въ восемь часъ.

Первые раненые стали прибывать изъ отряда генерала Мищенко; между ними былъ полковникъ Карцевъ, получившій сквозную пулевую рану въ плечо. Это не помѣшало ему быть въ прекрасномъ настроеніи духа и обѣдать въ поѣздѣ съ большимъ аппетитомъ.

Прибыли главноуполномоченный Краснаго Креста Александровскій и нашъ сосѣдъ по имѣнію у Туапсе, уполномоченный Л. В. Голубевъ, затѣмъ подошелъ шталмейстеръ Родзянко и сказалъ мнѣ, что сейчасъ было получено донесеніе о смерти графа Келлера, командира восточнаго отряда, убитаго разорвавшейся надъ нимъ шрапнельною гранатою. Болѣзненно сжалось сердце, но это извѣстіе меня не поразило, я точно ожидалъ его. Когда я подошелъ къ женѣ и сообщилъ ей объ этомъ, она принимала тяжело раненыхъ. Она заплакала, но раненые все прибывали и пришлось поневолѣ обратить все свое вниманіе на облегченіе ихъ участи.

Я не могъ понять, отчего вѣсть о смерти моего единственнаго друга такъ мало произвела на меня впечатлѣнія; мнѣ казалось даже, что я долженъ былъ радоваться, а не горевать, потому что Келлеръ считалъ величайшимъ счастьемъ быть убитымъ на полѣ сраженія. Эту мысль онъ высказалъ даже въ одномъ изъ тостовъ прощальнаго обѣда, который давали ему стрѣлки Императорской Фамиліи, избравъ темою слова сигнала „Походъ“ — Всадники други въ походъ собирайтесь.

Мнѣ было необходимо вернуться возможно скорѣе въ свой полкъ и я попросилъ разрѣшенія полковника Пѣшкова доѣхать до Ляояна въ поѣздѣ Императрицы Александры Θεодоровны, такъ какъ въ это время другихъ поѣздовъ въ Хайченѣ не было.

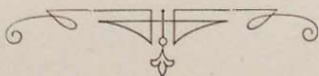
Свободнаго мѣста не было нигдѣ, нижніе чины и офицеры лежали даже въ промежуткахъ между койками. Моя жена была въ эту ночь дежурною по поѣзду и я могъ оставаться въ ея купѣ во время короткаго переѣзда до Ляояна. Я ее видѣлъ только мелькомъ, когда она забѣгала за лекарствомъ, или къ

симпатичной сестрѣ Софѣ Петровнѣ Сухоненѣ, завѣдывавшей цейхгаузомъ, чтобы взять у нея что-нибудь для раненыхъ. Съ ними часто приходилось обращаться какъ съ дѣтьми, стараясь угодить малѣйшимъ прихотямъ. Большинство, кромѣ папиросъ, спрашивали чего-нибудь кисленькаго, другіе капризничали, отказываясь съ нетерпѣніемъ отъ того, что имъ приносили, требуя другого.

Я сидѣлъ въ купѣ и прислушивался къ звуку шаговъ моей жены, чтобы обмѣняться съ ней хоть однимъ словомъ. Однако усталость взяла свое—я заснулъ и былъ вдругъ разбуженъ голосомъ Пепино: „Колонелло, синьоръ колонелло“—онъ меня звалъ съ перрона Ляоянскаго вокзала. Я выскочилъ изъ вагона и бѣгомъ пустился къ санитарному вагону жены, такъ какъ поѣздъ долженъ былъ сейчасъ трогаться дальше. Мы наскоро простились и бѣлый чудный поѣздъ ушелъ—увиджу ли я его еще разъ.

19 іюля. Уже начался разсвѣтъ. Я прошелъ на этапъ, чтобы уложиться, собираясь отправиться въ обратный путь въ полдень. Однако, пришлось отложить выступленіе до слѣдующаго дня, потому что мой „Джигитъ“ заболѣлъ, а „Голубокъ“ захромалъ. Ветеринаръ нашелъ, что у „Джигита“ былъ солнечный ударъ. До излеченія болѣзни я, съ разрѣшенія начальника пограничной стражи, поставилъ обѣ лошади въ конюшни пограничниковъ, гдѣ за ними былъ прекрасный уходъ. При лошадяхъ остался мой вѣстовой Иванъ Макаровъ.

Итальянскій морской агентъ Камперіо пригласилъ меня обѣдать въ вагонъ-ресторантъ, на половинѣ иностранцевъ, куда нашимъ офицерамъ не было разрѣшено входить безъ приглашенія. Притомъ офицеровъ не впускали въ вагонъ въ часы завтрака и обѣда иностранцевъ. Это распоряженіе было вызвано тѣмъ, что бывали случаи безобразнаго поведенія пьяныхъ офицеровъ въ присутствіи иностранныхъ военныхъ агентовъ, чего конечно, желательно было бы избѣгать. Если бы при первомъ такомъ случаѣ были приняты противъ виновныхъ безпощадныя мѣры, то это навѣрно не повторилось бы и не было бы надобности въ такомъ оскорбительномъ для русскихъ офицеровъ распоряженіи.

ЧАСТЬ II.

Походъ на Цзян-Чанъ. — Отступленіе. —

Набѣгъ въ тылъ японцевъ. — 9 сентября

1904 г. — Въ Мукденѣ.

Походъ на Цзях-Чакъ.

20 іюля. Мы выступили съ этапа въ шесть часовъ утра, было очень жарко. Хотя, по моему мнѣнію, лучше въ большую жару не останавливаться, потому что нельзя отдохнуть ни людямъ ни лошадямъ, я вынужденъ былъ однако сдѣлать два привала, изъ боязни сбить имъ спины отъ сильной испарины.

Уже вечерѣло, когда мы подходили къ деревнѣ въ четырехъ верстахъ отъ Бенсиху; она была занята двумя ротами 11-го пѣхотнаго Псковскаго полка.

Изъ ущелья вправо, направлявшагося къ Тай-цзы-хэ, доносились орудійные выстрѣлы. Отрядъ полковника Грулева, въ составѣ двухъ баталіоновъ Псковскаго полка, 2-го Дагестанскаго полка и шести орудій, производилъ усиленную рекогносцировку къ Сихеяну.

Я остановился на ночлегъ въ этой деревнѣ.

21 іюля. Уже здѣсь менѣе жарко, чѣмъ на равнинѣ, по которой протянулась до Портъ-Артура китайская восточная желѣзная дорога. Около полудня мы пришли въ Бенсиху, встрѣтивъ по дорогѣ уходящаго въ Мукденъ подполковника Шестакова со своимъ баталіономъ. Меня удивило это движеніе назадъ, когда всѣ войска были устремлены впередъ для встрѣчи съ непріателемъ. Одинъ изъ пѣхотныхъ офицеровъ сказалъ мнѣ, что Шестаковъ дѣйствовалъ по собственной инициативѣ, не считая себя въ подчиненіи ближайшаго начальника.

Въ Уй-ян-ньинѣ мы сдѣлали привалъ у командира Аргунской сотни, графа Комаровскаго.

Японскій отрядъ находился на противоположномъ берегу. Простымъ глазомъ можно было видѣть на холмѣ около пятидесяти человѣкъ, высматривающихъ наше расположеніе.

Мы выступили въ три часа и, минуя крутой перевалъ, по которому проходила ближайшая дорога на Сян-цзя-цзы, пошли по болѣе кружной дорогѣ, но съ пологимъ подъемомъ.

Въ Сян-цзя-цзы, мы остановились на ночлегъ, здѣсь стоялъ подъесаулъ Суботинъ со своей пѣшей сотней. Мы застали тамъ возвращавшагося изъ Мукдена Николая съ выюками нашей второй сотни. Я былъ очень радъ продолжать вмѣстѣ съ нимъ путь, такъ какъ встрѣчи съ японскими разъѣздами или съ хунхузами были возможны, а у насъ троихъ были шашки—у меня и моего вѣстового Андрея, а изъ огнестрѣльнаго оружія только одинъ револьверъ Браунинга у меня, у Андрея же китайцы украли винтовку во время ночлега въ деревнѣ послѣ боя 6-го іюля.

На лѣвомъ берегу Тай-цзы-хэ японцы обнаружили усиленную дѣятельность.

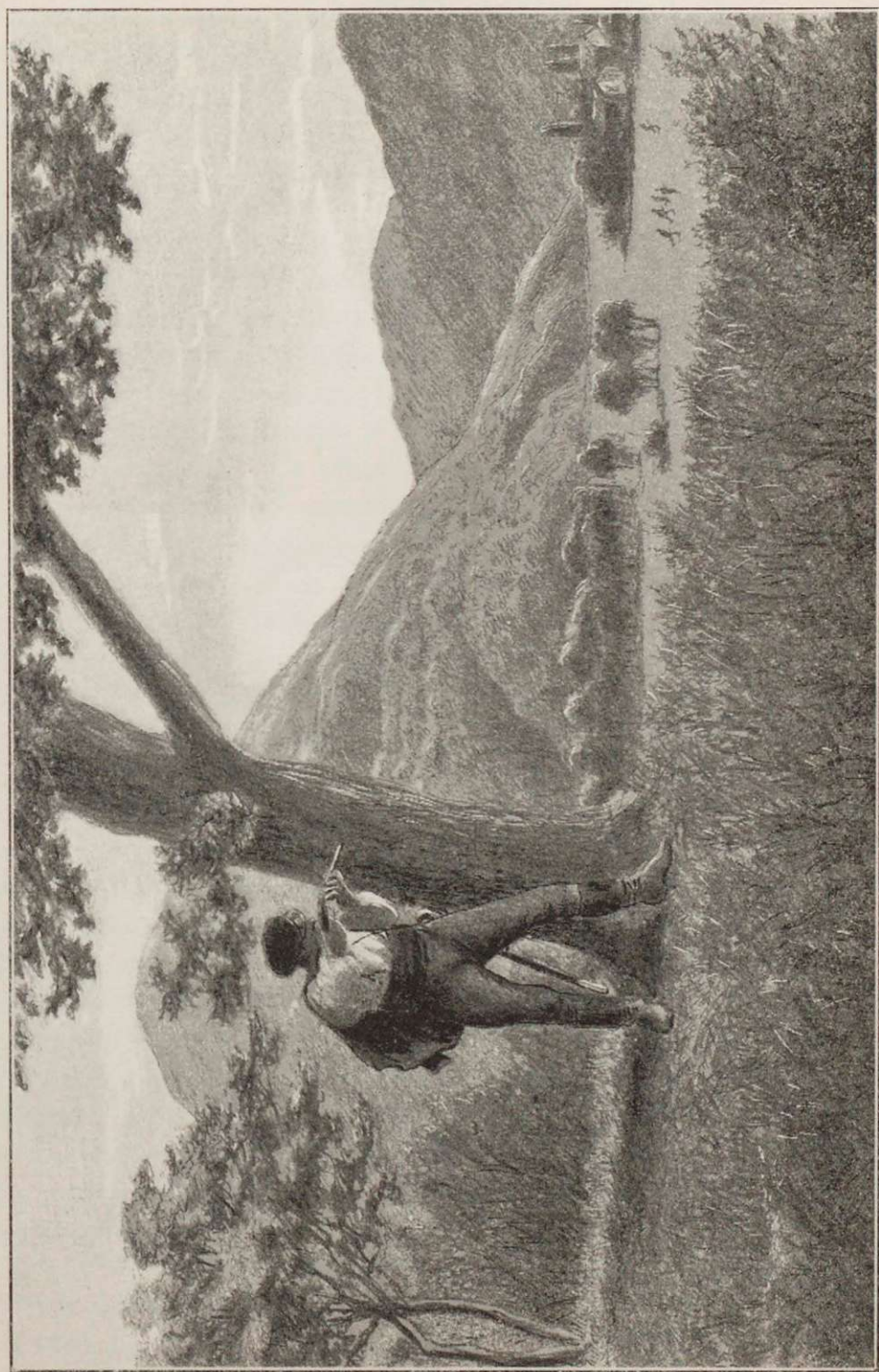
Весь вечеръ раздавалась пушечная пальба по направленію къ Бенсиху.

Суботинъ жилъ въ палаткѣ, а я расположился на ночь у ограды на охпкѣ сѣна.

22 іюля. Мы пришли рано въ д. Сан-чан-цзай, на правомъ берегу Тай-цзы-хэ, противъ Сяосыря. Я поспѣлъ во-время, такъ какъ на завтра былъ назначенъ походъ къ Цзян-чану, занятому вновь японцами.

23 іюля. День жаркій. Несмотря на то, что мы взяли съ собой легкій выюкъ, наша бригада и конно-горная батарея Созонтовича вытянулись въ колонну версты на три. На лѣвомъ берегу рѣки впереди насъ вспыхивали на сопкахъ дымки. Очевидно—сигналы, предупреждавшіе непріятеля о нашемъ приближеніи. Переводчикъ Меликова, кореецъ Сергѣй, объяснилъ, что въ Корей количество зажигаемыхъ изъ кучекъ высохшей травы огней означало численность наступающаго непріятеля; вѣроятно, японцы пользовались тѣмъ же приемомъ.

У д. Суйдунъ, гдѣ рѣка круто изгибалась въ видѣ латинскаго эсъ, я съ разъѣздомъ пересѣкъ выступающій полуостровъ въ томъ мѣстѣ, откуда хунхузы обыкновенно обстрѣливали казаковъ летучей почты. Нѣсколько человѣкъ, засѣвшихъ за крутымъ

93а. Генералъ Ренненкампфъ стрѣляетъ изъ револьвера Маузеръ по японцамъ во время дѣла 22 іюля 1904 г.

утесомъ, могли бы безнаказанно вывести изъ строя немало людей и лошадей. На этотъ разъ хунхузовъ мы не видали, они или притаились гдѣ-нибудь за нагроможденными скалами, или совсѣмъ удалились при приближеніи большого отряда.

Быль очень труденъ спускъ съ этого утеса по высѣченной въ скалѣ узкой тропинкѣ. Внизу приходилось дѣлать прыжокъ въ рѣку въ глубокомъ мѣстѣ, гдѣ маленькая лошадь почти вся погружалась въ воду.

Я оказался впереди колонны. Впереди насъ, за рѣкою, скрывалась въ зелени старинная китайская крѣпость Манза-ченза, вмѣщавшая внутри довольно большую деревню.

Здѣсь мы остановились. Было объявлено, что мы выступимъ въ двѣнадцать часовъ ночи и должны подойти къ Цзян-Чану въ четыре часа утра, чтобы напасть на непріятеля на разсвѣтѣ. Особой диспозиціи или приказанія по отряду не было, мы слышали только стороною, что одновременно съ нами Цзян-чанъ будетъ атакованъ съ сѣвера подполковникомъ Мадритовымъ, у котораго также имѣлось нѣсколько горныхъ орудій.

Послѣ обѣда, кто былъ свободенъ отъ службы прилежъ отдохнуть, такъ какъ намъ предстояла безсонная ночь. Въ одиннадцать часовъ начали сѣдлать и готовиться къ предстоящему бою.

24 іюля. Мы выступили ровно въ полночь. Луна всходила только въ четверть второго. Мы шли въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди Аргунскій полкъ, въ авангардѣ сотня князя Магалова, Нерчинцы составляли главныя силы, имѣя въ головѣ 3-ю сотню, за нею 2-я сотня, прикрывавшая батарею; второй дивизіонъ шелъ за батареей. Я ѣхалъ передъ 3-й сотней (1-я подъ командою П. Черкесова осталась въ д. Сан-цзя-цзы).

Ежеминутно можно было ожидать встрѣчи съ непріателемъ; особенное напряженіе испытывалось, когда мы проходили по суживавшейся дорогѣ между рѣкою и отвѣсной стѣной горнаго хребта. Небольшой отрядъ, занявшій этотъ хребетъ, могъ бы нанести намъ тяжелыя потери,—удивительно, что японцы имъ не воспользовались.

Стало немного легче, когда луна поднялась изъ-за горъ и освѣтила глубокую долину.

Синій холодный свѣтъ луны сталъ смѣняться сѣрою мглою осѣвшаго тумана и очертанія горъ стушевались; скоро можно было ожидать наступленія зари. Мы переправились черезъ рѣку и вытянулись по расширившейся долинѣ. Вдругъ впереди разда-

лись выстрѣлы и пули просвистали надъ нашими головами. 3-я сотня быстро разомкнулась вправо и построила лаву по командѣ подъесаула Филиппова. 2-я сотня также перестроилась въ лаву позади первой. Мы остановились въ ожиданіи приказаній. Начало свѣтать; перестрѣлка то усиливалась, то слабѣла; пули залетали къ намъ, потому что мы стояли на линіи огня, мы подались вправо къ подножію цѣпи не очень высокихъ горъ. Прежде всего нужно было обезпечить свои фланги: направо, на ближайшія сопки, былъ посланъ одинъ взводъ 3-й сотни и развѣздъ 10-го Оренбургскаго казачьяго полка подъ командою хорунжаго Шпицберга, прибывшаго наканунѣ въ отрядъ для связи отъ подполковника Мадритова.

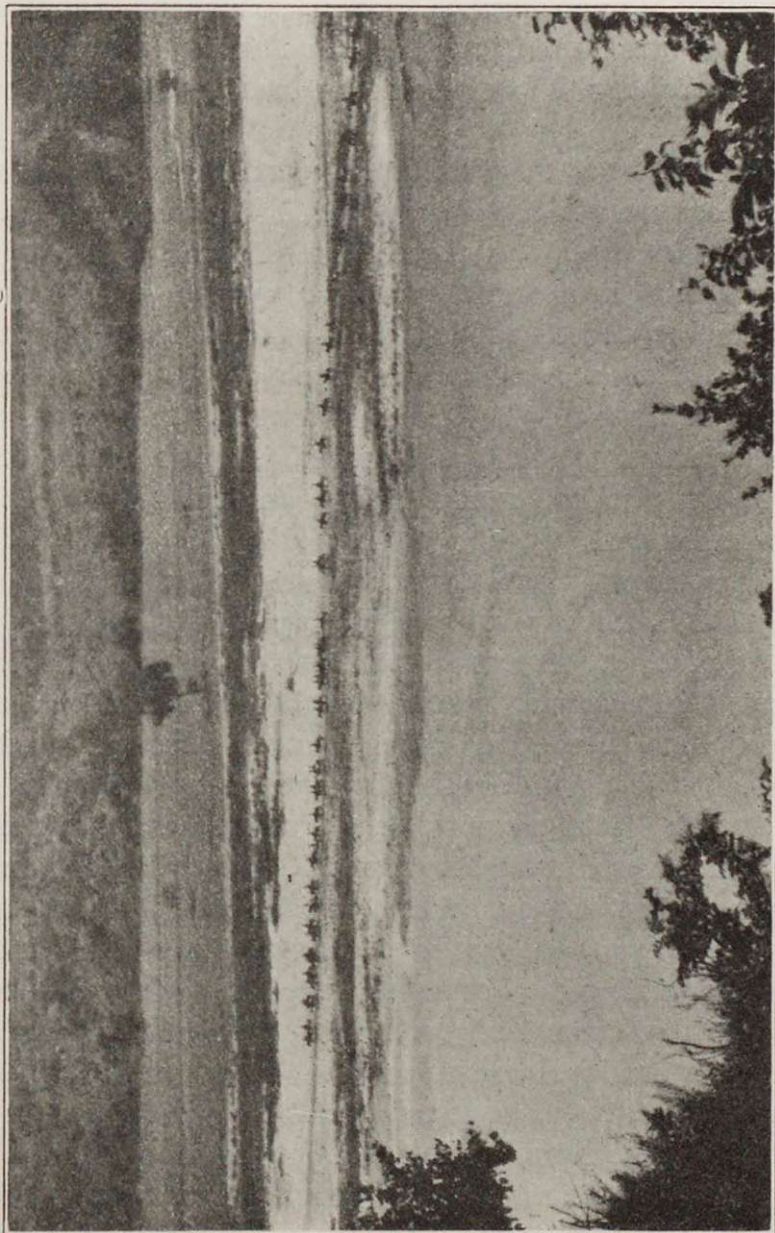
Для прикрытія лѣваго фланга былъ посланъ есаулъ Шульженко съ саперной командой; онъ переправился черезъ рѣку и исчезъ въ гаолянѣ. Кн. Меликовъ находилъ, что слѣдовало выслать на лѣвый флангъ еще сотню, потому что у Шульженки было всего только двадцать два человѣка; мнѣ же казалось, что обходъ съ этой стороны не былъ опасенъ, такъ какъ за рѣкой шли пологіе и невысокіе холмы, и, кромѣ того, оттуда мы ждали прибытія отряда Мадритова—я забылъ про гаолянъ.

Отъ Бенингсена, отправившагося на развѣдку 22-го, было получено вчера утромъ донесеніе, что онъ былъ встрѣченъ непріятельскимъ залпомъ, при чемъ потерялъ двухъ казаковъ ранеными и двухъ лошадей; съ тѣхъ поръ не было о немъ никакихъ свѣдѣній и предполагалось, что онъ попалъ въ плѣнъ или погибъ.

Въ фанзу подъ горой былъ принесенъ убитый вѣстовой полк. Россійскаго. Пока казаки рыли шанцевымъ инструментомъ могилу, другіе обмыли его и надѣли чистую рубашку, завернули въ палатку и опустили въ могилу, прикрывъ ее дверью отъ фанзы, вѣтвями, камнями и землей. Врачъ Краснаго Креста, санитары, нѣсколько офицеровъ и казаковъ присутствовали при погребеніи. Говорили, что Россійскій спросилъ у командира Аргунскаго полка войск. ст. Кобылкина, кѣмъ была занята сопка впереди, онъ отвѣтилъ — „нашими“, а когда Россійскій туда подѣхалъ, по немъ былъ данъ японцами залпъ въ упоръ. Вѣстовой былъ смертельно раненъ, но успѣлъ отскочить въ гаолянъ вмѣстѣ съ полк. Россійскимъ, который, по счастливой случайности, не былъ задѣтъ ни одной пулей; не даромъ говорили про него казаки: „Его и пуля не беретъ“. Сколько разъ онъ нарывался на непріятельскія засады и до сихъ поръ ему все сходило благополучно.

Туманъ разсѣлся, солнце стало сильно припекать.

Наша 4-я сотня была потребована на подкрѣпленіе Аргунскаго полка, съ нею отправился Заботкинъ. Впереди перестрѣлка

94. Походъ на Цзян-Чанъ.

не перемѣщалась, значитъ, намъ не удалось продвинуться къ Цзян-Чану. Но вотъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ раздался выстрѣлъ, другой и пошла ружейная трескотня. Намъ не было видно ничего, очевидно непріятель пробрался по гаоляновому полю и по-

дошелъ незамѣтно къ командѣ Шульженки. Правъ былъ Меликовъ; теперь надо было спѣшить отправкою подкрѣплений. Войск. ст. Трухинъ послалъ генералу Любавину донесеніе объ обходѣ непріателемъ нашего лѣваго фланга. Между тѣмъ огонь за рѣкою все усиливался и приближался къ намъ; очевидно, японцы дѣлали обходъ со значительными силами. Мы видѣли, какъ Шульженко съ саперной командой отступалъ въ нашу сторону, отстрѣливаясь.

Главные силы отряда и батареи, прижатые къ подножью горъ, оказались подъ выстрѣлами непріателя. Подъесаулъ Филипповъ, не дожидая приказаній, скомандовалъ: „сотня за мной“ и взбѣжалъ на гребень невысокаго утеса, откуда ему было видно движеніе японцевъ; черезъ минуту послышались выдержанные залпы третьей сотни, подъ прикрытіемъ которой началось поспѣшное отступление всѣхъ частей. Меликовъ открылъ дорогу для батареи среди коноводовъ Аргунскаго полка, спѣшившихъ навстрѣчу отступавшимъ; онъ тоже далъ нѣсколько залповъ, чтобы задержать противника.

Идя напрямикъ, намъ пришлось переправиться по тонкому мѣсту и черезъ канаву съ вязкимъ грунтомъ; три орудія проскочили удачно, а четвертое застряло; минута была довольно критическая, столпились около орудія артиллеристы и казаки, силиясь вытащить, а въ это время японцы уже подошли шаговъ на восемьсотъ и жарили въ насъ пачками. Наконецъ понатужились, орудіе было поднято изъ топи и увезено безъ большихъ потерь въ людяхъ и лошадахъ. Одинъ убитый казакъ былъ перекинутъ черезъ сѣдло и отвезенъ назадъ. Отступление по щелю и черезъ широкую и довольно глубокую рѣку подъ фланговымъ огнемъ непріателя было особенно непріятно. Къ счастью батарея успѣла отойти за скалы, гдѣ стояли наши выюки и оттуда открыла огонь; японцы сейчасъ же притихли, огонь сталъ гораздо рѣже и мы, благодаря этому, понесли мало потерь: два казака убитыхъ и двѣнадцать раненыхъ, офицеровъ ни одного.

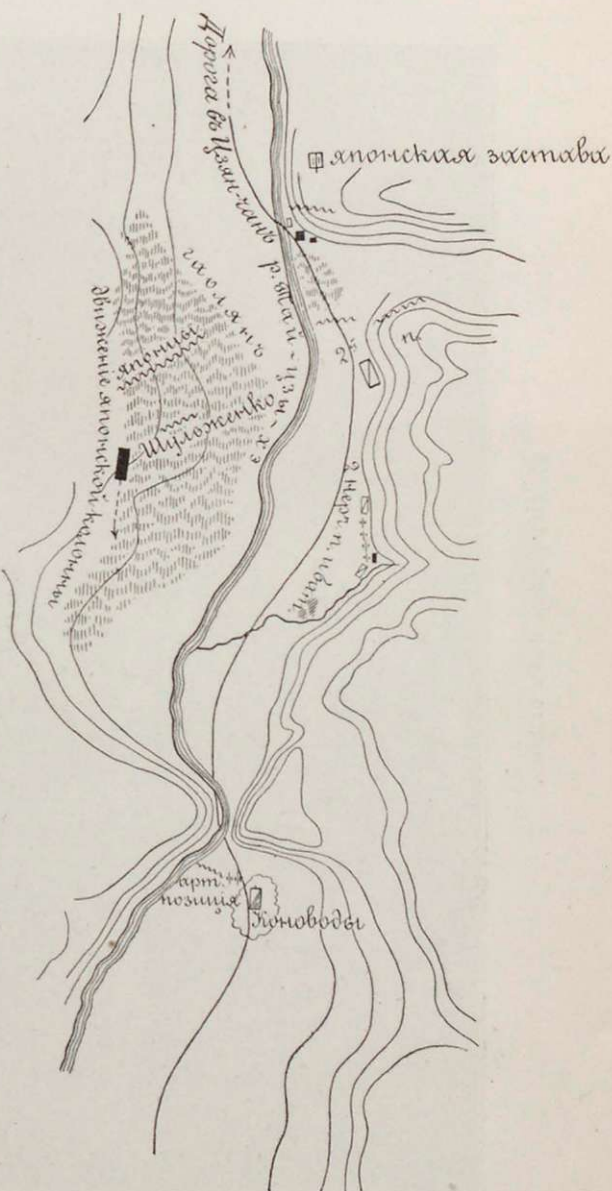
Старшій адъютантъ штаба, бывшій артиллеристъ, капитанъ Шнабель, руководилъ огнемъ батареи съ вершины сопки; онъ говорилъ, что съ первыхъ нашихъ снарядовъ въ двухъ наступавшихъ баталіонахъ оказались значительныя потери и они прекратили преслѣдованіе. Съ самаго начала перестрѣлки командиръ батареи просилъ, чтобы ему было разрѣшено отойти назадъ и выбрать позицію, откуда онъ могъ бы успѣшно дѣйствовать, но

ему было приказано продвинуться впередъ и стать за фанзой подъ горой, гдѣ было мѣсто только для колонны въ одно орудіе, поэтому онъ и не могъ открывать огня по обходнымъ частямъ непріятеля и, чтобы развернуть батарею, долженъ былъ прежде отойти назадъ. Если бы мы послушались Меликова и послали бы довольно сильную часть впередъ для обезпеченія нашего лѣваго фланга, она предупредила бы насъ своевременно объ обходѣ и артиллерія могла бы быть использована съ успѣхомъ.

Большая часть отряда, съ коноводами спѣшенныхъ сотенъ, отступавшихъ по сопкамъ подъ начальствомъ полк. Російскаго, отошла назадъ черезъ рѣку и стала за небольшимъ лѣсомъ.

Батарея продолжала стрѣлять по японской цѣпи, которая отвѣчала рѣдкимъ огнемъ. Въ это время молодой санитаръ, почти мальчикъ, проскакалъ во весь духъ въ сторону непріятеля; я ему крикнулъ: „куда скачешь, тамъ японцы“... онъ отвѣтилъ, не останавливая лошадь: „тамъ остался докторъ“.

Онъ проскакалъ подъ выстрѣлами туда и обратно, не задѣтый ни одной пулей. Но доктора не нашелъ, онъ вернулся по сопкамъ. Нужно отдать справедливость японцамъ, что они стрѣляли отчаянно плохо.

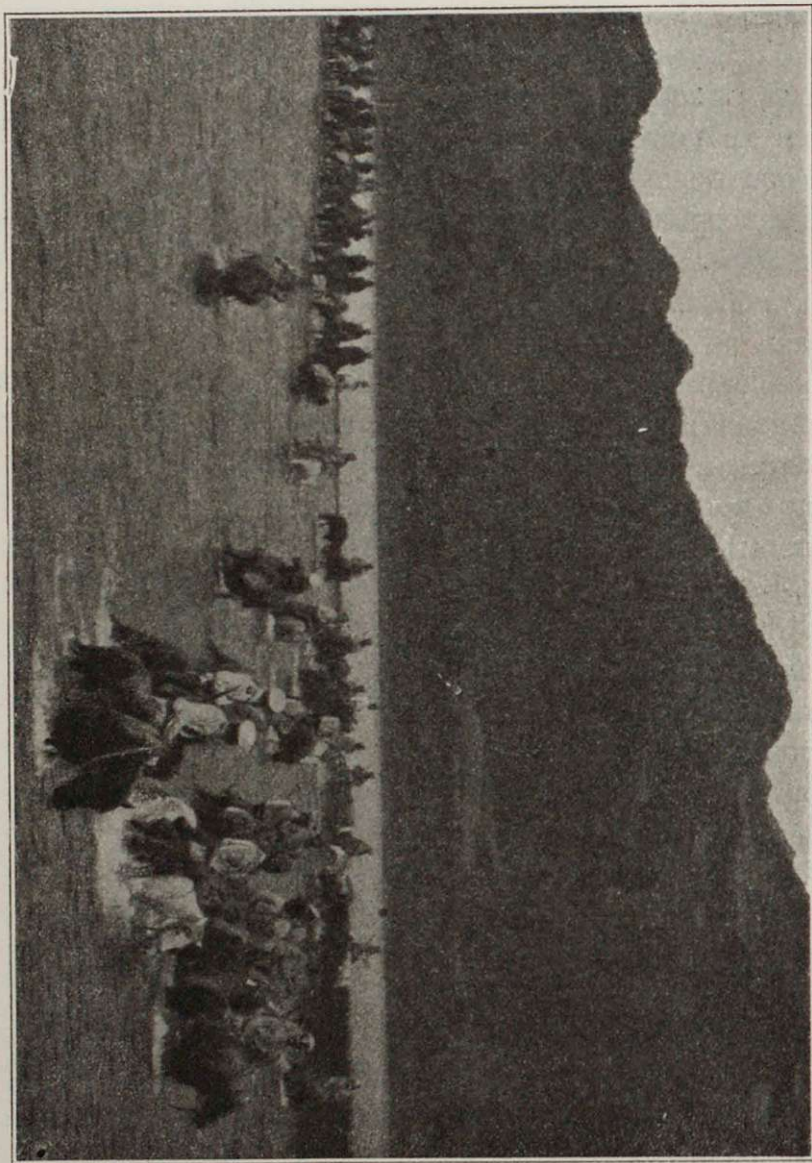

95. Дѣло подъ Цзян-Чаномъ 24 іюля 1904 г.

Когда собрался весь отрядъ, мы отошли къ Манза-чензы; непріятель насъ не преслѣдовалъ.

Манза-чензы, гдѣ мы остановились на ночлегъ, находилась въ одиннадцати верстахъ отъ мѣста боя. Непріятель не преслѣдо-

96. Переправа подь огнемъ.

валъ насъ днемъ, но это не значило еще, что онъ не попытается напасть на насъ ночью.

Ночью я вышелъ посмотреть, на мѣстахъ ли дневальные; у воротъ нашего двора дневальный храпѣлъ во всю мочь; прежде чѣмъ разбудить его, я поинтересовался узнать, какъ несутъ службу

другіе, заглянулъ въ сосѣдній дворъ—дневальный спалъ, въ слѣдующемъ тоже, обошелъ я десятка два дворовъ—вездѣ раздавался могучій храпъ и ни одного человѣка не спавшаго я не видѣлъ. Будить ихъ не стоило, все равно они заснутъ опять, какъ только

97. Стрѣльба конно-горной батареи.

я удалюсь; я вернулся къ себѣ и послѣдовалъ ихъ примѣру въ надеждѣ, что насъ охранялъ св. Николай угодникъ.

25 іюля. Ночь прошла спокойно. Мы выступили въ обратный путь въ пять часовъ утра.

Обозамъ, остановившимся въ д. Сан-цзя-цзай, при 1-й сотнѣ

Нерчинскаго полка, было приказано идти немедленно въ д. Чангоуцзы, на четыре версты далѣе къ сѣверу, куда мы шли тоже.

Былъ адмиральскій часъ, когда я подъѣхалъ къ своей фанзѣ въ д. Сан-цзя-цзай, которую во время нашего отсутствія зани-

98 Коноводы.

малъ Черкесовъ. Въ его распоряженіи я оставилъ Пепино. Я не бралъ его въ экспедицію, когда приказывалось оставлять дома обозы. Это означало набѣгъ, въ успѣшности котораго никто не могъ быть увѣреннымъ. Обѣдъ былъ готовъ, мы живо поѣли,

чтобы не задерживать обоза и отправились на новую стоянку. Къ вечеру пошелъ дождь, первый за весь мѣсяць.—Когда же здѣсь начинается дождливая пора?

99. Генераль Любавинъ.

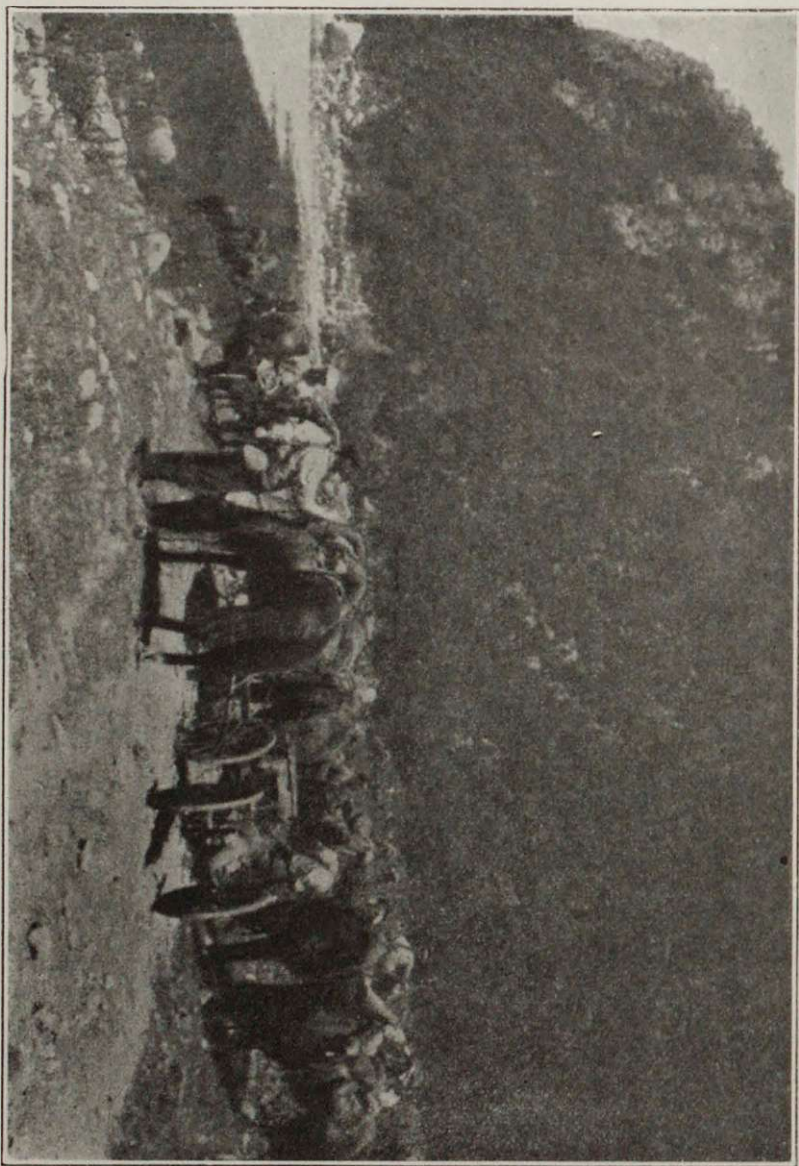
26 іюля. Цѣлый день идетъ дождь—вотъ это, вѣроятно, и есть начало тропическихъ ливней. Писалъ письма.

27 іюля. Въ семь часовъ мы были построены въ резервной колоннѣ. Пришелъ генераль Любавинъ съ Аргунскимъ полкомъ и

мы направились къ Бенсиху. Отрядъ остановился въ д. Бейлин-пуцзы на берегу Тай-цзы-хэ, не доходя второго перевала.

Въ Бейлинпуцзахъ собственно три деревни—двѣ на берегу рѣки и одна саженьхъ въ трехстахъ позади, на полугорѣ.

100. Батарея беретъ „въ передки.“

Тутъ сталъ я съ первымъ дивизиономъ нашего полка. Небо прояснѣло, было очень жарко и парило отъ пропитанной дождемъ почвы. Къ вечеру небо снова заволкло дождевыми тучами.

28 июля. Дожда не было, но Тай-цзы-хэ набухла настолько, что переправа черезъ нее теперь невозможна. Наши стратеги пред-

полагали, что, вѣроятно, этимъ обстоятельствомъ воспользуются японцы, чтобы подойти къ Ляояну, такъ какъ путь отступленія намъ былъ отрѣзанъ.

Періодъ дождей еще не наступилъ, но наступилъ періодъ болѣе продолжительный и пожалуй не менѣе тоскливый: начались разговоры о наградахъ, по поводу перваго полученнаго въ отрядѣ списка награжденныхъ. Я попробовалъ остановить это, предложивъ въ шутку платить штрафъ каждому, кто заговоритъ о наградахъ, но мнѣ отвѣтили, что я въ этомъ вопросѣ не компетентъ, такъ какъ я уже все имѣю еще за турецкую кампанію и мнѣ болѣе нечего получать. Отношенія между товарищами стали обостряться. Мнѣ эти разговоры надоѣли, я полѣзъ на сопку, чтобы ихъ не слышать, а также чтобы провѣрить—правильно ли поставлены сторожевые посты и видна ли мѣстность впереди.

29 іюля. Противъ Мицзы бродъ былъ въ два аршина глубины, переправа возможна для пѣхоты и кавалеріи, но съ трудомъ, артиллерію вовсе нельзя переправить.

Деревушка, гдѣ мы стояли, вся на косогорѣ. Вдоль улицы съ одной стороны были дворы съ фанзами и позади нихъ красивый лѣсокъ, съ другой стороны за стѣною были огороды, а на самую улицу свѣшивались съ деревянныхъ подпорокъ тыквы разныхъ видовъ: огромныя круглыя, продолговатыя, бутылкообразныя, красныя, желтыя и зеленыя. Подъ тѣнью этой веранды стояли наши лошади, защищенныя отъ солнца широкими листьями. Казаки растянули свои палатки тутъ же на улицѣ съ другой стороны; это было очень живописно и такъ и напрашивалось на полотно.

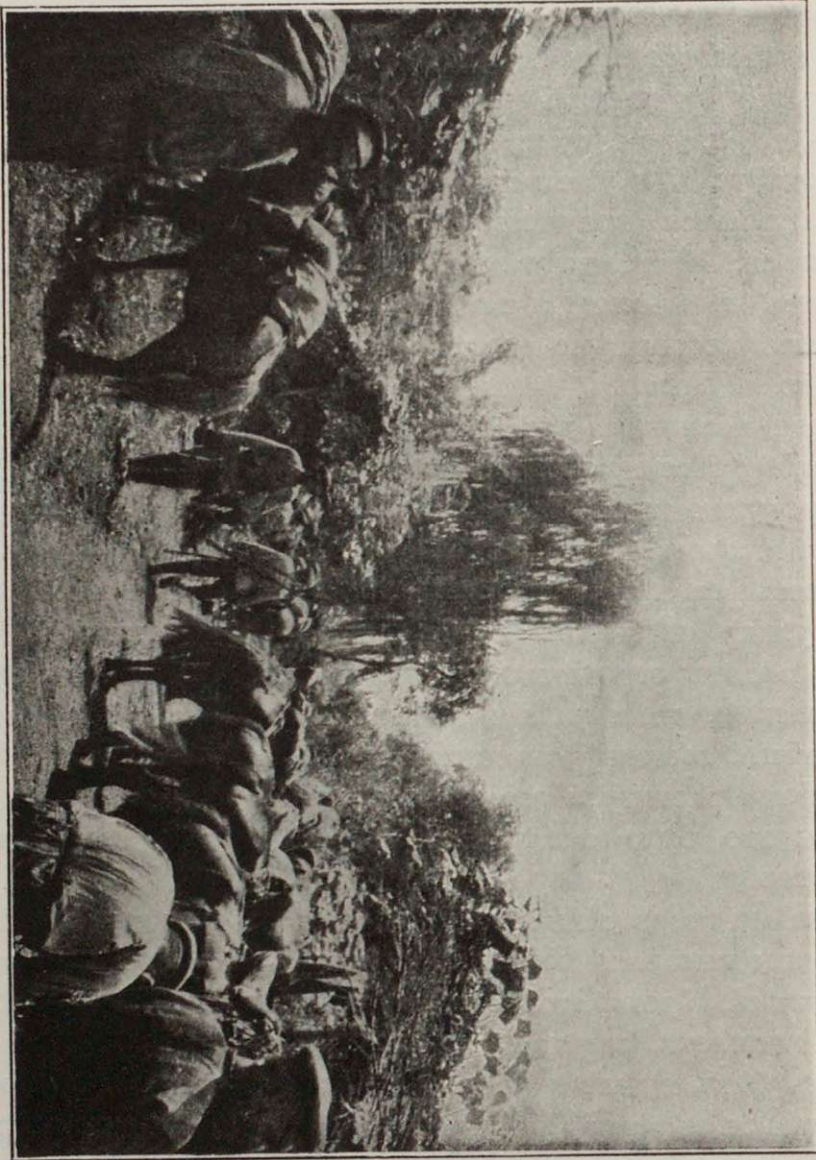
Китайцы говорили и это подтверждалось нашими разъѣздами, что японцы пытались переправиться на нашъ берегъ, но это имъ не удавалось, бродъ, гдѣ они хотѣли пройти, былъ глубоокъ и теченіе слишкомъ сильное.

День былъ ясный и не жаркій, вечеръ чудный, не хотѣлось возвращаться въ фанзу, гдѣ продолжались разговоры о наградахъ.

Я получилъ слѣдующее предписаніе: „№ 262. Завтра вы съ 1-й и 2-й сотнями назначаетесь для производства рекогносцировки лѣваго берега Тай-цзы-хэ, по направленію къ Сяосырю. Сотнямъ быть готовыми къ выступленію въ 6 часовъ утра у расположенія 3-й и 4-й сотенъ. Войск. старш. Трухинъ“.

30 іюля. День ясный. Я думалъ, что рекогносцировка поручена была мнѣ, но въ деревню на берегу рѣки, гдѣ стояли 3-я

и 4-я сотни, прибылъ полк. Россійскій, и я поступилъ подъ его начальство. Направились мы на востокъ къ указанному китайцами броду, дозорные въѣхали въ воду, но должны были вернуться, потому что лошади теряли почву подъ ногами: попыта-

101. Расположеніе 1-го дивизіона 2-го Нерчинскаго каз. полка.

лись переправиться въ другихъ мѣстахъ, оказалось также безуспѣшно, пришлось вернуться назадъ. Я, признаюсь, былъ радъ что эта неудача произошла въ присутствіи начальника штаба дивизіи: если бы рекогносцировку дѣлалъ я или другой строевой офицеръ, то навѣрно подумали бы, что мы ограничились изслѣдо-

ваніемъ только двухъ-трехъ бродовъ и что при большей настойчивости и рѣшимости можно было бы выполнить данную намъ задачу.

По моему указанію китайцы и вѣстовые расчистили поляну въ лѣсу, позади нашей фанзы. Всѣ офицеры перекочевали туда, разложили бурки, китайскіе маты и, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, что мы были въ Манчжуріи, можно было устроиться „инсь грюнъ“—какое наслажденіе! Я думалъ, что на лонѣ природы страсти успокоятся и жизнь опять потечетъ мирно, какъ было до извѣщенія о наградахъ. Увы, я ошибался.

Какъ только устроишься поудобнѣе, сейчасъ приходится уходить; такъ было и теперь: получено было предписаніе выступить завтра въ семь часовъ утра и идти на Сан-цзя-цзы для производства рекогносцировки къ Фанзяпуцзы. Всѣ приготовленія къ походу были сдѣланы съ вечера.

31 іюля. Въ шесть часовъ утра я получилъ слѣдующее предписаніе отъ генерала Любавина: „№ 1070. Вы должны оставаться въ Бейлинпуцза и наблюдать за долиною Тай-цзы-хэ до Сяосыря и за переваломъ не доходя Бейлинпуцза. На перевалѣ по дорогѣ Гаолинцзы держите постоянно заставу для наблюденія за дорогою изъ Сяосыря на Далинь. Къ Сяосырю ежедневно посылайте развѣздъ. Главная ваша задача своевременно раскрыть—какія силы японцевъ переправятся на участкѣ Бейлинпуцза—Сяосырь. Для связи съ отрядомъ подполковника Мадритова на Далинскомъ перевалѣ высылайте черезъ день къ нему небольшой развѣздъ, описывая нашу обстановку и прося сообщить свои свѣдѣнія.

О положеніи дѣлъ въ своемъ отрядѣ, ежедневно разъ въ сутки, утромъ обязательно доносите, важныя донесенія посылайте немедленно. Посылайте лазутчиковъ, свѣдѣнія отъ нихъ провѣряйте развѣдками. Мы отойдемъ сегодня къ Уй-ин-яину, оставивъ въ Сан-цзя-цзахъ одну сотню.

Генераль-Маіоръ Любавинъ“.

Отрядъ генерала Любавина ушелъ. Начальникъ штаба дивизіи передалъ на словахъ, что въ случаѣ натиска непріятеля, я долженъ былъ отступить со своимъ отрядомъ на Бэнсиху или на Мукденъ, если бы дорога на Бэнсиху была занята противникомъ.

Такъ какъ дорога на Бэнсиху идетъ, на значительномъ протяженіи по берегу Тай-цзы-хэ, у подножія горъ, то достаточно было бы небольшого непріятельскаго отряда на той сторонѣ рѣки,

чтобы задержать наше движеніе; поэтому я счелъ безотлагательнымъ изслѣдовать горныя тропы въ этомъ направленіи, чтобы, въ случаѣ надобности, обойти эту дорогу. Я отправился на развѣдку съ нѣсколькими казаками и нашелъ тропу черезъ сопки, по которой могли пройти выюки; она выходила въ долину, идущую на сѣверъ, въ пяти верстахъ отъ Тай-цзы-хэ и поэтому могла служить безпрепятственному отступленію отряда по направленію къ Бенсиху.

Въ два часа дня противъ нашего расположенія у д. Мицзы появился японскій развѣздъ въ двадцать всадниковъ.

Я послалъ хорунжаго Мерчанскаго провѣрить донесеніе казачьяго поста; когда онъ подъѣхалъ на берегъ рѣки, развѣздъ уже скрылся за сопками въ южномъ направленіи.

Отъ подполковника Мадритова прибылъ для связи хорунжій 10-го Оренбургскаго полка Шемиловъ; онъ разсказалъ, какъ полусотня ихъ полка была внезапно застигнута ночью на бивакѣ японцами; пять казаковъ было убито, двое пропало безъ вѣсти, остальные, побросавъ сѣдла и все имущество, вскочили на лошадей и пробились сквозь окружавшаго ихъ непріятеля.

1 августа. Перепадаетъ мелкій дождикъ. Наши развѣзды непріятеля не видѣли.

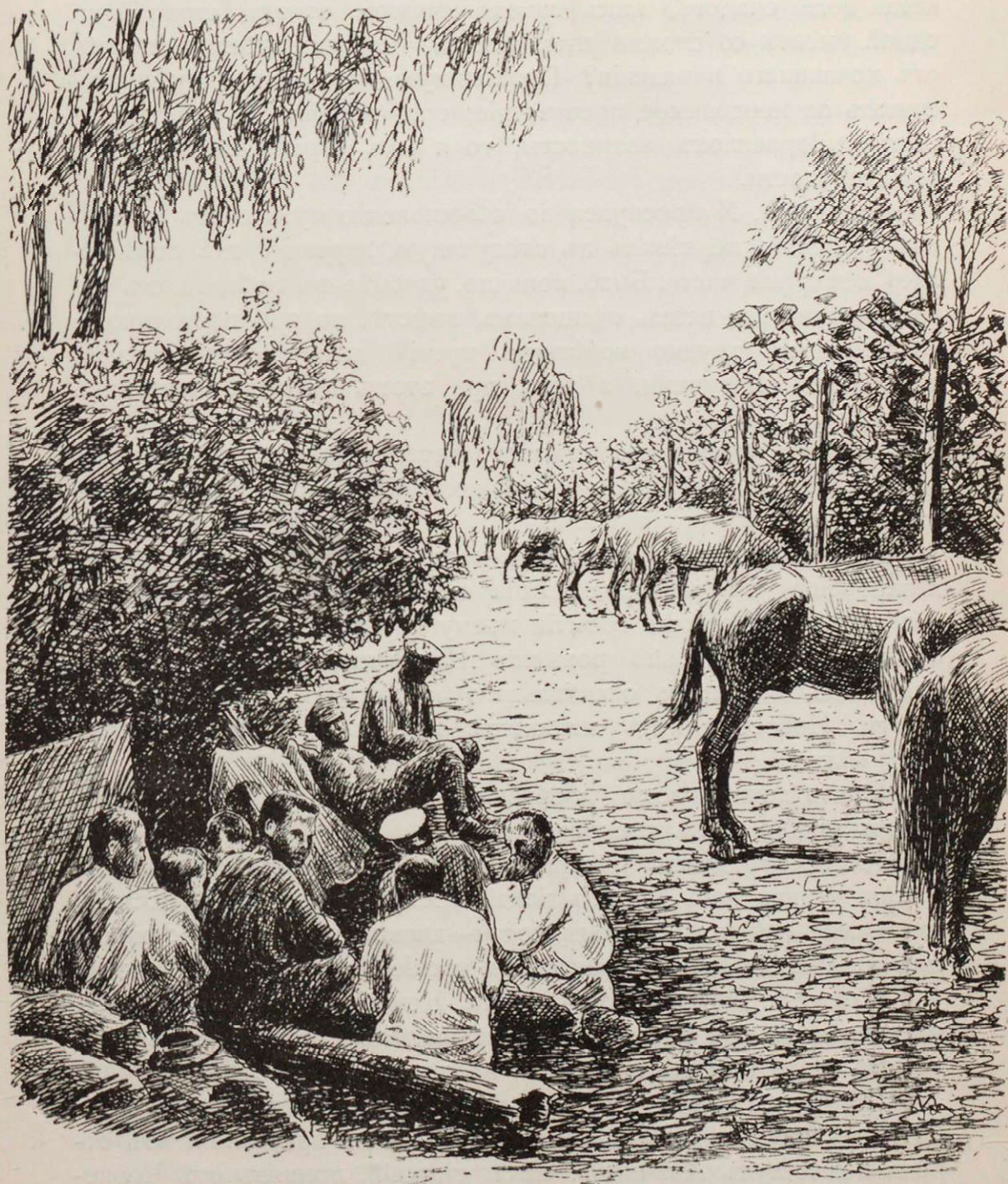
Ощущался недостатокъ въ мукѣ и сахарѣ. Пепино замѣнилъ намъ хлѣбъ густо заваренной чумизной кашей, нарѣзанной и высушенной.

2 августа. Заволокло кругомъ, пошелъ сплошной дождь, но въ рѣкѣ воды прибыло только на два вершка.

Баронъ Корфъ поѣхалъ въ полкъ за полученіемъ авансовъ для командировъ сотенъ. Николай отправился въ Мукденъ за запасами.

Вступивъ въ командованіе отдѣльнымъ отрядомъ, я передалъ моимъ сотеннымъ командирамъ, для точнаго исполненія, полученныя мною предписанія генерала Любавина и приказалъ, чтобы начальники развѣздовъ являлись ко мнѣ передъ выступленіемъ, въ семь часовъ утра, для полученія инструкцій и пакетовъ въ штабъ дивизіи и въ отрядъ подполковника Мадритова; внутренній же нарядъ и охрану собственно нашего отряда я предоставлялъ вполнѣ усмотрѣнію сотенныхъ командировъ, требуя только, чтобы была всегда въ готовности дежурная часть—одинъ взводъ.

Я не придавалъ особаго значенія нашимъ мѣрамъ охраненія:

102. Казаки полдничаютъ.

мы были въ сравнительной безопасности, пока стояла полая вода, препятствующая переправѣ впереди нашего расположенія; но когда вода спадетъ, какъ можно считать отрядъ, стоящій на одной высотѣ со своими сторожевыми постами, обезпеченнымъ отъ нечаяннаго нападенія? Проходимую въ бродъ рѣку нельзя считать за неодолимое препятствіе; если непріятелю удастся застигнуть врасплохъ аванпосты, то и весь отрядъ подвергнется той же участи.

3 августа. Я проснулся по обыкновенію чуть свѣтъ и принялъ рѣшеніе переѣхать въ слѣдующую деревню, гдѣ помѣщалась дежурная часть. Было, конечно, удобнѣе въ небольшомъ отрядѣ оставаться всѣмъ офицерамъ вмѣстѣ, но при постоянномъ сожителствѣ трудно избѣгнуть треній даже между самыми спокойными натурами, а быть при этомъ въ роли начальника неудобно.

Я очень удобно помѣстился у китайскаго аптекаря, онъ же и врачъ, но я сомнѣвался въ его познаніяхъ и предпочелъ бы не имѣть нужды въ его помощи.

Дошелъ до насъ слухъ, что родился Наслѣдникъ Престола; я запросилъ у начальника штаба дивизіи, могу ли я объявить объ этомъ радостномъ событіи моему отряду; на это я получилъ отвѣтъ: „Относительно рожденія Наслѣдника подождите объявлять до полученія офиціального извѣстія или извѣстія изъ газетъ. Новостей нѣтъ никакихъ, писемъ и газетъ попрежнему нѣтъ“.

Опять дождь, воды прибавилось на семь четвертей—вотъ теперь можно спать спокойно.

Къ вечеру дождь прекратился, появился молодой мѣсяцъ. Тихая, чудная ночь, я былъ радъ своему одиночеству, я досталъ изъ сумки всѣ мои драгоценности—дневники и письма; никто мнѣ не мѣшалъ и я углубился въ чтеніе знакомыхъ мнѣ строкъ.

4 августа. Дождь полилъ опять. Командиры сотенъ просили моего разрѣшенія перейти въ деревню, гдѣ я стоялъ, такъ какъ у нихъ люди и лошади утопали въ грязи.

Послѣ обѣда всѣ офицеры явились ко мнѣ по случаю прибытія на новое мѣсто расположенія. Вновь прибывшій изъ отряда подъяесаулъ Аничковъ, какъ старшій, принялъ отъ Черксова 1-ю сотню. Я сообщилъ сотеннымъ командирамъ только что полученное отъ полковника Россійскаго предписаніе: „Постарайтесь выяснить во что бы то ни стало что находится у Сяосыря;

вышлите лазутчиковъ и пѣшій разъѣздъ на лодкахъ. Отошлите есаулу кн. Джандіери постъ летучей почты на усиленіе его сотни и отправляйте донесеніе отъ сотенъ до Сан-цзя-цзы. У насъ все спокойно. Газетъ и писемъ не получаемъ. Полковникъ Россійскій“.

Меликовъ и Аничковъ предложили поручить уряднику 1-й сотни Матвѣеву разыскать лазутчиковъ и пойти съ разъѣздомъ, чтобы провѣрить ихъ показанія. Матвѣевъ прожилъ три года въ Шанхаѣ при нашемъ консульствѣ и говорилъ свободно по-китайски; его однако не всегда понимали, потому что онъ говорилъ южнымъ нарѣчіемъ.

Вечеромъ Матвѣевъ привелъ мнѣ двухъ китайцевъ-католиковъ изъ сосѣдней деревни, согласившихся идти въ Сяосырь, если окажется возможнымъ переправиться. Чтобы показать мнѣ, что они христіане, они крестились, увѣряя, что я могу вполне имъ довѣриться. Я слышалъ однако, что китайцы-христіане не пользуются хорошей славой и имъ не слѣдуетъ довѣряться болѣе, чѣмъ язычникамъ.

5 августа. Съ утра дождя не было, рѣка спала на четверть. Въ нашей деревнѣ дворы и дорожки по песку подсохли, послѣ полудня показалось солнце.

По случаю приѣзда въ полкъ офицера старше въ чинѣ Филиппова ему пришлось сдать 3-ю сотню, а Филипповъ былъ переведенъ въ 1-ю сотню; онъ явился ко мнѣ сегодня.

Черкесовъ уѣхалъ въ полкъ, чтобы просить кратковременный отпускъ въ Мукденъ для поправленія здоровья—у него были сильно расшатаны нервы. Меликовъ тоже боленъ и, по мнѣнію доктора Терешковича, довольно серьезно. Мерчанскій переведенъ въ другую сотню и уѣхалъ съ Черкесовымъ.

Китайцы, ходившіе въ Сяосырь, вернулись и сообщили, что переправы черезъ Тай-цзы-хэ нѣтъ уже четвертый день, что японцы на правый берегъ не переходили. У Сяосыря стоятъ 500 чел. пѣхоты, 20 ч. кавалеріи, 5 орудій и 55 ч. хунхузовъ, снаряженныхъ японцами.

Вечеромъ вернулся съ разъѣздомъ Матвѣевъ; онъ донесъ слѣдующее: „Разъѣздъ дошелъ до деревни Сан-цзя-цзай; изъ разспросовъ китайцевъ онъ узналъ, что японцы въ количествѣ около 300 ч. занимали д. Тун-дя-вю на правомъ берегу рѣки въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Сан-цзя-цзая, въ пяти верстахъ далѣе на западъ, по той же сторонѣ, въ д. Салинцзы тоже были

расположены японцы. Между этими деревнями японцы держали связь, посылая ежедневно разъезды через Далинскій переваль (второй переваль отъ Сяосыръ). Въ Сяосыръ 700 ч. съ орудіями.

103. Ковка.

По словамъ китайцевъ, японцы занимали всѣ деревни по теченію Тай-цзы-хэ, выше района нашего наблюденія.

Сообщенія Матвѣева мнѣ показались подозрительными: онъ распространялся въ подробностяхъ—обычный пріемъ лгуновъ, да притомъ отъ него сильно разило ханшиномъ (китайская неочищенная водка).

Всѣ эти свѣдѣнія я послалъ генералу Любавину, добавивъ, что, не довѣряя донесеніямъ урядника Матвѣева, я завтра высылаю для ихъ провѣрки разъѣздъ подъ командою барона Корфа.

Фельдшеръ, вернувшійся изъ Сан-цзя-цзы, передалъ, что онъ видѣлъ у Мицзы три большія лодки, а китайцы нашей деревни говорили, что въ сумеркахъ три человѣка съ лошадьми переправлялись на этихъ лодкахъ, но, не приставши къ берегу, вернулись обратно. Я приказалъ поставить туда на ночь постъ для наблюденія

6 августа. Дождя нѣтъ, но сѣро, сыро и холодно.

Прибылъ къ намъ состоящій при штабѣ 3-й пѣхотной дивизіи штабсъ-капитанъ Шевалинъ съ разъѣздомъ отъ Нѣжинскаго драгунскаго полка для обслѣдованія дорогъ къ Далинскому перевалу. Онъ передалъ намъ послѣднія новости:

Отряду генерала Янжула, въ составѣ 19 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и артиллеріи, дана задача прикрывать лѣвый флангъ арміи. Генераль Куропаткинъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и говорилъ, что въ послѣдніе дни онъ спалъ спокойно. Куропаткинъ думалъ, что японцы не будутъ прорываться къ Мукдену у Бенсиху, но если бы они задумали это движеніе къ Мукдену, то это будетъ черезъ Сяосырь или Цзян-Чанъ. 5-й сиб. корпусъ генерала Соболева высаживался съ 1-го августа, вслѣдъ за нимъ подойдетъ 1-й корпусъ и тогда мы перейдемъ въ наступленіе.—Дай Богъ. Оказывается, что послѣ дѣла у Хайчена японцы отошли по всей линіи и нельзя угадать, что они теперь замышляютъ. Генераль Стессель донесъ, что въ бояхъ съ 11 по 16 іюля наши потери 55 офицеровъ и 1500 нижнихъ чиновъ, японцевъ же выбыло изъ строя около 10 тысячъ; они отказались погребать своихъ убитыхъ и это сдѣлали русскіе, они же перевязывали раненыхъ японцевъ. Мы точно ожили, получивъ сообщеніе о томъ, что дѣлалось извнѣ, а то можно было совсѣмъ одичать.

Баронъ Корфъ вернулся съ развѣдки. Японцевъ не оказалось на правомъ берегу Тай-цзы-хэ; Корфъ думалъ, что китайцы нарочно пугали насъ японцами, чтобы мы не занимали ихъ деревень и не травили зеленого корма—это очень вѣроятно; такимъ образомъ показанія китайцевъ-католиковъ подтверждались.

7 августа. Дождя не было, но пасмурно. Разъѣздъ, возвратившійся изъ отряда Мадритова, привезъ донесеніе командира баталіона 1-го Читинскаго пѣхотнаго полка, что на Танхуалин-

скомъ перевалѣ по казачьимъ постамъ была открыта частая одиночная пальба съ сопокъ. Когда онъ прибылъ туда по тревогѣ, непріятель скрылся; по этому случаю онъ отозвалъ назадъ сотню Оренбурцевъ, выдвинутую въ Цин-хечень для наблюденія за дорогою на Цзян-чанъ.

Я поѣхалъ лично изслѣдовать горную тропу къ сѣверу отъ Бейлинпуцзы, она оказалась очень трудною для передвиженія вьючнаго обоза, въ особенности ночью. Спустившись по ту сторону крутого перевала, я попалъ въ мирный, красивый уголокъ съ живописной и на видъ богатой деревушкой, утопающей въ зелени; меня заинтересовали громадныя орѣхи незнакомой мнѣ разновидности. Густо заросшимъ ущельемъ я выбрался въ долину, идущую отъ Тай-цзы-хэ на сѣверъ, по направленію къ Мукдену. Я свернулъ къ рѣкѣ и поѣхалъ осмотрѣть постъ, выставленный на перевалѣ къ Сан-цзя-цзы. Съ вершины перевала чудный видъ на разлившуюся Тай-цзы-хэ въ обѣ стороны. Днемъ отсюда нельзя проглядѣть ни одного движенія непріятеля.

Китаецъ лазутчикъ, посланный Корфомъ въ Сяосырь, вернулся и сообщилъ, что въ Сяосырѣ онъ былъ самъ, что тамъ японцевъ не было, а что отрядъ въ 300 ч. пѣхоты и 200 кав. безъ орудій стоялъ въ Чичаю и высылалъ разъѣзды къ Сяосырю. 5-го августа туда заходили 25 ч. пѣшихъ, варили пищу и потомъ вернулись обратно. Сомнительно, чтобы у японцевъ было сравнительно съ пѣхотою, такъ много конницы—имъ тогда не зачѣмъ было бы посылать пѣшіе патрули. Этотъ же китаецъ слышалъ, что въ Юлун-шунѣ, противъ Бенсиху, стоялъ непріятельскій отрядъ въ тысячу человекъ и высылалъ разъѣзды къ Сигоу въ трехъ верстахъ отъ Тун-де-вию.

Николай вернулся изъ Мукдена и привезъ нѣсколько вьюковъ разныхъ запасовъ для Меликова и обѣихъ сотенъ, на мою долю Николай привезъ сахару. Здоровье Меликова немного поправилось.

Весь вечеръ я просидѣлъ на берегу рѣки; небо прояснилось, голубоватые и лиловые тона отдаленныхъ горъ отсвѣчивались на золото-красномъ фонѣ заката, заискрились звѣзды, луна придавала что-то сказочное нашему биваку, разбросанному подъ аллеями перистыхъ ивъ вдоль ручья, переливающегося серебромъ на темномъ бархатѣ песка.

9 августа. Дождя нѣтъ, въ ручьѣ, гдѣ я купался, вода на-

грѣбалась лучами солнца какъ горячая ванна, вѣроятно, вслѣдствіе отсвѣчиванія темной окраски песка.

Отъ начальника Далинскаго отряда, подполковника Муфеля, я получилъ слѣдующія донесенія для препровожденія генералу Любавину: „7 августа, около 10 часовъ дня, казаки, съ поста на Танхоулинскомъ перевалѣ, спустились по ту сторону перевала къ фанзамъ, добыть себѣ фуража, и только что стали подниматься, какъ сзади начали по нимъ стрѣлять, а затѣмъ и съ правой стороны, а также, казаки говорятъ, стрѣляли будто бы и впереди далеко отъ нихъ. Казаки не могли двигаться дорогою, спустились въ долину и вышли къ подошвѣ перевала съ нашей стороны. Мнѣ они донесли, что идутъ японцы, я съ полутора ротами двинулся туда; головная полурота вышла на самую верхушку перевала, гдѣ стояли казачьи посты, но никого не замѣтила, а тутъ вскорѣ пришелъ Вашъ разъѣздъ и по опросѣ моемъ казаки отвѣтили, что тоже ничего не замѣчали. На перевалѣ найдено много пустыхъ гильзъ разныхъ калибровъ. Стрѣльбу слышали и солдаты двухъ моихъ постовъ. Предполагается, что это хунхузы и, конечно, небольшая партія. Теперь тамъ взводъ пѣхоты. Подполк. Муфель“ № 9. 9 августа 6 ч. утра, войсковому старшинѣ Квитка.

„Подъесаулъ Моревъ доносить: Не доходя кумирни около Ци-хе-чена въ 2 верстахъ его дозоры были обстрѣляны японцами. Построилъ лаву, показалась застава, по ней данъ огонь изъ лавы, а когда показались обходы, лава отошла къ ротѣ Читинскаго полка, высланной для поддержки. 3-я сотня Оренбургская съ ротою перешла въ наступленіе и въ верстѣ отъ кумирни въ 8 часовъ вечера пріостановила движеніе. 8 августа.

Подполковникъ Муфель“.

„3-я Оренб. сотня, вчера, 8 августа, вмѣстѣ съ 10 ротою, были мною выдвинуты по дорогѣ Далинъ—Ци-хе-ченъ. Обрисовывается движеніе японцевъ отъ Цзян-чана на Далинъ и Муценъ“.

Я послалъ эти донесенія генералу Любавину экстренно.

Заставы и посты наши предупреждены, что непріятель выказываетъ особую дѣятельность и что надо быть бдительными. Сомнѣваюсь, что мое распоряженіе произведетъ какое-либо впечатлѣніе на казаковъ. Вечеръ чудный, забываешь о войнѣ и о близости непріятеля.

10 августа. Солнечный жаркій день. Съ берега я слѣдилъ за движеніемъ посланнаго мною на ту сторону Тайцыхэ развѣзда подѣ командою подъесаула Филиппова. Онъ переправился въ бродъ немного ниже нашего расположенія и направился по горной дорогѣ отъ Мицзы на юго-востокъ, въ сторону Сяосыря. Когда они подходили къ подошвѣ перваго перевала, на гребнѣ его вдругъ появились изъ-за горы нѣсколько человѣкъ въ соломенныхъ шляпахъ, наблюдавшихъ за нашимъ развѣздомъ. Филипповъ, видно, обратилъ на нихъ вниманіе и послалъ дозорныхъ на сопку въ обходъ, а самъ продолжалъ движеніе къ перевалу, — люди на горѣ скрылись. Филипповъ вернулся къ вечеру весь мокрый; на обратномъ пути, во время переправы черезъ рѣку его лошадь упала и была снесена теченіемъ; къ счастью, она скоро стала на ноги и Филипповъ выбрался на берегъ благополучно. Онъ прошелъ съ развѣздомъ черезъ два перевала, примѣрно около семи верстъ, не замѣтивъ непріятеля, кромѣ тѣхъ людей, которые скрылись въ горахъ, когда наши дозорные стали ихъ обходить. Это были, вѣроятно, японцы. Дорога была трудно проходима даже для спѣшеннаго небольшого развѣзда; поэтому ожидать оттуда нападенія значительнаго отряда не было причины.

11 августа. Сотенные командиры пришли ко мнѣ переговорить о мѣрахъ, которыя должны быть приняты въ случаѣ внезапнаго нападенія непріятеля ночью. Меликовъ горячо отстаивалъ мысль, что необходимо назначить заранѣе путь отступленія и, по его мнѣнію, у насъ не было выбора, мы должны были отходить по дорогѣ на сѣверъ отъ нашего расположенія. Я не раздѣлялъ этого мнѣнія, но спорить не сталъ, поставивъ только условіемъ, чтобы отрядъ остановился до разсвѣта на первомъ перевалѣ, пока не выяснятся намѣренія противника.

Развѣздъ, посланный къ Мадритову, встрѣтился съ его развѣздомъ на нашей заставѣ и обмѣнялся донесеніями. Вотъ что писалъ подполк. Муфель: „№ 20, 11 авг. В. С. Квитка. Въ д. Бейлинпуцзы. По распоряженію подполковника Мадритова я выслалъ еще одну роту къ д. Цинхечену и теперь тамъ двѣ роты и полторы сотни казаковъ. Приказано имъ развѣдать о количествѣ японцевъ, занявшихъ Цинхечень и ханшиновый заводъ. Сегодня, 10 августа, подъесаулъ Моревъ изъ кумирни у Цинхечена донесъ, что посланный имъ китаецъ въ Цзян-чанъ сказалъ, что въ Цзян-чанѣ 1 тысяча человѣкъ конницы съ красными лам-

пасами и болѣе тысячи пѣшихъ съ желтыми лампасами, при нихъ 20 пушекъ привьюченныхъ на лошадяхъ. Всѣ они расположены въ Цзян-чанѣ по дворамъ. Это онъ, китаецъ, видѣлъ самъ, а слышалъ онъ, что у д. Санза-фанза на постахъ 1 тысяча человекъ. Пришедшій другой китаецъ изъ Сяосыря говорилъ, что японцы готовятся занять Тинкуалинскій перевалъ и что около д. Куалинчунъ 7 августа ночевали японскіе шпіоны. Сейчасъ только получилъ донесеніе, что двинутыя впередъ двѣ роты и сотня съ Волжинымъ сегодня утромъ двинутся на Дапиндушанъ. Подполк. Муфель“.

Изъ Ляояна прибылъ мой вѣстовой, Иванъ Макаровъ, безъ лошади, но съ актомъ за подписью ветеринара пограничной стражи, что мой любимецъ, красавецъ Джигить, палъ отъ воспаления легкихъ. Я такъ былъ огорченъ этимъ извѣстіемъ и сердить на вѣстового, виновника болѣзни лошади по лѣни и недосмотру, что я его немедленно прогналъ въ свою 4-ю сотню.

12 августа. Ночью и утромъ рано были слышны пушечные выстрѣлы въ отдаленіи, по направленію къ Сяосырю.

Урядникъ 1-й сотни Юлгинъ, ходившій вчера къ Сяосырю, донесъ, что, по показаніямъ прикащика лавки, принадлежавшей хозяину нашей фанзы, 22 конныхъ японца съ офицеромъ провели ночь въ Сяосырѣ съ 9 на 10 августа, хорошо расплатились за взятую провизію. Японскіе патрули ходятъ горными тропами по всѣмъ направленіямъ. 1 полкъ пѣхоты стоялъ не доходя Сыгоулина въ д. Тунцзя, высылая разѣзды къ Чичаю и Сяосырю. Объ орудіяхъ ничего не слышалъ.

По порученію команд. полкомъ, Филипповъ передалъ мнѣ частнымъ образомъ, что генераль Куропаткинъ запрашивалъ штабъ дивизіи телеграммою, сколько лѣтъ я былъ на службѣ въ чинѣ подполковника. Предполагають, что запросъ этотъ былъ сдѣланъ по поводу моего представленія въ полковники за дѣла, въ которыхъ я участвовалъ съ мая по 6 іюля.

Начальникъ штаба дивизіи сообщилъ, что извѣстіе о рожденіи Наслѣдника Престола подтверждено официально и поэтому я могу объявить о томъ моему отряду. Привезена водка для раздачи нижнимъ чинамъ послѣ парада.

Получено донесеніе отъ командующаго 10-мъ Оренбургскимъ казачьимъ полкомъ В. С. Волгина: Онъ наступалъ на Дапиндушанъ и ханшиновый заводъ, предлагалъ подполк. Муфелю зорко слѣдить за непріателемъ, который изъ Цзян-чана и Сяосыря

можетъ подойти къ Далину. Предупреждалъ его, что онъ можетъ отступить, куда вынудятъ его обстоятельства, такъ какъ онъ хотя и прикрываетъ дорогу на Мукденъ, но Мукденъ охраняется 5-мъ сибирскимъ корпусомъ. Мадритовъ предполагалъ атаковать Цзян-чанъ черезъ десять дней и выбить японцевъ изъ этого гнѣзда.

Каждый вечеръ мы укладывали всѣ свои пожитки и были готовы къ выступленію въ самый короткій срокъ.

13 августа. Нужно полагать, что теперь погода установилась—уже нѣсколько дней не было дождя и солнце припекало изрядно. Съ ранняго утра начался бой на западѣ, по направле- нію къ Сихеяну, къ девяти часамъ утра орудійные залпы уча- стились.

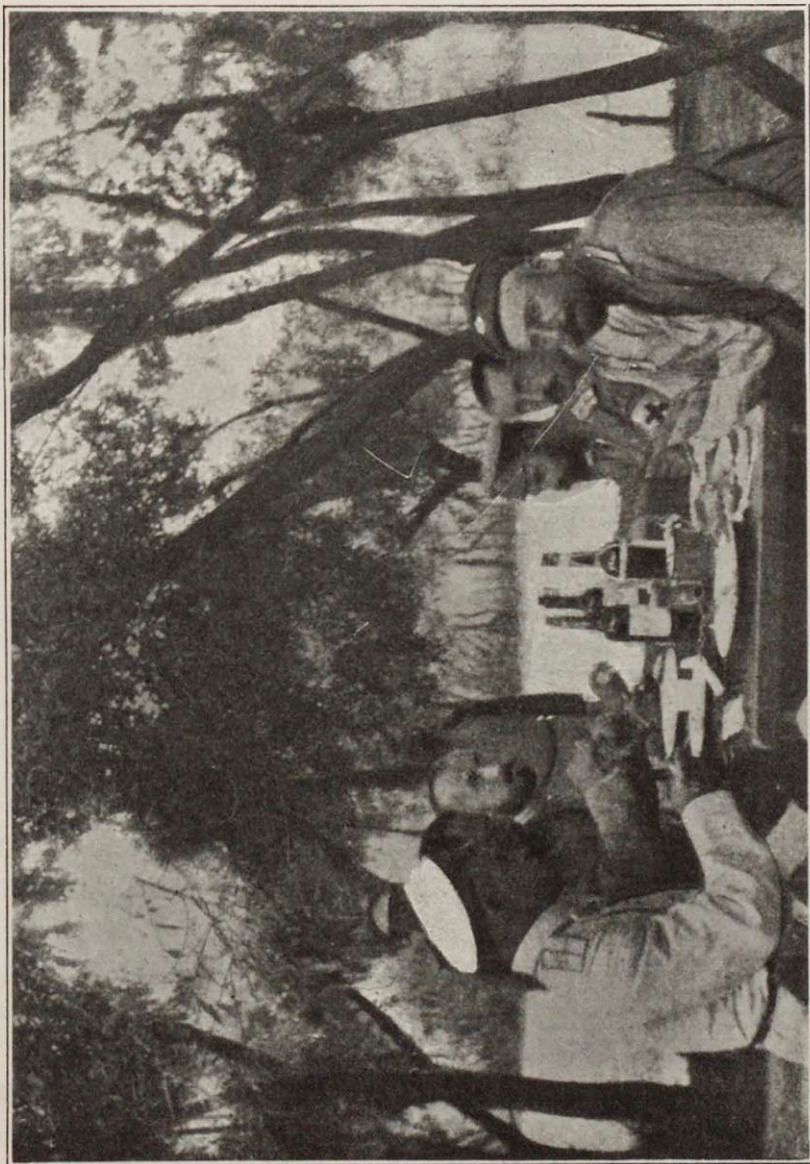
Парадъ въ пѣшемъ строю по случаю рожденія Наслѣдника Престола былъ назначенъ въ половинѣ двѣнадцатаго, по возвра- щеніи смѣны съ заставы. Сотни построились на ровномъ и от- крытомъ мѣстѣ на берегу ручья. Кн. Меликовъ, старшій изъ сотенныхъ командировъ, встрѣтилъ меня съ рапортомъ. Я обра- тился къ отряду: „Ребята, въ тяжелую годину Богу угодно было даровать Царской Семѣ и всему русскому народу великую ра- дость: родился давно жданный Наслѣдникъ Престола. Да здрав- ствуетъ на многія лѣта Его Императорское Высочество, Наслѣд- никъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ. Ура“. Въ это время въ отдаленіи орудійные залпы слѣдовали одинъ за другимъ без- прерывно.

Взявъ чарку водки, я сказалъ: „Подъ градомъ слышанныхъ нами орудійныхъ залповъ, какъ военного салюта, пью за здо- ровье Государя Императора, за здоровье Государынь Императ- рицъ, за здоровье Наслѣдника Цесаревича, генераль-адъютанта Куропаткина, генерала Ренненкампа, команд. полка В. С. Тру- хина и за ваше здоровье“.—Послѣ каждой здравицы, раздава- лись вдали залпы, какъ бы въ отвѣтъ на нихъ. Меликовъ пилъ за мое здоровье, я отвѣтилъ за здоровье сотенныхъ командировъ и господъ офицеровъ. Аничковъ пилъ за здоровье сотенъ.

Затѣмъ сотни разбѣжались домой обѣдать, на ура.

Для офицеровъ столъ былъ накрытъ подъ деревьями, на берегу ручья. Пепино превзошелъ себя по случаю такого тор- жества; меню было: блинчатый пирогъ изъ курицы, супъ, филѣ миньонъ и сабайонъ изъ шоколада, къ десерту были поданы леденцы и мелкіе орѣшки; напитки были полбутылки водки,

три бутылки красного вина и полбутылки рому. Не похоже было это на тѣ пиры, про которые говорили въ штабѣ арміи, предполагая, что въ отрядѣ генерала Ренненкампа всегда разливное море.

104. Завтракъ послѣ парада по случаю рожденія Цесаревича.

Отъ старшаго адъютанта штаба дивизіи я получилъ слѣдующее сообщеніе. „№ 1119. 13 августа. Изъ Уй-ян-нынѣ.

Вчера, 12 авг., ген.-маіоръ Любавинъ съ отрядомъ изъ 2 ротъ 11-го Псковскаго полка, 7 сотенъ и 2 конно-горныхъ орудій произвели рекогносцировку отъ Уй-ян-нына по направленію на

Фанцзяпуцзы. Отрядъ не дошелъ до д. Таянъ 1—2 верстѣ, гдѣ были встрѣчены не менѣ какъ 1 баталіономъ пѣх. при небольшой конной части. Непріятель занималъ сильно укрѣпленную позицію по высотамъ, составляющимъ тутъ узкое ущелье. Рекогносцировка выяснила, что проходъ къ Фанцзяпуцзы сильно запертъ, самое же ущелье свободно до указанной позиціи; къ нашему расположенію высылаются лишь разъѣзды. Ранены—офицеровъ 5 (Заботкинъ легко въ ногу, Шульженко тоже не тяжело — въ верхнюю часть ноги, есаулъ Вербицкій и 2 пѣх.). Нижнихъ чиновъ и казаковъ убито 6, ранено 30, безъ вѣсти пропало 2 пѣхотин. Въ 6 часовъ вечера мы начали отходить. Капитанъ Шнабель“. Для руководства и передачи въ отрядъ Мадритова было отъ Шнабеля такое сообщеніе: „Задача нашего отряда — наблюдать за противникомъ на участкѣ Бенсиху — Сяосырѣ. Въ случаѣ его наступленія на Мукденъ выяснить направленіе наступленія и силы противника, задерживать наступленіе; въ случаѣ возможности поддерживать отрядъ въ Бенсиху“.

Канонада, прекратившаяся въ два часа, возобновилась въ четыре, но съ меньшею интенсивностью.

Казаки получили только по десяти бутылокъ водки на сотню, а къ вечеру было пьяныхъ очень много, очевидно они нашли ханшинную водку у китайцевъ.

Полилъ сильный дождь.

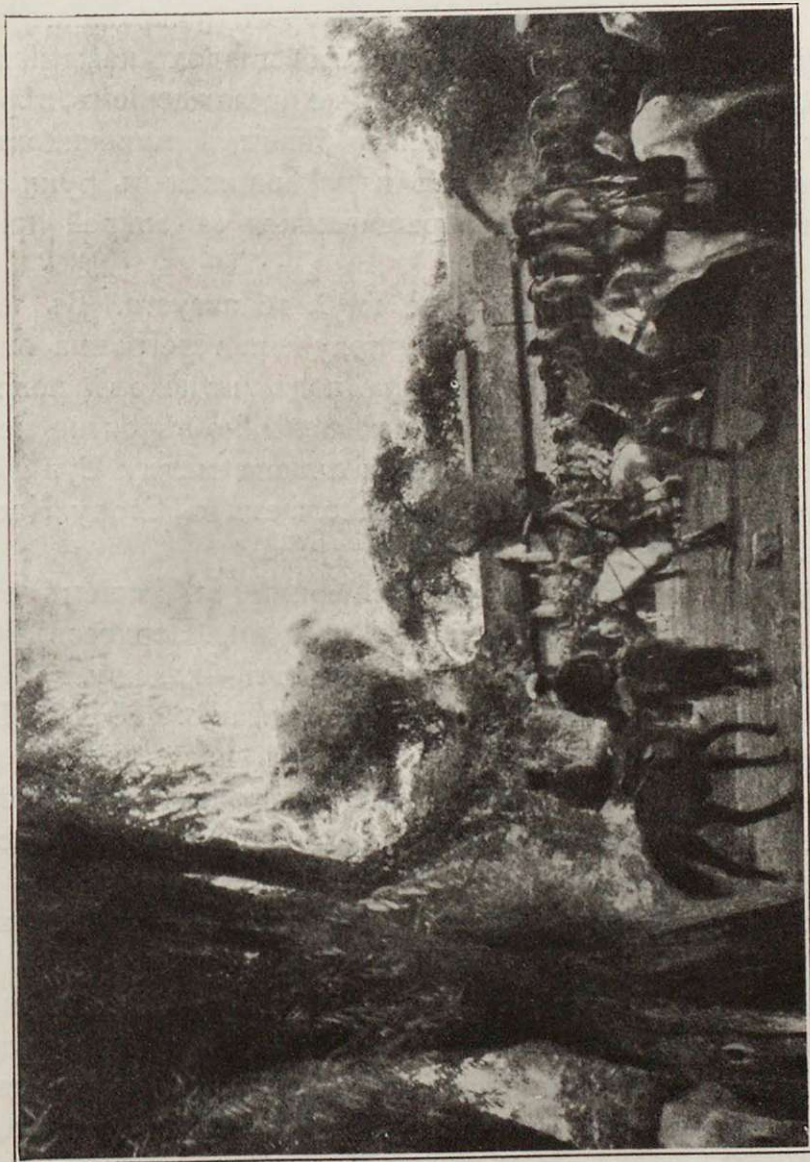
14 августа. День пасмурный, перепадаль небольшой дождь; воды прибавилось на два вершка.

Бой продолжался, какъ казалось, на одномъ и томъ же мѣстѣ. Орудійные залпы и пачки слѣдовали почти безостановочно цѣлый день, бой стихъ только къ семи часамъ вечера.

Мы всѣ собрались на берегу Тай-цзы-хэ, прислушиваясь къ бою. Пора было бы и намъ принять въ немъ участіе, такъ хотѣлось бы знать, что тамъ происходило.

15 августа. Прояснѣло. Отъ кап. Шнабеля получилъ сообщеніе: „№ 1134. 12 и 13 въ 10 корпусъ и Восточномъ отрядѣ шелъ горячій бой, японцы атаквали. По донесенію хорунжаго Деревницкаго, полученному 14 вечеромъ, 13—10-й корпусъ получилъ приказаніе отступить, телеграмму Деревницкій отправилъ изъ Киньянтуня (на 4 в. картѣ нѣтъ—есть Канцятунь). У Сан-цзя-цзы непріятеля не видно. Противъ нашего расположенія прибрежныя деревни съ утра 13 заняты небольшими пѣхотн. и конными частями противника, которыя однако себя теперь мало обнару-

живають: лишъ изрѣдка наши посты видять ихъ посты или одиночныхъ людей. Нач. штаба уѣхалъ на нѣсколько дней въ Ляоянь. Ген. Ренненкампфъ не пріѣхалъ и ничего объ немъ не слышно. Болѣе ничего сообщить не могу. Кап. Шнабель“.

105. Выступленіе 2-й сотни изъ Бейклингтзу.

Р.-С. 13-го 10-й корпусъ отступилъ за Танхэ—потери болѣе тысячи чел. и много офицеровъ.

Я беспокоился, что давно не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ жены. Говорятъ, въ Ляоянь опять укладываются и уходятъ, значить, почта будетъ бездѣйствовать еще продолжительное время.

16 августа. Ясно. Ежедневно въ восемь часовъ утра мѣстные жители обоого пола, взрослые и малолѣтніе, собирались у ручья на песчаной площадкѣ, чтобы любоваться зрѣлищемъ убоя скота и разрѣзываніемъ частей мяса для передачи кашеварамъ въ сотни. Собирались они задолго до этого желаннаго времени, жадно вглядывались на судороги умиравшаго животного и льющуюся кровь; они провожали взглядомъ каждый кусокъ красного, сочащагося мяса. Съ такимъ же наслажденіемъ, вѣроятно, они смотрѣли на истязаніе нашихъ бѣдныхъ мучениковъ 1900 года, бѣжавшихъ отъ боксеровъ и попавшихъ въ руки хунхузовъ или мирныхъ жителей, обращавшихся въ звѣрей при видѣ крови.

Сообщеніе отъ Шнабеля: „№ 1138, 16 августа. Въ нашемъ районѣ тоже все спокойно. Вчера получена телеграмма отъ хор. Деревницкаго изъ Сяотунцзы: вчера подъ натискомъ непріятеля отошли къ Сяотунцзы, потери не выяснены, но вѣроятно незначительныя, сегодня идетъ бой у Гершельмана между Сун-цзя-цзяй и Таксанъ. Штабъ 10-го корпуса переѣзжаетъ въ Сяопу. Капитанъ Шнабель“.

Получены награды всѣми офицерами въ нашемъ отрядѣ: Меликовъ получилъ Станислава 2-й степени, Черкесовъ Станислава 3-й. Корфъ и докторъ Терешкевичъ—клякву.

Отъ коман. полкомъ получено предписаніе: „№ 264. Прикажете 2-й сотнѣ приготовиться завтра къ часу дня къ выступленію на стоянку штаба полка, такъ какъ завтра же къ означенному времени прибудетъ ей на смѣну 3-я сотня. Команд. полкомъ воск. старш. Трухинъ“.

По случаю ухода 2-й сотни, я пригласилъ всѣхъ офицеровъ завтра на обѣдъ въ 12 часовъ.

17 августа. Утромъ получилъ отъ генерала Любавина слѣдующее предписаніе: „№ 1143 изъ Уй-ян-нѣина. По полученіи сего вы должны съ обѣими сотнями перейти въ д. Сан-цзя-цзы, гдѣ 2-я сотня будетъ смѣнена другой отъ вашего полка, стоящей въ д. Сан-цзя-цзы. Ес. кн. Джандіери, по приходѣ туда сотенъ, отойдетъ къ своему полку, который будетъ верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ Бэнсиху, по Мукденской дорогѣ. Сотни, остающіяся въ Сан-цзя-цзахъ, должны держать связь съ оставленной въ Уй-ян-нѣинѣ 3-й Аргунской сотней, наблюдать и охранять рѣку и оберегать Мукденскую дорогу, отходящую отъ Сан-цзя-цзы. Продолжайте держать связь съ Мадритовымъ и развѣдку къ

Сяосырю. 1-я ваша сотня будетъ черезъ нѣсколько дней смѣнена. Почту до д. Уй-ян-нынъ направляйте своимъ распоряженіемъ, тамъ будетъ оставленъ постъ.

Мы переходимъ къ Бэнсиху, что вызвано отозваніемъ оттуда пѣхоты и артиллеріи дальше къ сѣверу, къ узлу дорогъ Янтай-Мукденъ, такъ какъ японцы перешли на правый берегъ Тай-цзы-хэ у с. Саканъ (2-верстн. карта). Въ случаѣ вынужденнаго отступленія подъ напоромъ противника, отходите на Мукденскую дорогу, стараясь задерживать его, меня немедленно увѣдомите въ Бэнсиху. Генераль Любавинъ“.

Было облачно, изрѣдка проглядывало солнце. Съ утра слышалась пальба на западѣ.

Мы позавтракали наскоро, Меликовъ торопился уходить, чтобы поспѣть засвѣтло до расположенія полка у д. Халинцзай, къ сѣверу отъ Бэнсиху по Мукденской дорогѣ. Когда 2-я сотня построилась, я поблагодарилъ офицеровъ и казаковъ за трудную и отвѣтственную службу въ крайнемъ передовомъ отрядѣ.

Я выступилъ съ 1-ю сотнею въ половинѣ второго, намъ было идти недалеко. Въ Сан-цзя-цзахъ я занялъ фанзу мельника поближе къ рѣкѣ и вышелъ на берегъ осмотрѣть, что у насъ было впереди и прислушаться къ урагану орудійной пальбы, сплошнымъ гуломъ доносившемуся со стороны Ляояна.

За рѣкой на котловинѣ паслись нѣсколько десятковъ лошадей и муловъ—рѣдкое явленіе у китайцевъ. Вахмистръ 1-й сотни уже примѣтилъ и доложилъ своему командиру, что представлялся прекрасный случай обмѣнять изнуренныхъ и подбитыхъ лошадей свѣжими. Разрѣшеніе было получено, вахмистръ съ двадцатью казаками переправился въ бродъ на тотъ берегъ и погнался за лошадьми. Китайцы съ своей стороны тоже замѣтили движеніе казаковъ и догадались къ чему они добирались; нѣсколько человекъ китайцевъ побѣжало къ стаду и погнало ихъ въ ближайшее ущелье, но было уже поздно—кони были настигнуты и приведены въ расположеніе отряда вмѣстѣ съ ихъ хозяевами. Начался обмѣнъ, китайскія лошади были тоже неважны и стоили не дороже нашихъ, но онѣ были не подбиты, а это для насъ было самое главное; въ придачу уплачивалось не менѣе трехъ рублей. Я захотѣлъ купить одного мула, съ меня запросили сто рублей; это было не дорого и я его взялъ.

18 августа. Ночь прошла спокойно.

Съ утра толкался въ моей фанзѣ опрятно, даже щеголевато

одѣтый китаецъ; онъ держалъ себя нахально и бранилъ моего хозяина, я собирался его прогнать, когда онъ заговорилъ по-русски, заявляя, что онъ переводчикъ командира 3-й сотни. Меня удивило, что такой шикарный переводчикъ согласился служить у сотеннаго командира; они были въ большомъ спросѣ въ арміи и имъ платили по ста рублей въ мѣсяцъ и дороже, смотря по качеству. Этотъ же, по своему чистому выговору и представительной наружности, былъ бы взятъ охотно въ корпусный штабъ, гдѣ не приходится испытывать лишеній, неизбѣжныхъ въ казачьихъ частяхъ при постоянныхъ передвиженіяхъ. Я подумалъ, что онъ, вѣроятно, согласился служить у командира сотни только для того, чтобы подъ охраной нашего отряда добраться до Ляояна или Мукдена.

Мой хозяинъ, мельникъ, имѣлъ также заводъ для выдѣлки жмыховыхъ круговъ; онъ помѣщался въ обширной фанзѣ въ глубинѣ моего двора. Приспособленіе для выдѣлки круговъ самыя примитивныя: три каменныхъ жернова приводились въ движеніе слѣпыми лошадьми и осликами (для работы требовались слѣпыя лошади потому, что онѣ охотнѣе шли по кругу), раструску двигалъ ногами голый китаецъ.

Въ 5 ч. 10 м. на взмыленныхъ лошадяхъ подскакали къ моей фанзѣ четыре казака, одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ донесеніе: „№ 1153. 18 августа 8 ч. 50 м. утра мѣсто отправленія—8 верстъ къ сѣверу отъ Уй-ян-нѣина. Сегодня ночью японцы напали внезапно на сотню Субботина въ Уй-ян-нѣинѣ, который теперь занятъ ими. Развѣдывайте и отходите на Мукденскую дорогу, не теряя по возможности соприкосновенія съ противникомъ. Сообщите Мадритову—развѣздъ можетъ не возвращаться къ вамъ, оставшись у него. Войск. ст. Трухинъ“. Я спросилъ казаковъ, отчего они такъ поздно доставили мнѣ донесеніе—отъ мѣста отправленія до Сан-цзя-цзы было не болѣе восьми верстъ, а они прибыли только черезъ восемь часовъ двадцать минутъ. Они отвѣтили, что имъ пришлось сдѣлать кругъ болѣе шестидесяти верстъ, потому что всѣ пути къ сѣверу отъ Уй-ян-нѣина верстъ на двадцать были уже заняты японцами.

Намъ нельзя было терять времени—я призвалъ къ себѣ сотенныхъ командировъ, передалъ имъ о положеніи дѣла и приказалъ выступить черезъ часъ, стараясь избѣжать суеты; было необходимо поддержать бодрый духъ въ нижнихъ чинахъ, потому

что я ожидалъ, что ночью, при отступленіи, мы найдемъ путь отрѣзаннымъ непріателемъ и намъ придется пробиваться.

Я написалъ и отправилъ съ разъѣздомъ сообщеніе Мадри-тову. Уже смеркалось, мы выступили. Только теперь я обратилъ вниманіе на странное поведеніе китайцевъ, не сообщившихъ намъ о нападеніи японцевъ на нашу сотню, находившуюся въ одномъ часѣ ходьбы отъ Сан-цзя-цзы; я вспомнилъ о переводчикѣ, не была ли его перебранка съ моимъ хозяиномъ въ связи съ этимъ событіемъ. Я спросилъ у командира 3-й сотни подьесаула Вишнякова, когда онъ нанялъ этого переводчика, оказалось только сегодня утромъ; мнѣ тогда стало ясно, что это былъ шпіонъ, посланный японцами, чтобы заставить жителей молчать, а насъ ввести въ заблужденіе относительно дѣйствій непріателя. Жаль, что я объ этомъ не подумалъ раньше и не опросилъ мельника и другихъ китайцевъ. Слѣдовало сейчасъ же связать его, но я полагалъ, что и такъ казаки его не выпустятъ.

Отъ Сан-цзя-цзы мы направились вверхъ по теченію Тай-цзы-хэ и въ верстѣ свернули на сѣверъ по долину, которая была мнѣ хорошо извѣстна, такъ какъ я два раза проѣхалъ по ней, производя рекогносцировки. Я зналъ, что дорога шла все время по меридіану и намъ было легко ориентироваться по полярной звѣздѣ; но вотъ голова колонны повернула налѣво, по направленію къ узкому ущелью; я послалъ сказать проводнику, что намъ нужно идти прямо, не сворачивая въ сторону ни въ какомъ случаѣ. Впереди остановились: оказалось, что это переводчикъ Вишнякова настаивалъ на томъ, чтобы непременно свернуть влѣво въ ущелье, такъ какъ, по его мнѣнію, это былъ единственный путь на Мукденъ—я приказалъ его привести ко мнѣ, но его болѣе не нашли—онъ исчезъ вмѣстѣ съ казачьею лошадью, какъ только понялъ, что я догадался о его измѣнѣ. Параллельно долину, по которой мы шли, тянулась другая долина, начинавшаяся у Уй-ян-нына и занятая прошлою ночью японцами—вотъ куда хотѣлъ насъ завести шпіонъ.

Небо заволокло тучами, молнія ежеминутно ослѣпляла насъ. Мы подошли къ кумирнѣ у д. Чау-хуан-цзай, когда гроза разразилась проливнымъ дождемъ. Я приказалъ слѣзать, казаки надѣли шинели, а кто прикрылся палаткой, офицеры зашли въ фанзу, гдѣ жили бонзы, они приняли насъ очень радушно и угощали крѣпкимъ желтымъ чаемъ. Мы отошли отъ Сан-цзя-цзы десять верстъ. Прождавши до одиннадцати часовъ, когда взошла луна, мы соби-

рались уходить; въ это время вошелъ въ кумирню мой хозяинъ, мельникъ, и сказалъ, что онъ бѣжалъ отъ японцевъ, занявшихъ Сан-цзя-цзы, какъ только мы оттуда вышли; они были такъ озлоблены, что намѣченная жертва скрылась, что сожгли домъ и заводъ мельника, предполагая, что онъ передалъ намъ о разгромѣ нашей сотни въ Уй-ян-нѣинѣ.

Дождь прекратился, небо прояснилось и снова засвѣтила передъ нами наша путеводная полярная звѣзда. Мы перевалили черезъ Каутулинскій хребетъ съ крутымъ каменистымъ спускомъ, переправились черезъ рѣку и въ три часа утра пришли въ дер. Па-цзя-цзы. Сейчасъ же я отправилъ обратно сильный разъѣздъ до соприкосновенія съ непріателемъ; на перевалѣ установилъ сторожевые посты, поставилъ посты на сопкахъ у деревни и, когда всѣ расположились, легъ отдохнуть немного.

19 августа. Д. Па-цзя-цзы была еще не тронута ни нашими, ни непріятельскими войсками; здѣсь было изобиліе скота, птицы, соломѣ чумизы. Въ семь часовъ утра я послалъ подъесаула Филиппова съ разъѣздомъ для отвоза донесеній генералу Любавину и для связи съ его отрядомъ. Разъѣздъ, посланный по направленію къ Сан-цзя-цзы, былъ встрѣченъ непріятельскимъ огнемъ, когда спускался съ перевала; онъ отступилъ, замѣтивъ движеніе одиночныхъ людей по сопкамъ, въ обходъ перевала. На западѣ, въ той сторонѣ, куда направился Филипповъ, была позднѣе замѣчена непріятельская колонна, примѣрно одна рота, идущая на сѣверъ. На сопкахъ съ правой, западной стороны слышались одиночные ружейные выстрѣлы.

Хотя въ предписаніи Трухина отъ 18 августа сказано, что я долженъ отходить на Мукденъ, „не теряя по возможности соприкосновенія съ непріателемъ“, но мнѣ сдавалось, что эта фраза была вставлена какъ обычное добавленіе къ слову отступать или отходить; не слѣдовало ли мнѣ напротивъ присоединиться возможно скорѣе къ моему полку, чтобы принять участіе въ бояхъ, которые идутъ подъ Ляояномъ. Отъ китайцевъ мы узнали, что большой нашъ отрядъ стоялъ верстахъ въ тридцати отсюда, по направленію къ Мукдену; я рѣшилъ направиться туда, передать начальнику этого отряда о движеніи непріятельскихъ частей къ сѣверу, а самому направиться на Фындяпу, 2-й этапъ отъ Мукдена на Бэнсиху, гдѣ, по моему соображенію, долженъ былъ находиться нашъ полкъ.

Въ пять часовъ пополудни я отправилъ въ Ин-шоу-пуцзы 1-ю

сотню съ вьюками, а самъ остался съ 3-ю сотней въ ожиданіи возвращенія разѣздовъ, заставы и сторожевыхъ постовъ.

Позади насъ въ боковомъ ущельѣ, идущемъ на западъ, раздался ружейный залпъ, я послалъ туда одинъ взводъ на поддержку, полагая, что стрѣлялъ нашъ разѣздъ, но взводъ вернулся, пройдя въ этомъ направленіи нѣсколько верстъ и не видѣвъ никого. Мы ушли, когда стемнѣло, оставивъ на мѣстѣ заставу, и пришли поздно ночью въ с. Ин-шоу-пуцзы. Аничковъ занялъ для насъ роскошную фанзу.

20 августа. Я направился со своими сотнями на сѣверо-западъ къ тому отряду, о которомъ намъ говорили китайцы вчера. Пройдя верстъ пять, мы вышли на равнину и вздохнули свободно—вѣроломныя сопки, столько разъ таившія засады, удалились отъ насъ въ обѣ стороны, понижаясь до степени безобидныхъ холмовъ. Немного далѣе мы вошли въ деревню, гдѣ намъ сказали, что русскія войска отошли по ту сторону Хунхэ. Я рѣшилъ дальше не идти и послѣ привала направился прямо на Фындяпу. Остановивъ отрядъ, мы слѣзли съ коней и подошли къ чистенькой фанзѣ; она была заперта, а когда казаки стали стучаться въ дверь, изъ окна показалась молодая китайка съ кочергою въ рукахъ, которою угрожала казакамъ. Пока мы съ нею переговаривались, стараясь убѣдить ее, что мы ей зла не сдѣлаемъ и за все заплатимъ, одинъ казакъ проникъ въ фанзу сзади и обезоружилъ ее—она ругалась, бросалась на казака съ кулаками, а тотъ добродушно смѣялся и отстранялъ ее. Чтобы умиротворить китайку, я ей далъ три рубля, она сразу повеселѣла и пошла искать для насъ куръ и яицъ.

Опять мы вошли въ горы; слышанные впереди глухіе, отдаленные орудійные выстрѣлы теперь доносились явственно и казалось верстахъ въ двадцати по птичьему полету. Прошли черезъ богатое село Ляговю и свернули на юго-западъ по арбяной дорогѣ. Часто слышались ружейные и фальконетные выстрѣлы, вѣроятно, хунхузовъ, нападавшихъ на мирныхъ жителей.

Отъ Ляговю до Фындяпу было тридцать верстъ, мы остановились на ночлегъ на полпути въ д. Цынзяпуцзя.

21 августа. До Фындяпу было пятнадцать верстъ. Дорога шла по гребню невысокихъ горъ, откуда былъ чудный видъ на широкую долину, простиравшуюся до Мукдена и дальше. Мы не можемъ свыкнуться съ радостью не находиться среди живописныхъ, но тѣснившихъ насъ сопокъ пригорной Манчжурии, съ кото-

рыхъ можно было постоянно ожидать залпа отъ невидимаго непріятеля. Сравнивая настоящую войну съ турецкой, бросается въ глаза, какъ бездымный порохъ измѣнилъ психологію бойцовъ: бѣлые дымки выдавали противника и на каждый выстрѣлъ можно было отвѣчать тѣмъ же—что давало увѣренность въ нанесеніи потерь непріятелю и надежду его отбросить. Теперь же видишь непріятеля только издали при передвиженіяхъ, а вблизи только при столкновеніи, во время атаки или обороны защищаемой позиціи. Одинъ разъ наши казаки атаковали сопку, чтобы выбить японцевъ, стрѣлявшихъ оттуда, но на сопкѣ не было никого—японцы стрѣляли съ противоположной стороны—обмануло эхо.

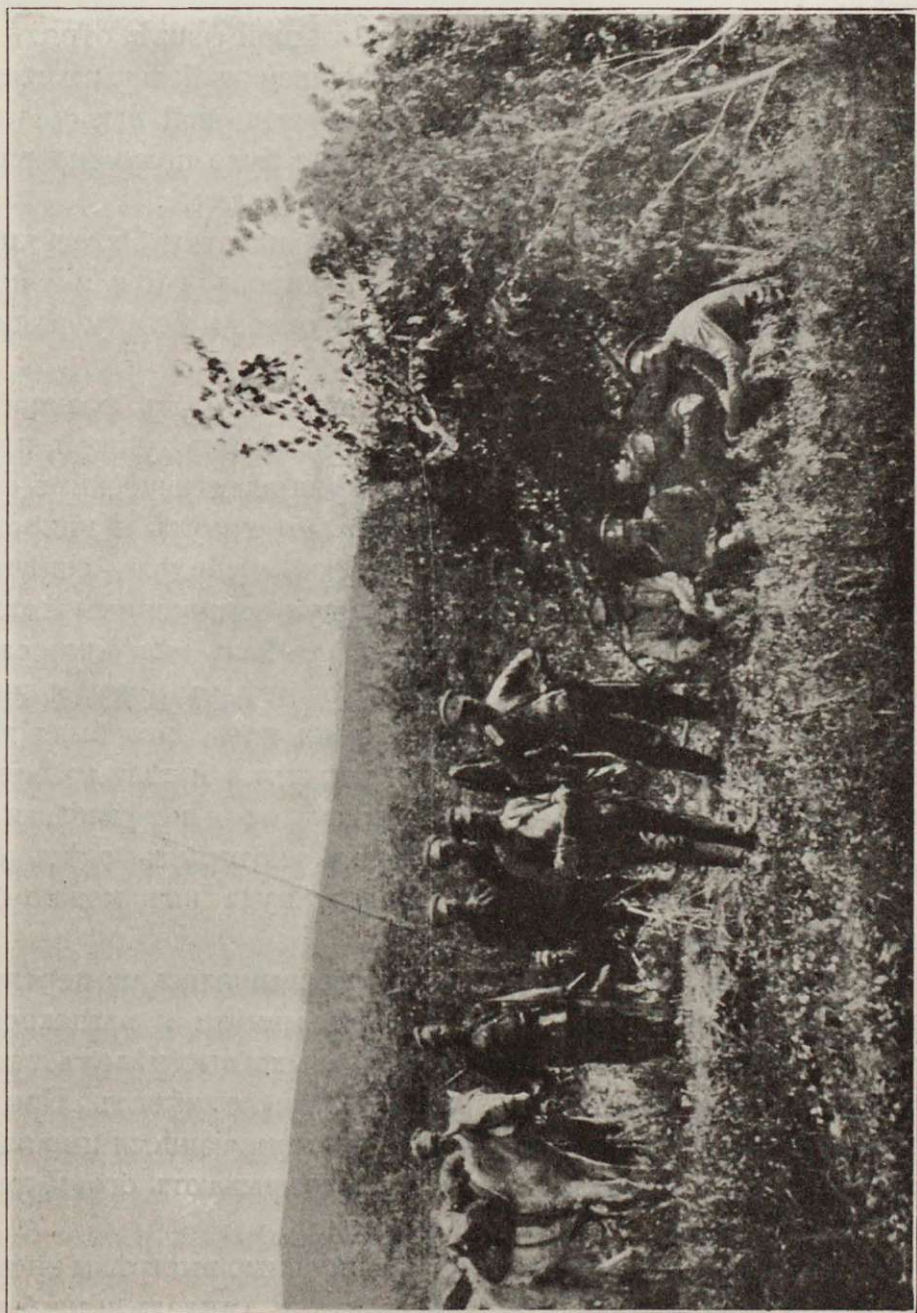
Вся поэзія прежнихъ войнъ пропала, нѣтъ болѣе того подъема духа, того радостнаго настроенія, которое васъ охватывало при удачномъ боѣ. Результаты боевъ не извѣстны до той поры, пока непріятель отойдетъ и вамъ удастся продвинуться впередъ или же самому приходится отступать. И японцамъ, и намъ рѣдко доставалось окружить противника и заставить его положить оружіе; ни намъ, ни имъ не удавалось наносить другому такого пораженія, отъ котораго нельзя было бы оправиться.

Нашу колонну нагналъ китаецъ и бросился ко мнѣ въ ноги, жалуясь, что у него казаки отобрали корову. Я остановилъ отрядъ и объявилъ, что не тронусь съ мѣста, пока китайцу не будетъ возвращена корова или уплачены за нее деньги; я поручилъ подьесаулу Вишнякову сдѣлать разслѣдованіе. Оказалось, что корову продалъ и получилъ деньги по соглашенію другой китаецъ. Случалось не разъ, что одинъ продастъ, а потомъ является другой хозяинъ, требовавшій вторичной уплаты. Я отправилъ обратно въ деревню дѣльнаго урядника съ нѣсколькими казаками, чтобы произвести судъ праведный и вручить деньги настоящему хозяину.

Мы пришли въ Фындяпу въ полдень. Я послалъ офицера къ коменданту, чтобы спросить, не знаетъ ли онъ, гдѣ отрядъ генерала Любавина. Въ скоромъ времени вернулся офицеръ и съ нимъ прибылъ Филипповъ, сообщившій, что нашъ отрядъ стоитъ здѣсь за рѣкой на бивакѣ. Я очень былъ радъ узнать, что Филипповъ дошелъ до полка благополучно, минуя небольшіе непріятельскіе отряды, выдвинувшіеся далеко на сѣверъ, и радъ былъ, что мы присоединились наконецъ къ своимъ.

Генераль Любавинъ принялъ меня очень радушно, онъ безпокоился о судьбѣ нашего отряда, думая, что мы были отрѣзаны

непріятелемъ, такъ какъ онъ насъ ожидаль ранѣе. Я объяснилъ ему, что мы могли бы прибыть въ отрядъ 19-го, если бы не было

106. Бивакъ у Финдяпу.

въ полученномъ отъ Трухина предписаніи отмѣтки, „что мы не должны терять соприкосновенія съ непріятелемъ“. Оказалось, что это предписаніе писалъ Шнабель и онъ вставилъ шаблон-

ную приписку, не подумавъ, что она не только связывала мои дѣйствія, но даже измѣняла смыслъ предписанія. Генераль поблагодарилъ меня за то, что я привелъ сотни въ цѣлости и въ порядкѣ.

Генераль со штабомъ жилъ въ небольшой фанзѣ, отрядъ стоялъ на бивакѣ. Команд. полкомъ помѣщался въ балаганѣ изъ нарѣзанныхъ вѣтвей. Я не зналъ куда сложить свой выюкъ, чтобы предохранить отъ дождя, но въ это время было получено распоряженіе — кавалеріи отойти до рѣки у Фындяпу.

Филипповъ уступилъ мнѣ на время палатку Энгельгардта, я ее поставилъ между палатками командировъ 1-й и 2-й сотни, а Пепино съ выюкомъ занялъ фанзу на самомъ берегу рѣки, по той сторонѣ.

Только что я легъ спать, меня стали пожирать разнообразныя насѣкомыя; подъ сѣдломъ, служившемъ мнѣ подушкой, послышался какой-то скребеть, я посвѣтилъ туда электрическимъ фонаремъ и спугнулъ крысу; черезъ нѣсколько минутъ я направилъ фонарь на другой подозрительный звукъ и увидѣлъ сидѣвшую на корточкахъ громадную жабу, смотрѣвшую выпученными глазами на свѣтъ фонаря. Наконецъ я уснулъ, но былъ внезапно разбуженъ—что-то липкое, мягкое прыгнуло мнѣ въ руку, я швырнулъ его съ отвращеніемъ и вскочилъ на ноги, это была жаба. Послѣ этихъ испытаній я вышелъ изъ палатки и сѣлъ на песокъ, обнаженный отъ травы. Хотѣлось спать, но я не рѣшался изъ боязни всякихъ звѣрей и насѣкомыхъ, которыхъ здѣсь было множество; они искали теплаго уголка, куда имъ можно было заползти.

Въ половинѣ одиннадцатаго вечера послышалось на передовой позиціи продолжительное ура, прошла минута и раздалось въ томъ же направленіи пять—шесть одиночныхъ выстрѣловъ, затѣмъ все стихло. Чтобы могло это значить? Я недоумѣвалъ. При внезапномъ нападеніи въ штыки ночью и защищающіеся и нападающіе, послѣ первой минуты столкновенія, открываютъ огонь, нельзя же покончить сразу въ молчокъ со всѣми.

Черезъ часъ опять послышались одиночные выстрѣлы впереди, 2-я сотня осѣдлала коней. Понемногу огонь стихалъ и на бивакѣ всѣ успокоились, но ненадолго: вдругъ началась пальба позади насъ изъ-за д. Фындяпу — пули летѣли мимо насъ. Неужели непріятель зашелъ намъ въ тылъ? Всѣ встрепнулись—загрохотали обозы, стали поспѣшно выючить лошадей, люди надѣвали

амуницию. Прошло нѣсколько минутъ—выстрѣлы не повторялись. Были посланы разъѣзды, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Не дожидаясь объясненія причинъ тревоги, я завернулся въ бурку и заснулъ.

22 августа. Занятая мною фанза была всего въ ста саженьяхъ отъ бивака, но такъ какъ она за рѣкою, то нужно было ѣхать туда верхомъ. По утрамъ я ѣздилъ въ фанзу брать ванну. Отъ коменданта я узналъ, что ночью по нашему биваку стрѣляли „карапеты“, такъ прозывали солдаты дагестанцевъ и другихъ горцевъ. Зачѣмъ они стрѣляли, комендантъ не могъ выяснитъ; онъ предполагалъ, что они гнались за китайцами и пустили имъ вслѣдъ нѣсколько выстрѣловъ. О томъ, что происходило на передовой позиціи, ему не было еще извѣстно.

Такъ какъ, въ случаѣ ночной тревоги, придется вести части на передовую позицію, то я поѣхалъ туда днемъ, чтобы ознакомиться съ нею, пока было свѣтло. Это было узкое плато, тянувшееся параллельно линіи горъ, занятыхъ непріателемъ, отъ которыхъ онъ отдѣлялся волнообразной долиной. Позади плато, въ лощинѣ, стояла наша скорострѣльная батарея, уже отличившаяся въ предыдущихъ бояхъ; отъ нея былъ выставленъ на позиціи одинъ взводъ подъ прикрытіемъ заставы Оровайскаго резервнаго полка. Это въ этомъ полку была тревога сегодня ночью: рота пошла на ура на своихъ, но все обошлось довольно благополучно, были только легкія пораненія штыками, болѣе серьезно были ранены ими же во время перестрѣлки два казака Аргунскаго полка.

Передъ вечеромъ раздалась перестрѣлка впереди нашего праваго фланга, по направленію къ Янтаю. Сначала слышались одиночные ружейные выстрѣлы, потомъ залпы и пачки; прошло полчаса и заговорили пушки — громкіе, звучные раскаты нашихъ полевыхъ скорострѣлокъ и рѣзкіе звуки японскихъ горныхъ орудій. Бой усиливался, стрѣляли, казалось, недалеко отъ насъ. Когда стемнѣло, слышалась пальба на нашихъ аванпостахъ: то стрѣляли по непріятельскимъ разъѣздамъ изъ отряда, стоявшаго впереди насъ.

Добрѣйшій баронъ Корфъ сжалился надо мной и уступилъ мнѣ свою походную кровать, я заснулъ какъ убитый. Въ полночь однако я былъ разбуженъ пальбою у Янтая, достигшей апогея. Жутко было думать о томъ, что переживали тамъ участники боя, а вмѣстѣ съ тѣмъ было что-то величественное въ этой ужасной

грозѣ, созданной человѣчествомъ, гордившимся своимъ прогрессомъ и цивилизаціей. Въ этой смертельной бурѣ была красота и поэзія.

Кончился бой, а на небѣ, какъ эхо, началась другая гроза, столь же величественная, какъ первая, но она благотворна и не требуетъ человѣческихъ жертвъ.

23 августа. Я выспался превосходно. Все было тихо кругомъ. Ночной бой казался сномъ, улетучившимся съ наступленіемъ дня.

Отъ командующаго полкомъ я получилъ слѣдующее предписаніе: „№ 324. Вслѣдствіе распоряженія штаба дивизіи, предлагаю вамъ не позже 11 часовъ отправиться съ двумя сотнями (2-й и 6-й) на рекогносцировку въ направленіи копи-Янтай черезъ д. Иншутунъ, гдѣ въ боковомъ отрядѣ стоитъ сотня Аргунцевъ. Копи-Янтай и Сан-цзя-цзы заняты противникомъ; дивизія Самсонова вчера была въ Яопу (5 в. на с.-з. отъ копей). Вамъ съ сотнями постараться опредѣлить положеніе ближайшихъ частей противника и его силы. Къ вечеру обязательно прислать срочное донесеніе начальнику отряда. Рекогносцировка должна быть закончена не позднѣе завтрашняго дня, если не успѣете сегодня. Войск. старш. Трухинъ“.

Я отправился въ штабъ дивизіи за инструкціями. Ген. Лювинъ передалъ мнѣ, что, въ виду донесенія командира 6-й Аргунской сотни есаула Полякова о движеніи на сѣверъ непріятельскаго отряда въ боевомъ порядкѣ, онъ поручаетъ мнѣ взять четыре сотни Нерчинскаго полка и два орудія, прослѣдить движеніе этого отряда и, если бы онъ дѣйствительно угрожалъ нашему тылу, вступить съ нимъ въ бой, отступая по направленію къ нашему биваку и донося обо всемъ ему.

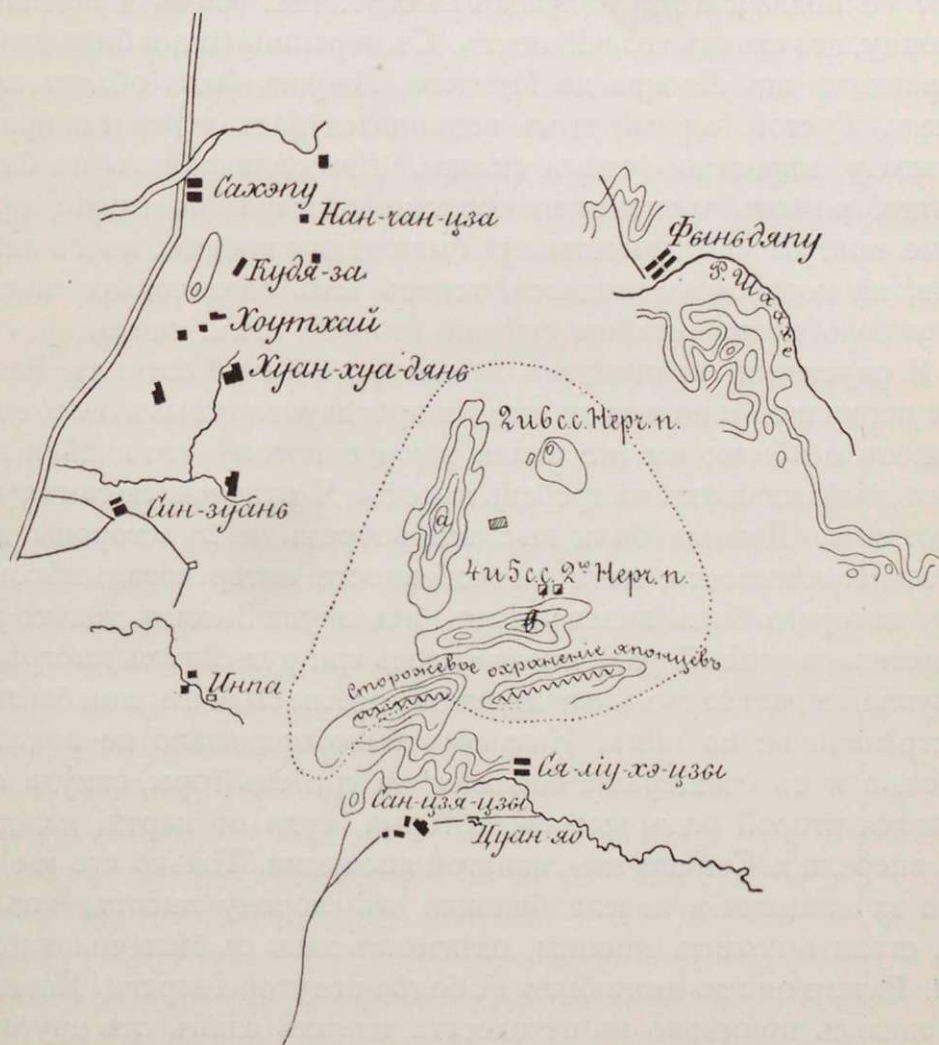
Узнавъ отъ казака, привезшаго донесеніе Полякова, что одна рѣчка настолько разлилась, что приходилось переправляться вплавь, я отъ артиллеріи отказался—безъ орудій мы могли быть гораздо подвижнѣе.

Чтобы не терять времени, я приказалъ хорунжему Жеребкову идти передовымъ разѣздомъ, узнать отъ есаула Полякова о положеніи дѣла и произвести рекогносцировку въ сторону непріятеля. Мы шли слѣдомъ за нимъ.

6-я Аргунская сотня стояла въ семи верстахъ на юго-востокъ отъ Фындяпу. Поляковъ передалъ мнѣ, что сегодня утромъ на высотахъ, верстахъ въ двухъ къ югу, появились японцы кучками отъ десяти до двадцати человѣкъ, всего около сотни; они ходили

взадъ и впередъ, вверхъ и внизъ, какъ будто дѣлали измѣренія, а наверху работали. Поляковъ предполагалъ, что они рыли окопы для батарей и прикрытія.

Оглядѣвъ мѣстность, я нашелъ, что движеніе значительнаго непріятельскаго отряда вправо отъ занимаемой позиціи незамѣ-

107. Рекогносцировка 23 августа 1904 г. (пунктиромъ обозначена мѣстность, намѣченная на планѣ В. ст. кв. 23 авг. 1904 г.).

ченнымъ быть не можетъ—движеніе же влѣво, по сплошному морю гаоляна, за деревьями и лѣсами, разбросанными по долинкамъ, могло быть произведено совершенно незамѣтно для самаго бдительнаго и зоркаго наблюдателя. Поэтому я отправилъ князя Меликова со 2-й и 6-й сотнями назадъ по дорогѣ на Фын-дяпу для занятія круглой сопки, стоявшей одиноко среди равнины, от-

куда открывался обширный кругозоръ. Меликовъ долженъ былъ предупредить меня о движеніи непріятеля въ эту сторону и, если оказалось бы нужнымъ, прикрывать мое отступленіе. Хор. Жеребкова я послалъ осмотрѣть высоты, на которыхъ утромъ показывались японцы; для этого ему велѣно захватить въ тылъ позиціи, чтобы не подвергаться напрасно выстрѣламъ. Самъ я поднялся на сопку, гдѣ стоялъ казачій постъ. Съ вершины сопки была видна вся равнина отъ Ляояна до Мукдена. Ляоянъ былъ объятъ пламенемъ. Густой черный дымъ поднимался надъ деревнею прямо къ западу, вѣроятно, горѣли склады. Движенія войскъ не было замѣтно, но отъ времени до времени раздавались глухіе оружейные выстрѣлы. Тѣ высоты, гдѣ были видны японцы, много ниже сопки, на которой я находился, теперь тамъ одни только манзы. Внизу подо мною китайцы спѣшно сгоняли стада скота.

Я спустился и приказалъ готовиться 4-й и 5-й сотнямъ. Разѣзды вернулись и доложили, что на противоположныхъ высотахъ японцевъ не было; мы это знали раньше, потому что видѣли казаковъ, выѣзжавшихъ на гребень высотъ. Я отправился самъ туда съ сотнями. Дозоры были высланы впередъ и въ стороны для освѣщенія мѣстности, меня въ особенности интересовалъ лѣсокъ, сзади котораго былъ виденъ дымъ, исчезнувшій какъ только мы появились на горѣ. Справа слышалось три ружейныхъ выстрѣла, вернувшійся разѣздъ доложилъ, что выстрѣлы были слышны близко, но стрѣляли не по нимъ. Казакамъ было приказано не показываться, а я съ офицерами поднялся на гребень горы, откуда открывался второй рядъ высотъ, которыя, судя по картѣ, находились впереди д. Сан-цзя-цзы, занятой японцами. Только что мы залегли за камнями и навели бинокли въ сторону высотъ, изъ-за лѣса стали выходить японцы, одѣтые въ хаки съ бѣлыми штиблетами. Разстояніе до нихъ было не болѣе полутора версты. Японцы становились примѣрно въ пятидесяти шагахъ одинъ отъ другого, заняли они протяженіе около версты—это было густое сторожевое охраненіе, но они очевидно не подозрѣвали о близости русскихъ, такъ какъ становились совершенно открыто и не высылали патрулей впередъ.

Одну минуту я подумалъ спѣшить сотни, подвести сюда и дать по японцамъ залпъ—какой переполохъ мы имъ учинили бы! Было очень заманчиво, да какъ посмотрѣло бы на это начальство? Моя задача была опредѣлить мѣстонахожденіе и намѣренія непріятеля, а не обнаруживать себя безъ надобности и не вызывать

его на проявленіе усиленной дѣятельности въ этомъ районѣ, гдѣ пути къ Мукдену не защищались никѣмъ. Моя задача была выполнена: мнѣ было точно извѣстно, что изъ Сан-цзя-цзы непріятель впередъ не продвигался и, вѣроятно, не намѣревался въ близкомъ будущемъ переходить въ наступленіе, такъ какъ этому предшествуетъ обыкновенно посылка впередъ разъѣздовъ и рекогносцировочныхъ отрядовъ, что не было замѣчено. Я оставилъ одинъ взводъ для наблюденія за непріателемъ до наступленія темноты, остальные части повелъ въ обратный путь. Небо заволочло грозowymi тучами, ночь настала быстро, молнія непрерывно прорѣзывала темноту и ослѣпляла настолько, что мѣшала ориентироваться. Пошелъ крупный дождь. Справа показалась профиль сопки, за которой должны были находиться аріергардные сотни. Послышался окликъ: „Кто идетъ“? Мы подошли къ заставѣ 6-й сотни, у выхода въ небольшую разоренную деревню, изъ которой жители бѣжали. Проводникъ изъ заставы повелъ насъ на стоянку 2-й и 6-й сотенъ; побродили мы по гаолянѣ, черезъ канавы и лужи грязи, добрались до площадки, гдѣ стояли сотни, но теперь ихъ тамъ не было; среди потоптаннаго поля виднѣлись только кучки золы отъ догоравшихъ костровъ. Я послалъ разыскать 2-ю и 6-ю сотню; въ ожиданіи ихъ мы отошли къ деревушкѣ и вошли въ фанзу, казавшуюся менѣе разоренною. Намъ представилась картина полного разрушенія—ящики и сундуки были взломаны, всякая рухлядь была разбросана по полу и на канахъ, грязь, пыль невообразимая. Мой трубачъ расчистилъ намъ мѣсто на канѣ, развелъ огонь въ очагѣ и собирался заварить чай, но воды не оказалось—казаки колодца не нашли, въ рѣчкѣ вода отъ ливня была такъ взмучена, что не годилась для питья, а ту, которую нашли въ чанахъ, я не позволилъ брать, потому что эти чаны китайцы никогда не чистили и на днѣ накоплялся густой вонючій слой грязи.

Обшаривая нашу фанзу, казаки нашли немного яицъ и стали варить ихъ въ чанѣ. Кромѣ моего трубача, ни одинъ изъ нихъ не подумалъ предложить яйцо голоднымъ офицерамъ—сердечность тоже требуетъ нѣкоторой культуры, а у забайкальцевъ она проявляется довольно слабо. У меня было съ собой нѣсколько коробокъ самосогревающихся нѣмецкихъ консервовъ и я ихъ предложилъ офицерамъ.

Прибылъ къ намъ въ фанзу корнетъ Павлоградскаго полка съ разъѣздомъ отъ генерала Самсонова. Онъ рассказалъ намъ о

бѣгствѣ съ Янтайскихъ позицій 54-й резервной дивизіи генерала Орлова, о томъ, что кавалерійскіе офицеры подошедшаго 1-го сибирскаго корпуса стали во главѣ разрозненныхъ частей этой дивизіи и повели ихъ впередъ. Генераль Куропаткинъ отошелъ отъ станціи Янтай къ Шахэ.

Гроза прекратилась. Мы выступили, имѣя въ авангардѣ 4-ю сотню есаула Бодиско; 2-я и 6-я сотни шли вслѣдъ за нами. Скоро авангардъ остановился—мы заблудились и не знали куда идти. Я вызвалъ впередъ 2-ю сотню, командиръ которой князь Меликовъ хвалился, что онъ ночью видитъ хорошо, а его Николай зрячій какъ кошка и для него все равно, что день, что ночь. Повелъ насъ Николай, прошли полчаса и остановились—Николай тоже потерялъ дорогу. Князь Меликовъ сказалъ, что мы шли не туда, что нужно было взять вправо—свернули мы вправо, пошли по гаоляновому полю, но на дорогу не вышли. Послышались съ боку голоса: „Вотъ дорога“, идемъ по этому направленію, потомъ повернули назадъ, а дороги все нѣтъ.

Прошли мы уже болѣе двухъ часовъ, когда показался впереди огонекъ—вѣроятно, бивакъ, но нашъ ли это или непріятельскій. Въ просвѣтѣ между тучами я замѣтилъ группу звѣздъ, схожую съ тою, что мы видѣли передъ собою, когда выходили изъ деревни; я полагалъ поэтому, что огни были наши, но князь Меликовъ былъ увѣренъ, что въ этомъ направленіи непріятель и мы повернули назадъ. Плутали мы долго и наконецъ подошли къ рѣкѣ, а за рѣкою вдали опять огонекъ и надъ нимъ знакомое мнѣ созвѣздіе—очевидно это тотъ самый огонь, который мы видѣли раньше. Сомнѣніе теперь въ томъ, что, идя на рекогносцировку, мы черезъ рѣку не переходили, значитъ, это не можетъ быть огнемъ на нашемъ бивакѣ. Мы остановились, а Николай и урядникъ 2-й сотни Петровъ переправились черезъ рѣку и отправились на развѣдку. Мы собственно не знали, кого намъ слѣдовало болѣе остерегаться—японцевъ или оровайцевъ: послѣдніе открывали огонь безъ разбору по всѣмъ, кто появлялся впереди ихъ сторожевого охраненія. Аргунцы уже поплатились за свою неосторожность.

За рѣкою слышались крики: „сюда, сюда“, и мы всѣ переправились и слѣдовали за Петровымъ и Николаемъ, которые привели насъ на бивакъ 1-го Читинскаго пѣхотнаго полка, только что прибывшаго и расположившагося на правомъ берегу рѣки у

Фындяпу, противъ нашего бивака. Этимъ объяснялось появленіе бивачныхъ огней за рѣкой.

Голодному и усталому плутать ночью, конечно, не весело, но на этотъ разъ меня забавляло то, что осуждавшіе строго мою слѣпоту въ ночную пору не оказались особенно зрячими и заблудились такъ же постыдно, какъ заблудился бы я.

24 августа. Донесеніе генералу Любавину я отправилъ вчера вечеромъ, сегодня я дополнилъ эти свѣдѣнія и указалъ, на исправленной мною двухверстной картѣ, мѣсто нахождения непріятеля. Генералъ остался доволенъ исполненіемъ задачи.

Ординарецъ генерала Куропаткина, хорунжій Ладыженскій, привезъ приказаніе нашей бригадѣ идти на Фаншенъ, въ 25 вер. къ востоку отъ Фындяпу, на перекресткѣ дорогъ въ Фушунъ и Фалинь, съ обязательствомъ охранять переваль Гоу-ту-линь.

25 августа. Съ шести часовъ утра генералъ Любавинъ производилъ смотръ ста двадцати забайкальскимъ казакамъ, присланнымъ изъ Читы для укомплектованія Нерчинскаго и Аргунскаго полковъ. Ихъ привелъ изъ Харбина сотникъ Бобровскій. Бригада выступила въ семь часовъ утра. Пепино очень жалѣлъ, что мы удалились отъ пѣхоты, гдѣ каждый вечеръ игралъ хорошій оркестръ.

Пройдя верстъ 25, послѣ небольшого привала, мы спустились въ широкую долину, пересѣкли ее и очутились въ маленькой деревушкѣ изъ трехъ фанзъ, которую проводникъ и жители называли Фаншеномъ, утверждая, что другого Фаншена нѣтъ. Отряда Юлшина здѣсь не было, бригадѣ размѣститься было негдѣ. Рѣшено идти по долинѣ къ сѣверу. Слѣдовъ Юлшина не было нигдѣ. Пройдя верстъ двѣнадцать, мы увидѣли въ сторонѣ довольно просторную деревню Чуцзя-чун-гоу, гдѣ остановились на ночлегъ, выславъ разъѣзды для розыска Юлшина.

Субалтернъ-офицеры были вызваны въ штабъ дивизіи, чтобы тянуть жребій—кому идти въ разъѣздъ въ сторону непріятеля.

Мнѣ досталась маленькая, но чистая фанза, служившая школою, я пригласилъ помѣститься со мною Жеребкова и Ладыженскаго.

Ночью въ сторожевомъ охраненіи была перестрѣлка, вѣроятно съ хунхузами.

26 августа. Ночи дѣлаются холодными, днемъ гроза съ проливнымъ дождемъ. Юлшина пока не разыскали; неизвѣстно, гдѣ вошедшіе въ составъ нашего отряда Дагестанцы и пѣхота съ артиллеріей.

27 августа. Юлшинъ наконецъ нашелся; онъ увѣрялъ, что есть другой Фаншенъ, гдѣ онъ расположилъ свои сотни, верстахъ въ пятнадцати къ сѣверо-западу отъ нашей деревни.

Генераль потребовалъ меня для разъясненія, какимъ путемъ я слѣдовалъ, когда отступалъ отъ Сан-цзя-цзы 19 августа. Я указалъ на картѣ, что мой отрядъ шелъ съ юга на сѣверъ по долинѣ параллельной той, гдѣ мы находились теперь, верстахъ въ трехъ къ востоку. Завтра отрядъ долженъ былъ отойти назадъ къ д. Тиндяйю.

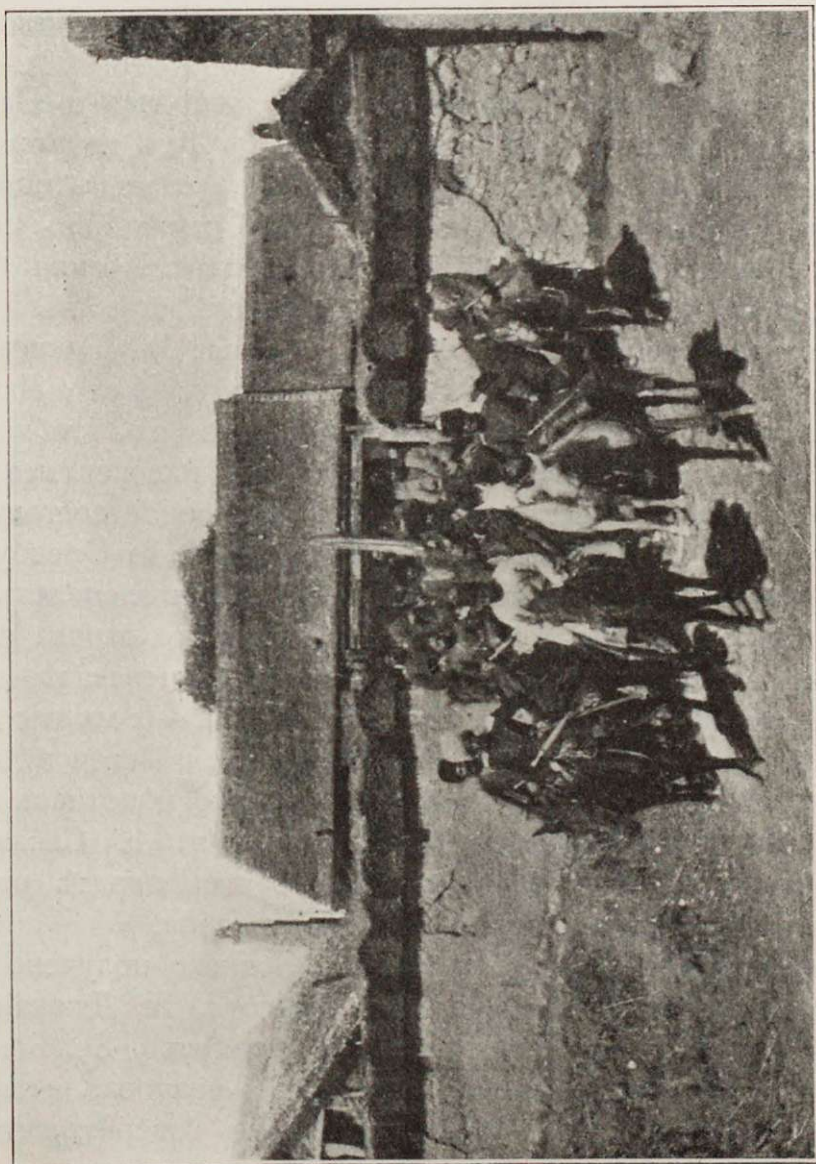
Я получилъ предписаніе: „№ 1304. Завтра съ двумя сотнями вы должны выступить въ семь часовъ утра для занятія Ин-шоу-пуцзы. Занимая эту деревню, наблюдайте и охраняйте пути на Далинъ и Кау-ту-линъ: впереди васъ, подъ переваломъ Кау-ту-лина, стоитъ 4-я сотня 2-го Нерчинскаго полка. Установите связь посредствомъ разъѣздовъ съ отрядомъ генерала Петрова у Далинскаго перевала. Поддерживайте связь съ 4-й сотней вашего полка, посылая туда черезъ день разъѣзды; черезъ день будетъ приходить отъ него разъѣздъ къ вамъ. Установите связь со мной въ Тиндяйю. Срочныя донесенія 1 разъ въ сутки утромъ. Донесите, когда прибудете въ д. Ин-шоу-пуцзы. Около д. Шанха-начжа будетъ стоять войск. стар. Хрулевъ съ двумя сотнями 2-го Арг. п. Генераль-маіоръ Любавинъ“.

28 августа. Ясный день. Въ авангардѣ шла первая сотня, не выславъ дозоровъ далеко впередъ и боковыхъ по сопкамъ; пришлось сотню остановить и принять охранныя мѣры. Въ этомъ отношеніи 2-я сотня кн. Меликова могла служить образцомъ: когда она бывала въ авангардѣ, отрядъ могъ быть совершенно спокоенъ—по сопкамъ впереди и съ боковъ, на большомъ разстояніи, виднѣлись дозоры, отъ которыхъ ничто не оставалось незамѣченнымъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой сотнѣ было до 16 рядовъ во взводахъ и меньше сбитыхъ спинъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ сотняхъ бригады. Это происходило оттого, что командиръ сотни былъ самъ горецъ и зналъ, что можно было требовать отъ всадника и его коня.

Въ юго-восточномъ направленіи слышалась рѣдкая ружейная перестрѣлка, скоро прекратившаяся; мы подумали, что встрѣтился одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ съ хунхузами.

Переваливъ черезъ сопку, мы вышли въ широкую долину съ протекавшей небольшою рѣчкой; д. Ин-шоу-пуцзы была верстахъ въ двухъ къ сѣверу. Сотни расположились по фанзамъ

на сѣверной и западной окраинахъ деревни, пробивъ отверстія въ глинобитныхъ оградахъ для свободнаго выхода къ сборному пункту позади нашего расположенія. Я занялъ фанзу, въ которой мы остановились, когда отступали отъ Сан-цзя-цзы. Теперь она

108 Отъѣздъ монаховъ гостей Дагестанцевъ.

чистая и опрятная, даже бумага не порвана въ окнахъ; съ тѣхъ поръ, что я въ Манчжуріи, я ни разу еще не жилъ въ такомъ роскошномъ помѣщеніи, а когда стояли здѣсь офицеры со своими вѣстовыми, то фанзу такъ загрязнили сразу, что я не замѣтилъ, какъ содержали ее хозяева-манзы.

Первымъ дѣломъ было принять горячую ванну. Пепино въ восторгѣ—имѣлась баранина, куры, яйца, мука, разнообразные овощи—можно составлять самыя причудливыя меню.

Прибыль ко мнѣ хорунжій графъ Бенингсенъ съ разѣздомъ изъ Мацзюнданя; онъ говорилъ, что тамъ былъ этапный пунктъ и стоялъ обозъ при полутора ротѣ пѣхоты отъ Мукденскаго отряда.

Отъ командира 4-й сотни, есаула Бодиско, изъ д. Пацзяцзы, я получилъ донесеніе: „Хунхузы вчера съ 4-хъ до 7-ми вечера беспокоили меня. Сегодня утромъ опять начали съ ними перестрѣлку. Одной сотней сильно ослабленъ постомъ въ полутора верстѣ на перевалѣ, ничего не могу сдѣлать. Можетъ быть вы можете послать сотню, чтобы общими силами отогнать ихъ. Они очень близко отъ занимаемой мною деревни. Ес. Бодиско“.

Я сейчасъ же отослалъ это донесеніе генералу Любавину, но едва ли онъ согласится послать вторую сотню, чтобы пугнуть хунхузовъ; съ ними могли бы справиться меньшія силы, хотя, конечно, сильно утомляетъ постоянно напряженное состояніе.

Изъ Далина прибыль съ разѣздомъ 10-го Оренбургскаго казачьяго полка хорунжій Шпицбергъ. Онъ передалъ мнѣ о распредѣленіи средняго авангарда Мукденскаго отряда подъ начальствомъ генерала Петерова. На Далинскомъ перевалѣ — 1-я рота и 6 казаковъ; на Тунхаулинскомъ перевалѣ — полроты и 6 казаковъ; главныя силы, подъ начальствомъ ген. Петерова—3 баталіона Моршанскаго полка, 1 рота Читинскаго пѣхотнаго полка и сотня 20-го Оренбургскаго казач. полка въ д. Санляйю, въ 28 ми верстахъ отъ Ин-шоу-пуцзы. Въ ихъ отрядѣ опасались быть отрѣзанными непріятелемъ у Мацзюнданя.

29 августа. Было пасмурно. Отъ Бодиско получено донесеніе: „Моя сотня смѣнена сегодня 6-й сотн. кн. Джандіери. Все спокойно, только хунхузы нахально беспокоятъ. Ес. Б.“.

Отъ командира 1-й сотни, есаула Аничкова, я получилъ рапортъ о болѣзни. Докторъ Терешковичъ говоритъ, что у него сильное нервное разстройство и что ему надо уѣхать въ продолжительный отпускъ. Очень жаль потерять хорошаго офицера (онъ уѣхалъ въ Россію и болѣе въ армію не возвращался). Филипповъ вступилъ въ командованіе 1-й сотней въ три часа, а въ пять было получено предписаніе Трухина отправить его немедленно въ полкъ для принятія 4-й сотни отъ заболѣвшаго есаула Бодиско. Въ 1-й сотнѣ не было болѣе офицеровъ, во 2-й два—

отрѣщенный отъ командованія сотней (за отступленіе въ Мукденъ) есауль Шаншіевъ и прапорщикъ запаса бар. Корфъ. Я назначилъ временно командовать сотнею Шаншіева и объ этомъ донесъ команд. полкомъ и начальнику отряда ген. Любавину. Мы во всякую минуту должны были быть готовы отразить нападеніе непріятеля и оставлять сотню безъ командира, даже на одну ночь, не было возможности.

Отъ ген. Петерова получено донесеніе ген. Любавину, что непріятель отступаетъ по всей линіи. Предлагаетъ мнѣ связь съ Далиномъ черезъ Тунхаулинскій переваль.

Изъ штаба отряда получено слѣдующее сообщеніе: „№ 1309. Штабъ отряда перешелъ къ биваку пѣхоты въ д. Тиндэйю. Аргунцы и Нерчинцы съ 4-й конно-горной батареей въ полторы версты дальше по дорогѣ къ Фушуну. Дагестанцы завтра пойдутъ къ отряду генерала Петерова (согласно приказанію н-ка полевого штаба). У ес. Бодиско изрѣдка перестрѣлка съ хунхузами, сегодня его смѣнитъ Джандіери. Разъѣздъ Бобровскаго все еще не вернулся. Сообщаю секретныя слова общія для всего нашего отряда: августа 28 — отзывъ — Александрія; пропускъ — Антапка. 29 — Отзывъ — Бобруйскъ; проп. — Бомба. 30 — Отз. — Веневъ; проп. — Винтовка. 31 — Отз. — Георгіевскъ; проп. — Гвоздь. Капитанъ Шнабель“.

30 августа. Солнечный теплый день. Получилъ предписаніе изъ штаба отряда: „№ 1417. Начальникъ отряда приказалъ сообщить вамъ, что назначеніе сотеннаго командира вмѣсто временно выбывшаго есть чисто полковое дѣло. Во всякомъ случаѣ ес. Шаншіевъ, какъ устраненный отъ командованія сотнею дисциплинарнымъ порядкомъ, сотни получить не можетъ. Капитанъ Шнабель“.

Оттого-то я и донесъ нач. отряда о временномъ назначеніи мною есаула Шаншіева, за неимѣніемъ другого офицера.

Тотчасъ по полученіи мною этого предписанія явился ко мнѣ возвратившійся изъ полка Филипповъ съ слѣдующимъ предписаніемъ команд. полкомъ: „№ 336. Предлагаю вамъ немедленно допустить въ вр. командованіе 1-й сотней подъесаула Филиппова, а есаулу Шаншіеву сегодня же явиться въ штабъ полка, такъ какъ онъ назначенъ вр. и. д. завѣдывающаго хозяйствомъ въ полку. Командующій полкомъ войск. ст. Трухинъ“.

Итакъ, я получилъ „репримандъ“ за то, что, не имѣя другого офицера, я назначилъ временно командовать сотней отстранен-

наго отъ должности офицера, а его въ то же время назначаютъ на высшую должность, занимаемую обыкновенно штабъ-офицеромъ, помощникомъ командира полка.

Было часовъ одиннадцать утра, когда въѣхали ко мнѣ во дворъ командиръ Дагестанцевъ Ханъ Нахичеванскій, подполк. Бюнтингъ и князь Тумановъ; они остались у меня завтракать. Пепино былъ предупрежденъ во-время и, кажется, не осрамился. Дагестанцы и ихъ командиръ успѣли уже отличиться не разъ. Ихъ можно было скорѣе упрекнуть въ томъ, что они были слишкомъ храбры, подѣзжали открыто къ непріятелю на близкое разстояніе и потому несли большія потери. Русскимъ офицерамъ, не знавшимъ ихъ языка, было трудно ими управлять.

31 августа.

Донесеніе кн. Джандіери: „№ 147, Пацзяцзы. Съ 6 часовъ утра до 8 вечера 30 августа велъ перестрѣлку съ хунхузами, поэтому не имѣлъ возможности выслать разъѣздъ для связи. 29 августа, въ 5 ч. пополудни, ко мнѣ пріѣхали два офицерскихъ разъѣзда сибирскаго казачьяго полка, отряда генерала Самсонова, которые были окружены японцами выше деревни Чан-си-чжай, въ 1 верстѣ на югъ-зап. отъ занимаемой мною позиціи на перевалѣ. Офицеры съ частью казаковъ пробились и случайно вышли на меня. 18 казаковъ у нихъ не хватаетъ. Вчера китайцы привезли ко мнѣ двухъ изъ 18 казаковъ, одинъ изъ нихъ раненъ въ пахъ, но легко, отправили обоихъ въ отрядъ. У в. ст. Хрулева въ д. Шан-хай-начжа китайцы показали, что двѣ роты японской пѣхоты занимаютъ переваль Уанфулинъ. Противникъ продвинулся къ сѣверу до д. Сун-шу-цзуй-цзы“.

Разъѣздъ 10-го Оренбургскаго казачьяго полка привезъ отъ генерала Петерова донесеніе ген. Любавину: „Въ штабъ отряда, черезъ Ин-шоу-пуцзы № 7. Бивакъ при Солунью. 31 авг.“.

„Непріятель занимаетъ передовыми частями Бейлинпуцзы, Цинхеченъ и дорогу южнѣе Ма-цзя-цзы. Въ вышеозначенныхъ мѣстахъ стану въ соприкосновеніе съ противникомъ. Въ виду чего вашъ отрядъ стоитъ у меня въ тылу уступомъ. Прошу выдвинуть охранительныя части на высоту Далина и войти въ связь съ двумя сотнями Дагестанцевъ, которыя завтра, 1 сентября, станутъ вблизи Сы-дао-хе-цзы. Дагестанскій полкъ прибылъ въ составѣ пяти сотенъ. Г.-м. Петеровъ“.

Отъ генерала Любавина получилъ предписаніе: „№ 1335. Фаншинъ. Нашъ отрядъ завтра наступаетъ на Бань-ю-пузы. Сего-

дня получена бумага отъ н-ка полевого штаба, въ которой сообщается, что въ штабъ арміи имѣются свѣдѣнія о назначавшемся передвиженіи японцевъ мелкими частями къ востоку. Опасаясь

109. Выступленіе моего отряда изъ Ин-шоу-пуцзы.

этого и желая своевременно открыть это движеніе, командующій арміей призываетъ конницу къ самоотверженной и энергичной дѣятельности для раскрытія этого. На ваши сотни, какъ фланговья нашего отряда, возлагается освѣщеніе нашего крайняго

лѣваго фланга Продвиньтесь верстъ на десять на югъ или юго-востокъ. Изберите удобный пунктъ для наблюденія и высылайте отсюда разъѣзды для развѣдки. Болѣе точныхъ указаній, къ сожалѣнію, дать не могу, такъ какъ не имѣется хорошихъ картъ, можетъ быть, этими пунктами будетъ пер. Каутулинъ. Кромѣ того немедленно вышлите офицеровъ (или хорошій урядничій разъѣздъ) на Сан-цзя-цзы (на Тай-цзы-хэ), съ цѣлью опредѣлить, не продвинулись ли на эту дорогу къ востоку японцы, послѣ развѣдки сотника Бобровскаго. Пусть развѣдаетъ къ Уй-ян-ныну и вернется той же дорогой, хорошенько разспросивъ китайцевъ о положеніи дѣла внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Держите связь съ нами черезъ Фаншинъ. О результатахъ завтрашняго дня сообщимъ. Ген.-м. Любавинъ“.

Мнѣ было не легко отъ того, что предложенная мнѣ пилуля была позолочена: заниматься развѣдочной службой, когда другіе идутъ въ бой, было очень обидно. Я былъ золъ и отвѣтилъ отказомъ, когда подполковникъ Юлшинъ просилъ меня прислать сотню для содѣйствія къ поиску противъ какихъ-то хунхузовъ.

1 сентября. Былъ чудный солнечный день—нервы немного успокоились. Отправилъ генералу Любавину слѣдующее донесеніе: „Сейчасъ выслать два разъѣзда въ Сан-цзя-цзы, одинъ изъ нихъ сдѣлаетъ развѣдку въ сторону Уй-ян-нына по правому берегу Тай-цзы-хэ, другой переправится на лѣвый берегъ и постарается развѣдать мѣстность отъ Мицзы и въ тылу Уй-ян-нына. Прап. зап. бар. Корфу съ разъѣздомъ поручено пройти на юго-востокъ до Сы-дао-хецзы, занятаго двумя сотнями Дагестанцевъ, изслѣдовать пути, которые сходятся у Ин-шоу-пуцзы, и узнать охраняются ли они кѣмъ-нибудь. Четвертый разъѣздъ, направляясь также на юго-вост. за хребтомъ, идущимъ влѣво отъ Каутулина, свернетъ на юго-западъ, дойдетъ, если, можно, до Уй-ян-нына и вернется другимъ путемъ, развѣдавъ пространство совершенно намъ незнакомое за неимѣніемъ хорошей карты. До возвращенія бар. Корфа остаюсь въ Ин-шоу-пу-цзы, такъ какъ не могу избрать удобнаго пункта для наблюденія за передвиженіями непріятеля, пока не получу свѣдѣній о путяхъ и переломахъ черезъ хребетъ. Войск. ст. Квитка“

Генераль Петеровъ писалъ ген. Любавину: „Непріятель отступилъ отъ Цинхечена, дальнѣйшее его слѣдованіе неизвѣстно“.

Отъ ген. Любавина получилъ предписаніе: „№ 1345. Фаншенъ. Сегодня или завтра ожидается въ отрядъ ген.-лейт. Реннен-

кампфъ; до его прїѣзда и распоряженія оставайтесь въ Ин-шоупуцахъ. Пошлите возможно скорѣе къ Каутулину приказаніе 6-й сотнѣ присоединиться къ отряду, 4 ѣ оставаться у Каутулина и присылать къ намъ въ Фаншенъ донесенія, которыхъ сегодня мы не имѣли. О противникѣ новыхъ свѣдѣній нѣтъ. Движеніе наше впередъ прїостановлено до прїѣзда ген.-лейт. Ренненкампа. Ген.-маіоръ. Любавинъ“

2 сентября. Вернулись разъѣзды 1 сотни. Они раздѣлились на три части у Сан-цзя-цзы. Вахмистръ Матвѣевъ переправился черезъ Тай-цзы-хэ у Мицзы—непріятеля не было ни въ Мицзахъ, ни въ Бейлинпуцахъ. Урядникъ Мосѣевъ переправился у Сан-цзя-цзы, проѣхалъ около шести верстъ на югъ по лощинѣ, свернулъ вправо на гребень невысокихъ горъ и пробрался по направленію къ Уй-ян-нынъ до вершины, откуда было видно, что тамъ происходило: на берегу рѣки стоялъ постъ изъ шести японцевъ, въ разныхъ мѣстахъ деревни былъ виденъ дымъ отъ костровъ; по словамъ китайцевъ въ Уй-ян-нынѣ было 250 человекъ пѣхоты. Вольноопредѣляющійся Обезьяниновъ изъ Сан-цзя-цзы направился къ Уй-ян-нынъ по крутому перевалу, что ближе къ рѣкѣ, спѣшившись онъ поднялся на сопку, откуда видѣлъ у деревни заставу въ двадцать пять человекъ, одинъ постъ на противоположной сопкѣ, костры въ девяти дворахъ деревни и движущихся пѣхотинцевъ. Онъ думалъ, что въ Ун-ян-нынѣ была одна рота. Знакомые вахмистру Матвѣеву китайцы говорили ему, что 1 сентября въ Уй-ян-нынѣ стояло 300 чел. пѣхоты, въ Бэн-сиху двѣ тысячи пѣх., 240 кавалеріи и 12 полевыхъ орудій. Шесть дней тому назадъ, по направленію къ Цзян-чану, прошелъ правымъ берегомъ Тай-цзы-хэ, японскій отрядъ въ 2 тыс. чел. пѣх., 20 чел. кав. и 50 лошадей съ горнымъ орудіемъ и выюками; 30 августа отрядъ въ томъ же составѣ прошелъ, какъ предполагаютъ, въ д. Пин-лин-шанъ, близъ Цзян-чана; при каждомъ отрядѣ было по десяти китайскихъ арбъ.

Получилъ предписаніе: „№ 1276. Фаншинъ. Постарайтесь скорѣе войти въ связь съ Дагестанцами въ Сы-дао-хе-цзы, выдвинувшись на линію Гоутулинъ — Сы-дао-хе-цзы. О пунктѣ расположенія донесите. Полковникъ Россійскій“.

3 сентября. Донесеніе генералу Любавину отъ 3 сентября. „Разъѣздъ для связи съ Дагестанцами въ Сы-дао-хе-цзы былъ высланъ мною 1 сентября, о чемъ я доносилъ Вашему Превосходительству. Разъѣздъ этотъ, подъ командою прапорщика запаса

бар. Корфа, вернулся вчера вечеромъ, 2 сентября. Выяснилось, что дорогъ между Каутулиномъ и Сы-дао-хе-цзы нѣтъ. Тропа, по которой прослѣдовалъ бар. Корфъ, не пересѣкала ни одной значительной дороги, идущей отъ Тай-цзы-хэ въ сѣверномъ направленіи. Поэтому на этомъ пространствѣ нѣтъ ни одного мѣста, удобнаго для наблюденія за движеніемъ непріятеля, и затруднительно держать связь, какъ съ отрядомъ, такъ и съ Дагестанцами. Разстояніе между Ин-шоу-пу-цзы и Сы-дао-хе-цзы не менѣе 50 вер. и должно быть столько же между Каутулиномъ и Сы-дао-хе-цзами. Высылаю завтра разѣздъ, который пройдетъ отъ Каутулинскаго перевала по направленію къ Сы-дао-хе-цзы, и если найдется дорога, по которой можно будетъ поддерживать связь съ отрядомъ и Дагестанцами, а также мѣсто, удобное для наблюденія за непріателемъ, то я туда передвинусь или перейду туда, куда будетъ Вами мнѣ точно указано. В. С. К.“

Мы выступили изъ Ин-шоу-пу-цзы и прибыли въ одиннадцать часовъ утра въ Па-цзя-цзы; здѣсь я ожидалъ возвращенія разѣздовъ прежде чѣмъ рѣшить, гдѣ я выберу мѣсто стоянки. Только что одинъ изъ разѣздовъ завернулъ за сопку, подъ которой находилась наша деревня, раздались тамъ частые выстрѣлы. Одинъ казакъ прискакалъ обратно, сказавъ, что по нимъ стрѣляли хунхузы и одна лошадь была убита. Черезъ нѣсколько минутъ вернулись остальные казаки, лошадь была легко ранена въ високъ и упала, но потомъ оправилась. Подъ командою барона Корфа было послано два взвода отъ 2-й сотни и одинъ взводъ отъ 1-й сотни; чтобы выбить хунхузовъ, занявшихъ сопку, казаки взобрались на нее верхомъ и тотчасъ же началась пальба залпами, на которую хунхузы отвѣчали ружейнымъ и фальконетнымъ огнемъ; звукъ послѣднихъ гораздо громче ружейнаго выстрѣла и гулко отдается въ горахъ, но мало дѣйствительный. Подошедшій взводъ Дагестанцевъ подъ командою хорунжаго Да-ногуева поднялся тоже на сопку и принялъ участіе въ бою. Перестрѣлка длилась три четверти часа, хунхузы упорно отвѣчали нашимъ и не отступали ни на шагъ. Тогда взводъ 1-й сотни и часть Дагестанцевъ заскакали въ обходъ и это сейчасъ же заставило хунхузовъ бѣжать по сопкамъ, бросивъ два фальконета и одно ружье; на мѣстѣ, гдѣ они защищались, были найдены боченокъ съ порохомъ, патроны и зарѣзанный баранъ—мы помѣшали имъ пообѣдать. Китайцы намъ сказали потомъ, что въ лѣсу они нашли трупы двухъ убитыхъ нами хунхузовъ.

Я получилъ предписаніе: „№ 1356. Фаншинъ. Начальникъ дивизіи приказалъ Вамъ продвинуться черезъ перевалъ Каутулинъ далѣе къ Ю.-Ю.-В. и остановиться у д. Хуанлинъ, ведя оттуда развѣдку на югъ и юго-востокъ и войдя въ связь съ Дагестанцами у Сы-дао-хе-цзы. Завтра, 4-го, нашъ отрядъ произведетъ усиленную рекогносцировку къ Бань-ю-пуза. Три Нерчинскія сотни пойдутъ по дорогѣ, которая идетъ между путемъ наступленія отряда и дорогою, на которой стоите Вы.

„Путь трехъ Нерчинскихъ сотенъ пойдетъ черезъ д. Табачоу—Хуин-линза—Чудя-пуза, имѣя задачей выйти во флангъ противнику.

„Сотню Бобровскаго сегодня же вышлите на соединеніе съ полкомъ въ д. Фаншинъ. Полковникъ Россійскій“.

Мы сейчасъ же собрались и выступили. Въ сумерки я остановилъ отрядъ въ трехъ верстахъ южнѣе Каутулинскаго перевала, на перекресткѣ дорогъ на Сан-цзя-цзы, Ма-цзюнь-данъ и къ перевалу Уан-фу-линъ. Сотни стали бивакомъ въ довольно широкой долинѣ подъ деревьями, на берегу ручья.

Я проѣхалъ въ китайскую крѣпость (импань), которая виднѣлась въ глубинѣ узкаго ущелья, ведущаго къ Уан-фу-линскому перевалу. Внутри обширнаго двора, огороженнаго стѣнами импани съ бойницами и башнями по угламъ, были большія фанзы съ трехъ сторонъ. Главная фанза находилась въ серединѣ, противъ входа. Она была богато отдѣлана и содержалась въ большемъ порядкѣ и чистотѣ. Меня встрѣтили на дворѣ очень любезно человѣкъ пятнадцать молодыхъ китайцевъ, одѣтыхъ одинаково и очень изящно, одинъ изъ нихъ былъ капитанъ, т. е. начальникъ. У коновязей стояло нѣсколько хорошихъ лошадей и муловъ. Они увѣряли, что „ипень и хунхузъ мэю“. Мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что это были хунхузы. Я слыхалъ, что между ними была своего рода аристократія, поступившая въ ряды хунхузовъ, чтобы бороться противъ существующаго государственнаго строя. Они обмундированы и обучены какъ строевыя войска и воюютъ противъ политическихъ враговъ, а не занимаются разбоемъ, какъ дѣлаютъ обыкновенные хунхузы. Пепино успѣлъ подружиться съ однимъ китайцемъ и купилъ у него куръ и яицъ. Въ то время, какъ я писалъ донесеніе при свѣтѣ свѣчей, мнѣ пришли сказать, что китайцы всѣ разбѣжались и увели лошадей и муловъ. Однако скоро вернулся хозяинъ, я приказалъ его арестовать и объявилъ черезъ переводчика, что если ночью будетъ

на насъ нападеніе, я прикажу ему отсѣчь голову, если же все будетъ спокойно, то онъ утромъ будетъ свободенъ. Его отвели на бивакъ, куда я тоже вернулся.

Бивакъ при лунномъ свѣтѣ былъ очень живописенъ. Послѣ ужина всѣ офицеры легли спать на буркахъ, вокругъ большого дерева.

4 сентября. День былъ ясный. Хорунжій Даногуевъ возвращался въ свой полкъ черезъ Ма-цзюнь-дань, я ему передалъ донесеніе для генерала Петерова.

На западѣ слышались орудійные выстрѣлы, начался бой отряда, наступавшаго на Бань-ю-пуза. Я проѣхалъ на перевалъ Уан-фу-линь, куда была выставлена съ утра застава отъ 1-й сотни. Съ вершины перевала открывалась мѣстность, на которой происходилъ бой, верстахъ въ восьми къ западу.

Отъ мѣста расположенія заставы дорога спускалась черезъ ущелье въ широкую долину, гдѣ передвигались наши части; непріятель, замѣтивъ ихъ приближеніе, открылъ орудійный огонь. Мы отвѣчали и наши шрапнели лопались подъ высокою сопкою; тамъ, гдѣ была вѣроятно позиція подъ Бань-ю-пузами. Какъ заманчива картина боя и какъ обидно видѣть, что происходитъ вдали, не имѣя права двинуться съ мѣста.

Появленіе внизу разъѣзда, направлявшагося къ перевалу, дало надежду, что это непріятельскій разъѣздъ и намъ тоже можетъ предстоять дѣло, но мы скоро были разочарованы—показались бѣлыя лошади, значитъ наши—у японцевъ бѣлыхъ лошадей не было, потому что онѣ слишкомъ замѣтны и представляютъ хорошую цѣль. Это былъ разъѣздъ изъ корпуса генерала Засулича, съ двумя офицерами генеральнаго штаба, искавшими позиціи, чтобы удержать натискъ непріятеля въ случаѣ его перехода въ общее наступленіе.

Явились китайскіе лазутчики, посланные Меликовымъ изъ Ин-шоу-пу-цзы; они показали, что въ Бэнсиху собраны японцами большіе склады преимущественно рису. До девяти тысячъ чело-вѣкъ эшелонировано отъ Бэнсиху до Бан-ю-пузы, у нихъ было десять полевыхъ и двѣнадцать горныхъ орудій. Войска и продовольствіе доставлялись съ юга.

Палатку, уступленную мнѣ Филипповымъ, мои вѣстовые разбили на краю бивака.

5 сентября. Погода испортилась, сталъ моросить мелкій дождь. Изъ главной квартиры прибылъ съ разъѣздомъ сотни Дано-

гуевъ, братъ отбывшаго вчера хорунжаго. Даногуевъ имѣлъ специальную задачу—производить развѣдки въ тылу у непріятеля.

Горцы изъ развѣзда Даногуева, обшаривая импань, нашли въ главной фанзѣ, подъ каною, боченокъ въ три пуда пороха. Мы его разсыпали и спалили. Хорошо, что Пепино не подумалъ заготовить очагъ подъ тою каною — я тамъ сидѣлъ и навѣрно взлетѣлъ бы на воздухъ.

Отъ командующ. полкомъ получилъ извѣстіе, что завтра, 6 сентября, прибудетъ 3-я сотня на смѣну 2-й; я сейчасъ предложилъ командиру 2-й сотни присоединиться къ полку. Въ два часа она выступила, а я съ 1-й сотнею переселился въ импань, выславъ предварительно развѣзды въ сторону Сан-цзя-цзы и Ма-цзюнь-дана. Сторожевое охраненіе установлено на ближайшихъ сопкахъ и поддерживалась постоянная связь съ заставой у Уан-фу-лина.

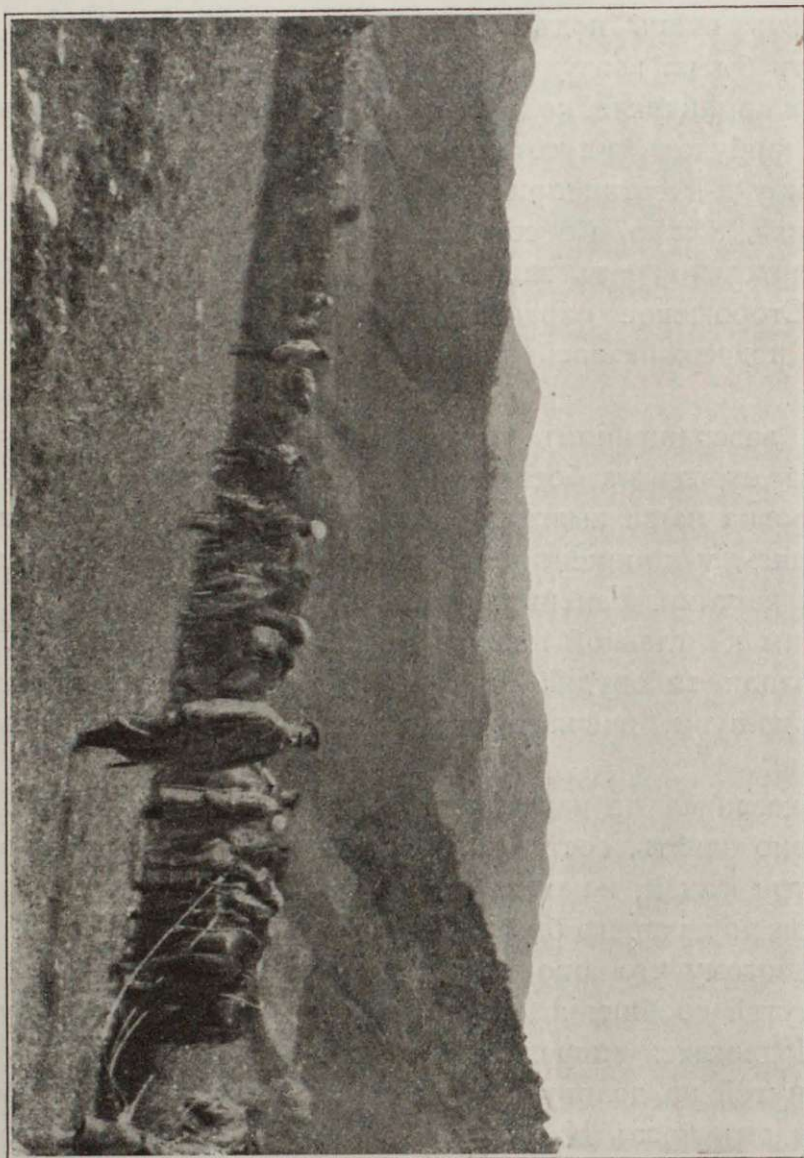
На возвращенномъ мнѣ конвертѣ отъ донесенія, посланнаго мною въ отрядъ на боевой позиціи, Шнабель написалъ: „Рекогносцировка наша выяснила, что къ С. отъ Бань-ю-пузы, у дер. Худзялинь, у японцевъ сильная позиція. Имѣли дѣло съ передовыми частями. Раненыхъ около 10, больше пѣхоты, шрапнелю. Подступы къ главной позиціи трудны. Возвращаемся на бивакъ. Опредѣлили 12 орудій. Къ тѣмъ 3—4 тысячамъ, которые были у Бань-ю-пузы, вчера подошли еще 5 тысячъ (такъ говорятъ китайцы)“.

Показанная на картѣ деревня Хуанлинь, которую мнѣ было приказано занять, состояла изъ ряда деревушекъ и хуторовъ по двѣ и три фанзы, на протяженіи 4—5 верстъ, начиная отъ мѣста расположенія нашего бивака къ югу. Я сталъ бивакомъ на этомъ мѣстѣ, потому что оно находилось на перекресткѣ трехъ главныхъ путей сообщенія, изъ коихъ два вели въ сторону непріятеля. Подвигаясь впередъ, я оставлялъ у себя въ тылу выходы этихъ путей на долину, ведущую къ единственному сообщенію съ отрядомъ чрезъ Каоутулинскій переваль; кромѣ того, размѣщеніе казаковъ по одинокимъ фанзамъ раздробило бы наши малыя силы, что было бы конечно опаснымъ.

6 сентября. Поилъ обложной дождь. Въ полдень прибылъ подѣссаулъ Вишняковъ съ 3-й сотней. Не имѣя возможности расположить ее въ импани, за недостаткомъ мѣста, я приказалъ Вишнякову вести сотню внизъ по долинь и занять одну изъ деревень Хуанлинь, гдѣ весь отрядъ могъ бы размѣститься. Въ край-

немъ случаѣ мы стали бы на бивакъ, хотя въ дождливую и холодную пору это могло бы вызвать заболѣванія, что затруднило бы подвижность летучаго отряда; мы имѣли врача (Терешковича),

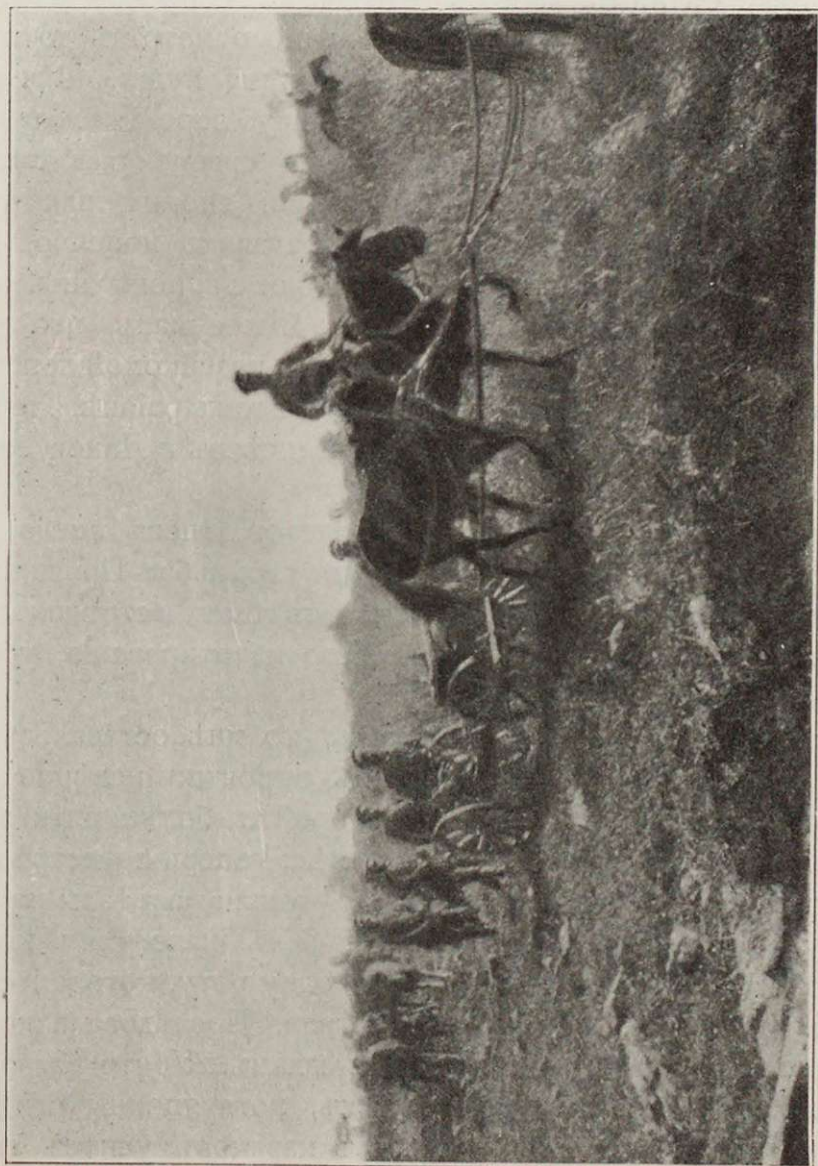
110. Подъемъ батареи на перевалъ.

но никакихъ средствъ для оказанія помощи заболѣвшимъ и эвакуированія ихъ въ штабъ полка.

Въ 4 часа пополудни я выступилъ съ 1-й сотней и занялъ разоренную деревушку напротивъ расположенія 3-й сотни. Было тѣсно и неудобно; обѣ деревушки были разбросаны у подножія

противуположныхъ цѣпей горъ, куда непріятель могъ бы пробраться незамѣченнымъ и напасть на насъ врасплохъ въ особенности ночью, когда на бдительность казачьяго охраненія нельзя было положиться. Съ нами сталъ тоже разъѣздъ Даногуева.

III. Спускъ батареи съ перевала.

Я рѣшилъ на слѣдующій день передвинуться на югъ въ большую деревню Чау-хуан-цзай, гдѣ могъ бы размѣститься вмѣстѣ весь нашъ отрядъ, а сейчасъ приняты были всѣ доступныя намъ мѣры охраненія, изъ которыхъ я считалъ наиболѣе дѣй-

ствительною отправку одного за другимъ разъѣздовъ. Всѣ лошади, кромѣ дежурной части, были разсѣдланы.

7 сентября. Я выслалъ подъесаула Федосѣева съ разъѣздомъ отъ 3-й сотни для связи съ Дагестанцами черезъ Сан-цзя-цзы и Бей-лин-пуцзы. Даногуевъ со своимъ разъѣздомъ отправился тоже съ нимъ, а я съ трубачомъ сопровождалъ ихъ до д. Чау-хуан-цзай, которую хотѣлъ лично осмотрѣть до перевода туда сотенъ. Мѣста оказалось болѣе, чѣмъ нужно, и я послалъ обратно трубача съ приказаніемъ отряду перейти сюда, а самъ остался въ кумирнѣ, такъ какъ у меня сильно разболѣлась голова. На мои вопросы, были ли вблизи японцы или хунхузы, жители деревни отвѣчали „мэю“, но я зналъ конечно, что имъ довѣряться не слѣдовало. Къ кумирнѣ стали подходить китайцы и скоро ихъ набралось болѣе сотни. Я подумалъ, что пожалуй было неосторожно остаться одному въ незнакомой деревнѣ, гдѣ навѣрно были хунхузы, какъ во всемъ этомъ районѣ. Не прошло часа, какъ ушелъ отсюда на югъ Федосѣевъ и Даногуевъ, какъ раздались тамъ выстрѣлы.

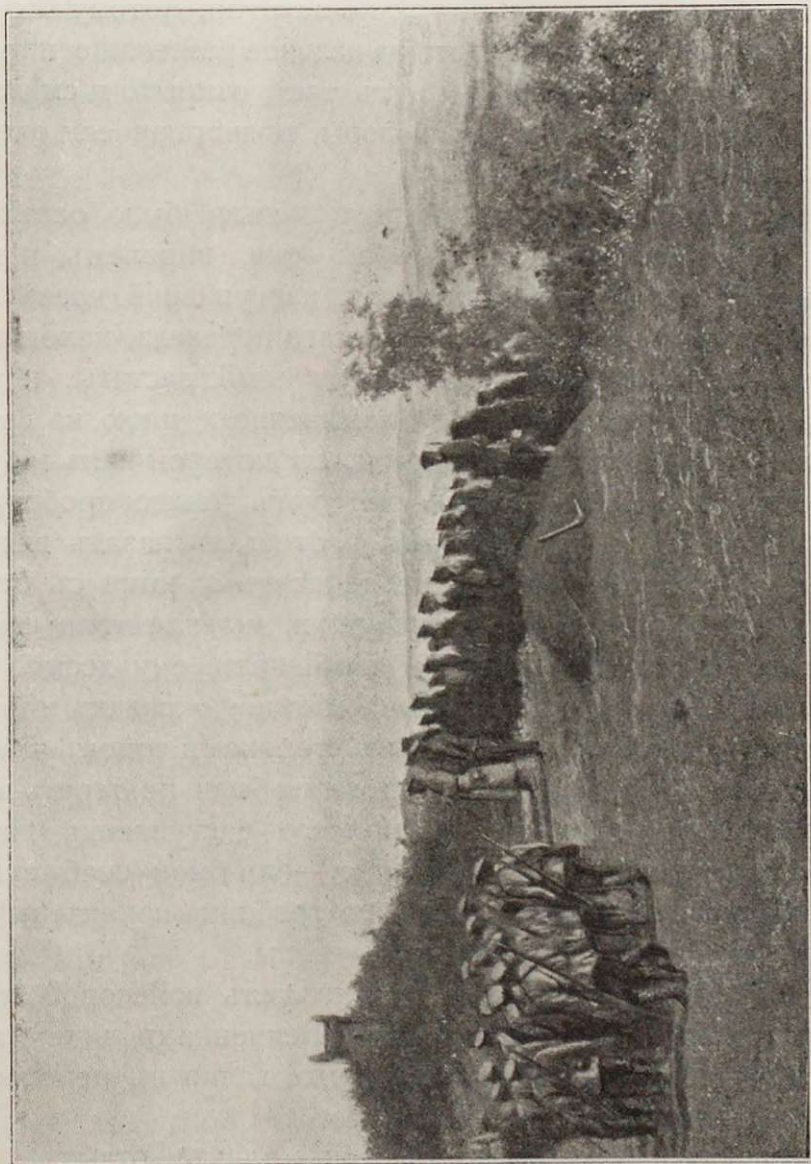
Одинъ бонза прибѣжалъ и сказалъ: „Ипенъ много, много“.

Послѣ залповъ пошла одиночная стрѣльба. Прискакалъ казакъ съ донесеніемъ: „Нашъ разъѣздъ былъ встрѣченъ огнемъ непріятеля въ 8 верстахъ отъ Вашего квартированія, убито двѣ лошади. Подъесаулъ Федосѣевъ“.

Такъ какъ разъѣздъ отступалъ, то мнѣ оставалось только ждать его возвращенія. Федосѣевъ вѣроятно невѣрно опредѣлилъ разстояніе — они не успѣли пройти болѣе пяти верстъ и первый залпъ былъ слышенъ не далѣе; теперь перестрѣлка приближалась довольно быстро. Скоро подошли разъѣзды на рысяхъ. Даногуевъ первый увидѣлъ идущую имъ навстрѣчу по дорогѣ непріятельскую колонну, примѣрно одну роту, которая скрылась въ гаолянѣ, какъ только его замѣтила. Послѣдовала команда и за нею залпъ по дозорамъ и разъѣздамъ. Убито было только двѣ лошади у переднихъ дозорныхъ, хотя японцы стрѣляли не далѣе трехсотъ шаговъ. Одинъ изъ казаковъ успѣлъ снять сѣдельную подушку съ убитой лошади и благополучно добѣжалъ до своихъ, вмѣстѣ съ другимъ пострадавшимъ. Разъѣзды повернули назадъ и удалились на рысяхъ; въ верстѣ отъ д. Чау-хуан-цзая, по нимъ стрѣляла съ сопокъ перебѣжавшая пѣхотная цѣпь.

Я послалъ казака въ Хуалинъ съ приказаніемъ сотнямъ собираться и выходить на дорогу къ Каутулину.

Когда мы стали отходить, японцы уже забѣжали впередъ по сопкамъ. Такъ какъ позади насъ въ двухъ стахъ саженьяхъ до-

112. Каутулинскій перевалъ; похороны убитыхъ въ дѣлѣ 9 сентября.

лина суживалась, то мы это разстояніе прошли рысью, чтобы опередить японцевъ и не дать имъ возможности выбить изъ строя нѣсколько казаковъ или лошадей.

Въ Хуалинѣ отрядъ уже былъ построенъ на дорогѣ. Обсудивъ что дѣлать, мы рѣшили отойти къ Каутулинскому пере-

валу, потому что только тамъ имѣлась хорошая оборонительная позиція, а, повидимому, японцы вели наступленіе упорно—кромѣ роты, шедшей по дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ сопокъ была разсыпана по крайней мѣрѣ еще одна рота; можно было предполагать, что это былъ авангардъ отряда, примѣрно въ два или три баталіона. Едва ли это были только патрули, потому что японцы не имѣли обыкновенія высылать на дальнее разстояніе патрули такой силы и притомъ они не идутъ такъ открыто и смѣло, а высыпаютъ впередъ по сопкамъ дозоры, подвигающіеся очень медленно.

При отступленіи къ Каутулину нельзя было оставлять заставы на Уан-фулинскомъ перевалѣ—она, впрочемъ, и не была болѣе нужна, такъ какъ непріятель, наступавшій чрезъ Уан-фулинъ, не могъ миновать Каутулинскаго перевала, находившагося сзади. Посланъ разъѣздъ для снятія этой заставы, которой я приказалъ идти къ Каутулину замѣченной мною во время посѣщенія заставы обходной дорогой, съ которой намъ не мѣшало ознакомиться, потому что по ней могъ также пробраться непріятель. Федосѣва и Даногуева я отослалъ назадъ для занятія перевала до нашего прихода и послѣдовалъ за ними съ отрядомъ. Проходя мимо разоренной деревушки, мы замѣтили единственнаго жителя, стараго китайца; я обѣщалъ ему десять рублей, если онъ сообщитъ намъ вѣрныя свѣдѣнія о силахъ и направленіи движенія японцевъ. По обѣимъ сторонамъ сопокъ были оставлены пѣшіе дозорные, которые должны были не терять изъ виду непріятели и отходить только при его наступленіи, донося въ отрядъ о всемъ, что было замѣчено,—они были снабжены биноклями и должны были отступать по гребнямъ сопокъ, гдѣ всегда имѣются пробитыя жителями горы тропы.

На вершинѣ перевала меня встрѣтилъ войсковой старшина Юлшинъ и передалъ, что генераль Ренненкамппъ послалъ его, чтобы меня смѣнить, такъ какъ я уже давно въ передовомъ отрядѣ, мнѣ пора дать отдыхъ.

Признаюсь, нехстати былъ мнѣ данъ отдыхъ: начиналось интересное дѣло, которое, мнѣ казалось, я наладилъ, какъ слѣдуетъ и вдругъ приходится передавать начальство другому, а самому удалиться. Конечно, генераль Ренненкамппъ не сдѣлалъ бы этого распоряженія, если бы былъ знакомъ съ измѣнившимися обстоятельствами.

Отъ командующаго полкомъ я получилъ предписаніе: „№ 372.

У Фаншина. На замѣну Васъ командируется войсковою старшина Юлшинъ. Люди, командированные съ войсковымъ старшиною Юлшинымъ, будутъ сопровождать Васъ обратно, такъ какъ, хотя войсковою старшина Юлшинъ просилъ временно ихъ оставить при себѣ, но я этого не разрѣшаю. Съ Вами же должны прибыть казаки, выбранные изъ 1-й и 3-й сотенъ въ развѣдочную сотню. Войсковою старшина Трухинъ“.

Я долженъ былъ остановиться въ Па-цзя-цзяхъ, пока собирались казаки развѣдочной сотни. Туда прибылъ одновременно со мною сотникъ 2-го Дагестанскаго коннаго полка Колубакинъ, бывшій конногвардеецъ, присланный для связи со мною.

Его развѣздъ попалъ въ засаду полуроты японской пѣхоты на перевалѣ между Гаолинцзы и Бей-лин-пуцзы, гдѣ въ августѣ я содержалъ заставу. Былъ убитъ одинъ всадникъ и четыре ранены, двѣ лошади убиты и три ранены. Это давало поводъ предполагать, что японцы повели наступленіе по всей линіи, какъ о томъ предупреждали насъ нѣкоторые китайскіе лазутчики.

Когда собралась моя команда, мы двинулись въ путь широкимъ шагомъ. Не доходя д. Чуцзя-чун-гоу, гдѣ стоялъ прежде нашъ отрядъ, тамъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ; я остановился и посмотрѣлъ въ бинокль, что тамъ происходило: бѣжали наши солдаты взадъ и впередъ, собирались въ кучки, потомъ опять разбѣгались, — что это могло значить? Разгадку мы получили въ деревнѣ: солдаты охотились за свиньями, которыя совсѣмъ одичали и не давались въ руки, пришлось по нимъ стрѣлять.

Я миновалъ деревню, въ которой размѣстился нашъ полкъ, оставивъ тамъ мои выюки, и проѣхалъ на рысяхъ въ штабъ дивизіи, четыре или пять верстъ дальше на югъ.

Было совсѣмъ темно, когда я вошелъ въ фанзу, занятую генераломъ Ренненкампомъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и диктовалъ донесеніе капитану Шнабелю. Выслушавъ меня, онъ сталъ диктовать новое донесеніе съ моихъ словъ. Окончивъ докладъ, я вернулся въ расположеніе полка, въ занятую мнѣ вѣстовыми отдѣльную фанзу. Въ полку на ночь лошадей не разсѣдывали, тогда какъ самъ начальникъ отряда находился впереди.

Ночью было получено приказаніе изъ штаба отряда быть готовымъ къ выступленію въ 8 часовъ утра.

8 сентября. Въ девять часовъ утра три наши сотни, четыре Аргунскія и 4-я конно-горная батарея, подъ начальствомъ гене-

рала Ренненкампа, выступили по направленію къ сѣверу. Начальникъ дивизіи вызвалъ меня впередъ и спросилъ, можетъ ли артиллерія пройти черезъ переваль у д. Чуцзятунгоу, я отвѣтилъ утвердительно и получилъ приказаніе вести отрядъ чрезъ Каутулинскій переваль на Хуалинѣ.

Пришлось сдѣлать въ обратномъ направленіи весь путь, пройденный мною вчера. Я вспомнилъ, что генераль хотѣлъ мнѣ дать продолжительный отдыхъ, вызвавши въ отрядъ; оставляя меня на мѣстѣ, въ Хуалинѣ, пожалуй предоставилъ бы болѣе дѣйствительный отдыхъ.

Въ Па-цзя-цзяхъ мы застали войскового старшину Юлшина съ сотнями; онъ собирался отступать, въ виду полученныхъ отъ китайцевъ свѣдѣній, что непріятель перешелъ въ наступленіе. Однако, мы перевалили чрезъ Каутулинѣ, миновали Хуалинѣ и пришли на ночлегъ въ д. Чау-хуан-цзай, не встрѣтивъ японцевъ—они отошли назадъ, вѣроятно предупрежденные о движеніи значительнаго отряда.

Было холодно и сыро.

Начальникъ штаба дивизіи полковникъ Россійскій сказалъ мнѣ, что онъ не подозрѣвалъ, что стоянка моихъ сотенъ была такъ удалена отъ отряда.

9 сентября. Выступленіе назначено въ 7 час. утра. Было ясное, морозное утро, все кругомъ покрыто инеемъ. Я прозябъ до костей. Наступленіе назначено по направленію къ Као-тай-цзы. Войсковому старшинѣ Хрулеву было поручено освѣщать мѣстность къ югу, въ сторону Сан-цзя-цзы. 5-я Аргунская сотня, разбитая на разѣзды, должна была производить развѣдки путей къ западу въ районѣ отъ Уан-фулина до Као-тай-цзы и прикрывать нашъ правый флангъ.

Мы двинулись сперва на югъ по долиנѣ, идущей въ Сан-цзя-цзы, верстахъ въ трехъ мы свернули на западъ, по широкой дорогѣ, среди узкой долины, но проходя черезъ деревню отъ жителей узнали, что дорога дальше не идетъ, а ближайшій путь въ Као-тай-цзы идетъ черезъ гору. Стали мы подниматься по углубленной тропѣ на сопку, не очень высокую. Съ помощью шанцеваго инструмента, выданнаго артиллеристами (своего у казаковъ не было), казаки расширяли дорогу для орудій и помогали ихъ втаскивать. Спускъ былъ легче, но тѣмъ не менѣе потребовалось около двухъ часовъ, чтобы перебраться черезъ горы.

Дальнѣйшій путь лежалъ вдоль ручья по совершенно ровной долинѣ, все болѣе и болѣе расширявшейся.

Пройдя около двѣнадцати верстъ отъ перевала, мы подошли къ широкой поперечной долинѣ, идущей съ юга на сѣверъ; по ней пролежала дорога изъ Уй-ян-ньина на Бань-ю-пузы. Баронъ Корфъ былъ посланъ со взводомъ къ Уй-ян-ньину, онъ долженъ былъ развѣдать непріятеля. Мы же свернули на сѣверъ, не останавливаясь въ Као-тай-цзы.

Въ авангардѣ шли 1-я и 4-я Аргунскія сотни. Когда мы подходили къ д. Хоэлинъ, хорунжій Гейзелеръ, адъютантъ генерала Ренненкампа, передалъ Трухину приказаніе остановиться за деревнею, а два орудія вытребованы впередъ.

Черезъ нѣсколько минутъ была потребована 1-я головная сотня впередъ на позицію, остальные сотни остались за горой. Въ это время прибылъ прапорщикъ запаса баронъ Корфъ, доложившій генералу, что, подходя къ Уй-ян-ньину, онъ былъ обстрѣлянъ передовыми частями съ сопокъ. Ему было приказано вернуться назадъ и удержать во что бы то ни стало поворотъ долины къ востоку, на пути нашего отступленія. Я просилъ командующаго полкомъ дать Корфу еще одинъ взводъ въ виду важности возложеннаго на него порученія, но онъ не согласился, такъ какъ на это не было особаго приказанія начальства.

Нашъ авангардъ уже завязалъ перестрѣлку съ непріятельскою заставой. Сотникъ Рыжковъ стрѣлялъ изъ винтовки по двумъ японскимъ офицерамъ на близкомъ разстояніи, но промахнулся. Японцы были очевидно застигнуты врасплохъ—они никакъ не ожидали, что русскія войска могли появиться въ тылу и въ самомъ центрѣ ихъ расположенія. Встрѣченные нами непріятельскіе обозы поворотили назадъ и бросились наутекъ. Большое стадо рогатаго скота, лошадей и муловъ было собрано въ одной лощинѣ недалеко отъ насъ; Аргунцы пытались ими завладѣть, но японцы сильно обстрѣливали эту лощину и удалось только Рыжкову захватить добраго коня.

Вдали, на сѣверъ, были видны палатки, по всѣмъ вѣроятностямъ это было бивачное расположеніе большого непріятельскаго отряда. Наши горныя орудія открыли по нимъ огонь. Моментально тамъ все закопошилось, войска собирались бѣгомъ и шли намъ навстрѣчу, другія заходили въ сторону, можетъ быть, чтобы поддержать болѣе слабыя части или идти намъ на перерѣзъ. Бой уже длился болѣе часу, потери у японцевъ были вѣроятно чув-

ствительныя, у насъ же былъ убить только одинъ казакъ Аргунскаго полка. Оставаться дольше было невозможно. Въ четыре часа генераль далъ приказаніе Трухину отступать съ главными силами и артиллеріей, самъ же онъ прикрывалъ отступление съ двумя Аргунскими сотнями и нашей 1-й сотней.

Генераль Ренненкампфъ замѣчательно вѣрно опредѣлялъ минуту, когда нужно было уходить — не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно. Въ первомъ случаѣ не были бы использованы всѣ средства атаки или обороны и могъ быть упущенъ благоприятный оборотъ боя, во второмъ — можно понести напрасныя потери безъ ущерба противнику. Если отступление рѣшено, то слѣдовало его начать прежде, чѣмъ непріятель завладѣетъ позиціей, съ которой онъ будетъ громить путь отступленія совершенно безнаказанно.

Сегодняшній набѣгъ былъ очень смѣлый и выполненъ блестящимъ образомъ: мы прошли впередъ и должны были вернуться на протяженіи почти двадцати верстъ вдоль фронта непріятеля. Японскіе отряды, расположенные по правому берегу Тай-цзы-хэ отъ Бэнсиху до Бей-лин-пуцзы, были соединены телефонною сѣтью и могли во всякую минуту выдвинуться впередъ и заградить намъ путь отступленія. Съ другой стороны, отъ бивака, который мы обстрѣливали, могли двинуться войска черезъ Уан-фулинскій переваль и зайти намъ въ тылъ. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, въ какомъ положеніи могъ бы очутиться отрядъ, если бы японцы не потеряли головы. Конница могла бы конечно прорваться всюду, но съ нами была батарея.

Самое опасное мѣсто было переваль, чрезъ который намъ предстояло ночью перевезти орудія. Я сказалъ Трухину, что было необходимо послать впередъ на рысяхъ хоть полсотни, чтобы предупредить занятіе перевала непріателемъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что безъ приказанія генерала онъ этого сдѣлать не можетъ.

Генераль Ренненкампфъ остановился въ Као-тай-цзы, чтобы пропустить назадъ отрядъ. Со стороны Уй-ян-ньина непріятель потѣснилъ бар. Корфа и конечно онъ съ однимъ взводомъ удержать его не могъ. Филипповъ съ 1-й сотней былъ отправленъ на его поддержку. Они должны были прикрывать отступление отряда на поворотѣ долины къ востоку, тамъ шла довольно оживленная перестрѣлка. Непріятельскія части уже заняли прежнюю нашу позицію и по сопкамъ двинулись на востокъ намъ на пе-

перѣзъ, но отрядъ успѣлъ отойти и былъ внѣ выстрѣловъ. Тѣмъ не менѣ японцы провожали насъ залпами, перебѣгая съ сопки на сопку, въ теченіе полутора часа. Послѣдніе залпы были такіе отдаленные, что мы думали, не вступили ли они въ бой съ частями сосѣдняго 3-го корпуса.

Подѣзжая къ перевалу, я принялъ рѣшеніе дѣйствовать самостоятельно, не дожидая распоряженія начальника. Если только перевалъ былъ занятъ непріателемъ, я скомандую „маршъ—маршъ“ и брошусь на него въ атаку съ головными сотнями. Его можно было сбить только внезапнымъ натискомъ, легче также увлечь своихъ, не давъ имъ опомниться.

Мы тихо поднимались на гору. Съ минуты на минуту я ждалъ сверху выстрѣла и, признаюсь, былъ разочарованъ, когда дзорные добрались до вершины, не встрѣченные огнемъ. Нѣтъ, японцы положительно не умѣли пользоваться нашими ошибками.

Когда мы спустились въ долину, насъ обогналъ генераль. Приказано было остановиться на ночлегъ въ д. Чау-хуан-цзай.

Только что я устроился въ отдѣльной фанзѣ и приказалъ снять выюкъ, раздались выстрѣлы на сторожевыхъ постахъ. Прибѣжалъ вѣстовой, довольно взволнованный: „Ваше высокоблагородіе, тамъ залпуютъ, въ сотняхъ выюки не снимали, такъ, какъ прикажете“.—Я его послалъ въ штабъ дивизіи спросить, будутъ ли разсѣдывать на ночь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и сказалъ, что слышалъ, какъ генераль сказалъ своимъ казакамъ, чтобы разсѣдывали и что мы останемся здѣсь до утра; это его совершенно успокоило, хотя перестрѣлка еще продолжалась.

Разъ ночью будятъ генерала и говорятъ ему, что въ передовомъ охраненіи тревога, что непріатель наступаетъ. Онъ отвѣтилъ: „Пошлите сказать непріателю, чтобы меня не беспокоилъ, я хочу спать“,—повернулся на другой бокъ и уснулъ, а непріатель дѣйствительно его не беспокоилъ до утра.

Я слышалъ, какъ казаки говорили: „Когда генераль Ренненкампфъ ведетъ отрядъ, такъ знаешь, что хоть убьютъ, то за дѣло“.

Вотъ какое довѣріе онъ сумѣлъ внушить своимъ казакамъ, и это громадный козырь въ рукахъ начальника.

10 сентября. Ночь прошла спокойно. День былъ солнечный, не такъ холодно. Мы выступили въ обратный путь.

На вершинѣ Каутулина похоронили убитого вчера казака,

въ присутствіи генерала и всѣхъ офицеровъ. Воинскія почести отдавали по взводу отъ Аргунскаго и Нерчинскаго полковъ.

Я воспользовался хорошимъ расположеніемъ духа генерала Ренненкампа, по случаю удавшагося набѣга, чтобы отпроситься въ отпускъ на десять дней въ Мукденъ. Мнѣ хотѣлось пови-
даться съ женой въ день ея именинъ, 17 сентября. Отпускъ былъ мнѣ разрѣшенъ, но я не могъ выѣхать, не получивъ своихъ вещей изъ обоза и жалованія. Обозъ же и канцелярія полка съ казначеемъ ушли назадъ въ пѣхотный лагерь у Тиндяюй, за ними были посланы казаки съ словеснымъ приказаніемъ прибыть немедленно.

11 сентября. Цѣлый день ждалъ казначея и обоза, прибывшихъ только въ пять часовъ вечера. Казначей Мотыгинъ не рѣшился ѣхать по словесному приказанію, изъ опасенія попасть въ руки непріятеля, и прибылъ послѣ настойчиваго требованія команд. полкомъ.

Хотя жалованіе я требовалъ за истекшее время, но на это смотрѣлось въ нашемъ полку чуть ли не какъ на посягательство на чужую собственность.

12 сентября. Ночь была очень холодная, день былъ ясный и теплый. Я выступилъ съ казаками и вьючными лошадьми 2-й сотни, идущими въ Мукденъ за провизіей. Днемъ мы сдѣлали двухчасовой привалъ, а около пяти часовъ вечера подошли къ биваку 1-го Вост. Сиб. стр. Его Величества полка. Попавшійся намъ навстрѣчу командиръ полка, полковникъ Лешъ, пригласилъ меня выпить стаканъ чаю. Когда я отказался, поблагодаривъ его, онъ сказалъ, что отъ чаю отказываться нельзя, а онъ дастъ намъ проводника, который укажетъ кратчайшій путь въ Мукденъ, куда мы прибудемъ засвѣтло, такъ какъ было по прямому направленію не болѣе пятнадцати верстъ.

Лешъ мнѣ рассказывалъ про Ляоянскій бой, гдѣ отличился его полкъ: японцы смѣло шли въ атаку, но, встрѣченные нашей контръ-атакой, бросались на колѣни, подавая ружья, или поворачивали и бѣжали назадъ безъ оглядки, сбрасывая не только оружіе, но и одежду. Къ сожалѣнію, плѣнныхъ не брали, а всѣхъ прикалывали на мѣстѣ штыками. Побросано было японцами такое количество оружія, что можно было бы заполнить имъ арсеналъ. Слава Богу, снята, наконецъ, завѣса,—японцы развѣнчаны.

Переѣзжая въ бродъ черезъ Хун-хэ, мы слышали два вы-

стрѣла — это охотились офицеры за перелетною дичью. Мы къ этому не привыкли — у насъ охотились только за людьми.

Въ восемь часовъ вечера мы вступили въ Мукденъ; казаки остались въ городѣ разыскивать Николая, прибывшаго для закупокъ двумя днями раньше, а я отправился прямо на вокзалъ.

Отъ коменданта станціи узналъ, что поѣздъ Императрицы Александры Ѳеодоровны прибудетъ завтра утромъ.

Послѣ ужина въ вагонъ-ресторантъ военныхъ агентовъ я пошелъ ночевать, по приглашенію Жеребкова и бар. Будберга, въ баракъ № 20, отведенный офицерамъ сборной сотни Дроздовскаго. Было грязно, пыльно, спать приходилось на полу, потому что не было ни кроватей, ни канъ. Было однако пріятно, что окна застекленные и въ баракѣ тепло.

13 сентября. На вокзалѣ я узналъ, что поѣздъ, въ которомъ находилась моя жена, стоялъ на разѣздѣ въ 11 верстахъ отъ Мукдена. Я вскочилъ на тормозъ отходившаго на сѣверъ поѣзда и черезъ двадцать минутъ увидѣлъ дорогіе моему сердцу бѣлые вагоны.

14 сентября. Поѣздъ еще стоялъ на разѣздѣ.

По случаю праздника Кресто-воздвиженской Общины, къ которой принадлежали сестры милосердія этого поѣзда, на открытомъ воздухѣ было отслужено молебствіе, при хорѣ сестеръ, фельдшеровъ и санитаровъ. Послѣдніе — прекрасные музыканты, по вечерамъ, въ свободное время, они собирались играть на гитарахъ, мандолинахъ и балалайкахъ; это были настоящіе концерты.

Передъ вечеромъ поѣздъ подошелъ къ Мукдену.

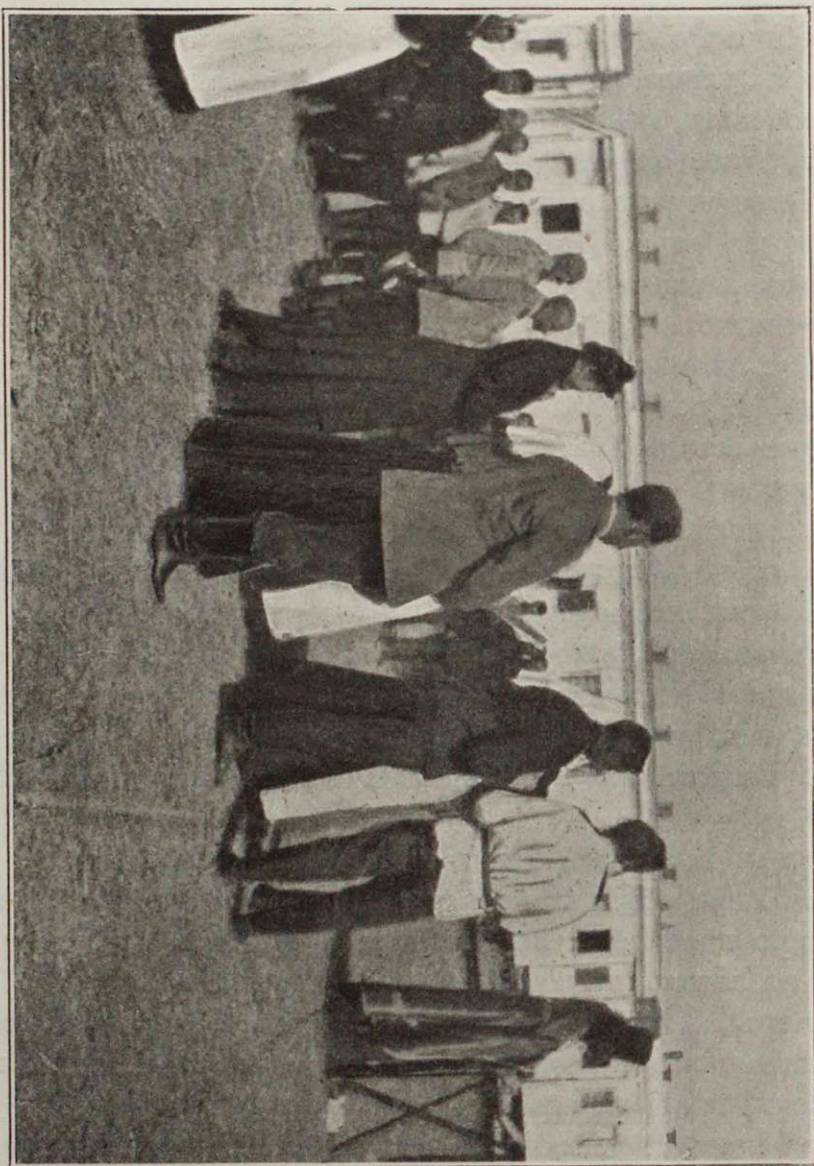
Моя жена обѣдала у генерала Куропаткина. Онъ ей сказалъ, что скоро перейдетъ въ наступленіе и тогда на Ренненкампа будетъ возложена трудная, но интересная задача.

Вечеръ мы провели вмѣстѣ у двухъ сестеръ, замужемъ за адъютантами командующаго арміей, княгини Урусовой и графини Стейнбоксъ, прибывшихъ изъ Россіи въ собственномъ вагонѣ, поставленномъ съ разрѣшенія командующаго на запасномъ пути въ его поѣздѣ.

15 сентября. Поѣздъ Императрицы Александры Ѳеодоровны уходилъ вечеромъ. Получивъ разрѣшеніе коменданта поѣзда полковника Пѣшкова, моя жена осталась здѣсь до слѣдующаго рейса и помѣстилась въ купэ, любезно предоставленномъ ей въ вагонѣ

кн. Урусовой и гр. Стейнбокъ; меня тоже помѣстили въ вагонъ. Давно я не испытывалъ такого удобства.

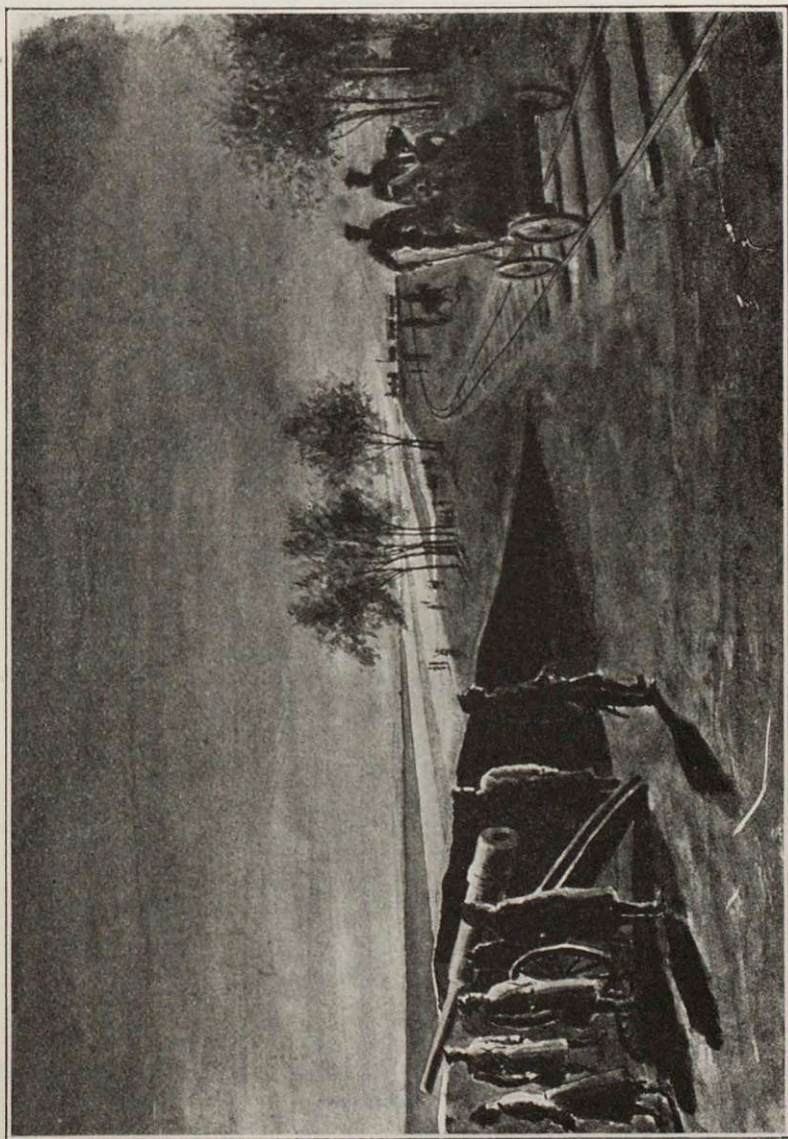
Вечеромъ нашъ вагонъ былъ прицѣпленъ къ вагону командующаго и мы, контрабандой, были увезены смотрѣть осадныя

113. Могельствіе по случаю храмового праздника Кресто-воздвиженской общины.

батареи и дѣйствіе прожектора. Поѣздъ остановился у вѣтки узкоколейной желѣзной дороги, мимо пѣхотнаго бивака къ осаднымъ батареямъ. Мы усѣлись на дрезинахъ и покатали довольно быстро по уклону, освѣщенному прожекторомъ.

Батарей были расположены среди галяноваго поля въ вырытыхъ углубленіяхъ. Наши дамы легко открывали и закрывали замки этихъ громаднхъ орудій. Я слышалъ, что на-дняхъ будетъ здѣсь стоять восемьдесятъ пять пушекъ. Онѣ могутъ по-

114. Дамы на осадной батарее, освѣщенной прожекторомъ.

сылать снаряды на тринадцать верстъ, но рѣдко стрѣляютъ далѣе девяти.

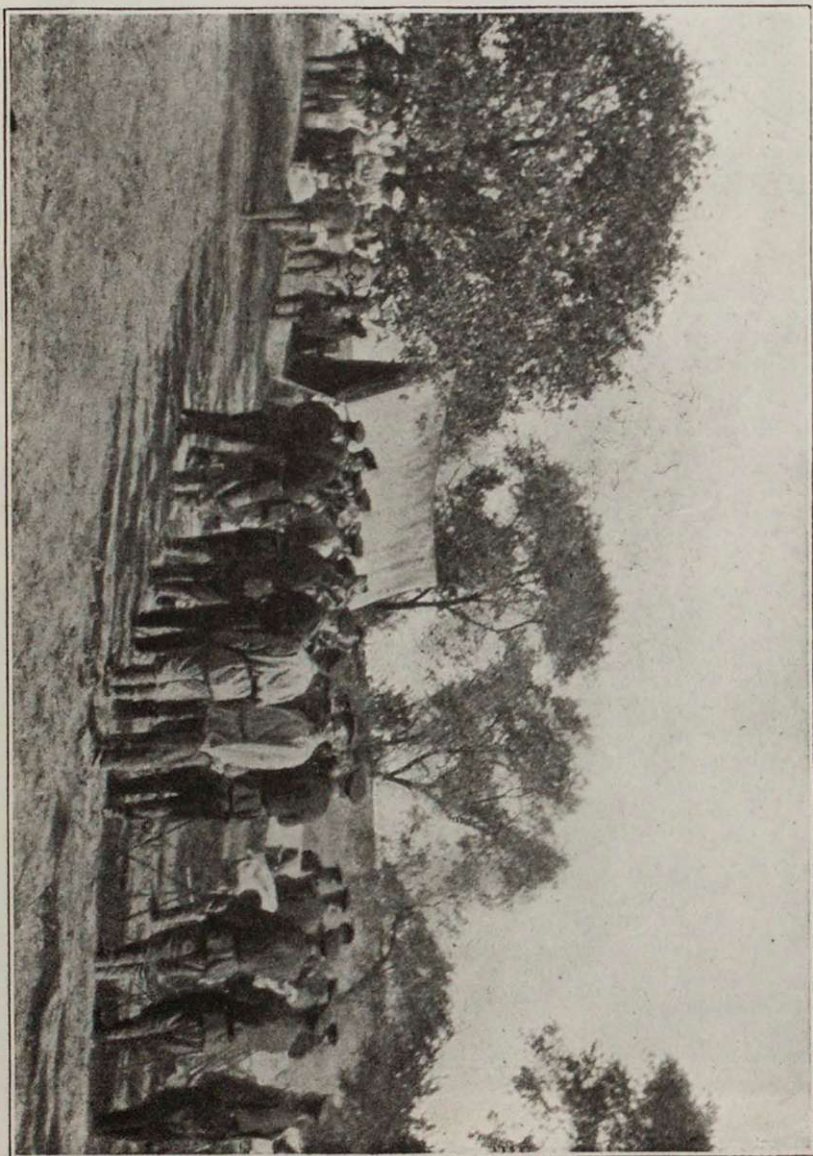
Прожекторъ, установленный на товарномъ вагонѣ, бросалъ двѣ параллельныя полосы свѣта: непріятель, появившійся на первой полосѣ, вызывалъ вниманіе обороняющагося, а на второй

его уже встрѣчали выстрѣлами на измѣренныхъ впередъ дистанціяхъ. Внезапныя нападенія были невозможны.

О силѣ свѣта прожектора можно было судить по тому, что производимые опыты были видны войсками въ 25 вер. разстоянія.

Жаль, что освѣщеніе прожектора требовало грузнаго при-

115. Завтракъ у ген. Кондратовича у Фулинны.

способленія и имъ нельзя было пользоваться въ передовыхъ, подвижныхъ отрядахъ.

На обратномъ пути командующій зашелъ пить чай въ ва-

гонъ княгини Урусовой и графини Стейнбокъ — это былъ, кажется, первый случай, что онъ принялъ приглашеніе военныхъ дамъ.

16 сентября. Мы ѣздили въ Мукденъ на рикшахъ, чтобы посѣтить мѣстныхъ антикваровъ. Въ Парижѣ можно найти гораздо большій и лучшій выборъ китайскихъ и японскихъ рѣдкостей и за болѣе сходную цѣну.

17 сентября. Командующій объявилъ, что если не будетъ ожидавшагося наступленія японцевъ, то мы сами перейдемъ въ наступленіе 21 или 22 сентября.

19 сентября. Былъ чудный, солнечный, теплый день.

Я возвращался въ отрядъ черезъ Фушунъ. Очень кстати, въ этотъ же день, начальникъ 9-й пѣх. дивизіи генералъ Кондратовичъ пригласилъ къ себѣ на завтракъ у Фулинской позиціи нашихъ милыхъ хозяекъ съ мужьями, княжну Урусову, жену и меня, полковника Плаутина и нѣсколько офицеровъ штаба командующаго. Фулинъ былъ въ двухъ верстахъ въ сторонѣ отъ пути моего слѣдованія.

Княгиня Урусова и графиня Стейнбокъ ѣхали верхомъ, а моя жена съ княжной Урусовой, тоже сестрой милосердія, на американкѣ.

Поднявшись черезъ красивый сосновый боръ, мы очутились на открытомъ плато, гдѣ была расположена бивакомъ 9-я пѣхотная дивизія 1-го сибирскаго корпуса. Насъ встрѣтилъ хоръ музыкантовъ.

Завтракъ былъ поданъ въ палаткѣ; подъ нею по бокамъ было вырыто два хода; такимъ образомъ между ходами образовался столъ, у котораго можно было сѣсть, свѣсивши ноги въ углубленіе; вотъ какъ устраивался генералъ, а я видѣлъ въ колесномъ обозѣ пѣхоты китайскіе столы, кресла и даже шкапы. Немудрено, что полковой обозъ вытягивался версты на три, а иногда и болѣе.

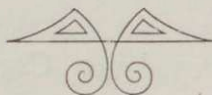
Завтракъ прошелъ очень оживленно. Игралъ прекрасный оркестръ. Потомъ всѣ поѣхали смотрѣть Императорскія могилы; я сопровождалъ общество до батареи, скрытой въ лѣсу надъ крутымъ обрывомъ, спускавшимся къ Хун-хэ. Впереди, на низинѣ, засѣлки обращали въ сторону непріятели заостренныя вѣтви срубленныхъ деревьевъ, проволочныя загражденія и волчьи ямы дѣлали эту позицію очень сильною; казалось, не сдобровать тому, кто сюда сунется.

Я простился съ милыми, гостепріимными хозяйками, благо-

даря которымъ довелось провести четыре счастливыхъ дня, воспоминаніе о нихъ дастъ мнѣ мужество перенести дальнѣйшія лишенія и тягости войны.

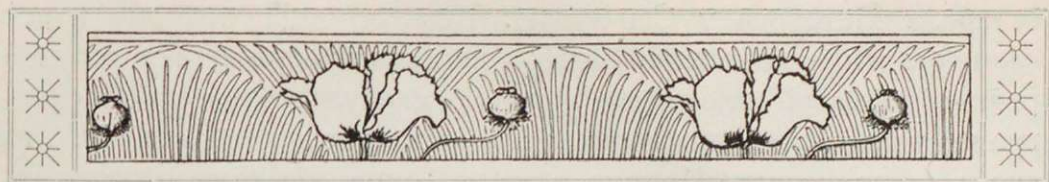
Грустная была разлука съ женою, но ожидавшееся наступленіе давало такой подъемъ духа, что личныя чувства было легко заглушить. Я не сомнѣвался, что наконецъ наступитъ переломъ въ преслѣдовавшихъ насъ невзгодахъ, и я былъ счастливъ принять участіе въ бояхъ, въ которыхъ будетъ сокрушенъ зазнавшійся врагъ.

Мои вьюки ожидали меня у моста черезъ Хун-хэ и мы тронулись въ обратный путь.

ЧАСТЬ III.

Наступленіе. — Бой подъ Бэнсцху — Бой на Чинхенскихъ позиціяхъ.

Жаступлекіе. — Ёой подъ Ёэксиху. — Ёой ха Чиххечехскихъ позиціяхъ.

20 сентября. Мы ночевали въ деревнѣ, покинутой жителями. Въ ней помѣщался постъ какого-то резервнаго пѣхотнаго полка, солдаты имѣли видъ не воинственный.

Надъ Хун-хэ летѣли многочисленныя стаи дикихъ гусей и утокъ.

Въ Фушунѣ мы сдѣлали короткій привалъ. Это старинная китайская крѣпость, стѣны которой не могли бы выдержать ни одного удара современнаго снаряда.

Передъ переправой черезъ Хун-хэ, по длинному мосту, часовые заставили насъ слѣзть съ лошадей. Мы двинулись на югъ.

Погода испортилась—стало сразу холодно, полилъ обложной, осенній дождь. Трудно было повѣрить, что вчера еще было такъ тепло, какъ лѣтомъ.

Подъ вечеръ мы подошли къ деревушкѣ, нетронутой еще войсками, гдѣ мы нашли чистую, даже изящную фанзу, куръ и яйца.

21 сентября. Мы проѣхали черезъ мѣстечко Ма-цзюн-дань, окруженное лѣсистыми холмами, уже расцвѣченными по осеннему; были очень живописны, при этой яркой окраскѣ, крѣпостныя ворота, подъ которыми протекаетъ горная рѣчка.

Я остановился на минуту поболтать съ Шнабелемъ въ штабъ дивизіи, расположенномъ въ д. Убаньюпуза.

Нашъ полкъ стоялъ шесть верстъ дальше—на позиціи отряда

генерала Петерова у Сан-лунью. Командующій полкомъ и всѣ офицеры жили въ одной фанзѣ; я нашелъ пустую фанзу съ оборванной бумагой на окнахъ, которую карауль охранялъ отъ разгрома; уволивъ солдатъ отъ этой обязанности и давъ имъ на чаекъ, я приказалъ Пепино оклеить окна газетами и затопить каны—стало не такъ непривѣтливо.

Въ четыре часа пополудни было молебствіе по случаю общаго наступленія ¹⁾).

22 сентября. Отряды генерала Петерова и Любавина выступили одновременно въ семь часовъ утра, но мы пѣхоту обогнали. Ночью былъ штормъ, а на утро порядочный морозъ—всѣ ручки замерзли. Было скользко подниматься на перевалъ, который былъ мнѣ знакомъ изъ донесеній подполковника Муфеля генералу Любавину, проходившихъ черезъ мои руки въ половинѣ августа. Здѣсь хунхузы постоянно нападали на посты оренбургскихъ казаковъ.

Штормъ сбилъ листву, роскошная осенняя окраска исчезла, всѣ сопки приняли хмурый зимній обликъ.

Пришли мы въ Гаолинцзы рано.

Вечеромъ я вышелъ изъ своей фанзы въ концѣ деревни и столкнулся за воротами съ двумя фигурами, которыхъ въ темнотѣ не могъ разобрать—одинъ былъ очень высокаго роста, другой маленькій, оба въ фуражкахъ не русскаго образца, съ длинными, выступающими козырьками. Въ первую минуту я подумалъ, не японскіе ли это шпионы; они спросили меня что-то на непонятномъ жаргонѣ, воображая, что говорили по-русски, и я догадался по выговору, что они англичане, вѣроятно корреспонденты. Высокій,—былъ американскій корреспондентъ „Литль“, что по-англійски значитъ—маленькій, другой былъ корреспондентъ „Нью-Йоркъ Херальда“—Макъ-Куллахъ. Они очень обрадовались, что могли говорить со мною на своемъ родномъ языкѣ.

23 сентября. Мы выступили въ 6 час. утра и прибыли въ Сан-цзя-цзы въ двѣнадцать.

У генерала Ренненкампфа 14 баталіоновъ, 18 сотенъ и 35 орудій. Его задача—охватить правый флангъ непріятеля и занять Бэнсиху. Отрядъ генерала Любавина—двѣ Нерчинскія, три Ар-

¹⁾ По порученію главнокомандующаго жена передала мнѣ потомъ его приказъ войскамъ Манчжурской арміи отъ 19 сентября, съ надписью: „Старому боевому товарищу Андрею Валеріановичу отъ А. Куропаткина“.

гунскія сотни и четыре конно-горныхъ орудія—долженъ зайти въ тылъ непріятеля на лѣвомъ берегу Тай-цзы-хэ.

Мы узнали, что генераль Ренненкампфъ, былъ теперь неожиданно подчиненъ командиру 3-го корпуса—это было очень жаль, потому что успѣшное выполненіе его задачи требовало дѣйствій вполне независимыхъ. Послѣдствія этого подчиненія уже сказались—намъ было приказано остановиться въ Сан-цзя-цзахъ на два дня, чтобы подравняться съ другими войсками, значитъ, потерять выгоду внезапнаго нападенія на непріятеля и дать ему время приготовиться и получить подкрѣпленія.

24 сентября. По ночамъ бываютъ морозы, днемъ солнце еще грѣетъ порядочно. Я занималъ крошечную фанзу, но я былъ въ ней одинъ. У меня обѣдали Литль и Макъ-Куллахъ; они рассказывали, что были раньше въ Японіи, но оттуда ушли и перебрались къ намъ, что корреспондентамъ при японской арміи позволялось посылать только тѣ свѣдѣнія, которыя давалъ имъ японскій полевой штабъ. Не такъ ли слѣдовало и намъ поступать.

25 сентября. Китайцы сообщили, что Уй-ян-нынъ занятъ непріателемъ, сегодня мы должны были его оттуда выбить. Конный отрядъ генерала Любавина выступилъ въ шесть часовъ утра и переправился на лѣвый берегъ Тай-цзы-хэ, тогда какъ пѣхота пошла правымъ берегомъ черезъ переваль. Рѣшено атаковать японцевъ одновременно съ двухъ сторонъ, для чего наше движеніе должно быть согласовано съ движеніемъ отряда генерала Петерова.

Наши сотни шли въ головѣ колонны, въ авангардѣ 6-я сотня князя Джандіери. У него скоро завязалась перестрѣлка съ передовыми частями непріятеля, которыя отступили.

Когда мы вышли на широкую равнину, противъ Уй-ян-нына, пѣхота не дошла еще до него версты. Предполагая, что въ Уй-ян-нынѣ японцевъ не было, такъ какъ все было тамъ тихо, генераль Любавинъ приказалъ есаулу гр. Келлеру выѣхать впередъ на рысяхъ съ 4-й сотней и занять его, мы слѣдовали за нимъ. Какъ только Келлеръ подъѣхалъ къ броду, чтобы переправиться въ мѣстечко, расположенное на берегу Тай-цзы-хэ, оттуда и съ ближайшихъ сопокъ посыпались на него выстрѣлы. Весь конный отрядъ съ артиллеріей переправился черезъ рѣку подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, продвинулся впередъ довольно широкой рытвиной, по которой можно было провезти орудія, и

вышелъ позади мѣстечка у крайней околицы; тамъ батарея снялась съ передковъ и открыла частый и очень удачный огонь по сопкамъ, занятымъ противникомъ. Въ это время подошла пѣхота, Уй-ян-нѣинъ былъ очищенъ отъ непріятеля, защищавшаго еще довольно упорно ближайшія сопки. Наши пѣхотныя цѣпи перешли въ наступленіе.

Генераль Петеровъ, его начальникъ штаба полковникъ Бѣляевъ, генераль Любавинъ и мы, штабъ-офицеры коннаго отряда, наблюдали за ходомъ боя съ небольшой кумирни противъ улицы, ведущей на сопки, по которымъ двигались атакующіе. Японцы участили огонь. Раненыхъ проносили вереницею на перевязочный пунктъ. Это была рѣшительная минута—чья возьметъ. Но тутъ наша конно-горная батарея, стрѣлявшая изъ-за фанзы перекиднымъ огнемъ, поддержала атаку пѣхоты, и японцы начали отступать.

Наши потери были исключительно въ Мокшанскомъ полку: убитъ одинъ офицеръ и одинъ раненъ, нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя около сорока. У насъ былъ убитъ только одинъ казакъ 5-й сотни. Несмотря на то, что моя лошадь вмѣстѣ съ другими находилась въ сравнительно защищенномъ мѣстѣ, она была легко задѣта пулею.

Прекрасно работали наши горнушки — къ сожалѣнію, изъ имѣвшихся 170 снарядовъ было израсходовано 96, осталось всего только 74.

Заботкинъ и я заняли разоренную фанзу, въ которой былъ заготовленъ японцами обѣдъ изъ риса и овощей, но они не успѣли съѣсть—наше появленіе было неожиданнымъ и атака настолько стремительная, что они бросили на мѣстѣ боя двухъ раненыхъ.

Очень симпатичная личность въ Мокшанскомъ полку командиръ баталіона полковникъ Данильчукъ, опредѣлившійся на службу изъ отставки по объявленіи войны. Онъ прежде командовалъ Либавскимъ пѣхотнымъ полкомъ, выйдя въ отставку, онъ былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ дворянства, получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и генеральскій орденъ, а теперь вернулся на службу прежнимъ чиномъ полковника и не командовалъ даже полкомъ, хотя въ первомъ же дѣлѣ показалъ себя храбрымъ, дѣльнымъ и распорядительнымъ. Его любили всѣ офицеры и нижніе чины за прямоту, сердечную и безукоризненную честность.

26 сентября. Конный отрядъ выступилъ чуть свѣтъ, опять переправился на лѣвый берегъ Тай-цзы-хэ и направился къ Бэнсиху. Сегодня Аргунцы были въ авангардѣ — одна сотня освѣщала нашъ лѣвый флангъ по направленію Фанзапуцзы — Сихеянъ. У д. Сяогусянца мы перешли черезъ притокъ Тай-цзы-хэ и поднялись на крутой кряжъ, откуда, за рѣкою, былъ виденъ верстахъ въ трехъ Бэнсиху и противъ него — большой мостъ на понтонахъ. Конно-горная батарея снялась съ передковъ и открыла огонь по мосту, который было приказано уничтожить. Двѣ наши шрапнели попали по проходившей черезъ мостъ пѣхотной части, но повредить мостъ не удалось. Впрочемъ было получено новое приказаніе не стрѣлять болѣе по мосту, вѣроятно потому, что мы сами могли имъ воспользоваться, чтобы занять Бэнсиху.

Между нами и Бэнсиху поднимался второй кряжъ, подъ прямымъ угломъ къ Тай-цзы-хэ, за которымъ залегли японцы. Судя по силѣ огня, ихъ было немного. Выдвинутая впередъ и вправо на небольшую возвышенность, охотничья команда начала ихъ обстрѣливать.

Генераль Любавинъ все время торопилъ насъ — онъ послалъ войскового старшину Хрусталева съ двумя сотнями Аргунцевъ въ обходъ позиціи, занятой непріателемъ, въ то время какъ гр. Келлеръ съ 5-й Нерчинской сотней, построенной лавою, наступалъ съ фронта.

Японцы бросили эту позицію и отошли на третій кряжъ противъ моста, но и тамъ не удержались — они поспѣшно перешли черезъ мостъ, преслѣдуемые выстрѣлами сотни гр. Комаровскаго, занявшей гребень высотъ въ трехъ стахъ шагахъ отъ урѣза рѣки. Три непріятельскіе трупа были оставлены не убранными на мосту.

Вдругъ за городомъ поднялись два столба черного дыма, все болѣе и болѣе расширявшіеся — горѣли склады риса и другихъ продуктовъ, о которыхъ намъ говорили китайскіе лазутчики. Видно, японцы не рассчитывали удержать Бэнсиху и подожгли свои запасы.

Мы не сомнѣвались, что будемъ тамъ ночевать и обдумывали, какія занять фанзы.

Съ послѣдней позиціи противъ моста открывалось рѣдкое зрѣлище. Мы зашли непріятелю въ тылъ и могли наблюдать за каждымъ его движеніемъ — вся его позиція была у насъ какъ на ладони. Самыя удаленныя точки его линіи обороны были отъ

насъ на разстояніи не болѣе двухъ верстъ, т. е. на близкомъ пушечномъ выстрѣлѣ и почти въ раіонѣ ружейнаго выстрѣла.

Городокъ лежалъ въ котловинѣ, по обѣ стороны рѣчки, впадающей въ Тай-цзы-хэ. Сопки окружали его съ трехъ сторонъ амфитеатромъ, въ нѣсколько ярусовъ, отступавшихъ одинъ за другимъ и представлявшихъ сильныя позиціи для обороны; но онѣ теряли всякое значеніе, если бы серьезный противникъ занималъ нашу позицію—тогда держаться тамъ было бы невозможно.

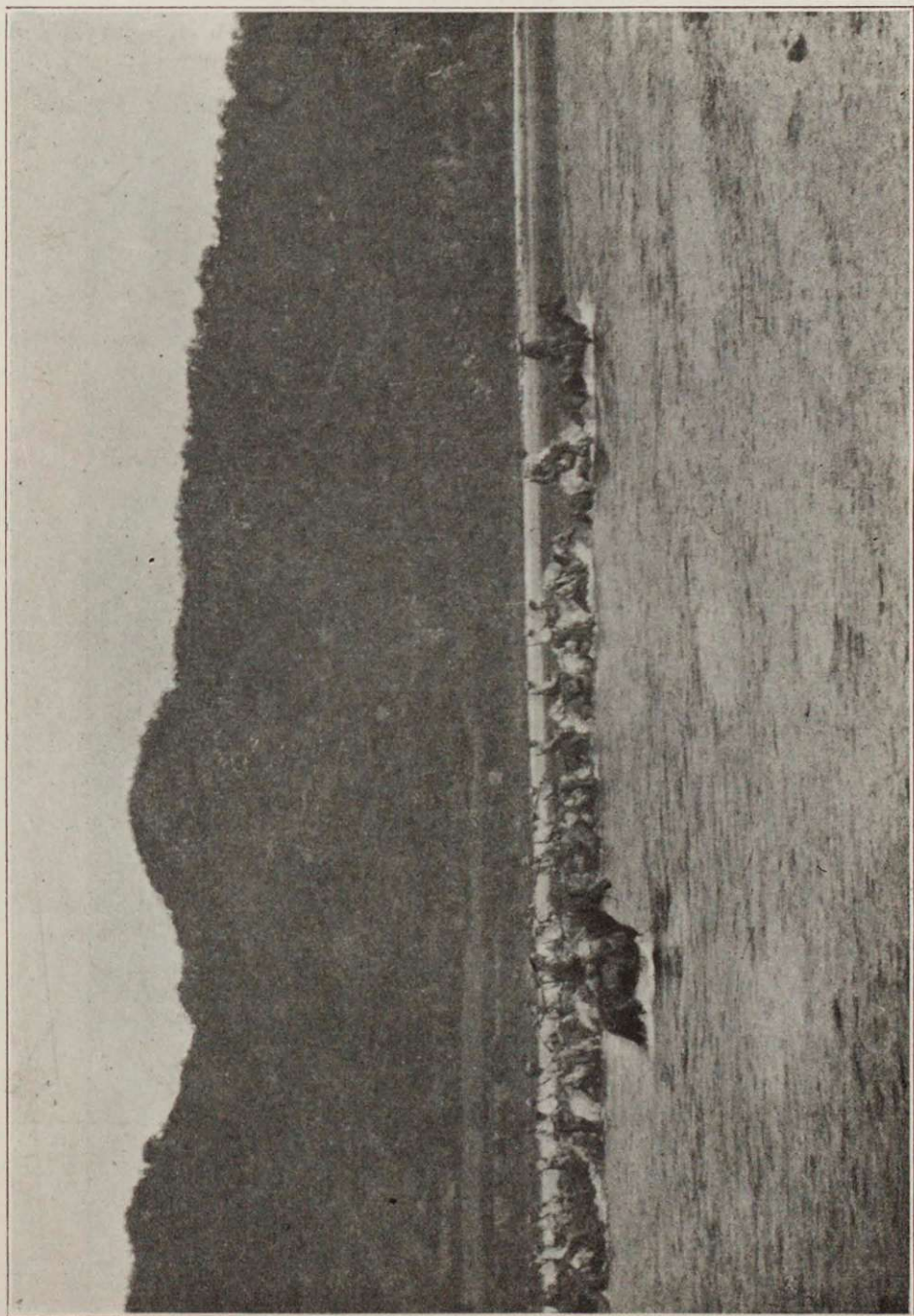
Влѣво противъ занятой нами высоты, за рѣкою поднимался скалистый кряжъ не далѣе шести сотъ шаговъ отъ насъ. Вправо, вдоль Тай-цзы-хэ протянулся цѣлый рядъ сопокъ различнаго строенія, которыя японцы упорно защищали шагъ за шагомъ отъ пѣхотныхъ частей генерала Экка, наступавшихъ вдоль праваго берега рѣки.

Несмотря на то, что мы потеряли одинъ день въ Сан-цзя-цзахъ, наше появленіе въ тылу Бэнсиху было для японцевъ неожиданностью: у нихъ тамъ было не болѣе двухъ баталіоновъ и два горныхъ орудія, поставленныхъ на сѣдловинѣ перевала ведущаго въ Уй-ян-нѣинъ.

Ген. Любавинъ со всѣмъ коннымъ отрядомъ находился на послѣдней позиціи и приказалъ доставить туда взводъ конно-горной батареи. За невозможностью переѣхать черезъ второй кряжъ по узкой и крутой тропѣ, ей пришлось, вмѣстѣ съ прикрытіемъ,—6-й Нерчинской сотней, обогнуть этотъ кряжъ у рѣки подъ ружейными выстрѣлами непріятеля на близкой дистанціи, но потерь у нея не было.

Огонь былъ открытъ по двумъ непріятельскимъ орудіямъ на перевалѣ—они стояли къ намъ тыломъ, такъ какъ стрѣляли по атаковавшимъ ихъ съ сѣверо-востока нашимъ войскамъ. Немного ниже, позади, стояли запряженные мулами зарядные ящики. Хотя наша шрапнель рвалась, повидимому, недалеко отъ цѣли, она не производила никакого впечатлѣнія на артиллерійскую прислугу. Два раза только, при разрывѣ снарядовъ надъ зарядными ящиками, люди разбѣжались, но сейчасъ же сомкнулись опять. Наши снаряды ложились все ближе и ближе, мы напряженно слѣдили за разрывами, ожидая съ каждымъ выстрѣломъ, что будетъ подбито у нихъ орудіе. Но вдругъ стрѣльба у насъ прекратилась—оказалось, что всѣ снаряды были разстрѣляны, да ихъ оставалось только шестнадцать послѣ стрѣльбы по мосту и отступавшему непріятелю. Безъ снарядовъ это были

не пушки, а ненужный хламъ. Было даже обидно давать имъ

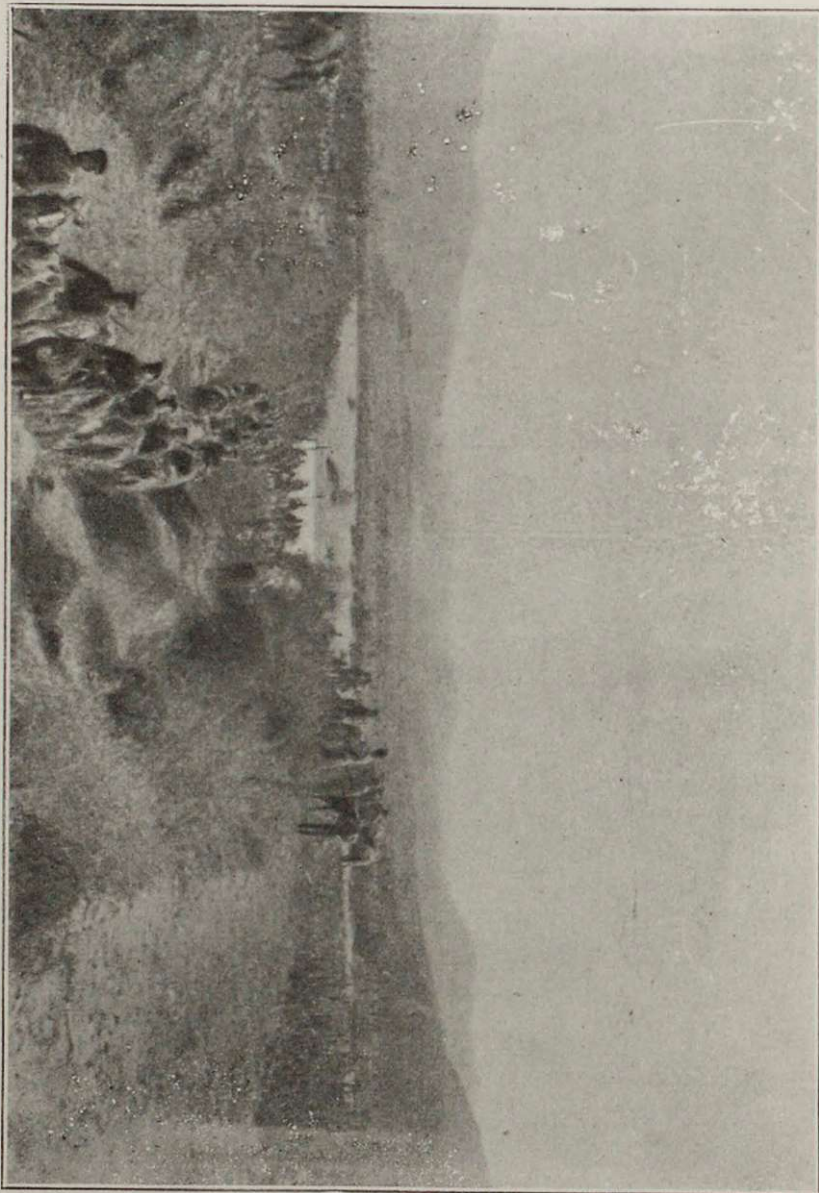
116. Переправа чрезъ Тай-коу-хэ у Уй-янъ нина подь огнемъ неприятеля 25 сентября 1904 г.

прикрытіе для отправленія назадъ. На этотъ разъ, при обратномъ отвозѣ орудій, былъ убитъ пулей казакъ въ 6-й сотнѣ.

Мы оставались на позиціи до наступленія ночи, безцѣльно перестрѣливаясь со скрытыми въ окопахъ японцами.

Было приказано одной Аргунской сотнѣ оставаться въ охраненіи на позиціи, остальнымъ отойти на ночлегъ къ двумъ де

117. Движеніе коннаго отряда во время боя 25 сентября.

ревушкамъ у подножія второго кряжа. Въ темнотѣ всѣ сотни перепутались и долго бродили по полямъ, изрытымъ канавами, не находя пристанища.

Заботкинъ и я очутились въ одной фанзѣ съ офицерами

Аргунскаго полка, потомъ подъѣхалъ къ намъ ген. Любавинъ. Юлшинъ, которому было приказано отвести сотни Нерчинскаго полка въ деревню у берега Тай-цзы-хэ, тоже прибылъ сюда, но для

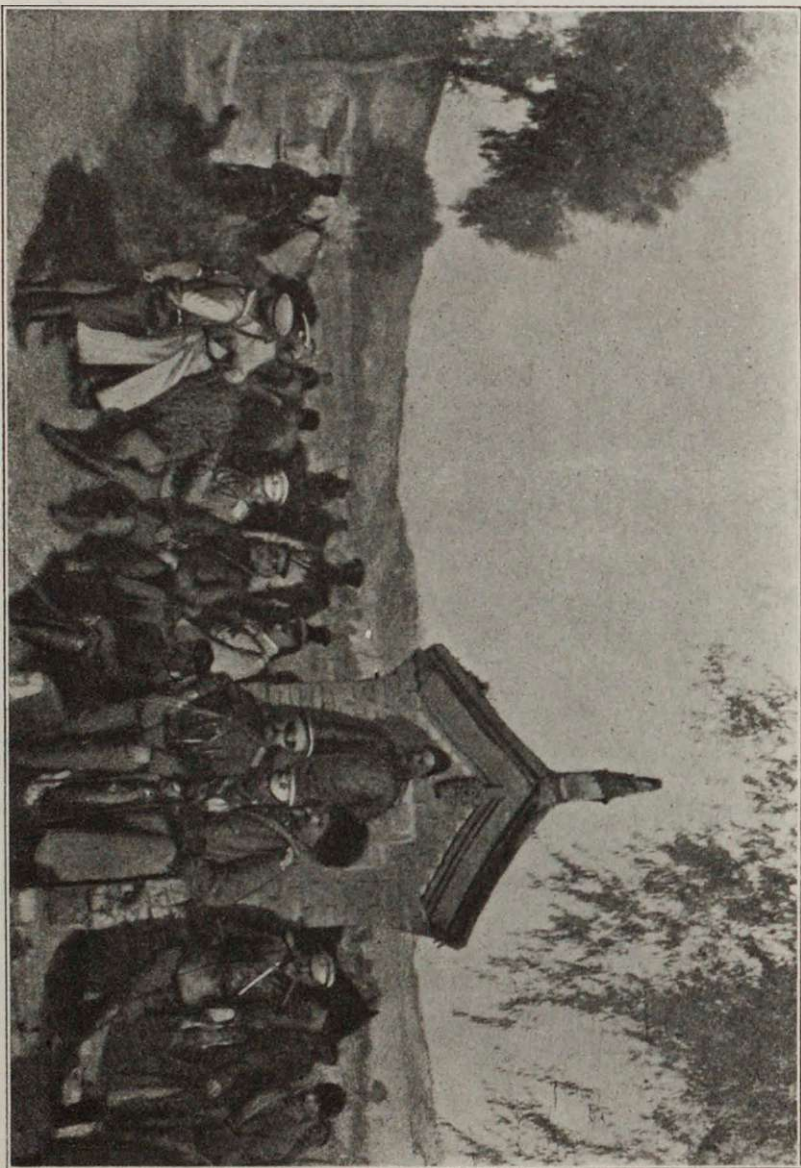
118. Переноска раненныхъ.

него мѣста на канахъ болѣе не было и пришлось лечь на полу.

Разѣзды, посланные для изслѣдованія путей на югъ къ Фан-цапуцзы и Сихеяну и для уничтоженія телеграфнаго сообщенія, вернулись, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля, и привезли около 50 саж. телеграфной и телефонной проволоки.

27 сентября. Всѣ части отряда отправились на позицію, пока еще было темно, чтобы не подвергаться обстрѣливанію непріятеля съ ближайшихъ сопокъ. Ген. Любавинъ назначилъ меня на сегодня начальникомъ передовой позиціи.

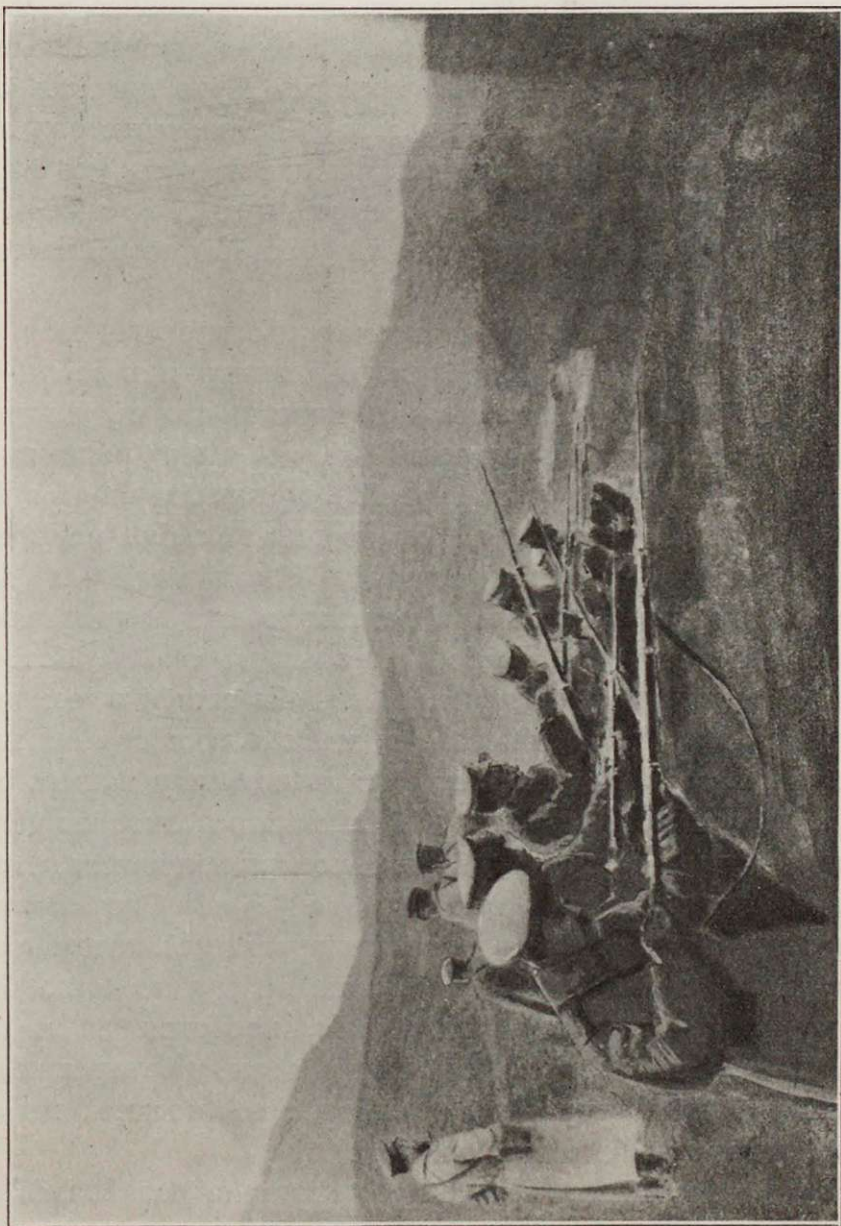
Уже начинало свѣтать, когда я направился къ лежавшей въ

119. Группа начальниковъ, снятая послѣ боя.

кустарникахъ, надъ обрывомъ къ Тай-цзы-хэ, цѣпи. Непріятельскіе стрѣлки не зѣвали и открывали огонь, какъ только замѣчали пробиравшихся къ цѣпи людей.

У меня были на правомъ флангѣ семнадцать человѣкъ охотничьей команды Срѣтенскаго пѣхотн. полка съ офицеромъ, они были уже обстрѣляны, на нихъ можно было положиться. Лѣвѣ ихъ, на протяженіи болѣе ста пятидесяти сажень, залегли Ар-

120. Стрѣльба охотничьей команды.

гунцы, изъ сотни есаула Фуса, съ младшимъ офицеромъ княземъ Магаловымъ.

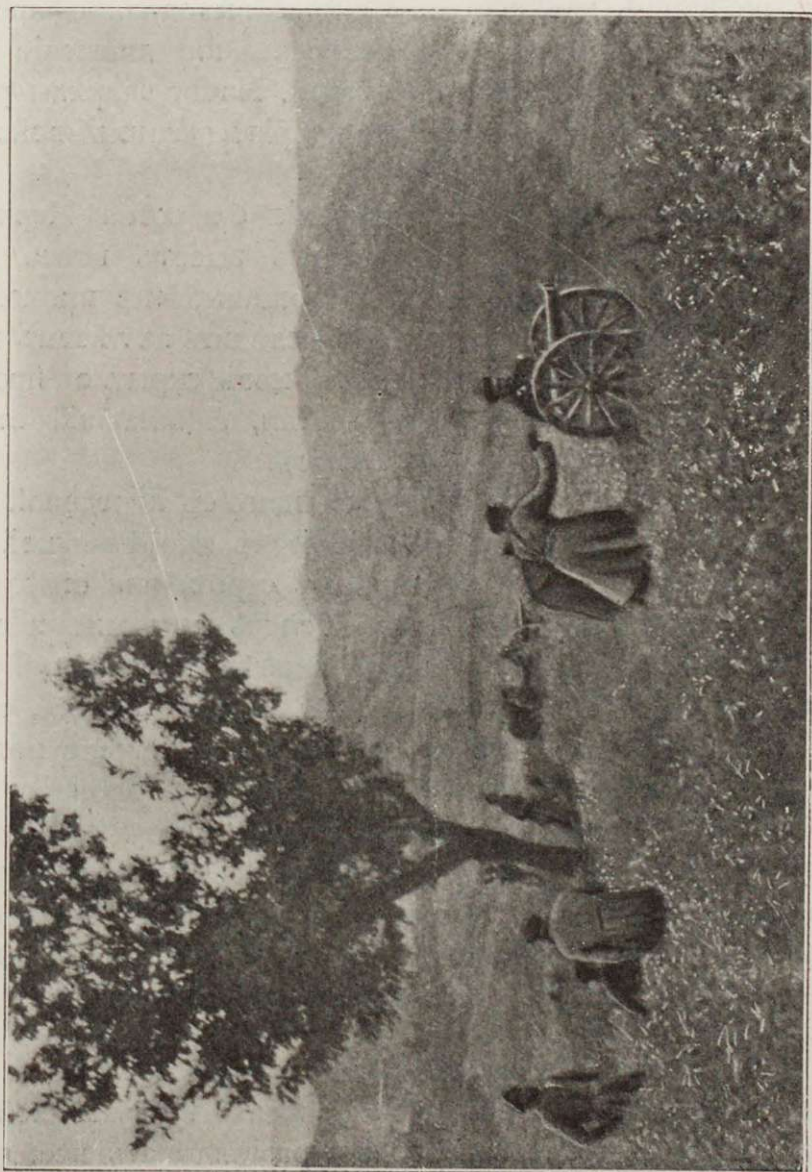
Со вчерашняго дня картина непріятельскаго расположенія

измѣнилась: очевидно, за ночь къ японцамъ подошли подкрѣпленія, вездѣ кипѣла лихорадочная дѣятельность—строились новые окопы; гребни сопокъ, гдѣ вчера виднѣлись только рѣдкія кучки людей, теперь заняты цѣлыми цѣпями; резервы, расположенные въ котловинахъ, намъ не были видны, но можно было опредѣлить почти безошибочно ихъ мѣсто нахожденія по тѣмъ подкрѣпленіямъ, которыя подходили изъ Бэнсиху и скрывались за какой-нибудь сопкой. Кромѣ вчерашнихъ двухъ горныхъ орудій у перевала, другая батарея стрѣляла на сѣверо-востокъ лѣвѣе, съ вершины сопки, на выравненной площадкѣ, которую мы вчера не замѣтили. Намъ было видно четыре орудія, но ихъ можетъ быть больше, такъ какъ выступавшій утесъ скрывалъ часть площади, гдѣ стояла батарея.

Сейчасъ за мостомъ, среди снятаго гаоляноваго поля, показалось четыре офицера, какъ будто они вышли изъ земли—тамъ былъ окопъ, такъ хорошо замаскированный, что съ шести сотъ шаговъ мы его не могли различить. Офицеры были въ черныхъ длинныхъ плащахъ-дождевикахъ, такъ какъ накрапывалъ маленькій дождикъ, околыши на фуражкахъ были желтые, сабли пристегнуты снаружи. Послѣ короткаго разговора одинъ изъ нихъ сталъ подниматься на гору, постоянно останавливаясь и направляя бинокль въ нашу сторону, другіе вернулись въ окопъ. Если бы у насъ были отличные стрѣлки, мы могли бы сшибить одного или двухъ офицеровъ. Съ тремястами винтовокъ и съ ограниченнымъ количествомъ патроновъ, составлявшихъ всю силу нашего отряда вмѣстѣ съ охотничьей командой Срѣтенскаго полка, мы не могли предпринять рѣшительныхъ дѣйствій противъ непріятеля. Что было важно, это—чтобы мы сохранили занимаемую нами исключительно выгодную позицію до прихода пѣхоты и артиллеріи, которыя запоздали уже на цѣлыя сутки. Теперь еще не трудно было бы выбить противника изъ его расположенія, несмотря на подошедшія подкрѣпленія и усиленіе его позицій новыми батареями и окопами, но надо было торопиться, иначе, быть можетъ, мы потеряемъ безвозвратно удобную минуту.

Напротивъ насъ, въ полугорѣ, у кумирни развѣвался флагъ краснаго креста, туда приносили раненыхъ для перевязки, нѣкоторые сходили сами, опираясь на ружье или палку,—ихъ было немного, потому что наша артиллерія, стрѣлявшая изъ за сопку перекиднымъ огнемъ, не обстрѣливала площадей, а посылала почему-то свои снаряды все въ одномъ направленіи, гдѣ непріа-

тельскихъ войскъ не было. Непріятельскія цѣпи стрѣляли съ сѣверо-восточныхъ и восточныхъ гребней горъ, а также внизу у праваго берега рѣки, противъ медленно наступавшихъ частей

121. Стрѣльба нашей батареи въ тылъ японцамъ.

ген. Петерова. Пальба нашихъ отрядовъ звучала глухимъ роко-томъ изъ-за горъ и ихъ пули долетали до насъ.

Мы жадно вглядывались во все происходившее передъ нашими глазами — нельзя было себѣ представить болѣе рѣдкаго и увлекательнаго зрѣлища, — жаль только, что съ нашими слабыми силами мы не могли принять участія въ ходѣ дѣла.

Я послалъ слѣдующее донесеніе ген. Любавину: „Передовая позиція. Вѣроятно къ противнику подошли за ночь подкрѣпленія. Заняты всѣ сопки, начиная съ правой, ближайшей къ рѣкѣ. Сильные резервы въ котловинахъ. Строятся новые окопы. За мостомъ на пашнѣ изъ скрытаго окопа выходили офицеры, вѣроятно штабные. Замѣчается непрерывное движеніе небольшихъ подкрѣплений ко всѣмъ сопкамъ. Наши снаряды разрываются много правѣе расположенія непріятельскихъ войскъ—потерь у нихъ мало. В. Ст. Кв.“

Прибыла къ намъ на подкрѣпленіе 6-я сотня Нерчинскаго полка; я приказалъ ей занять гребень высотъ влѣво отъ небольшой выемки противъ моста до лощины, гдѣ проходила дорога отъ Бэнсиху на Фанзапуцзы, и—слѣдить за лѣсомъ противъ нашего лѣваго фланга, за которымъ могъ скрытно пройти непріятель; одинъ взводъ Аргунской сотни, занимавшій эту позицію, былъ стянутъ въ право къ своимъ.

Каждого, приходящаго или уходящаго съ передовой позиціи, японцы провожали огнемъ. По шестой сотнѣ, пробѣжавшей обстрѣливаемое пространство въ разсыпномъ строѣ, они стрѣляли залпами. Такъ какъ было приказано беречь патроны и стрѣлять только по частямъ, переходившимъ черезъ мостъ и атакующимъ насъ, я приказалъ цѣпи отползти на сажень назадъ, оставивъ впереди наблюдательные посты, чтобы нести меньше потерь.

Вскорѣ послѣ того, какъ 6-я сотня заняла позицію, я получилъ отъ кн. Джандіери донесеніе, что къ мосту подходитъ изъ Бэнсиху эскадронъ кавалеріи, а съ сопки спускается къ намъ пѣхота. Я отправился на лѣвый флангъ, чтобы провѣрить это донесеніе—кавалерія дѣйствительно подходила, но потомъ вернулась назадъ, куда же дѣлась пѣхота, спускавшаяся съ сопки, неизвѣстно.

У насъ настало небольшое затишье, потому что японцы устремили все свое вниманіе къ отраженію наступавшей нашей пѣхоты. Мы могли теперь свободно разглядывать все, что происходило передъ нами, безъ опасенія получить пулю въ лобъ за любознательность.

Большая часть сопки, занятыхъ непріателемъ, имѣла у вершины крутыя, почти отвѣсныя, гряды, на которыхъ лѣпились японцы, пользуясь самыми незначительными выступами скалъ. Тамъ, гдѣ не было мѣста, чтобы сидѣть, они стояли, упершись спиною, поджидая минуту, когда атакующіе подходили къ вер-

шинѣ, чтобы сбросить ихъ назадъ выстрѣлами, и скатывая на нихъ камни.

Тѣ войска, которые были ближе къ намъ, имѣли красные околыши на фуражкахъ и красные канты на мундирахъ; тѣ, кто были подальше, имѣли желтый приборъ; у всѣхъ темносинія шинели, штаны цвѣта хаки и бѣлые штіблеты; у запряженныхъ въ зарядные ящики и у вьючныхъ муловъ со снарядами были видны красныя украшенія на сбруяхъ и вьючныхъ сѣдлахъ.

Впереди перестрѣлка стихла—значить, наша атака была отбита. Вѣроятно сейчасъ японцы примутся за насъ, и дѣйствительно, не прошло четверти часа, какъ опять началось разстрѣливаніе нашей передовой позиціи. Теперь стрѣляли справа анфиладнымъ огнемъ съ остроконечной сопки. Фусу, Магалову и мнѣ пришлось отодвинуться немного въ сторону, такъ какъ вокругъ насъ пули начали срѣзывать прутья на кустахъ.

Поглядываешь на солнце, смотришь на часы и удивляешься, какъ тихо идетъ время. Это всегда бываетъ такъ, когда грозитъ опасность, а мысли о ней не отвлекаются усиленной дѣятельностью.

Отъ генерала пришелъ ко мнѣ казакъ съ приказаніемъ не стрѣлять, пока непріятель не перейдетъ въ наступленіе. Стрѣляли не мы, а японцы, но они были такъ близко, что трудно было различить, гдѣ шла пальба.

Около пяти часовъ залпы и пальба пачками участились. Мы ожидали атаки съ минуты на минуту. Я приказалъ цѣпи продвинуться до края обрыва, но никто не шевелился. Меня это страшно разсердило, я вскочилъ на ноги и крикнулъ, что заставляю ихъ стоя стрѣлять. Моя угроза подѣйствовала—вся цѣпь выдвинулась впередъ и, по командѣ своихъ офицеровъ, открыла тоже огонь залпами. Со стороны непріятеля огонь сталъ понемногу стихать, у насъ тоже былъ данъ отбой.

Передъ вечеромъ японцы вторично зачастили пальбу, но на этотъ разъ мы имъ не отвѣчали. Когда стемнѣло, противъ насъ все смолкло, перестрѣлка продолжалась еще по сопкамъ, гдѣ японцы защищали проходы.

Настала ночь; генералъ Любавинъ прислалъ мнѣ приказаніе отвести цѣпь назадъ, оставивъ заставу у кумирни, отъ которой выставять наблюдательные посты къ мосту и у дороги на Фанзяпуцзы. Мнѣ было разрѣшено вернуться къ отряду, такъ какъ моя служба была окончена.

У кумирни меня ожидалъ трубачъ Машуровъ съ моей лошадыю; онъ мнѣ передалъ, что отрядъ отошелъ на ночь въ д. Сяогусянца, за оврагомъ, и что Заботкинъ занялъ для насъ хорошую фанзу.

Фанза оказалась дѣйствительно прекрасная — бумага на окнахъ не была продырявлена, каны чистыя. Былъ поданъ ужинъ, приготовленный вѣстовыми — мнѣ казалось, что я никогда въ жизни такъ вкусно не ѣлъ. Я легъ спать, удовлетворенный чувствомъ исполненнаго долга и тѣмъ повышеннымъ душевнымъ состояніемъ, которое меня не покидало въ теченіе дня, вслѣдствіе лежавшей на мнѣ отвѣтственности.

28 сентября пальба не смолкала всю ночь. Два раза послѣ учащенныхъ залповъ было слышно отдаленное „ура“.

Пепино съ моими व्यюками оставался въ Уй-ян-ньинѣ, при обозѣ отряда; я послалъ за нимъ вѣстового, такъ какъ наши запасы уже истощились.

Стало свѣтать, когда мы выѣхали на позицію, и японцы все время провожали насъ выстрѣлами.

На гребнѣ ближайшей сопки, лѣвѣе моста, человѣкъ двадцать работало около вырытой за ночь насыпи, обращенной въ нашу сторону — очевидно батареи; вотъ стали подвозить и устанавливать орудія; было доложено генералу Любавину, но онъ не хотѣлъ вѣрить, что это батарея, и говорилъ, что тамъ работаютъ манзы. Съ трудомъ удалось выпросить его разрѣшенія отвести назадъ коноводовъ, которые разложили десятка два костровъ для чаеванія въ ближайшей пади, шагахъ въ тысячу отъ новой батареи. Въ тихое, безвѣтренное утро дымъ отъ костровъ поднимался прямо кверху и указывалъ точное мѣсто нашего расположенія. Я сдѣлалъ кроки расположенія непріятеля и его батарей, для руководства нашей артиллеріи, стрѣлявшей изъ-за горъ, и передалъ генералу. Онъ послалъ кроки въ шт. отряда, но я сомнѣваюсь, чтобы имъ воспользовались, зная недовѣріе штабныхъ къ сообщеніямъ строевыхъ офицеровъ. Несмотря на вчерашнее мое донесеніе о томъ, что наши снаряды ложились много правѣе мѣста расположенія резервовъ, наши батареи стрѣляли попрежнему.

Заботкинъ, которому было поручено отвести коноводовъ, пропускалъ ихъ небольшими частями по различнымъ направленіямъ назадъ, къ болѣе защищеннымъ балкамъ. Не успѣли они тронуться, какъ батарея открыла огонь, посылая бризантные сна-

ряды въ ту падь, гдѣ дымились еще костры, а затѣмъ и по другимъ падямъ, какъ бы нащупывая — гдѣ мы находились. Коня, подгоняемые шимозами, выказали удивительную рѣзвость — обыкновенно они тянулись на поводу, а теперь ихъ трудно было удержать.

Когда всё стали отходить назадъ, я пошелъ по тропинкѣ, которая вела черезъ горы къ мѣсту, гдѣ должны были собраться коноводы. Рано утромъ было очень свѣжо, и я надѣлъ пальто поверхъ теплушки (шведской куртки), но теперь солнце стало грѣть по-лѣтнему и мнѣ было невыносимо жарко. Я остановился въ одной ложинѣ, снялъ съ себя шашку, револьверъ, сумку съ картой, бинокль и началъ раздѣваться, чтобы надѣть пальто поверхъ блузы; вдругъ послышалось приближающееся шипѣніе снаряда, граната ударилась въ землю въ пяти саженьяхъ отъ меня и разорвалась — поднялся въ этомъ мѣстѣ воронкообразный снопъ черного, удушливаго дыма, но куда полетѣли осколки, я не замѣтилъ. Положеніе было довольно глупое — вѣроятно за первой гранатой послѣдуютъ другія, а я разбросалъ свои вещи на травѣ и долженъ былъ теперь одѣваться и пристегивать амуницію, ожидая разрыва шимозы въ близкомъ сосѣдствѣ, а можетъ быть и на томъ мѣстѣ, гдѣ я

находился. Въ это время подъѣхалъ верхомъ В. С. Кобылкинъ и спросилъ меня, что я тутъ дѣлалъ; я крикнулъ ему, чтобы онъ скорѣе уѣзжалъ, потому что здѣсь рвутся снаряды—онъ поспѣшилъ удалиться.

Вѣстовой привелъ мою лошадь; пока я торочилъ снятую мѣховую куртку, еще двѣ гранаты разорвались въ этой лощинѣ, но въ другомъ концѣ ея.

Мимо меня проѣхалъ кн. Магаловъ съ сотней, ему было поручено обрекогносцировать Столовую гору со стороны дороги на Сихеянъ—Фанзануцзы. Такъ какъ при пяти сотняхъ въ отрядѣ насъ было четыре штабъ-офицера, не включая командующихъ полками, то ген. Любавинъ завелъ намъ очередь для несенія службы на передовой позиціи: вчера я вступилъ въ первую очередь, сегодня былъ Іолшинъ, завтра Заботкинъ, потомъ Хрулевъ. Пользуясь свободой дѣйствій, я послѣдовалъ за сотней Магалова, думая, что мы, можетъ быть, встрѣтимся съ непріятельской кавалеріей, которую ожидали съ юга. Но сотня повернула назадъ, прежде, чѣмъ я успѣлъ ее догнать, и направилась вдоль сѣвернаго подножія Столовой горы, преслѣдуемая непріятельскими гранатами съ батареи, стрѣлявшей за рѣкой. Японцы стрѣляли мѣтко—ихъ снаряды ложились почти на хвосту нашей колонны, отступавшей крупной рысью все время, пока мы были у нея на виду. Я отсталъ отъ сотни Магалова. Въ одной деревнѣ я примкнулъ къ казакамъ 3-й Аргунской сотни. Они мнѣ сказали, что потеряли командира сотни, а командующій полкомъ В. С. Кобылкинъ приказалъ имъ идти сюда, перевалить черезъ сопки и присоединиться къ отряду. Такъ какъ я тоже ѣхалъ въ отрядъ, то послѣдовалъ за ними.

По той сторонѣ сопки намъ встрѣтилась сотня 4-го Сибирскаго казачьяго полка, шедшая занимать этотъ перевалъ. У казаковъ—смѣлыя, увѣренныя лица, они большею частью русые; кони у нихъ крѣпко сложенные, хорошо содержанные; пики короче но толще, чѣмъ у Донцовъ.

Спустившись съ перевала, я проѣхалъ подъ кручей, вдоль рѣчки, до д. Сяогусянца и оттуда поднялся пѣшкомъ до той первой позиціи, откуда 26 сентября наша конно-горная батарея стрѣляла по мосту. Теперь тамъ стояла полевая скорострѣльная полубатарея 26-й арт. бр., прибывшая сегодня съ генераломъ Самсоновымъ и его отрядомъ изъ девяти сотенъ Сибирскихъ казаковъ, къ сожалѣнію слишкомъ поздно, потому что нашей пе-

редовой позиціей уже завладѣлъ противникъ. Батарея была замаскирована въ гаоляновомъ полѣ и стрѣляла по мосту. Очевидно, мы потеряли надежду переправиться самимъ черезъ этотъ мостъ, если было рѣшено его уничтожить. Одинъ нашъ снарядъ разорвался надъ мостомъ въ ту минуту, когда проходила черезъ него рота пѣхоты—нѣсколько человѣкъ упало въ воду, вѣроятно убитые.

Группа офицеровъ штаба генерала Самсонова лежала позади батареи въ мелкомъ кустарникѣ, самъ генералъ Самсоновъ, еще молодой и молодцеватый офицеръ генеральнаго штаба, стоялъ въ сторонѣ у дерева и слѣдилъ за полетомъ нашихъ снарядовъ. Чтобы не выдать непріятелю мѣста расположенія батареи, приказано около нея не показываться.

Уничтожить мостъ батареей не удалось. Она теперь обстрѣливала окопъ подъ батареей на перевалѣ къ Уй-ян-ньину; одинъ снарядъ попалъ въ середину окопа и тамъ разорвался; сколько было перебито японцевъ, намъ не было видно, видѣли мы только два трупа, выброшенныхъ кверху взрывомъ, остальные люди изъ окопа разбѣжались.

Жаль, что эту батарею нельзя было установить на занятой нами вчера позиціи, гдѣ 26-го стрѣлялъ конно-горный взводъ — оттуда обстрѣливался весь тылъ непріятельскаго расположенія, отсюда же былъ виденъ только его флангъ.

Я пошелъ къ бугру на нашемъ правомъ флангѣ, чтобы посмотреть поближе бой въ отрядѣ генерала Экка на лѣвомъ берегу рѣки; меня въ особенности интересовало дѣйствіе пулемета, котораго я еще не видалъ. Стрѣльба изъ пулемета напоминала звукъ работавшей швейной машины—только болѣе шумной. Дорогою я увидѣлъ подъ деревомъ Фуса и Комаровскаго, они подозвали меня и предложили кусокъ сыру, сухарь и глотокъ мадеры. Отъ такого рѣдкаго угощенія отказываться нельзя.

На бугрѣ стояли стрѣлки охотничьей команды, укрываясь за скалами и деревьями, такъ какъ пули здѣсь сыпались густо—не думали ли японцы, что за этой сопкой находились наши резервы.

Напротивъ, за рѣкой стрѣлки перебѣгали поодиначкѣ изъ колонны, стоявшей въ резервѣ за цѣпью, расположенной на плоскомъ скалистомъ утесѣ; эти стрѣлки собирались у подножія

остроконечной сопки, занятой съ противоположной стороны японцами.

Когда нашихъ собралось человѣкъ шестьдесятъ, они полѣзли на сопку. Поднимались они медленно, постоянно останавливаясь, прячась за камнями отъ фланговыхъ выстрѣловъ съ сосѣднихъ сопокъ. Удивляло меня, что изъ общаго резерва не было выслано подкрѣпленія, чтобы удержать за собою позицію, когда завладѣютъ ею охотники.

Японцы съ своей стороны стали карабкаться къ вершинѣ, но они не стрѣляли, выжидая, пока противникъ подойдетъ ближе.

Страшно, жутко было видѣть, какъ горсть смѣльчаковъ сбѣжала почти до вершины, но была остановлена поднявшимися изъ-за вала японцами, стрѣлявшими въ нихъ въ упоръ. Передніе попадали, остальные бросились внизъ, увлекая за собою тѣхъ, кто не успѣлъ подняться. Позади по всему склону лежали неподвижныя тѣла, нѣкоторые упавшіе сползали немного и затѣмъ застывали въ неестественныхъ позахъ.

Была бы ведена атака болѣе дружно, имѣй въблизи уступами поддержки—эта сопка была бы въ нашихъ рукахъ, такъ какъ японцевъ, защищавшихъ ее, было не болѣе сотни. Ихъ болѣе и не могло размѣститься на томъ склонѣ, такъ онъ былъ узокъ. Еще проще, казалось бы, было обойти ее со стороны рѣки—тогда защитники вынуждены были бы ее покинуть.

Мой вѣстовой принесъ мнѣ вареную курицу и чаю въ жестяномъ чайникѣ, только онъ не рѣшался ко мнѣ подойти—„ужъ больно жарко тамъ“—говорилъ онъ. Я спустился къ нему.

Вѣстовой рассказалъ, что пріѣзжалъ Осипъ (такъ казаки звали Пепино) и собирался готовить ужинъ, выйдя на крыльцо, онъ ощипывалъ курицу, но въ это время пули стали залетать во дворъ, впиваясь въ стѣны фанзы, срѣзая гаоляновую огорожу, посвистывая, какъ птички. Пепино бросилъ курицу, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, говоря: „Моя итальянецъ—моя пули не любитъ“.—Казаки хохотали надъ нимъ, старались удержать его, но онъ остаться не захотѣлъ и вернулся въ Уй-ян-ньинъ.

Пепино былъ не трусъ,—онъ не разъ выказалъ хладнокровіе подъ выстрѣлами, но то, съ чѣмъ мы уже свыклись, могло на свѣжаго человѣка произвести ошеломляющее впечатлѣніе. Въдь съ 26-го мы были всѣ непрерывно въ бою. Когда не были обра-

щены на насъ прицѣльные выстрѣлы непріятеля и мы непосредственнаго участія въ немъ не принимали, то шелъ бой рядомъ, перестрѣлка не умолкала ни днемъ, ни ночью, стихая на короткое время, чтобы разразиться сейчасъ же съ новою силою. Мы часто находились на продолженіи линіи огня и не только непріятельскія, но и наши пули къ намъ залетали, попадая, какъ это было теперь, въ тѣ деревни, въ которыхъ мы спокойно ночевали.

Мой вѣстовой слыхалъ отъ казаковъ 5-й сотни, что въ кустахъ, на вчерашней позиціи, былъ найденъ фотографическій аппаратъ—вѣроятно мой, такъ какъ я его потерялъ вчера и очень о томъ сожалѣлъ, не имѣя возможности сфотографировать интереснѣйшія событія, разыгрывавшіяся передъ нами. Я успѣлъ только зарисовать въ альбомѣ панораму позицій у Бэнсиху и составить подробное кроки.

Вечеромъ, когда я вернулся въ фанзу, тамъ шла такая стрѣльба, точно насъ атаковалъ непріятель. Дѣло въ томъ, что наша фанза была на краю деревни и какъ разъ на продолженіи линіи отъ Бэнсиху къ мѣсту боя за обладаніе остроконечной сопкой. Несмотря на темноту, пальба не уменьшалась.

Было приказано перейти въ общее наступленіе въ двѣнадцать часовъ ночи, потомъ это приказаніе было отмѣнено—назначено наступленіе въ четыре часа утра. Тѣмъ не менѣе уже съ одиннадцати часовъ вечера шелъ бой по всей линіи. Мало кто выспался въ эту ночь.

29 сентября. Было еще темно, когда Заботкинъ и я отправились пѣшкомъ на позицію, оставивъ лошадей подъ защитой крутого лѣваго берега рѣчки. Идти было недалеко, такъ какъ со вчерашняго утра мы были выбиты съ перваго кряжа и перешли на второй. Бой на сопкахъ кипѣлъ съ ожесточеніемъ—наши немного продвинулись впередъ, но остроконечная сопка была все еще въ рукахъ японцевъ.

Наша полубатарей перемѣстилась немного ниже и лѣвѣе, на край чумизнаго поля, въ вырытыя, еще не вполне законченныя укрытія.

Подъ утро подошли къ намъ на подкрѣпленіе четыре сотни 4-го Сибирскаго казачьяго полка и стали правѣе нашей цѣпи, до конца кряжа, гдѣ было небольшое возвышеніе. Сюда пришелъ тоже полковникъ Плаутинъ, назначенный въ распоряженіе генерала Самсонова.

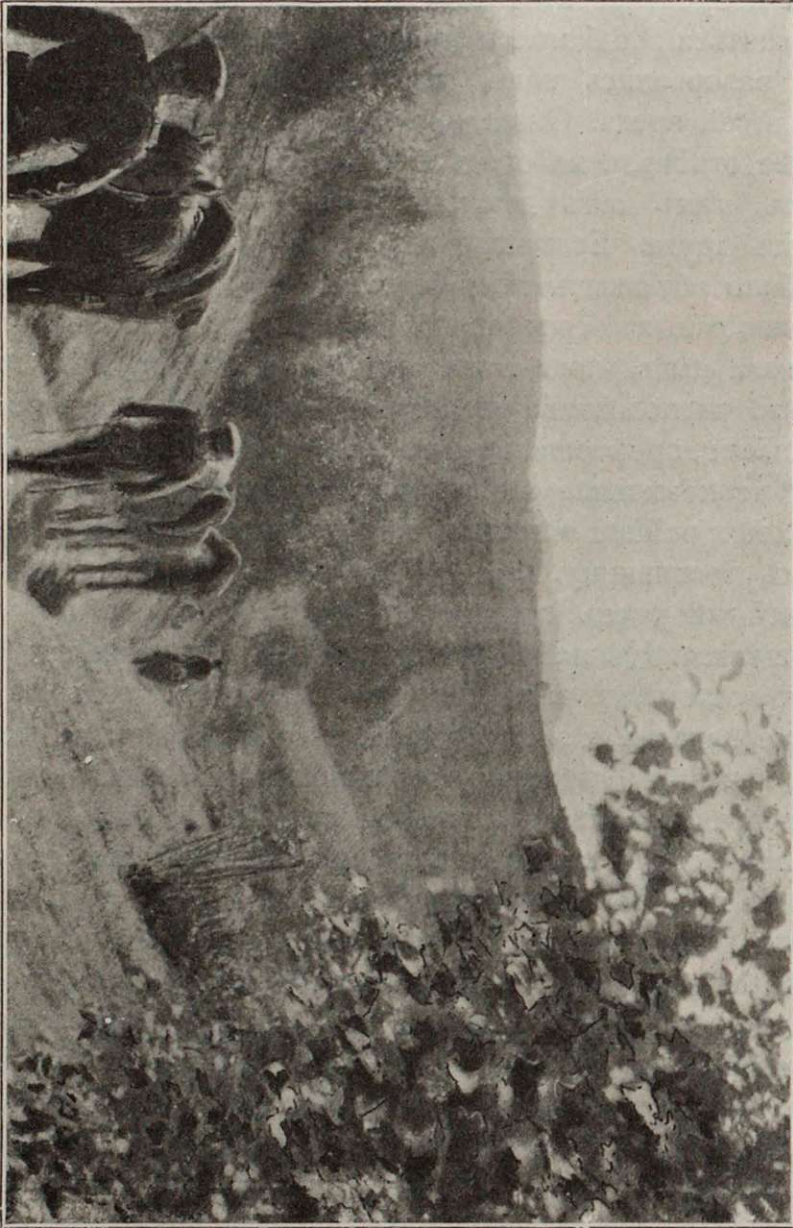
Полубатарея открыла огонь по непріятельскимъ окопамъ и батареямъ, обстрѣливавшимъ съ фланга занятыя за ночь нашими пѣхотными частями передовыя позиціи. Но вотъ раздался выстрѣлъ съ японской батареи на кряжѣ лѣвѣе моста, снарядъ пролетѣлъ черезъ наши головы и упалъ въ лощинѣ, между нами и нашей полубатареей, слѣдующій далъ перелетъ, потомъ они стали ложиться все ближе и ближе, наконецъ, послѣ залпа шесть гранатъ разорвались надъ самой батареей, но, повидимому, не причинили ей вреда. Она продолжала стрѣлять по окопамъ впереди и не отвѣчала на огонь батареи японцевъ—она и не могла ее видѣть, такъ какъ два поперечныхъ хребта скрывали ихъ другъ отъ друга. Если японцы стрѣляли такъ мѣтко, то это можно было объяснить тѣмъ, что ихъ стрѣльбою руководили съ противоположныхъ сопокъ, откуда была видна наша батарея—ее выдавала пыль, поднимавшаяся при откатѣ орудій. Возможно также, что расположеніе нашей батареи было указано непріятелю манзами, приносившими намъ воду въ деревянныхъ бадьяхъ. Никому не приходило въ голову ихъ задержать до окончанія боя или, покъ райней мѣрѣ, не позволять имъ уходить по направленію къ противнику.

Ружейный огонь непріятеля съ нашихъ прежнихъ позицій все усиливался. Къ нему подходили подкрѣпленія изъ Бэнсиху и съ юго-востока, т. е. со стороны Сихеяна. Оттуда же показались два эскадрона кавалеріи на рослыхъ лошадяхъ темной масти и направились къ высотамъ, тянувшимся отъ моста до Столовой горы; слѣдомъ за ними шла пѣхота. Съ прибытіемъ новыхъ частей линія огня непріятеля удлинилась и подалась влѣво, т. е. противъ нашего лѣваго фланга.

Нашъ правый флангъ былъ обезпеченъ отъ обхода тѣмъ, что онъ былъ въ сферѣ огня нашей пѣхоты, по ту сторону Тай-цзы-хэ, но съ лѣвой стороны; наша позиція примыкала къ высокому скалистому хребту, съ занятіемъ котораго непріателемъ мы были бы вынуждены отступать подъ его фланговымъ огнемъ и понесли бы при этомъ большой уронъ. Я предложилъ генералу Любавину стянуть всѣ цѣпи влѣво и занять хребетъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Онъ согласился и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ меня начальникомъ передовой цѣпи Забайкальцевъ и охотничьей команды, а Плаутина—начальникомъ цѣпи Сибирцевъ. Я въ первый разъ видѣлъ сибирскихъ казаковъ въ дѣлѣ, каждый изъ нихъ глядѣлъ смѣло и внимательно въ сторону не-

пріятеля и дѣлалъ выстрѣлъ осмысленно и съ увѣренностью; къ сожалѣнію, Забайкальцы 2-й очереди были далеко не такъ стойки подѣ огнемъ—многіе лежали, отступя отъ гребня, чтобы укрыться отъ пуль, и потому не могли видѣть, что происходило впереди,

124. На разсвѣтъ японцы провожаютъ насъ выстрѣлами.

и не стрѣляли прицѣльно. Я обратилъ на это вниманіе сотенныхъ командировъ.

Въ передовой цѣпи у меня были 5-я и 6-я сот. Нерчинскаго

полка и охотничья команда. 6-ю сотню я послалъ занять лѣвый хребетъ. За недостаткомъ патроновъ приказано стрѣлять только по вѣрной цѣли и когда непріятель двинется въ атаку.

Японцы громили нашу батарею залпами—сразу разрывалось надъ нею по шести гранатъ, но она все держалась, какимъ-то чудомъ уцѣлѣли прислуга и орудія, были потери только у казаковъ въ прикрытіи. Это однако такъ продолжаться не могло, тѣмъ болѣе, что мы не отвѣчали на выстрѣлы противника, не зная точно его расположенія. Я послалъ батарейному командиру кроки съ указаніемъ, гдѣ находилась непріятельская батарея, но оно могло быть полезно только въ томъ случаѣ, если бы были у насъ вѣрныя и точныя карты. Орудія были откатаны и увезены за д. Сяогусянцза, откуда они продолжали содѣйствовать наступленію отряда генерала Ренненкампа.

Покончивъ съ соперникомъ, японская артиллерія накинута теперь на насъ—одна за другой стали рваться ихъ гранаты на узкомъ гребнѣ, который мы занимали. Пачечный ружейный огонь японцевъ былъ тоже непрерывный. Изъ-за высотъ, занятыхъ непріятелемъ, показалась колонна, направлявшаяся къ Столовой горѣ, въ обходъ нашего лѣваго фланга. Я приказалъ графу Келлеру подняться съ 5-й сотней на лѣвый хребетъ и занять позицію лѣвѣе 6-й сотни.

Генералъ Любавинъ приказалъ отступать частями до слѣдующихъ высотъ, гдѣ недавно стояла наша полубатарея.

Начальнику охотничьей команды я приказалъ выждать, пока японцы начнутъ спускаться съ высотъ, перейдя въ наступленіе, дать по нимъ два или три залпа и тогда только отступать, не ожидая моего распоряженія, потому что я самъ поднимался на хребетъ, гдѣ мои двѣ сотни будутъ прикрывать отступленіе нашего отряда и постараются отбить или задержать обходящую колонну.

Въ это время на правомъ берегу Тай-цзы-хэ бой дошелъ до страшнаго ожесточенія, залпы обѣихъ сторонъ сливались вмѣстѣ и походили на отдаленные раскаты грома. Опять наши пѣхотныя цѣпи лѣзли на остроконечную сопку, но сегодня собралось у подножія не менѣе двухъ баталіоновъ, а на полугорѣ стояло три или четыре роты, чтобы поддержать атакующихъ.

По мѣрѣ того, какъ я поднимался выше, картина боя раскрывалась передо мною во всю ширь. Мнѣ казалось, что наши какъ будто подвинулись впередъ. Если бы удалось завладѣть остро-

конечной сопкой и удержаться на ней, то резервы обошли бы снизу, со стороны рѣки, и ударили бы въ тылъ непріятеля, а затѣмъ помогли бы и намъ справиться съ тѣснившимъ насъ врагомъ.

Карабкаясь по крутымъ скаламъ, я упалъ и напоролъ лѣвую руку на сучокъ, кровь хлынула ручьемъ; я подумалъ, что была перерѣзана артерія, но подошедшій санитаръ сказалъ, что рана не опасная; послѣ перевязки я полѣзъ дальше и скоро добрался до вершины. Увы, картина боя измѣнилась не въ нашу пользу: солдаты поодиночкѣ сбѣгали внизъ, потомъ заколебалась и хлынула назадъ вся цѣпь, не удержались и тѣ роты, что были въ резервѣ на полугорѣ. Атака была отбита, наши перешли въ отступленіе, преслѣдуемые жестокимъ перекрестнымъ огнемъ японцевъ со всѣхъ ближайшихъ сопокъ.

Одновременно и противъ позиціи нашего коннаго отряда японцы перешли въ рѣшительное наступленіе и она была покинута.

6-я сотня, по командѣ есаула кн. Джандіери, стрѣляла залпами по непріятелю, наступавшему съ фронта, а сотня есаула гр. Келлера отвѣчала по ту сторону хребта на выстрѣлы со Столовой горы. Когда нашей позиціей внизу завладѣлъ непріятель, мы начали отступать по узкому гребню хребта, огибая гряды скалъ то съ одной, то съ другой стороны, гдѣ только можно было пробраться по едва замѣтной тропинкѣ не болѣе четверти шириною надъ отвѣсными обрывами.

Съ обѣихъ сторонъ хребта насъ осыпали пулями.

Отъ времени до времени мы останавливались, когда представлялось хорошее укрытіе, и давали нѣсколько залповъ по двумъ направлѣніямъ. Тамъ, гдѣ кончался хребетъ и мы должны были спускаться въ долину, гдѣ ожидали насъ коноводы, я оставилъ сотни. Пользуясь выступающимъ кряжемъ, казаки вытянулись въ цѣпь и дали послѣдніе три залпа.

Я хотѣлъ вести сотни на позицію впереди д. Сяогусянцза, но она была уже очищена. Генераль Любавинъ, приказалъ мнѣ отойти назадъ съ сотнями къ возвышенностямъ, покрытымъ лѣсомъ, гдѣ уже строились отступившія части.

Сегодня японцы при наступленіи держались слѣдующей тактики: они сгоняли насъ съ позиціи шрапнельнымъ и ружейнымъ огнемъ, тогда кавалерія выѣзжала впередъ на рысяхъ, занимала покинутую нами позицію и, спѣшившись, провожала насъ

выстрѣлами до прихода своей пѣхоты. Они продѣлали успѣшно этотъ маневръ нѣсколько разъ, на рядѣ параллельныхъ высотъ, въ ружейномъ выстрѣлѣ одинъ отъ другого, на которыхъ мы тщетно старались ихъ задержать.

На новой позиціи мы тоже не удержались. Японцы упорно преслѣдовали насъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

На противоположной сторонѣ Тай-цзы-хэ наши отряды отступали. На лѣвомъ флангѣ дѣло было проиграно, а какъ близка была побѣда два, три дня тому назадъ!

Кто былъ виноватъ?—Одни винили Ренненкампа въ томъ, что онъ не далъ Самсонову 28 сентября просимаго баталіона—это было мало похоже на нашего генерала. Другіе говорили, что виною нашей неудачи у Бэнсиху было подчиненіе Ренненкампа командиру 3-го корпуса ген. Иванову, отнявшему у него свободу дѣйствій. Штакельбергъ съ 1-мъ сибирскимъ корпусомъ разбился о неприступныя позиціи, вмѣсто того, чтобы ихъ обойти. Вслѣдствіе ошибокъ начальниковъ и ихъ штабовъ, здѣсь легли напрасно десятки тысячъ.

Подъ вечеръ смѣнилъ меня подполковникъ Заботкинъ, а я, съ разрѣшенія командующаго полкомъ, поѣхалъ въ обозъ въ Уй-ян-ньинъ, который былъ въ четырехъ верстахъ отъ мѣста привала полка.

У меня болѣла рука, начиналась лихорадка и я чувствовалъ сильный упадокъ силъ. Можетъ быть болѣзненное состояніе усилилось отъ неудачи.

Когда мы подошли къ Уй-ян-ньину, полковой обозъ уже тронулся, отступая къ Сан-цзя-цзы. Я остановилъ свои выюки и расположился въ покинутомъ обознымъ шалашѣ изъ гаоляна. Рядомъ со мною укладывался маркитантъ, у меня страшно пересохло въ горлѣ и я купилъ за шесть рублей бутылку краснаго церковнаго вина—другихъ напитковъ у маркитанта не было; пить однако эту бурду не было никакой возможности, даже казаки отъ нея отказались.

Въ Уй-ян-ньинѣ всѣ фанзы были переполнены ранеными. Говорили, что въ отрядѣ ген. Ренненкампа потери были до двухъ тысячъ человѣкъ. Обозы и транспорты съ ранеными шли безостановочно въ Сан-цзя-цзы по верхней дорогѣ черезъ переваль и по нижней вдоль Тай-цзы-хэ.

Бой на сопкахъ впереди продолжался. Непріятельскія гра-

наты рвались у деревни и въ лощинѣ позади ея, нѣкоторыя долетали до насъ.

Приѣхавшій изъ полка казакъ сказалъ, что конный отрядъ отступалъ на Сан-цзя-цзы лѣвымъ берегомъ рѣки.

Разразилась гроза съ дождемъ.

30 сентября. Около часу ночи меня разбудилъ вѣстовой и сказалъ, что въ Уй-ян-нѣинѣ никого нѣтъ, что сейчасъ прошелъ послѣдній отрядъ пѣхоты и солдаты совѣтовали намъ уходить, такъ какъ непріятель насѣдалъ. Ружейная перестрѣлка смолкла, но непріятельскіе снаряды ложились уже возлѣ насъ и даже давали перелеты—значить японцы продвинулись впередъ. Нечего было дѣлать, мы собрались и пустились въ путь вдоль рѣки.

Было очень темно. Дождь лилъ безостановочно. У д. Ліандятуй меня остановилъ отрядный интендантъ Воиновъ и предложилъ переждать дождь въ его фанзѣ, я съ радостью согласился.

У Воинова былъ отобранъ для раненыхъ весь его транспортъ, и онъ остался здѣсь съ 200 пудовъ сухарей безъ средствъ перевозки. Онъ рѣшилъ уничтожить сухари, чтобы они не достались непріятелю. Воиновъ просилъ меня подписать актъ объ уничтоженіи сухарей—я отказался, предложивъ ему, со своей стороны, сложить мѣшки у дороги, чтобы ихъ могли подобрать отступавшія части; это онъ находилъ невозможнымъ, такъ какъ сухарями воспользуются не наши, а японцы, да еще пожалуй напишутъ благодарность начальству, какъ это случилось раза два, когда имъ достались продукты, заготовленные интендантствомъ. Въ это время проходилъ черезъ деревню 8-й сиб. каз. полкъ, Воиновъ предложилъ сухари по справочной цѣнѣ—полкъ отказался ихъ принять, за недостаткомъ выюковъ, но когда я сказалъ казакамъ, что они могутъ даромъ брать ихъ, все было расхвачено мигомъ. Сдѣлавъ доброе и полезное дѣло, мы пошли спать. Не успѣли мы затушить лучину, какъ въ нашу фанзу вошелъ генераль, командиръ пѣхотной бригады; онъ увѣщевалъ насъ скорѣе уходить, потому что японцы были близко. Самъ онъ вернулся сейчасъ изъ Уй-ян-нѣина, гдѣ думалъ найти генераловъ Экка и Петерова, но нашихъ войскъ тамъ уже не было, оставались только въ фанзахъ человѣкъ двадцать раненыхъ, которые умоляли его забрать ихъ съ собой. „Это произвело на меня удручающее впечатлѣніе“,—говорилъ генераль, но онъ ничего для нихъ не сдѣлалъ и со спокойной совѣстью легъ спать,

приказавъ адъютанту разбудить его черезъ три четверти часа ¹⁾).

Гроза не прекращалась, но нужно было торопиться уходить, потому что конный отрядъ отступилъ лѣвымъ берегомъ къ Бей-лин-пуцзамъ, а японцы могли занять бродъ противъ Сан-цзя-цзы, тогда путь былъ бы намъ отрѣзанъ. Проливной дождь шелъ вперемежку съ градомъ, раскаты грома потрясали воздухъ, отъ времени до времени, послѣ ослѣпляющей молніи, громъ ударялся съ трескомъ поблизости,—но это была дѣтская игра, въ сравненіи съ ружейной и орудійной пальбой и съ разрывомъ снарядовъ.

Рѣка не успѣла еще набухнуть, воды на броду было по брюхо лошади. Мы пришли въ Сан-цзя-цзы въ десять часовъ утра и остановились въ фанзѣ, занятой передъ наступленіемъ штабомъ полка. Теперь она была совсѣмъ разорена, сняты и увезены пѣхотой всѣ шкапы, ящики и циновки, окна, двери, и все, что могло горѣть, пошло въ дрова, потому что оно было сухо и горѣло лучше, чѣмъ сложенный на дворѣ хворостъ или нарубленный лѣсъ, котораго было много по сопкамъ.

Генераль Петеровъ спустился съ перевала, его обозы отходили назадъ и самъ онъ собирался отступать, но было получено приказаніе снова перейти въ наступленіе—одинъ полкъ поднялся опять на переваль, а Мокшанскій полкъ занялъ хребетъ надъ Сан-цзя-цзы.

Перестрѣлка приближалась, на броду, скоро послѣ нашего прохода, японскимъ кавалерійскимъ разъѣздомъ было убито два казака.

Подѣхалъ Заботкинъ, мы съ нимъ пообѣдали и поѣхали въ полкъ, стоявшій неподалеку, у поворота въ долину, идущую къ Фушуну, тутъ же находился 8-й сиб. каз. полкъ. Насъ передвинули потомъ до д. Сяо-цзя-хецзы, гдѣ полки стали бивакомъ. Я былъ слишкомъ боленъ, чтобы ночевать на дворѣ, и получилъ разрѣшеніе остановиться въ фанзѣ вмѣстѣ съ Заботкинымъ.

Вечеромъ заѣхалъ къ намъ командиръ 8-го каз. полка, полковникъ Панковъ; онъ пилъ съ нами чай, но ночевать перѣхалъ въ другую деревню, потому что, по его мнѣнію, сюда могутъ залетать снаряды, если японцы установятъ батарею на высотахъ лѣваго берега Тай-цзы-хэ. Пока онъ гостилъ у насъ, привозили къ нему донесенія; онъ отдавалъ приказанія, дѣлалъ рас-

¹⁾ Мы узнали потомъ, что наши казаки всѣхъ раненыхъ изъ Уй-ян-ньина увезли.

поряженія такъ покойно, такъ толково, что мы имъ залюбовались.

1 октября. Насъ разбудили вѣстовые и передали, что нашъ полкъ ушелъ въ Бей-лин-пуцзы поздно вечеромъ и что объ этомъ они узнали только теперь отъ казаковъ, слѣдовавшихъ въ обозъ. Сибирцы отошли на сѣверъ—въ деревнѣ мы были одни.

Мы живо собрались и направились къ Тай-цзы-хэ, чтобы пройти береговой дорогой въ Бей-лин-пуцзы, но путь въ этомъ направленіи былъ уже отрѣзанъ непріателемъ. На сопкахъ, съ той стороны рѣки жарили непріятельскіе пулеметы, чортовы переносныя, какъ ихъ звали казаки, по заставѣ 8-го сиб. каз. п., которая отходила отстрѣливаясь; мы пошли слѣдомъ за нею.

Верстахъ въ восьми къ сѣверу у д. Хоу-ся-цзя-хе-цзы, отрядъ генерала Самсонова былъ расположенъ на позиціи за небольшимъ переваломъ, который приводился въ оборонительное состояніе. Здѣсь мы узнали, что генераль Ренненкампфъ только что выѣхалъ отсюда на присоединеніе къ отряду ген. Любавина. Приказавъ व्यюкамъ слѣдовать за нами возможно скорѣе, мы двинулись рысью и нагнали генерала, поднимавшагося на перевалъ со своимъ небольшимъ штабомъ и конвоемъ. Генераль принялъ насъ любезно, спрашивая о нашихъ дѣйствіяхъ въ тылу Бэнсиху.

Дорога, или скорѣе тропа, по которой насъ велъ проводникъ-китаецъ, была мнѣ совершенно незнакома. Когда я искалъ сообщенія между Хуалиномъ и расположеніемъ Дагестанцевъ у Сыдаохе-цзы для поддержанія связи, всѣ мѣстные жители увѣряли меня, что кромѣ дороги на Сан-цзя-цзы—Бей-лин-пуцзы другой нѣтъ, а между тѣмъ тропа, по которой мы шли теперь, укорачивала значительно путь и обходила берегъ Тай-цзы-хэ, обстрѣливаемый непріателемъ.

Мы пришли въ Гаолинцзы около часу дня. Генераль не рассчитывалъ имѣть свой обозъ раньше вечера и собирался до тѣхъ поръ голодать. Такъ какъ наши व्यюки подошли одновременно съ нами, Заботкинъ и я пригласили обѣдать генерала и его штабъ къ двумъ часамъ. Пепино приготовилъ супъ изъ курицы съ манной крупой, цыплята, жареные на вертелѣ, и компотъ изъ ананасовъ, у Заботкина нашлось немного мадеры, двѣ бутылки краснаго вина и коньякъ.

2 октября. Бей-лин-пуцзы заняты непріателемъ. Генераль Любавинъ остался съ Аргунскимъ полкомъ на перевалѣ отъ Гао-

линцзы къ Бей-лин-пуцзамъ, а нашъ полкъ въ составѣ трехъ сотенъ получилъ приказаніе отойти къ Цинхечену.

Мое здоровье совершенно разстроилось—лихорадка меня не покидала, я сильно кашлялъ; зная, что въ Цинхеченѣ фанзы разорены и придется, вѣроятно, жить въ гаоляновыхъ шалашахъ, я просилъ командующаго полкомъ меня уволить на нѣсколько дней, до выздоровленія, въ штабъ дивизіи, гдѣ я могъ найти лучшее помѣщеніе и врачебную помощь, которая въ полкахъ прихрамывала. Было сыро, холодно, скверно, также скверно и на душѣ отъ понесеннаго пораженія, тѣмъ болѣе что вѣсти съ праваго франга еще менѣе утѣшительныя: говорили, что японцы у насъ отобрали сорокъ восемь орудій и что потери громадны.

У Танхоулинскаго перевала я разстался съ полкомъ. Заботкинъ ѣхалъ тоже въ штабъ дивизіи за подарками, присланными Императрицей нашему отряду. Мы проѣхали черезъ разоренную д. Сан-лунъ-ю и остановились въ довольно опрятной фанзѣ въ Обаньюпуза, гдѣ уже расположился генераль Ренненкампфъ со своимъ штабомъ. Насъ предупредили, что эта фанза отведена для какого-то генерала, котораго ожидали вечеромъ, но за неимѣніемъ другой мы засѣли въ ней крѣпко и уступили бы только силѣ (или волѣ начальства, что одно и то же—„тун-тунъ игаянь“—какъ говорятъ китайцы).

3 октября. Генераль и комиссія принимали и распредѣляли по полкамъ ремонтныхъ лошадей, приведенныхъ изъ Харбина в. ст. барономъ Будбергомъ. Большое оживленіе произвелъ прибывшій тоже изъ Харбина маркитантъ Нерчинскаго полка: онъ привезъ сахару, сухарей, свѣчей, много консервовъ и разныхъ винъ, наливокъ и водокъ. Вечеромъ въ штабѣ дивизіи было выпито нѣсколько бутылокъ Мума; Заботкинъ былъ у нихъ въ гостяхъ и вернулся поздно, казалось, въ веселомъ расположеніи духа.

4 октября. Заботкинъ тоже заболѣлъ, у него сильная нервная лихорадка, докторъ говорилъ, что ему надо уѣхать и выдать ему медицинское свидѣтельство. Съ тѣхъ поръ что я находился въ лучшихъ условіяхъ жизни, мнѣ стало лучше, припадки лихорадки стали слабѣе и я надѣялся скоро оправиться и принять участіе въ ожидавшихся новыхъ дѣлахъ.

Отъ генерала Куропаткина былъ полученъ приказъ: вну-

шить войскамъ, что намъ нужно продолжать борьбу, чтобы облегчить участь гарнизона Портъ-Артура.

Во время послѣднихъ боевъ наши потери были: до 7000 офицеровъ и 25 тыс. нижнихъ чиновъ. Въ ночь съ 3 на 4 октября занята сопка у Лютзантуна и отнято у японцевъ четырнадцать орудій. Говорили, что японскій баталіонъ, не атакованный нами, бросилъ ружья, амуницію и удалился—это похоже на басню.

До 10 октября небо было все время ясное, по ночамъ очень холодно, солнце грѣло только около полудня.

Заботкинъ отказался ѣхать въ отпускъ, но у него нервы сильно расшатаны.

10 октября. Начальникъ дивизіи уѣхалъ въ Гаолинцзы, гдѣ находилась правая колонна его отряда подъ начальствомъ ген. Любавина. Заботкинъ и я провожали генерала до Сан-лун-ю, онъ свернулъ на Танхоулинскій перевалъ, а мы проѣхали прямо на Далинъ.

У Далина мы остановились на нѣсколько минутъ у гостепріимнаго полковника Данильчука, у котораго выпили по рюмкѣ водки и закусили саломъ. Бѣдный полковникъ тоже нездоровъ, да и не мудрено—проживши нѣсколько дней холодной и сырой погоды въ шалашахъ и землянкахъ.

Въ Далинскомъ перевалѣ до д. Сандіязы, гдѣ стояли главныя силы нашего отряда, мы не встрѣтили ни одного солдата, ни казака; къ счастью мы также не встрѣтили хунхузовъ, которыми горы здѣсь кишатъ, рѣдкій день они не нападали на одиночныхъ людей и на небольшіе патрули. Въ д. Цинхечень, черезъ которую мы проходили въ четыре часа пополудни, они два раза нападали на наши сотни ночью.

На ханшиновомъ заводѣ насъ соблазняли роскошныя фанзы, но мы знали, что это было гнѣздо хунхузовъ, и было бы небезопасно останавливаться тамъ, не имѣя конвоя, а винтовки были только у двухъ вѣстовыхъ Заботкина. Хозяева смотрѣли непривѣтливо и внушали мало довѣрія. Впрочемъ намъ ѣхать было недалеко—до Сандіязы всего двѣ версты.

Высланный впередъ квартирьеромъ мой вѣстовой Андрей вернулся и проводилъ насъ къ маленькой убогой фанзѣ подъ горой, гдѣ было довольно уютно, потому что бумага на окнахъ была цѣла, но что мы оцѣнили—это обиліе чумизной соломы, гао-ляна и куръ; какъ это не добрались до нихъ солдаты! Мы встрѣ-

тили солдатъ, обвѣшанныхъ баклагами, идущихъ по направленію къ ханшинному заводу, вѣроятно за ханшиномъ.

11 октября. Нашъ полкъ занималъ передовую позицію у д. Фудіалузы, въ трехъ верстахъ на юго-западъ. По дорогѣ мы заѣхали къ командиру Бугульминскаго пѣхотнаго полка полковнику Зарако-Зараковскому; онъ же былъ начальникомъ Цинхеченскаго отряда. Мы ему жаловались на поведеніе солдатъ, разорявшихъ фанзы, и говорили о посѣщеніи ханшиннаго завода нижними чинами.

Командующій полкомъ принялъ насъ довольно привѣтливо и сказалъ, не безъ ироніи: „Вотъ неожиданно“.

Выбирая себѣ фанзу, я заѣхалъ во дворъ, гдѣ стоялъ опрятно одѣтый рослый китаецъ; на вопросъ—имѣлась ли фанза для „капитана“—онъ пожалъ плечами и съ улыбкой показалъ на лучшую изъ трехъ, находящихся во дворѣ. Я зашелъ въ нее и увидѣлъ трехъ казаковъ 6-й сотни, занимавшихся разгромомъ имущества—шкапы и ящики были взломаны и всѣ вещи разбросаны по полу. Я приказалъ казакамъ все уложить обратно на мѣсто и вычистить фанзу; потомъ я ихъ отослалъ къ своему сотенному командиру при запискѣ, требуя примѣрнаго наказанія. Равнодушіе манзы-хозяина было замѣчательное: онъ относился съ молчаливымъ и высокомернымъ презрѣніемъ къ разгрому казаковъ, но не выказалъ удовольствія, когда я возстановилъ порядокъ. Китайцы бываютъ обыкновенно довольны, когда въ ихъ фанзахъ помѣщаются офицеры, потому что на это время, по крайней мѣрѣ, они обезпечены отъ погромовъ и имъ платятъ за квартиру, а также за поставленный фуражъ и хозяйственные продукты.

Получено извѣстіе, что командиръ 8-го казач. сиб. полка, полковникъ Панковъ, былъ убитъ пулею, когда онъ объѣзжалъ свои заставы на берегу Тай-цзы-хэ. Очень мнѣ было жаль симпатичнаго и прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ командира полка, съ которымъ я только что познакомился.

Д. Фудіалузы была занята хунхузами, когда подходили наши сотни и одна рота Бугульминскаго полка. Я подозрѣвалъ, что мой хозяинъ и его четыре рабочіе тоже хунхузы—все молодецъ къ молодцу; они весело болтали съ Пепино и моими казаками и какъ будто надъ ними подсмѣивались, но Пепино пользовался несомнѣннымъ успѣхомъ у „мадамъ“—онъ имъ пѣлъ итальянскіе романсы и угощалъ сладостями.

13 и 14 октября слышались орудійные выстрѣлы въ западномъ направленіи. 15 октября пріѣхалъ въ Фудіалузы генераль Ренненкампфъ. Спѣшно готовились наградные списки—было приказано представить всѣхъ офицеровъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ подъ Бэнсиху въ отрядѣ генерала Любавина, кромѣ меня, потому что въ Турецкую кампанію я получилъ всѣ награды, включая Владиміра 4 ст., Анны 2 ст. и золотое оружіе; очередная награда была бы для меня Владиміръ 3 ст. съ мечами, но въ штабѣ дивизіи сказали, что этотъ орденъ въ чинѣ подполковника получить нельзя. Я зналъ, что въ военное время подполковники получали Владиміра 3 ст., но не мнѣ было объ этомъ напоминать начальству, да я не для наградъ опредѣлился вновь на службу, а только на время войны, чтобы тотчасъ выйти въ отставку, когда будетъ заключенъ миръ.

16 октября былъ парадъ по случаю раздачи знаковъ отличія военного ордена, а вечеромъ ужинъ въ штабѣ полка въ честь ген. Ренненкампфа. Командующій полкомъ Заботкина и меня не пригласилъ—можетъ быть потому, что мы оба были больны. Докторъ Терешковичъ давалъ намъ въ большомъ количествѣ хининъ и салициловую кислоту.

17 октября. Заботкинъ, давно уже подавшій рапортъ о бо-
лѣзни, уѣхалъ въ Харбинъ.

Японскіе сторожевые посты находились въ постоянномъ соприкосновеніи съ нашими. Сегодня стрѣляли по нашему разъѣзду въ трехъ верстахъ отъ Фудіалузы. Около одиннадцати часовъ вечера началась перестрѣлка на противоположной сопкѣ, гдѣ стоялъ постъ отъ роты Бугульминскаго полка, но она скоро прекратилась.

18 октября. Про ночную перестрѣлку Бугульминцы говорили, что къ часовому подкрались пять японцевъ и ранили его штыкомъ, но онъ успѣлъ дать выстрѣлъ; подоспѣвшая застава открыла огонь и японцы скрылись послѣ нѣсколькихъ отвѣтныхъ выстрѣловъ.

Весь день слышались выстрѣлы то тутъ, то тамъ.

Хорунжій Ивановъ съ разъѣздомъ былъ окруженъ японцами въ пяти верстахъ отъ расположенія сотенъ и спасся только тѣмъ, что бросилъ лошадей и полѣзъ на крутую сопку, по которой ему удалось пробраться до своихъ, не потерявъ ни одного человѣка. Лошади тоже поскакали домой, но по нимъ, послѣ оклика, стали стрѣлять казаки на постахъ, такъ какъ уже тем-

нѣло и они не примѣтили, что лошади были безъ сѣдоковъ; двѣ офицерскія и одна казачья лошадь проскочили, а четыре вернулись назадъ и болѣе ихъ не видали.

Въ этомъ разѣздѣ принималъ участіе только что прибывшій изъ Оренбургскаго казачьяго училища, произведенный въ хорунжіе, Крылевскій. Одновременно прибылъ выпущенный изъ Пажескаго корпуса хорунжій Давыдовъ.

19 октября. Во время моего обѣда, въ двѣнадцать часовъ, затрещала усиленная перестрѣлка на нашей передовой заставѣ на Тай-цзы-хэ. Весь отрядъ былъ засѣдланъ и завьюченъ. Застава отступила и деревня, въ которой она стояла, была занята непріателемъ.

Наши выюки были отправлены назадъ въ пѣхотный лагерь, а мы двинулись навстрѣчу противника: рота Бугульминцевъ направилась къ сопкѣ влѣво отъ деревни, занятой японцами. Сотня князя Джандіери послѣдовала за нею лавою, тогда какъ сотникъ Бобровскій съ своей сотней наступалъ справа, со стороны скалистаго утеса надъ рѣкою. Послѣ непродолжительной перестрѣлки японцы отступили и мы снова поставили заставу, но болѣе сильную.

20 октября. Мои выюки вернулись только сегодня утромъ, хотя я посылалъ за ними вчера. Опять во время обѣда началась пальба на сопкѣ справа; какой безпокойный народъ эти японцы — не даютъ даже поѣсть какъ слѣдуетъ. Однако я выючить не позволилъ, пока не выяснятся обстоятельства. Пепино начинаетъ нервничать, а меня это изводитъ; я ему не простилъ его трусости въ д. Сяогусянцза, когда онъ сказалъ, что „моя итальянецъ и пули не любитъ“.

21 октября. И днемъ, и ночью раздаются одиночные выстрѣлы на сторожевыхъ постахъ, но это насъ болѣе не смущаетъ; ночью послѣ выстрѣла прислушиваешься, что будетъ дальше, и если не слѣдуетъ за нимъ учащеннаго огня, то переворачиваешься на другой бокъ и засыпаешь снова.

22 октября. Генераль Ренненкампфъ приказалъ сдѣлать развѣдки въ сторону Цзян-чана и Сяосыра и составить кроки мѣстности. Я предложилъ — исполнить послѣднюю работу. На развѣдку выступили одинъ взводъ 6-й сотни подъ командой хорунжаго Иванова внизъ по теченію Тай-цзы-хэ и рота Бугульминскаго полка по сопкамъ влѣво, по направленію къ Цзян-чану. Я отправился, въ сопровожденіи десяти солдатъ и десяти казаковъ,

на высокую сопку у Тай-цзы-хэ, влѣво, откуда долженъ быть обширный кругозоръ. У подножія горы мы встрѣтили спускавшихся казаковъ 3-й сотни съ урядникомъ; они сказали, что къ часовому подползли японцы, онъ не успѣлъ разглядѣть сколько и, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, побѣжалъ внизъ вмѣстѣ со всѣмъ постомъ, бросившимъ на мѣстѣ двѣ винтовки. Я приказалъ уряднику немедленно вернуться на свое мѣсто, разыскать во что бы то ни стало винтовки, о его же поступкѣ я доложу командующему полкомъ.

Мы поднимались на гору глубокой ложиной, пѣхотныхъ солдатъ я послалъ дозорами по правому и лѣвому гребнямъ; они удалились, но въ ста саженьяхъ выше мы ихъ увидѣли собравшихся всѣхъ вмѣстѣ покурить на днѣ ложины; на такихъ дозорныхъ нельзя было положиться, и я выслалъ на гребни спѣшенныхъ казаковъ; впрочемъ намъ всѣмъ скоро пришлось спѣшиться, такъ какъ впереди дороги не было и нужно было карабкаться по очень крутому скату. Позади насъ на близкомъ разстояніи послышалось нѣсколько выстрѣловъ, потомъ все смолкло. Когда мы достигли вершины сопки, отсюда развернулся чудный видъ. На западѣ видны были горы у Сяо-сыра, на юго-востокѣ—крутые извилины Тай-цзы-хэ, огибающія мысъ за д. Суйдунъ и далѣе у крѣпости Нантайцзы, по направленію къ Цзянчану. Въ это время наши разъѣзды уже встрѣтились съ передовыми частями непріятеля, который сталъ отступать, какъ только увидѣлъ наши цѣпи на сопкахъ. Много разъ я имѣлъ случай замѣтить, что достаточно было намъ показаться на сопкахъ, командующихъ ихъ расположеніемъ, чтобы заставить ихъ отойти назадъ. Я на-чертилъ кроки и панораму съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ наши разъѣзды были встрѣчены огнемъ непріятеля. Съ вершины были видны японскіе отряды у Суйдуна и верстахъ въ восьми ниже по теченію Тай-цзы-хэ. Былъ свѣжій, но солнечный день; утромъ я выѣхалъ совсѣмъ больной, а вернулся домой здоровымъ—горный воздухъ былъ такой живительный, что, несмотря на усталость отъ подъема, я сразу почувствовалъ себя лучше.

24 октября. Выпалъ первый снѣгъ. Во время развѣдки былъ легко раненъ командиръ роты Бугульминскаго полка.

Въ 9 часовъ вечера командующій полкомъ получилъ отъ начальника отряда извѣщеніе, что по дорогѣ изъ Дапиндушана, въ двухъ верстахъ отъ бивака Бугульминскаго полка, сторожевые посты увидѣли наступавшую непріятельскую пѣхоту и

два орудія. Было рѣшено немедленно уходить и присоединиться къ отряду. Меня объ этомъ извѣстили только тогда, когда всѣ сотни уже выступили. Оставаться одному въ деревнѣ было невозможно, потому что было приказано снять съ сопокъ сторожевое охраненіе и заставу у Тай-цзы-хэ. Я приказалъ сѣдлатъ и выючить, но вся эта исторія мнѣ казалась очень странною: отъ бивака, гдѣ находился начальникъ отряда, до насъ было около трехъ верстъ, а непріятель былъ виденъ въ двухъ верстахъ отъ бивака—значить, когда командующій полкомъ получилъ извѣщеніе, столкновение съ непріателемъ уже состоялось, развѣ только что онъ повернулъ и ушелъ назадъ—какъ же объяснить, что не было слышно ни одного выстрѣла.

Я съ моими выюками вышелъ изъ деревни одновременно съ пѣхотными постами, спустившимися съ сопокъ.

На бивакѣ пѣхоты стояли сотни въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Наконецъ узнали, что пѣхотные сторожевые посты приняли кучку манзѣ, шедшихъ по дорогѣ изъ Дапиндушана, за непріятельскій отрядъ, а арбы съ „мадами“ — за артиллерію. Вотъ изъ-за чего были сняты всѣ посты передового отряда и самый отрядъ отступилъ.

Было часа три утра, когда мы вернулись въ свои фанзы; насилу разбудили хозяина, чтобы отворить намъ ворота—онъ смотрѣлъ на насъ съ усмѣшкой, и мы вполнѣ заслужили, чтобы надъ нами смѣялись.

25 октября. Опять ясно и тепло. Чтобы пріохотить китайцевъ ловить рыбу, которой должно быть много въ Тай-цзы-хэ и ея притокѣ у Фудіалузы, я назначилъ очень высокую цѣну за каждую пойманную рыбку. Въ первый день мнѣ принесли пять мелкихъ форелей, за которыя деньги были уплачены по условію; на слѣдующій день уже явилась конкуренція, форель была крупнѣе и Пепино ее купилъ дешевле. Съ тѣхъ поръ установилась сходная цѣна и рыбу мнѣ приносили каждый день.

По утрамъ я дѣлалъ прогулки до нашей заставы на Тай-цзы-хэ и влѣво на сѣдловинѣ къ Дапиндушану.

28 октября. Съ утра слышалась довольно оживленная перестрѣлка къ сѣверо-западу. Это происходило на дорогѣ въ Гаолинцзы, гдѣ разъѣздъ подьесаула Гулевича встрѣтился съ хунхузами. Филипповъ, пріѣхавшій сейчасъ изъ Гаолинцзы, видѣлъ много нашихъ пустыхъ гильзъ, но хунхузовъ не встрѣ-

чалъ. Онъ рассказывалъ, что, по свѣдѣніямъ изъ главной квартиры, дѣйствіями нашего отряда подъ Бэнсиху мы заставили японцевъ стянуть туда до 35 тыс. и очистить позицію у Банюпузы.

30 октября. Опять началась перестрѣлка: въ семь часовъ утра—на сопкахъ справа, а въ девять—противъ заставы у Тай-цзы-хэ; на сопкѣ показались двѣнадцать японцевъ, три смотрѣли въ бинокли, остальные стрѣляли залпами по нашему посту, стоявшему на полугорѣ. Казаки отвѣчали на огонь японцевъ и черезъ нѣкоторое время они удалились. Вѣроятно офицеры производили рекогносцировку нашихъ позицій.

Получено предложеніе генерала Ренненкампа—офицерамъ нашего коннаго отряда сдѣлать пробѣгъ въ семьдесятъ пять верстъ, отъ нашего расположенія до Гаолинцзы и назадъ, а Аргунцамъ въ обратномъ направленіи. Я записалъ своего карабаха Али и сейчасъ же началъ его готовить. На первый разъ я съѣздилъ рысью и наметомъ на наши заставы—послѣ продолжительнаго отдыха нужно было втягивать коня съ осмотрительностью.

В. ст. Трухинъ былъ назначенъ начальникомъ Фудіалузской передовой позиціи; кромѣ нашихъ сотенъ у него было еще двѣ роты Бугульминскаго полка, занимавшія три поста на сопкахъ справа и одинъ слѣва. Я предложилъ ему, вмѣсто конныхъ разъѣздовъ, высылать отъ заставъ пѣшіе патрули для наблюденія съ вершинъ сопкоу. Преимущество пѣшихъ патрулей то, что они могли взбираться на самыя высокія сопки, откуда видны дѣйствія и движенія непріятеля, не выдавая своего присутствія, тогда какъ конные разъѣзды, попавшіе подъ выстрѣлы, уходя въ назадъ, не имѣвъ возможности выяснить, кто въ нихъ стрѣлялъ и сколько тамъ было непріятеля. Было особенно важно наблюдать съ вершины массива на югѣ въ сторону Цзян-чана, такъ какъ оттуда слѣдовало ожидать наступленія противника.

31 октября. Шелъ мокрый снѣгъ цѣлый день. У меня опухли железы на шеѣ, болѣло горло, было общее недомоганіе. Очень жалѣлъ, что не могъ самъ проѣздить Али.

1 ноября. Было ясно, морозно; несмотря на нездоровье, я сдѣлалъ пробѣгъ къ ханшинному заводу и обратно перемѣнными аллюрами, но преимущественно наметомъ—лошадь была взмылена, но пахи работали равномерно; я самъ себя чувствовалъ прекрасно; кромѣ благотѣльнаго спорта, я былъ этому обязанъ

также тѣми заграничными средствами, которыми меня снабдила жена. У нашихъ военныхъ врачей не было даже скипидару, кастороваго масла, недоставало иногда хинина и средствъ отъ простуды и болѣзней желудка, а военно-медицинское начальство не позволяло снабжаться у Краснаго Креста, къ которому приходилось обращаться поневолѣ.

Пріохоченные хорошей платой китайцы ловили рыбу въ нашей рѣчкѣ наметомъ; кромѣ форели попадалась и другая рыба, довольно крупная и очень вкусная. Пепино изощрялся въ приготовленіи ея на разные лады.

4 ноября. Пріѣхалъ генераль Ренненкампфъ и завтракалъ въ штабѣ полка, я былъ тоже приглашенъ. Онъ общалъ пріѣхать на-дняхъ въ Фудіалузы и взобраться со мною на ту сопку, откуда я чертилъ кроки, чтобы ознакомиться съ расположеніемъ непріятеля.

Для проѣздки Али я сопровождалъ генерала до его стоянки у ханшиннаго завода—мы шли наметомъ и проскакали 6 верстъ въ 22 минуты; я сдѣлалъ этотъ пробѣгъ туда и обратно въ 40 минутъ.

Въ ночь съ 5 на 6 ноября я получилъ предписаніе: „Въ семь съ половиною часовъ утра вести сотни на бивакъ Бугульминскаго полка и присоединиться къ отряду в. ст. Трухина—въ составѣ четырехъ сотенъ Нерчинскаго полка, охотничьей команды Бугульминскаго полка и четырехъ конно-горныхъ орудій“.

На бивакѣ мы не задержались и направились по ущелью на юго-востокъ. Подходя къ д. Тиндяюй, въ одиннадцати верстахъ отъ бивака, гдѣ была назначена ночевка, въ авангардѣ началась перестрѣлка. Къ вечеру перестрѣлка усилилась, одинъ артиллеристъ былъ раненъ въ деревнѣ, гдѣ мы стояли.

Наши охотники увидѣли съ сопки подъѣзжавшій къ д. Тиндяюй японскій конный разъѣздъ; они пропустили его и сошли ближе къ дорогѣ, чтобы встрѣтить на обратномъ пути съ близкаго разстоянія. Японцы, обстрѣлянные съ фронта, вернулись назадъ, и тутъ, изъ засады, охотники дали по нимъ залпъ. Два кавалериста упало, двѣ лошади были подбиты, но за темнотой нельзя было видѣть, оставлены ли упавшіе японцы или унесены товарищами.

Изъ штаба отряда, въ д. Маціэнцзе, было получено приказаніе занять до разсвѣта Ченхалинскій переваль.

Командующій полкомъ поручилъ исполненіе этой трудной

задачи есаулу кн. Меликову со 2-й Нерчинской сотней и охотничьей командой Бугульминского полка; выступленіе было назначено въ 5 часовъ утра, остальнымъ сотнямъ съ артиллеріей въ 6 часовъ.

7 ноября. Въ 5 часовъ, когда было еще совсѣмъ темно, кн. Меликовъ раздѣлилъ охотниковъ на двѣ партіи и выслалъ ихъ впередъ по сопкамъ съ обѣихъ сторонъ долины; самъ онъ выступилъ съ сотней получасомъ позже.

Пока выводили лошадей и строились, во дворъ, гдѣ помѣщался перевязочный пунктъ, былъ принесенъ трупъ убитаго вчера вечеромъ японскаго кавалериста. На немъ былъ черный мундиръ съ красными гусарскими шнурами, красные штаны, на лѣвой рукѣ были два кожаныхъ браслета, одинъ съ часами, другой съ компасомъ; въ сумкѣ находилась карта восточной Манчжуріи, отъ Фын-хуан-чена до Син-цзин-тина, съ названіями деревень по-японски и по-русски, три мѣшечка съ рисомъ, подкрѣпительныя лепешки, вѣроятно „кола“; въ кобурахъ сѣдла—двѣ пары запасныхъ подковъ въ особомъ кожаномъ футлярѣ, инструментъ дляковки и длинная пила, свернутая въ спираль, для спиливанія деревьевъ или телеграфныхъ столбовъ и смѣна бѣлья. Надѣтое на немъ бѣлье, вязаные фуфайка и подштанники были совершенно чистые. Чтобы похоронить его, было оставлено шесть казаковъ.

Начинало свѣтать, когда мы выступили. По дорогѣ видѣли въ кустахъ двухъ раненыхъ японскихъ лошадей—онѣ были китайской породы. Мы думали ихъ пристрѣлить, но потомъ рѣшили предоставить манзамъ ихъ вылечить, если можно или—прирѣзать и полакомиться кониной.

Въ семь часовъ тридцать минутъ утра раздалась первые выстрѣлы у Меликова и сейчасъ же началась ожесточенная перестрѣлка. Нашъ отрядъ остановился и спѣшился въ ожиданіи донесеній. Я не вытерпѣлъ и пошелъ пѣшкомъ впередъ. Пули уже начинали посвистывать по узкому ущелью, ведущему къ перевалу. Навстрѣчу шелъ урядникъ, посланный Меликовымъ къ командующему полкомъ съ донесеніемъ. Перевалъ былъ занятъ, но требовалось немедленно подкрѣпленіе. Въ это время подошелъ гр. Келлеръ со спѣшенной 5-й сотнею и передалъ мнѣ, что онъ присланъ въ мое распоряженіе, что командующій полкомъ приказалъ мнѣ принять начальство надъ передовыми сот-

нами и держаться на перевалѣ до прихода остальныхъ частей отряда.

Мы пошли къ подножію сопки, на которой шелъ бой. Келлеръ со своими казаками сталъ быстро подниматься по крутой колѣнчатой дорогѣ, я послѣдовалъ за ними, съ трудомъ поспѣвая за молодежью.

Кн. Меликовъ находился на перевалѣ, въ углубленной дорогѣ на самой сѣдловинѣ горы. Влѣво отъ него залегла часть охотничьей команды подъ начальствомъ заурядъ-прапорщика. Казаки занимали лѣсистый гребень горы вправо. Всѣ стрѣляли пачками по непріятелю, засѣвшему въ восьмистахъ шагахъ на противоположной сопкѣ. Лѣвая партія охотниковъ, съ начальникомъ команды, до сихъ поръ не подошла, застрявъ на сопкахъ, пересѣченныхъ глубокими падами.

Вскорѣ послѣ того какъ кн. Меликовъ выступилъ изъ Тиндяюй, онъ нагналъ охотниковъ, шедшихъ по сопкамъ справа; видя, какъ тихо они подвигались, онъ приказалъ имъ спуститься на дорогу и такимъ образомъ они подошли къ подъему на перевалъ одновременно съ казаками. Здѣсь Меликовъ послалъ охотниковъ и одинъ взводъ казаковъ занять сопки по обѣимъ сторонамъ перевала и при ихъ содѣйствіи сбиль стоявшую на перевалѣ японскую заставу въ двадцать человѣкъ. Она поспѣшно отошла назадъ къ другой сопкѣ, гдѣ было отъ 250 до 300 ч. непріятельской пѣхоты; нѣсколько разъ японцы пытались выбить нашъ маленькій отрядъ изъ занятой имъ позиціи, но были отражены.

Непонятно, отчего японцы, зная о нашемъ приближеніи, не держали болѣе сильнаго отряда на перевалѣ, составлявшемъ ключъ позиціи, такъ какъ онъ командовалъ надъ прочими высотами. Мы могли въ этомъ убѣдиться теперь, защищая его отъ вдвое, сильнѣйшаго противника.

Казакъ изъ цѣпи въ лѣсу доложилъ, что японцы перебѣгли на сопку за нашимъ правымъ флангомъ—я туда направилъ Келлера съ 5 сотней.

Въ донесеніи начальнику отряда я просилъ послать полуроту пѣхоты, правѣ занимаемой нами позиціи для охвата лѣваго фланга противника; это заставило бы его покинуть сопку, съ которой онъ угрожалъ нашему флангу при движеніи на Уйцзы-юйцзы.

Въ половинѣ десятаго подошелъ къ намъ в. ст. Трухинъ;

конно-горная батарея осталась внизу при одномъ взводѣ прикрытія и коноводахъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго сталъ подходить отрядъ генерала Экка. Вызвана на перевалъ конно-горная батарея. Она открыла огонь по непріятелю, продолжавшему насъ обстрѣливать съ гребня сопки, покрытаго кустарниками.

Сотникъ Ланшаковъ, только что прибывшій сюда съ разѣздомъ изъ главной квартиры, былъ раненъ пулей въ плечо въ то время, какъ онъ смотрѣлъ въ бинокль на позицію непріятеля.

Японцамъ, вѣроятно, досталось отъ нашей артиллеріи—они небольшими кучками сбѣгли внизъ.

Сбить непріятеля съ этой сильной позиціи, съ незначительными потерями, намъ удалось, благодаря быстрому и смѣлому занятію перевала княземъ Меликовымъ.

Ночью, когда мы выступали, было очень холодно, теперь же на солнцѣ совсѣмъ жарко—не знаешь, во что одѣваться.

Приказано казакамъ перейти въ наступленіе, но пѣхота и 8-я горная батарея, на выюкахъ, такъ запрудили подъемъ, что коноводы не могли ихъ миновать. Начальникъ отряда, генераль Эккъ, насъ торопилъ, его начальникъ штаба, полковникъ Скалонъ, самъ хлопоталъ, чтобы дали дорогу коноводамъ, но прошло добрыхъ полтора часа, прежде, чѣмъ они выбрались наверхъ и мы спустились въ долину; пѣхота шла за нами на разстояніи двухъ верстъ.

Не доходя Уй-цзы-юйцзы, авангардъ далъ знать, что на крутую сопку у городка забралась сотня японцевъ. Батарея укрылась подъ самый утесъ, одна сотня въ конномъ строю заѣхала на сопку справа по пологому подъему, а спѣшенная сотня гр. Келлера полѣзла напрямикъ. На вершинѣ японцевъ не оказалось, они насъ не дождались.

Мы вошли въ городокъ—въ немъ были прекрасныя каменные импани и богатыя фанзы. Только что мы стали устраиваться въ просторной фанзѣ съ чистыми циновками на канахъ, пришелъ отъ начальника отряда Трухинъ и передалъ гр. Келлеру приказаніе идти съ 5-й сотней за 8—10 верстъ по направленію къ Цзян-чану, а намъ продвинуться впередъ до деревни на 6 верстъ, въ сторону Дапиндушана.

Всѣ были недовольны уходить изъ такого прекраснаго мѣста, гдѣ былъ избытокъ фуража, куръ, яицъ; если бы хорошенько по-

искать, то пожалуй нашли бы и муки. Генераль былъ непреклоненъ; удалось только убѣдить его, чтобы онъ оставилъ у себя конно-горную батарею—съ нею было бы слишкомъ много возни, если бы пришлось ломать перевалы.

Ночь была лунная, морозная. Мы переправились черезъ рѣчку, вошли въ узкое ущелье, гдѣ на каждомъ шагу могли бы попасть въ засаду.

Деревушка, въ которой мы остановились, состояла изъ пяти или шести дворовъ; наша фанза вмѣстила всѣхъ офицеровъ, было только довольно грязно. Хлѣбосоль Меликовъ насъ накормилъ ужиномъ.

8 ноября. Рано утромъ было послано донесеніе нач. отр. Урядникъ, отвозившій донесеніе, вернулся въ 10 ч. утра съ предписаніемъ отступать немедленно черезъ Дапиндушанъ и присоединиться къ отряду въ Маціэнзахъ. Оказалось, что нашъ отрядъ долженъ былъ отступить къ Ченхулинскому перевалу подъ натискомъ непріятеля и что путь на Уй-цзы-юйцзы уже былъ отрѣзанъ—урядникъ проскакалъ по ущелью, все время преслѣдуемый выстрѣлами. Нападеніе было произведено на разсвѣтѣ, японцы обстрѣливали городъ съ ближайшихъ сопокъ—пришлось выючить и выводить коней подъ градомъ пуль. Ген. Ренненкампфъ говорилъ потомъ, что онъ не успѣлъ даже напиться чаю—это лучшее доказательство, что держаться тамъ было невозможно.

Рота въ передовомъ охраненіи вела отчаянный бой, но противникъ былъ много сильнѣе, и пришлось отступить, потерявъ шесть убитыми и двадцать три ранеными.

Много помогла успѣшному отступленію 8-я горная батарея, занявшая съ вечера позицію на той сопкѣ у города, которую казаки штурмовали вчера. Она подпустила на близкое разстояніе японскую колонну въ два баталіона, вышедшую на равнину, и открыла по ней огонь шрапнелью—японцы понесли большія потери и были остановлены въ наступательномъ движеніи ¹⁾.

Первыя восемь верстъ мы прошли крупной рысью, затѣмъ перешли въ шагъ, но такъ какъ впереди колонны ѣхалъ командующій полкомъ на своемъ шагистомъ буромъ конѣ, то всей

¹⁾ Много времени спустя я узналъ, что на этой батарее находился племянникъ моей жены, поручикъ кн. Голицынъ; онъ меня видѣлъ вчера издали во время дѣла, но подойти не могъ.

колоннѣ пришлось почти все время идти рысцой, чтобы отъ него не отставать.

По свѣдѣніямъ китайцевъ, въ Дапиндушанѣ былъ отрядъ японцевъ, нѣкоторые говорили—до двухъ тысячъ. Не зная обходной дороги, мы шли впередъ. Японцевъ однако не оказалось, они стояли неподалеку, по дорогѣ на Малюпау, но часто приходили въ Дапиндушанъ; вотъ отчего получались постоянно разнорѣчивыя свѣдѣнія отъ лазутчиковъ: одни говорили, что Дапиндушанъ занятъ непріятелемъ, другіе,—что онъ свободенъ.

Послѣ десяти минутъ привала мы двинулись на перевалъ Ляо-чен-гоу. По дорогѣ въ двухъ мѣстахъ были японскіе окопы въ нѣсколько ярусовъ, обращенные на западъ. Теперь мы зашли имъ въ тылъ, такъ какъ отъ Дапиндушана мы свернули къ за-

125. Панорама нашихъ и японскихъ позицій на Тай-цзы-хэ.

1. Сягоулинцзы.
2. Суйдунъ.

паду, тогда какъ до сихъ поръ путь нашего наступленія лежалъ на югъ и юго-востокъ.

Скоро начался крутой подъемъ на перевалъ—вотъ когда можно было радоваться, что съ нами не было батарей.

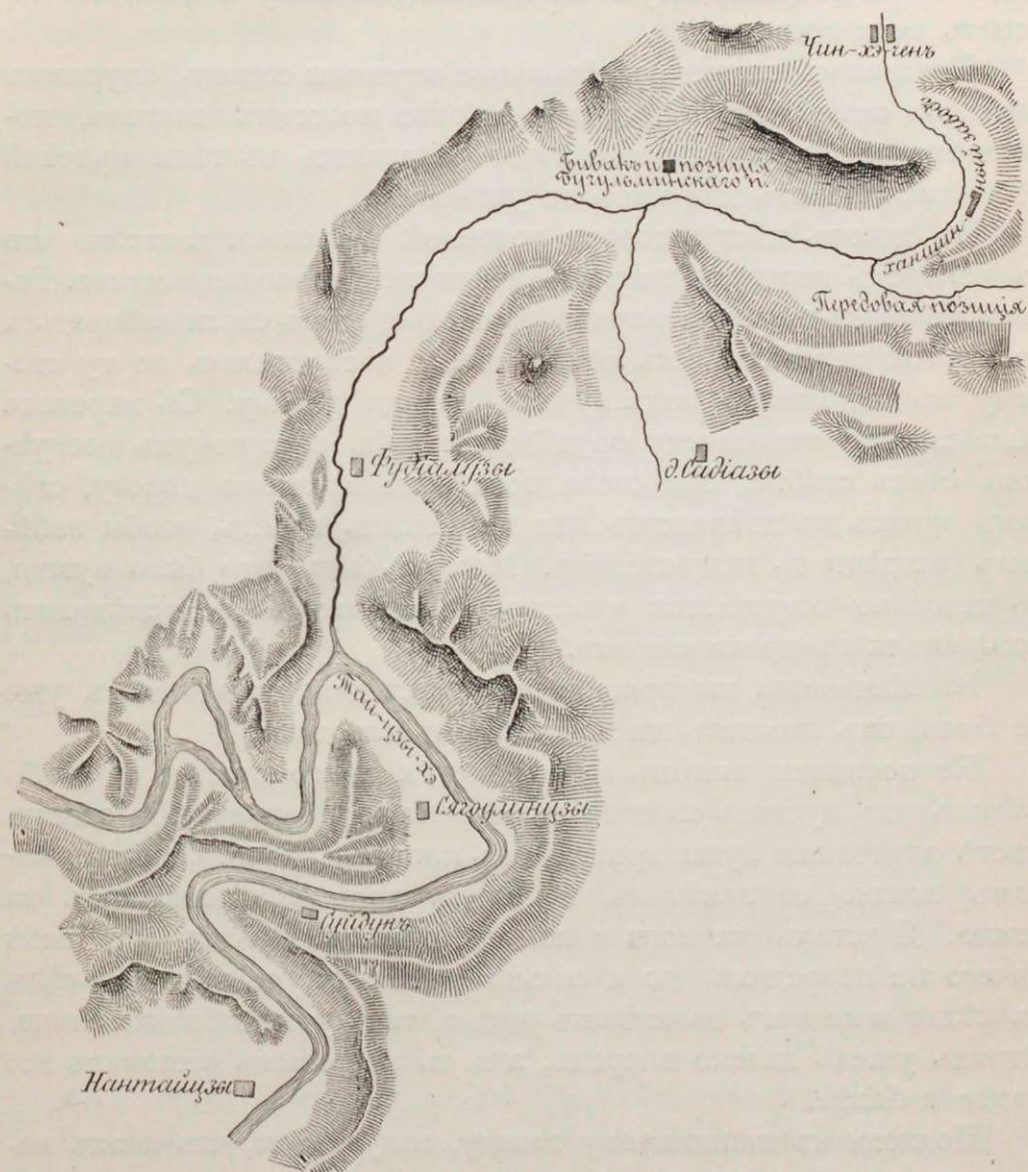
У подножія горы стоялъ крестъ около свѣже насыпанной могилы—здѣсь былъ убитъ японцами офицеръ Амурской сотни, попавшій въ засаду.

Уже ночью, миновавъ перевалъ, на которомъ стояла застава Амурскихъ казаковъ, мы подошли къ расположенію 2-й Амурской сотни. Командиръ и офицеры были крайне любезны, предложили закусить и переночевать въ ихъ маленькой фанзѣ.

Командующій полкомъ хотѣлъ идти дальше, но его угово-

рили прождать здѣсь до утра, такъ какъ наступилъ жестокий морозъ и дорога, безъ того уже трудная, сдѣлалась при гололедицѣ опасною для движенія, въ особенности ночью.

9 ноября. Мы выступили въ пять часовъ утра. Несмотря

126. Японскія и наши позиціи на Тай-цзы-хэ.

на полнолуніе, въ глубокомъ ущелии, по которому мы слѣдовали, было совсѣмъ темно.

У Амурцевъ сегодня утромъ термометръ показывалъ—12°Р.

Дорога шла вдоль замерзшей рѣчки, которую часто пересѣкала; лошади, не кованыя на шипахъ, скользили и падали, мы

часто теряли дорогу и приходилось ее искать, плутая по мерзлымъ вспаханнѣмъ полосамъ земли, пробираясь черезъ кустарники, хлеставшіе въ глаза обледенѣлыми прутьями. Съ радостью слѣдили мы за приближеніемъ разсвѣта, хотя было также трудно подвигаться впередъ, оступаясь на каждомъ шагу и опасаясь поломать ноги лошадамъ.

Показалось солнце, освѣщавшее вершины сопокъ, спускаясь ниже по скалистымъ грядамъ до болѣе пологихъ скатовъ, поросшихъ лѣсомъ, а мы еще долго оставались въ тѣни мрачной тѣснины и морозъ для насъ не унимался.

Въ одномъ мѣстѣ дозоры головной, 2-й сотни донесли, что въ четырехъ верстахъ впереди показалась японская застава. Голова колонны свернула вправо въ ущелье; опять стали взбираться на крутой перевалъ, весь обледенѣлый, и спустились по ту сторону въ оттаявшую подъ лучами солнца долину. Съ перевала была слышна неподалеку орудіяная пальба. внизу звукъ выстрѣловъ сталъ слабѣе. Мы снова попали на прежнюю дорогу, сдѣлавъ крюкъ въ двѣнадцать или пятнадцать верстъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ непріятелемъ. Можетъ быть, это было нужно, но невольно ощущается чувство обиды, что мы не осмѣлились помѣриться съ противникомъ.

Въ Маціэнцзы мы пришли въ 2 часа дня; отряда тамъ уже не было, онъ отошелъ къ ханшиннымъ заводамъ.

Не поспѣвая шагомъ за сотнями, я много отсталъ и, чтобы нагнать ихъ, пустилъ своего карабаха Али въ карьеръ. Въ одномъ мѣстѣ замерзшая лужа протянулась поперекъ дороги, но я слишкомъ поздно ее замѣтилъ, и мы съ лошадыю покатались на землю. Я всталъ на ноги и помогъ подняться Али; онъ себѣ ничего не повредилъ, но я сильно расшибся, съ трудомъ сѣлъ въ сѣдло и не могъ даже ѣхать рысью, такъ у меня болѣла спина. Отрядъ ушелъ далеко впередъ, а я съ вѣстовымъ отставалъ все болѣе и болѣе.

Подходя къ ханшинному заводу, мы увидѣли, что полкъ направлялся на Фудіалузы; я былъ очень радъ вернуться на прежнюю квартиру и послалъ вѣстового на заводъ, чтобы вернуть выюки, если они тамъ оставались, а самъ потихоньку продолжалъ путь домой.

Хотя хозяевамъ моей фанзы я платилъ широко за помѣщеніе и все, что они мнѣ доставляли, они не выказывали ни ра-

дости, ни недовольства при моемъ возвращеніи; во мнѣ все болѣе укоренялось убѣжденіе, что они хунхузы.

Было пріятно напитокъ чаю и вытянуться на канахъ, болѣла только очень спина.

10 ноября. Мы уже давно замѣтили привычку японцевъ отдавать намъ визиты тотчасъ послѣ каждаго посѣщенія; я думалъ однако, что ранѣе двухъ, трехъ дней они не появятся. Поэтому я рѣшилъ сегодня отдохнуть хорошенько и началъ съ горячей ванны; спина болѣла меньше, но по всему тѣлу я чувствовалъ ломоту. Пепино купилъ форели и готовилъ вкусный обѣдъ. Было десять часовъ утра, какъ вдругъ на передней заставѣ у Тай-цзы-хэ завязалась и все усиливалась перестрѣлка. Казакъ прискакалъ оттуда въ полкъ сказать, что застава была

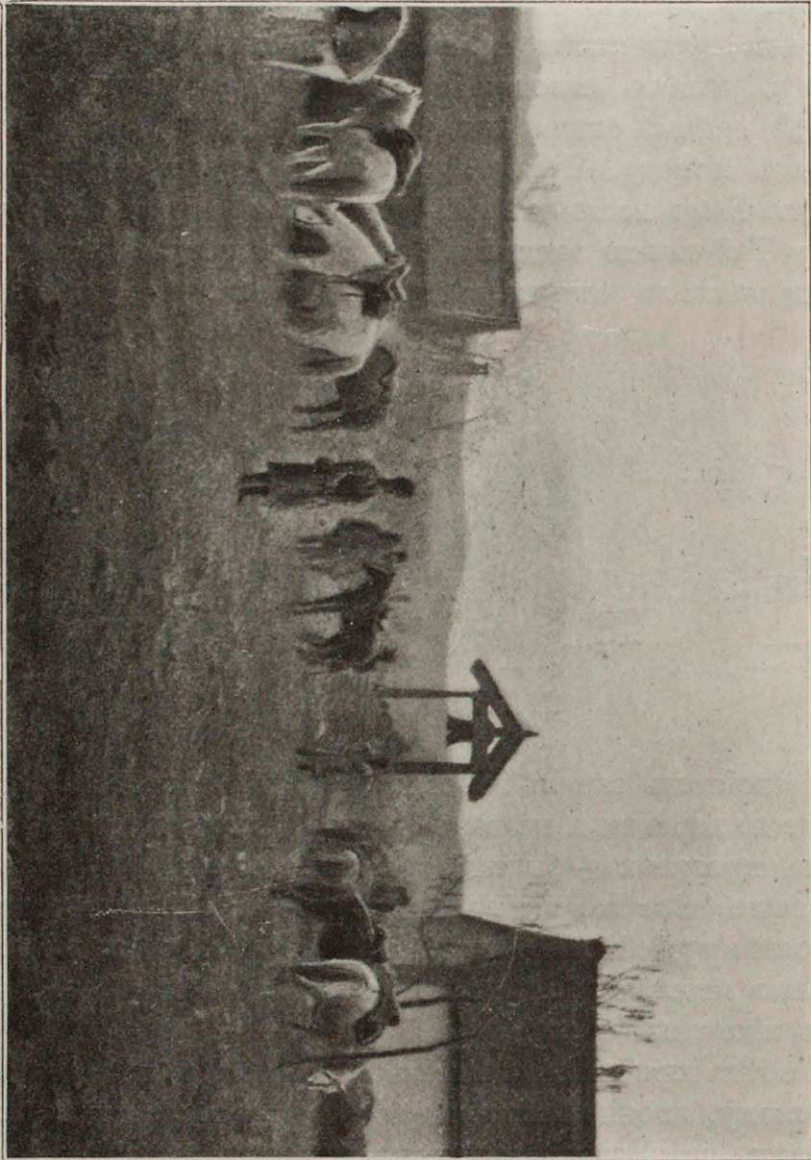
127. Фудіалузы въ снѣгу.

сбита и непріятель занялъ деревню и ближайшую сопку къ югу. Разстояніе до деревни я не разъ мѣрилъ шагами во время моихъ утреннихъ прогулокъ—было ровно 2800 шаговъ, съ сопки немного дальше. Все же мы въ Фудіалузахъ были отъ непріятели на разстояніи ружейнаго выстрѣла и держаться тамъ конному отряду было невозможно. Всѣ сотни, кромѣ пятой, были отправлены въ пѣхотный лагерь.

Отъ обѣда пришлось отказаться—онъ еще не былъ готовъ, а, повидимому, японцы перешли въ рѣшительное наступленіе и не позволяютъ намъ здѣсь задержаться.

Полурота заняла сопки налѣво, ее намъ не видно и поэтому мы не будемъ знать, когда она отступитъ и обнажитъ нашъ лѣвый флангъ. Я предложилъ командующему полкомъ поставить тамъ промежуточный постъ, который предупредилъ бы насъ о передвиженіи этой части. Околица нашей деревни занята другою полурою.

Наша застава у Тай-цзы-хэ была отъ 2-й сотни; когда она была сбита непріателемъ, то отступила влѣво къ мѣсту расположенія второй заставы, противъ перевала на Дапиндушанъ, въ небольшой деревушкѣ. Недалеко впереди, на ровномъ мѣстѣ,

128. Передовая застава у Тай-цзы-хэ.

возвышалась небольшая круглая сопка, на которой раньше стоялъ нашъ наблюдательный постъ. Урядникъ второй сотни (кажется Нерадовскій) замѣтилъ, что съ непріательской позиціи отдѣлилось три пѣхотинца; они пробирались къ этой сопкѣ, вѣроятно, чтобы разсмотрѣть наше расположеніе. Урядникъ по-

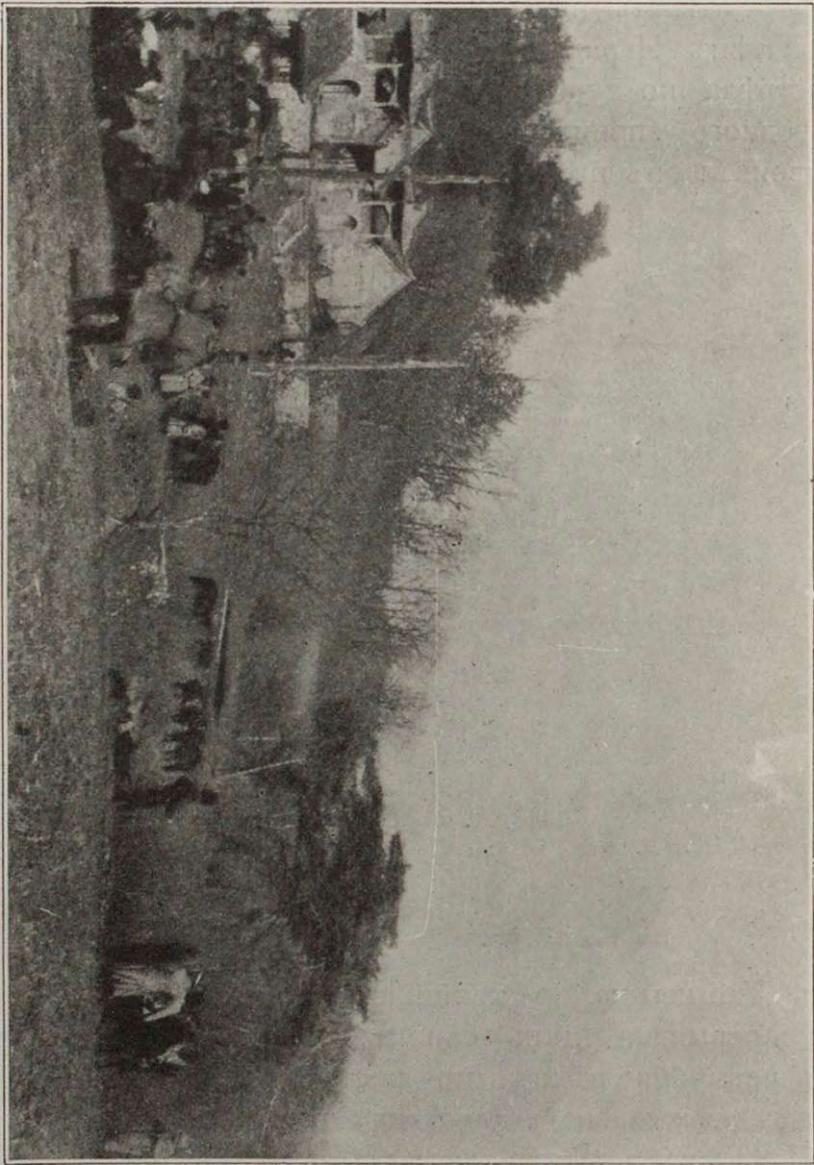
дошелъ къ ней съ другой стороны и сталъ подниматься, держа винтовку наготовѣ. Мы смотрѣли на это въ бинокль и не понимали, отчего Нерадовскій пошелъ одинъ противъ трехъ. Дойдя до вершины, онъ быстро отскочилъ назадъ, сталъ на одно колено и приложился. Съ той стороны показался японецъ, но онъ не успѣлъ сдѣлать шагу впередъ, какъ пуля его сразила на мѣстѣ. Затѣмъ Нерадовскій взбѣжалъ на сопку и сдѣлалъ еще два выстрѣла по ту сторону. Мы видѣли убѣгавшаго назадъ только одного японца—значить, молодчина урядникъ уложилъ сразу двоихъ; онъ принесъ потомъ ихъ винтовки.

129. Казачій постъ у кумирни на Тай-цзы-хэ.

Отъ Тай-цзы-хэ до ханшиннаго завода тянулась, правѣе насъ, непрерывная цѣпь сопокъ, охраняемыхъ въ разныхъ мѣстахъ четырьмя пѣхотными постами. Самый важный постъ былъ надъ рѣкою, на скалистомъ, почти отвѣсномъ, высокомъ утесѣ. Пока онъ держался, до тѣхъ поръ доступъ на эти сопки былъ очень затруднительный для непріятеля и не обошелся бы для него безъ большихъ потерь. До сихъ поръ этотъ постъ не принималъ участія въ дѣлѣ, хотя онъ находился какъ разъ надъ деревней, занятой японцами, и могъ бы причинить имъ немало непріятности. Вдругъ солдаты этого поста безъ выстрѣла бросили свое мѣсто и стали спускаться въ долину. Келлеру,

вышедшему имъ навстрѣчу, они сказали, что слышали сигналъ „отступленіе“. Онъ ихъ отправилъ назадъ и пригрозилъ отдачей подъ судъ, если они уйдутъ съ поста, не будучи атакованы непріателемъ; но было уже поздно, японцы завладѣли постомъ

130. Отрядъ ген. Эйка на Ченхалинскомъ перевалѣ.

и стали быстро подвигаться по правымъ сопкамъ, обстрѣливая Фудіалузы съ двухъ сторонъ.

Въ то время, какъ 5-я сотня выводила лошадей изъ дворовъ, мы стояли на улицѣ и разглядывали японцевъ въ бинокль; рядомъ съ нами какой-то манза работалъ на компостной кучѣ;

вдругъ казаки схватили его и вырвали изъ рукъ кусокъ зеркала, которымъ онъ дѣлалъ сигналы непріятелю, запуская „зайчика“, какъ дѣлають дѣти. Командующій полкомъ приказалъ его отвести въ штабъ отряда.

131. Генераль Эккъ на Ченхалинскомъ перевалѣ.

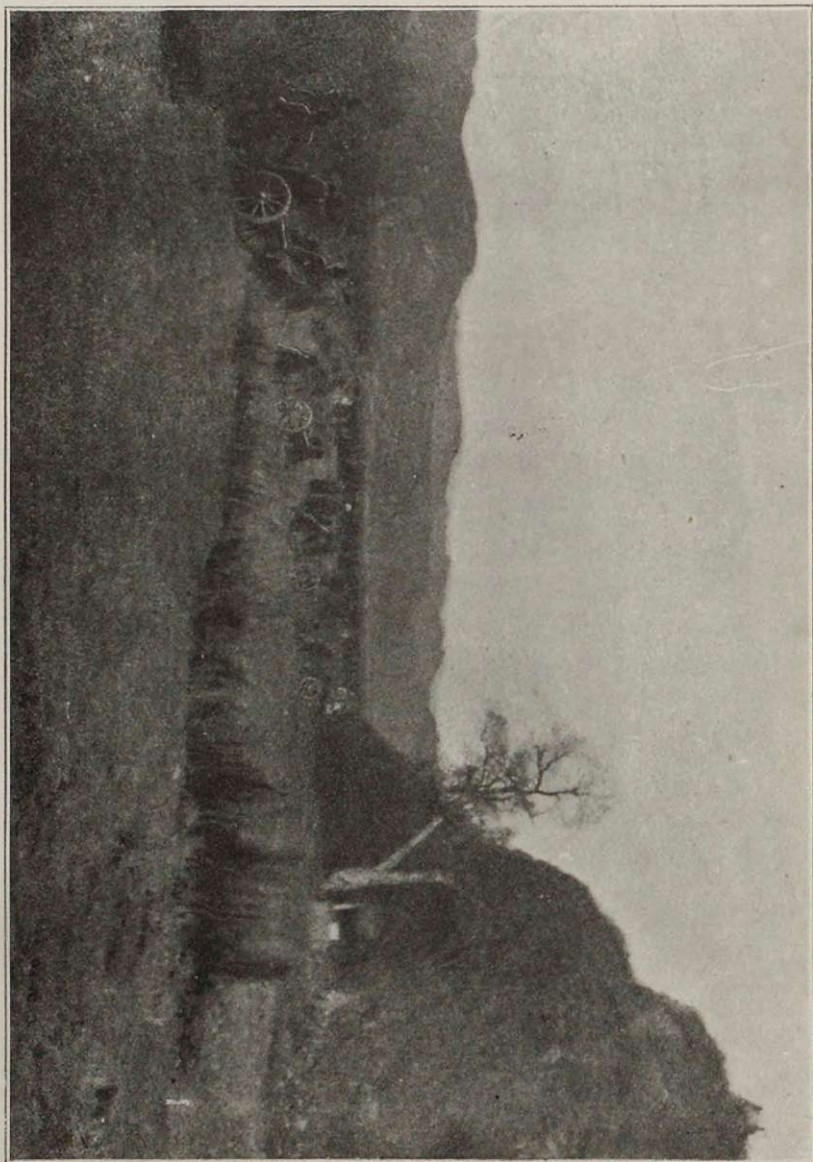
Одновременно съ нами отступили Бугульминцы, занимавшіе околицу деревни и всѣ посты на сопкахъ.

Мы отошли и стали у позиціи пѣхоты, ожидая приказаній. Передъ вечеромъ я проѣхалъ на ханшинный заводъ къ генералу Ренненкампу. Генераль считалъ нашу позицію очень сильною и находилъ возможнымъ держаться на ней продолжи-

тельное время противъ непріятеля, превосходящаго насъ силами.

Филипповъ, стоявшій здѣсь съ 1-й сотней, предложилъ мнѣ ночевать у себя въ фанзѣ; я отказался, не зная, какія будутъ

132. Стрѣльба конно-торной батареи по наступающему непріятелю.

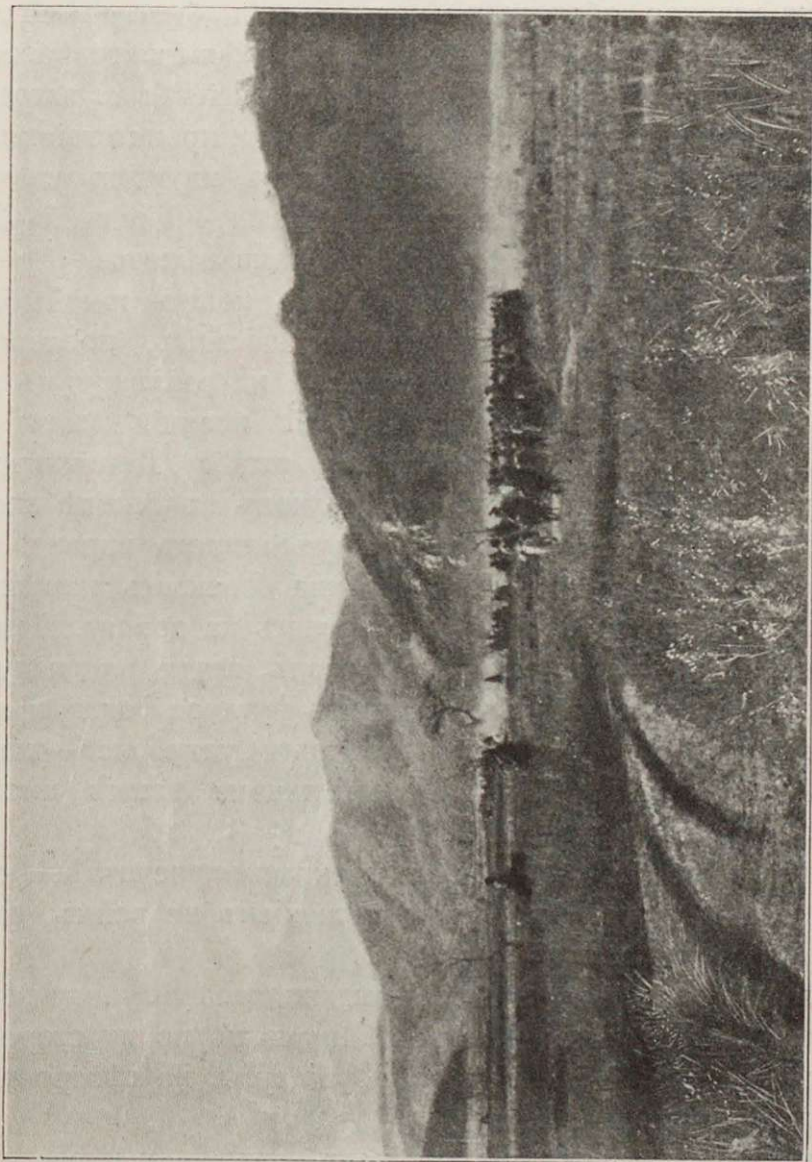

распоряженія начальника отряда. Пока мы разговаривали, прибылъ казакъ съ предписаніемъ отъ Трухина принять начальство надъ сотнями и отвести ихъ на ночлегъ въ д. Са-діазы.

Офицеры размѣстились въ двухъ фанзахъ, въ одной былъ

хозяиномъ Меликовъ, въ другой Келлеръ, въ послѣдней помѣстился командующій полкомъ.

11 ноября. Ночь прошла спокойно. Получены свѣдѣнія, что непріятель наступалъ по дорогѣ отъ Дапиндушана и уже за-

133. „Удирайло“.

нялъ д. Валюхе, въ пяти верстахъ отъ нашего расположенія.

Наши разъѣзды отступали, отстрѣливаясь отъ насѣдавшего противника; застава тоже отошла назадъ.

Прикрывая конно-горную батарею, мы заняли артиллерійскую позицію внизу, у выхода дороги изъ Валюхе на попереч-

ную долину, позади которой находилась Чинхеченская позиція Бугульминскаго полка. Командиръ батареи, ротмистръ Созонтовичъ, влѣзъ на сопку, откуда онъ руководилъ огнемъ. Непріятельскія колонны уже показались. Наша стрѣльба была очень удачная и японцы скрылись за сопками.

Наша главная оборонительная позиція была въ сѣдловинѣ между двумя горными массивами, позади бивачнаго расположенія Бугульминскаго полка. Подступы къ ней были заграждены волчьими ямами и другими искусственными препятствіями. Противуположныя сопки по сторонамъ долинъ, идущихъ на югъ къ Фудіалузамъ, и на юго-востокъ къ Валюхе—Тиндяюй—Дапиндушанъ, были заняты передовыми отрядами пѣхоты.

Послѣ отраженія непріятеля огнемъ конно-горной батареи наши сотни были переведены на лѣвый флангъ, по дорогѣ на Маціэнцзы, кромѣ 5-й сотни, посланной на развѣдку къ Фудіалузамъ. Начальникомъ авангарда лѣвой позиціи былъ назначенъ подполковникъ генеральнаго штаба Деникинъ; онъ ѣхалъ рядомъ съ командующимъ полкомъ въ головѣ колонны; когда мы поравнялись съ ущельемъ, уходящимъ вправо, оттуда былъ данъ въ насъ залпъ. Вся колонна бросилась наметомъ въ сторону, но скоро оправилась и вернулась на дорогу. Деникинъ остановился въ моментъ залпа и сказалъ, глядя на скачущихъ: „Что это такое“? Я успѣлъ вынуть изъ футляра фотографическій аппаратъ и сдѣлалъ интересный снимокъ „удирайла“—какъ называютъ китайцы то, что на официальном языкѣ именуется „поспѣшнымъ отступленіемъ“.

Деникинъ произвелъ на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе своимъ спокойствіемъ, внимательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ сообщеніямъ подчиненныхъ и храбростью.

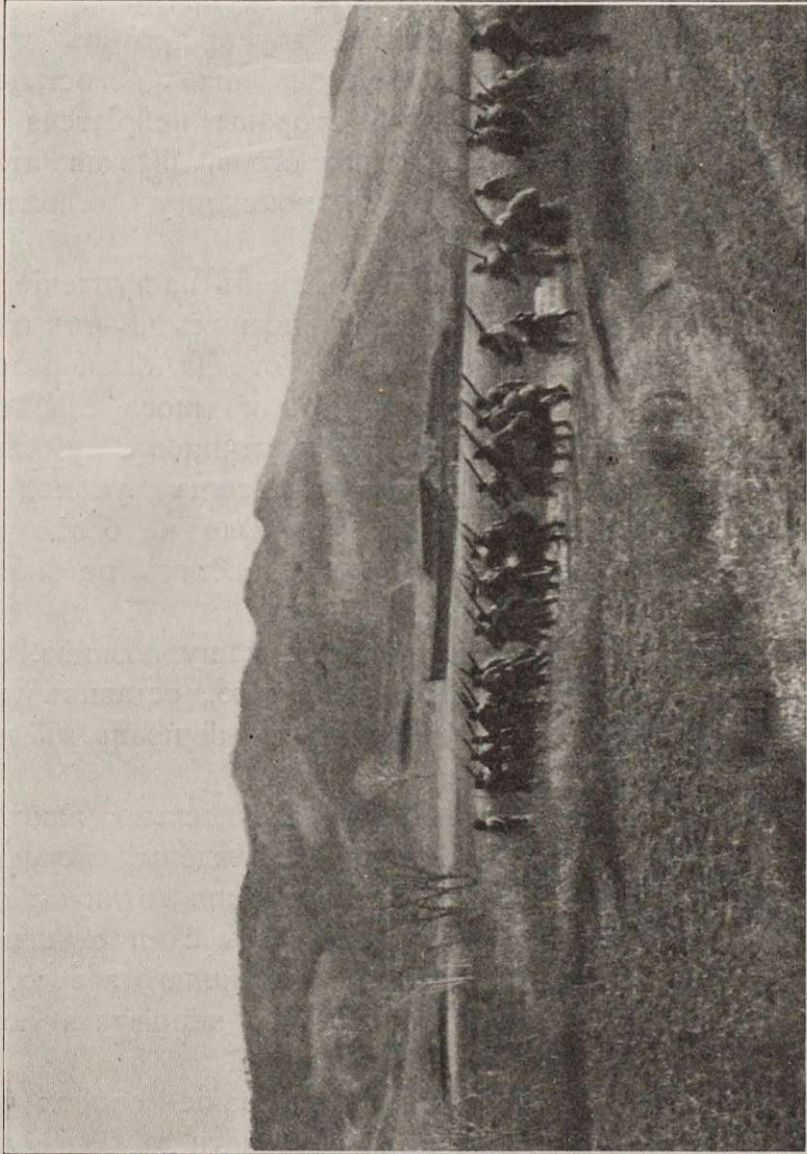
Наша лѣвофланговая позиція выдвинулась уступомъ впередъ; она была перекинута на нагорную площадь по ту сторону долины, идущей отъ Тай-цзы-хэ, у Фудіалузы, на сѣверо-востокъ по направленію къ Маціэнцзы.

Бугульминцы залегли за гребнемъ сопки и перестрѣливались съ окопавшимся уже непріателемъ. Ущелье, изъ котораго японцы стрѣляли по нашимъ сотнямъ, было очищено огнемъ пѣхоты.

Подполковникъ Деникинъ приказалъ Меликову со 2-й сотней занять вершину этого ущелья, угрожая флангу непріятеля. Сотня, построенная лавою, поднялась подъ выстрѣлами вверхъ по

ущелью и заняла удобную позицію налѣво за бугромъ, гдѣ имѣлось нѣкоторое укрытіе для резерва. Лѣвѣе стала застава 4-й сотни, а еще далѣе—Аргунская сотня.

До ночи шла оживленная перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ

134. „Отцы семействъ“ идутъ занимать передовую позицію.

безъ измѣненія взаимнаго расположенія и съ незначительными потерями.

12 ноября. 4-я сотня смѣнила 2-ю на передовой позиціи; 6-я стала позади и лѣвѣе, на высотѣ пѣхотной линіи обороны, 5-я сотня занимала высокую сопку еще лѣвѣе по направленію

къ Маціэнцзы; она высылала разѣзды по долинѣ до Маціэнцзы. Главная ея задача—слѣдить за передвиженіемъ непріятеля въ обходъ нашего лѣваго фланга.

2-я сотня составляла прикрытіе конно-горной батареи, очень удачно стрѣлявшей по непріятельскимъ окопамъ—японцы выбѣгали изъ нихъ поодиночкѣ и цѣлыми группами.

Цѣпи наши и японскія лежали другъ противъ друга въ восьмистахъ шагахъ. По всей линіи шла безостановочная стрѣльба, доходившая иногда со стороны непріятеля до пачечнаго огня. Тогда и мы усиливали огонь, ожидая атаки, но японцы не двигались съ мѣста и понемногу умѣряли свой пылъ.

Едва ли могли бы мы сами перейти въ наступленіе, не говоря уже о томъ, что большая часть нижнихъ чиновъ пѣхотной дивизіи, входившей въ составъ нашего отряда, были резервисты почтеннаго возраста; мы численно были много слабѣе японцевъ. По свѣдѣніямъ китайскихъ лазутчиковъ, у японцевъ было до одиннадцати баталіоновъ, всегда укомплектованныхъ, тогда какъ у насъ въ ротахъ было не болѣе восьмидесяти, девяноста человѣкъ. И это въ частяхъ, не бывавшихъ въ бою.

Подполковникъ Деникинъ посѣтилъ нашу позицію. Онъ нашелъ возможнымъ отозвать сюда 5-ю сотню, оставивъ на занимаемой ею вершинѣ сопки наблюдательный постъ въ двадцать человѣкъ.

Если бы непріятель атаковалъ рѣшительно нашъ лѣвый флангъ и пѣхотныя части были бы вынуждены отступить къ главной оборонительной позиціи, то на наши сотни возлагалось прикрытіе этого отступленія, а затѣмъ мы сами отошли бы за ближайшій гребень высотъ впереди ханшиннаго завода, откуда намъ слѣдовало бы задерживать натискъ непріятеля возможно дольше.

Бобровскому было послано приказаніе отойти назадъ. Кн. Джандіери съ 6-й сотней приказано идти въ Садіазы, чтобы предупредить обходъ праваго фланга нашей позиціи.

Въ распоряженіи командующаго полкомъ оставалось всего полторы сотни. Онъ передалъ начальство надъ ними гр. Келлеру и поѣхалъ со мною къ тому кряжу, впереди ханшиннаго завода, который намъ предстояло защищать, когда передовыя позиціи

будутъ нами оставлены. При переѣздѣ черезъ долину насъ усиленно обстрѣливали японцы.

Мы остановились за выступавшимъ мысомъ кряжа. Командующій полкомъ послалъ казака за 2-й сотней, такъ какъ не было болѣе надобности прикрывать батарею, остававшуюся въ тылу, но кн. Меликовъ прислалъ только одинъ взводъ подъ командой хорунжаго Крылевскаго, найдя невозможнымъ оставить батарею безъ прикрытія.

Мы взлѣзли на гребень высоты, чтобы избрать позицію для стрѣлковъ; въ это время падавшій мокрый снѣгъ обратился въ настоящую пургу, какъ называютъ мятель въ Сибири; В. ст. Трухинъ и я спустились немного ниже, подъ защиту отвѣсной скалы и присѣли, завернувшись въ бурки. Мы вдругъ услышали надъ головой шипѣніе снаряда; онъ пролетѣлъ между нами на разстояніи аршина, ударился внизу около стоявшаго съ нашими лошадьми трубача и разорвался, не задѣвъ ни его, ни лошадей. Вторая граната пролетѣла немного выше и еще двѣ разорвались у ханшиннаго завода.

Мы недоумѣвали, отчего японцы, у которыхъ не было обнаружено артиллеріи противъ нашего лѣваго фланга, вздумали теперь обстрѣливать этотъ кряжъ; не потому ли, что къ нимъ сейчасъ были подвезены орудія и они открыли огонь по мѣсту, откуда утромъ стрѣляла наша батарея.

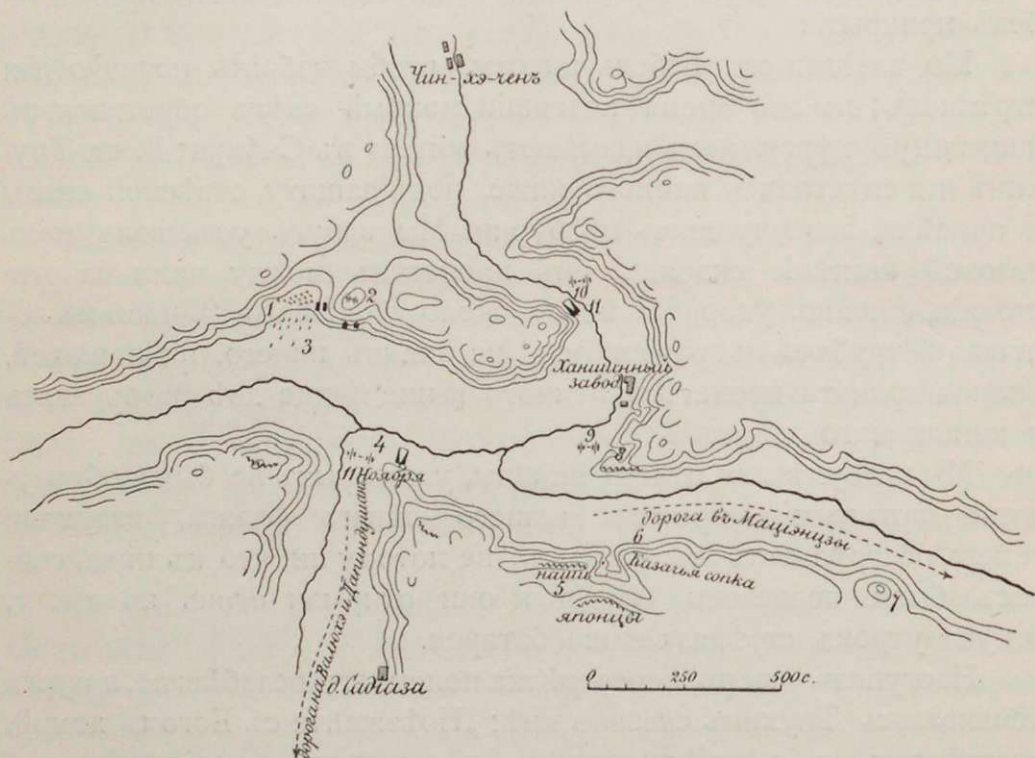
Наступалъ вечеръ, перестрѣлка понемногу ослабѣвала, а пурга усиливалась. Трухинъ сказалъ мнѣ: „Поѣзжайте съ Богомъ домой, отогрѣйтесь, а я приѣду потомъ и вы тогда меня замѣните.“ Я былъ радъ уѣхать, потому что у меня не было ничего теплаго, кромѣ шведской куртки на прозрачномъ барашкѣ, тогда какъ Сибиряки и Забайкальцы уже обзавелись теплыми тулупами.

Я проѣхалъ въ д. Чин-хэ-ченъ, гдѣ находились мои выюки, напился чаю, отогрѣлся и ждалъ приказанія выѣхать на позицію, но оказалось, что всѣмъ сотнямъ было приказано отойти назадъ къ ханшинному заводу, куда раньше вернулся Трухинъ.

13 ноября. Наши сотни стали позади ханшиннаго завода, составляя подвижной резервъ.

Я выѣхалъ впередъ на середину долины, чтобы снять кроки главной и передовой позицій. Когда я слѣзъ съ лошади и собирался ее привязать къ дереву, кругомъ меня пули стали летать такъ густо, что несомнѣнно стрѣляли прицѣльно въ меня. Огля-

нувши сопки впереди, я болѣе не видѣлъ на нихъ нашихъ цѣпей и только тогда догадался, что непріятель завладѣлъ нашей позиціей и оттуда посылалъ мнѣ гостинцы. Мигомъ я вскочилъ на лошадь и задалъ „удирайла“ подъ пачечнымъ огнемъ японцевъ. Добравшись благополучно за мысъ, который вчера обстрѣливался гранатами, я тамъ засталъ роту Чембарскаго полка,

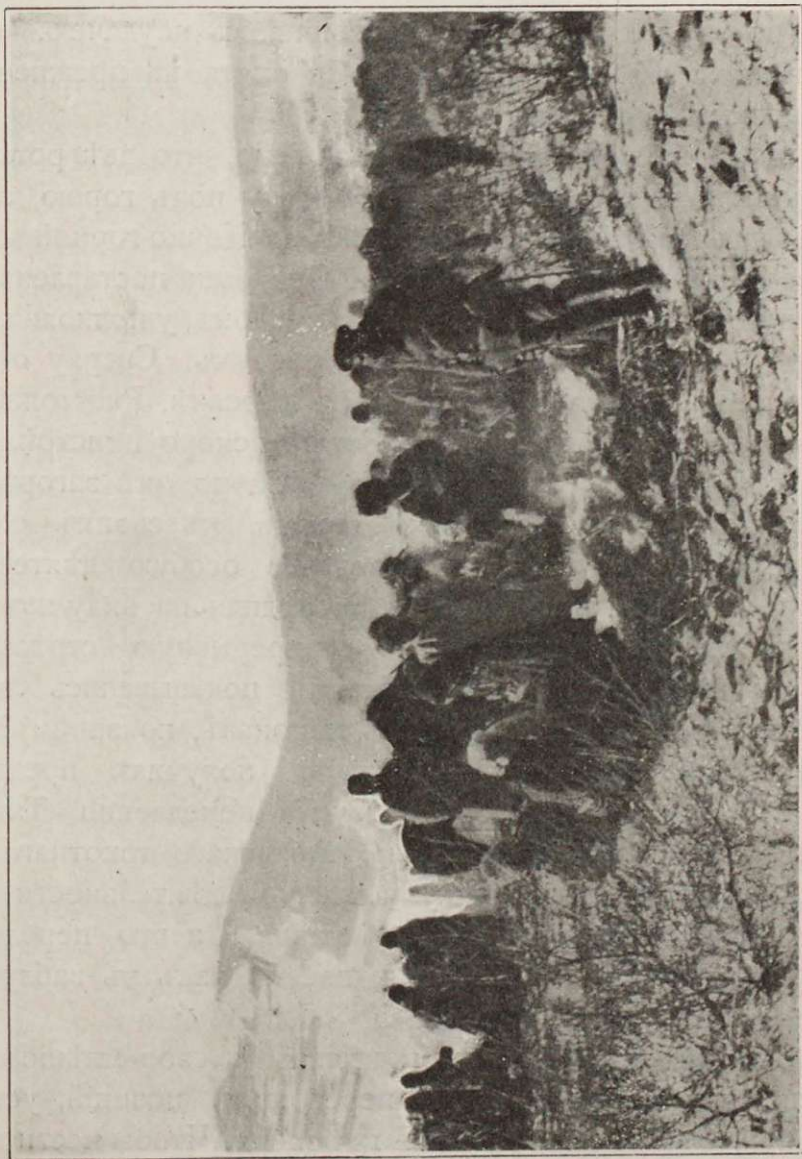
135. Бой подъ Чин-хэ-ченомъ съ 11 по 15 ноября 1904 г. Отрядъ ген.-лейт. Ренненкампа.

1. Бивакъ и позиція Бугульминскаго п.	8. Позиція Чембарскаго полка послѣ уступки непріятелю передов. позиціи.
2. Горная батарея.	9. Расположеніе конно-горной батареи 12 ноября.
3. Волчьи ямы и проволочныя загражденія.	10. Расположеніе скорострѣльной полевой батареи 13 ноября.
4. Артилл. позиція 11 ноября.	11. Подвижной резервъ.
5. Лѣвофланговая позиція.	
6. Казачья сопка.	
7. Казачій наблюдательный постъ.	

а другая рота занимала гребень высотъ. Кроки пришлось продолжать со стороны, откуда не была видна главная позиція; но я его дополнилъ, пройдя пѣшкомъ, безъ лошади, вдоль берега рѣчки, не обративъ на себя вниманія японцевъ.

Возвращаясь въ полкъ, я встрѣтилъ генерала Ренненкампа, шедшаго пѣшкомъ на гору, гдѣ стояла наша горная батарея.

Онъ разскалъ мнѣ, что вчера онъ видѣлъ оттуда, какъ выѣзжала на позицію японская шестиорудійная батарея—лихо, въ порядкѣ, какъ на ученіи; она только не довольно скоро снима-

136. Подвижной резервъ.

лась съ передковъ и наводила орудія, чѣмъ воспользовалась наша батарея и засыпала ее снарядами прежде, чѣмъ она успѣла дать выстрѣлъ—японцы скрылись, оставивъ на мѣстѣ двѣнадцать тѣлъ. Также удачно было отбито ночное нападеніе на нашъ правый флангъ: японцы потеряли болѣе трехсотъ человѣкъ; тѣла убитыхъ до сихъ поръ не были убраны.

Отъ коннаго отряда высылались въ разныя стороны небольшіе разѣзды, остальные зябли на снѣгу и ждали съ нетерпѣніемъ ночи, чтобы вернуться въ фанзы. Для развлечения ходили смотрѣть на перестрѣлку между нашими пѣхотными цѣпами и непріятелемъ. Всѣ попытки послѣдняго атаковать наши позиціи, по эту сторону долины, окончились неудачею.

14 ноября. Съ утра сотни стали опять на прежнее мѣсто въ подвижномъ резервѣ.

Съ передовой позиціи было сообщено, что двѣ роты японцевъ спустились съ сопокъ въ деревушку подъ горою, занятою третьяго дня нашей передовой цѣпью. Конно-горной батарее было предложено сбить ихъ оттуда. Она была поставлена на высотѣ нашего бивака, за ханшиннымъ заводомъ, у подножія хребта, на который поднялся ротмистръ Созонтовичъ. Сверху онъ ясно видѣлъ японцевъ, хозяйничавшихъ въ деревнѣ. Разстояніе было опредѣлено менѣе двухъ верстъ. Батарея скоро пристрѣлялась и снаряды стали падать между фанзами. Скоро онѣ загорѣлись, а японцы побѣжали въ безпорядкѣ назадъ, къ своимъ окопамъ. Тамъ и по всей линіи японцы проявляли особую дѣятельность, совсѣмъ имъ непривычную: части проходили на виду изъ одного окопа въ другой; несмотря на непрерывную стрѣльбу съ нашихъ позицій, въ разныхъ мѣстахъ показывались люди во весь ростъ. Это очевидно дѣлалось напоказъ, но зачѣмъ?

Отъ подполковника Деникина я получилъ предложеніе явиться къ нему на передовую позицію немедленно. Тамъ уже находились Трухинъ и командиръ Чембарскаго пѣхотнаго полка.

Деникинъ нашелъ разгадку усиленной дѣятельности непріятеля: онъ полагалъ, что японцы отошли, а что передъ нами только рѣдкія цѣпи, старавшіяся ввести насъ въ заблужденіе. Это весьма вѣроятно.

Мы были приглашены, чтобы высказать свое мнѣніе относительно предполагавшейся атаки передовыхъ позицій, уступленныхъ непріятелю въ ночь съ 12 на 13 ноября. Чтобы нести меньше потерь, было рѣшено перейти въ наступленіе, когда стемнѣетъ, а именно въ шесть часовъ вечера. Командиры полковъ молчали, тѣмъ выражая свое согласіе, но я возразилъ, что для временнаго успѣха предпочтительна длинная ночь, подъ покровомъ которой можно было бы исполнить задачу и вернуться, но другое дѣло, когда нужно занять и удержать отбитую у непріятеля позицію, тогда нужна ночь короткая: послѣ нервнаго возбужденія ноч-

ного боя, желательно, чтобы люди были приведены въ порядокъ, занятая позиція обращена въ оборонительное состояніе, на случай перехода въ наступленіе непріятеля, нужно успокоеніе людей, а это возможно только при дневномъ свѣтѣ. Каково будетъ настроеніе солдатъ, ожидающихъ возможнаго нападенія въ теченіе одиннадцати часовъ ночного времени, притомъ солдатъ резервнаго полка, не бывшаго раньше въ дѣлахъ.

Со мною всѣ согласились и наступленіе было назначено въ три съ половиною часа утра. Пѣхота должна была атаковать позицію съ фронта, одна сотня нашего полка занять одновременно казачью сопку (такъ была названа сопка, которую мы занимали 11 и 12 ноября), остальные должны были прикрывать отступленіе въ случаѣ неудачи.

Вечеромъ я узналъ отъ Шнабеля, что наступленіе лѣвымъ флангомъ было отложено.

15 ноября. Тѣ позиціи, которыя мы собирались брать съ боя сегодня ночью, были очищены непріателемъ, можетъ быть еще съ вечера — вѣрно угадалъ Деникинъ. Они отступили по всей линіи. Пѣхота заняла прежнія позиціи, а небольшие отряды казаковъ преслѣдовали японцевъ по сопкамъ.

Итакъ, послѣ пяти дней боя резервные полки, отцы семействъ, какъ мы ихъ называли, отбили упорныя атаки японцевъ, значительно превосходящихъ насъ числомъ.

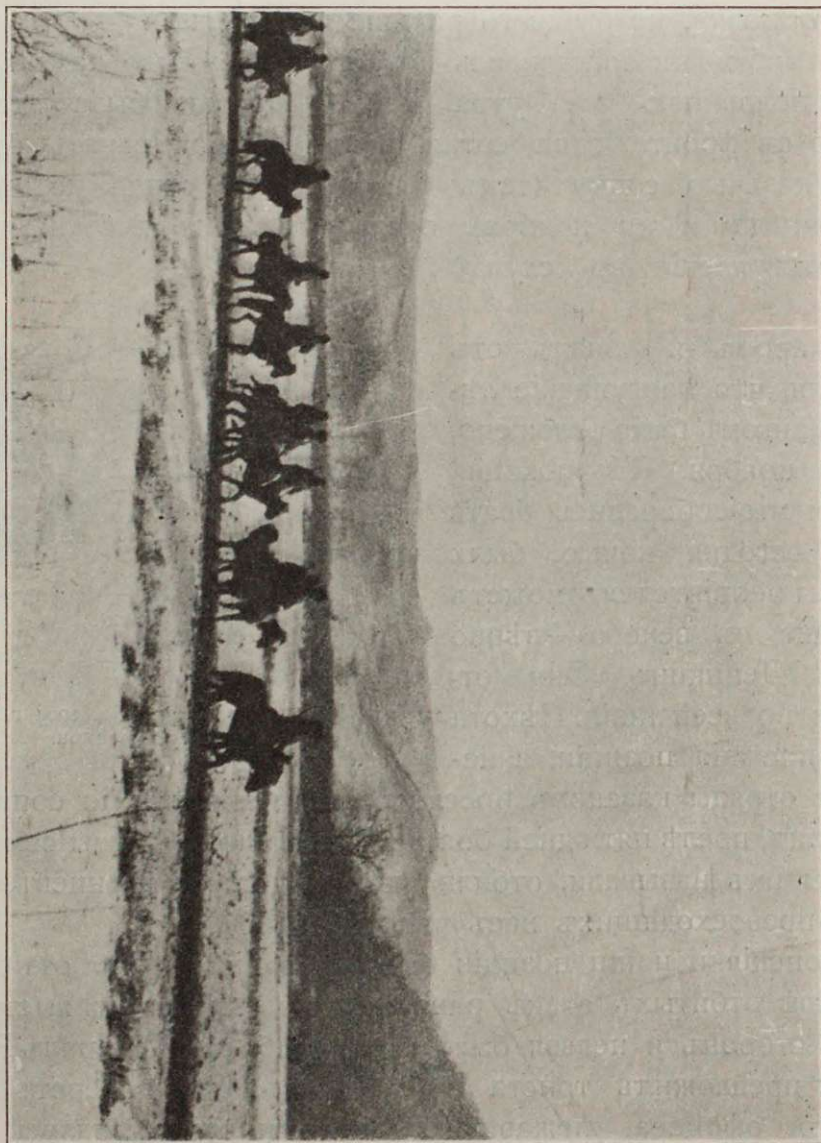
Японскія и наши позиціи были такъ близки одна отъ другой, что послѣ отбитыхъ атакъ раненые оставались подъ выстрѣлами обѣихъ сторонъ и нельзя было ихъ подобрать. Генераль Ренненкамппъ предложилъ триста рублей тѣмъ, кто заберетъ одного раненаго офицера, лежавшаго среди поля; вызвалось много охотниковъ, но японцы ихъ осыпали градомъ пуль и самъ офицеръ отстрѣливался изъ револьвера. Къ вечеру онъ отползъ и былъ подобранъ своими. Охотничья команда пыталась ночью увезти подбитыя непріятельскія орудія; это ей тоже не удалось, такъ какъ она была встрѣчена огнемъ подошедшихъ частей противника.

137. Чин-хэ-тенъ 14 ноябр. 1904 г. „Пари“ грѣются у костра.

Молодецки дѣйствовали наши казаки. Всѣ попытки японцевъ обойти нашъ лѣвый флангъ въ близкомъ и болѣе отдаленномъ разстояніи были отражены казаками. Одинъ урядникъ 1-й сотни (къ сожалѣнію, я забылъ его фамилію) съ двѣнадцатью казаками обратилъ въ бѣгство полуроту японцевъ. Отдѣльных случаевъ

138. Развѣздъ идетъ на рекогноспировку.

лихости и отваги было много. Теперь я повѣрилъ, что Забайкальцы, обученные и въ хорошихъ рукахъ, не уступятъ другимъ казачьимъ войскамъ.

Изъ штаба дивизіи меня извѣстили, что была получена телеграмма отъ главнокомандующаго, что я прикомандированъ къ

1-му Верхнеудинскому полку Забайкальского казачьяго войска и долженъ быть немедленно отправленъ къ новому мѣсту служенія близъ Главной квартиры. Это было для меня совершенно неожиданно и мнѣ вдругъ пришло въ голову, что можетъ быть гене-

139. Непріятель отбить, теперь можно отдохнуть.

раль Куропаткинъ вызывалъ меня потому, что жена заболѣла.

Эта мысль угнетала меня и я торопился уѣхать, чтобы скорѣе узнать въ чемъ дѣло.

Я передалъ Шнабелю сдѣланныя мною кроки боевъ подъ Бэнсиху, нужныя ему для журнала военныхъ дѣйствій нашего

отряда. У меня обѣдалъ начальникъ штаба пѣхотной дивизіи полковникъ Скалонъ, а потомъ я поѣхалъ проститься съ командующимъ полкомъ, съ товарищами, о которыхъ у меня сохранился теплое воспоминаніе, и съ полковникомъ Деникинымъ, дѣльнымъ, доблестнымъ офицеромъ генеральнаго штаба — какихъ желательно было бы имѣть въ арміи побольше.

Генерала Ренненкампа я засталъ въ его фанзѣ; онъ сказалъ мнѣ при прощаніи: „очень сожалѣю, что вы уѣзжаете, я увѣренъ, что на новомъ мѣстѣ службы васъ будутъ любить и уважать, какъ любили и уважали здѣсь“.

Было уже поздно — пришлось отложить выступленіе до завтра.

Въ одной фанзѣ со мною за перегородкой набралось много нижнихъ чиновъ, преимущественно поляковъ и евреевъ, они разговаривали до поздней ночи на нѣмецкомъ жаргонѣ. Пепино, ночевавшій въ одной комнатѣ съ ними, говорилъ мнѣ потомъ, что хотя онъ не зналъ, на какомъ языкѣ они говорили, но онъ понималъ, что они все время ругали русскихъ и какъ будто готовили заговоръ.

Отецъ Командиръ.

16 ноября. Когда я готовился выступать, вошелъ ко мнѣ Филипповъ. Онъ проходилъ черезъ деревню съ первой сотней; узнавъ отъ моихъ вѣстовыхъ, что я покидаю полкъ и думая, что я пожелаю проститься съ сотнею, онъ остановилъ ее передъ моею фанзою. Я вышелъ къ казакамъ и мнѣ припомнились славные дни, проведенные вмѣстѣ. Многими воспоминаніями мнѣ были дороги 1-я и 2-я сотни съ ихъ прекрасными командирами и офицерами. Простился я съ сотнею, пожелавъ казакамъ успѣха, и поцѣловался съ Филипповымъ; мнѣ было грустно — прощался я съ людьми, съ которыми дѣлилъ и радость и печаль, я вѣрилъ, что они сохранятъ обо мнѣ добрую память — а что ожидало меня впереди...

По дорогѣ я заѣхалъ посмотреть на плѣнныхъ японцевъ. Они, на видъ, очень молоды, съ улыбающимися, симпатичными рожами.

За эти дни нашими войсками было подобрано много ружей, брошенныхъ во время бѣгства японцевъ; достались намъ также ящики съ медицинскими и хирургическими принадлежностями японскаго Краснаго Креста.

Недалеко отъ д. Чинъ-хэ-ченъ намъ встрѣтились 22-й и 24-й

сибирскіе стрѣлковые полки, шедшіе на подкрѣпленіе отряда генерала Ренненкампа. Это были молодецъ къ молодцу, шли они походомъ сомкнутой колонной, въ порядкѣ, какъ на смотрѣ, въ тылу — ни одного человѣка отсталого. Пепино сказалъ, глядя на нихъ: „съ такими самъ чортъ не могъ бы воевать“.

День былъ ясный, но солнце не грѣло и морозъ былъ очень сильный. Я боялся, какъ бы Пепино не отморозилъ себѣ ногъ, не имѣя теплой обуви. Мы шли проѣздомъ, отъ времени до времени приходилось однако слѣзать съ лошади и идти пѣшкомъ, чтобы отогрѣть немного ноги.

На Далинскомъ перевалѣ два встрѣтившіеся транспорта задержали насъ на полтора часа. Было въ особенности трудно и опасно объѣзжать транспорты тамъ, гдѣ дорога проходила надъ обрывомъ.

Въ Солунью я заѣхалъ на летучую почту, къ командиру 3-й сотни Ловцову. Онъ накормилъ меня обѣдомъ, мои вѣстовые тоже поѣли и покормили немного лошадей.

Въ Мацзюнданѣ я узналъ, что канцелярія нашего полка продвинулась на три версты назадъ.

Мы ночевали въ фанзѣ, гдѣ помѣщалась канцелярія, казначей и дѣлопроизводитель.

17 ноября. Мы выступили въ семь часовъ утра, солнце показалось изъ-за горъ къ восьми часамъ. Въ одиннадцать пришли въ Фушунъ. Отъ коменданта узналъ, что Главная квартира находилась въ тридцати пяти верстахъ отъ Фушуна, на фушунской желѣзнодорожной вѣткѣ.

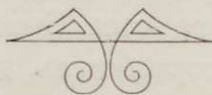
Вьюки не поспѣвали за мною; въ одной деревнѣ, гдѣ была расположена рота, работавшая по проложенію шоссе вдоль линіи желѣзной дороги, пришлось остановиться, потому что вьюки отстали далеко и я боялся ихъ потерять, вслѣдствіе того, что отсюда дорога сворачивала въ сторону, на проселокъ.

Солнце уже садилось, а до ставки главнокомандующаго оставалось еще восемнадцать верстъ, т. е. три часа ходу. Если бы не опаздывали вьюки, мы были бы тамъ не слишкомъ поздно, но теперь я опасался прійти на мѣсто, когда всѣ уже будутъ спать, поэтому я принялъ предложеніе ротнаго командира переночевать у него.

18 ноября. Въ десять часовъ утра мы подошли къ поѣзду главнокомандующаго у д. Чан-ся-мутунъ. Его адъютантъ, кн.

Урусовъ, передалъ мнѣ, что онъ недавно видѣлъ мою жену и что она здорова—у меня гора съ плечъ свалилась.

Урусовъ и Кноррингъ удерживали меня завтракать у главнокомандующаго, но я отказался, не имѣя во что переодѣться: въ рваной теплушкѣ съ истрепанными и почернѣвшими погонами нельзя было показываться въ нарядномъ обществѣ.

ЧАСТЬ IV.

У генералъ-адъютанта Мищенко.

У Генераль-Адъютанта Мищенко.

Отрядъ генераль-адъютанта Мищенко стоялъ въ д. Моцятунѣ, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ штабъ-квартиры главнокомандующаго.

Я остановился обѣдать въ одной деревнѣ, по пути, не зная, какой меня ожидаетъ пріемъ на новомъ мѣстѣ служенія.

Въ Моцятунѣ я засталъ сонное царство—все отдыхали послѣ обѣда.

Начальникъ штаба дивизіи, подполковникъ Мандрыка, ничего обо мнѣ не слыхалъ; онъ предложилъ мнѣ представиться генералу Мищенко, только что вернувшемуся изъ засѣданія георгіевской думы у главнокомандующаго.

Генераль принялъ меня привѣтливо и сказалъ, что ему было извѣстно о моемъ прикомандированіи къ 1-му Верхнеудинскому полку.

Командующій Верхнеудинскимъ полкомъ, полковникъ Левенгофъ, бывший конно-гренадеръ, помѣщался въ одной фанзѣ съ шестью офицерами полка, между которыми былъ симпатичный завѣдующій хозяйствомъ, Забайкалецъ, войсковой старшина Ловцовъ, братъ нашего командира 3-й сотни; адъютантъ, Донецъ, сотникъ Дмитровъ; казначей, забайкалецъ, подъесаулъ Лоншаковъ, войсковой старшина Куклинъ, тоже Забайкалецъ, какъ и большинство офицеровъ бригады, въ составѣ 1-го Верхнеудинскаго и 1-го Читинскаго полковъ.

Ловцовъ любезно предложилъ мнѣ помѣститься тоже здѣсь, но я рассчитывалъ найти отдѣльную фанзу и поэтому отказался, вѣстовые же, лошади мои и мулы были приняты на довольствіе въ штабъ полка. Я пошелъ распорядиться, чтобы развьючили муловъ; въ это время вернулся Андрей и сказалъ, что онъ обошелъ всю деревню и нигдѣ свободной фанзы не нашелъ. Къ моему счастью, я встрѣтилъ полковника Плаутина, предложившаго мнѣ занять освободившееся въ его фанзѣ мѣсто батюшки, уѣхавшаго на время изъ Моцзятуня.

Фанза Плаутина была небольшая; кромѣ него и батюшки, котораго я занималъ мѣсто, былъ еще отрядный докторъ Беко-рецкій. Вечеромъ Плаутинъ пригласилъ меня ужинать въ собраніе штаба коннаго отряда. Я сидѣлъ рядомъ съ генераломъ Мищенко. Разговоръ коснулся военныхъ дѣйствій послѣднихъ дней на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Меня спросили, какого я былъ мнѣнія о генералѣ Ренненкампфѣ, и я вполне искренно отвѣтилъ, что считалъ его беззавѣтно храбрымъ и очень талантливымъ кавалерійскимъ генераломъ.

19 ноября. Знакомлюсь съ офицерами Верхнеудинскаго полка за обѣдомъ въ полковомъ собраніи. Пріятно было сидѣть за общимъ столомъ, съ полнымъ приборомъ у cadaго. Кушанья готовилъ поваръ-китаецъ, вѣроятно на китайскій манеръ, подавая нѣсколько разныхъ блюдъ, преимущественно мясныхъ, до супа—въ видѣ закуски. Водка была общая, а вино требовалось по записямъ на cadaго отдѣльно. Кромѣ завѣдующаго собраніемъ, освобожденнаго отъ дежурствъ и внутренней службы полка, никто не былъ озабоченъ о томъ, чѣмъ питаться. Хорошъ былъ заведенный порядокъ и жаль, что онъ не существовалъ въ полкахъ второй очереди. Однако, припоминая прежнюю жизнь въ Нерчинскомъ полку, встали передо мною образы товарищей, съ которыми я сроднился, и думалось мнѣ, что я не оставилъ о себѣ дурной памяти. А здѣсь я себя чувствовалъ чужимъ и, хотя всѣ были вѣжливы, а нѣкоторые даже привѣтливы, мнѣ казалось, что я не нравился и ко мнѣ относились недружелюбно.

Вечеромъ заѣхалъ ко мнѣ Заботкинъ, по дорогѣ изъ Мукдена обратно въ полкъ. Я его представилъ командующему полкомъ и офицерамъ въ полковомъ собраніи, гдѣ онъ съ нами ужиналъ. Генералъ Мищенко, знавшій Заботкина еще въ китайскую кампанію, пригласилъ его къ себѣ поговорить. Онъ ночевалъ у Плаутина, который былъ съ нимъ одного выпуска.

20 ноября. Я проводилъ Заботкина до д. Чан-ся-мутунъ, куда онъ ѣздилъ за какой-то справкой передъ возвращеніемъ въ полкъ.

Получилъ предписаніе вести завтра въ восемь часовъ утра квартирьеровъ для выбора новаго расположенія коннаго отряда, въ составѣ: двухъ забайкальскихъ, двухъ уральскихъ полковъ, 4-го и 5-го Дагестанскаго и Терско-Кубанскаго полковъ, четырехъ конныхъ батарей и парка. Отъ каждой части высылалось по полусотнѣ, отъ батарей по двадцати человѣкъ. Квартирьеры должны были привести фанзы въ порядокъ и заготовить фуража на мѣсяцъ, а если можно, то и больше.

За ужиномъ въ собраніи штаба дивизіи генераль Мищенко далъ мнѣ дополнительныя инструкціи, настаивая въ особенности на заготовленіи фуража, за которымъ придется посылать на границу Монголіи, такъ какъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ все уже было собрано квартировавшими тамъ войсками. Выборъ деревень для расположенія отряда я долженъ былъ сдѣлать совмѣстно съ сопровождавшимъ меня старшимъ адъютантомъ штаба, капитаномъ Хагондаковымъ.

21 ноября. Въ половинѣ восьмого явились ко мнѣ начальники квартирьеровъ; запаздывали одни Забайкальцы и мы выступили только въ три четверти девятого, вмѣсто восьми.

Хагондаковъ выѣхалъ впередъ, взявъ съ собою по два человѣка отъ каждой части.

Офицеръ, назначенный колонновожатымъ, такъ плохо ориентировался, что съ самаго начала хотѣлъ вести насъ совсѣмъ въ другую сторону — отъ этого мы шли все время кружными путями.

Былъ порядочный морозъ при сильномъ встрѣчномъ вѣтрѣ. Сдѣлавъ два привала по четверти часа, мы пришли въ д. Сухудяпу, назначенную подъ штабъ отряда обоихъ забайкальскихъ полковъ и Забайкальской батареи флигель-адъютанта войскового старшины Гаврилова. Хагондаковъ самъ распредѣлилъ три другія деревни для расположенія Уральцевъ и отдѣльно Дагестанцевъ и Терско-Кубанцевъ, чтобы избѣгать ссоръ и препирательствъ. Я проѣхалъ съ Хагондаковымъ осмотрѣть эти деревни.

Большая часть фанзъ была разорена, приходилось ихъ чистить, оклеивать окна бумагою, поправлять каны, устанавливать желѣзныя печи. За это дѣло принялись ретиво младшіе

офицеры; въ Мукденъ были посланы урядники за покупкою желѣзныхъ печей, бумаги обойной и для оконъ, разныхъ принадлежностей и продуктовъ. Китайцы изъ мѣстныхъ жителей были наняты для чистки и уборки фанзъ, для перекладки печей подъ канами и для плетенія перегородокъ и потолковъ изъ связанныхъ тонкой бечевкой гаоляновыхъ стеблей,—эта послѣдняя работа дѣлалась скоро и замѣчательно искусно; по дворахъ сжигались кучи отбросовъ, выметенныхъ изъ фанзъ. Со дня существованія деревни тутъ никогда не было такой чистки.

Цѣня выше всего независимость, я выбралъ себѣ крошечную фанзу, гдѣ могъ бы помѣститься только одинъ человекъ и отдѣлалъ ее на свой счетъ при помощи хозяевъ-китайцевъ.

Начальники квартиреровъ, получившіе крупные денежные авансы отъ полковъ и батарей, дѣятельно занялись заготовкой фуража.

22 ноября. Съ штабсъ-капитаномъ Хагондаковымъ, возвращавшимся въ отрядъ, я послалъ генералу Мищенко слѣдующее донесеніе: „№ 77.—Генераль-адъютанту Мищенко.—Моцзятунь. Доношу вашему превосходительству, что шт.-кап. Хагондаковъ отвелъ д. Су-ху-дя-пу подъ штабъ отряда 1-му Верхнеудинскому, 1-му Читинскому полкамъ, 1-й и 2-й Забайкальскимъ батареямъ и парку 31-й парковой бригады; д. Уандяпу—подъ Уральскую казачью бригаду, 4-ю Забайкальскую и 20-ю конную батарею; д. Татай—подъ Терско-Кубанскій полкъ и д. Хочантапу—подъ 2-й Дагестанскій полкъ.

„За покупкою предметовъ для ремонтированія построекъ посланы въ Мукденъ команды подъ начальствомъ урядниковъ. Китайцы договорены для возстановленія канъ и ремонта. Офицеры отправились за фуражомъ въ сѣверномъ и сѣверо-западномъ направленіи верстъ за сорокъ, такъ какъ ближе фуражъ находится только въ маломъ количествѣ. Скотъ же можно найти только на границѣ Монголіи.

„Въ д. Су-ху-дя-пу была пристрѣлена сегодня лошадь манзы, заболѣвшая подозрительной болѣзью. Въ этомъ же районѣ, въ д. Модяпу, издохли отъ сибирской язвы двѣ лошади 10-го Оренбургскаго казачьяго полка. В. ст. Квитка.“

Въ деревнѣ и въ окрестностяхъ не находили ни куръ, ни мяса, ни муки—приходилось пользоваться консервами до возвращенія казаковъ изъ Мукдена.

Су-ху-дя-пу большая деревня, окруженная со всѣхъ сторонъ глубокимъ и широкимъ рвомъ съ валами, представлявшими серьезную защиту въ случаѣ неожиданнаго нападенія. Чтобы помѣшать разгрому фанзъ пѣхотными командами, ѣздившими по деревнямъ съ арбами и двуколками, я поставилъ караулъ у входовъ въ деревню. Солдаты отбирали у жителей котлы, посуду, ведра, всю домашнюю утварь, вынимали и увозили двери и оконныя рамы. При командахъ бывали иногда офицеры, которые угрожали жалобой своему начальству на то, что я приказывалъ отбирать и возвращать жителямъ все, что было награблено. Такъ какъ я на этотъ счетъ не имѣлъ инструкцій, то я послалъ генералу Мищенко донесеніе: „№ 82.—Доношу вашему превосходительству, что мною отдано приказаніе въ районѣ расположенія отряда задерживать и отбирать для возвращенія владѣльцамъ арбы, нагруженныя домашнимъ имуществомъ, оконными рамами, дверьми и разнымъ матеріаломъ изъ разгромленныхъ фанзъ, вывозимыя командами и одиночными людьми пѣхотныхъ частей, въ поискахъ за топливомъ. Если мои дѣйствія найдутъ одобреніе вашего превосходительства, то я просилъ бы дать мнѣ предписаніе объ огражденіи деревень нашего района отъ погромовъ и объ отобраніи награбленнаго имущества для возвращенія владѣльцамъ. В. ст. Квитка.“

23 ноября. Получилъ предписаніе отъ генерала Мищенко изъ Моцзятуня: „№ 23.—Командиръ Забайкальской казачьей батареи сообщилъ мнѣ, что подъесаулъ Карабиновъ встрѣтилъ затрудненіе въ заготовкѣ фуража, такъ какъ мѣсто покупокъ района уже захвачено разными частями. Прошу васъ уладить покупку фуража такъ, чтобы не выходило недоразумѣній ни съ посторонними, ни съ своими частями. Будьте добры лично объѣздить районъ, гдѣ бы намъ возможно ближе къ Су-ху-дя-пу явилась возможность производить безпрепятственно заготовку безъ столкновений. Обратите вниманіе, чтобы наши команды не обижали жителей и чтобы не было жалобъ. Генер.-адъютантъ Мищенко“.

На это я отвѣтилъ: „№ 84.—Получивъ предписаніе вашего превосходительства за № 23 по поводу заявленія ком. Заб. каз. бат. о встрѣчаемыхъ затрудненіяхъ въ заготовкѣ фуража, доношу, что я лично объѣзжалъ районъ расположенія коннаго отряда, справлялся у жителей объ имѣющихся въ окрестностяхъ запасахъ и высылалъ команды за поискомъ фуража. Въ ближайшемъ

раіонѣ все оказалось закупленнымъ или захваченнымъ прибывшими ранѣе частями. Соломы ближе 25—30 верстъ добыть нельзя. Гаоляновое зерно можно найти въ ближайшихъ окрестностяхъ и предложенія были сдѣланы мѣстными жителями въ самомъ расположеніи частей по 50 коп. за пудъ въ значительномъ количествѣ. Имѣется также чумизное зерно, но я не могъ опредѣлить въ какомъ количествѣ. Полагаю, что при первой совершившейся покупкѣ за наличныя деньги зерна окажется больше, чѣмъ заявляютъ теперь жители.

„Чтобы избѣгнуть недоразумѣній съ посторонними частями, приходится мириться съ совершившимся фактомъ и признавать фуражъ, у котораго выставленъ караулъ, принадлежащимъ этой части. Между своими частями недоразумѣній не будетъ. Обижать жителей я не допущу и избѣгну жалобъ съ ихъ стороны, такъ какъ всѣ основательныя жалобы будутъ мною удовлетворены. В. ст. Квитка“.

День былъ ясный, подулъ южный вѣтеръ и совсѣмъ потеплѣло. Во всѣхъ деревняхъ нашего расположенія шла усиленная работа и понемногу фанзы приводились въ щегольской видъ. Насъ стѣсняла только сотня 10-го Оренбургскаго казачьяго полка, занявшая пять фанзъ и два двора подъ помѣщеніе казаковъ и склады фуража свыше шести тысячъ пудовъ.

Около трехъ часовъ пополудни началась сильная орудійная, а потомъ ружейная пальба къ югу, казалось, не далѣе десяти верстъ. Вслѣдъ затѣмъ запылали три деревни въ этомъ же направленіи. Перестрѣлка все усиливалась и повидимому приближалась къ намъ, такъ какъ звукъ выстрѣловъ дѣлался все болѣе и болѣе отчетливымъ. Видны были разрывы шрапнелей, но трудно было опредѣлить, на какомъ разстояніи происходили разрывы. Думая, что японцы, можетъ быть, перешли въ наступленіе, и не зная, что имѣлось изъ нашихъ войскъ впереди, я выслалъ разъѣздъ, который донесъ, по возвращеніи, что бой шелъ на позиціяхъ, но звукъ доносился до насъ южнымъ вѣтромъ такъ отчетливо, что всѣ были введены въ заблужденіе. Горѣвшія деревни были подожжены солдатами Оровайскаго полка, разгромившими ихъ совсѣмъ.

На мое донесеніе за № 82, я получилъ слѣдующее предписаніе отъ генерала Мищенко: „№ 40.—Вполнѣ солидаренъ съ вами относительно принятыхъ мѣропріятій противъ нижнихъ чиновъ, разоряющихъ фанзы и селенія. Вмѣстѣ съ этимъ прошу

васъ отдать приказаніе задерживать бродящихъ и разоряющихъ деревни солдатъ и арестованными отправлять ихъ въ ближайшій большой штабъ. Вѣроятно это будетъ 5-го корпуса.

„Необходимо собрать свѣдѣнія о количествѣ и сортѣ фуража, который можно найти въ направленіяхъ, указанныхъ стрѣлками на схемѣ. Для сего полагаю, вамъ слѣдовало бы обратиться за справками въ штабъ отрядовъ, расположенныхъ впереди васъ, т. е. въ 4-ю Донскую дивизію, отрядъ генерала Грекова, отрядъ генерала Косаговскаго. Свѣдѣнія эти нужно собрать касательно раіоновъ, занятыхъ нашими войсками и, что особенно важно, занятыхъ японцами.

„Прошу настоять, чтобы офицеры, высланные отъ полковъ и батарей, вели заготовку дѣятельнѣйшимъ образомъ, стремясь къ сбору фуража въ возможно большемъ количествѣ. Чрезвычайно важно заготовить не только зерно и бобовые жмыхи, но и солому чумизную. О родѣ и количествѣ фуража, ежедневно прибывающаго въ расположенія полковъ, т. е. объ успѣшности заготовки прошу, мнѣ черезъ день доносить. Генераль-адъютантъ Мищенко“.

Задача была дана намъ трудная и разрѣшить ее нужно было собственными средствами, такъ какъ ни одинъ штабъ отряда не далъ бы намъ требуемыхъ справокъ—вопросъ о заготовленіи фуража былъ вопросомъ злободневнымъ и всѣ были одинаково имъ озабочены.

24 ноября. Опять стало холодно. Прибыла первая партія соломы, присланной хорунжимъ нашего полка Жеребцовымъ при слѣдующемъ донесеніи изъ д. Санхолъ. „Посылаю 17 арбъ съ соломой, всего 2530 пудовъ. Арбы, я думаю, что нужно будетъ задержать, такъ какъ здѣсь ихъ достать очень трудно: китайцы при видѣ приближающихся казаковъ разгоняютъ всѣхъ лошадей и муловъ. Я съ 24 казаками ѣду дальше, думаю, что къ 26-му вернусь. Соломы въ деревняхъ достаточно, но только затрудненія представляются при разыскиваніи арбъ. Хор. Жеребцовъ“.

Офицеры, ѣздившіе за фуражомъ, рассказывали, что китайцы прятали арбы подъ складами гаоляна, лошадей и муловъ, которыхъ не успѣли выгнать въ поле, вводили въ фанзы, чтобы скрыть отъ зоркихъ глазъ казаковъ. На нейтральной полосѣ, у границы Монголіи, китайскіе офицеры и солдаты охотно брались за подряды по доставкѣ всего, что намъ было нужно.

25 ноября. По случаю магометанскаго національнаго празд-

ника „Байрамъ“, я отпустилъ половину квартирьеровъ 2-го Дагестанскаго и Терско-Кубанскаго полковъ, сообщивъ о томъ начальнику штаба дивизіи.

Въ два часа собрались у меня всѣ офицеры частей для обсуждения мѣръ къ успѣшному заготовленію фуража и выполненію инструкцій генерала Мищенко.

Во время нашихъ переговоровъ съ летучей почты принесли пакетъ отъ генерала Мищенко. Въ немъ было письмо кн. Урусова, передававшего мнѣ приглашеніе главнокомандующаго къ завтраку въ Чан-ся-мутунѣ 25 ноября, въ 11 часовъ утра, чтобы встрѣтиться у него съ моею женою, прибывшей въ Суятунъ на санитарномъ поѣздѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Отъ генерала Мищенко было разрѣшеніе уѣхать изъ Су-ху-дя-пу, оставивъ замѣстителя.

Приглашеніе было на сегодня въ одиннадцать часовъ утра, а теперь было три и мы дѣла еще не окончили. У меня на сердцѣ заскребли кошки, но я на время отложилъ думать объ этомъ и мы продолжали работу.

Когда офицеры разошлись, я написалъ и отправилъ генералу Мищенко слѣдующее донесеніе: „№ 88.—Согласно предписанія вашего превосходительства, отъ 23 ноября, за № 40, я предложилъ начальникамъ квартирьеровъ собрать возможно большій запасъ фуража какъ зерна, такъ и чумизной соломы.

„Выяснилось, что выданные частями авансы — недостаточны, а нѣкоторымъ, какъ-то Читинскаго полка, пор. запаса Смольянинову, 5-го Уральскаго подьесаулу Исѣву и 20-й конной батареи поручику Свѣчину вовсе не дано аванса.

„Считаю, что заготовленіе фуража налажено правильно въ 1-мъ Верхнеудинскомъ полку хорунжимъ Жеребцовымъ, выѣхавшимъ со взводомъ въ западномъ направленіи 21-го ноября и ожидавшимся обратно—26-го, имъ уже доставлено—2530 пудовъ чумизной соломы. Такъ же успѣшно идетъ дѣло у подьесаула 4-й Забайк. бат. Стопчанскаго, 4-го Уральскаго каз. полка у хорунжаго Гошкова, Дагестанскаго у сотника Хаджимурата и Терско-Кубанскаго у сотн. кн. Андронникова.

„Затрудненія представляются въ перевозочныхъ средствахъ, такъ какъ китайцы угнали лошадей и муловъ.

„Требуется значительно увеличить авансы (примѣрно до 2500 рублей) и желательно было бы еще прибавить по полусотнѣ отъ cadaго полка и по 10 или 15 человекъ отъ батареи.

„Для выясненія, имѣются ли запасы фуража у японцевъ, я поручилъ всѣмъ частямъ, у которыхъ имѣются переводчики, послать лазутчиковъ по направленію къ деревнямъ: Та-дусям-пу, Сандепу и Хегаутай, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, имѣется ли фуражъ, въ какомъ количествѣ и гдѣ расположенъ.

„Получивъ слишкомъ поздно разрѣшеніе вашего превосходительства прибыть въ Чансямутунъ, я не могъ имъ воспользоваться своевременно. Теперь же, исполнивъ данное вами предписаніе, я назначилъ своимъ замѣстителемъ подьесаула Исаева и выѣзжаю въ Суятунъ. Завтра вечеромъ думаю вернуться въ Су-ху-дя-пу. В. ст. Квитка“.

Пока я писалъ донесеніе, Пепино уложилъ мнѣ въ переметныя сумы немного бѣлья и туалетныя принадлежности, а вѣстовые сѣдлали коней. Ъхалъ со мною Андрей, у котораго рѣзвый конь, самъ я сѣлъ на Али и мы съ мѣста пошли наметомъ по направленію къ Суятуню.

Вдругъ мнѣ пришло на мысль, что санитарный поѣздъ прибывшій вчера, навѣрно сегодня уйдетъ и я его въ Суятунѣ не застаю. Обсуждать, что было дѣлать, у меня не было времени—нужно было рѣшиться сразу. Я повернулъ влѣво и посккалъ къ Мукдену. Двадцать три версты мы проѣхали въ полтора часа, но въ Мукденѣ санитарнаго поѣзда не оказалось, онъ стоялъ еще въ Суятунѣ, куда черезъ четверть часа отходилъ поѣздъ, я успѣлъ вскочить въ вагонъ въ то время, какъ поѣздъ уже трогался, такъ трудно было его найти въ потемкахъ.

Въ половинѣ девятаго я уже былъ у жены, недавно вернувшейся изъ Чан-ся-мутуня, гдѣ меня ожидали и не могли понять, что могло меня задержать. Никому не пришло въ голову, что для передачи пакета по летучей почтѣ потребуется двадцать одинъ часъ для пробѣга въ тридцать пять верстъ.

Комендантъ поѣзда, полковникъ Пѣшковъ, разрѣшилъ мнѣ занять свободное купе, гдѣ раньше помѣщалась жена бывшаго священника Арсеньева—онъ замѣненъ монахомъ, отцомъ Іосифомъ.

26 ноября. Поѣздъ оставался здѣсь до вечера.

По случаю Георгіевскаго праздника, отъ имени императрицы Александры Ѳеодоровны, средствами Ея поѣзда, былъ предложенъ обѣдъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ 17-го корпуса, расположеннымъ въ Суятунѣ.

Телеграммою я просилъ генерала Мищенко разрѣшенія вернуться въ Су-ху-дя-пу только завтра. На это я получилъ отъ него отвѣтъ: „Главкомандующій разрѣшилъ отпускъ на четырнадцать дней, а потому возвращеніе къ части совершенно отъ васъ зависитъ. Генераль-адъютантъ Мищенко“.

Я былъ очень доволенъ получить такой продолжительный отпускъ, потому что Пѣшковъ, имѣя свободное купе, предложилъ мнѣ оставаться въ поѣздѣ, сколько мнѣ было угодно.

Непонятно мнѣ было только, отчего главнокомандующій вспомнилъ обо мнѣ и далъ отпускъ, котораго я никогда не просилъ.

27 ноября. Я ѣздилъ срочнымъ поѣздомъ въ Мукденъ, чтобы купить себѣ въ экономическомъ обществѣ немного бѣлья, шаровары и сапоги, которые совсѣмъ износились, нашелъ я тамъ тоже прекрасный полушубокъ, не было только штабъ-офицерскихъ погонъ.

28 ноября. Поѣздъ Императрицы Александры Ѳеодоровны двинулся на сѣверъ съ ранеными и больными только въ двѣнадцать часовъ дня. Между больными былъ генералъ Павловъ, командовавшій 1-мъ Читинскимъ полкомъ Забайкальскаго казачьяго войска. Онъ сказалъ мнѣ, что я считался кандидатомъ на этотъ полкъ, но командующимъ былъ назначенъ В. ст. Свѣшниковъ, тоже 2-го Нерчинскаго полка; онъ только не служилъ у насъ въ полку, а былъ прикомандированъ къ штабу.

Казачьими полками 2-й очереди командовали войсковые старшины, а такъ какъ я былъ старше всѣхъ годами службы въ чинѣ в. ст., то все лѣто и теперь еще меня прочили въ командиры тѣхъ полковъ, гдѣ открывалась вакансія; это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что генералъ Куропаткинъ обѣщалъ мнѣ дать командованіе со дня моего прибытія въ армію. Однако, еще въ іюлѣ, на представленіе начальника восточнаго отряда, графа Келлера, къ назначенію меня командующимъ 2-мъ Верхнеудинскимъ полкомъ былъ полученъ отказъ; немного позднѣе одинъ изъ адъютантовъ генерала Куропаткина писалъ мнѣ, что я получаю полкъ; но вакансіи освобождались и на нихъ назначались преимущественно офицеры, служившіе въ штабахъ, а меня хвалили и предлагали потерпѣть еще немного.

Можетъ быть назначенію Свѣшникова я былъ обязанъ полученіемъ четырнадцатидневнаго отпуска. Оставивъ службу въ

молодыхъ годахъ, когда будущность мнѣ улыбалась, я доказалъ, что не гонялся за карьерой. Еще менѣе можно было бы меня упрекнуть въ этомъ теперь, когда я поступилъ вновь на службу только на время войны, послѣ двадцатилѣтней отставки.

Дѣлалось холоднѣе, чѣмъ далѣе мы подвигались на сѣверъ. 2 декабря. Мы прибыли въ Харбинъ въ девять часовъ утра.

Было тридцать градусовъ мороза.

Грустные извѣстія узналъ я, прибывъ на санитарный поѣздъ. Его отправляли послѣзавтра во Владивостокъ, для ремонта водосточныхъ трубъ, испортившихся отъ мороза.

Мой отпускъ кончался 9 декабря и я рассчитывалъ провести это время вмѣстѣ съ женою въ ея поѣздѣ, который 7 или 8 декабря долженъ былъ вернуться въ Мукденъ. Вмѣсто того приходилось разстаться пятью днями раньше конца отпуска и вернуться къ мѣсту служенія въ пассажирскомъ вагонѣ, биткомъ набитомъ офицерами и чиновниками.

Такъ какъ купе, которое я занималъ, было дано генералу Павлову, то мнѣ пришлось переѣхать въ Харбинъ. Въ гостиницахъ и подворьяхъ я не нашелъ ни одного номера. Меня приютилъ племянникъ, г. Мартыновъ, уполномоченный дворянскаго отряда.

Я отправился утромъ 5-го на запасный путь станціи, гдѣ стоялъ бѣлый поѣздъ. Говорили, что онъ отойдетъ только въ 12 часовъ дня.

Жена была занята съ своими ранеными и я только урывками могъ обмѣняться съ нею словомъ. Было 11 часовъ, поѣздъ тронулся, я думалъ, что онъ маневрировалъ, но вотъ мы ѣдемъ все шибче и шибче и оставили позади Харбинъ по дорогѣ во Владивостокъ. Я испугался не на шутку; къ счастью, въ Старомъ Харбинѣ была короткая остановка и я успѣлъ соскочить съ поѣзда.

Какой-то господинъ проѣзжалъ въ американкѣ, я спросилъ его не ѣдетъ ли онъ въ Новый Харбинъ и не можетъ ли меня подвести. Отвѣтъ былъ утвердительный, я подсѣлъ къ нему и мы скоро подъѣхали къ вокзалу.

Комендантъ станціи разсадилъ по мѣстамъ отъѣзжавшихъ въ половинѣ третьяго, но поѣздъ тронулся только въ половинѣ седьмого. Меня и другого подполковника, пѣхотнаго, помѣстили въ одномъ купе, въ концѣ вагона, до котораго не доходило отоп-

леніе поверхъ трубъ, служившихъ для нагрѣванія, откладывался ледъ и понемногу образовалась ледяная кора подъ скамейками. На буфетныхъ станціяхъ, какъ всегда, приходилось брать блюда съ бою. Если бы я не купилъ провизіи въ Харбинѣ, намъ пришлось бы голодать.

Несмотря на полушубки и валенки, мы зябли въ нашемъ вагонѣ, а въ другомъ его концѣ офицеры сидѣли безъ мундировъ и страдали отъ нестерпимой жары, такъ какъ печь по содѣйствию накалилась до красна.

Мы прибыли въ Мукденъ только 8 декабря въ 8 часовъ утра.

Я телеграфировалъ Ловцову, чтобы онъ выслалъ мнѣ лошадей, но ихъ не было ни на вокзалѣ, ни въ развѣдочной сотнѣ, гдѣ обыкновенно располагались мои вѣстовые по знакомству.

Договорилъ я китайца съ фудутункой, чтобы довести меня до Су-ху-дя-пу. Закупилъ провизіи и разныхъ запасовъ въ экономическомъ обществѣ, позавтракалъ въ вагонѣ—столовой иностранныхъ военныхъ агентовъ и двинулся въ путь.

Фудутунка—двухколесная плоская телѣжка, лежавшая прямо на оси, съ низкимъ верхомъ, сидѣнія нѣтъ, поэтому спустить ноги можно, только свѣсивъ ихъ наружу. Во время движенія по плохой дорогѣ голова бьется о стѣнки и потолокъ. Можно себѣ представить, насколько было пріятно пропутешествовать четыре часа въ такомъ экипажѣ, да еще при двѣнадцатиградусномъ морозѣ. Я былъ радъ, когда окончилась эта пытка.

Выбранная мною фанза была оставлена въ моемъ распоряженіи.—Явился къ командиру полка до истеченія срока отпуска.

13 декабря. Войсковой старшина Куклинъ, казначей Лоншаковъ и я охотились съ конными загонщиками изъ казаковъ, въ заросляхъ вдоль берега Хунь-хэ. Заячьи тропы переплетались во множествѣ на песчаныхъ буграхъ съ рѣдкою растительностью; въ нѣкоторыхъ загонахъ зайцы выбѣгали по нѣсколькимъ штукъ сразу. Надъ нами пролетали стремительно стаи незнакомыхъ мнѣ птицъ, которыхъ казаки прозвали манчжурскими рябчиками или куропатками, хотя ничего схожаго съ ними не было. Она меньше куропатки, съ пестро-сѣрымъ опереніемъ, съ хохолкомъ на головѣ и рывжимъ пятномъ подъ зобомъ; попадались также перепела, но мало. Лоншаковъ убилъ двухъ манчжурскихъ куропатокъ и двухъ зайцевъ.

14 декабря. Мы опять выѣхали на охоту. Былъ ясный, тихій день съ небольшимъ морозомъ. Переправились на правый берегъ Хунь-хэ. На рѣкѣ, въ прорубяхъ, Куклинъ установилъ плетенныя изъ ивняка рыболовныя снасти.

Зайцевъ было много, но мы стрѣляли неважно, одинъ перевернулся послѣ моего выстрѣла, его добилъ Лоншаковъ.

17 декабря. Плаутинъ, ходившій съ двумя сотнями на рекогносцировку къ югу, по долинѣ Ляо-хэ, подошелъ только ночью къ станціи Синминтинской желѣзной дороги, разбудилъ спавшаго въ конторѣ служащаго и обратился къ нему по-англійски, требуя показать книги провоза кладей по ж. д.

(Плаутину было поручено узнать, не доставляли ли китайцы по этой дорогѣ продукты японской арміи, что было бы признано нарушеніемъ нейтралитета со стороны Китая).

Служащій былъ китаецъ, помощникъ англичанина начальника станціи, уѣхавшаго въ Инкоу, для празднованія Рождества Христова съ единоплеменниками. Китайскій чиновникъ ни на минуту не сомнѣвался, что передъ нимъ былъ чистокровный англичанинъ, присланный изъ правленія ж. д. для провѣрки книгъ. Да и не удивительно, такъ какъ Плаутинъ говорилъ по-англійски превосходно, а бурка скрывала его форменную черкеску съ погонами и газырями. Получивъ требуемыя свѣдѣнія, Плаутинъ удалился. Только утромъ служащіе на ж. д. и китайскіе солдаты узнали, что у станціи стояли казаки, и вѣроятно сейчасъ же были посланы телеграммы по всей линіи и въ Инкоу.

На обратномъ пути боковой разъѣздъ имѣлъ стычку съ хунхузами, при чемъ были ранены два казака.

Китайцы говорили, что хунхузскій отрядъ въ 1500 человекъ наканунѣ прошелъ на сѣверъ по той дорогѣ, по которой шли наши сотни; вѣроятно они разошлись во время ночного движенія къ станціи.

Выяснилось, что долина между Хунь-хэ и Ляо-хэ, почти вплоть до Инкоу, была свободна отъ японскихъ войскъ. Фуражъ имѣлся въ изобиліи въ китайскихъ деревушкахъ.

Вернулся тоже князь Тумановъ, посланный съ двумя сотнями въ районъ непріятельскаго расположенія для рекогносцировки. Одинъ взводъ его отряда, подъ командою князя Елдарова, преслѣдуя японцевъ, налетѣлъ на ихъ окопъ. Семнадцать японцевъ было зарублено, но при этомъ были убиты Елдаровъ, подскочившій къ нему на выручку его вѣстовой и нѣсколько всадниковъ.

19 декабря. Сегодня за границую праздновался новый годъ. Воспоминанія о прошломъ навѣяли на меня грусть, и я былъ радъ приглашенію на ужинъ къ командиру полка Левенгофу. Мои новые товарищи приняли меня радушно и разогнали мрачныхъ чортиковъ.

20 декабря. У меня завтракали Плаутинъ и отрядный докторъ Бекорецкій. Былъ сильный морозъ съ вѣтромъ.

21 декабря. Завтракалъ у меня Макъ-Куллахъ, корреспондентъ Нью-Йоркъ-гералда въ Парижѣ.

Передъ вечеромъ раздались залпы нашихъ батарей, стрѣлявшихъ по передвигавшейся артиллеріи противника. Моя фанза дрожала отъ выстрѣловъ. Были видны разрывы непріятельскихъ шрапнелей.

За недостаткомъ мѣста у себя я давалъ ужинъ командиру полка и его штабу въ ихъ фанзѣ. Пепино подалъ намъ: макароны въ томатахъ по-неаполитански, галантинъ изъ курицы, бараньи котлеты съ соусомъ, субизъ и пломбиръ изъ ананасовъ. Все было очень вкусно и имѣло большой успѣхъ.

Время проходило однообразно: утромъ я ходилъ смотрѣть на занятія въ сотняхъ или исполнялъ распоряженія командира полка о наблюденіи за внутреннимъ порядкомъ сотенъ.

Въ полдень, когда не было слишкомъ вѣтрено, я выходилъ за деревню, чтобы подкараулить пролетавшія стаи манчжурскихъ куропатокъ. Онѣ пролетали каждый день въ разныхъ мѣстахъ многочисленными стаями съ быстротою брошеннаго камня. Ходилъ я на Хунь-хэ, гдѣ въ проталинахъ поили лошадей.

Носились слухи о предстоящемъ наступленіи. Одинъ день всѣ офицеры и по взводу отъ каждой сотни были вызваны въ расположеніе батареи В. ст. Гаврилова, гдѣ артиллеристы показали намъ, какъ слѣдуетъ вывозить орудія съ позицій, если перебиты лошади въ передкахъ. Казаки, русскіе и буряты, очень скоро научились накидывать веревку на головную часть лафета и везти орудіе, хоботомъ назадъ, двумя и даже одною лошадыю.

Вечеромъ офицеры и урядники были собраны въ офицерскомъ собраніи, гдѣ подпор. Уссурійскаго желѣзнодорожнаго баталіона Трусовъ демонстрировалъ, какъ слѣдовало обращаться съ пироксилиновыми шашками для порчи желѣзнодорожныхъ путей, сооруженій и мостовъ.

Все это доказывало, что предвидѣлись дѣйствія коннаго отряда въ тылу у непріятеля.

24 декабря. Мои вѣстовые сказали, что выступленіе назначено на 26 или 27 декабря, что мы пойдемъ будто бы для

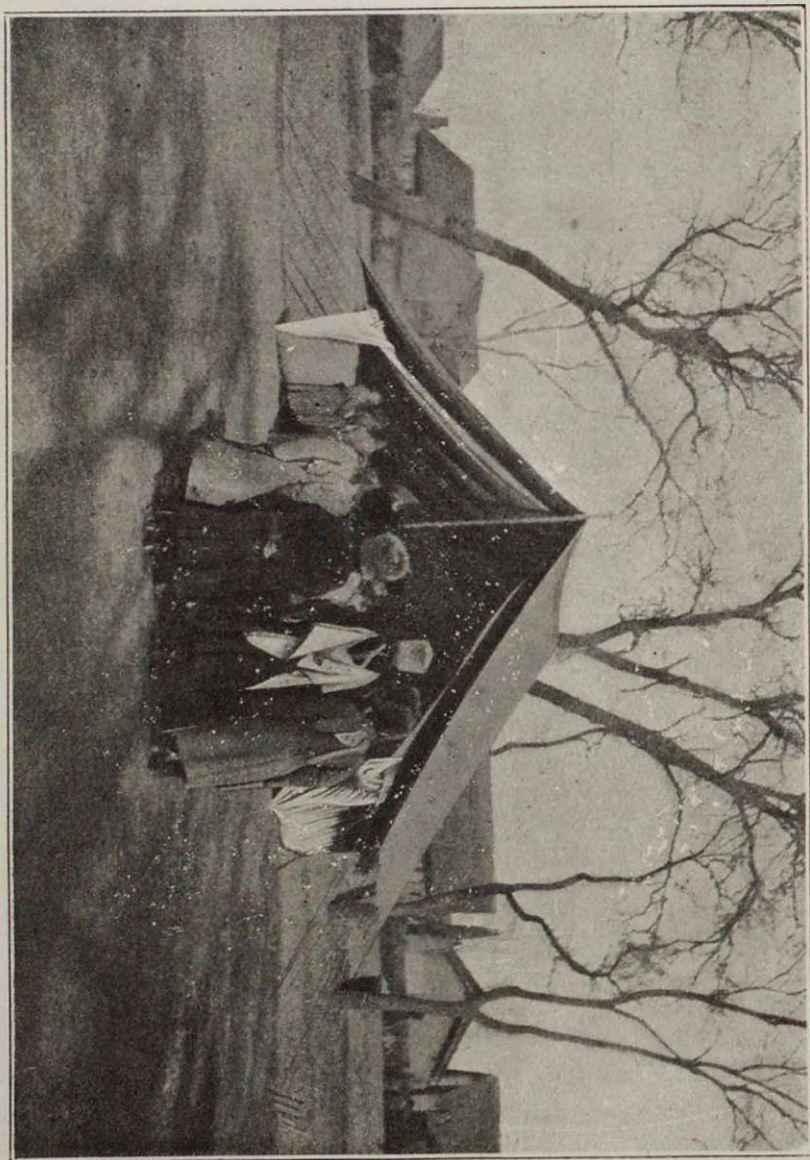

140 bis. Водопой на Хунь-хэ.

наказанія хунхузовъ, вырѣзавшихъ офицера и четырнадцать всадниковъ Терско-Кубанскаго полка, ѣздившихъ на фуражировку. Только двое вернулись и рассказали о случившемся.

Пепино съ вечера принялся готовить заказанный ему на завтра обѣдъ для офицеровъ полка — было рѣшено постороннихъ не приглашать.

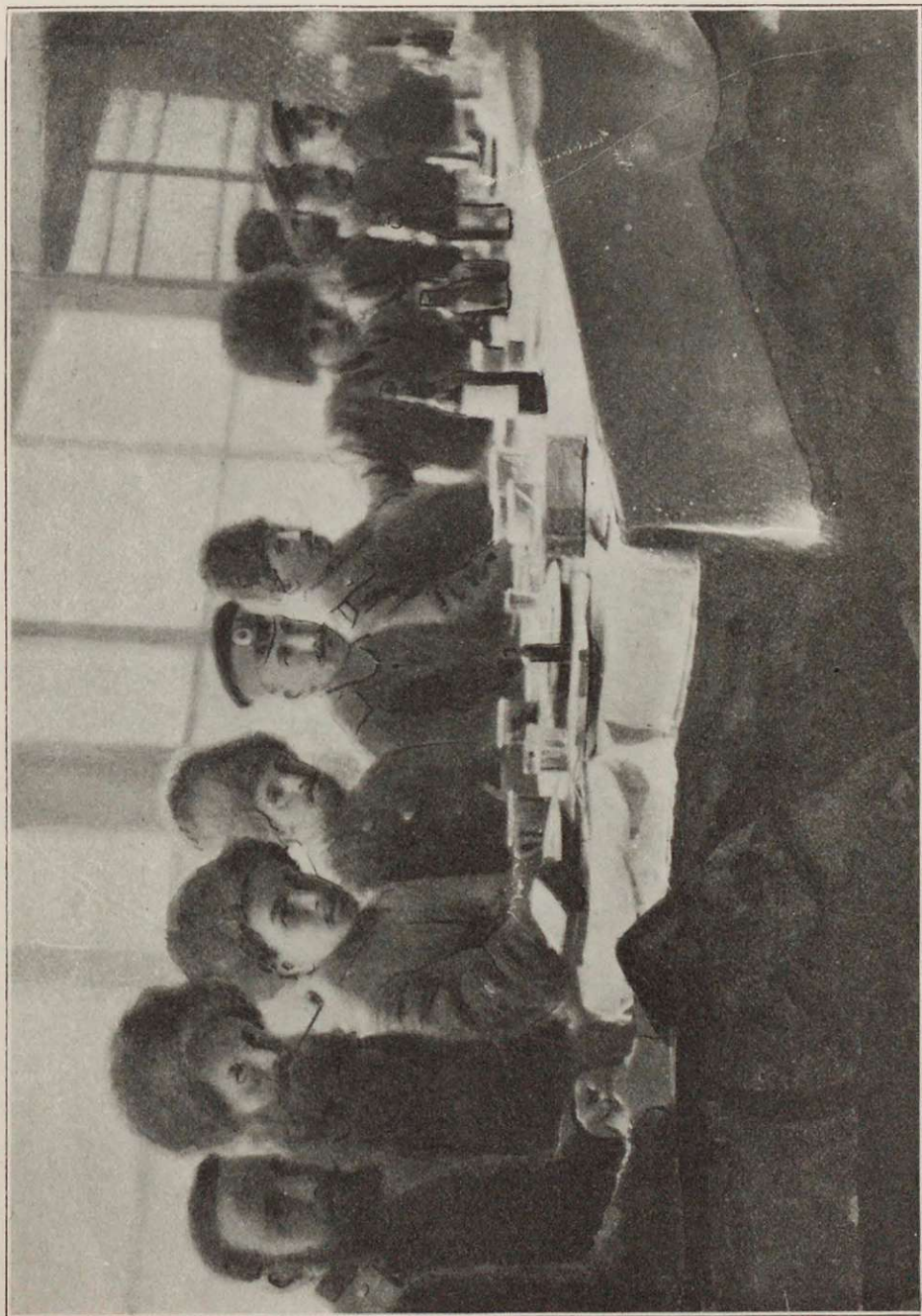
25 декабря. Послѣ обѣдни въ церковномъ шатрѣ, въ при-

141. Собираніе начальниковъ отдѣльныхъ частей передъ походомъ на Инкоу
25 декабря 1904 г.

сутствіи начальниковъ отдѣльныхъ частей отряда, офицеровъ и по сотнѣ отъ каждаго полка, былъ церковный парадъ.

Генераль Мищенко поздравилъ казаковъ съ праздникомъ и пожелалъ здоровья и счастья ихъ семьямъ. Онъ говорилъ громкимъ голосомъ, слышнымъ на большомъ разстояніи; въ каждомъ

142. Обѣдъ въ собраніи 1-го Верхнеудинскаго казачьяго полка на Рождество 1924 г.

142 bis. Обѣдъ въ собраніи 1-го Верхнеудинскаго казачьяго полка на Рождество 1904 г.

его словѣ чувствовалась искренность и сердечность; не даромъ онъ такъ популяренъ въ войскахъ. О храбрости же его и рѣшимости извѣстно во всей арміи.

Начальники отдѣльных частей были собраны вокругъ генерала Мищенко на совѣщаніе. Теперь уже было извѣстно, что мы выступали завтра, но держалось въ секретѣ, куда мы должны идти, хотя всѣ знали, что мы идемъ на Инкоу.

Макъ-Куллахъ жаловался мнѣ, что генераль Мищенко и полковникъ Левенгофъ сердились на него за то, что онъ просился въ экспедицію, и отвѣтили отказомъ. Они полагали, что это хранилось въ глубокой тайнѣ, тогда какъ М.-К. узналъ о выступленіи отъ своего вѣстового. Я тоже слыхалъ о набѣгѣ въ тылъ непріятеля черезъ своихъ казаковъ, но командиръ полка отвѣчалъ на мои вопросы, что ему ничего не извѣстно.

Для приготовленія обѣда Пепино были назначены въ помощники китаецъ и казаки, прислуживавшіе на кухнѣ, но послѣдніе были такъ пьяны съ вечера, что пришлось обойтись безъ нихъ, проработавъ всю ночь.

У Читинцевъ празднество началось со вчерашняго вечера—музыка и пѣніе раздавались до утра.

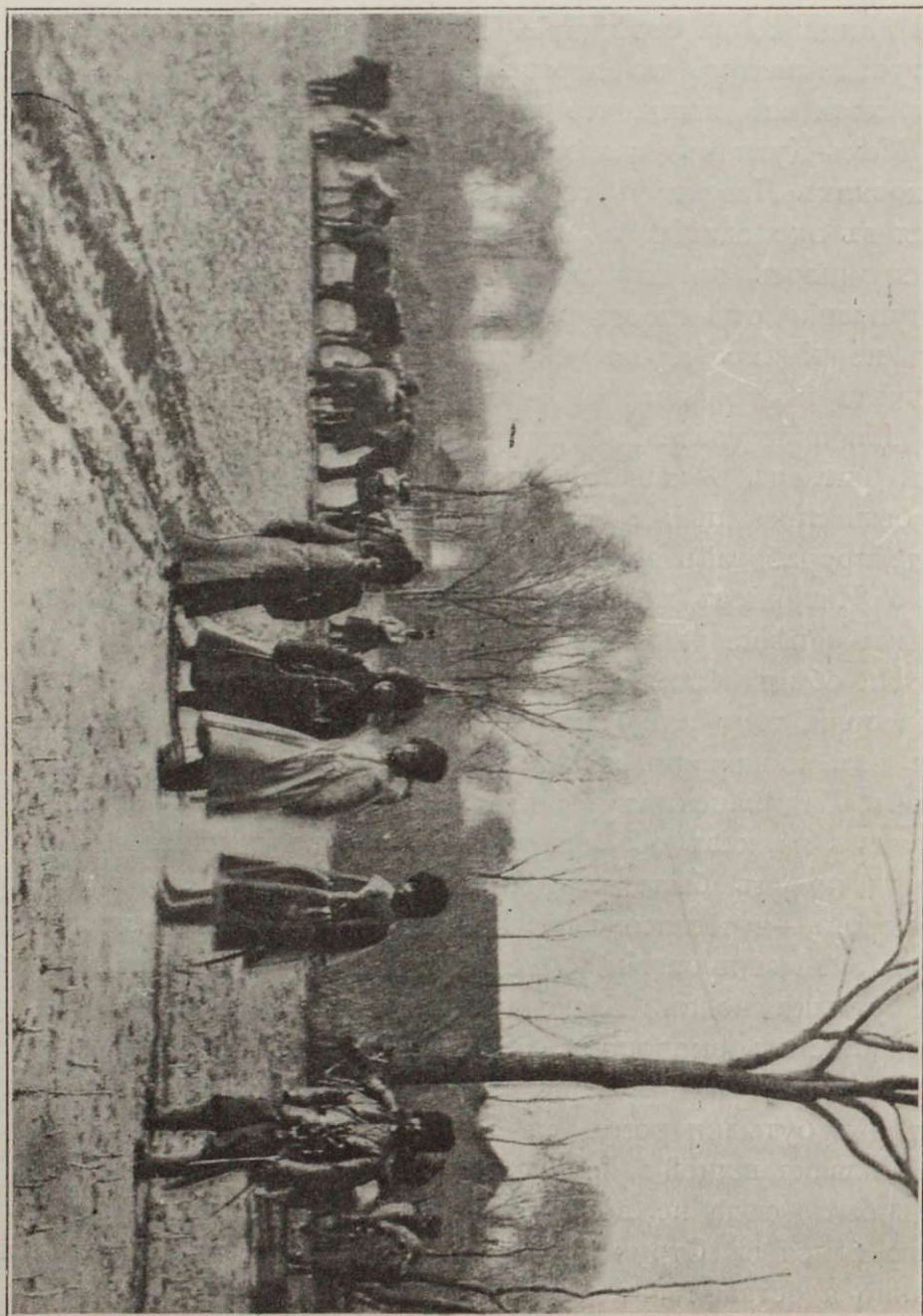
На обѣдъ было подано, послѣ закуски, супъ прентаніеръ, рыба орли, рагу изъ барашка, фазаны жареные на вертелѣ, салатъ изъ консервовъ зелени съ маіонезомъ и парфе изъ ананасовъ. Шампанскимъ угощалъ командиръ полка—сегодня былъ полученъ приказъ объ его утвержденіи въ должности.

Въ походъ было разрѣшено брать одинъ выюкъ на двухъ офицеровъ—я согласился съ Ловцовымъ, мы распредѣлили между собою запасы провизіи: я поставлялъ ѣду, а Ловцевъ напитки—двѣ бутылки водки. Благодаря прибытію маркитанта, мнѣ удалось заpastись окорокомъ ветчины, колбасой, сыромъ и другими закусками. Пепино зажарилъ двѣ курицы на дорогу и я захватилъ двѣ бутылки рому.

Укладка вещей заняла много времени, потому что мы, можетъ быть, сюда не вернемся, съ собой же я бралъ только немного бѣлья въ Струковскомъ сѣдлѣ и одну заводскую лошадь. Пепино я оставилъ въ Су-ху-дя-пу.

Писарь принесъ отъ Левенгофа записку; офицеры полка приглашались въ собраніе на балъ; изъ отряда Краснаго Креста ожидали на балъ пять сестеръ милосердія. Я не пошелъ. Музыка играла до трехъ часовъ утра.

26 декабря. Было еще темно, когда мы начали строиться за южной околицей деревни среди гаюляновых полей. Проходившія мимо войска поднимали страшную пыль.

143. Командиръ 1-го Верхнеудинскаго казачьяго полка, адъютантъ полка и другіе офицеры.

Начальникомъ оставшихся обозовъ былъ назначенъ В. ст. Куклинъ. Какъ я былъ счастливъ, что эта неблагодарная обязанность не выпала на мою долю.

Мы выступили тремя колоннами. Лѣвая, подъ начальствомъ ген.-м. Телешова, состояла изъ 19-го, 24-го и 26-го Донскихъ казачьихъ полковъ, Кавказской казачьей бригады полковника Хана Нахичеванскаго, четырехъ конно-охотничьихъ стрѣлковыхъ командъ, 2-й Забайкальской казачьей батареи и двухъ пулеметовъ. Среднюю колонну генераль-маіора Абрамова составляли Урало-Забайкальская казачья дивизія, одна сотня пограничной стражи и 1-я Забайкальская казачья батарея. При нашей колоннѣ ѣхалъ генераль Мищенко и штабъ отряда. Правая колонна, подъ начальствомъ ген.-м. Самсонова, состояла изъ драгунскихъ полковъ, Черниговскаго, Нѣжинскаго и Приморскаго, одной сотни пограничной стражи, 20-й конной батареи и четырехъ поршневыхъ орудій. Всего—семьдесятъ сотенъ и эскадроновъ, четыре охотничьи команды, двадцать два орудія и два пулемета. При средней и правой колоннахъ слѣдовали два отряда Краснаго Креста, а за колонною генерала Абрамова шло 1500 выюковъ съ фуражомъ, сопровождаемыхъ пѣшими людьми; пѣшіе люди несли тоже носилки. Было совершенно непонятно, для чего мы таскали за собой фуражъ, котораго по показаніямъ китайцевъ, провереннымъ Плаутинымъ, было много во всей долинѣ Ляо-хэ. На другой день пѣшихъ людей умудрились посадить на коней, но отъ этого движеніе выюковъ не ускорилося.

Походныя кухни выѣхали впередъ до перваго ночлега, а затѣмъ возвращались обратно въ Су-ху-дя-пу.

Верстахъ въ тридцати пяти отъ Су-ху-дя-пу у д. Сифонтай мы слѣдали часовой приваль. Здѣсь стоялъ штабъ отряда генерала Косаговскаго; генераль Мищенко и начальники отдѣльных частей собрались у него на совѣщаніе.

Мы прилегли подъ стогомъ сѣна и занялись чаеваніемъ. У большинства офицеровъ сильный катценъ-яморъ послѣ вчерашняго празднованія.

Въ пять часовъ пополудни мы прибыли на ночевку въ д. Синдіопа.

27 декабря. Мы выступили въ восемь часовъ утра—очевидно, спѣшить некуда.

Уральцы, шедшіе въ авангардѣ, захватили семнадцать арбъ съ фуражомъ и продуктами, а въ колоннѣ Телешова Кавказцы отбили три японскихъ транспорта.

Нашей Забайкальской бригадой командовалъ временно генераль-маіоръ Баумгартенъ, мой старый товарищъ.

Въ два часа былъ привалъ, а въ шесть пришли на ночевку въ д. Даванъ, сдѣлавъ переходъ въ сорокъ верстъ.

Мой вѣстовой Андрей научился у Пепино кулинарному искусству; на него возложена обязанность кормить нашу небольшую компанію: командира полка Ловцова, адъютанта, доктора и меня. Онъ намъ сварилъ недурной супъ съ курицей и рисомъ.

28 декабря. Мы выступили въ семь часовъ утра. Въ авангардѣ колонны былъ взводъ пограничной стражи и конная охотничья команда 135-го полка. Въ головной части шли 2-я и 3-я сотни нашего полка и одинъ взводъ пограничной стражи. Въ разѣздѣ былъ высланъ подпоручикъ Ельчаниновъ со взводомъ Верхнеудинскаго полка.

Въ одиннадцать часовъ утра было получено донесеніе отъ Ельчанинова, что переправа черезъ Хунь-хэ у д. Калише занята тремя сотнями хунхузовъ.

Въ поддержку головной части была выслана наша 1-я сотня — перестрѣлка уже завязалась.

Генералъ Мищенко приказалъ нашему полку идти въ атаку, стараться обойти и захватить хунхузовъ.

Полкъ двинулся впередъ рысью, переправился черезъ Хунь-хэ у д. Калише, изъ которой хунхузы были выбиты 1-й сотней и Дагестанцами. Лѣвѣе гналась за хунхузами 2-я сотня и взводъ 3-й сотни. Казаки зарубили до тридцати человѣкъ, 5-я сотня подъ командой подьесаула Лоншакова лавою преслѣдовала непріятеля верстъ на пять, тоже зарубила нѣсколько человѣкъ и забрала въ плѣнъ одного хунхуза и трехъ лошадей. Съ этой сотней поскакалъ В. ст. Ловцовъ, ради охоты; 6-я (знаменная) сотня шла на поддержку 5-й.

Хунхузы не дали себя охватить, они ускакали, оказавъ сопротивленіе только въ д. Калише.

Всѣ сотни нашего полка стянулись на привалъ.

Подѣхалъ къ намъ лейтенантъ французской службы Бюртэнъ, прикомандированный ко 2-му Верхнеудинскому полку. Онъ со 2-й сотней принималъ участіе въ стычкѣ съ хунхузами и былъ въ восторгѣ, что наконецъ попалъ въ дѣло. Онъ прибылъ на службу въ полкъ, когда конный отрядъ уже былъ отведенъ на отдыхъ.

На лѣвомъ флангѣ, во время дѣла, былъ убитъ корнетъ Чаплинъ и раненъ ротмистръ Глonti.

Мы снова двинулись впередъ по совершенно ровной мѣст-

ности. Со всѣхъ сторонъ, на разстояніи двухъ, трехъ верстъ, были разбросаны деревни въ садахъ, окруженныхъ по большей части широкими рвами впереди глинобитныхъ оградъ.

По обѣимъ сторонамъ были видны двигавшіяся колонны: лѣвѣе насъ шли Кавказцы, правѣе—драгуны ген. Самсонова.

Ельчаниновъ донесъ, что д. Уцзятуй, черезъ которую мы должны были проходить, была занята ротою непріятельской пѣхоты и полуэскадрономъ кавалеріи. Въ это время тамъ уже завязалась перестрѣлка съ нашими головными частями. Мы свернули вправо и направились на выстрѣлы.

Не доѣзжая деревни, навстрѣчу намъ прискакалъ оттуда командиръ 3-й сотни подѣсауль Чеславскій и просилъ командира полка скорѣе выслать впередъ сотни, чтобы охватить убѣгавшихъ японцевъ, которыхъ было не болѣе шестидесяти человѣкъ. Видно было, что у Чеславскаго разыгралась охотничья страсть—онъ боялся, чтобы не ушла отъ насъ вѣрная добыча, и увѣрялъ, что японцы непременно сдадутся, если ихъ окружатъ со всѣхъ сторонъ. Всѣ заразились его примѣромъ. Конные охотники спѣшили и выбили японцевъ изъ деревни; они стали перебѣгать въ небольшую деревушку среди сада, въ верстѣ къ югу отъ д. Уцзятуй—это былъ ханшинный заводъ Сан-да-канъ (три фанзы). 2-я и часть 3-й сотни взяли вправо. Командиръ полка съ 6-й сотней сталъ у лѣвой околицы деревни, выславъ для охвата японцевъ съ тыла 1-ю и 5-ю сотни. Онѣ пошли на рысяхъ и на высотѣ ханшиннаго завода построились лавою, фронтомъ къ нему.

Японцы продолжали перебѣгать изъ одной деревни въ другую, все время отстрѣливаясь—пули залетали тоже къ намъ.

Если бы сотни не были высланы въ обходъ, онѣ могли бы успѣшно атаковать отсюда бѣгущихъ въ чистомъ полѣ.

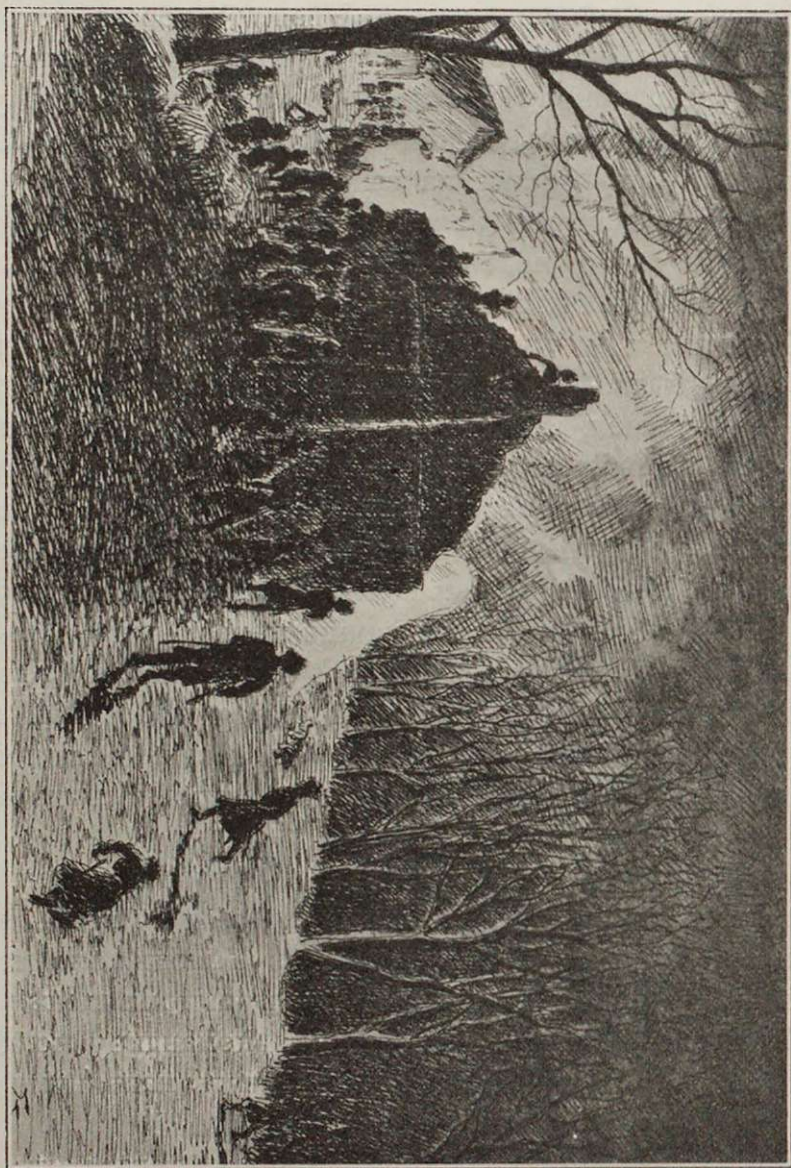
Дѣйствія этихъ сотенъ показались командиру полка нерѣшительными, и онъ приказалъ мнѣ принять надъ ними начальство. Я поскакалъ къ нимъ съ трубачомъ.

Моментъ для атаки былъ пропущенъ, такъ какъ японцы успѣли уже сосредоточиться въ д. Сан-да-канъ. Я намѣревался атаковать ее съ востока и юга длинною цѣпью лавы и не тутъ, то тамъ ворваться въ деревню, но руководить лавою не легко: нужно свыкнуться съ нею, спѣться такъ, чтобы каждый казакъ понималъ по знаку, что отъ него требуется.

Лава Донцовъ и кавказскихъ казаковъ, которыми я коман-

доваль въ прежніе годы, была послушна и творила чудеса въ рукахъ опытнаго начальника: она угрожала непріятелю со всѣхъ сторонъ, дразнила его, не пропуская случая напасть на слабыя его части, и сама была неуязвима. Лава, отступавшая передъ

144. Ночная атака ханшиннаго завода „Сан-да-канъ“.

противникомъ, во много разъ превосходящимъ ее силою, уворачивалась отъ прямого нападенія, увлекала его—куда ей было выгодно, заставляла подчиняться своей волѣ, задерживала его или наводила на наши батареи и укрѣпленныя позиціи.

Не то было здѣсь—я подаваль сигналы, охрипъ отъ крику

но меня не слышали или не понимали. Можетъ быть, Забайкалецъ Ловцовъ сумѣлъ бы увлечь своихъ сородичей, но мнѣ это не удалось.

Лавы нерѣшительно подвигались впередъ и встрѣченныя огнемъ непріятеля медленно отступали, тогда какъ нуженъ былъ бы порывистый, стихійный налетъ, который устрасилъ бы врага и заставилъ бы его положить оружіе. Начальникъ можетъ передать подчиненнымъ такое душевное настроеніе, когда онъ находится съ ними въ близкомъ соприкосновеніи, но какое можетъ быть общеніе съ цѣпью, растянutoю на цѣлую версту?

Боясь, чтобы японцы не ушли незамѣтно, я приказалъ командиру 1-й сотни есаулу Шестакову податься влѣво и атаковать ихъ, если бы они пытались пробраться въ слѣдующую деревню. 5-я сотня пододвинулась тоже, чтобы не упустить непріятеля.

Въ это время слѣва пошла въ атаку на деревню съ гикомъ развѣдочная полусотня Шатилова. Чтобы поддержать ее, я приказалъ Лоншакову идти въ атаку съ фронта и поскакалъ къ 1-й сотнѣ, чтобы передать то же приказаніе.

Пока 1-я сотня замѣшкалась, 5-я уже отступала, потерявъ нѣсколько человѣкъ ранеными. Не удалась также лихая атака полусотни Шатилова, хотя она проникла въ самую деревню.

Мнѣ было дано знать, что лейтенантъ Бюртэнъ, атаковавшій японцевъ со 2-й сотней лѣвѣе развѣдчиковъ, былъ тяжело раненъ и оставленъ на мѣстѣ, такъ какъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ не оказалось возможности его вынести, у командира сотни подъесаула Коптева была подбита лошадь и онъ едва выбрался изъ деревни, преслѣдуемый ожесточенными выстрѣлами противника.

Чтобы вынести Бюртэна или его тѣло, если онъ былъ убитъ, я рѣшилъ атаковать Сан-да-канъ въ пѣшемъ строю, такъ какъ при атакѣ лавою выяснилось, что впереди деревни былъ широкій ровъ. Обѣимъ сотнямъ было приказано спѣшиться и перейти въ наступленіе, останавливаясь, гдѣ мѣстность давала какое-нибудь укрытіе, чтобы обстрѣлывать непріятеля. Одновременно я послалъ командиру полка донесеніе, что я спѣшилъ сотни и атакую деревню съ юга и прошу его поддержать мою атаку.

Пока я писалъ это донесеніе, сзади насъ, казалось недалеко, слышался грохотъ колесъ артиллеріи на мерзлой землѣ. Я задержалъ наступленіе сотенъ и послалъ урядника къ на-

чальнику колонны просить подкрѣпленія и два орудія, чтобы покончить съ японцами, которыхъ мы окружили.

Скоро вернулся урядникъ и съ нимъ вмѣстѣ подошли четыре сотни Читинскаго полка, подъ командою в. ст. Перфильева. Онъ передалъ мнѣ, что былъ присланъ генераломъ Самсоновымъ въ мое распоряженіе и что сейчасъ прибудетъ взводъ поршневой батареи. Въ это время раздалась орудійная пальба восточнѣе д. Уцзятуй—снаряды стали рваться, перелетая Сандаканъ и только немногіе надъ нимъ, не причинивъ никакого вреда постройкамъ. Послѣ пятнадцати или болѣе выпущенныхъ безрезультатно снарядовъ пальба прекратилась.

Мы не знали, кто тамъ стрѣлялъ—въ этомъ направленіи должна была проходить колонна Телешова. Если же огонь былъ открытъ взводомъ, назначеннымъ подготовить нашу атаку, то это была напрасная потеря времени и снарядовъ, потому что оттуда не были видны фанзы, которыя слѣдовало разрушать, чтобы выбить изъ нихъ непріятеля, да притомъ разстояніе до деревни было слишкомъ велико, чтобы можно было слѣдить за дѣйствіемъ снарядовъ.

Хотѣлъ я послать еще разъ къ генералу Самсонову и просить его скорѣе выслать намъ орудія, но въ это время подъѣхалъ ординарецъ отъ генерала Мищенко, вольноопредѣляющійся баронъ Вольфъ и передалъ мнѣ устное приказаніе генерала бросить японцевъ и присоединиться къ отряду, орудіямъ же, направленнымъ ко мнѣ, было приказано вернуться назадъ.

Я поручилъ барону Вольфу передать генералу, что я вынужденъ послушаться его приказанія, такъ какъ на ханшинномъ заводѣ, который мы собирались атаковать, былъ оставленъ тяжело раненый или убитый офицеръ—лейтенантъ Бюртэнъ. Я добавилъ, что буду ждать здѣсь новаго приказанія или подтвержденія прежняго.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Вольфа я получилъ предписаніе командира полка присоединиться къ полку. Такъ какъ Левенгофу было извѣстно изъ моего донесенія о судьбѣ Бюртэна, то мнѣ оставалось только подчиниться, такъ какъ онъ бралъ на свою отвѣтственность дальнѣйшее веденіе дѣла.

Я отпустилъ Читинцевъ, отъ души сожалья, что намъ не удалось покончить съ японцами, пока еще было свѣтло. Теперь уже начинало темнѣть и артиллеріи пришлось бы дѣйствовать наугадъ.

У насъ была только одна пара конныхъ носилокъ; я приказалъ Лоншакову назначить казаковъ для несенія раненыхъ и установить цѣпочку съ уходившими Читинцами, такъ какъ у насъ никто не зналъ, гдѣ находится отрядъ, не знали мы также, гдѣ былъ нашъ полкъ. Мы провозились здѣсь съ японцами не менѣе трехъ часовъ и всѣ колонны насъ давно обогнали, уходя на югъ. Стояли мы около маленькой фанзы среди гаоляноваго поля, вблизи не было видно дорогъ. Здѣсь мы были защищены отъ выстрѣловъ съ ханшиннаго завода небольшою складкой мѣстности, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы были настолько близко отъ него, что могли слѣдить за неприятелемъ, если бы онъ попытался выйти изъ укрытія.

Полусотня 1-й сотни тоже ушла въ цѣпочку, и я двинулся за нею съ другою полусотнею, съ тяжелымъ чувствомъ оставляя позади себя убитаго, а можетъ быть, еще живаго офицера и безнаказанныхъ японцевъ.

Только что мы тронулись съ мѣста, подъѣхалъ ко мнѣ урядникъ баронъ Вольфъ и сказалъ, что генераль Мищенко приказалъ передать подъ команду полковника Левенгофа изъ колонны генерала Самсонова Нѣжинскій драгунскій полкъ и поршневую батарею, чтобы выбить японцевъ изъ ханшиннаго завода и вынести тѣло Бюртэна, во что бы то ни стало. Батареѣ было приказано обстрѣливать заводъ съ возможно близкой дистанціи, шаговъ на четыреста и затѣмъ штурмовать его нашему полку, такъ какъ это было для насъ дѣло чести.

Въ это время подошла колонна съ генераломъ Самсоновымъ во главѣ; онъ позвалъ меня и сказалъ, что деревня, гдѣ было оставлено тѣло Бюртэна, была имъ обстрѣлена, и затѣмъ онъ прошелъ черезъ нее насквозь всюю колонною, не видя ни одного японца. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать туда съ тѣми частями Верхнеудинскаго полка, которыя были подъ моимъ начальствомъ и подбратъ тѣло Бюртена.

Когда я собирался ѣхать туда съ оставшейся у меня полусотней, прибылъ сотникъ Шатиловъ и сказалъ, что онъ былъ сейчасъ у ханшиннаго завода съ развѣдочной полусотней, что его обстрѣляли японцы, не покидавшіе завода. Здѣсь было очевидно недоразумѣніе: генераль Самсоновъ вѣроятно обстрѣливалъ и прошелъ потомъ черезъ д. Уцзятуй, предполагая, что Бюртэнъ былъ убитъ тамъ. Нѣкоторые офицеры говорили, что они видѣли раненаго офицера Верхнеудинскаго полка, котораго отво-

зили въ Красный Крестъ на двуколку—они думали, что это былъ Бюртэнъ. Если они не ошиблись, то незачѣмъ было жертвовать жизнью многихъ другихъ за поисками его тѣла.

Полагая, что въ распоряженіи полковника Левенгофа былъ Верхнеудинскій полкъ, въ полномъ составѣ, генераль Самсоновъ рѣшилъ дать ему только два эскадрона Нѣжинскаго драгунскаго полка и два орудія поршневой батареи. Генераль, кажется, не вѣрилъ, что на ханшинномъ заводѣ остались японцы въ томъ составѣ, въ какомъ они были раньше, т. е. около двухъ ротъ и полуэскадрона—но имъ некуда было уйти: они были окружены нами почти кольцомъ, а немного далѣе проходили наши колонны, имѣя дозорныхъ, раскинутыхъ въ разныя стороны.

Я отправился на поиски командира полка—было уже совсѣмъ темно. Мы встрѣтились верстахъ въ двухъ къ востоку отъ ханшиннаго завода; при немъ была только одна сотня, что съ моею полусотнею составляло всего около ста двадцати казаковъ, а въ пѣшемъ строю не болѣе восьмидесяти винтовокъ.

Прибыли два эскадрона Нѣжинскихъ драгунъ, подъ командою полковника Ванновскаго, и взводъ поршневой батареи.

Несмотря на приказаніе генерала Мищенко стрѣлять орудіямъ возможно ближе, чтобы совершенно разорить постройки и тѣмъ заставить непріятеля бѣжать, взводъ сталъ на позицію на разстояніи свѣше двухъ тысячъ шаговъ отъ цѣли. Къ этому времени спустился густой туманъ, скрывшій деревню и даже окружающія ее высокія деревья.

Командиръ взвода говорилъ намъ, что поршневые орудія имѣли то преимущество передъ полевыми, что они могли зажечь деревянные зданія. Однако пальба началась, но ничто не загоралось, хотя во всѣхъ деревняхъ имѣлись большіе склады гаюляна, воспламеняющагося очень легко. Куда попадали наши снаряды, самъ Богъ не вѣдалъ.

Если бы загорѣлись фанзы, мы могли бы исполнить свою задачу съ значительно меньшими потерями. Но, видно, намъ никакой помощи отъ артиллеріи ожидать нельзя. Левенгофъ рѣшился перейти въ наступленіе не медля—было уже одиннадцать часовъ вечера.

Оставивъ одинъ эскадронъ драгунъ въ прикрытіе артиллеріи и коноводовъ, Левенгофъ приказалъ мнѣ вести боевую линію въ составѣ спѣшенныхъ Верхнеудинцевъ—около семидесяти чело-
вѣкъ и столько же стрѣлковъ конно-охотничьей команды. Онъ

самъ велъ спѣшенный эскадронъ драгунъ, составлявшихъ нашъ резервъ.

Было приказано подойти къ деревнѣ безъ выстрѣла, по возможности скрытно. Казакамъ, не имѣвшимъ штыковъ, я приказалъ штурмовать въ шашки.

Было очень трудно подвигаться въ темную ночь, среди непроницаемаго тумана, по мерзлому полю, гдѣ срѣзанные гаюляновые стебли торчали вверхъ и на нихъ напарывались ноги. Я не могъ заставить смолкнуть казаковъ, болтавшихъ безъ умолку, охотники шли правѣе казаковъ совершенно безшумно.

Тишина въ рядахъ наконецъ возстановилась — мы увидѣли передъ собою облики деревьевъ, значить, тутъ и деревня. Все было тихо — неужели японцы ушли — закрадывалось разочарованіе. Но въ этой тишинѣ было что-то зловѣщее — оно долго не продолжалось: раздался оглушительный трескъ залпа въ упоръ и воздухъ былъ какъ будто пронизанъ свинцовымъ градомъ. Стоны раненыхъ были заглушены крикомъ ура, бросившихся на штурмъ.

Левенгофъ, все время подгонявшій насъ, шелъ за нами съ резервомъ почти по пятамъ и бросился тоже на штурмъ вмѣсто того, чтобы обождать, пока выяснятся обстоятельства, что было бы пожалуй благоразумнѣе, такъ какъ тогда только онъ могъ бы отбить непріятеля, попытавшагося зайти намъ въ тылъ.

Среди безпорядочной пальбы, всѣ скучились за стѣною фанзы, кричали ура, но далѣе не двигались. Но вотъ драгунскій унтеръ-офицеръ крикнулъ: „сюда иди, ребята“, и кучка побѣжала за нимъ. Кто-то зажегъ сложенный гаюлянъ и запыхалъ огромный костеръ. Стало менѣе жутко, но зато мы оказались на виду и непріятельскій огонь сдѣлался болѣе мѣткимъ. Все чаще слышались стоны и званіе о помощи.

Японцы, выбитые изъ первой фанзы, перебравшись въ другую; за ними бросился сотникъ Некрасовъ съ казаками, но тутъ онъ былъ смертельно раненъ нѣсколькими пулями въ грудь, плечо и руку и ударомъ по головѣ тесакомъ. Его вынесли, японцы же были перебиты.

Пожаръ разрастался; стрѣльба, стоны раненыхъ, крикъ и плачъ мирныхъ жителей разоряемой деревни, женщинъ и дѣтей — все смѣшалось въ одинъ общій гулъ.

Впереди раздался голосъ: „спасите, я горю“. — Это былъ вольноопредѣляющійся 1-й сотни Рудковскій, раненый одновременно съ Бюртэномъ; онъ пролежалъ здѣсь цѣлый день, ожидая

ежеминутно, что японцы его прикончатъ. Онъ могъ бы быть убитымъ также во время нашей бомбардировки, но на его счастье ни одинъ снарядъ въ деревню не попалъ — это подтвердилъ онъ лично.

Одинъ драгунскій офицеръ хватился за голову и зашатался, онъ былъ контуженъ пулей. Этотъ офицеръ былъ сынъ моего бывшего товарища по полку и племянникъ Баумгартена, корнетъ Крыжановскій. У горѣвшей кучи гаоляна лежалъ убитый,

145. Некрасовъ идетъ навстрѣчу смерти.

а можетъ быть тяжело раненый казакъ; я попробовалъ его оттуда вытащить, но японцы открыли такой ожесточенный огонь, что я поспѣшилъ убраться. Попытки казаковъ его оттянуть изъ огня были также неудачны: одинъ былъ тутъ же раненъ и упалъ около него, но потомъ отползъ и его унесли на носилкахъ.

Кучка солдатъ стала отходить; говорили, что японская кавалерія обходила насъ слѣва.

Чтобы привести свои части въ порядокъ, Левенгофъ отвелъ ихъ немного назадъ, внѣ площади, освѣщенной пожарищемъ.

Мнѣ онъ приказалъ подобрать оставшихся раненыхъ и убитыхъ. Тѣло Бюртэна было уже найдено и унесено назадъ вахмистромъ 2-й сотни Бѣлометовымъ.

Исполнивъ приказаніе командира полка и подобравъ казака,

146. Уборка раненыхъ и убитыхъ

лежавшаго у горѣвшаго гаоляна, я тоже отошелъ назадъ къ кустарникамъ за канавою, гдѣ Левенгофъ, офицеры и нижніе чины ждали возвращенія тѣхъ неутомонныхъ, которые продолжали перестрѣлку съ остатками японской пѣхоты, державшейся еще въ послѣдней фанзѣ.

Подошелъ къ намъ Баумгартенъ и спросилъ, найденъ ли Бюртэнъ. Онъ хотѣлъ самъ пройти въ деревню, чтобы лично убѣдиться, что тамъ не было оставлено раненыхъ и убитыхъ. Его однако отговорили: хотя бой почти прекратился, все же пули летали повсюду и не было никакой надобности напрасно подставлять себя подъ выстрѣлы.

Наши еще продолжали стрѣлять, но японцы имъ не отвѣчали — большая часть была уничтожена, остальные бѣжали.

Атакуя фанзу, въ которой упорно держались японцы, Неклюдовъ приказалъ казакамъ стрѣлять прямо въ глинобитную стѣну;

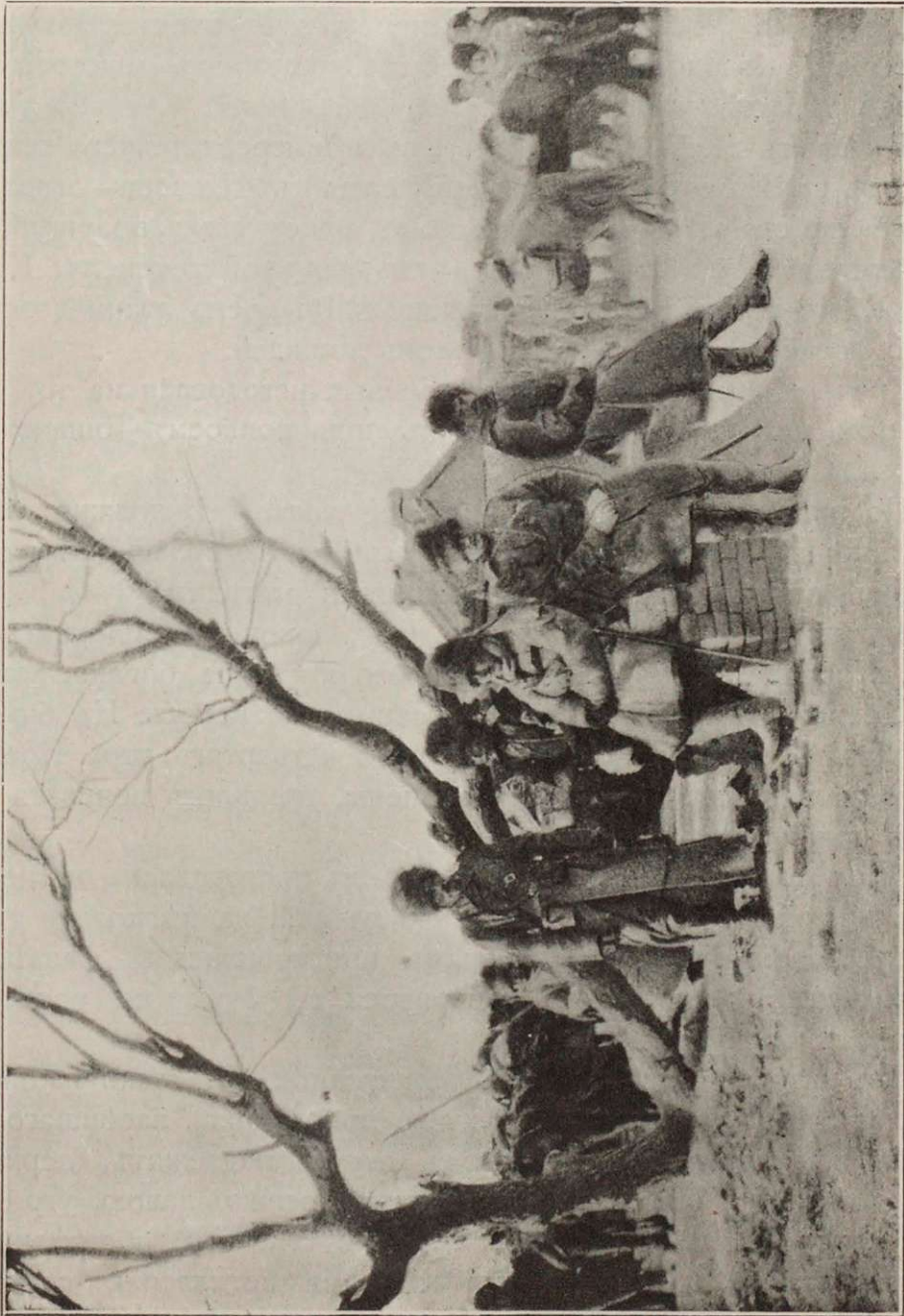
147. Смерть лейтенанта Бюртэна.

послышались стоны раненыхъ и японцы скоро покинули фанзу. Этотъ пріемъ не мѣшало имѣть въ виду, дѣйствуя противъ непріятеля, защищеннаго легко проницаемой преградой.

Насилу удалось вывести казаковъ и солдатъ, продолжавшихъ громить деревню. Они стрѣляли, галдѣли, добивали попавшихся имъ японцевъ и были такъ увлечены этимъ занятіемъ, что не хотѣли уходить.

Мы стали отходить къ коноводамъ. Это было довольно трудно: удаляясь отъ пожара, ночь казалась еще темнѣе, а туманъ скрылъ все вокругъ — не было никакой возможности ориентироваться. Поплутавъ немного, мы добрались однако до своихъ.

Командиръ драгунскаго дивизіона, полковникъ Ванновскій не досчитываясь своихъ людей и отправился съ эскадрономъ къ пожарищу, чтобы ихъ разыскать.

148. Привалъ у кумирни.

Въ ожиданіи возвращенія драгунъ, мы легли на землю и пробовали спать, но морозъ проникалъ до самыхъ костей и вспотѣвшіе отъ усиленнаго напряженія члены совсѣмъ ооченѣли.

Докторъ пришелъ сказать намъ, что Михаилъ Михайловичъ Некрасовъ сейчасъ скончался, не теряя сознания до послѣдней минуты. Его братъ, Андрей Михайловичъ, былъ въ неутѣшномъ горѣ. Привязанность братьевъ другъ къ другу была трогательная. И офицеры, и нижніе чины любили и уважали этихъ славныхъ и доблестныхъ молодыхъ людей—рослыхъ, красавцевъ, настоящихъ витязей русской старины.

Въ этомъ дѣлѣ были ранены изъ офицеровъ нашего полка: Исаковъ и Комаровскій—тяжело, сотникъ Шемера—легко и остался въ строю. У Левенгофа былъ прострѣленъ полушубокъ, у адъютанта Дмитрова—папахъ, надъ самымъ теменемъ. Казаковъ убито три и ранено девятнадцать. Во время атаки деревни лавою убито и ранено тридцать семь лошадей.

Врачи Краснаго Креста и военные негодовали на то, что раненыхъ не отправляли на бивакъ подъ конвоемъ—они прямо замерзали.

По направленію къ юго-востоку, тамъ, гдѣ должны были быть японцы, показались огневые сигналы на большой высотѣ; что они означали, мы, конечно, не могли разгадать.

Мы прождали драгунъ болѣе часу, наконецъ тронулись въ путь, направляясь на отдаленное зарево костровъ бивака, замѣтное, несмотря на туманъ, на разстояніи пяти верстъ. Къ биваку у д. Лидіоза мы подошли въ половинѣ четвертаго утра. Костры догорали, всѣ фанзы были переполнены, пришлось ночевать на дворѣ при лютомъ морозѣ.

Меня встрѣтилъ Андрей, у него былъ приготовленъ въ котлѣ очень вкусный супъ изъ курицы, хватившій на нѣсколько офицеровъ. Левенгофъ съ Дмитровымъ пристроились въ фанзѣ съ дивизионными писарями. Я завернулся въ бурку и, несмотря на холодъ, заснулъ.

Изъ штаба отряда получено приказаніе: „Всячески избѣгать лобовыхъ атакъ въ конномъ строю противника, засѣвшего за валами или деревьями; въ этомъ случаѣ надлежитъ, держась внѣприцѣльнаго выстрѣла, окружить деревню лавою, угрожая пути отступленія противника; при упорствѣ его, обстрѣливать деревню (валъ) однимъ, двумя взводами артиллеріи, снаряды беречь—будутъ нужны. Атаковать противника на чистомъ мѣстѣ, пѣхоту—обязательно лавою. Нач. штаб. полк. кн. Вадбольскій“.

Затѣмъ было прислано дополнительное приказаніе: „Въ виду главной цѣли нашего движенія—станція Инкоу, которую прика-

зано разрушить, желательно не задерживаться въ пути, вслѣдствіе чего я рѣшилъ обойти Нью-Чжуанъ и стать на ночлегъ между нимъ и ст. Инкоу. Только по полученіи точныхъ свѣдѣній о слабости гарнизона въ Н.-Ч. займу его. Дабы не нести потери при нашихъ незначительныхъ перевозочныхъ средствахъ, прошу такіе укрѣпленные пункты, какъ вчерашній сулевой заводъ, обходить, атакуя лишь части непр., кои отступаютъ на пути нашего слѣдованія открыто. Мѣсто ночлега будетъ объявлено на большомъ привалѣ близъ Нью-Чжуана. Ген.-ад. Мищенко“.

29 декабря. Выступленіе было назначено въ восемь часовъ утра, а похороны Бюртэна и казаковъ въ половинѣ восьмого. Тѣло Некрасова братъ везъ съ собой, чтобы похоронить въ Россіи.

Было рѣшено везти раненыхъ съ собой, при средней колоннѣ, въ виду возможности нападенія на транспорты японской кавалеріи и хунхузовъ, если ихъ отправили бы обратно, что вызвало бы необходимость назначенія въ прикрытіе транспортовъ сильнаго отряда. Это распоряженіе замедлило еще больше движеніе нашихъ колоннъ и заставляло напрасно страдать десятки раненыхъ, которыхъ везли на конныхъ носилкахъ и двуколкахъ нѣсколько лишнихъ дней по морозу и безъ должнаго ухода. Многіе изъ раненыхъ не выдержали этой пытки и умерли въ дорогѣ.

Транспортъ раненыхъ подвергался бы опасности нападенія только на одномъ переходѣ до Сифонтая. Неужели же для его охраненія нельзя было удѣлить одинъ или даже два полка изъ тринадцати. При нашемъ черепашьемъ ходѣ кавалерійскій полкъ успѣлъ бы проводить раненыхъ до Сифонтая и нагнать конный отрядъ завтра вечеромъ, если бы это было необходимо.

На похоронахъ, кромѣ генераловъ и всѣхъ офицеровъ, была командирована сотня отъ нашего полка. Почему-то генераль Абрамовъ не разрѣшилъ играть собравшимся музыкантамъ.

Священникъ отслужилъ панихиду, пѣли солдаты съ ружьями и въ походной амуниціи. Похоронили Бюртэна, опустили казаковъ въ братскую могилу, завернувъ каждого въ палатку, и всѣ разбрелись по частямъ, выступавшимъ въ походъ.

Послѣ похоронъ, генераль Мищенко подошелъ къ Левенгофу и мнѣ и пожалъ намъ руку, затѣмъ онъ подъѣхалъ къ нашему полку и сказалъ: „Здравствуйте храбрый, доблестный

Верхнеудинскій полкъ, благодарю васъ за молодецкую службу, благодарю васъ, господа офицеры.“—Голосъ его звучалъ искрен-

149. Пѣхотные японцы.

ностью, сердечностью. Онъ произвелъ глубокое впечатлѣнiе на казаковъ.

Послѣ Мищенко подъѣхалъ къ намъ генералъ Абрамовъ,

начальникъ нашей колонны, онъ снялъ папаху и сказалъ: „Низко кланяюсь вамъ, молодцы Верхнеудинцы“¹⁾.

Подъесаулъ Турбинъ, младшій офицеръ 2-й сотни и соучастникъ дѣла, въ которомъ былъ раненъ Бюртэнъ, рассказывалъ, что, подъѣзжая къ ханшинному заводу, Бюртэнъ выскочилъ впередъ, не слушая предупрежденія Коптева и вахмистра, и кричалъ: „Вторая сотня за мной, ура.“ Онъ былъ раненъ и свалился, но его нога осталась въ стремени, лошадь протащила его почти до стѣны, изъ-за которой стрѣляли японцы; поэтому всѣ попытки казаковъ вынести его оказались тщетными. Очень было жаль симпатичнаго француза—онъ такъ радовался своему крещенію огнемъ, не подозревая, что этотъ день будетъ для него роковымъ.

Нашъ полкъ шелъ въ головѣ колонны главныхъ силъ. Ожидая бой подъ Старымъ Нью-Чжуаномъ, въ восемнадцати верстахъ отъ нашего бивака.

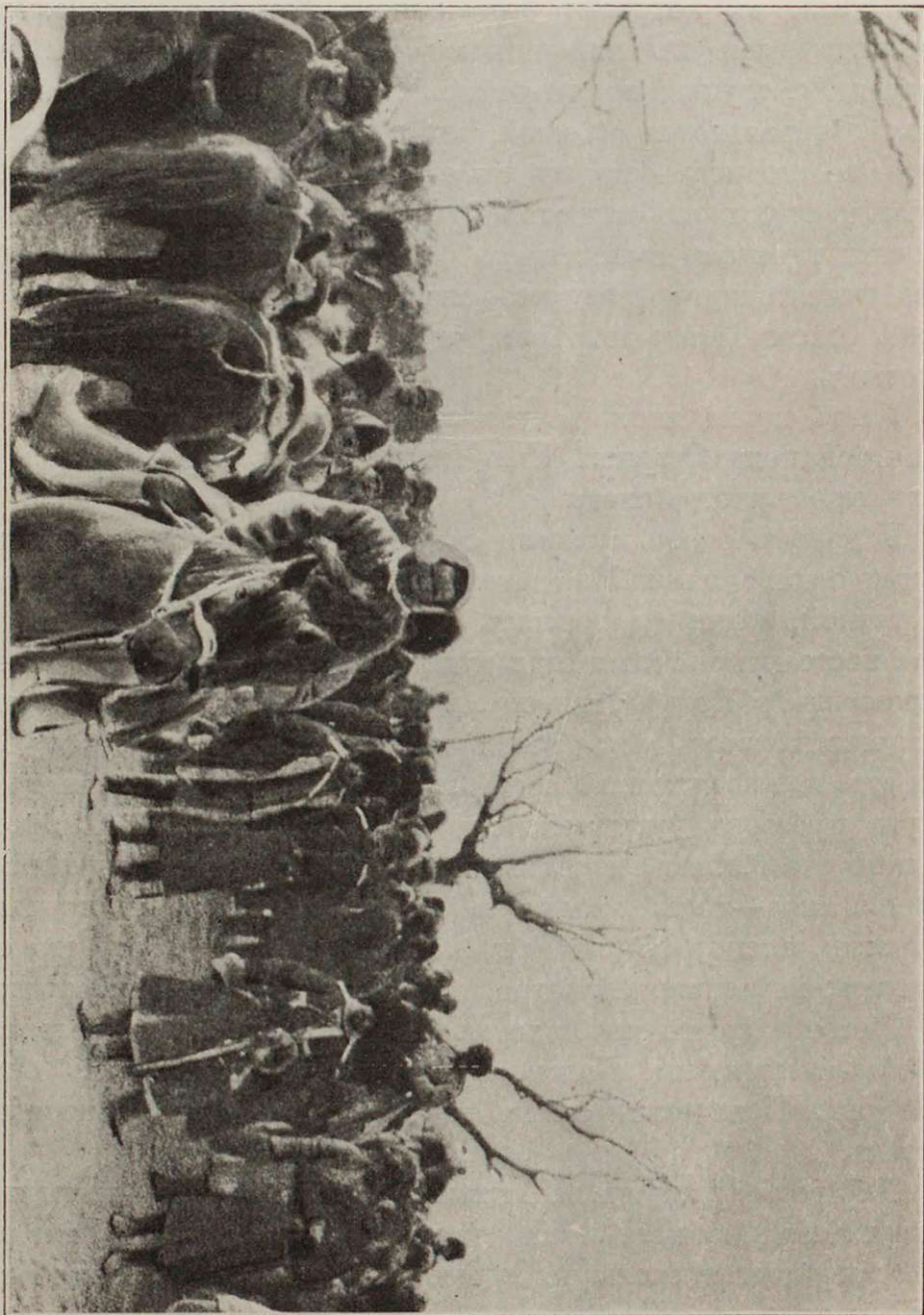
У воротъ одной кумирни сидѣлъ генераль Баумгартенъ со своими ординарцами. Мое вниманіе было привлечено фарфоровой статуэткой, которую держалъ въ рукахъ баронъ Вольфъ. Это была настоящая итальянская мадонна съ младенцемъ на рукахъ. Я спросилъ у Вольфа, гдѣ онъ ее досталъ; онъ отвѣтилъ—„здѣсь въ кумирнѣ, тамъ есть такая же, она стоитъ одинъ рубль.“. Пошелъ я въ кумирню, сразу примѣтилъ мадонну и взялъ ее, сунувъ рубль въ руку молодому рослому бонзѣ. Почувствовавъ на себѣ его взглядъ, я поднялъ голову и увидѣлъ свирѣпое выраженіе лица—тогда только я понялъ, что онъ не продавалъ статуэтку, а смотрѣлъ на насъ какъ на разбойниковъ, его ограбившихъ; мнѣ стало совѣстно, но статуэтку я не возвратилъ.

Около часу мы подошли къ Н.-Ч. Въ авангардѣ раздались ружейные выстрѣлы. Головные части развернулись въ боевой порядокъ. Передовыя сотни построились лавою и поскакали впередъ.

Двѣ роты японцевъ, занимавшихъ Нью-Чжуанъ, отступили къ Инкоу. Казаки сожгли тамъ интендантскіе склады. Наши разбѣды зарубили нѣсколько японцевъ. Андрей Михайловичъ Некрасовъ отводилъ свою душу—одного японца онъ хватилъ шашкой

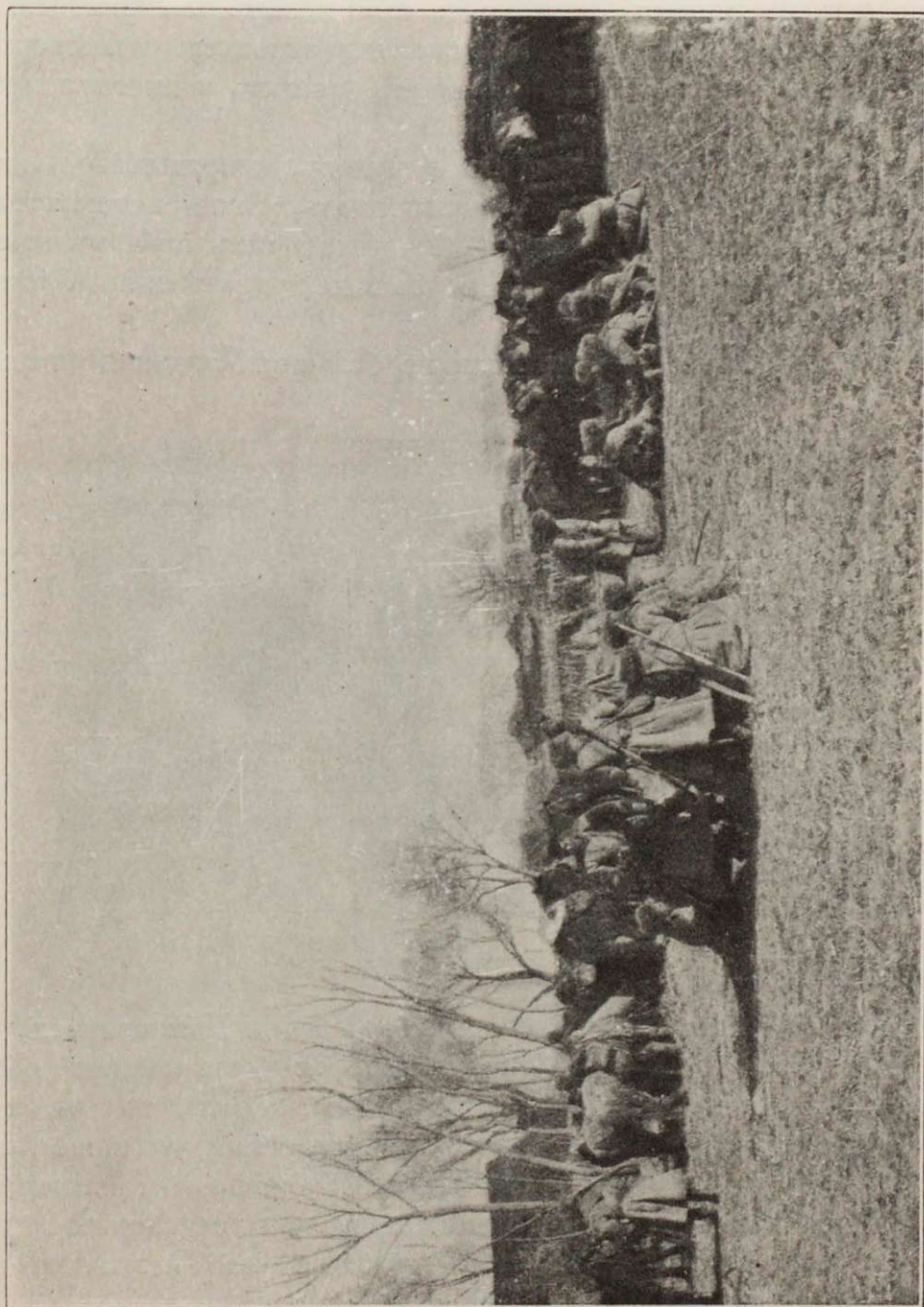
¹⁾ По статуту военного ордена Св. Георгія, Левенгофъ за ночное дѣло подъ Санда-каномъ заслужилъ Георгія, такъ какъ онъ предводительствовалъ отрядомъ, взявшимъ съ боя укрѣпленную деревню и истребившимъ непріятельскій отрядъ, превосходящій его силою.

по головѣ, другому колотымъ ударомъ пробилъ грудь. Въ плѣнъ было взято нами четырнадцать японцевъ. Захвачено много транс-

150. Пленные японцы.

портовъ съ разнымъ товаромъ: скверныя японскія папиросы, такого же качества и происхожденія пиво и бумага для оклейки оконъ въ фанзахъ. Транспорты эти было приказано уничтожить

151. Привать у Нью-Чжуана.

и сжигать. Кому приносился этимъ ущербъ—японцамъ или китайцамъ? Болѣе вѣроятно, что послѣднимъ, такъ какъ транспорты принадлежали купцамъ, возившимъ свой товаръ для продажи.

Въ колоннѣ генерала Самсонова были захвачены транспорты болѣе цѣнные—съ углемъ, керосиномъ, рисомъ и другими продуктами.

Большое количество лошадей и муловъ, выпряженныхъ изъ уничтоженныхъ китайскихъ транспортовъ, было перехвачено нашимъ вьючнымъ транспортомъ. Въ нѣкоторыхъ полкахъ казаки промѣняли своихъ подбитыхъ лошадей на свѣжихъ и тоже забрали нѣсколько муловъ.

За Нью-Чжуаномъ мы пошли по большой Мандаринской до-

152. Въ ожиданіи чая.

рогъ и въ шесть часовъ вечера прибыли въ д. Цзынцзятынъ.

Такъ какъ до станціи Инкоу, которая была нашимъ объектомъ, оставалось только двадцать двѣ версты, то мы, непосвященные въ планы начальства, предполагали, что наше движеніе будетъ безостановочнымъ и сегодня ночью мы нападёмъ на Инкоу. Мы ошиблись однако: приказано остановиться на ночлегъ въ д. Цзынцзятынъ и выступленіе было назначено на слѣдующій день въ половинѣ девятого.

30 декабря. Атаковать станцію Инкоу и уничтожить имѣвшіеся тамъ склады было поручено особому сборному отряду, по сотнѣ и эскадрону полка, подъ начальствомъ полковника Хоранова. Отъ нашего полка была назначена 3-я сотня Чеслав-

скаго. Этотъ отрядъ долженъ былъ подойти къ станціи съ сѣверо-западной стороны и атаковать ее послѣ продолжительной бомбардировки.

Диспозиція по конному отряду № 6.

Д. Такуанхень, 30 декабря, 12 час. дня, карта 2-хъ верстная.

Противникъ силою отъ 300 до 1000 человекъ, по свѣдѣніямъ жителей, занимаетъ станцію Инкоу, гдѣ сосредоточены большіе склады. Я рѣшилъ атаковать станцію и произвести въ ней полный разгромъ, для чего:

1) Сборный отрядъ полковника Хоранова — всего 25 сотенъ и эскадр. съ большого привала выступить въ 3 часа дня и слѣдовать до Цзынцзятынъ, Цумсинифуца, Кинзифу, Кіэнцзячао, д. Дунцзяпуца, атаковать станцію согласно данныхъ личныхъ указаній. Выступить съ большого привала въ 2 часа дня, слѣдовать на линію жел. дор. согласно данныхъ мною указаній.

2) Лѣвая колонна ген.-маіора Телешова — всего 20 сот. и 12 конныхъ орудій. Выступить съ большого привала въ 2 часа 30 минутъ дня и слѣдовать на д. Цзяншицяоцзы, не доходя которой, стать въ резервный порядокъ по лѣвую сторону большой дороги.

3) Правая колонна ген.-маіора Самсонова — всего 11 эскадр. и сот. и 10 орудій. Выступить съ большого привала у Хаукаукхень въ 2 часа 30 минутъ дня и слѣдовать на д. Цзяншицяоцзы, не доходя которой, стать въ резервный порядокъ по правую сторону большой дороги.

4) Резервная колонна ген.-маіора Абрамова — всего 11 сот. Выступить съ большого привала въ 3 часа 30 минутъ дня и слѣдовать по большой дорогѣ до Хаусичауца, гдѣ стать въ резервномъ порядкѣ, озабочиваясь связью съ транспортами.

5) Транспорты (санитарный и выучный) подъ прикрытіемъ 6 сотни. слѣдовать за резервной колонной и стать вагенбургомъ у д. Тумчханпфуца. Поддерживать связь съ рез. кол.

6) Общій перевязочный пунктъ у д. Тумчханпфуца распоряженіемъ отряднаго врача.

7) Послѣ ночного боя всѣмъ собраться къ большой дорогѣ между Хоусичауца и Такаукхень.

8) Всѣмъ нижн. чин. объяснить маневръ и сообщить секр. сл.

9) Я буду у артиллеріи у большой дороги.

10) Замѣстители: ген.-м. Телешовъ, ген.-м. Самсоновъ. Нач. отр. ген.-адъют. Мищенко. Нач. шт. полк. кн. Вадбольскій.

153. Постѣдній привагъ передъ атакю Инкоу.

Въ два часа пополудни мы пришли въ д. Цзяншицяоцзы и простояли тамъ до четырехъ. Затѣмъ мы продвинулись впередъ

и стали въ прикрытіе батарей, занявшихъ позицію на линіи деревень Сихунтай и Хунтай.

Съ трехъ часовъ надъ станціей Инкоу показался черный дымъ на довольно большомъ пространствѣ. Очень вѣроятно, что въ виду нашего наступленія были тамъ подожжены склады.

Артиллерійскій огонь залпами и пачками былъ открытъ въ половинѣ шестого, въ ту минуту, когда солнце, какъ большой оранжевый кругъ, спускалось надъ желѣзнодорожными сооруженіями.

Забайкальская бригада развернулась въ боевой порядокъ позади батарей. Я снялъ фотографію съ этого памятнаго момента позади казаковъ, живописно выдѣлявшихся на фонѣ заходящаго солнца.

Когда стало темнѣть, показалось зарево пожара. Артиллеристы говорили, что горѣли подожженные ими склады. Но такъ какъ огонь показался въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ днемъ былъ виденъ густой черный дымъ, то можно было заключить, что это не было послѣдствіемъ бомбардировки, имѣя еще въ виду, что огонь не разросался.

Я не былъ свѣдуецъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ, но мнѣ часто приходилось слышать отъ артиллеристовъ, что они наносили громадный уронъ непріятелю, когда не попадалъ въ него ни одинъ снарядъ, что зданія были разрушены, когда они потомъ оказывались цѣлехонькими, что непріятельскія батареи были подбиты и вынуждены къ молчанію, когда онѣ мѣняли только позицію.

На этотъ разъ, однако, трудно было допустить, что этотъ пушечный громъ, отъ котораго дрожала земля, не производилъ ужасающаго разрушительнаго дѣйствія.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ, верстахъ въ трехъ отъ насъ началась частая стрѣльба. Неизвѣстно, работали ли тамъ пулеметы Дагестанцевъ или нападали на насъ японцы. Въ этомъ направленіи были ранѣе отправлены сотни для порчи желѣзнодорожнаго пути, но взрывовъ не было слышно.

По диспозиціи батареи должны были обстрѣлять станцію и склады въ теченіе полутора часа и затѣмъ отрядъ Хоранова двинуться въ атаку, оставивъ коноводовъ за большимъ замерзшимъ озеромъ. Были установлены сигналы: три зажженныхъ костра для сбора атакующихъ къ своимъ коноводамъ по окончаніи дѣла. Въ дѣйствительности же батареи стрѣляли болѣе двухъ

часовъ, атака же была поведена чрезъ большой промежутокъ времени, почти черезъ часъ.

Страшно жутко стало, когда въ той сторонѣ, куда мы жадно

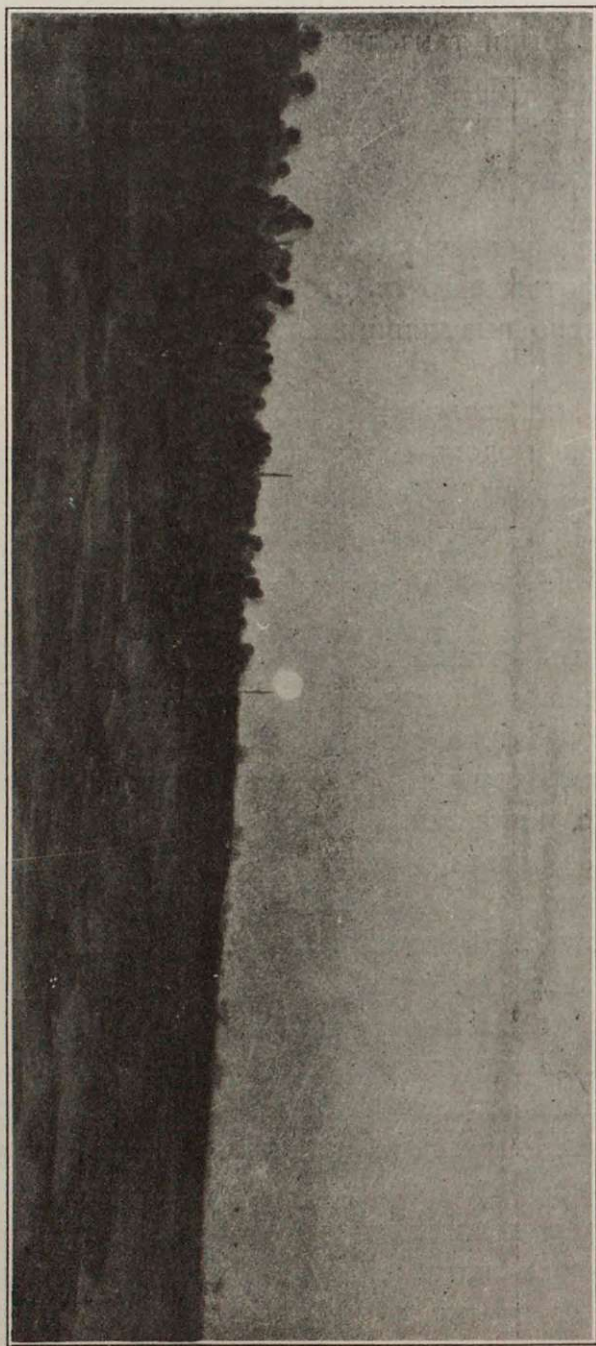
впивались глазами, замигали огоньки и среди тишины вдругъ загремела ружейная перестрѣлка.

Наконецъ, насталъ конечный бой — бой, которымъ должна была увѣнчаться наша экспедиція. Всѣ мысли, все вниманіе были устремлены на то небольшое пространство, гдѣ вспыхивали непрерывные огоньки и слышалась дробь выстрѣловъ. Такъ хотѣлось бы оказать помощь сражавшимся. Хотѣлось бы вѣрить въ ихъ успѣхъ, но сердце болѣзненно сжималось и что-то подсказывало, что дѣло шло неладно. Пожаръ не увеличивался, взрывовъ не было слышно, значить, задачи выполнить не удалось.

Неужели сорокъ двѣ сотни будутъ спокойно смотрѣть на пораженіе двадцати пяти и ничего не предпри-

мутъ, чтобы вырвать побѣду у непріятеля.

Батареи взяли на передки и подъ прикрытіемъ нашего и двухъ Уральскихъ полковъ отошли на ночлегъ въ д. Ленсантынъ.

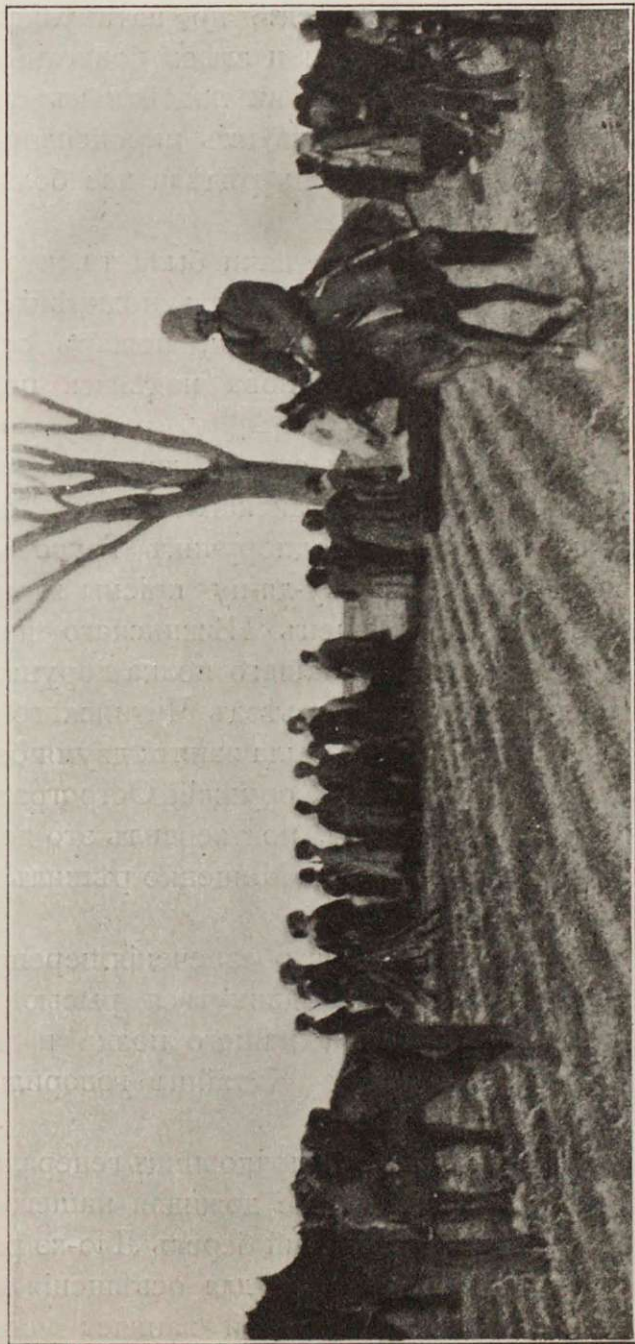
154. Начало бомбардировки Инкоу.

Перестрѣлка въ Инкоу уже стихла давно. Чѣмъ она окончилась, мы не знали, но чуялось что-то недоброе.

31 декабря. Полки выстроились въ резервныхъ колоннахъ за деревнею къ девяти часамъ утра. Перевязка раненыхъ и составленіе транспортовъ задержали насъ до одиннадцати.

У группы деревьевъ, на берегу озера Терцо-Кубанцы хоронили своихъ убитыхъ по уставу Адата.

Вотъ что мы узнали о вчерашнемъ дѣлѣ: японскія войска, на десяти поѣздахъ, подошли съ востока къ Инкоу; передъ вечеромъ они высадили два баталіона пѣхоты, изъ которыхъ одинъ занялъ станцію, а другой повелъ наступленіе на нашъ лѣвый флангъ. Генераль Мищенко послалъ Донской казачій полкъ съ приказаніемъ ихъ атаковать лавою, но атака не удалась и Донцы отступили; японцы насъ не преслѣдовали.

155. Терцо-Кубанцы хоронятъ своихъ убитыхъ, подъ Инкоу.

Полковникъ Хорановъ спѣшилъ отрядъ за озеромъ и повелъ его въ атаку, имѣя впереди минеровъ.

Японцы подпустили насъ на сто шаговъ и открыли бѣшеный огонь. Атакующіе залегли за желѣзнодорожнымъ валомъ, потомъ побѣжали впередъ, но наткнулись на проволочныя загражденія и волчьи ямы и здѣсь понесли большія потери. Нѣсколько разъ пытались они подойти къ станціи и къ складамъ, чтобы взорвать и поджечь ихъ пироксилиновыми шашками, дрались они упорно, но цѣпь рѣдѣла все болѣе и болѣе и наконецъ пришлось отступить.

Главная причина неудачи была та, что японцы успѣли подготовиться къ атакѣ и получить подкрѣпленія. Они заранее подожгли деревянные постройки, пожаръ освѣтилъ всю площадь, по которой отрядъ Хоранова надѣялся подойти къ станціи незамѣтно.

Наши потери были выше двухсотъ убитыхъ и раненыхъ.

Убитъ былъ Дагестанскаго полка, бывшій конногвардеецъ, Қолубакинъ, минеръ подпоручикъ Трусовъ, недавно демонстрировавшій намъ въ Су-ху-дя-пу приемы взрываній желѣзнодорожныхъ сооружений. Раненъ Нѣжинскаго драгунскаго полка полковникъ Ванновскій и нашего полка хорунжій Жеребцовъ, легко.

Въ два часа дня разъѣздъ Читинскаго полка донесъ, что переправа на Тай-цзы-хэ была занята двумя баталіонами непріятеля съ четырьмя орудіями. Хорунжій Остроградскій, посланный тоже для розыска переправы, подтвердилъ это донесеніе. На основаніи этихъ свѣдѣній генераль Мищенко рѣшилъ переправиться западнѣе, черезъ Ляо-хэ.

Въ три часа дня для обезпеченія переправы средней колонны мнѣ было приказано выдвинуться рысью къ д. Хейгинзанъ съ 1-ю, 2-ю и 3-ю сотнями нашего полка и выбить непріятеля, защищавшаго переправу. Китайцы говорили, что тамъ было два эскадрона кавалеріи.

Съ нами поѣхалъ подполковникъ генеральнаго штаба Пневскій.

Японцы удалились, не дожидая нашего приближенія.

Я отправилъ на правый берегъ Ляо-хэ разъѣздъ, подъ командою хорунжаго Некрасова, для освѣщенія мѣстности къ востоку, выше теченія рѣки. Пневскій занялся устройствомъ переправы для артиллеріи, чтобы выровнять крутой и изрытый спускъ рѣки; онъ приказалъ тащить изъ фанзъ доски, двери, столы, табуреты.

Для укрѣпленія довольно тонкаго льда казаки стали рядами гао-
лянь, который имѣлся въ большомъ количествѣ.

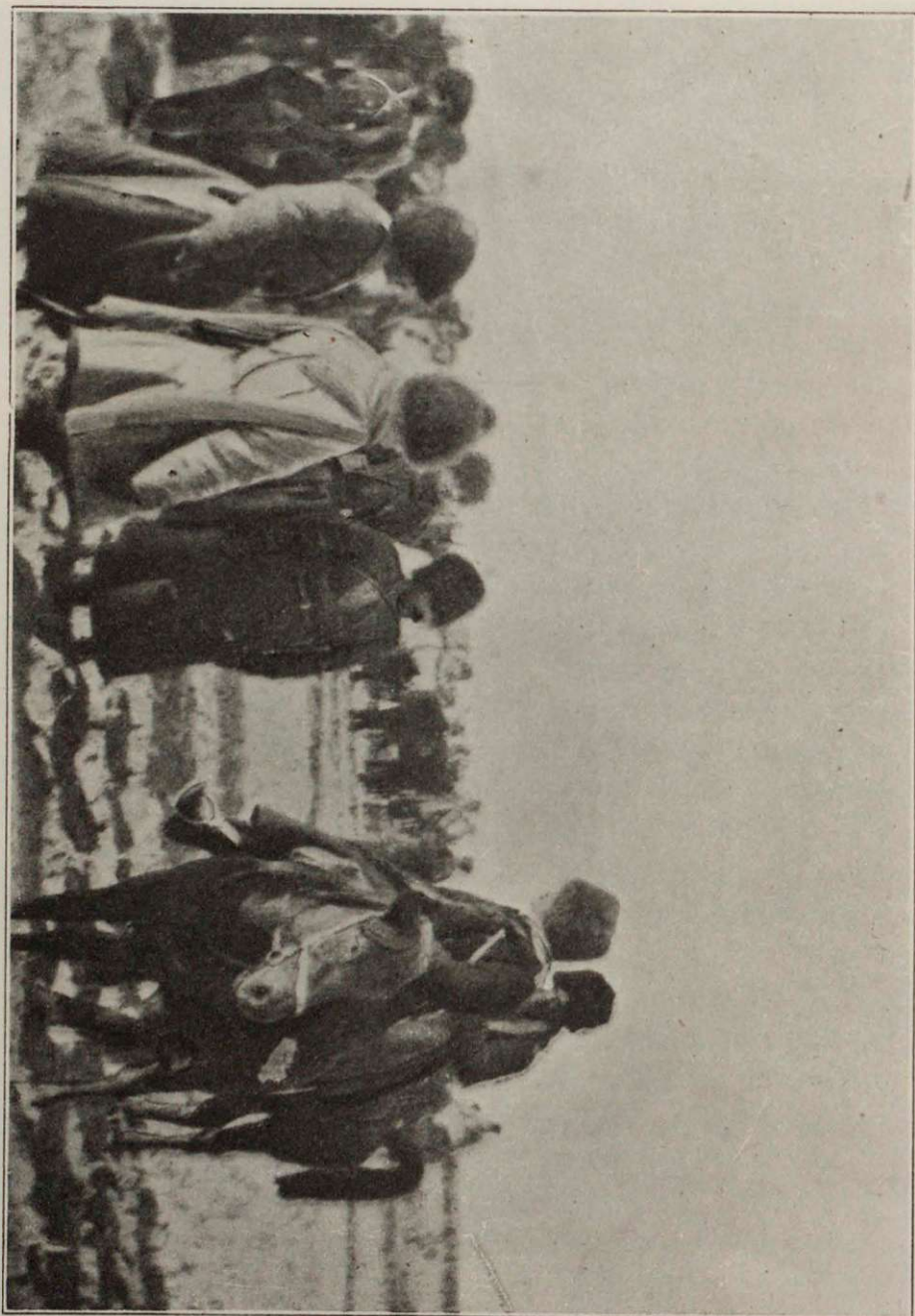

156. Транспорты раненыхъ послѣ дѣла въ время рейда къ Инкоу.

Сотникъ Шемера, посланный мною въ отрядъ съ донесеніемъ
о занятіи переправы, вернулся и передалъ, что средняя колонна

свернула къ западу и будетъ переправляться ниже по теченію, мнѣ же было приказано перейти черезъ рѣку здѣсь и, напра-

157. Начальникъ штаба Мандрыка передаетъ приказанія.

вляясь ниже по теченію вдоль праваго берега Ляо-хэ, прикрывать движеніе колонны.

Я послалъ казаковъ за Некрасовымъ съ приказаніемъ при-

соединиться ко мнѣ и, выславъ впередъ разъѣзды, мы переправились сами.

Мы прошли верстъ пять, уже стемнѣло. На противоположномъ берегу, параллельно нашему движенію, былъ слышенъ грохотъ колесъ артиллеріи и обозовъ, слышны были даже голоса.

Намъ казалось невѣроятнымъ, чтобы большой отрядъ съ артиллеріей могъ переправиться ниже по теченію Ляо-хэ, когда здѣсь уже ледъ былъ очень тонокъ и сплошь покрытый выступившей водой. Не было ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія? Въ такомъ случаѣ колоннамъ пришлось бы вернуться назадъ и воспользоваться изготовленной нами переправой, можетъ быть съ боемъ, если бы она была уже занята непріателемъ.

Коптевъ былъ того мнѣнія, что намъ слѣдовало вернуться, переправиться на лѣвый берегъ и присоединиться къ отряду; я съ этимъ не былъ согласенъ.

Дозорные привели двухъ китайцевъ, перешедшихъ черезъ рѣку и направлявшихся на востокъ; я приказалъ ихъ временно задержать, чтобы они не выдали насъ японцамъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ китайцы перешли черезъ рѣку, я послалъ на ту сторону трехъ казаковъ, чтобы узнать отъ командира полка, гдѣ будетъ переправляться отрядъ.

Вѣроятно, колонна подошла ближе къ рѣкѣ, потому что до насъ стали доноситься отчетливо отдѣльные слова разговаривавшихъ. Пневскій крикнулъ, что онъ проситъ кого-нибудь изъ офицеровъ переговорить съ нимъ—ему отвѣтилъ командиръ Уральскаго казачьяго полка полковникъ Соловьевъ и обѣщалъ намъ дать знать, если колонны пошли бы назадъ.

Мы шли и останавливались, сообразуясь съ движеніемъ или остановками колоннъ. Гулко отдавало черезъ воду шумъ колесъ по мерзлой землѣ, громыханіе тяжелыхъ поршневыхъ орудій и перебранка обозныхъ. Но вотъ всѣ эти звуки стали утихать понемногу, ихъ уже едва слышно и, наконецъ, все смолкло. Очевидно, отрядъ удалялся отъ рѣки, но куда онъ направлялся—продолжалъ ли онъ идти впередъ или повернулъ назадъ къ нашей переправѣ? Этого узнать мы не могли.

Коптевъ стоялъ на своемъ, что надо было вернуться къ переправѣ, всѣ остальные офицеры думали, что намъ слѣдовало идти впередъ и я былъ того же мнѣнія. „Шагомъ—маршъ“ и мы двинулись впередъ.

Пройдя еще верстъ пять, мы встрѣтили возвращавшихся до-

зоровъ, съ извѣстіемъ, что весь отрядъ переправился ниже по теченію и сталъ на бивакъ недалеко отсюда. Всѣ повеселѣли. Тѣ, кто были противъ движенія впередъ, теперь вполне искренно объ этомъ забыли и думали, что они желали того, что вышло удачно.

Спустился густой, непроницаемый туманъ—мы увидѣли горѣвшіе на бивакъ костры только тогда, когда подошли къ нимъ въ упоръ. Это была д. Тунхьянъ.

Всѣ офицеры полка вмѣстѣ съ командиромъ расположились въ одной грязной и дымной фанзѣ. Было одиннадцать часовъ, когда мы вошли въ нее, радуясь возможности отогрѣться, поѣсть чего-нибудь и отдохнуть. Не привелось однако исполниться моимъ мечтамъ. Левенгофъ объявилъ мнѣ, что я могу оставаться здѣсь до двѣнадцати часовъ ночи, встрѣтить Новый Годъ, а затѣмъ идти на сторожевку съ 1-ю и 2-ю сотнями, уже отбывшими къ мѣсту расположенія сторожевого охраненія.

Офицеры подѣлились со мною супомъ, дали мнѣ чаю, а ровно въ полночь я проглотилъ послѣднія капли рома, оставшіяся во фляжкѣ, мысленно пожелавъ здоровья и счастья женѣ и успѣха нашимъ войскамъ.

Казакъ, вернувшійся изъ заставы, ждалъ меня. Я одѣлъ башлыкъ поверхъ папахи, накинулъ бурку и сѣлъ на лошадь. Мой проводникъ сказалъ, что застава стояла въ двухъ верстахъ, въ открытомъ полѣ, такъ какъ ни одной фанзы не нашлось въ окрестности.

Мы проѣзжали мимо грѣвшихся у костровъ казаковъ и артиллеристовъ; спящіе люди и коновязи лошадей занимали всѣ дворы и улицы. Было очень трудно пробираться между ними. Пришлось въ одномъ мѣстѣ перелѣзть черезъ стѣну, спуститься въ яму, откуда казалось невозможнымъ выбраться, и наконецъ мы очутились въ открытомъ полѣ.

Ночь была непроглядная, какъ только мы покинули бивакъ, туманъ скрылъ отъ насъ огни. Ни одной звѣзды не было видно—оріентироваться было невозможно.

Мы навѣрно прошли болѣе двухъ верстъ, но никого не встрѣчали. Казакъ остановился; онъ былъ увѣренъ, что мы не сбились съ пути, и узнавалъ нѣкоторыя примѣты, бывшія на мѣстѣ расположенія заставы—куда же она сама дѣвалась. Не продвинулась ли она въ сторону? Мы начали кружить, окли-

кивая вполголоса: кричать было бы опасно—можно, чего доброго, нарваться на японцевъ или хунхузовъ.

Послышался топотъ лошадей—мы остановились. „Кто идетъ“—спросилъ казакъ. Никто не отвѣтилъ и тамъ тоже было приостановлено движеніе. Это могъ быть непріятельскій разъѣздъ, но могли быть и казаки, опасавшіеся отвѣчать, потому что японцы не разъ вводили нашихъ въ заблужденіе русскимъ говоромъ.

Опять тронулись всадники и подѣхали къ намъ вплотную—это были казаки 2-й сотни, выѣхавшіе изъ заставы поить лошадей и потомъ заблудившіеся. Мы продолжали искать заставу вмѣстѣ.

Снова раздался топотъ и не послѣдовало отвѣта на нашъ окликъ. Теперь насъ было больше и мы были смѣлѣе; урядникъ крикнулъ: „Откликайтесь же.“—Встрѣчные оказались казаки той же заставы, ѣхавшіе за дровами; дрова они нашли, а застава какъ будто канула въ воду.

Бродили мы взадъ и впередъ и въ сторону, ходили въ кругъ, все болѣе и болѣе расширявшійся.

Передо мною казакъ везъ длинное бревно, которое загораживало мнѣ путь какъ шлагбаумъ. Нѣсколько разъ я порывался приказать ему бросить свою ношу, но, вспоминая какъ было рѣдко и цѣнно здѣсь топливо, я воздерживался.

Вдали показалось большое зарево. Казаки говорили, что это должно быть бивакъ генерала Телешова. Намъ туда идти не слѣдовало, чтобы не удалиться отъ своихъ и не потерять ихъ совсѣмъ.

Казалось, недалеко раздавались повторные выстрѣлы, хорошо намъ знакомые; это стрѣляли японцы, наши отвѣчали. На эти звуки однако нельзя было ориентироваться—можно было попасть подъ свои собственные пули.

Бродили мы уже давно; я видѣлъ, что казаки потеряли надежду разыскать своихъ, поэтому я рѣшилъ слѣзть съ уставшихъ коней и ждать разсвѣта. Было половина пятого утра.

Часамъ къ шести разсѣялся туманъ, и мы замѣтили слабый свѣтъ вдали. Сѣвъ на коней, мы туда направились и подошли къ своему биваку, но не съ запада, откуда мы вышли, а съ сѣвера.

Уже свѣтало, съ большимъ трудомъ разыскали мы фанзу, занятую нашими офицерами. Я объяснилъ командиру полка, что

случилось, и хотѣлъ, напившись чаю и помывшись, ѣхать на сторожевку, но Левенгофъ сказалъ мнѣ, что теперь это не было нужно, такъ какъ мы сами скоро выступимъ и снимемъ по дороге заставу.

Около восьми часовъ утра на сѣверо-западѣ слышались орудійные выстрѣлы и ружейные залпы. Это было нападеніе непріятеля на бивакъ ген. Телешова. Наканунѣ вечеромъ онъ переправился правѣ меня у д. Сосычанхэ и остановился на ночлегъ въ д. Канпайлинъ.

Перестрѣлка, которую мы слышали ночью, происходила между его сторожевыми постами и противникомъ, подошедшимъ близко къ биваку, пользуясь густымъ туманомъ. Японцы открыли орудійный огонь по биваку и спѣшно отступавшимъ колоннамъ.

Наша батарея отвѣчала очень удачно по наступавшей цѣпи, подпустивъ ее на 300 сажень не болѣе. Донцы атаковали пѣхоту лавою, при чемъ у насъ было ранено пять офицеровъ и выбыло изъ строя убитыми и ранеными пятьдесятъ казаковъ.

Генераль Телешовъ отступалъ рысью на сѣверо-западъ, пересѣкая намъ дорогу. Вслѣдствіе этого транспорты съ ранеными остались безъ прикрытія съ правой стороны и мы были вынуждены остановиться, чтобы сдать ихъ въ колонну генерала Самсонова.

Генераль Мищенко послалъ генералу Телешову приказаніе немедленно вернуться и совместно съ нами атаковать японцевъ, по возможности забрать ихъ въ плѣнъ и отнять пушки.

Мы повернули назадъ и быстро двинулись на юго-западъ; къ сожалѣнію, настигнуть непріятеля намъ не удалось: высланные впередъ разъѣзды донесли, что японцы переправились обратно черезъ Ляо-хэ. Пришлось отказаться отъ заманчиваго дѣла и направиться опять на сѣверъ.

Черезъ нѣсколько времени разъѣздъ, шедшій за арьергардомъ, донесъ, что слѣдомъ за нами шелъ непріятельскій кавалерійскій полкъ. Вступать съ нимъ въ бой намъ не было времени, и мы продолжали отступать. Ночевка была въ д. Цудіопа. Сторожевое охраненіе отъ Читинскаго полка.

2 января. Все утро провозились съ перевязкой раненыхъ.

Эти несчастные испытывали ужасныя страданія во время перевозки на двуколкахъ и въ особенности на китайскихъ арбахъ. Дороги были запружены двуколками и вьючнымъ обозомъ, не пропускавшимъ впередъ арбы съ ранеными и имъ приходи-

лось иногда объѣзжать эти обозы по поперечнымъ бороздамъ замерзшихъ полей. Стоны и крики не переставали; нѣкоторые умоляли, чтобы ихъ сложили на землю и дали бы умереть покойно. Но нижніе чины расположившихся транспортовъ не обращали вниманія на мольбы этихъ страдальцевъ, а китайцы-погоныщики ихъ не понимали. Счастливы были попавшіе на конныя носилки—на нихъ не было тѣхъ толчковъ и сотрясенія, какъ на арбахъ и двуколкахъ. Мерзли однако всѣ, лежа неподвижно на открытомъ воздухѣ, въ особенности потерявшіе много крови.

Мы выступили около полудня и пришли на ночлегъ въ д. Яудіопа. Въ теченіе дня столкновенія съ непріятелемъ у насъ не было. Сторожевое охраненіе было отъ нашего полка—назначено было три сотни подъ начальствомъ в. ст. Ловцова.

3 января. Мы пришли въ большую деревню Ашенью, гдѣ намъ была назначена дневка.

4 января. Пользуюсь дневкой, чтобы принять ванну. Пишу письма. Говорятъ, что въ Су-ху-дя-пу мы больше не вернемся. Мы, вѣроятно, смѣнимъ отрядъ Коссаговскаго на крайнемъ правомъ флангѣ. Говорили тоже, что главнокомандующій не былъ доволенъ нашимъ набѣгомъ на Инкоу, который былъ названъ однимъ изъ командировъ драгунскихъ полковъ „наползомъ на Инкоу.“

5 января. Я былъ назначенъ дежурнымъ по отряду. Въ боевой позиціи у меня двѣ сотни Верхнеудинскаго полка и двѣ Уральскія; въ резервѣ—двѣ Читинскія сотни и взводъ поршневой батарен. Съ командирами сотенъ боевой линіи я обошелъ валы съ юго-западной стороны, которые будутъ нами заняты для обороны въ случаѣ внезапнаго нападенія, чтобы дать отряду время собраться и отослать назадъ транспорты съ ранеными.

Разѣздъ нашего полка донесъ, что д. Даванъ занята японской пѣхотой и небольшою частью кавалеріи.

Около полудня раздались впереди выстрѣлы, я выслалъ туда разѣзды. Черезъ часъ разѣздъ вернулся съ донесеніемъ, что перестрѣлка происходила между нашими сторожевыми постами и непріятельскимъ кавалерійскимъ разѣздомъ, вышедшимъ изъ ближайшей деревни, занятой японцами.

6 января. Нашъ полкъ въ полномъ составѣ выступилъ на сторожевое охраненіе въ восемь часовъ утра, на смѣну 4-го Уральского полка полковника Соловьева.

Во время смѣны постовъ завязалась перестрѣлка съ непріятелемъ.

По свѣдѣніямъ китайцевъ въ д. Даванъ было сосредоточено до двухъ полковъ пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ. Наши разѣзды были обстрѣляны передовыми частями непріятеля въ двѣ роты и два эскадрона. Мы ожидали перехода въ наступленіе японцевъ.

Въ половинѣ второго было получено приказаніе снять сторожевое охраненіе и отойти по направленію къ д. Тахуанчену.

Уже вечерѣло, когда насъ встрѣтилъ на дорогѣ казакъ съ приказаніемъ начальника штаба отряда указать намъ на мѣстѣ линію сторожевого охраненія, которую мы должны были занять.

Ловцовъ уѣхалъ, чтобы принять командованіе обозомъ отряда на мѣсто в. ст. Куклина. Я былъ назначенъ начальникомъ сторожевого охраненія.

5-я сотня разставила свои посты вправо отъ дороги, до встрѣчи съ постами Дагестанцевъ. 1-я сотня, устанавливая сторожевые посты влѣво отъ дороги, должна была войти въ связь съ отрядомъ генерала Коссаговскаго. Однако, за нашимъ лѣвымъ флангомъ никого не оказалось, поэтому я выслалъ отъ второй сотни разѣзды впередъ и влѣво для связи. Мы стояли флангомъ на югъ. Вскорѣ боковой разѣздъ донесъ мнѣ, что въ верстѣ къ востоку онъ встрѣтилъ роту пѣхоты, выставившей сторожевые посты около двухъ верстъ впереди нашихъ постовъ, влѣво отъ дороги.

Командиръ полка стоялъ въ резервѣ съ тремя сотнями въ большой деревнѣ у дороги. Разставивъ посты, я отѣхалъ къ 2-й сотнѣ, составлявшей резервъ сторожевого охраненія.

7 января. Ночью непріятель насъ не тревожилъ.

Въ девять часовъ утра прибылъ на смѣну Читинскій полкъ. Мы вошли въ д. Тахуанченъ въ полдень.

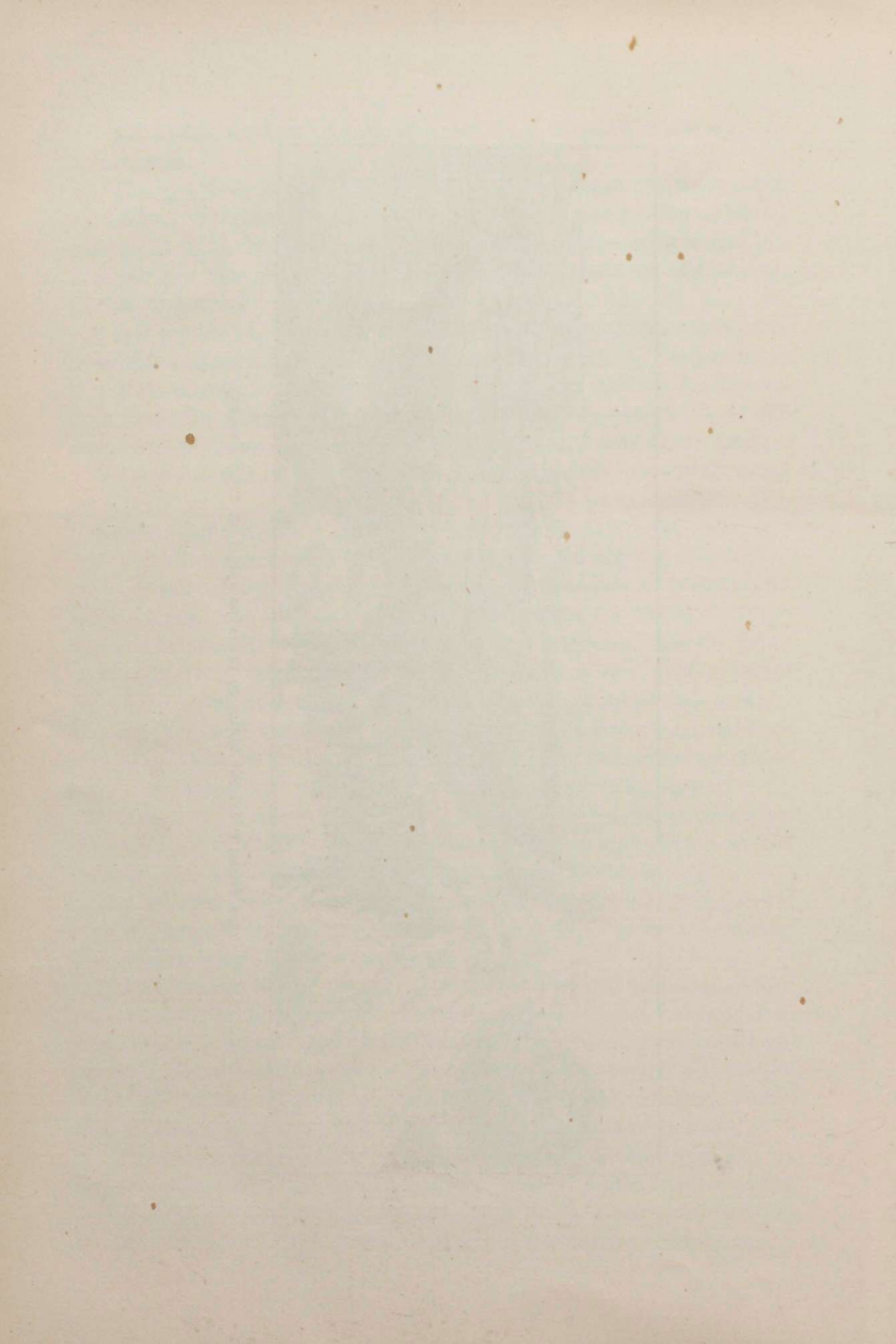
Для штаба полка была отведена обширная фанза, въ которой помѣстились командиръ полка, адъютантъ, два доктора и я. Остались въ обозѣ Ловцовъ, Куклинъ и казначей, хорунжій Бурлаковъ, назначенный вмѣсто Лоншакова, принявшаго 5-ю сотню. Хотя мѣста было много, я поручилъ вѣстовому Андрею найти мнѣ отдѣльную фанзу, гдѣ я могъ бы пользоваться ванной.

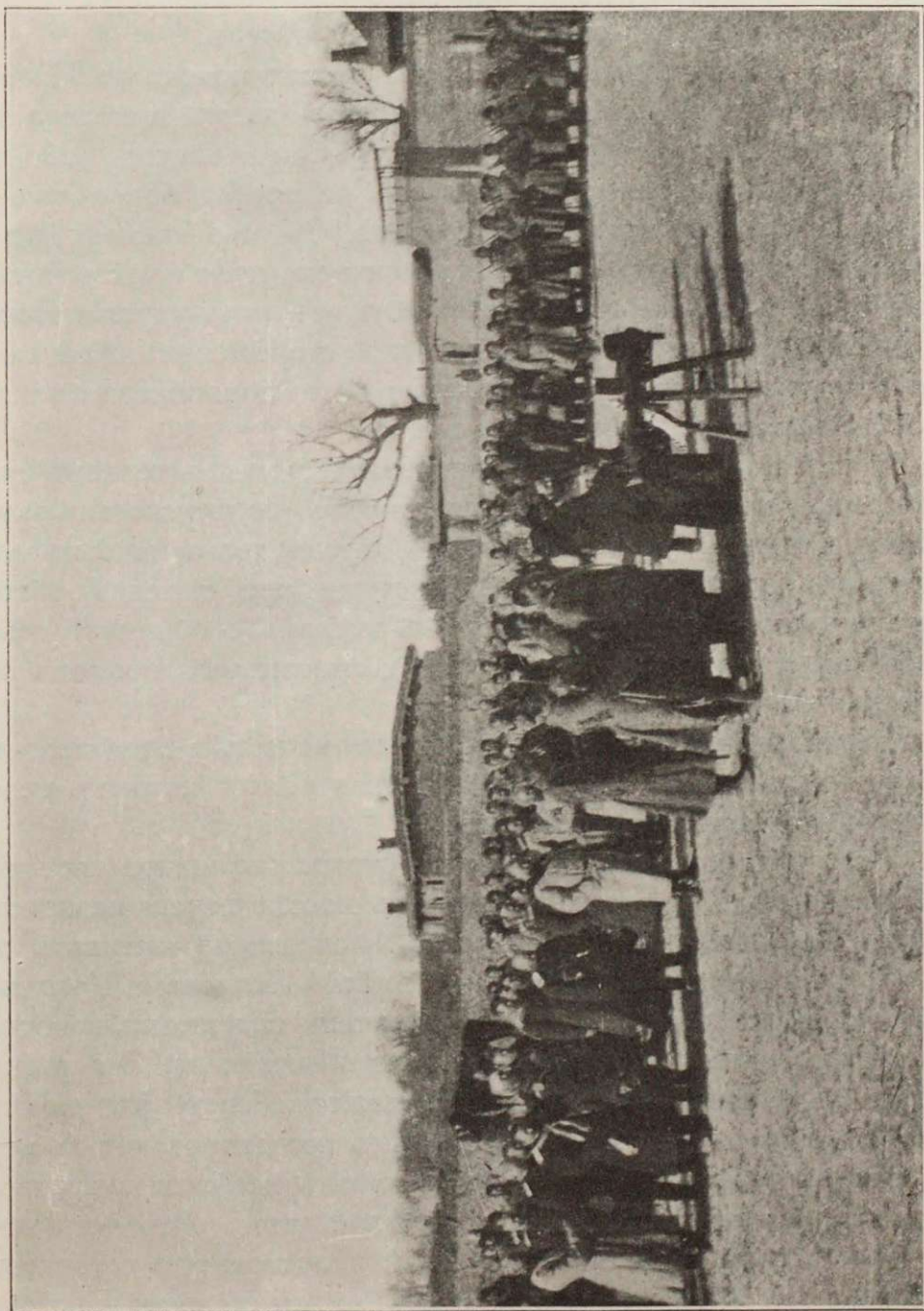
8 января. Всѣ запасы съѣдены. Андрей, возвратившійся съ фуражирами по сосѣднимъ деревнямъ, нашелъ только три курицы.

9 января. Въ десять часовъ утра былъ церковный парадъ по случаю благополучнаго возвращенія съ похода.

123а. Наши послѣдніе залпы 29 сентября 1904 г. въ тылу Бэнсиху.

158. Церковный парадъ по случаю благополучнаго возвращенія послѣ рейда къ Инкоу.

Послѣ парада ген. Абрамовъ пригласилъ генерала Мищенко и начальниковъ отдѣльныхъ частей закусить; на всѣхъ была только одна бутылка водки, ѣсть было тоже немного.

10 января. Задулъ сильный сѣверный вѣтеръ.

Теплые дни, продолжавшіеся все время похода на Инкоу, смѣнились очень холодной погодой, морозы днемъ доходили до 12°. Я простудился въ ночь боя подъ Сан-да-каномъ, 28 декабря, когда пришлось потнымъ ждать на морозѣ болѣе часа и ночевать потомъ на открытомъ воздухѣ. Съ того времени лихорадка меня не покидала, я кашлялъ до изнеможенія и часто ночью долженъ былъ вставать, чтобы облегчить приступы удушья. Ночи, проведенныя на открытомъ воздухѣ при сторожевомъ охраненіи, конечно не способствовали излѣченію; мало помогали мнѣ также порошки милаго полкового доктора.

Въ теченіе двадцати лѣтъ я проводилъ зимы въ тепломъ климатѣ Италіи и южной Франціи, потому что не переносилъ зимы въ Россіи, и было удивительно, что я такъ долго выдерживалъ наступленіе суровой манчжурской стужи при тяжелой обстановкѣ строевого офицера. Живя въ тѣсномъ сообществѣ товарищей, даже мыться не всегда было возможно въ закрытомъ помѣщеніи.

Никакими перчатками и рукавицами не могъ я предохранить рукъ отъ замерзанія. Въ особенности я боялся ночныхъ передвиженій, когда морозъ усиливался.

Левенгофъ вернулся изъ штаба отряда въ четыре часа дня и объявилъ намъ, что сегодня въ семь часовъ вечера назначено наступленіе. Мнѣ было приказано немедленно вступить въ командованіе отряднымъ обозомъ, вмѣсто Ловцова и Куклина, которымъ присоединиться къ полку со всѣми офицерами, находившимися при обозѣ, кромѣ казначея хор. Бурлакова. Это распоряженіе было, вѣроятно, вызвано заявленіемъ Левенгофа генералу Мищенко о моемъ нездоровьѣ. Стыжусь признаться, что въ первую минуту я обрадовался избавленію отъ необходимости идти въ ночной походъ, не будучи долѣе въ силахъ переносить ночныя сторожевки въ открытомъ полѣ и постоянную готовность сѣсть на коня и идти, куда прикажутъ, во всякое время и погоду.

Я уже выступилъ съ конвоемъ, сопровождавшимъ денежный ящикъ. До деревни, гдѣ находился отрядный обозъ и артиллерійскій паркъ, было не болѣе шести верстъ.

Разставаясь съ отрядомъ, мнѣ стало жалко, что я уходилъ

изъ него какъ разъ, когда переходили въ наступленіе и когда, быть можетъ, на нашу долю предназначено довершить пораженіе противника. Мы не сомнѣвались, что сломимъ врага, наступая на него всѣми силами. Было грустно и обидно, что я заболѣлъ такъ некстати.

Мы вошли въ деревню, когда уже было темно. Тамъ набралось масса народу; кромѣ обозныхъ былъ 19-й Донской казачій полкъ, составлявшій наше прикрытіе.

Я засталъ въ фанзѣ, занятой нашими офицерами, веселую компанію, которая собиралась уже ложиться спать. Ловцову, Куклину и Войлошникову пришлось, однако, немедленно уѣхать въ отрядъ. Со мною остались Бурлаковъ, ветеринарный врачъ Лобода и дѣлопроизводитель Горбачъ. Кромѣ Бурлакова, здѣсь собрались трое чистокровныхъ малороссовъ. Денежный ящикъ и карауль я поставилъ въ нашу фанзу.

11 января. Бурлаковъ сталъ устанавливать желѣзную печь—это было дурное предзнаменованіе: какъ только начнешь устраиваться, получается приказаніе выступать. Такъ было и сегодня: не успѣлъ я отогрѣть достаточно пальцы, чтобы написать письмо, какъ было получено приказаніе обозамъ вернуться въ д. Тахуанченъ. Донской казачій полкъ оставался на мѣстѣ, прикрытіемъ же въ Тахуанченѣ былъ назначенъ 5-й Уральскій казачій полкъ.

Я занялъ тамъ свою прежнюю фанзу, освободивъ ее отъ пѣхотныхъ громилъ. „Ходи“ были въ восторгѣ, что избавились отъ беспокойныхъ гостей и заработаютъ хорошую плату.

Я явился командиру прикрытія полковнику Соколову; онъ предупредилъ меня, что завтра утромъ мы перемѣщаемся верстъ на пятнадцать къ юго-западу.

Вьючный обозъ помѣстился въ обширномъ дворѣ, а колесный и транспорты расположились вагенбургомъ за деревней.

Вѣтеръ былъ холодный и пронзительный—я страшно прозябъ и ничѣмъ не могъ отогрѣться—что бы я далъ за рюмку коньяку! но спиртныхъ напитковъ у насъ не было и капли.

12 января. Дуль рѣзкій сѣверный вѣтеръ при морозѣ градусовъ въ восемь.

Выступленіе было назначено въ восемь часовъ утра. Обозы давно уже вытянулись за околицей деревни по дорогѣ на югъ.

Лѣвѣе насъ былъ построенъ Уральскій полкъ. Долго мы ждали командира полка, но вотъ онъ подѣхалъ, а мы все-таки не двигались. Я отправился спросить, кого мы ждали. Оказалось,

что насъ задерживали только что прибывшіе интендантскіе транспорты, которые нагружались запасами, сложенными въ деревнѣ. Отчего бы не назначить имъ одну или двѣ сотни отъ полка въ прикрытіе вмѣсто того, чтобы задерживать на морозѣ цѣлый полкъ, громадный обозъ и паркъ.

На востокъ отъ насъ шла сильная орудійная пальба.

Наконецъ мы тронулись въ путь. Хотя вѣтеръ дулъ въ спину, руки у меня такъ озябли, что я не могъ держать поводьевъ.

На половинѣ пути въ одной деревнѣ привалъ въ полтора часа; тутъ мы ждали приказанія отряднаго штаба; намъ велѣно идти дальше до другой деревни, гдѣ стояли Донской казачій полкъ и батарея. Пришли туда мы довольно рано. Всѣ фанзы были заняты отрядомъ, прибывшимъ раньше насъ. Мнѣ далъ временное убѣжище командиръ Донской сотни, но ненадолго: прибѣжалъ вѣстовой сказать, что обозы уже выступили и идутъ назадъ.

Изъ штаба отряда было получено новое распоряженіе: идти обратно и стать въ д. Цитоо въ трехъ верстахъ отъ Тахуанчена. Спрашивается: для чего насъ гоняли взадъ и впередъ.

Теперь вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лицо, рѣзкая песчаная пыль рѣзала кожу, засыпала глаза. Поводья выпадали изъ оконченѣвшихъ рукъ. Кашель раздиралъ мнѣ грудь и горло. Я такъ ослабѣлъ, что два казака съ трудомъ посадили меня на лошадь.

У входа въ д. Цитоо командиръ Уральскаго полка отвелъ одинъ дворъ подъ артиллерійскій паркъ, другой подъ отрядный обозъ. Намъ пришлось пробивать выходъ въ глинобитной стѣнѣ. Артиллеристы уступили намъ кирку и два топора, такъ какъ у насъ шанцевого инструмента не оказалось.

Работа была тяжелая, мерзлая земля была тверда какъ камень. Я не могъ добыть вторую смѣну рабочихъ, потому что у каждаго казака было на рукахъ по три, по четыре, а иногда и больше вьючныхъ животныхъ.

Съ обозной оравой безъ крику ничего не подѣлаешь, а голоса у меня не было совсѣмъ. Поручить наблюденіе за работою другому я тоже не могъ, потому что офицеровъ было мало и у каждаго было свое дѣло.

Болѣе часу пробылъ я на вѣтру и когда добрался до приготовленной фанзы, то легъ на кану и думалъ, что встать больше не буду въ силахъ, а между тѣмъ орудійная и ружейная перестрѣлка все усиливалась и казалась теперь совсѣмъ близко; однако ночью насъ болѣе не тревожили.

13 января. За ночь выпалъ снѣгъ, было туманно, вѣтеръ не-много стихъ. Меня трясла лихорадка, ломота была во всемъ тѣлѣ, подъ лопатками острая боль.

Орудійная пальба началась съ десяти часовъ утра.

Наканунѣ ген. Мищенко приказалъ в. ст. Перфильеву съ двумя сотнями Читинскаго полка атаковать мѣстечко Мамыкай. Наступавшая казачья лава была встрѣчена залпомъ изъ окоповъ. Перфильевъ приказалъ спѣшиться, подошелъ довольно близко къ непріятельскимъ окопамъ и залегъ за небольшимъ валомъ. Въ это время подошелъ на поддержку в. ст. Свѣшниковъ тоже съ двумя сотнями Читинцевъ и взводомъ артиллеріи. Наши пушки открыли огонь, но на непріятеля это, повидимому, производило мало впечатлѣнія, они не покидали окоповъ и продолжали учащенную пальбу. Такъ какъ отъ китайцевъ были получены свѣдѣнія, что въ Мамыкаѣ имѣлось не менѣе двухъ баталіоновъ, то Свѣшниковъ отступилъ со всѣми сотнями, какъ только стемнѣло.

Въ эту же ночь Мамыкай былъ занятъ съ боя отрядомъ ген. Коссаговскаго, при чемъ было захвачено въ плѣнъ около ста пятидесяти человѣкъ. Наши потери около ста чел.

Одинъ солдатъ, здоровенный парень, пришелъ жаловаться ротному командиру, что „батарейскіе“ (артиллеристы) отняли у него трехъ японцевъ, которыхъ онъ одинъ забралъ въ плѣнъ.

Дѣло было такъ: онъ примѣтилъ трехъ японцевъ, рѣзавшихъ гаолянъ на топливо; ружья лежали въ сторонѣ. Онъ подошелъ къ нимъ и приказалъ сдаться, не то онъ ихъ перестрѣляетъ.

Это, конечно, было выражено мимикой, но настолько понятной, что японцы послѣдовали за нимъ, не пытаясь оказать сопротивленія. Не доходя деревни, встрѣтились они съ артиллеристами, которые и отняли плѣнныхъ.

Въ двѣнадцать часовъ дня было получено приказаніе идти на юго-востокъ къ д. Сяодіопа, на лѣвомъ берегу Хунь-хэ—значитъ, мы опять переходили въ наступленіе.

Уже смеркалось, когда мы переправились черезъ Хунь-хэ и остановились у одиночной фанзы, носившей названіе Сяодіопа, т. е. „фанза, охраняющая поля“—это намъ пояснилъ единственный обитатель фанзы. Вѣроятно, она обозначена на картѣ и поэтому насъ сюда направили, предполагая, что это деревня.

Въ ожиданіи отвѣта на посланное полковникомъ Соколовымъ донесеніе, мы разглядывали бой, происходившій въ верстѣ отъ насъ: казаки строили лаву, атаковали деревни, шла непрерыв-

ная перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ. Были видны огненные языки стрѣлявшей батареи и разрывы снарядовъ. Это было въ высшей степени занимательно и интересно, но довольно странно, что можно было любоваться этимъ зрѣлищемъ изъ расположенія обоза второго разряда.

Было получено приказаніе идти далѣе на югъ. Полковникъ Соколовъ съ своимъ полкомъ ушелъ впередъ, не предупредивъ меня; отъ этого обозы и транспорты отстали, подтянулись къ полку только конные вьюки.

Мы прошли мимо горѣвшей деревни, изъ которой былъ выбить непріятель нашими войсками. Тамъ продолжали раздаваться выстрѣлы японцевъ, не успѣвшихъ бѣжать; они засѣли въ фанзахъ и отстрѣливались отъ приближавшихся къ нимъ казаковъ.

Верстахъ въ трехъ далѣе къ югу мы пришли въ деревню, гдѣ должны были ночевать. Командиръ и офицеры Уральскаго полка занимали лучшія фанзы, предоставляя намъ располагаться, какъ и гдѣ попало.

Вообще полковникъ Соколовъ относился къ Забайкальцамъ недоброжелательно, поэтому мы избѣгали имѣть съ нимъ сношеніе. Очень было мнѣ непріятно находиться отъ него въ зависимости и слышать его несправедливые отзывы о нашихъ казакахъ.

Мы съ трудомъ размѣстились въ крайней фанзѣ, вмѣстѣ съ вьючнымъ обозомъ.

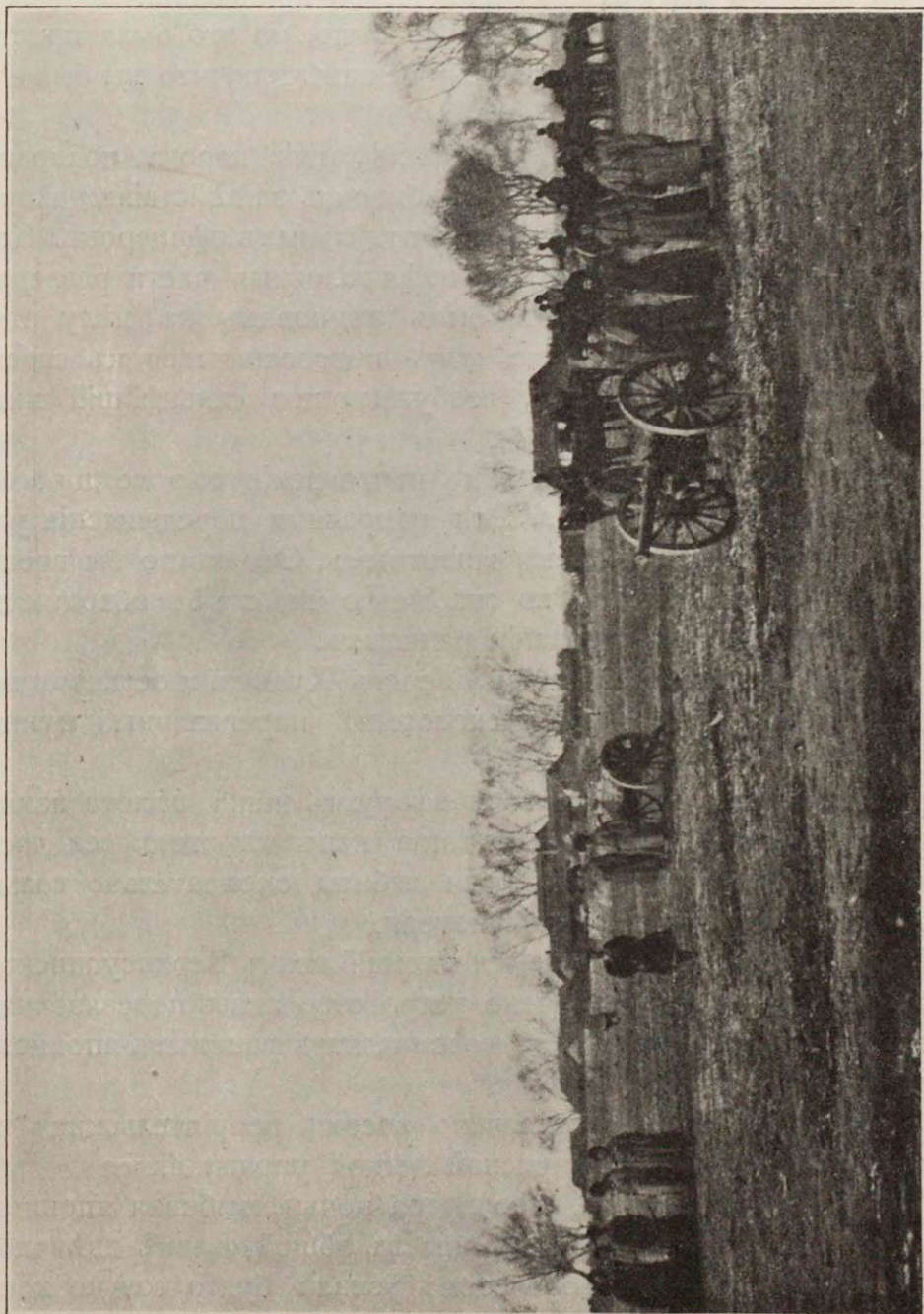
Снѣгъ шелъ цѣлый день, хотя было менѣе холодно, чѣмъ вчера; я продрогъ до мозга костей, поджидая запоздавшіе, по винѣ начальника прикрытія, обозъ и транспорты.

Вслѣдствіе сильнаго кашля и удушья я ночью былъ вынужденъ подниматься нѣсколько разъ.

14 января. На разсвѣтѣ началась пальба въ нашей деревнѣ. Стрѣляла пѣхотная цѣпь, залегшая за валами и глинобитными оградами. Ей отвѣчалъ непріятель, занимавшій деревни къ востоку; его пули ложились вдоль южной окраины, гдѣ находилась наша фанза. Забайкальская батарея, стоявшая позади насъ, открыла перекидной огонь.

Здѣсь, очевидно, не мѣсто было обозамъ, и мы выступили, направляясь на сѣверо-востокъ. Намъ пришлось проходить вдоль линіи боя въ полутора или двухъ верстахъ разстоянія, т. е. въ ружейномъ выстрѣлѣ, и если бы японцамъ вздумалось послать намъ нѣсколько гранатъ, то произвели бы у насъ полное замѣ-

шательство и вѣроятно весь грузъ былъ бы брошенъ на произ-
воль судьбы.

159. Забайкальская батарея у Хей-тоу-тая.

Справиться съ деморализованной шайкой обозныхъ, да еще
охваченной паникой, едва ли смогъ бы цѣлый полкъ.

Какъ разъ противъ насъ шла ожесточенная пальба. Судя по направленію нашего движенія, можно было думать, что мы шли на подкрѣпленіе сражавшихся, а не удалялись отъ него, какъ имѣлось въ виду въ полученномъ изъ штаба приказаніи.

До сихъ поръ у насъ потерь не было, но это была простая случайность—японцы не знали или не замѣчали, что мы были въ сферѣ ихъ огня.

Я остановился въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога подходила ближе къ мѣсту боя, и слѣдилъ въ бинокль за дѣйствіями нашей Забайкальской бригады. Я узнавалъ отдѣльныхъ офицеровъ. Конница шла взводными колоннами, имѣя головныя части развернутыя лавою. Я сожалѣлъ, что былъ прикованъ къ дѣлу такъ мало мнѣ подходящему и не могъ присоединиться къ своему полку, гдѣ шло дѣло живое, возбуждающее сильнѣйшій интересъ.

Мы шли теперь въ обратномъ направленіи тою же дорогою, по которой проходили вчера. Эти напрасныя передвиженія утомляли людей и набивали спины животнымъ. Это могло бы вредно отозваться на операціяхъ по снабженію войскъ необходимыми припасами и при эвакуированіи раненыхъ.

Мы переправились на правый берегъ Хунь-хэ и остановились въ д. Хунлятоза, гдѣ былъ расположенъ перевязочный пунктъ отряда.

Разсказывали, что 12 января вечеромъ наша пѣхота заняла сѣверную часть этой деревни, тогда какъ въ южной ея части держались еще японцы—они были выбиты окончательно только подъ утро, потерпѣвъ большія потери.

Въ нашей фанзѣ помѣстился старшій врачъ Верхнеудинскаго полка, которому было поручено устройство здѣсь перевязочнаго пункта. Вчера онъ перевязалъ восемнадцать раненыхъ японцевъ, сегодня девятнадцать.

Забайкальцами было захвачено восемь непріятельскихъ патронныхъ ящиковъ съ прекрасной легкой упряжкой.

Казаки разсказывали, что вчера ночью, выбивая японцевъ изъ одной деревни, были зарублены въ общей свалкѣ двѣ японскія сестры милосердія; объ этомъ узнали будто только когда разсвѣло.

Вечеромъ былъ привезенъ на перевязочный пунктъ генераль Мищенко, раненый пулей подъ колѣно, безъ раздробленія кости. Онъ былъ раненъ, когда лично повелъ въ атаку на деревню спѣ-

шенных казаковъ. Въ то время, какъ его несли на носилкахъ, онъ благодарилъ встрѣчавшіяся войска за службу своимъ громкимъ голосомъ. Онъ пользовался рѣдкою популярностью въ войскахъ—казаки и солдаты, ему подчиненные, души въ немъ не чаяли.

Изъ разсказовъ офицеровъ разныхъ частей остается впечатлѣніе, что у начальниковъ храбрости хоть отбавляй, но распоряженія были недостаточны или ихъ не было вовсе.

Недалеко мы ушли отъ того времени, когда одинъ изъ кавказскихъ генераловъ бросался лично въ атаку, предпочитая быть убитымъ, чѣмъ распоряжаться войсками. Жаловались также, что развѣдки производились невнимательно, что штабные офицеры не знали, гдѣ былъ непріятель и гдѣ наши, связи не поддерживались, а одна изъ заповѣдей солдата—„идти на выстрѣлы“ никогда не исполнялась. При атакѣ непріятельскихъ позицій насъ часто обстрѣливали неожиданно изъ деревень съ фланговъ и даже съ тыла; значитъ, въ эти деревни дозоры не высылались. Инициатива дѣйствій предоставлялась мелкимъ начальникамъ, командирамъ ротъ или сотенъ, а когда онѣ собирались въ крупные отряды, дѣльных руководителей не было. Въ арміи было много полковниковъ и молодыхъ генераловъ, способныхъ командовать крупными отрядами, но ихъ заслоняли бездарные тупицы, дослужившіе до большихъ чиновъ или фавориты высшаго начальства.

Вечеромъ пѣхотные офицеры, назначенные въ сторожевое охраненіе, зашли къ намъ въ фанзу, чтобы немного отогрѣться.

Пепино заготовилъ горячаго супа, котораго хватило на всѣхъ.

Къ моимъ недугамъ отъ недоѣданія присоединились еще боли кишечника. Это особенно мучительно при сильномъ морозѣ и снѣжной вьюгѣ послѣднихъ двухъ дней.

15 января. Прояснѣло, но морозъ усиливался. Орудійная пальба удалась.

Къ намъ привезли восемнадцать раненыхъ и двадцать здоровыхъ японцевъ, изъ послѣднихъ нѣкоторые были взяты за-мертво пьяными. Казаки разсказывали, что въ одной деревнѣ японцы спрятались въ подвалъ, ихъ пробовали выкурить зажженнымъ гаоляномъ, но такъ какъ они не хотѣли выйти, то ихъ сожгли живьемъ. До какой степени люди звѣрѣютъ во время войны!

Въ отрядѣ генерала Мищенко говорили, что было захвачено до ста тридцати плѣнныхъ. Они сдавались охотно, а если бы они были увѣрены, что имъ не грозитъ „кантами“—отсѣченіе головы, то вѣроятно они сдавались бы сотнями, чтобы избавиться отъ тяжелой службы въ непривычную имъ стужу.

Передъ вечеромъ орудіяная и ружейная пальба приближалась все болѣе и болѣе, значить противникъ сталъ насъ одолевать. Взрывы японскихъ и нашихъ снарядовъ уже видны совершенно близко. Мы приготовились къ выступленію по первому приказанію. Какъ было обидно, что генераль Мищенко выбылъ изъ строя въ эту минуту. Благодаря обычному назначенію замѣстителей по старшинству, такой талантливый генераль, какъ Самсоновъ, не могъ принять командованіе коннымъ отрядомъ послѣ Мищенко; отъ этого въ первое время произошло замѣшательство, теперь же едва ли можно будетъ ожидать отъ этого отряда рѣшительныхъ дѣйствій.

Раненые японцы, отправленные въ тылъ, были возвращены обратно, потому что на слѣдующемъ этапѣ ихъ не приняли.

Многіе вернулись съ отмороженными конечностями.

Въ часъ ночи было получено приказаніе отступать, имѣя въ головѣ колонны транспортъ съ ранеными. Однако, вслѣдствіе загроможденія пути интендантскими транспортами, обозъ отряда выдвинулся по дорогѣ только въ половинѣ третьяго.

Раненые почему-то остались сзади. Они были заранее вынесены на носилкахъ изъ фанзъ и провели два часа безъ всякой защиты отъ мороза въ ожиданіи укладки и отправленія на китайскихъ арбахъ и двуколкахъ. Обгонять имъ обозы было невозможно—пришлось плестись позади всѣхъ. Къ счастью не было вѣтрено.

16 января. Въ шесть часовъ утра мы пришли въ д. Сифонтай. Насилу нашель фанзу, такъ какъ все было занято пѣхотой и Уральцами.

Въ два часа приказано идти опять на югъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы вечеромъ продѣлать этотъ путь обратно.

Въ случаѣ неудачи и поспѣшнаго отступленія, обозы и транспорты будутъ мѣшать войскамъ и ихъ придется свернуть съ дороги и бросить. Нельзя было также терять изъ виду, что между обозными таятся всѣ элементы для паники, которая можетъ быть передана войскамъ.

Я такъ разболѣлся, что не былъ болѣе въ силахъ болтаться

безъ толку съ этимъ отвратительнымъ обозомъ—хуже службы мнѣ никогда не приходилось нести. Старшій полковой врачъ давно совѣтовалъ мнѣ уѣхать лѣчиться въ тылъ; онъ теперь выдалъ мнѣ санитарное свидѣтельство и я послалъ командиру полка рапортъ о болѣзни, рѣшивъ ѣхать завтра въ Мукденъ и поступить въ госпиталь.

Ко мнѣ заѣхалъ, по пути въ отрядъ, бывшій конногвардеецъ Альбрехтъ, служащій нынѣ въ Дагестанскомъ полку.

17 января. Было ясно, морозъ выше—150. Мы выступили, когда солнце уже было высоко и согрѣло немного воздухъ.

Орудійная пальба усилилась. Бой шелъ, повидимому, по всему фронту. Мнѣ было очень стыдно, что я уѣзжалъ изъ отряда въ эту минуту, но кашель, удушье, боль въ груди и спинѣ меня совершенно обезсилили—я насилу держался на лошади.

Вдоль хорошо укатанной дороги были установлены верстовые столбы. Мы обогнали безконечный обозъ отступавшаго 4-го стрѣлковаго полка.

Мы отошли не болѣе восемнадцати верстъ отъ Сифонтая, но я не могъ идти дальше и остановился на ночь въ д. Пацзяцзы, гдѣ нашлась отдѣльная фанза.

Китайцы принесли одну курицу, за которую просили три рубля; они говорили, что въ ихъ деревнѣ и на большомъ разстояніи вокругъ солдаты все „скушали“.

Къ вечеру пришелъ и расположился тоже въ этой деревнѣ 1-й стрѣлковый Его Величества полкъ; онъ отступалъ.

18 января. Мы выступили въ десять часовъ утра, когда морозъ сталъ менѣе чувствителенъ. Руки все-таки зябли очень сильно, я весь продрогъ, несмотря на двѣ фуфайки, шведскую куртку на мѣху, полушубокъ и бурку; не мерзли только ноги, обутыя въ прекрасные валенки, купленные въ Экономическомъ обществѣ.

Обозы и войска болѣе не встрѣчались—мы зашли въ раіонъ, гдѣ нашихъ не было. Здѣсь хозяйничали одни хунхузы.

Я рѣшился ночевать въ одной деревнѣ, не пострадавшей отъ разгрома, хотя до Мукдена оставалось только десять верстъ. Дальше идти я не могъ. Казаки нашли фанзу очень опрятную у хозяина, говорившаго, что онъ тоже „мало-мало капитанъ“. Онъ поднесъ мнѣ въ подарокъ пять яицъ, за которыя принялъ съ удовольствіемъ одинъ рубль.

19 января. Выстрѣлы слышались теперь въ отдаленіи. Я предполагалъ, что это означало переходъ нашего центра въ наступленіе.

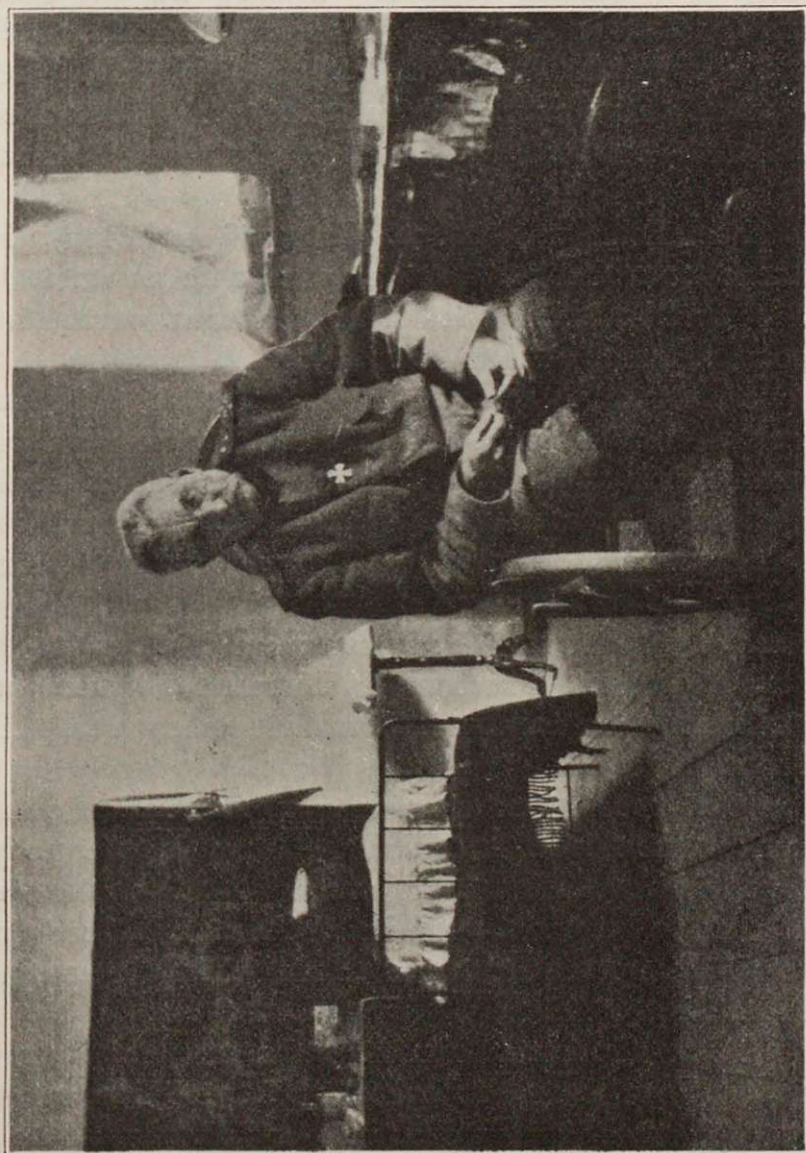
Въ одиннадцать часовъ утра я подѣхалъ къ Мукденскому вокзалу—я спѣшилъ узнать, что дѣлалось на передовыхъ позиціяхъ, и услышалъ, къ крайнему моему удивленію, что въ центрѣ войска не передвигались, а генераль Гриппенбергъ, наступавшій съ праваго фланга на Сан-де-пу, потерпѣлъ пораженіе, при чемъ потерялъ свыше четырнадцати тысячъ человѣкъ. Какое ужасное разочарованіе—я такъ вѣрилъ въ успѣхъ нашихъ войскъ теперь, когда мы дрались на равнинѣ, когда опыты ляоянскихъ и шахинскихъ боевъ должны были служить намъ полезными уроками, когда было у насъ сосредоточено такъ много войскъ и артиллеріи. На первый взглядъ казалось, что въ этомъ пораженіи былъ виноватъ Куропаткинъ, не поддерживавшій Гриппенберга. Потомъ, когда я ознакомился съ подробностями боя отъ участниковъ его, мое мнѣніе перемѣнилось.

Отъ комендантовъ станціи я узналъ, что поѣздъ Императрицы Александры Ѳеодоровны давно ушелъ въ Харбинъ и его скоро можно ожидать обратно въ Мукденъ.

Я рѣшилъ дожидаться этого поѣзда и съ нимъ отправиться въ Харбинъ, гдѣ въ госпиталяхъ было довольно свободно, тогда какъ здѣсь всѣ набиты биткомъ.

Я остановился въ фанзѣ племянника погибшаго на „Петропавловскѣ“ художника Верещагина, Козьмы Николаевича Верещагина; его братъ служилъ вольноопредѣляющимся въ нашемъ полку и поэтому офицерамъ полка было любезно предоставлено останавливаться въ его фанзѣ на время поѣздокъ въ Мукденъ. Среди двора, въ сараѣ имъ было разрѣшено сложить свои лишнія вещи, чтобы не слишкомъ обременять обозный выюкъ на время экспедиціи; тутъ же находились подъ охраной караула Верхнеудинскаго полка винтовки эвакуированныхъ больныхъ и раненыхъ казаковъ.

Козьма Николаевичъ работалъ одновременно со мною въ художественной академіи Жюліана въ Парижѣ. Сейчасъ онъ былъ въ отсутствіи. Моими сожителемъ были его братъ Петръ Николаевичъ, хорунжій Турбинъ и бывший преподаватель восточныхъ языковъ въ Пекинѣ Бородавкинъ, пробывшій тамъ во время осады въ 1900 г. и получившій за храбрость Св. Владиміра IV ст.

160. Генерал-адъютантъ Мищенко.

Пепино и вѣстовые помѣстились въ сосѣдней комнатѣ съ казаками.

20 января. Я зашелъ навѣстить раненаго генерала Мищенко, занимавшаго отдѣльный баракъ. Въ первой комнатѣ сидѣла за столъ большая компанія, генераль лежалъ въ спальнѣ. Онъ выглядѣлъ бодрымъ, несмотря на серьезное раненіе.

Отъѣздъ генерала Гриппенберга подтверждался. Кромѣ его штаба и нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ, преимущественно съ нѣмецкими фамиліями, никто въ арміи не оправдывалъ его дѣйствій.

21 января. Ясно и морозно. Свѣдѣній о поѣздѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны на станціи не имѣлось.

Мои сожители Верещагинъ и Бородавкинъ читали и писали цѣлыя ночи, засыпая только подъ утро. Я никогда не видалъ за границей, чтобы молодые, рослые, здоровые мужчины вели такую жизнь—всѣ ложатся спать рано и рано встаютъ, такъ какъ утромъ у всякаго есть работа. Не спятъ только одни неврастеники, но неврастенія болѣзнь, отъ которой слѣдуетъ лѣчиться. Санитарный поѣздъ Императрицы Александры Ѳеодоровны прибылъ въ ночь съ 23 на 24 января.

24 января. Я собралъ часть своихъ вещей и съ Пепино перебрался на поѣздъ. Вѣстовые съ лошадьми, мулами и оставшимися вещами должны были ожидать моего возвращенія у К. Н. Верещагина.

Въ вагонъ моей жены было принято пятнадцать офицеровъ. Мы отошли въ половинѣ шестого. Я обѣдалъ съ женою у Пѣшкова; было подано шампанское, чтобы spritzнуть мои полковничьи погоны, такъ какъ была получена изъ Петербурга телеграмма о моемъ производствѣ. Жена тоже награждена, она получила медаль за усердіе.

25 января. Началась однообразная госпитальная жизнь: утро проходило въ ожиданіи очереди для умыванія въ уборной; слишкомъ продолжительныя заботы о туалетѣ вызывали неудовольствіе среди вереницы ожидавшихъ съ полотенцами въ рукахъ. Утромъ подавали чай, хлѣбъ съ масломъ и колбасой; потомъ сестра обходила всѣхъ и ставила термометры; въ одиннадцать часовъ подавался какао; обѣдъ долженъ быть поданъ въ часъ, но онъ почти всегда опаздывалъ, за неимѣніемъ дровъ или воды на кухнѣ. На большихъ станціяхъ, гдѣ были склады дровъ и китайцы рабочіе могли подносить воду въ ведрахъ,

станціонное начальство спѣшило отправить поѣздъ далѣе возможно скорѣе, а на развѣздахъ, гдѣ не было ни дровъ, ни рабочихъ, насъ держали по нѣскольку часовъ. Это продѣлывалось вполне сознательно.

Днемъ въ вагонѣ наступала тишина. Ужинали около семи и потомъ начинались разговоры, длившіеся до поздней ночи, что беспокоило серьезно больныхъ. Нѣкоторые играли въ карты, иногда затѣивались споры, не переходящіе однако границы приличія.

26 января. Въ нашемъ вагонѣ были участники боя подъ Сан-де-пу. Они передавали хорошо знакомыя намъ причины неудачи: незнакомство штабовъ съ мѣстностью, незнаніе расположенія не только непріятельскихъ, но даже и нашихъ войскъ, отсутствіе связи между частями, напрасная трата снарядовъ вслѣдствіе обстрѣливанія артиллеріей наугадъ пунктовъ, не занятыхъ непріателемъ, какъ было въ одной деревнѣ, принятой по ошибкѣ за Сан-де-пу, которую осыпали снарядами цѣлый день, когда тамъ не было никого. Жаловались на небрежную развѣдочную службу, слѣдствіемъ чего было разстрѣливаніе атакующихъ частей изъ деревень съ фланговъ и тыла. Это имѣло мѣсто также во время атаки деревни впереди сильно укрѣпленнаго люнета Сан-де-пу. Правая сторона этой деревни была занята полкомъ 14-й дивизіи и только вечеромъ того же дня удалось выбить японцевъ изъ лѣвой части деревни вторымъ полкомъ бригады.

По словамъ тѣхъ же очевидцевъ, никто изъ начальствующихъ лицъ сюда не прибылъ, не было получено ни подкрѣпленій, ни распоряженій, поэтому командиры полковъ рѣшили отступить въ ту же ночь, чтобы не нести слишкомъ большихъ потерь отъ огня непріятеля, занимавшаго деревни на флангахъ позади. Держаться же здѣсь было невозможно, такъ какъ деревня обстрѣливалась изъ впереди лежавшаго люнета Сан-де-пу.

Говорили, что главнокомандующій лично передалъ Гриппенбергу кроки позиціи у Сан-де-пу, снятый съ воздушнаго шара, но что этотъ кроки былъ затерянъ, имъ не воспользовались, а пошли наугадъ. Гриппенбергъ пренебрегъ также услугами сотенъ пограничной стражи, которымъ была хорошо знакома мѣстность, такъ какъ онѣ провели часть лѣта въ Сан-де-пу. Неужели причиною тому было только то, что этого требовалъ настойчиво Куропаткинъ?

Гриппенбергъ объявилъ войскамъ своей арміи, что отступленія не будетъ, что солдаты могутъ его поднять на штыки, если онъ прикажетъ отступать. Если это дѣйствительно правда, то можно только удивляться, какъ генераль, командовавшій частью всей арміи, могъ отдать такой приказъ, не принимая въ расчетъ, что его распоряженія должны быть согласованы съ общимъ ходомъ военныхъ дѣйствій и поэтому онъ впередъ не могъ рѣшить, придется ли ему отступать или нѣтъ.

Гриппенбергъ требовалъ подкрѣпленій, но возможно ли было ослаблять центръ, подвергать единственную коммуникаціонную линію опасности захвата непріателемъ при прорывѣ.

Говорили, что генераль Гриппенбергъ получилъ прогонныхъ, подъемныхъ и другихъ слѣдуемыхъ ему суммъ до ста двадцати тысячъ рублей; нужно предполагать, что деньги, имъ не израсходованныя, онъ вернетъ въ казну.

27 января. Одинъ изъ офицеровъ рассказывалъ забавный эпизодъ, случившійся въ отрядѣ генерала Самсонова: на передовыхъ позиціяхъ японскіе и наши сторожевые посты занимали попеременно деревню, лежавшую въ промежуточной полосѣ. На новый годъ казаки нашли въ этой деревнѣ корзинку съ виномъ и закуской при запискѣ, адресованной русскимъ офицерамъ отъ японскихъ офицеровъ, занимавшихъ сосѣднюю деревню. Японцы приглашали нашихъ къ себѣ въ гости, указавъ на предлагаемомъ кроки мѣсто и названіе деревни, гдѣ они находились. На это приглашеніе отозвался начальникъ заставы князь В., онъ отправился съ шестью казаками. Японская сторожевая цѣпь ихъ встрѣтила очень дружелюбно и указала мѣсто нахождения заставы. У деревни ихъ ожидали офицеры и нижніе чины и провели въ фанзу, гдѣ была приготовлена закуска, на одной канѣ для офицера, на другой — для казаковъ. Вѣроятно потому, что они другъ друга не понимали, бесѣда была очень дружественная, провозглашались тосты и наконецъ всѣ перепились, цѣловались и расстались лучшими друзьями. На прощаніе японцы подарили русскимъ ведро водки Смирнова, которое два китайца отнесли на нашу позицію.

28 января. Нашъ поѣздъ прошелъ черезъ Гунчжулинъ ночью 29 января. Въ Харбинѣ мы пришли въ полдень. Больныхъ и раненыхъ направили въ сортировочное отдѣленіе послѣ завтрака въ поѣздѣ. Здѣсь насъ переписывали и распредѣляли по разнымъ госпиталямъ. Меня съ тремя другими офицерами отвезли въ ка-

ретѣ въ Дворянскій отрядъ. Я былъ помѣщенъ въ баракъ № 1. Помѣщеніе было свѣтлое и теплое, но бѣлье было грязное и не было воды въ умывальникахъ и отхожихъ мѣстахъ.

30 января. Докторъ нашель, что у меня былъ плевритъ и слабость сердца; онъ сказалъ, что мнѣ слѣдовало немедленно подать прошеніе объ эвакуаціи и ѣхать на югъ Франціи. Такъ какъ тотъ же совѣтъ былъ данъ моему больному сосѣду, то я подумалъ, что докторъ можетъ быть преувеличивалъ серьезность моей болѣзни, и спросилъ его, нельзя ли мнѣ вмѣсто Ривьеры отправиться въ отрядъ. Онъ отвѣтилъ, что въ дѣйствующую армію я не могу вернуться ни въ какомъ случаѣ. Я все-таки полагался на свою крѣпкую натуру и не терялъ надежды оправиться достаточно, чтобы принять участіе въ рѣшительныхъ дѣлахъ передъ Мукденомъ. Подавать же прошеніе объ эвакуаціи я не хотѣлъ ни за что.

Днемъ мороза не было, на солнцѣ снѣгъ таялъ.

Въ Дворянскомъ отрядѣ кормили сносно и достаточно, врачи были очень внимательные и, кажется, знающіе. Сестеръ милосердія было двѣ, одна старшая была помѣщица, относившаяся весьма строго, а иногда и несправедливо къ болѣе пожилымъ пациентамъ и снисходительно къ молодымъ, другая была скромная дѣвушка, обращающаяся одинаково сердечно ко всѣмъ. Главную роль въ баракѣ игралъ санитаръ солдатъ Абдулка. Врачъ, обходившій утромъ баракъ, отмѣчалъ, кому слѣдовало давать молоко, яйца и кисель къ обѣду, но исполнителями этихъ рѣшеній были старшая сестра и Абдулка, дѣйствующие по своему усмотрѣнію. Большимъ неудобствомъ въ баракѣ было отсутствіе помѣщенія для офицерскихъ денщиковъ, а между тѣмъ безъ нихъ нельзя было обходиться, такъ какъ для ухода за больными, чистки и уборки барака, подаванія къ столу и проч. имѣлось только два санитары — всевѣдущій и всемогущій Абдулка и его товарищъ. Ночью тяжело раненые оралы, просили помощи, будили всѣхъ, кромѣ санитаровъ и сестеръ, спавшихъ въ другой комнатѣ. Другое неудобство было хроническое бездѣйствіе водопроводовъ въ уборной и отхожихъ мѣстахъ. Къ тому же въ уборной ночевали санитары и еще два, три денщика, встававшихъ въ половинѣ восьмого; они первые пользовались водой для умыванія, потомъ доставалось еще тѣмъ, кто вставалъ рано, а другимъ приносили ведрами изъ колодца. Мнѣ всегда приходилось будить заспавшихся санитаровъ. Какъ-то разъ Абдулка, мывшійся одновре-

менно со мною, спросилъ меня: „это ваше мыло“ — и когда я ему отвѣтилъ отрицательно, преспокойно сталъ имъ мыться, а потомъ вытирался полотенцемъ одного изъ офицеровъ.

2 февраля. Нашъ докторъ уѣхалъ въ Россію, взамѣнъ его явился къ намъ другой, еврейскаго типа. Онъ относился съ большимъ вниманіемъ къ своему дѣлу и пользовался славой превосходнаго врача. Хотя ему никто не жаловался на наши порядки и самъ онъ конечно не могъ усмотрѣть недочетовъ барака, но тѣмъ не менѣе всѣ поняли, что съ нимъ шутить нельзя, и подтянулся даже нахаль Абдулка.

Здѣсь, какъ и въ санитарныхъ поѣздахъ, замѣчалось невниманіе офицеровъ легко больныхъ или раненыхъ къ товарищамъ, прикованнымъ къ постели, къ тяжело больнымъ, къ страдавшимъ отъ ранъ, нервно разстроеннымъ, нуждавшимся въ безусловномъ покоѣ: какъ въ поѣздѣ, гдѣ тѣсный вагонъ, съ недостаточной вентиляціей, былъ полонъ табачнаго дыма, гдѣ шумъ и говоръ стояли за полночь, такъ и тутъ господа, спавшіе цѣлый день, ночью не тушили лампы, занимаясь чтеніемъ или писаніемъ, игравшіе въ карты или другія игры усаживались на кровать больного, не заботясь о томъ, что это могло его беспокоить.

Встрѣчался также типъ, къ сожалѣнію не рѣдкій, — это, такъ называемые врачами и сестрами, — „симулянты“, притворявшіеся больными, чтобы лежать въ госпиталѣ вмѣсто того, чтобы ѣхать на позицію. Имъ иногда удается даже быть эвакуированными въ Россію. Подобный типъ былъ и въ нашемъ баракѣ; онъ по вечерамъ ѣздилъ въ циркъ, возвращался поздно и утромъ валялся еще въ постели, когда приходилъ докторъ и находилъ, что ему слѣдовало давать слабую порцію, потому что языкъ былъ очень затянута.

Выслушавъ у меня грудь и сердце, докторъ спросилъ, подалъ ли я прошеніе объ эвакуаціи, и на мой отрицательный отвѣтъ, сказалъ, что я долженъ подать его немедленно, такъ какъ дальнѣйшее пребываніе въ Манчжуріи грозило мнѣ серьезной опасностью. На этотъ разъ я доктору повѣрилъ — во-первыхъ, потому, что состояніе моего здоровья не только не улучшалось а напротивъ становилось хуже, во-вторыхъ, докторъ относился такъ строго добросовѣстно къ своимъ паціентамъ, что внушалъ полное довѣріе. Прошеніе я подалъ и получилъ извѣщеніе, что комиссія будетъ осматривать меня 12 февраля.

Въ Харбинѣ распространились самые алармистскіе слухи: говорили, что этимъ занимался специально одинъ докторъ.

Разнесся слухъ, что японцы идутъ черезъ Монголію на Цицикаръ. Что непріятельскій отрядъ въ десять тысячъ недалеко отъ Гунчжулина, что Харбинъ окруженъ сильными шайками хунхузовъ подъ предводительствомъ японскихъ офицеровъ и что со дня на день можно было ожидать нападенія. Какъ бы въ подтвержденіе настоящаго слуха, въ ночь съ 5 на 6 февраля раздались частые выстрѣлы — это китайцы праздновали свой новый годъ. Одинъ монахъ рассказывалъ, что онъ самъ слышалъ за городомъ орудійные выстрѣлы. Все это оказалось, однако, фальшивой тревогой.

12 февраля. Комиссія собралась въ нашемъ баракѣ въ одиннадцать часовъ утра. Три врача, одинъ за другимъ, слушали, ощупывали, допрашивали подвергавшихся осмотру. Рѣшеніе комиссіи держится въ большой тайнѣ — кому она нужна?

Жизнь въ Дворянскомъ отрядѣ мнѣ такъ опостылѣла, что я переѣхалъ съ разрѣшенія доктора въ гостиницу Франція; здѣсь я могъ продолжать лѣченіе, пользуясь совершеннымъ покоемъ.

17 февраля. Вернулся изъ Мукдена санитарный поѣздъ Императрицы Александры Оеодоровны.

19 февраля. Получилъ эвакуаціонное свидѣтельство.

Носятся тревожные слухи объ обходѣ праваго фланга нашей арміи непріателемъ.

21 февраля. Пронесся слухъ, что японцы отрѣзали путь отступленія нашей арміи позади Мукдена. Другіе говорили, будто мы взяли въ плѣнъ двадцать тысячъ японцевъ. Это было бы конечно возможно, если бы непріятель зарвался, зайдя глубоко въ тылъ. Повидимому, движеніе непріятеля противъ нашего лѣваго фланга остановлено.

Я очень жалѣлъ, что болѣзнь не позволяла мнѣ принять участіе въ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что имѣлось въ виду назначить меня командиромъ 2-го Верхнеудинскаго полка; генераль Ренненкампфъ, запрошенный объ этомъ полевымъ штабомъ, отвѣтилъ согласіемъ.

Я получилъ телеграмму, что въ Георгіевской общинѣ въ Мукденѣ мнѣ будетъ предоставлена отдѣльная комната, которую занималъ выздоровѣвшій нынѣ князь Орбеліани. Поэтому я рѣшилъ воспользоваться отходомъ въ Мукденъ санитарнаго поѣзда моей жены, чтобы переѣхать туда поближе къ отряду.

22 февраля. Въ 10 часовъ утра санитарный поѣздъ Императрицы Александры Ѳеодоровны отошелъ въ Мукденъ.

Въ Харбинѣ слухи о нашихъ дѣлахъ на передовыхъ позиціяхъ были благопріятны.

23 февраля. Со встрѣчнымъ поѣздомъ намъ сообщили, что ожидался цѣлый поѣздъ плѣнныхъ японцевъ. На обгонявшемъ насъ поѣздѣ съ матрацами и одѣялами передавали, что это отвозилось для плѣнныхъ. Не было сомнѣнія, что мы дѣйствительно одержали въ этотъ разъ побѣду. Сердце замирало отъ радости — наконецъ-то мы сломили упорство врага и теперь ничто насъ не могло задержать. Но вотъ новый поѣздъ пришелъ съ юга, на немъ было сорокъ человѣкъ плѣнныхъ, но вѣсти сообщались дурныя: всѣ осадныя орудія были перевезены въ Гунчжулинъ. Санитарные поѣзда, шедшіе изъ Суятуня на сѣверъ, были обстрѣляны непріателемъ на станціи „Угольной“ Фушунской вѣтки — снаряды рвались въ десяти саженьяхъ отъ вагоновъ.

Въ Гунчжулинъ мы пришли въ два часа ночи.

24 февраля. Коменданты станцій не знали, что происходило впереди, а со встрѣчныхъ поѣздовъ передавались самые разнообразныя толки: такъ, послѣ извѣстій о близости непріателя къ Мукдену, сегодня сообщалось, что непріатель оттѣсненъ съ громаднымъ урономъ и что Линевиچъ идетъ на Ляоянъ. Однако, этому трудно вѣрить, такъ какъ мы встрѣтили цѣлые ряды платформъ, заваленныхъ подбитыми орудіями, отправляемыхъ на сѣверъ.

По мѣрѣ движенія на югъ дѣлалось теплѣе — утромъ вѣтѣни было $+2^{\circ}$.

Я ѣхалъ въ санитарномъ поѣздѣ въ качествѣ гостя и поэтому комендантъ поѣзда, полковникъ Пѣшковъ пригласилъ мою жену и меня обѣдать у него въ купе, до прихода въ Мукденъ. Въ восемь часовъ вечера, во время обѣда, нашъ поѣздъ пролетѣлъ мимо большой станціи, не уменьшая ходу; заскрипѣли тормоза и тотчасъ же сильный толчокъ заставилъ дрогнуть весь вагонъ и мы остановились. Все, что было на столѣ и на полкахъ, попадало, мы сами не были ушиблены. Всѣ выбѣжали узнать, что случилось, не было ли человѣческихъ жертвъ и поврежденій.

Оказалось, что машинистъ пролетѣлъ черезъ открытый семафоръ, почему-то не останавливаясь у станціи. Съ другой стороны, поѣздъ командующаго 3-й арміи, стоявшій у южнаго семафора, былъ пропущенъ одновременно съ нашимъ. Не случилось

полнаго крушенія только потому, что нашъ машинистъ началъ тормозить, какъ только замѣтилъ свою ошибку, а поѣздъ, шедшій съ юга, не успѣлъ дать полнаго хода. Убить былъ только одинъ унтеръ-офицеръ, стоявшій на платформѣ, серьезныхъ ушибовъ не было ни у кого. Счастливо отдѣлались одинъ полковникъ и его денщикъ — ихъ вагонъ сталъ дыбомъ и имъ пришлось вылѣзти изъ него черезъ окно, но ни тотъ, ни другой не пострадали. У насъ два вагона получили довольно сильныя поврежденія. Мы отошли далѣе на югъ въ четыре часа утра, когда путь былъ очищенъ.

25 февраля. Отвозили на сѣверъ до тысячи четырехъ сотъ раненыхъ. Встрѣчные офицеры говорили намъ, что на Путиловской и Новгородской сопкахъ, которыя защищались 1-мъ армейскимъ корпусомъ, было отбито до четырнадцати отчаянныхъ атакъ японцевъ. Груды непріятельскихъ тѣлъ были нагромождены передъ нашими окопами. Теперь шелъ ожесточенный бой на нашемъ правомъ флангѣ, отъ котораго зависѣла участь всей арміи. Если бы намъ удалось отрѣзать обходящія непріятельскія колонны и отбить его атаки въ центрѣ и на флангахъ, то не только побѣда осталась бы за нами, но мы сами перешли бы въ наступленіе и стали бы гнать его обратно на югъ. Впрочемъ это рѣшалось не такъ легко, какъ было бы желательно: все зависѣло отъ имѣвшихся у насъ запасовъ патроновъ и снарядовъ. Отъ этого и японцы не могли насъ преслѣдовать послѣ нанесеннаго пораженія до пополненія своихъ запасовъ.

Наши мортирные батареи отвозились назадъ по желѣзной дорогѣ, за неимѣніемъ снарядовъ. Санитарные поѣзда выходили только ночью, такъ какъ днемъ ихъ обстрѣливалъ непріятель, не обращая вниманія на красный крестъ.

Мы пришли въ Тѣлинъ въ четыре часа дня. На платформѣ противъ вокзала толпились офицеры, чиновники, корреспонденты; нижніе чины шатались кучками и одиночками, не обращая вниманія на офицеровъ; у нихъ былъ видъ озлобленный, держались они не по-солдатски; это были, вѣроятно, запасные, распустившіеся, вслѣдствіе общаго упадка дисциплины, послѣ нанесеннаго намъ пораженія. Мы уже знали, что Мукденъ оставленъ нами и горѣлъ; войска спѣшно отступали по всей линіи, аріергардъ 2-й арміи былъ охваченъ кольцомъ непріятельскими частями, обходившими нашъ правый флангъ и другими, прорвавшимися у Кіузяна. При отступленіи обоза у станціи Хушитай кто-то

крикнулъ „вотъ японцы“—и все бросилось бѣжать; обозные обру-
бали построшки, садились на лошадей и скакали, обгоняя другъ
друга, чтобы скорѣе укрыться отъ воображаемаго непріятеля.
Нѣкоторые говорили, что японскія батареи подъ прикрытіемъ
двухъ эскадроновъ пустили нѣсколько гранатъ по обозу, отчего
и возникла эта паника. Другіе утверждали, что японцевъ никто
не видалъ.

Нашъ поѣздъ стоялъ противъ вокзала на второмъ пути.

Вдругъ между нами и платформой пронесся локомотивъ съ
тендеромъ и товарнымъ вагономъ, изъ котораго солдаты выбра-
сывали ящики и разныя вещи. За ними бѣжали нижніе чины,
офицеры и одинъ генералъ съ пашкой наголо. Всѣ кричали
во всю глотку, но мы не понимали, въ чемъ дѣло. Потомъ намъ
разъяснили, что солдаты (вѣроятно запасные) принялись грабить
вагонъ Экономическаго общества и на противодѣйствіе офице-
ровъ отвѣчали угрозами. Чѣмъ это кончилось, мы не знали.

Одна сестра милосердія жаловалась намъ, что изъ Фушуна
гнали безъ особенной надобности госпитали и лазареты, побро-
савъ на мѣстѣ болѣе шестисотъ раненыхъ.

Всѣ были въ крайне возбужденномъ настроеніи; одни рѣзко
критиковали дѣйствія начальниковъ, возмущались, негодовали,
другіе ругали солдатъ.

Все, что мы здѣсь видѣли и слышали, было очень непри-
глядно, но надо было помнить, что мы были въ тылу арміи, гдѣ
все преувеличивалось и извращалось и гдѣ собирался весь
сбродъ, слѣдовавшій за арміей, наживавшійся войной, но не
проливавшій ни одной капли своей драгоцѣнной крови никогда.

Въ тылу была совсѣмъ другая точка зрѣнія: тамъ кричали,
что мы терпѣли пораженія, успѣха же не имѣли никогда, что
война эта была позорная, осуждали съ неумолимою строгостью
виновниковъ нашихъ неудачъ. Въ передовыхъ войскахъ судили
совсѣмъ иначе: тамъ считали, что послѣ честнаго боя, гдѣ на-
чальникъ и подчиненный исполнили свой долгъ, не было ничего
постыднаго отступить передъ непріателемъ, имѣвшимъ численное
превосходство.

Я думалъ остаться пока въ Тѣлинѣ, въ одномъ изъ госпи-
талей, но мнѣ сказали, что всѣ госпитали были переполнены и вѣ-
роятно будутъ въ скоромъ времени эвакуированы, такъ какъ не
было извѣстно будемъ ли мы здѣсь держаться или нѣтъ. Съ

согласія полковника Пѣшкова я рѣшилъ вернуться въ Харбинъ въ этомъ же поѣздѣ.

Раненыхъ стали переносить съ одиннадцати часовъ вечера и въ теченіе цѣлой ночи, для того, чтобы ночью же уйти. Сестры и санитары были очень утомлены этой работой, а между тѣмъ она оказалась лишней, потому что путь не былъ свободенъ и насъ продержали до полудня слѣдующаго дня.

Кромѣ двадцати двухъ вагоновъ, были прицѣплены къ нашему поѣзду теплушки, все было набито биткомъ. Утромъ какао готовилось на сто двадцать офицеровъ.

Въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ командиръ 1-го армейскаго корпуса генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ. Во время отступленія, послѣ отбитыхъ блестящимъ образомъ атакъ на Путиловскую и Новгородскую сопки, его лошадь испугалась разорвавшейся въ нѣсколькихъ шагахъ шимозы и опрокинулась; у барона Мейендорфа была сломана ключица и ушиблена нога, попавшая подъ лошадь. Ѣхалъ съ нами тоже до Гунчжулина шталмейстеръ Родзянко, растерявшій во время паники свой санитарно-вьючный обозъ, принесшій много пользы во время вывоза раненыхъ съ поля сраженія.

Между больными и ранеными были тоже симулянты: одинъ молодой офицеръ прибылъ съ обвязанной тряпкой головой и не позволялъ сестрѣ дѣлать ему перевязку до отхода поѣзда; тогда только онъ снялъ повязку, подъ которой не было даже царапины. Поѣздные врачи почтительно приняли и помѣстили у себя превосходительнаго коллегу, бѣжавшаго вслѣдствіе нервнаго потрясенія, причиненнаго слухами о нашемъ пораженіи—такая впечатлительность объяснялась его краткосрочнымъ пребываніемъ въ арміи.

Въ десять часовъ вечера на одной станціи, гдѣ мы ждали встрѣчнаго поѣзда, было сообщено по телеграфу, что хунхузы намѣревались на нее напасть въ эту ночь. Тотчасъ намъ было приказано потушить вездѣ электричество, третья часть команды вооружилась винтовками, у кого были револьверы, держали ихъ наготовѣ. Въ двѣнадцать часовъ ночи мы были отправлены дальше.

Потомъ мы узнали, что въ эту же ночь, немного позднѣе, хунхузы дѣйствительно напали на станцію и на стоявшій тамъ санитарный поѣздъ, но были отбиты. По вагонамъ было дано около тридцати выстрѣловъ—сестры были очень перепуганы, но никто не пострадалъ.

На разъѣздахъ мы стояли по три и болѣе часовъ, потому что станціи были блокированы поѣздами. Чѣмъ ближе къ Харбину, тѣмъ остановки на разъѣздахъ продолжительнѣе.

Странно было, что встрѣчные поѣзда не везли подкрѣпленій, артиллеріи и снарядовъ; можетъ быть ихъ больше не имѣлось. Въ такомъ случаѣ какъ мы удержимъ Тѣлинъ, съ задолго укрѣпленной, превосходной позиціей? При натискѣ непріятеля едва ли мы отстоимъ Гунчжулинъ, а можетъ быть придется сдать и Харбинъ. Это было не мое личное мнѣніе, но такъ думало въ арміи большинство.

Въ ночь съ 28 февраля на 1 марта мы пришли въ Гунчжулинъ. Тамъ говорили, что Мукденъ опять занятъ нашими, что японская гвардія была вся уничтожена, что наша конница прекрасно работала въ тылу у непріятеля.

Упорно держался слухъ о скоромъ заключеніи мира — это былъ вѣрный симптомъ желанія мира, по крайней мѣрѣ одной стороной, а можетъ быть однимъ только тыломъ арміи.

Мы вышли изъ Гунчжулина въ двѣнадцать часовъ дня и прибыли въ Харбинъ 2 марта въ одиннадцать вечера.

К. Н. Верещагинъ, котораго я встрѣтилъ въ Харбинѣ, сказалъ мнѣ, что по словамъ прибывшихъ изъ Мукдена двухъ казаковъ изъ состава караула, находившагося при винтовкахъ и офицерскихъ вещахъ 1 Верхнеудинскаго полка, три казака, въ томъ числѣ мои два вѣстовые, погибли во время нападенія японской кавалеріи на нашъ обозъ, а всѣ животныя и вещи были захвачены японцами. Я вѣрилъ, что мои лошади, мулы и вещи были потеряны, но мнѣ казалось невѣроятнымъ, что мои расторопные и лихіе казаки, видавшіе виды, могли пропасть безъ вѣсти. Я хотѣлъ послать Пепино въ Тѣлинъ, чтобы разыскать вѣстовыхъ и узнать отъ нихъ, не уцѣлѣли ли лошади. За разрѣшеніемъ я обратился къ начальнику тыла генералу Надарову, но получилъ отказъ, потому что Пепино былъ иностранецъ, а теперь было строжайше запрещено пускать не военныхъ и, въ особенности, не русскаго происхожденія, въ передовыя части войскъ. Я не зналъ, что дѣлать, самъ я ѣхать не могъ, потому что былъ слишкомъ боленъ, чтобы перенести даже короткое путешествіе безъ врачебнаго ухода, и не зналъ, къ кому обратиться. Я остановился опять во Французской гостиницѣ, гдѣ у меня была опрятная комната и больше комфорта и спокойствія, чѣмъ въ госпиталѣ.

Эвакуаціонное свидѣтельство я уже получилъ, а врачи на-

стаивали, чтобы я непременно уѣхалъ отсюда скорѣе, но я хотѣлъ дожидаться, пока моя жена получить отпускъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ. Последняя моя поѣздка въ Тѣлинъ убѣдила меня, что я не былъ болѣе въ состояніи вести скитальческую жизнь казачьяго офицера, даже командуя полкомъ, что позволило бы, по крайней мѣрѣ, имѣть лучшій уголъ въ общей комнатѣ, а иногда и отдѣльную фанзу.

5 марта. Санитарный поѣздъ Императрицы Александры Оеодоровны ушелъ въ двѣнадцать часовъ дня въ Никольскъ-Уссурийскій, чтобы сдать тамъ раненыхъ и больныхъ. Моя жена не хотѣла просить отпуска, пока не вернется изъ этого рейса.

6 марта прибылъ въ Харбинъ генераль-адъютантъ Куропаткинъ и ждалъ, не выходя изъ поѣзда, отвѣта Государя на просьбу остаться въ арміи, хотя бы въ должности корпуснаго командира. Утвердительный отвѣтъ, съ назначеніемъ его командующимъ 1-ю арміею, былъ полученъ ночью, а утромъ онъ уѣхалъ обратно на югъ. При отъѣздѣ бывшаго главнокомандующаго, нижніе чины, по собственному почину, устроили ему задушевную овацію: они бѣжали за поѣздомъ, кричали безъ умолку „ура“, бросая вверхъ шапки. Куропаткинъ стоялъ безъ фуражки на перронѣ своего вагона и кланялся, видимо тронутый выраженіемъ симпатіи этихъ простыхъ людей, вѣрно угадавшихъ, что Куропаткинъ иначе понималъ свой долгъ родинѣ и Царю, чѣмъ другой генераль, возвратившійся въ Россію, когда ему не понравилось распоряженіе его прямого начальника.

Болѣе мѣсяца небо было безоблачное, а теперь настала совсѣмъ весенняя погода.

11 марта. Вечеромъ за дверьми моего номера послышался женскій визгъ и бѣготня по коридору съ истеричными выкриками. Я думалъ, что разыгрались горничныя, и отворилъ дверь, чтобы попросить ихъ не шумѣть. Коридоръ былъ полонъ дымомъ, а противъ моего номера горѣлъ деревянный чуланъ. Я захватилъ самое цѣнное, что у меня было: мои дневники и фотографическія пленки и отнесъ ихъ въ безопасное мѣсто. Пожаръ, однако, былъ скоро потушенъ сбѣжавшейся прислугой и я могъ вернуться къ себѣ.

15 марта. Я былъ очень обрадованъ полученной телеграммой сотника Даркина 1-го Верхнеудинскаго полка изъ Гунчжулина, извѣщавшей меня, что мои вѣстовые, лошади, мулы и вещи были цѣлы и находились въ обозѣ Верхнеудинскаго полка въ Гунчжу-

линѣ. Хотя мнѣ очень нездоровилось, я рѣшилъ ѣхать сегодня же въ Гунчжулинъ, чтобы наградить и отпустить моихъ вѣстовыхъ и распорядиться съ животными и вещами.

Пошелъ сильный снѣгъ—опять зима. Въ пять часовъ пополудни я явился на вокзалъ для распредѣленія комендантомъ станціи офицеровъ по мѣстамъ, но мы тронулись только въ половинѣ девятого. Въ нашемъ поѣздѣ ѣхали три прапорщика запаса, еврейскаго типа, они были мертвецки пьяны на вокзалѣ и во все время пути; они не только не отдавали чести старшимъ, но смотрѣли имъ въ глаза вызывающимъ образомъ. Я былъ слишкомъ нездоровъ, чтобы принять противъ нихъ репрессивныя мѣры, а комендантъ станціи давно привыкъ къ такимъ явленіямъ и пересталъ обращать на нихъ вниманіе.

16 марта. Въ одиннадцать часовъ вечера мы прибыли въ Гунчжулинъ. Шелъ мокрый снѣгъ, вдали были видны огни станціи, вокругъ насъ было все темно. Около офицерскаго вагона всегда собирались солдаты, ожидавшіе получить на чаекъ за относъ багажа на вокзалъ. Стояла и здѣсь кучка солдатъ, я спросилъ, не зналъ ли кто изъ нихъ, гдѣ находился этапный пунктъ; одинъ вызвался меня проводить, захвативъ мой легкій мѣшокъ.

Побрели мы черезъ канавы, по мокрому снѣгу, а мѣстами прямо по лужамъ. Мои валенки сразу промокли какъ губки и наполнились водой.

Внутри барака тускло горѣли керосиновыя лампы въ длинномъ помѣщеніи, гдѣ стояли рядами столы и скамейки; входная дверь была въ одномъ концѣ, другая вела на кухню, но я ее замѣтилъ только на слѣдующій день. Въ баракѣ стоялъ отвратительный запахъ прокисшихъ щей, столы были сплошь залиты чѣмъ-то жирнымъ. Человѣкъ пять офицеровъ спали вдоль стѣны на довольно широкихъ скамейкахъ; я пошелъ искать такую же, но не нашелъ и долженъ былъ удовольствоваться узкой скамейкой не болѣе пяти или шести вершковъ шириною. На столѣ же лечь было невозможно, до такой степени они были загажены.

Я расположился въ концѣ барака, противоположномъ двери и пробовалъ заснуть, но кашель не давалъ мнѣ покоя, а промокшія ноги бросали въ ознобъ; хуже всего было, однако, дышать тяжелымъ воздухомъ, пропитаннымъ ѣдкимъ запахомъ засаленныхъ столовъ. Со всѣмъ свыкаешься—я забылся и пролежалъ въ полусознательномъ состояніи часа полтора, какъ вдругъ послышался топотъ сотенъ сапогъ и стукъ прикладовъ. Въ ба-

ракъ ввалилъ чуть ли не цѣлый баталіонъ солдатъ, они входили безъ конца и скоро заполнили все помѣщеніе. Стояли они сдавленные со всѣхъ сторонъ и никому не было мѣста растянуться. Это были выпущенные изъ госпиталей раненые и больные, изъ которыхъ были сформированы команды для отправленія на позиціи; ихъ распредѣляли коменданты этаповъ по своему усмотрѣнію или на основаніи какихъ-либо особыхъ распоряженій, мало кто изъ нихъ попадалъ обратно въ свою часть. Вотъ почему такъ часто выздоравливающіе нижніе чины обращались къ офицерамъ съ просьбою быть отправленными въ свои части помимо этаповъ.

Несмотря на горѣвшія кое-гдѣ лампы, было такъ темно, что солдаты меня не замѣчали и всѣ близъ стоящіе кляли на меня винтовки и амуницію — пришлось привстать, чтобы обратить на себя вниманіе. Только и слышны были обычныя въ русскомъ народѣ бранныя слова. Стояли они долго, болѣе часу, потомъ стали понемногу укладываться и скоро начался такой храпъ, что заглушилъ бы самую бурную Вагнеровскую оркестровку.

Половиною моей скамейки все-таки завладѣли, наложивъ на нее сумки и патронташи, которыхъ я не былъ въ силахъ сбросить. Спать, конечно, не было болѣе возможности.

Къ прежней удушливой вони прибавились испаренія давно не мытыхъ тѣлъ и другихъ газовъ, специфическій запахъ плохо выдубленныхъ полушубковъ и мокрыхъ валенокъ. Это было что-то невообразимое. Я просто задыхался и оставаться долѣе въ этомъ смрадѣ не могъ. — Но какъ выбраться отсюда? Мнѣ приходилось пройти въ другой конецъ барака, гдѣ была дверь, черезъ сотни тѣлъ, лежавшихъ одно поверхъ другого. Спустивши ноги, я не зналъ, куда ихъ поставить — тѣлами было загромождено все пространство. Въ полумракѣ нельзя было различить, гдѣ были головы, руки, ноги; отовсюду торчали винтовки. Какъ ни казалось трудно преодолѣть эту живую преграду, но оставаться было невозможно и, крадучись на четверенькахъ, я сталъ потихоньку пробираться впередъ, стараясь, по возможности, не ступать по лицамъ спящихъ. Меня спросонья ругали, говорили: „Прикладомъ хвачу тебя“. — Думая усмирить недовольныхъ, я говорилъ, что шелъ къ коменданту. — Мнѣ отвѣчали: „Второй разъ уже идешь къ коменданту“. Попробовалъ сказать, что я полковникъ, но это еще болѣе обозлило солдатъ: „Чего врешь“, — говорили они, — „знаемъ, какой ты полковникъ“. Доставались мнѣ и пинки —

нужно было все терпѣть, такъ какъ теперь уже было поздно, а вернуться назадъ было бы еще труднѣе, чѣмъ продолжать свой тяжелый путь къ спасительной двери. Не разъ я отчаивался ее достигнуть; я былъ весь въ поту и чувствовалъ, что силы меня совсѣмъ покидали. Наконецъ, я добрался до двери, на дворѣ бушевала мятель при рѣзкомъ вѣтрѣ, обдавшемъ меня холодомъ. При моемъ состояніи здоровья это грозило смертью—я вскочилъ обратно въ баракъ. Въ этомъ концѣ казалось еще болѣе народу.

Солдаты безпрестанно выходили наружу, распахивая дверь, изъ которой врывался холодный воздухъ густымъ бѣлымъ паромъ.

Двигаться я болѣе не могъ, при свѣтѣ мерцавшей лампы я взглянулъ на часы—было половина пятого, а я пустился въ странствованіе по живой массѣ въ четыре часа десять минутъ; такимъ образомъ я проползъ въ двадцать минутъ какихъ-нибудь семьдесятъ или восемьдесятъ шаговъ.

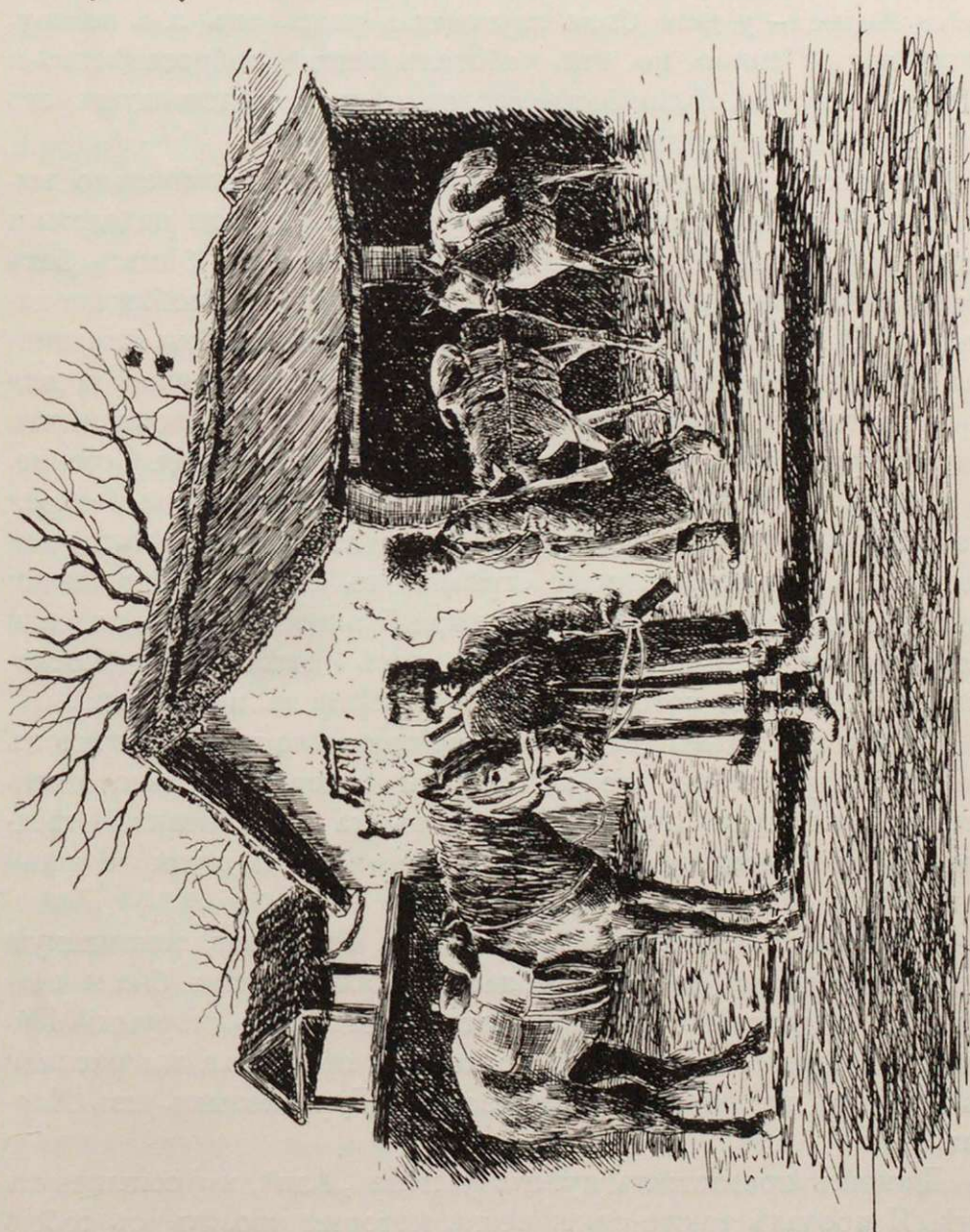
Невозможно передать, какъ было тяжело простоять на ногахъ полтора часа въ удушливой атмосферѣ, съ проникавшей отъ времени до времени леденящей струей.

Въ шесть часовъ утра стали будить солдатъ. Скоро оказалось возможнымъ пройти къ скамейкѣ, гдѣ я оставилъ свои вещи. Мнѣ тоже нужно было собираться въ путь, чтобы разыскать обозъ Верхнеудинскаго полка. Никто не зналъ, гдѣ онъ находился я обращался къ коменданту этапа, къ коменданту станціи, къ забайкальскимъ казачьимъ офицерамъ, встрѣченнымъ на вокзалѣ, на телеграфѣ; никто не слыхалъ о немъ, а нѣкоторые утверждали, что такого обоза въ Гунчжулинѣ не было. Попались мнѣ два казака 2-го Читинскаго полка—я обѣщалъ дать пять рублей тому, кто найдетъ и укажетъ мнѣ, гдѣ находились Верхнеудинцы. Они не вполне довѣряли, что я дамъ имъ такую громадную сумму денегъ за сообщеніе не особенно важное, однако, пошептавшись, они рѣшили попытать счастья и быстро удалились.

На вокзалѣ я узналъ, что имѣлся особый баракъ для офицеровъ и такъ какъ мнѣ нечего было дѣлать до возвращенія посланныхъ казаковъ, то я туда отправился. Въ глубокой землянкѣ, просторной и свѣтлой, помѣщались офицеры на нарахъ и на кроватяхъ, у кого онѣ имѣлись. Я нашелъ свободное мѣсто, улегся и моментально заснулъ какъ убитый.

Меня разбудили посланные Читинцы и сказали, что привели ко мнѣ моего вѣстового. Это былъ Петръ, очень обрадованный

меня видѣть. Онъ догадался привести мнѣ верховую лошадь и двуколку для моего багажа. Багажа у меня не было, но такъ какъ я былъ не въ силахъ сѣсть верхомъ, то я самъ забрался въ двуколку.

161. Мои вѣстовые Андрей и Петръ.

Я не ошибся, думая, что казаки не рассчитывали получить полностью обѣщанныя деньги — они просіяли отъ удовольствія, когда я имъ вручилъ синюю бумажку.

Деревня, гдѣ стоялъ нашъ обозъ, была въ двухъ верстахъ, мы ѣхали шагомъ. Опять потеплѣло и я былъ радъ подышать

свѣжимъ воздухомъ открытаго пространства — въ Харбинѣ, несмотря на просторъ, воздухъ не былъ чистъ: или носилась въ немъ пыль, или несло какою-то гарью.

Въ фанзѣ, гдѣ были сложены мои вещи, я засталъ моего фаворита Андрея — у него была плутоватая рожа, онъ зло подтрунивалъ надъ Пепино, но онъ работалъ всегда добросовѣстно и въ немъ, я думаю, было болѣе сердца, чѣмъ у представительнаго и на видъ благовоспитаннаго Петра.

Мои вѣстовые рассказывали, что японцы дѣйствительно выпустили нѣсколько гранатъ по обозу, но онѣ давали недолеты и никого не задѣли. Тѣмъ не менѣе, все бросилось бѣжать безъ оглядки, нѣкоторые, повидимому, потерявъ голову, побѣжали назадъ. 3-я Забайкальская казачья батарея открыла огонь по японцамъ и они поспѣшили ускакать. Забайкальцы подобрали и увезли два брошенныхъ нашими артиллеристами орудія; говорили, что казаки летучей почты тоже привезли два или три орудія. Странно, что паника не только не улеглась послѣ того, что наша батарея дала отпоръ непріятелю, но какъ будто озлобила противъ нея нѣкоторыхъ солдатъ, которые стрѣляли въ своихъ. Мои казаки видѣли, какъ солдаты разбили денежный ящикъ одного полка и разобрали всѣ деньги. Не было ли тутъ измѣны и не поскакали ли назадъ тѣ, которые хотѣли перейти къ непріятелю.

Доказательствомъ того, что было возможно ввести порядокъ въ обозѣ, служило то, что мои казаки потеряли только одинъ маленькій чемоданъ, сорвавшійся съ выюка и затоптанный шедшими сзади животными. Все остальное — лошади, мулы и вещи были доставлены въ цѣлости.

Я приказалъ отнести всѣ мои вещи въ фанзу, занимаемую офицерами нашего полка. Я попалъ къ обѣду, здѣсь были: симпатичный хорунжій Бурлаковъ, сотникъ Даркинъ, хорунжій Николаевъ и другіе. По случаю полкового праздника мы распили двѣ бутылки шампанскаго, привезенныя Бурлаковымъ изъ Харбина.

Даркинъ предложилъ купить у меня „Али“, мы сошлись въ цѣнѣ. Я продалъ также такія вещи, которыя увозить съ собою въ Россію не стоило, какъ-то: драгунское и струковское сѣдла, охотничье ружье и проч. Консервы и разные запасы я раздалъ, Бурлакову же поручилъ предложить для надобностей полка моихъ прекрасныхъ двухъ муловъ по цѣнѣ, какая будетъ установлена командиромъ полка или завѣдующимъ хозяйствомъ. Сво-

ихъ монгольскихъ лошадей—„Бѣлаго“ и „Голубка“ я подарилъ за добрую службу моимъ вѣстовымъ, Андрею и Петру. Кони были всегда въ цѣнѣ и за каждаго они могли получить отъ ста двадцати пяти до ста пятидесяти рублей. Забралъ я съ собою только вьючные чемоданы, немного бѣлья и необходимыхъ вещей, чтобы доѣхать до Россіи.

Простившись съ товарищами, я вернулся на этапъ въ Гунчжулинъ, гдѣ я долженъ былъ переночевать, такъ какъ поѣздъ на сѣверъ отходилъ утромъ въ девять часовъ.

18 марта. Было ясно, немного подморозило и затянуло лужи грязи.

Андрей и Петръ пришли проводить меня. Они вспоминали про разныя событія изъ совмѣстной боевой жизни въ Нерчинскомъ полку и, между прочимъ, рассказали, какъ у казаковъ, бывшихъ со мною въ отдѣлѣ, сложилось убѣжденіе, что у меня счастливая рука—этимъ они объясняли, что, будучи на крайнихъ передовыхъ позиціяхъ, мы ни разу не подверглись нечаяннымъ нападеніямъ, какъ то было съ Любавинымъ на Фейншуйлинѣ, съ Суботинимъ—въ Уй-ян-пинѣ и съ Оренбургскими сотнями. Было также замѣчено, что казаки, бывшіе со мною, не терпѣли значительнаго урона даже тогда, когда мы попадали подъ разстрѣлъ японцевъ чуть ли не въ упоръ.

Въ турецкую кампанію донцы тоже вѣрили, что мнѣ и моимъ казакамъ сходило благополучно то, что для другихъ имѣло бы роковой исходъ.

Офицеры, ѣхавшіе со мною въ одномъ вагонѣ въ Харбинъ, очень беспокоились о томъ, пропустятъ ли ихъ у Сунгари 2-й. Вслѣдствіе громаднаго отлива офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ арміи на сѣверъ послѣ Мукденскихъ боевъ, генералу Езерскому было поручено слѣдить за проѣздомъ всѣхъ чиновъ у станціи Сунгари 2-й и безпощадно возвращать обратно на позиціи всѣхъ тѣхъ, которые не могли представить перевязочныхъ свидѣтельствъ или предписаній высшаго начальства. Говорили, что въ теченіе двухъ недѣль энергичный генералъ вернулъ не мало генераловъ, офицеровъ и солдатъ. Разказы объ этомъ были навѣрно преувеличены, но, несомнѣнно, что дѣятельность генерала Езерскаго была очень плодотворна, если остановила повальное бѣгство изъ передовыхъ частей войскъ.

19 марта. Въ шесть часовъ вечера мы подошли къ Харбину. Я былъ радъ возможности раздѣться и лечь въ постель.

20 марта. Зашелъ ко мнѣ итальянскій морской агентъ капитанъ Камперіо, я его пригласилъ завтракать. Онъ говорилъ, что Рождественскій потерпитъ пораженіе, не дойдя до Владивостока. По его мнѣнію, мы болѣе продолжать войну не могли, необходимо было заключить скорѣе миръ, сохранивъ Владивостокъ и оставивъ за собою право держать флотъ въ Тихомъ океанѣ. Послѣ окончанія войны кредитъ Японіи изсякнетъ, Россія же, наоборотъ, будетъ пользоваться громаднымъ кредитомъ, которымъ надо будетъ воспользоваться для покупки и заказа, непременно на иностранныхъ верфяхъ, громаднаго современнаго флота, при чемъ личный составъ флота долженъ быть замѣненъ новымъ, воспитаннымъ на другихъ принципахъ. Тогда не нужно будетъ намъ помощи сухопутныхъ войскъ, чтобы играть подобающую роль въ Тихомъ океанѣ¹⁾.

28 марта. Пришелъ санитарный поѣздъ Императрицы Александры Θεодоровны, послѣ ремонта въ Никольскѣ-Уссурийскомъ и 30-го онъ отвозитъ раненыхъ и больныхъ въ Иркутскъ. Я былъ очень радъ этому случаю, позволявшему моей женѣ не покидать своего поѣзда до Иркутска, а мнѣ совершить этотъ длинный путь при наилучшихъ санитарныхъ условіяхъ.

Сестра Хомякова, побывавшая на лѣвомъ флангѣ у генерала Ренненкампа, передала мнѣ, что казаки Нерчинскаго полка говорили про меня, что я казаковъ понималъ и имъ вѣрилъ—что они во мнѣ это цѣнили; офицеры тоже хорошо отзывались обо мнѣ. Меня очень порадовало, что я оставилъ хорошую память въ полку.

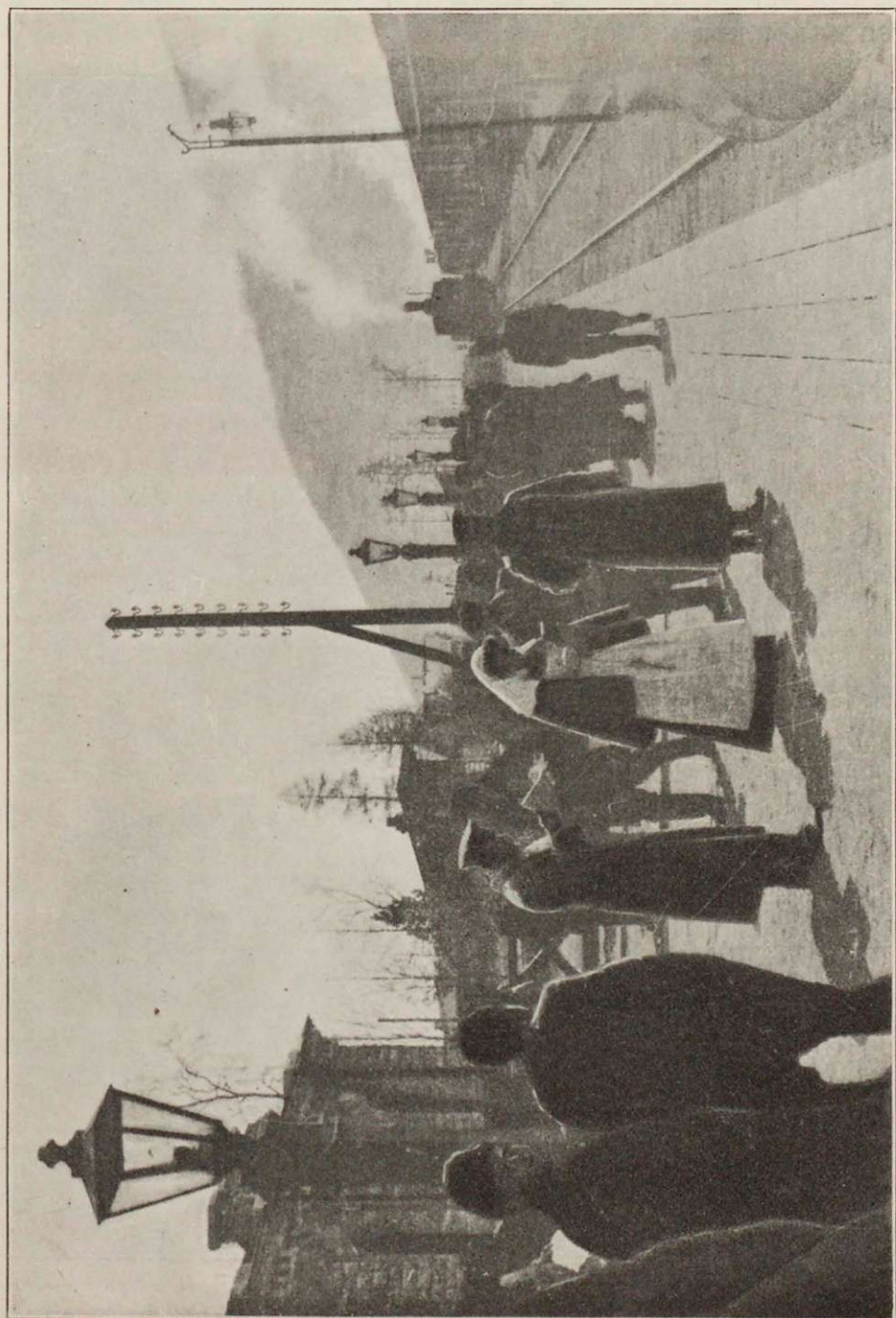
Въ чудномъ Либабскомъ госпиталѣ моя жена и я навѣстили ея племянника, артиллериста князя Голицына. Онъ припомнилъ, что видѣлъ меня издали, во время боя подъ Уй-цзы-юй-цзы и узналъ меня по фотографіямъ.

30 марта. Раненыхъ и больныхъ стали принимать въ санитарномъ поѣздѣ съ двухъ часовъ пополудни, я былъ принятъ въ числѣ эвакуируемыхъ въ Россію. Изъ Харбина мы отошли ночью.

3 апрѣля. Прибыли на ст. Манчжурія. Утромъ было — 12°, днемъ—11°. На большихъ станціяхъ находили иногда газеты, ихъ читали съ жадностью.

9 апрѣля. Пошли по кругобайкальской дорогѣ, со скоростью

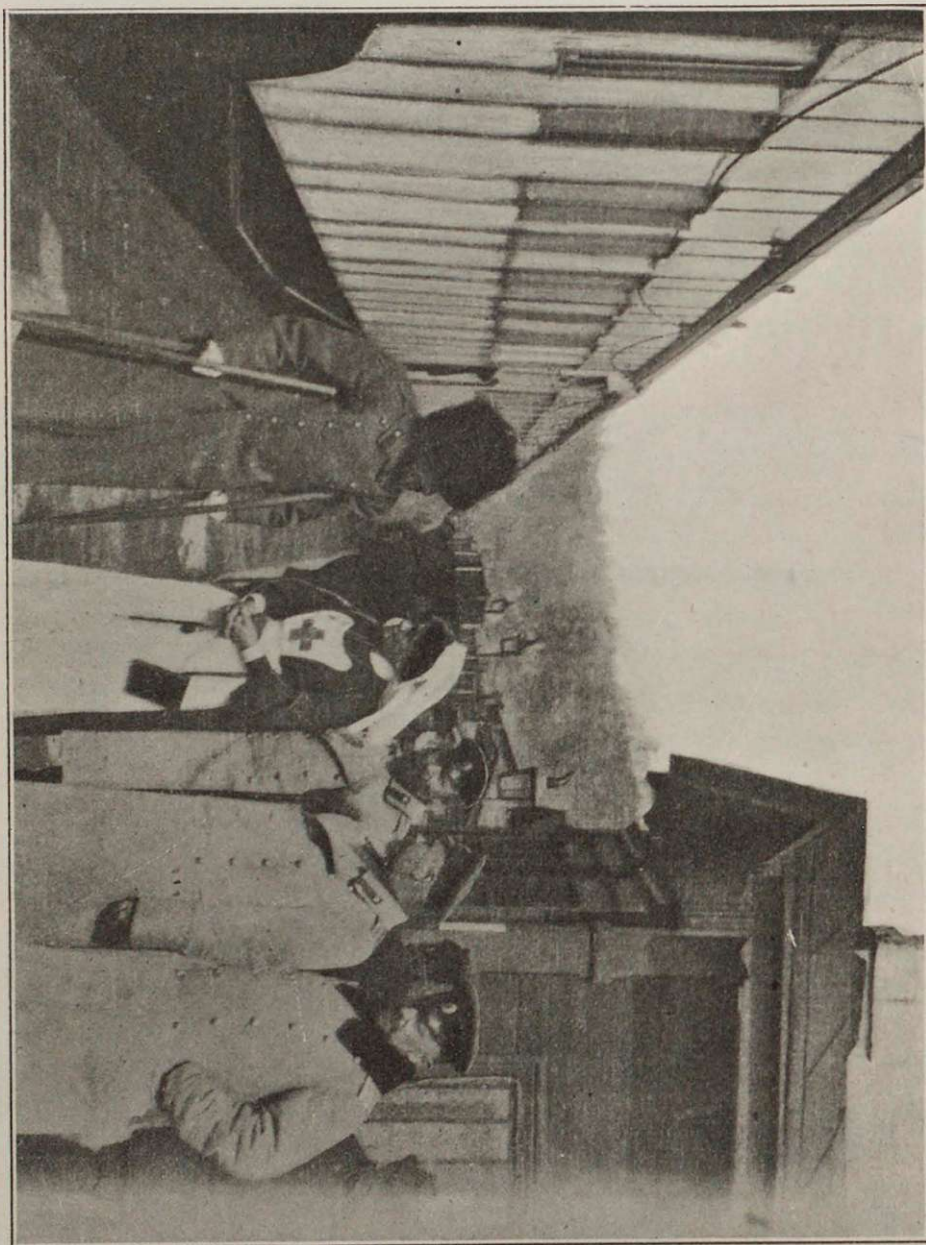
¹⁾ Я передалъ этотъ разговоръ потому, что онъ впоследствии оказался отчасти пророческимъ.

162. Вѣсти изъ Россіи.

двадцати верстъ въ часъ. Всего было 42 тоннеля. Дорога съ видами на Байкаль и на далекія горы очень красива.

Вечеромъ, на прощаніе, жена и я ужинали у Пѣшкова. Въ Иркутскъ пришли ночью.

163. Прощаніе съ бѣлымъ поѣздомъ.

10 апрѣля. По освидѣтельствованіи эвакуаціонной комиссіей больные и раненые получили удостовѣренія для слѣдованія въ Московскую внутреннюю эвакуаціонную комиссію.

11 апрѣля. Мы простились съ комендантомъ и персоналомъ

чуднаго бѣлаго поѣзда; всякій, кто въ немъ побывалъ, сохранить навсегда память о сердечности и самомъ внимательномъ обращеніи всѣхъ служащихъ въ немъ. Одинъ разъ только я слышалъ неодобрительные отзывы объ этомъ поѣздѣ — они исходили отъ того превосходительнаго врача, который сѣлъ въ него въ Тѣлинѣ и продолжалъ на немъ путь до Иркутска. Могу только сказать, что его слова были встрѣчены самымъ убѣжденнымъ протестомъ всѣхъ офицеровъ и мало кто помянетъ его самого добромъ.

Бѣлый поѣздъ ушелъ въ три часа дня на востокъ, а мы черезъ часъ тронулись на западъ. У насъ съ женою было два прекрасныхъ купе. Недурно кормили въ вагонъ-ресторанѣ.

Нѣсколько офицеровъ изъ нашей компаніи уѣхали вчера; къ сожалѣнію уѣхалъ симпатичный полковникъ Хаминъ, но зато, какъ компенсацію въ потерѣ такого пріятнаго спутника, мы избавились отъ генерала-доктора.

Всѣхъ разсмѣшило, когда за обѣдомъ кто-то сказалъ моей женѣ: „Сестра, что же до сихъ поръ намъ не подають обѣдать“.

15 апрѣля. Встрѣтили эшелонъ Фанагорійскихъ гренадеровъ. Говорили, что это были первыя подкрѣпленія, посланныя изъ Россіи послѣ нашей неудачи подъ Мукденомъ.

16 апрѣля. Въ одиннадцать часовъ вечера, на одной станціи послѣ Златоуста, священникъ, вызванный телеграммою, освятилъ столъ, приготовленный для разговленія по случаю Святой Пасхи. Мы похристосовались и разговѣлись.

17 апрѣля. Я былъ разбуженъ въ шесть часовъ утра криками, пѣніемъ, хлопаніемъ дверей нашихъ купе. Отворилась и моя дверь, глядѣли на меня два молодыхъ солдата совершенно пьяныхъ. Отъ меня они направились дальше, я выскочилъ раздѣтый, какъ былъ, и выгналъ ихъ изъ вагона. Мы были на ст. Бугульминскъ, рядомъ съ нами стоялъ поѣздъ съ воинскимъ эшелономъ отъ Гренадерской дивизіи, шедшей на пополненіе дѣйствующей арміи. Всѣ были пьяны и безобразничали. Молоденькій прапорщикъ въ новенькомъ мундирѣ, вѣроятно, только что произведенный, ходилъ взадъ и впередъ и, очевидно, ничего не могъ подѣлать съ буянами. Нѣсколько солдатъ старались что-то сломать у вагона, но, къ счастью, нашъ поѣздъ тронулся и хотя они бѣжали за нами, было уже поздно и мы отдѣлались отъ нихъ благополучно.

18 апрѣля. Въ восемь часовъ вечера прибыли въ Москву. На слѣдующій день выѣхали въ Петербургъ.

25 апрѣля. Меня освидѣтельствовали въ послѣдній разъ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ.

Изъ Главнаго Штаба я получилъ удостовѣреніе въ томъ, что мнѣ разрѣшено выѣхать для лѣченія за границу, безъ расходовъ для казны.

.

По заключеніи мира я подалъ въ отставку.

RM - 1492.

С.-Петербург.

№ 12

1124

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

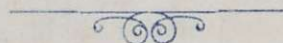
ЗАПИСКИ КАЗАЧЬЯГО ОФИЦЕРА

Бойна 1877—1878 года.

(ИЛЛЮСТРАЦИИ АВТОРА).

Цена въ оберткѣ. **4** руб.

„ „ коленкор. переплетѣ. . . . **5** „

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ:

въ Складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная ул., д. 14.

0

10K-T
M3

2007089852